

ОЧЕРКЪ ПОХОДА
1829 г.
ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

Часть III

(последняя).

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

Н. Епанчинъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1906.

ОЧЕРКЪ ПОХОДА
1829 г.
ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦИИ.

Часть III

(последняя).

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ БАЛКАНЫ.

Н. Епанчинъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ. Моховая, 40.
1906.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

	СТРАН.
<i>Подготовка къ переходу черезъ Балканы</i>	3
<p>Очеркъ Балканскаго хребта и мѣстности къ югу отъ него.—Дороги черезъ Балканы.—Подготовка къ переходу черезъ Балканы.—Сборъ свѣдѣній о неприятелѣ.—Рѣшеніе Дибича идти за Балканы.—Сосредоточеніе нашихъ войскъ подъ Шумлой.—Распределеніе войскъ для перехода черезъ Балканы.—Планъ перехода черезъ Балканы.—Обезпеченіе войскъ продовольствіемъ.</p>	

ГЛАВА II.

<i>Переходъ черезъ Балканы</i>	33
<p>Выступленіе нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы.—Движеніе лѣвой колонны ген. Рота.—Движеніе правой колонны ген. Ридигера.—Движеніе резерва гр. Палена.—Дѣйствія отряда ген. Красовскаго.—Дѣйствія визира.—Донесенія Дибича Императору Николаю.—Переправа черезъ Камчикъ.—Переправа у Кебрикія и Чалы-Малы.—Дѣйствія авангарда.—Дѣйствія колонны г.-м. Жирова.—Атака Кебрикія.—Переправа черезъ Камчикъ у Дервишъ-Іована.—Движеніе резерва гр. Палена.—Положеніе нашихъ войскъ 7-го іюля вечеромъ.—Мѣры противъ чумы.—Письмо Императора Николая къ Дибичу.—Наступленіе нашихъ войскъ послѣ переправы черезъ Камчикъ.—Дѣйствія нашихъ войскъ 10 іюля.—Дѣйствія колонны Ридигера.—Дѣйствія колонны Рота.—Взятіе Миземвріи.—Дѣйствія резерва 10-го іюля.—Положеніе нашихъ войскъ вечеромъ 10-го іюля.—Дѣйствія нашихъ войскъ 11-го іюля.—Дѣйствія нашихъ войскъ 12-го іюля.—Занятіе Бургаса и Сивополя.—Окончаніе перехода черезъ Балканы.—Положеніе обѣихъ сторонъ подъ Шумлой 8—15 іюля.</p>	

ГЛАВА III.

<i>Дѣйствія за Балканами</i>	82
<p>Очеркъ мѣстности.—Наступленіе къ Айдосу.—Положеніе нашей арміи послѣ перехода черезъ Балканы.—Участіе христіанъ Балканскаго полуострова въ войнѣ съ турками.—Взятіе Айдоса 13 іюля.—Дѣйствія нашихъ войскъ 15 іюля.—За-</p>	

няті Ямболя 18 юлія.—Положеніє обѣихъ сторонъ подъ Шумлой 16—23 юлія.—
Овладѣніє проходомъ Чалыкавакъ.—Предположеніє Дибича о наступленіи къ
Адріанополю.—Прибытіє подкрѣпленій къ нашей арміи.—Устройство заво-
ваннаго края.—Сраженіє при Сливно.—Первоначальное развертываніє нашихъ
войскъ.—Переходъ въ наступленіє.—Заключеніє.

Г Л А В А I V.

Наступленіє къ Адріанополю 131

Очеркъ обстановки.—Диспозиція на 2-е августа.—Переходъ 4-го августа.—
Переходъ 5-го августа.—Прибытіє арміи къ Адріанополю.—Описаніє Адріа-
нополя.—Положеніє нашей арміи передъ Адріанополемъ.—Положеніє турокъ
въ Адріанополь.—Переговоры о сдачѣ Адріанополя.—Диспозиція на 8-е
августа.—Занятіє Адріанополя.

Г Л А В А V.

Русскіє въ Адріанополь 155

Начало переговоровъ о мирѣ.—Положеніє нашей арміи въ Адріанополь.—
Свѣдѣнія о неприятелѣ.—Предположенія Дибича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на-
шей арміи.—Мнѣніє Дибича о веденіи мирныхъ переговоровъ.—Мнѣніє Импе-
ратора Николая о веденіи переговоровъ.—Проектъ Дибича о дѣйствіяхъ нашихъ
войскъ въ случаѣ упорства турокъ.—Мнѣніє Императора Николая о занятіи
Константинополя.—Могъ-ли Дибичъ взять Константинополь въ половинѣ авгу-
ста 1829 года.—Очеркъ мѣстности между Адріанополемъ и Константинопо-
лемъ.—Описаніє Дарданеллъ.—Описаніє Константинополя.—Описаніє Бос-
фора.—Заключеніє о военномъ значеніи Константинополя.—Отношеніє по-
сланниковъ западно-европейскихъ державъ въ Константинополь къ мир-
нымъ переговорамъ.—Пріємъ Дибичемъ турецкихъ уполномоченныхъ.—Пер-
вое засѣданіє о мирныхъ переговорахъ.—Второе засѣданіє.—Продолженіє воен-
ныхъ дѣйствій.—Возобновленіє переговоровъ.—Подписаніє мира.—Содержаніє
адринопольскаго договора.—Турки медлятъ ратифицировать договоръ.—Ратифи-
кація мира.—Сдача Журжи.—Выступленіє Дибича изъ Адріанополя.—По-
сольство графа Орлова въ Константинополь.—Манифестъ объ окончаніи войны
и награды.

Г Л А В А VI.

Дѣйствія подъ Шумлою (съ 24-го юлія до конца похода) 223

Выступленіє отряда Красовскаго изъ Енибазара къ Шумлѣ 24 юлія.—
Дѣло у Мачинскаго редута 25 юлія.—Дѣйствія авангарда кн. Горчакова 25 и
26 юлія.—Усиленная развѣдка турецкой позиціи между д. Чингель и д. Труд-
жею 27 юлія.—Дѣйствія авангарда кн. Горчакова у Демиркюя 27 юлія.—Дѣло
у Мачинскаго редута 28 юлія.—Движеніє Красовскаго къ Кадыкюю 4 авгу-
ста.—Сосредоточеніє всего корпуса у Мадерды 5 августа.—Очищеніє Пра-

водъ нашими войсками 11 августа.—Поиски на экистамбульскую и разградскую дороги 14 августа.—Извѣстіе о занятіи Адрианополя.—Свиданіе съ визиремъ 16 августа; переговоры о перемиріи.—Свиданіе съ Гуссейномъ 18 августа и прекращеніе переговоровъ.—Мѣншіе визиря о переговорахъ.—Начало осадныхъ работъ 18 августа и ходъ ихъ до 25 августа.—Поискъ кн. Мадатова.—Двѣ атаки турокъ 25 августа.—Вылазка турокъ 29 августа.—Свиданіе Красовскаго съ Гуссейномъ 1 сентября.—Поискъ ген.-м. Муравьева 2 сентября.—Планъ атаки Шумы Красовскаго.—Извѣстіе о заключеніи мира.—Смерть и похороны кн. Мадатова.—Молебствіе и парадъ 8 сентября.—Возвращеніе турками нашихъ плѣнныхъ.—Письмо гр. Чернышева Красовскому отъ 28 августа 1829 г.—Ученые турецкихъ войскъ 11 сентября.—Положеніе нашихъ войскъ подъ Шумлою въ концѣ сентября и въ октябрѣ.

ГЛАВА VII.

Дѣйствія отряда генераль-адъютанта Киселева 259

Назначеніе генераль-адъютанта Киселева командовать войсками на лѣвомъ берегу Дуная.—Предположеніе Киселева о дѣйствіяхъ его отряда.—Замѣчанія Дибича на предположеніе Киселева.—Приказъ по арміи о назначеніи Киселева.—Инструкція Дибича Киселеву.—Составъ отряда Киселева.—Задача данная отряду Киселева.—Прѣздъ Киселева въ Бухарестъ.

Дѣйствія въ Большой Валахіи.

Дѣйствія подъ Журжею.—Предположеніе о взятіи Журжи.—Отказъ Дибича осаждать Журжу и Рущукъ.—О дѣйствіяхъ подъ Турно, Кале и Никоподемъ: дѣйствія подъ Турно и Кале; нападеніе на турецкій лагерь при устьѣ р. Осмы; нападеніе турокъ на Турно и Кале; срытіе Турно; проектъ взятія Никополя; рѣшеніе не атаковать эту крѣпость.

Дѣйствія въ Малой Валахіи.

Составъ и расположеніе отряда генераль-адъютанта Гейсмара.—Задача отряда Гейсмара.—Слухи о наступленіи Скодрскаго пашы.—Отношеніе Гейсмара и Киселева къ этимъ слухамъ.—Проектъ Киселева о наступательныхъ дѣйствіяхъ.—Согласіе Дибича на наступательныя дѣйствія отряда Киселева за Дунаемъ.—Взятіе Рахова (Орсова) 28-го мая 1829 года.—Предположеніе Гейсмара объ отступленіи изъ Рахова.—Рѣшительное приказаніе Дибича не очищать Рахова.—Отступленіе Гейсмара изъ Рахова.—Неудовольствіе Дибича по поводу очищенія Рахова и приказаніе дѣйствовать наступательно.—Донесеніе Дибича государю о дѣйствіяхъ Гейсмара.

ГЛАВА VIII.

Санитарное состояніе нашей арміи за время похода 1829 г. . . 321

Санитарное состояніе нашей арміи за время похода 1829 г.—Краткій очеркъ продовольственной части во время похода 1829 года.—Окупація Румелии и Болгаріи.—Предположенія о возможности новой войны.—Возвращеніе нашихъ войскъ въ Россію.—Вступленіе гвардіи въ Петербургъ.—Посольство Галиль-пашы въ Петербургъ.—Возобновленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Турціей

Общее заключение 357

Подготовка успеха войны 1828—1829 гг. въ политическомъ отношеніи.— Оцѣнка работъ по подготовкѣ дѣйствующей арміи къ походу.—Роль центральныхъ военныхъ управленій въ работахъ по приведенію арміи на военное положеніе.—Роль главнокомандующаго и штаба 2-й арміи въ работахъ по подготовкѣ ея къ походу.—Организація управленія армій въ 1828 году и въ 1829 году.—Сравненіе положенія гр. Витгенштейна и гр. Дибича, какъ главнокомандующихъ.—Разработка плана войны для похода 1828 г.—Разработка плана войны для похода 1829 г.—Оцѣнка плана похода 1829 г.—Сравненіе характера подготовительныхъ работъ къ походу 1828 г. и къ походу 1829 г.—Значеніе общаго направленія обученія войскъ до войны 1828-1829 гг. и оцѣнка дѣйствій нашихъ войскъ во время этой войны.—Оцѣнка дѣйствій нашей арміи во время похода 1828 года.—Оцѣнка дѣйствій нашей арміи во время похода 1829 г.—Заключеніе о дѣйствіяхъ подъ Силистрією.—Оцѣнка Кузевчинской операціи.—Заключеніе о переходѣ черезъ Балканы.—Положеніе обѣихъ сторонъ послѣ перехода черезъ Балканы.—Наступленіе на Адрианополь.—Наступленіе къ Константинополю.—Жертвы и результаты войны.—Значеніе войны 1828-1829 гг. для нашихъ послѣдующихъ войнъ съ Турціей.—Паралель между походомъ 1828-1829 гг. и походомъ 1877-1878 гг.—Заключеніе.





ГЛАВА I.

Подготовка къ переходу черезъ Балканы.

Очеркъ Балканскаго хребта и мѣстности къ югу отъ него. — Дороги черезъ Балканы. — Подготовка къ переходу черезъ Балканы. — Сборъ свѣдѣній о непріятелѣ. Рѣшеніе Дибича идти за Балканы. — Сосредоточеніе нашихъ войскъ подъ Шумлой. Распределеніе войскъ для перехода черезъ Балканы. — Планъ перехода черезъ Балканы. — Обеспеченіе войскъ продовольствіемъ.

Очеркъ Балканскаго хребта и мѣстности къ югу отъ него.

Участокъ Балканскаго хребта, на которомъ происходили военныя дѣйствія во время перехода нашей арміи черезъ эти горы, ограничивается съ запада меридіаномъ Османъ-Базара, а съ востока берегомъ Чернаго моря.

Къ сѣверу отъ Сливно, отъ горы Демиръ-кану (Темиръ-кану, что значитъ желѣзныя ворота), отдѣляется на сѣверо-востокъ отъ главнаго хребта Балканъ, цѣпь горъ, извѣстная подъ названіемъ Кучукъ-Балканы (малые Балканы). Отъ Демиръ-кану эта цѣпь тянется сѣвернѣе Казана и далѣе занимаетъ мѣстность къ сѣверу отъ Беюкъ-Камчика. Эта цѣпь раздѣляется на многія отрасли, направляющіяся къ Османъ-Базару, къ Шумлѣ, а мелкія вѣтви тянутся къ Дунаю и Варнѣ.

Другая цѣпь тянется параллельно этой цѣпи, между Беюкъ-Камчикомъ и Кучукъ-Камчикомъ. Она имѣетъ высоту отъ 2 до 3000 футовъ и составляетъ самую высокую часть Балканскаго хребта между Сливно и Чернымъ моремъ. Третья цѣпь идетъ южнѣе и ограничена съ сѣвера теченіемъ Дели-Камчика и южнѣе теченіемъ

Беюкъ-Камчика, а съ юга р. Надырь-Дербентъ. Она кончается у мыса Эмине-Бурну (Кале-Кастро).

Длина этой части Балканскаго хребта отъ Демиръ-капу до Эмине-Бурну, около 120 верстъ, а ширина (считая за сѣверную границу линію Шумла—Варна и за южную линію Сливно—Карнабатъ-Айдосъ—Эмине-Бурну) около 60—70 верстъ. Сѣверная граница отстоитъ отъ нижняго Дуная на 200 верстъ. Къ югу отъ изслѣдуемаго участка Балканъ находится холмистая мѣстность вплоть до береговъ Чернаго и Эгейскаго морей.

Сѣверный скатъ горъ пологій, изрѣзанный множествомъ ущелій, и представляется въ видѣ лабиринта горныхъ хребтовъ. Эти передовыя горы имѣютъ совершенно другой характеръ. чѣмъ средняя часть хребта.

Вершины этихъ горъ образуютъ плоскости, оканчивающіяся отвѣсными скалистыми обрывами отъ 10 до 100 футовъ высотой: подъемъ на эти обрывы возможенъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: горы эти большею частью покрыты чрезвычайно густымъ кустарникомъ, черезъ который едва можно пробраться. Подошвы этихъ горъ и равнины покрыты на необозримое пространство низкимъ дубовымъ кустарникомъ, очень затрудняющимъ передвиженіе, а дороги, проходящія по жирной, глинистой почвѣ дѣлаются труднопроходимыми въ дождливое время года.

Болѣе возвышенныя части хребта состоятъ изъ куполообразныхъ вершинъ; онѣ покрыты густыми лиственными лѣсами, деревья которыхъ иногда достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ долинахъ этой части хребта иногда встрѣчаются высокія скалистыя массы. Въ этой части горъ наступающій можетъ воспользоваться для перехода черезъ нихъ сѣдловинами, которыя значительно ниже горъ и встрѣчаются довольно часто.

Южный склонъ этихъ горъ имѣетъ совсѣмъ другой характеръ. чѣмъ сѣверный: онъ крутъ и большею частью лишень древесной растительности. При такомъ строеніи Балканскихъ горъ проходимость ихъ, казалось-бы, не должна была подлежать никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что въ разныя времена горы эти были пройдены не разъ войсками разныхъ народовъ. Такъ, въ свое время, ихъ проходили римляне, а впоследствии разныя варварскіе народы, воевавшіе противъ Византійской имперіи. Предки наши тоже не разъ проходили Балканы, а именно конница Олега шла по береговой дорогѣ вдоль берега Чернаго моря, а дружины Святослава доходили до Адрианополя: послѣ того и турки двигали черезъ Балканы свои

подчища. Во всякомъ случаѣ тотъ участокъ Балканскаго хребта, черезъ который предстояло идти Дибичу, безспорно былъ самый доступный.

Однако же большинство военныхъ людей того времени считали Балканы непроходимыми для значительныхъ силъ. Убѣжденіе это основывалось на томъ соображеніи, что войска должны были встрѣтить въ Балканахъ на протяженіи отъ трехъ до шести переходовъ, безчисленное множество малыхъ препятствій, которыя наступающему нужно было устранять постепенно, шагъ за шагомъ что очень должно было замедлять движеніе: затѣмъ затрудненія увеличивались еще отъ недостаточнаго числа дорогъ и плохого ихъ состоянія. Великолѣпные балканскіе лѣса почти сплошь покрывали горы и представляли большое препятствіе для наступающаго. Населеніе въ Балканахъ было весьма рѣдкое, деревень было весьма мало, чѣмъ и объясняется малочисленность дорогъ. Притомъ большинство этихъ дорогъ совершенно были непригодны для колеснаго движенія. Даже въ равнинѣ, къ сѣверу отъ хребта, гдѣ дороги были лучше, чѣмъ въ горахъ, было удобнѣе переѣзжать верхомъ, а грузы перевозить на вьюкахъ. Такимъ образомъ при движеніи въ Балканахъ значительныхъ отрядовъ съ артилеріей и обозами войска должны были прежде всего позаботиться о расширеніи и исправленіи дорогъ, даже лучше сказать, должны были пролагать новыя дороги; безъ этого движеніе было крайне затруднительно, а работы по устройству и улучшенію дорогъ требовали много времени и замедляли ходъ операцій.

Населеніе горъ состояло изъ турокъ и болгаръ; первые жили большею частью въ городахъ и мѣстечкахъ, а вторые были разсѣяны въ небольшихъ селеніяхъ (кулиби) и занимались главнымъ образомъ скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Населеніе на южномъ склонѣ хребта и къ югу отъ него состояло по большей части изъ грековъ.

Климатъ восточной части Балканскаго хребта въ іюль и августъ отличается удушливыми жарами днемъ и холодомъ ночью; эти рѣзкія колебанія температуры вредно дѣйствовали на здоровье войскъ.

Дороги черезъ Балканы. Пути, которыми могли воспользоваться наши войска, при переходѣ черезъ Балканы, были слѣдующія:

- 1) Дорога изъ Османъ-Базара въ Казань, которая далѣе раздѣлялась—вправо на Сливно и влѣво на Карнабатъ и Доброль.
- 2) Изъ Шумлы черезъ Чалыкавакъ и Доброль въ Карнабатъ.

3) Изъ Козлуджи въ Праводы и далѣе черезъ Кеприкюй или черезъ Ешикюй въ Айдось.

4) Изъ Варны черезъ Дервишь-Джеванъ въ Миземврию и Бургасъ.

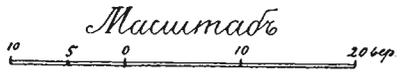
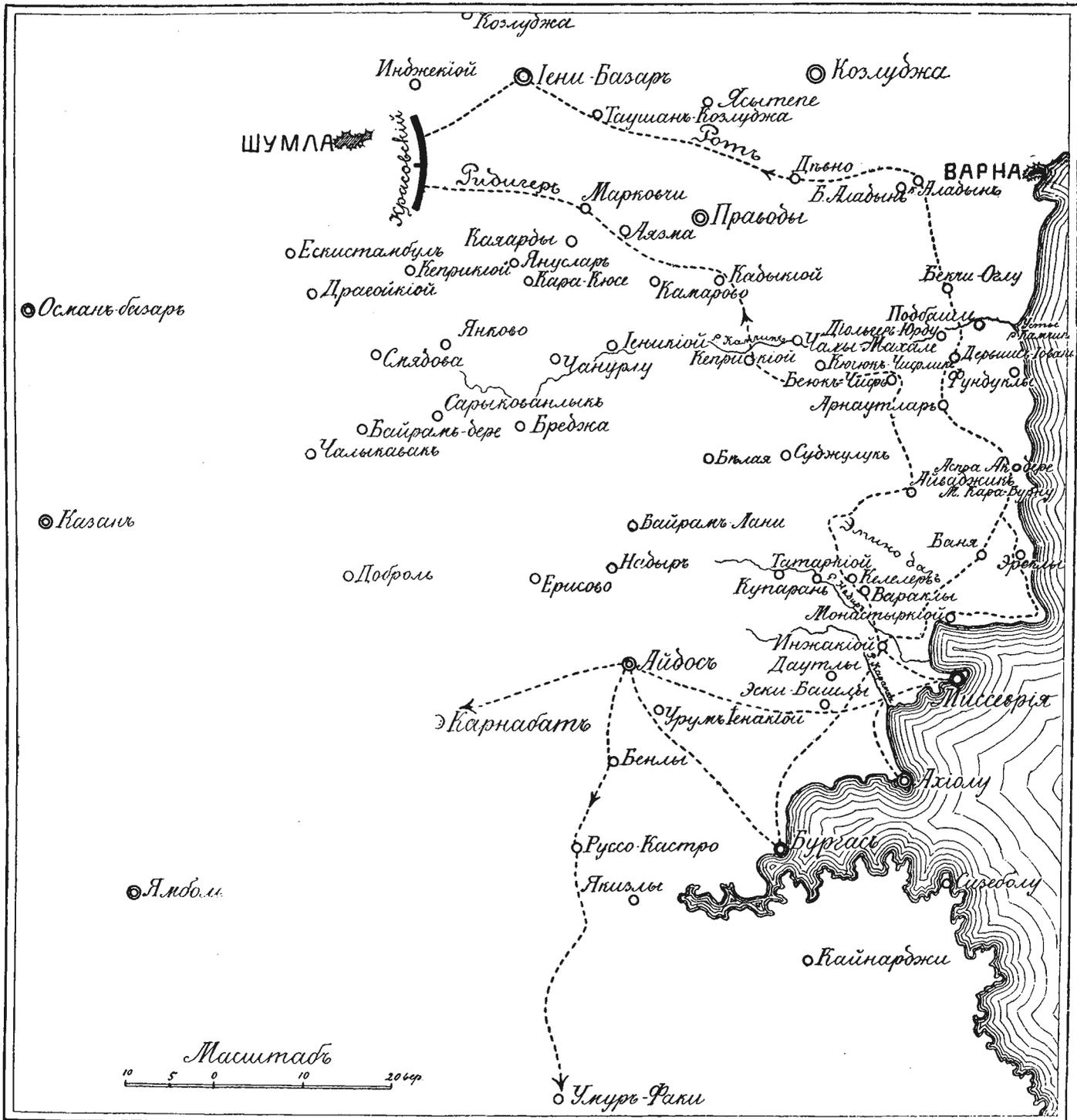
Поперечныхъ путей, которые соединяли-бы эти дороги, въ Балканахъ не было, исключая только долину Камчика и южнаго склона главнаго хребта, гдѣ была поперечная дорога изъ Миземврии и Бургаса въ Айдось, Карнабатъ и Сливно.

Это условіе также затрудняло переходъ черезъ горы, ибо колонны наступающаго должны были выходить изъ горъ порознь. Такимъ образомъ, если бы непріятель расположилъ свои главныя силы въ центральномъ мѣстѣ за хребтами, напримѣръ при Айдосѣ, и охранялъ авангардами проходы, то онъ могъ бы бить наступающаго по частямъ. Но разумѣется для этого надо было имѣть войска способныя къ маневрированію.

Опишемъ вкратцѣ каждую изъ четырехъ указанныхъ выше дорогъ.

1) *Дорога изъ Османъ-Базара въ Казань, а оттуда одна вѣтвь— въ Сливно, а другая—въ Карнабатъ и Доброль.*

Тотчасъ за Османъ-Базаромъ дорога эта поднимается по открытой мѣстности на высоту Бипаръ-дага. Недалеко отъ Казана, тамъ гдѣ начинается крутой спускъ къ этому городку, расположены два форта, среди высокихъ голыхъ утесовъ. Казань—это маленькій, тѣсный городокъ, одно названіе котораго, означающее *котель*, уже указываетъ на глубокое положеніе, занимаемое имъ среди высокихъ скалистыхъ утесовъ. Здѣсь сходятся двѣ дороги—на Сливно и на Карнабатъ. Дорога на Сливно особенно затруднительна и представляется въ видѣ ряда крупныхъ подъемовъ и спусковъ, такъ какъ она пересѣкаетъ множество глубокихъ лѣсныхъ долинъ, изъ которыхъ вытекаютъ ручьи, впадающіе въ Камчикъ. Спускъ къ Сливно особенно крутъ и извилистъ. Въ долину вступаешь въ совершенно иной климатъ, чѣмъ на горахъ. Масличныя деревья и виноградные сады, кустарники хлопчатника и роскошная растительность, указываютъ на близость румелійской равнины, въ которой снѣгъ исчезаетъ въ то время, когда онъ еще покрываетъ болгарскую равнину. Отвѣсная, голая, скалистая стѣна Балканъ производитъ необыкновенно величественное впечатлѣніе, если смотрѣть на горы изъ Сливно. Городокъ этотъ имѣлъ ружейную и множество суконныхъ фабрикъ. Далѣе къ югу, въ направленіи къ Ямболи и Адрианополю край не особенно хорошо обработанъ. Необозримыя равнины были покрыты тернистымъ кустарникомъ и обширныя, прекрасныя луга лѣтомъ совершенно выгораютъ отъ жгучихъ лучей солнца.



Большое число притоков Тунджи сильно разливается от дождей и они проходимы только по мостамъ. Путь отъ Османъ-Базара на Сливно такимъ образомъ не представлялъ удобства для движенія значительнаго отряда. Кромъ того недостатокъ его заключался въ томъ, что онъ начинался въ непосредственной близости Шумлы и былъ очень удаленъ отъ моря: слѣдовательно продовольствованіе войскъ, двинувшихся по этой дорогѣ, было-бы крайне затруднительно, а тылъ ихъ легко подвергался покушеніямъ турокъ со стороны Шумлы.

2) *Дорога изъ Шумлы черезъ Чалыковакъ и Доброль въ Карнабатъ.*

Первое препятствіе, которое войска должны были встрѣтить при движеніи по этой дорогѣ—это былъ Бекюкъ-Камчикъ. Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣла ширину 20—30 шаговъ, малую глубину и крѣпкое, каменистое дно, все это не затрудняло переправу; также удобопроеходимымъ былъ и ручей Бейрамъ. У Чалыковака имѣлось хорошее бивачное мѣсто съ подножнымъ кормомъ и лѣсомъ. Но переходъ отсюда въ Доброль былъ весьма затруднителенъ. Дорога поднималась черезъ глубокіе овраги, вдоль по отвѣснымъ утесамъ, на высоту, обороняемую старымъ фортомъ, и затѣмъ круто спускалась къ Дели-Камчику, образуя длинныя, легко-обороняемыя тѣсины. Въ этомъ мѣстѣ Дели-Камчикъ проходимъ вбродъ и черезъ него имѣлся деревянный мостъ. За рѣкою дорога сначала круто извивалась вверхъ по лѣсистымъ горамъ и затѣмъ полого, по открытой мѣстности, спускалась къ Добролю. Далѣе до Карнабата дорога шла по пересѣченной мѣстности, покрытой кустарникомъ и перерѣзанной множествомъ ручейковъ. Въ Карнабатѣ также имѣлось удобное бивачное мѣсто. Отсюда по направленію къ Адрианополю войска должны были встрѣтить труднопроходимое Дербентское ущелье и по всей вѣроятности должны были бы терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ и подножномъ кормѣ.

Слѣдовательно и этотъ путь, вслѣдствіе затруднительности движенія, недостатка продовольствія, близости Шумлы къ началу его и удаленія отъ моря былъ неудобенъ для движенія значительнаго отряда.

3) *Дорога изъ Праводъ, черезъ Кепрікюй (Кіоприкіюй), или черезъ Еникюй въ Айдогъ.*

Дорога изъ Праводъ черезъ Кепрікюй была весьма затруднительна для движенія, такъ какъ на ней войска должны были встрѣ-

тить много препятствій. Рѣка Праводы, равно какъ рѣка Кадыкіой, проходима только по мостамъ, хотя у Кепрікіоя черезъ Беоку-Камчикъ былъ мостъ, но переправа въ этомъ мѣстѣ представляла много затрудненій, вслѣдствіе глубины рѣки и неудобныхъ бродовъ; однако затрудненій этихъ можно было избѣгнуть, перейдя рѣку выше или ниже этой деревни. Зато дальнѣйшее движеніе въ одной колоннѣ по глубокой долинѣ Делидже-дере, длиною въ три мили, было весьма затруднительно. Этотъ проходъ называется Киркѣ-Геджидѣ или сорокъ бродовъ, такъ какъ здѣсь рѣчка всюду проходима: у Гакбечуэ - Аракджи высокія отвѣсныя скалы суживаютъ долину до ширины 50 шаговъ, вслѣдствіе чего она можетъ быть совершенно заперта въ этомъ мѣстѣ.

Что касается пути изъ Праводѣ черезъ Еникіой, то онъ гораздо удобнѣе, ибо здѣсь Камчикъ имѣетъ только шаговъ 30 ширины и его можно перейти при помощи парома, а лѣтомъ даже въ бродѣ. Здѣсь правый берегъ рѣки не покрытъ лѣсомъ. Далѣе у Ченги Дели-Камчикъ проходимъ вбродѣ повсюду, но далѣе къ югу подъемъ очень крутъ.

Такимъ образомъ дорога изъ Праводѣ на Еникіой и Ченгу удобнѣе дороги черезъ Кепрікіой.

1) Дорога изъ Варны черезъ Дервишъ-Джеванъ (Дервишъ-Гованъ) въ Миземврію и Бургасъ.

Недалеко отъ Варны дорога эта вступала въ лѣса, раскинутые по не очень крутымъ горамъ. У деревни Падбаши дорога переходила черезъ соединенный Камчикъ, берега котораго въ этомъ мѣстѣ весьма болотисты, ширина его около 50 шаговъ.

Рѣка имѣла обрывистые берега отъ 6 до 12 футовъ высоты, а болотистая лѣсистая низменность была шириною въ 5000 шаговъ.

Турки въ 1827 году выстроили въ этомъ мѣстѣ укрѣпленіе, расположенное у самаго берега.

Другія укрѣпленія были возведены на отлогой высотѣ у Дервишъ-Джевана. У этой деревни дорога раздѣлялась на два узкихъ пути, идущихъ въ Миземврію и Бургасъ. Обѣ эти дороги имѣли умѣренные подъемы и спуски, но пролегали по лѣсамъ, почти совершенно непроходимымъ. Лѣсъ повсюду былъ очень густой и почти сплошной, такъ что нигдѣ не встрѣчалось полянъ, на которыхъ можно бы было развернуть войска.

Такимъ образомъ на обѣихъ этихъ дорогахъ войска должны были

встрѣтитъ два главныхъ препятствія—нижній Камчикъ и непрерывныя лѣсныя тѣснины южнѣе его.

Сравнивая качества четырехъ описанныхъ нами дорогъ, мы должны сдѣлать выводъ, что всѣ онѣ представляли для войскъ не мало затрудненій; притомъ двѣ западныхъ были не удобны въ томъ отношеніи, что войска двигались далеко отъ моря и въ тылу имѣли Шумлу, а двѣ восточныхъ—были удобнѣе въ томъ отношеніи, что, двигаясь по нимъ, въ особенности по ближайшей къ морю, войска могли пользоваться содѣйствіемъ флота, что было очень важно для успѣха продовольствованія войскъ.

Подготовка къ переходу «Поспѣшите съ подготовительными работами черезъ Балканы. Сборъ тамъ къ переходу черезъ горы», писалъ Императоръ Николай Дибичу 21-го іюня 1829 г. изъ Тульчина).

Въ отвѣтъ на донесеніе Дибича о побѣдѣ при Кулевчѣ, Императоръ Николай, между прочимъ писалъ ему о послѣдующихъ дѣйствіяхъ арміи, что осада Шумлы едва ли будетъ цѣлесообразна. «Шумла—пріобрѣтеніе полезное, но не необходимое, между тѣмъ какъ пріотворенія къ переходу черезъ Балканы—это цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ собою, и къ достиженію которой вы должны направить всѣ ваши усилія»²⁾.

Какъ мы уже знаемъ, Дибичъ отложилъ совершеніе перехода черезъ Балканы до паденія Силистріи и присоединенія къ арміи отряда Красовскаго. Тѣмъ временемъ, т. е. въ теченіе іюня, собирались свѣдѣнія о расположеніи турецкихъ войскъ, о путяхъ ведущихъ черезъ Балканы и другія данныя, служившія матеріаломъ для составленія плана будущихъ операцій при переходѣ черезъ горы.

Сборъ этихъ свѣдѣній представлялъ не малыя затрудненія и, какъ всегда, свѣдѣнія имѣли отрывочный и неопредѣленный характеръ, такъ что главнокомандующему не легко было сдѣлать выводъ о дѣйствительномъ положеніи противника. Свѣдѣнія собирались черезъ особо посылаемыхъ развѣдчиковъ, почерпались изъ опросовъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, а также съ этой цѣлью посылались агенты и шпіоны. Послѣдній способъ сбора свѣдѣній былъ у насъ очень развитъ и изъ этого источника въ штабѣ 2 арміи черпали обильныя данныя.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (б), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 21-го іюня 1829 г. изъ Тульчина.

²⁾ В. У. А. № 2895 (б), письмо Имп. Николая отъ 9-го іюня 1828 г. изъ Варшавы.

Такъ, еще въ началѣ іюня Дибичъ получилъ отъ одного изъ агентовъ весьма подробное донесеніе, «заключавшее въ себѣ разнородныя извѣстія изъ Гурціи». «Внѣшнія сношенія, писалъ агентъ, крайне стѣснены, а потому съ трудомъ и опасностью доставляются свѣдѣнія нужныя и любопытныя. Выписка составлена изъ разныхъ частныхъ тайныхъ писемъ, полученныхъ отъ преданныхъ лицъ къ нашему правительству. Не взирая на пламенное усердіе многихъ, на каждомъ шагѣ встрѣчаются значительныя препятствія въ сношеніяхъ, а тѣмъ болѣе еще въ содѣйствіяхъ»¹⁾.

Изъ донесеній Лазарева было видно, что турки рѣшили «вести войну съ большимъ упорствомъ, съ сугубымъ истощеніемъ всѣхъ зависящихъ средствъ и съ наивящимъ воспламененіемъ мусульманъ къ ратоборству». Султанъ Махмудъ принималъ энергичныя мѣры для формірованія новыхъ частей войскъ и сильно покровительствовалъ иностранцамъ, состоявшимъ на турецкой службѣ, съ цѣлью улучшенія и преобразованія турецкой арміи. Далѣе сообщалось, что всего въ разныхъ мѣстахъ Европейской Турціи имѣлось до 250 тысячъ войска, что турки упорно будутъ оборонять Русуку и что сераскиръ находится въ Айдошъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Лазаревъ доносилъ, что турки сильно нуждаются въ продовольствіи и что вновь назначенъ усиленный сборъ принасовъ въ филиппопольскомъ округѣ.

Подтвержденіе того свѣдѣнія, что турки намѣрены упорно оборонять Русуку послѣ паденія Силистріи, было получено отъ генералъ-адъютанта Киселева отъ 13-го іюня²⁾.

Послѣ кулевчинскаго разгрома, визирь рѣшилъ вызвать въ Шумлу подкрѣпленіе. Хотя при существовавшихъ тогда обстоятельствахъ оборона Балканъ и Камчика должна была обратить на себя особенное вниманіе Решиды, но тѣмъ не менѣе онъ счелъ даже возможнымъ притянуть къ себѣ девять регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ и нѣсколько тысячъ албанцевъ, которые до того занимали Балканы между Шумлой и берегомъ Чернаго моря³⁾. Визирь очевидно принималъ это рѣшеніе опасаясь за Шумлу, потеря которой, какъ общепризнанной неприступной крѣпости, произвела бы весьма не-

¹⁾ В. У. А. № 2767. Донесеніе статскаго совѣтника Лазарева Дибичу отъ 3-го іюня 1829 г. № 175 и 176 изъ Григоріюполя.

²⁾ В. У. А. № 2767, раи. Киселева Толдо отъ 13-го іюня 1829 г. № 605, изъ лагеря при Журжѣ.

³⁾ Мольке (переводъ Шпльдера, часть 2-я, глава 4-я, страница 149); у Лукьяновича (ч. 4-я, гл. XII, стр. 12) сказано, что Решидъ притянулъ къ Шумлѣ не 9, а 12 регулярныхъ полковъ.

благоприятное впечатлѣніе въ Константинополь, гдѣ и безъ того замѣчалось сильное броженіе умовъ. Свѣдѣніе о томъ, что турки стягиваютъ къ Шумлъ войска изъ Айдоса, Ахіюлы, Миземвріи и Адрианополя было получено Дибичемъ еще 11-го іюня ¹⁾). Такое рѣшеніе визиря должно было значительно облегчить намъ задачу перехода черезъ Балканы.

11-го же іюня Дибичъ получилъ донесеніе Рота, изъ котораго было видно, что на правомъ берегу нижняго Камчика число регулярныхъ войскъ значительно уменьшилось и остались только иррегулярныя войска. Развѣдка, вторично произведенная у Чалы-махале, выяснила, что только на томъ берегу Камчика, т. е. у Кеприкіюя, была незначительный постъ безъ орудій.

Эти усиленныя развѣдки, произведенныя у Чалы-махале, а также у Яикова, привлекли вниманіе турокъ къ Камчику вообще и въ частности къ Кеприкіюю, гдѣ была переправа черезъ Камчикъ; къ концу іюня число войскъ у Кеприкіюя увеличилось и турки съ часу на часъ ожидали перехода черезъ Балканы. Въ тоже время они приняли мѣры для занятія прохода у Ченгъ, гдѣ въ концѣ іюня появился отрядъ въ 300 человекъ при 4-хъ орудіяхъ. Затѣмъ сообщалось, что турецкія войска голодаютъ, но что чумы среди нихъ нѣтъ и что въ Шумлъ только 10 тысячъ человекъ, а прочія войска, участвовавшія въ бою при Кулевчѣ, разбѣжались по разнымъ мѣстамъ ²⁾). Въ этомъ же донесеніи было упомянуто, что среди турокъ носится слухъ, что какой то арнаутскій шаха намѣревается дѣйствовать въ тылу нашей арміи, со стороны границы австрійскихъ владѣній. Какъ извѣстно, внослѣдствіи справедливость этого донесенія подтвердилась—это была наша Скорскій.

Во второй половинѣ іюня было получено свѣдѣніе, изъ Константинополя отъ 13-го іюня, изъ котораго было видно, что тамъ не было извѣстно подробностей сраженія при Кулевчѣ, «такъ какъ Порта хранитъ объ этомъ молчаніе. Что очень печалитъ турокъ, это неимѣніе никакихъ извѣстій объ Силистріи: они смотрятъ на эту крѣпость, какъ на окончательно потерянную и думаютъ, что русскіе не замедлятъ двинуться черезъ Балканы» ³⁾).

Изъ этого же донесенія мы узнали, что 6-го іюня въ Константинополь прибыли послы Франціи и Англіи на 6-ти военныхъ су-

¹⁾ В. У. А. № 2767, рапортъ Рота Дибичу 11-го іюня 1829 г. № 556.

²⁾ В. У. А. № 2767, показаніе плѣннаго турка, полученное Дибичемъ отъ генерала Купреянова, отъ 23-го іюня 1829 г. изъ Праводъ.

³⁾ В. У. А. № 2767, Nouvelles de Constantinople du 25 Juin 1829.

дахъ, что они были встрѣчены торжественно и щедро одарены султаномъ; что прибытіе ихъ подняло нравственное настроеніе въ турецкихъ правящихъ сферахъ, а присутствіе военныхъ судовъ на Босфорѣ произвело успокоительное впечатлѣніе.

Къ 25-му іюня Дибичъ имѣлъ свѣдѣніе отъ одного болгарина, который показалъ, что изъ Бургаса и Айдоса прибыло въ Шумлу 8 или 9 полковъ, что онъ самъ шель съ четырьмя полками изъ Бургаса, черезъ Айдосъ, Чалыковакъ и Эскистамбуль въ Шумлу. Это свѣдѣніе подтверждалъ генераль Понсетъ, который доносилъ изъ Бургаса, что, по словамъ болгаръ, число войскъ въ тѣхъ мѣстахъ значительно уменьшилось ¹⁾.

Перебѣжчикъ, бѣжавшій изъ подъ Сизополя и опрошенный 28-го іюня въ Нижикію (подъ Шумлой) ²⁾, показалъ, что на Камчикѣ нѣтъ нигдѣ укрѣпленій. Относительно расположенія турокъ подъ Бургасомъ и вообще вдоль берега Чернаго моря онъ показалъ, что у Кайнарджи (южнѣе Бургаса) было 13.000 чел. въ томъ числѣ 5000 регулярныхъ войскъ. Послѣ кулевчинскаго боя 5000 регулярныхъ войскъ послѣдно были отправлены въ Шумлу.

У Даутлы (западнѣе Миземвріи) было расположено отъ 8 до 9 тысячъ человекъ, въ томъ числѣ 2000 регулярныхъ. Въ Миземвріи было около 1500 человекъ и три редута съ 7—8 орудіями. Между Миземвріей и Ахіюлу было 3 редута съ 7—8 орудіями.

2-го іюля перебѣжчикъ изъ Шумлы показалъ ³⁾, что разбѣжавшія послѣ Кулевчи войска были переформированы въ Карнабатѣ и затѣмъ отправлены въ Шумлу. Многіе изъ жителей деревень, находившихся на главныхъ путяхъ черезъ Балканы, приходили въ Шумлу и просили «визиря отрядить часть войскъ для защиты ихъ въ случаѣ движенія русскихъ по симъ дорогамъ». Около 22-го іюня визирь выслалъ изъ Шумлы партію въ 200 человекъ въ Кебрикію, но такъ какъ тамъ русскихъ не оказалось, то она возвратилась въ крѣпость.

Таковы были свѣдѣнія, которыми располагалъ главнокомандующій, прежде чѣмъ онъ двинулъ войска черезъ Балканы. Всѣ они сводились къ тому, что впечатлѣніе отъ кулевчинской побѣды было огромное, что вслѣдствіе этого пораженія турки сильно опасаются

¹⁾ В. У. А. № 2845 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25-го іюня 1829 г. изъ Еникію подъ Шумлой.

²⁾ В. У. А. № 2767. Au camp de Iendji-Kieu près de Choumla 28 juin 1829. Гоже показаніе имѣется въ Гос. Арх., № 718.

³⁾ В. У. А. № 2767, показаніе грека Георгія Татко изъ Адрианополя 2-го іюля 1829 г., лагерь при Шумлѣ.

за Шумлу, куда они двинули значительныя силы; что въ Балканахъ они занимаютъ слабыми силами только три точки—Кепприкой. Ченгу и Дервишь-Ювапъ и что довольно значительныя силы (около 18 тысячъ) имѣются около Мизември и Бургаса.

Такимъ образомъ казалось, что самый хребетъ горъ оставался почти безъ обороны и только на флангахъ его турки имѣли войска, а именно, около 20 тысячъ въ Шумлѣ и около 18 тысячъ въ окрестностяхъ Бургаса, всего 38 тысячъ человекъ.

Въ дѣйствительности турки имѣли въ разныхъ мѣстахъ на Камчикѣ отъ 15,000 до 20,000 человекъ и въ окрестностяхъ Бургаса отъ 8,000 до 10,000 человекъ, всего отъ 22,000 до 30,000 человекъ ¹⁾.

Далѣе для насъ большой интересъ представлялъ вопросъ—гдѣ же были расположены главныя силы турокъ и сколько ихъ было?

По однимъ свѣдѣніямъ онѣ были въ Айдоубѣ, по другимъ—ихъ тамъ не было.

Въ дѣйствительности турки имѣли ближайшій резервъ только въ Адрианополѣ и притомъ силою отъ 5,000 до 8,000 человекъ ²⁾, но это не было намъ извѣстно въ свое время.

Такимъ образомъ этотъ существенный вопросъ оставался открытымъ, но такъ какъ имѣлись данныя думать, что вообще турки имѣютъ еще значительныя резервы, что они (даже вооруженные жители) въ оборонительномъ бою, въ особенности въ такой мѣстности какъ Балканы, сражаются хорошо, то не легко было рѣшиться при такихъ условіяхъ *идти за Балканы*. Надо было имѣть *большой характеръ, чтобы взять на себя отвѣтственность за такое предпріятіе, надо было имѣть въру въ свои войска и въ себя, чтобы рѣшиться на походъ за Балканы, до этого считавшіеся непроходимыми*.

Рѣшеніе Дибича идти за Балканы Дибичъ лелѣлъ эту мечту въ теченіе десяти лѣтъ и теперь онѣ рѣшили привести ее въ исполненіе. Тогда были отданы распоряженія, по которымъ русскія войска должны были совершить *первый переходъ черезъ Балканы*.

Интересно прослѣдить въ какомъ видѣ нашему главнокомандующему представлялась обстановка въ то время, когда ему пришлось рѣшать вопросъ—что дѣлать послѣ кулевчинской побѣды? От-

¹⁾ Собственноручная вѣдомость Берга, составленная въ февралѣ 1830 г. въ Бургасѣ (изъ бумагъ генераль-маіора Берга).

²⁾ Собственноручная вѣдомость генераль-маіора Берга.

вѣтъ на это мы находимъ въ письмѣ Дибича Государю, написанномъ тотчасъ послѣ Кулевчи ¹⁾. Какъ извѣстно, 2-го іюня Дибичъ послалъ Фонтана съ письмомъ къ визирю въ Шумлу, съ предложениемъ сдать эту крѣпость; такимъ образомъ завязались переговоры, которые продолжались нѣсколько дней. Донося объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ: «тѣмъ временемъ я дѣлаю развѣдки окрестностей Шумлы съ тѣмъ, чтобы предпринять, но только при условіи полной обезпеченности успѣха, нѣкоторыя дѣйствія противъ передовыхъ укрѣпленій. Въ противномъ случаѣ, я сосредоточу все мои силы (какъ только прекратится преслѣдованіе бѣглецовъ изъ-подъ Кулевчи) на позицію у Буланлыка или у Енибазара, чтобы приготовить все необходимое для перехода черезъ Балканы, какъ только Красовскій прибудетъ послѣ взятія Силистріи, что должно состояться не позже 10-го сего іюня. Тогда я буду располагать 6-ю дивизіями, хотя правда и весьма слабыми, но достаточными, чтобы отбросить Абдерама-пашу къ Адрианополю въ направленіи къ Факи (*je pourrai alors disposer de 6 divisions bien faibles il est vrai, mais suffisantes pour rejeter le pacha Abderamah vers Andrianoople dans la direction de Faki*) и чтобы тотчасъ заняться самымъ серьезнымъ образомъ устройствомъ разныхъ учрежденій въ Бургасскомъ заливѣ. Такъ какъ нынѣшнія обстоятельства и переходъ черезъ Балканы могутъ привести къ переговорамъ, то было бы крайне необходимо, чтобы Ваше Величество назначили второго уполномоченнаго и чтобы онъ прибылъ подъ какимъ нибудь предлогомъ въ Одессу. Но эта надежда заставляеть меня еще сильнѣе желать самаго скорого прибытія резервовъ.

«Если на шесть дивизій, которыя будутъ за Балканами (предполагаю, что это будутъ части 3-го корпуса и отряда Рота) прибудетъ по 500 человекъ на полкъ и на три дивизіи кавалеріи (3-я гусарская и двѣ уланскія)—по эскадрону на полкъ къ 15-му іюля въ Бургасть, и если Ваше Величество дадите еще 12-ю дивизію, на что Вы дали мнѣ право надѣяться, тогда я буду въ состояніи приблизиться къ Адрианополю еще до августа (и конечно, это будетъ значить заключить миръ), имѣя около 40,000 пѣхоты и 10,000 лошадей, такъ какъ переустройство турецкой арміи, потерявшей всю свою артиллерію, къ этому времени еще не будетъ кончено.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всенод. письмо Дибича, безъ означенія мѣста откуда чисано и безъ числа. На письмѣ этомъ рукою гр. Чернышева написано: «le 2 juin 1829»; почти навѣрное это и есть день отправки этого письма, насколько по крайней мѣрѣ можно судить по содержанію его.

«Если резервы другихъ дивизій также придутъ въ тоже время и въ такомъ же числѣ, я буду въ состояніи притянуть еще дивизію изъ Болгаріи и буду имѣть около 60,000 человекъ, противъ которыхъ противникъ можетъ выставить около 30 регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ и все, что онъ въ состояніи будетъ притянуть изъ Румеліи, Албаніи и Босніи».

Изъ этого видно, что Дибичъ считалъ вполне возможнымъ совершить переходъ черезъ Балканы послѣ паденія Силистріи и считалъ, что для исполненія этой задачи достаточно имѣть шесть, хотя и слабыхъ, дивизій, т. е. около 36,000—40,000 человекъ. Но дальнѣйшее наступленіе къ Адрианополю онъ считалъ возможнымъ совершить только послѣ полученія подкрѣпленій и для этого считалъ нужнымъ имѣть отъ 50,000 до 60,000 человекъ.

Вопросъ объ усиленіи арміи для рѣшительныхъ дѣйствій за Балканами настолько занималъ Дибича, что онъ часто къ нему возвращался и въ отвѣтъ на письмо Государя, который писалъ, что резервные баталіоны будутъ силою отъ 700 до 800 человекъ ¹⁾, Дибичъ донесъ Императору: «осмѣливаюсь повторить мое убѣжденіе, что совершенно достаточно, чтобы на каждый полкъ прибыло по одному баталіону въ 400—500 человекъ и по одному эскадрону въ теченіе іюля, и что это лучше, чѣмъ получить болѣе сильные баталіоны на цѣлый мѣсяць позже, когда время года не позволитъ предпринять что нибудь рѣшительное и когда первое впечатлѣніе страха, произведенное на врага переходомъ черезъ Балканы, я думаю, уже отчасти пройдетъ» ²⁾.

Сосредоточеніе нашихъ 18-го іюня сдалась Силистрія и черезъ *войскъ подъ Шумлою*. недѣлю, 25-го іюня, началось выступленіе войскъ осаднаго отряда къ Шумлѣ на соединеніе съ войсками бывшими подъ личнымъ начальствомъ Дибича.

Войска слѣдовали отъ Силистріи по двумъ дорогамъ ³⁾; лѣвая дорога проходила черезъ Буюкъ-Кайнарджи, Каседжикъ (Кюседжакъ), Каургу, Козлуджиларъ и Козлуджу, а правая—черезъ Афлотаръ, Акадажаръ, Айдогду (Айдогды-кучукъ, Айдоглу) и Секлюкъ.

По лѣвой дорогѣ войска шли двумя эшелонами; первый, подъ начальствомъ генераль-маіора Фролова, состоялъ изъ 3-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, 3-й роты 5-й артилерійской бригады, 2-й

¹⁾ В. У. А. № 2895 (б), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 26-го мая (7-го іюня) 1829 г. изъ Берлина.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 9-го іюня 1829 г. изъ лагеря подъ Шумлою.

³⁾ В. У. А. № 2872. Историческій журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Красовскаго, 1829 г.

роты 6-го пионернаго баталіона и 50 казаковъ 9-го Оренбургскаго полка ¹⁾, всего: 6 бат., 8 ор., 1 р. пионер., 50 казаковъ.

Войска эти выступили изъ-подъ Силистріи 25-го іюня и прибыли въ Козлуджу 30-го іюня.

Второй эшелонъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Завадскаго, состоявшій изъ 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, 6-й артилерійской бригады ²⁾, батарейной роты 7-й артилерійской и 3-й легкой роты 11-й артилерійской бригады, всего: 6 батарей и 36 конныхъ орудій, выступилъ изъ-подъ Силистріи 27-го іюня и прибылъ въ Козлуджу 2-го іюня.

Съ этими войсками выступила и 4-я уланская дивизія; поэтому всѣ эти войска шли подъ общимъ начальствомъ ген.-лейт. барона Крейца.

По правой дорогѣ шло три эшелона. Первый, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, состоялъ изъ Ладожскаго пѣхотнаго полка, 4 ор. 2-й роты 11-й артилерійской бригады, 3-й гусарской дивизіи съ конной № 6 ротой и 9-мъ Оренбургскимъ полкомъ, всего 2 бат., 4 п. ор., 16 эскадр., 1 каз. полкъ, 8 кон. ор.

Войска эти должны были выступить 25-го іюня и прибыть въ Секлюкъ 29-го іюня. 3-й пѣхотный корпусъ слѣдовалъ по той же дорогѣ двумя эшелонами, причемъ первый изъ нихъ состоялъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Засса изъ 1-й бригады 8-й пѣхотной дивизіи, батарейной роты 8-й артилерійской бригады, третьей роты 6-го пионернаго полка, запаснаго артилерійскаго парка и команды съ канатнымъ мостомъ, всего 4 б., 8 п. ор., 1 р. пионер. Войска эти должны были выступить 27 іюня и 1 іюля прибыть въ Секлюкъ. Второй эшелонъ 3-го пѣхотнаго корпуса состоялъ изъ 9-й пѣхотной дивизіи ³⁾, 2-й легкой роты 8-й артилерійской бригады, 5-го Черноморскаго казачьяго полка, всего: 11 бат., 8 кон. ор., 1 каз. полка. Войска эти должны были выступить 29-го іюня и прибыть въ Секлюкъ 3-го іюля.

Самъ Красовскій выѣхалъ изъ Силистріи 29-го іюня.

Войска каждаго эшелона имѣли во время этихъ маршей по одной дневкѣ и дѣлали въ день отъ 19-ти до 20-ти верстъ.

По окончаніи этихъ передвиженій войска сосредоточивались въ двухъ мѣстахъ: 2-й пѣхотный корпусъ и отрядъ Мадатова у Секлюка, въ верстахъ 15-ти сѣвернѣе Шумлы, а отряды Фролова и Завадскаго—у Козлуджи. Изъ этого же видно, что первая группа

¹⁾ В. У. А. № 2880, выписка изъ Историч. журнала о военныхъ дѣйствіяхъ 3-го пѣхотнаго корпуса съ 14-го іюня 1829 г.

²⁾ Безъ 4 ор. 3 й роты, бывшихъ въ Кюстенджи.

³⁾ Безъ одного баталіона, остававшагося въ Фокшанахъ.

войскъ предназначалась для наблюденія за Шумлой, а вторая для перехода черезъ Балканы.

Когда войска уже выступили изъ-подъ Силистріи, Дибичъ послалъ имъ приказаніе дневокъ не дѣлать, а потому отрядъ Мадатова и 3-й пѣхотный корпусъ прибыли въ Секлюкъ днемъ ранѣе, т. е. Мадатовъ 28-го іюня, а эшелоны 3-го корпуса 30-го іюня и 1-го іюля и получили приказаніе стать не у Секлюка, а у Инжикіоя, куда они и прибыли: Мадатовъ 29-го іюня. 1-й эшелонъ 1-го іюля, а второй эшелонъ 2-го іюля ¹⁾.

На послѣднемъ переходѣ 2-го эшелона 3-го пѣхотнаго корпуса, на полпути между Ерикіой и Инжикіой, войска были встрѣчены Дибичемъ, въ сопровожденіи Толя и большой свиты.

Главнокомандующій, встрѣтивъ войска, объявилъ Черниговскому полку о назначеніи его шефомъ этого полка.

По прибытіи подъ Шумлу, войска стали слѣдующимъ образомъ близъ Инжикіоя: 3-я гусарская дивизія на правомъ флангѣ 2-го пѣхотнаго корпуса, 8-я и 9-я дивизіи, по старшинству, лѣвѣе войскъ 2-го корпуса, а въ срединѣ была расположена главная квартира арміи.

Распределение войскъ для перехода черезъ Балканы. Еще до прибытія подъ Шумлу войскъ слѣдовавшихъ отъ Силистріи, Дибичъ отдалъ общее распоряженіе для перехода черезъ Балканы. Распоряженіе это называлось «общій обзоръ движеній войскъ при назначенномъ переходѣ чрезъ Балканы, какъ войскъ имѣющихъ слѣдовать за оными, и тѣмъ кои остаются по сю сторону Балканъ, для наблюденій нашихъ сообщеній ²⁾». Общій обзоръ этотъ былъ изданъ въ видѣ таблицы съ указаніемъ маршрута для слѣдованія войскъ по днямъ съ 30 іюня по 8 іюля включительно.

Согласно этого распоряженія войска должны были исполнить слѣдующее:

1) лѣвая колонна генерала Ротъ.	{	17 б., 16 э., 2 каз. п., 44 ор., 3/4 піон. б. и 28 понтоновъ.
------------------------------------	---	--

7-й пѣхотной дивизіи.

Муромскій полкъ	1 б.
Нижегородскій „	2 „
Симбирскій „	2 „
13-й егерскій „	2 „
14-й егерскій „	2 „

9 б. (Низовскій полкъ—въ Варнѣ).

¹⁾ В. У. А. № 2872. Историческій журналъ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Красовскаго 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2905 (А). См. приложение № 1.

7-й артиллерійской бригады.

Батарейная	№ 1	Приказано было оставить въ Девнѣ. Сложена артилерію въ Варнѣ, съ людьми и лошадыми будетъ употреблена при горной артилеріи № 2
Легкая	№ 2	
»	№ 3	
8 п. ор.		

16-й пѣхотной дивизіи.

Селенгинскій полкъ	2 б.	Камчатскій полкъ въ Сизополѣ.
Якутскій »	2 »	
Охотскій »	1 »	
31-й егерскій »	1 »	
32-й »	2 »	
8 б.		

16-я артиллерійская бригада

Батарейная	№ 1	Приказано всю оставить въ Девнѣ.
Легкая	№ 2	
»	№ 3	
16 п. ор.		

4-я уланская дивизія.

С.-Петербургскій полкъ	4 эск.
Харьковскій »	4 »
Смоленскій »	4 »
Курляндскій »	4 »
16 эск.	

Артилерія.

Ковная рота № 28 (12 орудій).
Горная рота № 1 (изъ 8 единороговъ).

Казакъ.

Ежова полкъ.
Бакланова (бывшій Попова 1-го).

Пионеры.

6-го пионернаго баталіона—³/₄.
7-го » » —28 пионеровъ.

Всего лѣвая колонна ¹): 17 б., 16 э., 2 каз. п., 44 ор., ³/₄ пионер. б. и 28 поитоновъ. Силою 10 тысячъ пѣхоты и 3400 человекъ конницы, всего 13¹/₂ тысячъ ²). Колонна эта должна была выступ-

¹) Подробности взяты изъ «респисанія войскъ послѣ покоренія Силестріи и раздѣленія на колонны тѣхъ частей арміи, которыя назначаются къ переходу черезъ Балканы». В. У. А. № 2904 (а). См. приложение № 2.

²) Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 11 и кромѣ того, принята во вниманіе въ-ломость состоянія войскъ въ первую половину іюля 1829 г. (В. У. А. № 2703).

нить 30-го іюня въ Таушань-Козлуджи (16 версть) и 1-го іюля прибыть въ Девно (21 верста), гдѣ имѣть дневку 2 и 3 іюля.

Въ Девно къ колоннѣ Рота должна была присоединиться 3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи, легкая № 3 рота 5-й артилерійской бригады, рота 6-го піонернаго баталіона, 4-я уланская дивизія съ конною ротою № 28 и тѣ изъ войскъ 7-й пѣхотной дивизіи, которыя были назначены въ составъ этой колонны, какъ сказано выше.

4-го іюля лѣвая колонна переходила въ Беаджіоль (26 в.), причѣмъ 28 понтоновъ и горная рота № 1 съ прикрытіемъ должны были идти по дорогѣ на Петрекіой, а въ ночь на 5-е іюля—къ Камчику.

5-го іюля лѣвая колонна должна была перейти Камчикъ и атаковать Дервинкіой (Дервишь-Іовагъ—12 версть). У этого пункта должна была остаться 3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ легкой № 3 ротою 5 артилерійской бригады, до прибытія корпусаграфа Палена; слѣдовательно эта бригада назначалась въ составъ колонны Рота только на 4 и 5 іюля для усиленія ея на время перехода черезъ Камчикъ.

6-го іюля лѣвая колонна должна была пройти за Аспро и если возможно до Казакіой (17¹/₂ в.). 7-го іюля лѣвая колонна должна была достигнуть или Эмине или Паліобана (20 'в.); куда именно идти, было предоставлено генералу Роту, смотря по тому, «на какой изъ сихъ пунктовъ дорога удобнѣе».

Наконецъ 8-го іюля лѣвая колонна должна была занять Монастыркіой (16 версть).

Такимъ образомъ, маршрутъ лѣвой колонны былъ выданъ на 9 дней впередъ, причѣмъ колонна должна была пройти въ 7 дней движенія около 128¹/₂ версть; она должна была совершить форсированную переправу черезъ Камчикъ и могла встрѣтить сопротивленіе со стороны непріятели, хотя по имѣвшимся даннымъ о непріятельскихъ силахъ можно было думать, что сопротивленіе не будетъ особенно упорнымъ.

Тѣмъ не менѣе едва-ли было цѣлесообразнымъ отдавать распоряженіе о движеніи войскъ на 9 дней впередъ съ указаніемъ пунктовъ ночлеговъ на каждый переходъ, какъ будто бы непріятели вовсе не было.

2) Правая колонна г.-л. Ридигера.

18-й пѣхотной дивизіи.

Вятскій полкъ	2 б.	Казанскій полкъ въ
Уфимскій »	2 »	Базарджикъ.
Пермскій »	2 »	
35-й егерскій	2 »	
36-й егерскій	2 »	

10 б.

2*

18-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 рота	8 ор.	} 4 орудія въ Базард- жикѣ и 4 орудія въ Праводахъ.
Легкая № 2 »	— »	
Легкая № 3 »	8 »	
	<hr/>	
	16 ор.	

19-й пѣхотной дивизіи.

37-й егерскій полкъ	2 б.	Азовскій, Днѣпровскій и Украинскій полки въ Сизополь.
38-й » »	2 »	Одесскій долженъ былъ оставаться въ Девнѣ для прикрытія вагенбурга.
	<hr/>	
	4 б.	

19-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 рота	4 ор.	По полуротѣ № 1 и № 2 ротъ—въ Сизополь.
Легкая № 2 »	4 »	Лошадей приказано было взять на полный комплектъ, чтобы въ Сизополь запретъ.
	<hr/>	
	16 ор.	

Горная батарея № 2 (изъ 12 пушекъ).

Казаки.

Чернушкина полкъ.

Ильина полкъ.

Золотарева 2-го полкъ.

Пионеры.

7-го пионернаго баталіона — ³ / ₄
7-го » » — 14 понтоновъ.

Всего правая колонна: 14 б., 3 каз. п., 44 ор., ³/₄ пион. бат. и 14 понтоновъ.

Силою: 8 т. пѣхоты, 1,000 казаковъ; всего около 9 т. чел. ¹).

Колонна эта должна была выступить 3-го іюля изъ подъ Шумлы въ Марковчу (18 верстъ); 4-го іюля перейти въ Кадыкіой (21 в.); здѣсь къ ней должны были присоединиться горная № 2 рота и 14 понтоновъ изъ Праводъ и 2 подвижныхъ моста изъ Енибазара.

5-го іюля правая колонна должна была перейти Камчикъ и атаковать Кебрикіой (12 в.); здѣсь колонна должна была устроить тетъ-де-понъ на два баталіона и оставить до приказанія 3-ю бригаду 19 пѣхотной дивизіи, (37 и 38 егерскіе полки) и легкую № 3 роту 19-й артиллерійской бригады.

¹) Лукьяновичъ. ч. 4-я, гл. XII, стр. 10 и вѣдомость состоянія войскъ въ первую половину іюля 1829 г. (В. У. А. № 2703).

6-го іюля правая колонна идетъ правымъ берегомъ Камчика въ Дервишкiю (Дервишь-Іованъ) (около 30 верстъ).

7-го іюля она переходитъ за Айваджикъ (20 в.) и 8-го іюля доходитъ до Келелера (20 в.).

Такимъ образомъ, правая колонна выступала изъ подъ Шумлы на 4 дня позже лѣвой, такъ какъ путь ея наступленія былъ короче. Она шла непрерывно 6 дней и должна была пройти въ это время около 121 версты.

5-го іюля обѣ колонны должны были переправиться черезъ Камчикъ—правая у Кеприкiюя, а лѣвая у Дервишь-Іована, въ разстояніи около 28 верстъ одна отъ другой.

Затѣмъ, также какъ и для лѣвой колонны, маршрутъ былъ данъ на 8 іюля включительно, т. е. на 6 дней впередъ.

3) Резервъ графа Палена.

5-й пѣхотной дивизіи.

Вѣлозерскій полкъ	2 б.
Олонецкiй »	2 »
Ладожскiй »	2 »
9-й егерскiй :	2
10-й » »	2 »
	10 б.

Шлиссельбургскiй п.
былъ временно въ Силестріи.

5-й артилерійской бригады.

Батарейная № 1 рота	8 ор.
Легкая № 2 »	8 »
» № 3 »	8 »
	24 ор.

6-я пѣхотная дивизія.

Невскiй полкъ	1 б.
Софiйскiй »	2 »
Нарвскiй »	2 »
Капорскiй »	2 »
11-й егерскiй	1 »
12-й егерскiй	1 »
	9 б.

6-я артилерійская бригада.

Батарейная № 1 рота	4 ор.
Легкая № 2 рота	4 »
» № 3 »	8 »
	16 ор.

Приказано оставить въ Девнѣ.

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 10 и вѣдомость состоянія войскъ въ первую половину іюля 1829 г. (В. У. А. № 2703).

2-й гусарской дивизіи 1-я бригада.

Эрцъ-герц. Фердинанда п.—4 эск.
Павлоградскій полкъ . . . 4 »
8 эск.

Конная артиллерія (при этой бригаадѣ).

Конно-артилерійская № 3 рота.
Казакѣ.

5-й Черноморскій полкъ.
6-й » »

Донская артиллерія.

Донская конно-артилерійская № 1 рота.

Пионеры.

6-го пионернаго баталіона . . 1/4 б.

Всего резервъ: 19 б., 8 эск., 2 каз. п., 60 орудій, 1/4 пион. бат.

Такъ какъ главная квартира арміи должна была слѣдовать съ резервомъ и такъ какъ при ней было прикрытіе изъ одного казачьяго полка Долотина и 1 эск. жандармовъ ¹⁾, то войска эти можно присоединить къ резерву, такъ какъ и Шлиссельбургскій полкъ, который только временно былъ въ Силистріи «пока успѣетъ сблизиться».

Такимъ образомъ всего въ резервѣ было: 21 б., 8 эск., 3 каз. полка, 1 эск. жанд., 60 ор., 1/4 пион. бат. Силою около 12 т. пѣхоты ²⁾, 2,000 чел. конницы, всего силою около 15 тыс. человекъ.

Всего для перехода черезъ Балканы было назначено:

52 бат., 24 эск., 8 каз. п., 1 эск. жанд., 148 ор., 1 3/4 пионери. бат., 42 понтона.

Силою около: 40 тыс. пѣхоты и 6 1/2 тыс. конницы. всего около 46 1/2 тыс. человекъ и 148 ор.

I. Подъ начальствомъ генерала Красовскаго.

1) Отрядъ у Шумлы.

8-й пѣхотной дивизіи.

Троицкій полкъ 2 б.
Пензенскій » 2 »
Тамбовскій » 2 »
Саратовскій » 2 »

8 б.

3-я бригада 8-й пѣх. дивизіи (15-й и 16-й егерскіе полки) оставалась для занятія Силистріи, какъ гарнизонъ этой крѣпости.

¹⁾ Другой эскадронъ жандармовъ оставался при вагенбургѣ въ Девиѣ.

²⁾ Лукьяновичъ. ч. 4-я. гл. XII. стр. 11 и В. У. А. № 2703 (вѣдомость).

8-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 рота	—	
Легкая № 2 »	—	
» № 3 »	—	
	14 ор. ¹⁾	Оставалась въ Сили- стриѣ при 3-й бригадѣ 8-й пѣхотной дивизіи.

9-я пѣхотная дивизія.

Черниговскій полкъ	2 б.	
Полтавскій »	2 »	
Алексопольскій »	2 »	
Кременчугскій »	2 »	
17-й егерскій »	2 »	
18-й »	1 »	
	11 б.	Другому баталіону было послано приказаніе идти изъ Фокшанъ на соединеніе съ полкомъ.

9-я артиллерійская бригада.

Батарейная № 1 рота	8 ор.
Легкая № 2 »	8 »
» № 3 »	8 »
	24 ор.

2-й гусарской дивизіи.

2-я бригада.

Елисаветградскій полкъ	4 эск.
Иркутскій »	4 »
	8 эск.

Конная артилерія (при этой бригадѣ)

Конно-артиллерійская № 4 рота—8 ор.

3-я гусарская дивизія.

Ахтырскій полкъ	4 эск.
Александрійскій полкъ	4 »
Графа Витгенштейна полкъ	4 »
Принца Оранскаго »	4 »
	16 эск.

Конная артилерія (при этой дивизіи).

Конно-артиллерійск. № 6 рота—6 ор.

Бугская уланская дивизія.

1-й Бугскій полкъ	4 эск.
2-й »	4 »
3-й »	6 »
4-й »	6 »
	20 эск.

Конная артилерія (при этой дивизіи).

Конно - артиллерійская № 27 рота.	
Конно - батареяная № 19 »	
	14 ор.

¹⁾ В. У. А. № 2872, вѣдомость въ историческомъ журналѣ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго, 1829 г.

Казаки.

4-й Уральскій полкъ 5 сот.
 9-й Оренбургскій 5 »
 Борисова 5 »
 Карпова 4-го — »

На военной дорогѣ отъ
 Шумлы черезъ Каургу
 къ Силестрія.

3-й фуришатской бригады.

1-й, 2-й и 3-й баталіоны.

2) Резервъ Шумлинскаго отряда.

11-й пѣхотной дивизіи.

21-й егерскій полкъ	2 б.	} Временно были на съ- носокѣ.
22-й	2 »	
—————		
4 б.		

11-й артилерійской бригады.

Легкая № 3 рота	8	Слѣдовала къ Козлуд- жи на соединеніе съ бригадой егерей 11-й пѣхотной дивизіи.
---------------------------	---	--

Всего подъ Шумлой: 23 бат., 44 эск., 3 каз. п., 74 ор.

(Силою 15½ тыс. человекъ ¹⁾).

Войска эти состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Красовскаго и имѣли задачу—наблюдать за Шумлой, причемъ войска перечисленныя въ пунктѣ первомъ должны были 5-го іюля занять Енибазарь.

Сверхъ того генералу Красовскому подчинялись отряды, состоявшіе подъ начальствомъ генераль-маіора Купреянова, а именно:

3) Отрядъ въ Праводахъ.

10-й пѣхотной дивизіи.

Полоцкій полкъ 2 б.
 19-й егерскій 2 »
 20-й 2 »

10-й артилерійской бригады.

Легкая № 2 рота.

18-й артилерійской бригады.

Полурота легкой № 2 роты Другая полурота въ
 Базарджикѣ.

Казаки.

Александрина полка 3 сот.
 Андреевна 2 »
 5 сот.

Пионеры.

7-го пионернаго баталіона ¼.

Всего въ Праводахъ: 6 бат., 5 сот., 12 ор., ¼ пион. бат. ²⁾

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я. гл. 4-я, стр. 150) и вѣдомость численности войскъ Красовскій; приложение № 24.

²⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго, въ 1829 г.

4) Отрядъ въ Девнѣ.

Для прикрытія собраннаго въ этомъ мѣстѣ главнаго вагенбурга частей войскъ переходящихъ Балканы.

19-й пѣхотной дивизіи.

Одесскаго полка — 6 ротъ.

6-й артилерійской бригады.

Легкая № 3 рота.

7-й артилерійской бригады.

Легкая № 2 рота.

16-й артилерійской бригады.

Легкая № 3 рота.

Жандармскаго полка—1 э.

Казаки.

Александрина полка — 1 с.

Всего въ Девнѣ при вагенбургѣ: 1¹/₂ б., 1 э., 1 с., 24 ор.

5) Отрядъ въ Гебеджи.

Александрина каз. полка — 1 с.

Всего подъ общимъ начальствомъ Красовскаго оставалось у сѣверной подошвы Балканъ: 30¹/₂ б., 44 э., 5 каз. п., 2 с., 1 э. жанд., 110 ор.

III. Подъ начальствомъ генераль-адъютанта Киселева.

1) Въ Силистріи (Силистріійскій пунктъ).

1-я бригада 4-й пѣхотной дивизіи.

Архангелогородскій полкъ . . . 2 б.

Вологодскій " " . . . 2 »

4 б.

3-я бригада 8-й пѣхотной дивизіи.

15-й егерскій полкъ 2 б.

16-й " " < 2 »

4 б.

8-й артилерійской бригады.

Легкая № 3 рота.

11-й артилерійской бригады.

Легкая № 2 рота.

Пионеры.

3-й пионерный батальонъ — 1 б.
6-го пив. батальона — понтонное отделение.

Осадная артиллерія.

1-е, 3-е и 4-е отделения.

Инженернаго парка.

1-е и 3-е отделения.

Отряды волонтеровъ.

Цвѣтко Кондровича.
Георгія Буюкле.

Дунайская флотилія и на оной:

Брянскаго полка — 1 б.

1-й Черноморскій пѣшій казачій полкъ.

Сверхъ того въ вѣдѣніи генераль-адъютанта Киселева были Сили-стрійскій мостъ, Каларашскій, Браиловскій и Галацкій пункты.

2) Отрядъ ген.-ад. Гейсмара, въ Малой Валахія.

17 пѣхотная дивизія	12 бат.
17 артилерійская бригада	36 ор.
1-я драгунская дивизія	16 э.
Конная рота № 20	20 ор.
Три казачьихъ полка	3 каз. п.
Донская конно-артил. рота № 2	8 ор.
<hr/>	
Всего: 12 б., 36 п. ор., 16 э., 3 каз. п., 20 к. ор.	

3) Отрядъ между Журжею и Букарестомъ.

(подъ непосредственнымъ нан. ген.-адъют. Киселева).

4-я пѣхотная дивизія	12 бат.
1-я бриг. 11-й пѣхотной дивизіи	4 »
1-й батальонъ 18-го егерскаго полка	1 »
4-я артилерійская бригада	24 ор.
1-я конно-егерская дивизія	16 эск.
Конная рота № 22	8 ор.
2 казачьихъ полка	2 каз. п.
Конно-пионерный батальонъ	1 эск.
<hr/>	
17 б., 24 п. ор., 16 э., 2 каз. п., 8 к. ор., 1 э. пив.	

Всего подъ начальствомъ генераль-адъютанта Киселева было: 38 б.
76 п. ор., 32 эск., 5 каз. п., 28 к. ор., 1 эск. пив., 1 пѣш. каз. п.

Силою около: пѣхоты	24,000	человѣкъ.
конницы »	5,000	»
казаковъ »	2,000	»
<hr/>		
Всего около	31,000	человѣкъ.

III. Подъ начальствомъ генераль-адъютанта Головина.

Гарнизоны.

1) Въ Варнѣ.

7-й пѣхотной дивизіи.

Низовскій полкъ 2 б.

2) Въ Базарджикѣ.

Въ Каварнѣ	}	2-я бриг. 11-й пѣх. див.	4 б.
» Бальчикѣ		Казанскій полкъ	2 »
» Мангалии		Брянскаго полка	1 »
» Кюстенджи		Орловскій полкъ	2 »
» Гирсовѣ			9 б.
» Мачинѣ		18-й арт. бригады 4 оруд. легкой № 2 роты въ Базарджикѣ.	
			Всего: 11 бат., 4 п. ор.

IV. Подъ начальствомъ графа Витта.

Гарнизоны.

Въ Исакчи и Тульчѣ.

V. Подъ начальствомъ ген.-лейт. Понсета.

Въ Сизополѣ.

16-й пѣхотной дивизіи.

Камчатскій полкъ 2 бат.

19-й пѣхотной дивизіи.

Азовскій полкъ 2 бат.

Днѣпровскій полкъ 2 »

Украинскій 2 »

6 бат.

19-й артиллерійской бригады.

Батарейной № 1 роты 4 ор.

Легкой № 2 роты 4 »

8 ор.

Всего въ Сизополѣ: 8 бат., 8 оруд.

Въ Сизополѣ же ожидалось прибытіе 12-й пѣхотной дивизіи, которая вмѣстѣ съ тѣми войсками, которыя тамъ уже находились, подчинялась вице-адмиралу Грейгу.

Росписаніе войскъ, въ которомъ указано было распределеніе ихъ по колоннамъ для перехода черезъ Балканы и по отрядамъ на правомъ берегу Дуная, оканчивалось слѣдующимъ указаніемъ: «послѣ сихъ общихъ распоряженій остается присовокупить, что прежнее начальство по правую сторону Дуная симъ прекращается и вообще

г.г. генералы: графъ Паленъ, Ротъ, адмиралъ Грейгъ, генераль-лейтенанты: Ридигеръ, Головинъ, Красовскій и Киселевъ доносятъ о ввѣренныхъ имъ частяхъ войскъ и вообще по управленію края прямо Господину Главнокомандующему» ¹⁾).

Въ началъ іюля 1829 года всего въ дѣйствующей арміи было:
169 $\frac{1}{2}$ бат., 100 эск., 18 каз. полк., 2 с., 2 эск. жанд., 1 э. к. піон., 496 ор., 3 піон. и сап. б. Силою около: 65 т. пѣх., 15 т. кон. и 7 т. каз.; всего: 88 т. чел. ²⁾).

Изъ этого числа для перехода черезъ Балканы было назначено:
52 б., 24 э., 8 каз. п., 1 э. жанд., 148 ор., 1 $\frac{3}{4}$ піон. б. и 42 понтона. Силою около: 30 т. пѣх., 3 $\frac{1}{2}$ т. конницы и 3 $\frac{1}{2}$ т. казаковъ, всего 37 т. чел.

За Балканами (въ Сизополь) уже находились 8 б. и 8 ор.

Назначено было перевести въ Сизополь моремъ 12-ю пѣхотную дивизію: 12 баталіоновъ и 24 ор.

Всего за Балканами мы должны были имѣть 72 б., 24 э., 8 каз. п., 1 э. жанд., 180 ор., 1 $\frac{3}{4}$ піон. б. Силою 50 т. пѣх., 6 $\frac{1}{2}$ т. конн., итого 56 $\frac{1}{2}$ т. челов.

На правомъ и на лѣвомъ берегу Дуная было оставлено:

117 $\frac{1}{2}$ б., 76 э., 10 каз. п., 2 с. 1 э. жанд., 1 э. к. піон., 227 ор. $\frac{3}{4}$ піон. б.

И такъ для перехода черезъ Балканы было назначено:

Пѣхоты—немного меньше половины.

Конницы—одна четверть.

Казаковъ—немного меньше половины.

Артилеріи—немного меньше половины.

Слѣдовательно въ общемъ изъ всего состава арміи *меньшая половина* была назначена для перехода черезъ Балканы, а *большая половина*—для охраненія тыла и фланговъ арміи.

Планъ перехода черезъ Балканы. Продолжительная стоянка нашихъ войскъ подъ Шумлой послѣ кулевчинскаго боя могла навести турокъ на мысль, что Дибичъ, по примѣру прошлаго года, будетъ осаждать эту крѣпость. Справедливость такого предположенія подтверждается во-первыхъ распоряженіемъ визиря сосредоточить въ Шумлѣ значительныя силы, даже пѣною оголѣнія балкан-

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А).

²⁾ В. У. А. № 2703, состояніе арміи въ первую половину іюня 1829 г.

скихъ проходовъ, во-вторыхъ, полной бездѣятельностью визиря даже тогда, когда войска наши уже двинулись черезъ Балканы.

Такъ могъ сдѣлать только тотъ, кто не допускалъ и мысли о томъ, что мы пойдемъ черезъ Балканы.

Между тѣмъ успѣхъ нашего перехода черезъ горы въ значительной степени зависѣлъ отъ того, будетъ ли намъ мѣшать визирь или останется въ Шумлѣ.

На первый взглядъ кажется, что цѣлесообразнѣе было бы не переходить черезъ Балканы, пока Шумла не находится въ нашихъ рукахъ; но осада Шумлы взяла бы много времени и потребовала бы много средствъ; между тѣмъ, въ виду того, что турки уже были разбиты на многихъ пунктахъ и силы ихъ значительно уменьшились, главнокомандующій могъ рассчитывать, что будетъ достаточно одного *наблюденія* за Шумлой для обезпеченія тыла арміи во время перехода черезъ Балканы.

Мы уже знаемъ, что еще 9-го іюня Императоръ Николай писалъ Дибичу ¹⁾, что *«Шумла пріобрѣтеніе полезное, но не необходимое»* и что армія имѣетъ болѣе важную задачу—*перейти черезъ Балканы*. Въ другомъ письмѣ отъ 21-го іюня, Императоръ вновь писалъ Дибичу, по тому же поводу, что *«долгое пребываніе подъ Шумлой невыгодно въ нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ»* и *«что главнокомандующій лучше сдѣлаетъ, если уйдетъ изъ подъ Шумлы возможно скорѣе, такъ какъ если визирь силенъ, то онъ за нимъ послѣдуетъ, а если онъ слабъ, то его навѣрное тогда нечего бояться»* ¹⁾.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе силы и расположеніе турецкихъ войскъ на театрѣ войны послѣ паденія Силистріи и возможный образъ ихъ дѣйствій, Дибичъ рѣшилъ держаться слѣдующаго плана.

Въ то время какъ часть арміи оставалась въ Валахіи и обезпечивала тѣмъ армію со стороны Австріи и Сербіи, другая часть должна была наблюдать за Шумлой и обезпечивать сообщенія на пространствахъ между Балканами и нижнимъ Дунаемъ, а третья должна была перейти Балканы, придерживаясь берега Чернаго моря и пользуясь содѣйствіемъ черноморскаго флота.

Едва ли въ это время Дибичъ преслѣдовалъ болѣе широкія задачи, какъ на примѣръ походъ на Константинополь или хотя бы на Адрианополь.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6). письма Императора Николая Дибичу отъ 9-го іюня 1829 г. изъ Варшавы и отъ 21-го іюня 1829 г. изъ Тульчина.

Ближайшей цѣлью было поставлено перейти черезъ горы и главнокомандующій надѣялся, что въ теченіе 8 дней (къ 8 іюля) войска дойдутъ до линіи Келелеръ—Монастыркіой.

Дальнѣйшія дѣйствія, очевидно, должны были зависѣть отъ обстоятельствъ.

Преслѣдованіе такой, повидимому, слишкомъ скромной цѣли, вмѣсто того чтобы поставить себѣ задачей движеніе на Царьградъ или хотя бы на Адрианополь, было вполне цѣлесообразно, ибо пока не было выяснено, что будетъ дѣлать визирь, было бы крайне неосторожнымъ ставить себѣ болѣе отдаленныя цѣли и преслѣдовать ихъ болѣе рѣшительнымъ образомъ. Да притомъ надо сказать, что даже появленіе нашихъ войскъ у южной подошвы Балканъ было уже огромнымъ успѣхомъ, ибо до тѣхъ поръ эти горы считались почти недоступными для значительнаго отряда.

То обстоятельство, что Дибичу приходилось совершить *первый переходъ черезъ Балканы*, слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ его распоряженій и дѣйствій. Не легко было *взять на себя отвѣтственность* въ такомъ дѣлѣ; но еще, быть можетъ, труднѣе было *сдерживать себя* при исполненіи этой операціи. Вѣдь дѣло въ томъ, что Дибичъ давно уже предрѣшилъ вопросъ о необходимости перейти черезъ Балканы, если только желаютъ достигнуть важнаго результата.

И вотъ, когда обстоятельства сложились такъ, что ему-же пришлось приводить въ исполненіе задуманный имъ планъ, то Дибичъ разрѣшаетъ предстоявшую ему задачу, не очертя голову, а послѣдовательно переходя отъ одной частной задачи къ другой. И такъ въ дѣйствіяхъ Дибича мы видимъ замѣчательное *соединеніе рѣшительности съ осторожностью*: цѣль ставится *рѣшительно*, а достигается она *осторожно*.

Переходъ черезъ Балканы предписано было исполнить двумя колоннами, имѣя резервъ за лѣвой колонной.

Такимъ образомъ, главная масса шла по береговой дорогѣ. Фронтъ наступленія при переходѣ черезъ Камчикъ было около 30 верстъ, а затѣмъ, колонны сближались до 10 верстъ и уже не расходились далѣе 25, а къ 8 іюля, т. е. къ концу перехода, опять сближались на 15 верстъ, причемъ резервъ въ это время уже находился за правой колонной, обезпечивая тылъ и правый флангъ ея отъ возможныхъ покушеній турокъ со стороны Шумлы, въ то время, какъ лѣвая колонна входила въ связь съ флотомъ и опиралась на него.

О своихъ распоряженіяхъ для перехода черезъ Балканы Дибичъ

донесъ Государю, 25 іюня и писалъ Ему: «начиная съ 30-го числа начнутъ движеніе головныя части колонны Рота. Я останусь здѣсь съ Паленомъ вѣроятно до 4-го п если Богъ намъ поможетъ и если намъ удастся скрыть наше движеніе впродолженіе двухъ дней, то я надѣюсь, что главныя затрудненія будутъ преодолены между 8 и 10 іюля» ¹⁾).

Въ другомъ письмѣ, отъ того же 25 іюня, Дибичъ подробно излагалъ Государю свой планъ перехода черезъ Балканы и между прочимъ писалъ: «если противъ моего ожиданія визирь двинется противъ генерала Красовскаго, тогда я пойду къ нему на помощь со вторымъ корпусомъ, если-же напротивъ онъ поторопится также перейти черезъ Балканы, чтобы предупредить насъ хотя бы въ Айдосѣ, тогда 2-й корпусъ, не задерживаясь, идетъ за колоннами Рота и Ридигера и я буду имѣть за Балканами около 40000 человекъ, въ томъ числѣ 28000 пѣхоты. Въ этомъ случаѣ Красовскій двинется къ Шумлѣ, чтобы по возможности помѣшать движенію визиря черезъ Эскистамбуль или чтобы его понудить къ оставленію въ Шумлѣ значительныхъ силъ для защиты этого пункта. Такковы мои общія соображенія, но обстоятельства могутъ произвести въ нихъ значительныя измѣненія» ²⁾).

Въ томъ же письмѣ Дибичъ представилъ Государю объясненія почему онъ отказался отъ исполненія экспедиціи въ окрестностяхъ Бургаса. Онъ отказался отъ этой экспедиціи, во-первыхъ, вслѣдствіе слабости флота, по причинѣ большого числа больныхъ, во-вторыхъ, изъ боязни возбудить вниманіе непріятели и, въ-третьихъ, вслѣдствіе опасности, сопряженной съ высадкой близъ города, гдѣ свирѣпствуетъ заразная болѣзнь ³⁾).

Государь послалъ Дибичу въ отвѣтъ на эти донесенія ⁴⁾: «ваши курьеръ прибылъ вчера, Мой дорогой другъ, послѣ полуночи. Я былъ очень радъ узнать, что вы находитесь при началѣ исполненія вашего великаго предпріятія и Я молю Бога благословить ваши труды. Я вполне одобряю ваши распоряженія, которыя, насколько могу судить, кажутся Мнѣ весьма мудрыми; я даже думаю, что если

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25-го іюня 1829 г. изъ Еникіой подъ Шумлой.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25-го іюня изъ Еникіой подъ Шумлой (т. е. Енджикіой).

³⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеп. письмо Дибича отъ 25-го іюня изъ Еникіой подъ Шумлой (т. е. Енджикіой).

⁴⁾ В. У. А. № 2895 (б), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 1/15 іюля 1829 г. изъ Бобруйска.

не встрѣтятся препятствій больше тѣхъ, которыя вамъ извѣстны, то Ротъ, можетъ быть прибудетъ даже раньше къ Миземврїи, чѣмъ 8-го числа; но въ чемъ Я сомнѣваюсь, это въ возможности точно рассчитать время прибытія флота, такъ какъ, къ сожалѣнію, *вѣтры намъ не подчиняются*. Я очень интересуюсь знать, что сдѣлаетъ визирь: трудно даже сказать, что ему лучше сдѣлать».

Обезпеченіе войскъ про- Для обезпеченія войскъ продовольствіемъ
довольствіемъ. приказано было заготовить въ Праводахъ 10-ти дневный запасъ на 30,000 человѣкъ и 10,000 лошадей, а именно: 25.000 четвертей сухарей, 352 четверти крупы, 5,000 четвертей овса, 20 пудовъ перцу, 750 пудовъ соли на мѣсяць и 2,500 ведеръ спирту ³).



¹) Отзывъ генераль-адъютанта Головина начальнику Праводскаго отряда генералу Купреянову отъ 9-го іюня 1829 г. кр. Варна (пзъ бумага Купреянова).



ГЛАВА 2.

Переходъ черезъ Балканы.

Выступление нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы. — Движеніе лѣвой колонны ген. Рота. — Движеніе правой колонны ген. Ридигера. — Движеніе резерва гр. Палена. — Дѣйствія отряда ген. Красовскаго. — Дѣйствія визиря. — Донесеніе Дибича Императору Николаю. — Переправа черезъ Камчикъ. — Переправа у Кеprикіон и Чалы-Малы. — Дѣйствія авангарда. — Дѣйствія колонны г.-м. Жирова. — Атака Кеprикіон. — Переправа черезъ Камчикъ у Дервишь-Иована. — Движеніе резерва гр. Палена. — Положеніе нашихъ войскъ 7-го іюля вечеромъ. — Мѣры противъ чумы. — Письмо Императора Николая къ Дибичу. — Наступленіе нашихъ войскъ послѣ переправы черезъ Камчикъ. — Дѣйствія нашихъ войскъ 10-го іюля. — Дѣйствія колонны Ридигера. — Дѣйствія колонны Рота. — Взятіе Миземврін. — Дѣйствія резерва 10-го іюля. — Положеніе нашихъ войскъ вечеромъ 10-го іюля. — Дѣйствія нашихъ войскъ 11-го іюля. — Дѣйствія нашихъ войскъ 12-го іюля. — Занятіе Бургаса и Сизополя. — Окончаніе перехода черезъ Балканы. — Положеніе обѣихъ сторонъ подъ Шумлой 8—15 іюля.

Выступление нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы. Рѣшивъ начать переходъ черезъ Балканы, Дибичъ принялъ весьма цѣлесообразныя мѣры къ тому, чтобы скрыть отъ великаго визиря начало этой операціи. Важно было выпрять хотя-бы нѣсколько дней, важно было удержать визиря въ Шумлѣ пока войска наши втянутся въ горы и не позволить ему ударить имъ въ тылъ или отступить изъ Шумлы, чтобы встрѣтить наши колонны, когда онѣ будутъ дебушировать

изъ горъ. Съ этой цѣлью выступленіе нашихъ войскъ изъ подъ Шумлы производилось постепенно и части уходившія замѣнялись прибывавшими изъ Силистріи. Кроме того выступленіе началось вечеромъ и первый переходъ войска совершали ночью. Войска выступили въ походъ въ фуражкахъ, мундирахъ и бѣлыхъ панталонахъ: свернутыя шинели были надѣты черезъ лѣвое плечо, а черезъ правое мѣшки, въ которыхъ находилась только одна рубашка и пара панталонъ; запасъ продовольствія имѣлся въ этихъ-же мѣшкахъ на 10 дней. Кивера и все имущество людей (вмѣстѣ съ ранцами) были оставлены при обозѣ¹⁾. При войскахъ должно было слѣдовать только ограниченное число повозокъ, а весь остальной обозъ былъ сосредоточенъ при Девио, гдѣ былъ устроенъ главный вагенбургъ.

Отсюда видно, что Дибичъ сумѣлъ отрѣшиться отъ рутинны и, въ противоположность тогдашнему обыкновенію, обратилъ вниманіе на цѣлесообразное обмундированіе и снаряженіе людей. Главный грузъ, который солдатъ несъ на себѣ, состоялъ не изъ неуклюжихъ киверовъ и громоздкихъ ранцевъ, а изъ 10 дневнаго запаса продовольствія, котораго должно было хватить на весь переходъ черезъ горы, когда войска уже могли войти въ связь съ флотомъ и получить отъ него свѣжіе запасы.

Передъ выступленіемъ къ Балканамъ въ войскахъ было отслужено молебствіе. Главнокомандующій пригласилъ къ завтраку офицеровъ и георгіевскихъ кавалеровъ Черниговскаго полка, шефомъ котораго онъ былъ только что назначенъ. Когда Дибичъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли нижніе чины и, вышивъ за здоровье полка, разбилъ стаканъ, то одинъ изъ солдатъ сказалъ: «дай Богъ намъ также вдребезги разбить непріятеля»²⁾.

Движеніе лѣвой колонны ген. Роты. Колонна эта состояла изъ 17 бат., 16 эскадроновъ, 4 казачьихъ полковъ, 44 орудій, ³/₄ піон. батал. и 28 понтоновъ, силою около 10 тыс. пѣхоты и около 3,400 конницы, всего около 13¹/₂ человекъ³⁾). Эти войска должны были выступить изъ подъ Шумлы 30-го іюня, вечеромъ, наканунѣ того дня, когда въ лагерь подъ Шумлу долженъ былъ прибыть первый эшелонъ корпуса Красовскаго. 30-го іюня, уже послѣ пробитія вечерней зари, Ротъ выступилъ по дорогѣ въ Таушанъ-Коз-

¹⁾ Молятке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2 я, гл. 1-я, стр. 149).

²⁾ Молятке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 149).

³⁾ В. У. А. №№ 2855 и 2889, вѣдомости подписанныи ген.-кварт. 2-й арміи ген.-м. Бергомъ (приложеніе 22) и другія данныя.

луджи съ 5-ю баталіонами 7-й пѣх. дивизіи, 2-мя казачьими полками и 32 орудіями. Остальныя части, назначенныя въ составъ колонны, должны были присоединиться къ ней во время дневки въ Девню 2 и 3 іюля ¹⁾). На этой же дневкѣ въ колоннѣ Рота должны были присоединиться 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи, легкая № 3 рота 5-й артилерійской бригады и рота 6-го піонернаго баталіона. Эти войска подчинились Палену и должны были оставаться при колоннѣ Рота только 4 и 5 іюля, а затѣмъ войти въ составъ колонны Палена. Совершивъ ночной переходъ, Ротъ прибылъ въ Таушанъ-Козлуджи, а на другой день, 1-го іюля въ Девню, гдѣ остановился на два дня, согласно общаго плана для перехода черезъ Балканы. Эта остановка на два дня, въ самомъ началѣ операціи, едва-ли была цѣлесообразна. Если Рота нельзя было двинуть далѣе, ранѣе 4-го іюля, то лучше было ему выступить изъ подъ Шумлы днемъ позже, т. е. 1-го іюля или надо было приказать Ридигеру начать движеніе не 3-го, а 2-го іюля, что было исполнѣ возможно, такъ какъ по распоряженію Дибича войска 3-го пѣх. корпуса ускорили свое прибытіе подъ Шумлу на одинъ день и послѣдній эшелонъ ихъ прибылъ въ Нижнію 2-го іюля.

Въ Девню къ колоннѣ ген. Рота присоединились третья бригада 5-й и 7-й пѣх. дивизій и 4-я уланская дивизія.

Отдохнувъ въ Девню два дня, колонна Рота продолжала 4-го іюля дальнѣйшее движеніе къ нижнему Камчику. Колонна шла черезъ Гебеджи, гдѣ плохая плотина пересѣкала болотистую низменность и жалкій мостъ служилъ для перехода черезъ быстротечную Девну. Вслѣдствіе дождей низменный грунтъ дорогъ совершенно размокъ, такъ что движеніе войскъ очень замедлялось. Большая часть обозовъ застряла въ тѣснинахъ противъ Буюкъ-Аладина и по той сторонѣ Османджика и могла догнать войска только на другой день 5-го іюля, когда войска дошли до Камчика и остановились на цѣлый день для подготовки переправы. Вообще порядокъ, соблюдавшійся въ нашей арміи во время этого движенія, не заслужилъ похвалы со стороны очевидцевъ; обозъ при войскахъ былъ большой, а безпорядка было еще больше ²⁾).

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ очевидцевъ трудности этого перехода ³⁾. «Былъ душный жаркій день, солдаты изнемогали подѣ

¹⁾ Это были: 5 бат. 7-й пѣх. див., 2 бат. 16-й пѣх. див., 4-я уланская дивизія и конная рота № 28.

²⁾ Молыко (переводъ Н. Шильдера, ч. 2, гл. 4, стр. 153).

³⁾ Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица, Русскій Архивъ. 1878 г., ч. 4, стр. 428.

тяжестью амуниціи: кромѣ тяжелаго ружья и сумки съ патронами, они должны были тащить на себѣ ранецъ, мундиръ, толстую шинель, манерку съ водою, провіантъ на 10 дней, т. е. 20 фунтовъ сухарей. Многіе изъ нихъ не въ состояніи были идти и падали въ изнеможеніи, другіе выбрасывали сухари, иные ложились въ кусты и догоняли насъ уже ночью. Цѣлый день, вплоть до вечера, всѣ фуры, полковые и госпитальныя, были наполнены отсталыми. Много солдатъ умерло въ дорогѣ. Дѣла было много, а толку выходило мало. Кто посмотрѣлъ-бы на насъ въ дорогѣ въ этотъ день, тотъ не могъ-бы подумать, что это самое войско побѣдоносно дойдетъ до стѣнъ Константинополя». Итакъ очевидцы указываютъ, что, несмотря на запрещеніе Главнокомандующаго войска имѣли при себѣ *большой* обозъ, а люди несли *ранцы*, которыхъ приказано было съ собою не брать.

Тѣмъ временемъ выступили изъ лагеря подъ Шумлой и остальные войска наши, которымъ приказано было переходить Балканы.

Движеніе правой колонны ген. Ридигера. Колонна эта состояла изъ 14 батал., 2-хъ казачьихъ полковъ ¹⁾, 32 орудій ²⁾, ^{3/4} піон. бат. и 14 нонтоповъ, силою около 8 тыс. пѣх., 1,000 человекъ конницы, всего около 9 тыс. человекъ ³⁾. Выступленіе этой колонны изъ подъ Шумлы было организовано слѣдующимъ образомъ ⁴⁾. Для того, чтобы скрыть отъ турокъ начало выступленія, 2-го іюля, въ 11 час. вечера, была отправлена впередъ 3-я бригада 19-й пѣх. дивизіи съ легкою № 3 ротой и 7 піонернымъ баталіономъ; войска эти должны были составить авангардъ корпуса; ночью на 3-е іюля они прошли черезъ Кулевчу и остановились въ лѣсу, поднявшись на гору, гдѣ стали на приваль. Между тѣмъ остальные войска 7-го корпуса оставались на прежнихъ мѣстахъ подъ Шумлой и, чтобы ввести турокъ въ заблужденіе, налатки ушедшей въ авангардъ бригады не были сняты.

3-го іюля, въ десятомъ часу утра авангардъ прибылъ къ Мар-

¹⁾ В. У. А. № 2864, истор. журналъ дѣйствій г.-л. Ридигера: по росписанію главнаго штаба арміи должно было дать 3 полка.

²⁾ Такое число орудій указано въ истор. журналѣ дѣйствій 7-го корпуса (В. У. А. № 2864), а по росписанію, составленному въ штабѣ арміи въ составъ колонны Ридигера было назначено 44 орудія.

³⁾ Численность взята нами изъ вѣдомостей за подписью ген.-кварт. 2-й арміи г.-м. Берга (В. У. А. № 2855 и 2889). Приложение № 22 и изъ другихъ источниковъ.

⁴⁾ В. У. А. № 2864, истор. журн. воен. дѣйствій, движеній и маневровъ войскъ 7-го пѣх. корпуса и въ разныя времена прикомандированныхъ къ оному частей войскъ подъ командой г.-л. Ридигера съ 1-го іюля по 28-е ноября 1829 г.

ковчѣ, гдѣ соединился съ казачьимъ Золотарева полкомъ ¹⁾). Въ такомъ положеніи авангардъ и главныя силы 7-го корпуса провели 3-е іюля. Въ теченіе этого дня къ авангарду присоединились казачьи полки Ильина и Чернушкина и къ нему-же прибылъ командиръ корпуса. Съ наступленіемъ вечера, Ридигеръ приказалъ казачьимъ полкамъ идти впередъ, а прочимъ войскамъ авангарда слѣдовать за ними: сдѣлавъ ночной переходъ черезъ Ровну и Кривну, войска къ развѣту прибыли къ Кадыкію. Въ тотъ же день, 3-го іюля, въ десятомъ часу вечера, выступили изъ подъ Шумлы главныя силы въ слѣдующемъ порядкѣ: 3-й егерскій полкъ, легкая № 3-й рота 18-й артиллерійской бригады, 35-й егерскій полкъ, Пермскій полкъ, батарейная рота 18-й артиллерійской бригады, Уфимскій полкъ, 4 орудія легкой № 2 роты 19-й артиллерійской бригады, всѣ обозы и въ аріергардѣ Вятскій полкъ съ 4 орудіями батарейной роты 19-й артиллерійской бригады (10 батал., 24 полевыхъ орудія). Сдѣлавъ ночной переходъ главныя силы прибыли къ развѣту 4-го іюля къ Марковчѣ; здѣсь войска стали на привалъ и простояли на немъ до пяти часовъ вечера, ожидая прибытія обозовъ и аріергарда, задержанныхъ дурной дорогой, испорченной сильнымъ дождемъ. Только въ пять часовъ главныя силы выступили изъ Марковчи и около 10 часовъ вечера прибыли въ Кадыкію, гдѣ такимъ образомъ собралась вся колонна Ридигера; сюда же прибыли поштучное отдѣленіе 7-го піонернаго баталіона и два легкихъ моста.

Въ теченіе 4-го іюля отъ авангарда были высланы сильныя партіи казаковъ въ Кеprикію, Чалы-Малы и Іеникію съ офицерами генеральнаго штаба; партіи эти получили приказаніе сдѣлать развѣдки путей ведущихъ къ Камчику и собрать свѣдѣнія о неприятелѣ.

5-го іюля колонна двинулась къ Камчику и могла начать переправу только въ ночь на 6-е число. Такимъ образомъ правая колонна начала переправу днемъ раньше лѣвой.

Движеніе резерва 5 іюля выступили изъ Инжикію войска гр. Палена, подъ начальствомъ гр. Палена, составлявшія резервъ колоннъ Рота и Ридигера.

Резервъ состоялъ изъ 19 б., 8 э., 2 каз. полка, 60 ор. и $\frac{1}{4}$ піонерн. бат., силою около 15 т. чел. Съ этими войсками выступилъ Главнокомандующій съ главной квартирой арміи. Большая часть

¹⁾ Этотъ полкъ входилъ въ составъ правобережнаго отряда ген. Купреянова и долженъ былъ помогать колоннѣ Ридигера.

обозовъ этой колонны и главной квартиры выступили впередъ въ 8 часовъ вечера 4 іюля, а войска выступили 5 іюля въ 8 час. вечера ¹⁾ и перешли въ Таушанъ-Козлуджи, откуда на другой день, 6 іюля, до разсвѣта, двинулись въ Девно. Во время этого перехода (т. е. 6 іюля) получено было донесеніе отъ ген. Красовскаго, который съ своимъ отрядомъ, ночью на 6-е іюля, сталъ у Енибазара, о томъ, что противъ него появилось около 5000 чел. турецкой конницы. Тогда Дибичъ приказалъ войскамъ Палена остановиться у Беликіоя, гдѣ они простояли до 4-хъ час. веч. 6 іюля, чтобы въ случаѣ необходимости поддержать Красовскаго. Но такъ какъ турецкая конница возвратилась въ Шумлу, не напавъ на отрядъ Красовскаго, то въ 5 час. веч. войска двинулись въ Девно ²⁾, куда прибыли поздно вечеромъ 6 іюля, сдѣлавъ переходъ слишкомъ въ 35 верстъ. Эта деревня была совершенно разорена и покинута жителями и почти всѣ дома были разобраны нашими войсками для устройства барачковъ въ двухъ редутахъ, устроенныхъ нами у этой деревни.

Въ Девно Паленъ находился въ центральному положеніи относительно колоннъ Рота и Ридигера и притомъ былъ удаленъ отъ колонны Рота на 30 верстъ, а отъ колонны Ридигера на 25 верстъ. *Дѣйствія отряда ген. Красовскаго.* Для наблюденія за Шумлою былъ назначенъ отрядъ подъ начальствомъ ген. Красовскаго. Онъ состоялъ изъ 23 б., 44 э., 4 каз. полковъ и 74 орудій, силою около 15¹/₂ т. человекъ пѣхоты и конницы. Войска эти, какъ мы уже знаемъ, прибывали подъ Шумлу изъ Силистріи постепенно и по мѣрѣ прибытія занимали мѣста тѣхъ войскъ, которыя уходили подъ начальствомъ Рота и Ридигера. Такъ, 8-я пѣх. дивизія стала на мѣстѣ войскъ ген. Рота, а 9-я пѣх. дивизія стала на мѣстѣ войскъ, выступившихъ подъ начальствомъ ген. Ридигера. Такъ какъ колонны

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція до слѣдованія главной квартиры арміи и II пѣх. корпуса изъ лагеря при Шумлѣ для укрѣпленія при Девно (см. приложение № 3). По этой диспозиціи II корпусъ и главная квартира должны были выступить изъ подъ Шумлы 4 іюля въ 8 час. вечера и идти къ Еникію; но затѣмъ выступленіе было назначено 5 іюля въ 8 час. веч. и войска должны были дойти до Таушанъ-Козлуджи В. У. А. № 2904 (А), диспозиція для слѣдованія изъ лагеря при Шумлѣ II пѣх. корпуса и главной квартиры до укрѣпленія при Девно и III пѣх. корпуса къ Енибазару (см. приложение № 4). Выступленіе изъ подъ Шумлы корпуса Палена было отложено на сутки потому, что по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ главнокомандующій, визирь притянулъ къ себѣ всѣ регулярныя войска, находившіяся близъ берега Чернаго моря, а также и на Камчикѣ и что вслѣдствіе этого колонны Рота и Ридигера не встрѣтятъ въ этихъ мѣстахъ сопротивленія (В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 5 іюля 1829 г. изъ лагеря при Инкикіюфъ, подъ Шумлою).

²⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, XII, стр. 13.

Рота и Ридигера уходили изъ подъ Шумлы по вечерамъ, уже послѣ наступленія темноты, то смѣна войскъ не была замѣчена турками, которые спокойно остались въ Шумлѣ.

Наконецъ, когда 5 іюля вечеромъ ушли изъ подъ Шумлы войска отряда гр. Палена, то на позиціяхъ нашихъ остался только отрядъ Красовскаго; но и этотъ отрядъ рѣшено было не оставлять у самой крѣпости, а отвести къ Енибазару, причемъ въ началѣ движенія отрядъ Красовскаго долженъ былъ составить арьергардъ тѣхъ войскъ, которыя пошли за Балканы ¹⁾.

Отступленіе отряда ген. Красовскаго изъ-подъ Шумлы было организовано слѣдующимъ образомъ ²⁾.

Князю Мадатову, которому подчинена была вся конница этого отряда, т. е. 14 эскадрона и 28 конныхъ орудій ³⁾ приказано было, съ разсвѣтомъ 5 іюля, занять всѣ линіи передовыхъ постовъ арміи и посылать разъѣзды по всѣмъ направленіямъ. 4 іюля, въ 11 час. веч., былъ отправленъ изъ лагеря подъ Шумлой обозъ отряда Красовскаго въ Енибазаръ, подъ прикрытіемъ одного баталіона Саратовскаго полка, а 5 іюля, въ 11 час. веч., выступили и войска: они двинулись тремя колоннами, прикрываясь арьергардомъ, и въ 4 часа утра 6 іюля прибыли въ Енибазаръ. Непрiятель, какъ 4-го такъ и 5 іюля, оставался въ бездѣйствіи, такъ что и кавалерія подъ начальствомъ Мадатова отошла отъ Шумлы, не будучи имъ преслѣдуема.

По прибытіи въ Енибазаръ, отрядъ Красовскаго сталъ на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣчки Праводки; въ центрѣ стали 8-я и 9-я дивизіи, по старшинству номеровъ, на правомъ флангѣ пѣхоты—2 бригада 2-й гусарской дивизіи, а лѣвѣе 9-й пѣх. дивизіи—3-е гусарская и еще лѣвѣе Бугская уланская дивизіи.

Утромъ 6-го іюля показался, наконецъ, непріятель: сначала появились разъѣзды, которые доходили до нашихъ аванпостовъ, по вскорѣ уходили назадъ.

Въ 10 час. утра на высотахъ праваго берега рѣчки Ерекли по-

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А), Диспозиція для слѣдованія изъ лагеря при Шумлѣ II пѣх. корпуса и главной квартиры до укрѣпленія при Девно и III пѣх. корпуса къ Енибазару. См. приложение № 4.

²⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Красовскаго 1829 г.

³⁾ Это были: 2 бригада 2-й гусарской див.—8 э., 3-я гусарская див.—16 э., Бугской уланской див.—20 э., конно-артилерійскія роты №№ 4, 6 и 27 и конно-батарейная рота № 19.

казалась непріятельская конница, числомъ до 5000 чел. ¹⁾. Эта конница произвела нѣсколько передвиженій въ разныхъ направле- нійхъ и отступила къ Шумлѣ, оставивъ сторожевые посты на пра- вомъ берегу рѣчки Ереклп.

Когда Красовскій замѣтилъ наступленіе турецкой конни- цы, то онъ послалъ донесеніе объ этомъ Дибичу, который въ этотъ день шелъ съ колонной Палена. Дибичъ приказалъ этой колоннѣ остановиться у Таушанъ-Козлуджи, чтобы поддержать, въ случаѣ надобности Красовскаго; но когда турки отступили, Паленъ полу- чили приказаніе продолжать движеніе въ Девно ²⁾.

6-го же іюля въ 5 ч. утра, по приказанію Дибича, былъ отпра- вленъ изъ Елибазара отрядъ, состоявшій изъ одного дивизіона уланъ и 50-ти казаковъ черезъ Марковчу къ Камчику, чтобы раз- вѣдать—не двинулъ-ли визирь войска изъ Шумлы внизъ по этой рѣкѣ ³⁾. 8 іюля этотъ отрядъ вернулся и донесъ, что непріятель не производилъ никакого движенія изъ Шумлы внизъ по Камчику.

Дѣйствія визиря. Такимъ образомъ 6 іюля, въ тотъ день, когда войска наши уже переходили Камчикъ, визирь еще не пред- принялъ ничего, чтобы помѣшать началу перехода черезъ Балканы. Искусныя мѣры для скрытія начала этого предпріятія, принятыя Дибичемъ, конечно были одной изъ причинъ бездѣятельности ви- зиря, но главная причина, какъ кажется, была иная. Мольтке мѣтко говоритъ о визирѣ, что «въ дѣйствительности случилось то, что и слѣдовало отъ него ожидать, а именно онъ не предпринялъ ровно ничего» ⁴⁾. Эти слова служатъ какъ бы отвѣтомъ на вопросъ Импе- ратора Николая въ письмѣ къ Дибичу отъ 3-го іюля ⁵⁾. Одобривъ всѣ распоряженія Дибича къ переходу, Государь писалъ: «Меня очень интересуетъ вопросъ, что сдѣлаетъ визирь: даже трудно ска- зать, что ему лучше сдѣлать».

¹⁾ У Мольтке и Лукьяновича число турецкой конницы бывшей въ этомъ отрядѣ опредѣлено только въ 1000 чел. Мы взяли ту цифру, которая показана въ истори- ческомъ журналѣ отряда ген. Красовскаго.

²⁾ Невольно напрашивается на сравненіе подобный-же фактъ изъ войны 1877— 78 гг. Когда въ началѣ ноября 1877 года изъ подъ Плевны выступила пойска за- наднаго отряда Гурко, то, въ виду замѣчнаго начала наступленія турокъ изъ Плевны, приказано было части войскъ отряда Гурко, именно 1-й гв. пѣх. дивизіи, остановиться у Телиша и только когда выяснилось, что турки не наступаютъ—ди- визія эта получила приказаніе продолжать походъ къ Балканамъ.

³⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ, состоящихъ подъ началь- ствомъ ген. Красовскаго.

⁴⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-ая, стр. 151).

⁵⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 3 (15) іюля 1829 года, изъ Вобруйска.

Изъ показаній одного плѣннаго мы узнали, что визирь не предполагалъ, что наши войска двинулись изъ подъ Шумлы для того, чтобы идти черезъ Балканы, онъ думалъ, что «дурная вода и чума, свирѣпствующая въ нашихъ войскахъ принудили насъ къ отступленію и что главные силы пошли къ Варнѣ и Праводамъ»¹⁾.

Донесеніе Дибича Императору Николаю. Передъ самымъ выступленіемъ изъ-подъ Шумлы, Дибичъ донесъ Государю о своихъ послѣднихъ распоряженіяхъ относительно перехода черезъ Балканы и, между прочимъ, писалъ, что «по всѣмъ имѣющимся даннымъ турки притянули въ Шумлу всѣ регулярныя войска съ берега Чернаго моря и съ Камчика и что поэтому генералы Ротъ и Ридигеръ не встрѣтятъ сильнаго сопротивленія въ этихъ мѣстахъ. Надѣюсь, что корпуса Рота и Ридигера перейдутъ черезъ Камчикъ сегодня и что черезъ три или четыре дня, съ Божіею помощію, великій вопросъ перехода черезъ Балканы будетъ рѣшенъ или что произойдетъ второе сраженіе съ визиремъ».

Относительно дѣйствій противъ Шумлы, Дибичъ писалъ въ томъ же письмѣ, что ему крайне необходимо «сохранить еще на нѣкоторое время прекрасныхъ инженерныхъ офицеровъ и храбраго Шильдера. Если визирь не оставитъ сильнаго гарнизона въ Шумлѣ, то быть можетъ намъ удастся овладѣть этимъ пунктомъ при помощи неправильной оады (*un siége irrégulier*), веденной энергически: это пріобрѣтеніе будетъ важно для общественнаго мнѣнія и необходимо, если, къ несчастью, во время третьей компаніи мы не будемъ имѣть превосходства на морѣ»²⁾

Изъ этихъ строкъ видно, что Дибичъ съ одной стороны сильно надѣялся совершить переходъ черезъ Балканы вполне успѣшно, главнымъ образомъ вслѣдствіе слабаго сопротивленія непріятеля, но съ другой онъ не скрывалъ отъ себя и рискованности этого предпріятія, вслѣдствіе чего намъ, быть можетъ, пришлось-бы вести третью кампанію.

Переправа черезъ Камчикъ. Мы уже знаемъ, что согласно распоряженію главнокомандующаго, переправа черезъ Камчикъ должна была состояться 5 іюля, въ двухъ мѣстахъ: колонна Ридигера — у Кебрикія, а колонна Рота — у Дервишъ-Іована.

¹⁾ В. У. А. № 2708 (А), отд. 2, всенод. донесеніе Дибича отъ 9-го іюля 1829 г. № 2132.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всенод. письмо Дибича отъ 5-го іюля 1829 г. изъ лагеря Енжикіой близъ Шумлы. Превосходство на Черномъ морѣ могло быть потеряно нами, въ случаѣ появленія въ немъ англійскаго флота.

Но предположеніе это не осуществилось: Ротъ могъ начать переправу только въ ночь на 7-е іюля, а Ридигеръ—въ ночь на 6-е. Задержка этихъ колоннъ произошла вслѣдствіе затруднительности движенія по дурнымъ дорогамъ, испорченнымъ дождями, а переправа колонны Рота, кромѣ того, была замедлена тѣмъ, что она встрѣтила большія мѣстныя затрудненія у Подбаши и вынуждена была двинуться вправо къ Дюльгеръ-Юрду, такъ что, хотя колонна эта достигла Камчика 5 іюля, какъ и предполагалось, но переправу могла только произвести въ ночь на 7-е.

Такимъ образомъ переправу черезъ Камчикъ начала колонна Ридигера.

Переправа у Кебрикіой Принимая, что вечеромъ 4 іюля вся колонна Чалы-Малы въ ночь колонна ген. Ридигера была сосредоточена у сѣ 5 на 6 іюля 1829 г. Кадыкіой и что въ теченіе этого дня были произведены развѣдки въ направленіи на Іеникіой (Новосело), Кебрикіой и Чалы-Малы.

Получивъ свѣдѣнія, что у Чалы-Малы позиція турокъ не такъ сильна, какъ у Кебрикіой и что тамъ меньше укрѣпленій и непріятельскихъ силъ, Ридигеръ рѣшилъ у Кебрикіой произвести только демонстрацію, а переправу главныхъ силъ совершить ниже этой деревни, у Чалы-Малы.

Принявъ такое рѣшеніе, Ридигеръ сдѣлалъ на 5 іюля слѣдующія распоряженія.

Авангардъ, состоящій изъ 3-й бригады 19-й пѣх. дивизіи, легкой № 3 роты, 4 орудій легкой № 2 и 4 оруд. батарейной роты 19-й артилерійской бригады, 7-го піонернаго баталіона (кромѣ одного взвода) и Чернушкина казачьяго полка (4 б., 16 ор., каз. п. и піон. б.) съ разсвѣтомъ 5 іюля долженъ былъ двинуться по правому берегу р. Кадыкіой-дере; за авангардомъ должны были идти главныя силы подъ начальствомъ ген.-маіора кн. Горчакова, состоявшія изъ 2-й и 3-й бригадъ 18 пѣх. дивизій (Уфимскій, Пермскій, 35 и 36 егерскіе полки) съ батарейною и легкой № 3 ротою 18 артилерійской бригады (8 б., 16 п. ор.), со всѣми обозами. Всѣ эти войска должны были дѣйствовать противъ Чалы-Малы.

Для демонстраціи былъ назначенъ отрядъ генералъ-маіора Жирова, состоявшій изъ Вятскаго пѣх. полка (924 чел.), казачьяго полка Шлына (313 чел.) и взвода піонеры (2 б., каз. п. и взводъ піонеры), всего 1300 чел.; этотъ отрядъ долженъ былъ идти къ Кебрикіою и отвлечь силы непріятеля отъ Чалы-Малы, а когда у этого мѣста переправа главной колонны будетъ окончена и оттуда вой-

чка ея пойдуть для атаки позиціи и Кебрикію. тогда форсировать переправу у этого мѣста.

Чтобы скрыть свое движеніе, авангардъ пошелъ изъ Кадыкію не по лучшей дорогѣ, а по горѣ, вдоль болотистой рѣчки Кадыкіюй-дере (Праводы-дере), по весьма дурной дорогѣ, которую нужно было постоянно то расчищать, то устраивать переходы черезъ болота. Пройдя д. Лулталларъ, авангардъ свернулъ вправо и началъ подыматься на хребетъ, причемъ подъемъ этотъ былъ очень затруднителенъ, какъ вслѣдствіе крутизны, такъ и дурной дороги, испорченной дождями. Во второмъ часу дня, авангардъ остановился верстахъ въ двухъ отъ Чалы-Малы, скрытно, въ лѣсу; здѣсь авангардъ простоялъ часа четыре, ожидая подъема на горы артилеріи и понтоновъ; за невозможностью втащить всѣ 16 орудій, 4 орудія были оставлены у подъема на хребетъ ¹⁾.

Такимъ образомъ къ вечеру 5 іюля войска колонны Ридигера подошли къ Камчику и можно было начать переправу.

Для обезпеченія успѣха переправы колонны ген. Ридигера Дибичъ приказалъ ген. Куприсянову съ 3-й бригадой 10-й пѣх. дивизіи (19-й и 20-й егерскіе полки) и казачьимъ полкамъ Золотарева 2-го выступить 4 іюля изъ Праводъ и идти черезъ Комарово (Комарно), Чамурлу и Іеникію внизъ по Камчику къ Кебрикію для прикрытія переправы отъ непріятеля, который могъ прійти отъ Шумлы ²⁾.

Положеніе турокъ въ ночь съ 5 на 6 іюля было слѣдующее: у Кебрикію, на укрѣпленной позиціи, находился отрядъ двухбунчужнаго паши Юсуфа, силою въ 3000 чел. съ артилеріей: онъ оборонялъ бывший здѣсь черезъ Камчикъ мостъ.

Ниже Кебрикію, у Чалы-Малы, турки имѣли отрядъ въ 1000 чел. ³⁾, также на укрѣпленной позиціи.

Такимъ образомъ всего Ридигеръ имѣлъ противъ себя около 4000 ч., а самъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 6000 чел. (5288 п., 561 конницы и 30 ор. ⁴⁾), т. е. почти въ полтора раза больше. Зато на сторонѣ турокъ были выгоды мѣстныя.

¹⁾ В. У. А. № 2864. Историческій журналъ дѣйствій войскъ генераль-лейтенанта Ридигера.

²⁾ В. У. А. № 2872, Историческій журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Красовскаго.

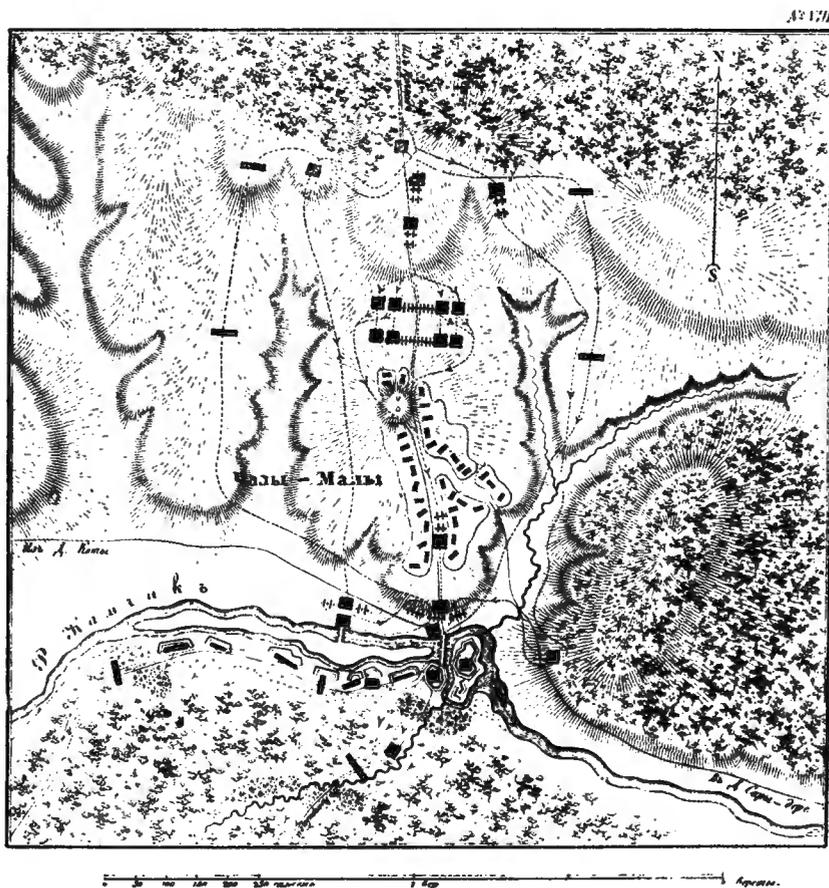
³⁾ Мохьтке (переводъ Шильдера, часть 2-я, глава 4-я, страница 152).

⁴⁾ Цифры взяты изъ вѣдомостей, подписанныхъ ген.маіор. Бергомъ ген. кварт. 2-й арміи (В. У. А. № 2855 и 2889). Приложение № 22.

Дѣйствіе авангарда. Жѣлая воспользо­ваться остатками дня, уже близившагося къ вечеру, ген. Ридигеръ, который находился при аван­гардѣ, рѣшилъ, какъ только прибыли понтоны, не ожидать прибы­тія главныхъ силъ и двинуть авангардъ къ Чалы-Малы. Съ этой цѣлью онъ раздѣлилъ авангардъ на *три колонны*, каждая силою

Переправа у д. Чалы-Малы.

5 іюля 1829 г.



въ одинъ баталіонъ и четыре орудія, а четвертый баталіонъ соста­вилъ резервъ. Правая колонна состояла изъ перваго баталіона 37 егерскаго полка и 4 орудій: она обошла селеніе Чалы-Малы справа развернулась противъ турецкой позиціи почти у самаго берега рѣчки; средняя колонна состояла изъ перваго баталіона 38 егерскаго полка и 4 орудій; она прошла черезъ Чалы-Малы и соеди­нилась съ правой: обѣ колонны открыли по непріятельской пози­

ці артилерійській и ружейный огонь, на который турки отвѣчали *сильнымъ ружейнымъ огнемъ изъ ложементовъ и редутовъ*, построенныхъ вдоль по рѣкѣ. Между тѣмъ лѣвая колонна, состоявшая изъ второго баталіона 38 егерскаго полка и 4-хъ орудій, прошла мимо Чалы-Малы и остановилась на высотѣ близъ рѣки. отсюда продольнымъ огнемъ дѣйствовала по непріятельской позиціи. Наконецъ, резервъ, состоявшій изъ второго баталіона 37 егерскаго полка, поддерживалъ первыя двѣ колонны.

Пока производилась канонада и перестрѣлка, піонеры устраивали мосты съ лѣваго берега Камчика черезъ сѣверный его протокъ на длинный островъ, бывшій по срединѣ рѣки; часа два турки поддерживали сильный огонь, но затѣмъ онъ началъ ослабѣвать, въ особенности съ участка позиціи, бывшаго за упомянутымъ длиннымъ островомъ; тогда піонеры навели мосты на этотъ островъ черезъ сѣверный протокъ Камчика и 1-й баталіонъ 37 егерскаго полка прошелъ на островъ и выбилъ турокъ, засѣвшихъ на немъ. Послѣ этого баталіонъ этотъ вернулся на лѣвый берегъ Камчика: въ это время огнемъ нашей артилеріи и стрѣлковъ турки были выгнаны изъ большого редута, бывшаго на островѣ, прямо противъ Чалы-Малы и тогда мостъ былъ спущенъ внизъ по рѣкѣ и установленъ противъ этого редута. Часу въ двѣнадцатомъ ночи мостъ былъ готовъ и тогда 3-я бригада перешла на правый берегъ Камчика и овладѣла всѣми укрѣпленіями на немъ. Непріятель бѣжалъ къ Керрикію; у него взято 4 знамени и нѣсколько человекъ плѣнныхъ. Тѣмъ временемъ главныя силы догнали авангардъ и выстроились у Чалы-Малы.

Дѣйствіе колонны ген.-маіора Жирова. Пока происходило это дѣло у Чалы-Малы, колонна генерала Жирова наступала къ Керрикію; подойдя къ Камчику, она нашла на лѣвомъ берегу его *застѣки*, за которыми находились турецкіе стрѣлки. Завязавъ съ ними перестрѣлку, Жировъ не переходилъ въ наступленіе, но когда у Чалы-Малы началась сильная перестрѣлка, то ему показалось, что войска наши уже атакуютъ позицію у Керрикію; поэтому онъ приказалъ Вятскому полку атаковать турокъ. Полкъ этотъ выбилъ турокъ изъ застѣки и прогналъ ихъ за Камчикъ, черезъ который они перебрались по кладнямъ и разобрали ихъ; тогда завязалась перестрѣлка между нашими и турецкими стрѣлками черезъ рѣку и продолжалась до ночи. Въ это время генераль Жировъ убѣдился, что

войска наши еще не ведутъ атаки на Кепрікіюй, а потому отступили отъ рѣки и провели здѣсь ночь ¹⁾).

Потери наши у Чалы-Малы и Кюпрікіюя въ теченіе 5-го іюля были слѣдующія: у Чалы-Малы мы потеряли 1 офицера и 42 нижнихъ чина ранеными и 2 нижнихъ чина убитыми; при Кюпрікіюй убитъ 1 офицеръ и ранено 2 офицера, въ томъ числѣ командиръ Вятскаго полка полковникъ Загорскій: нижнихъ чиновъ убито—11 и ранено 48 человекъ.

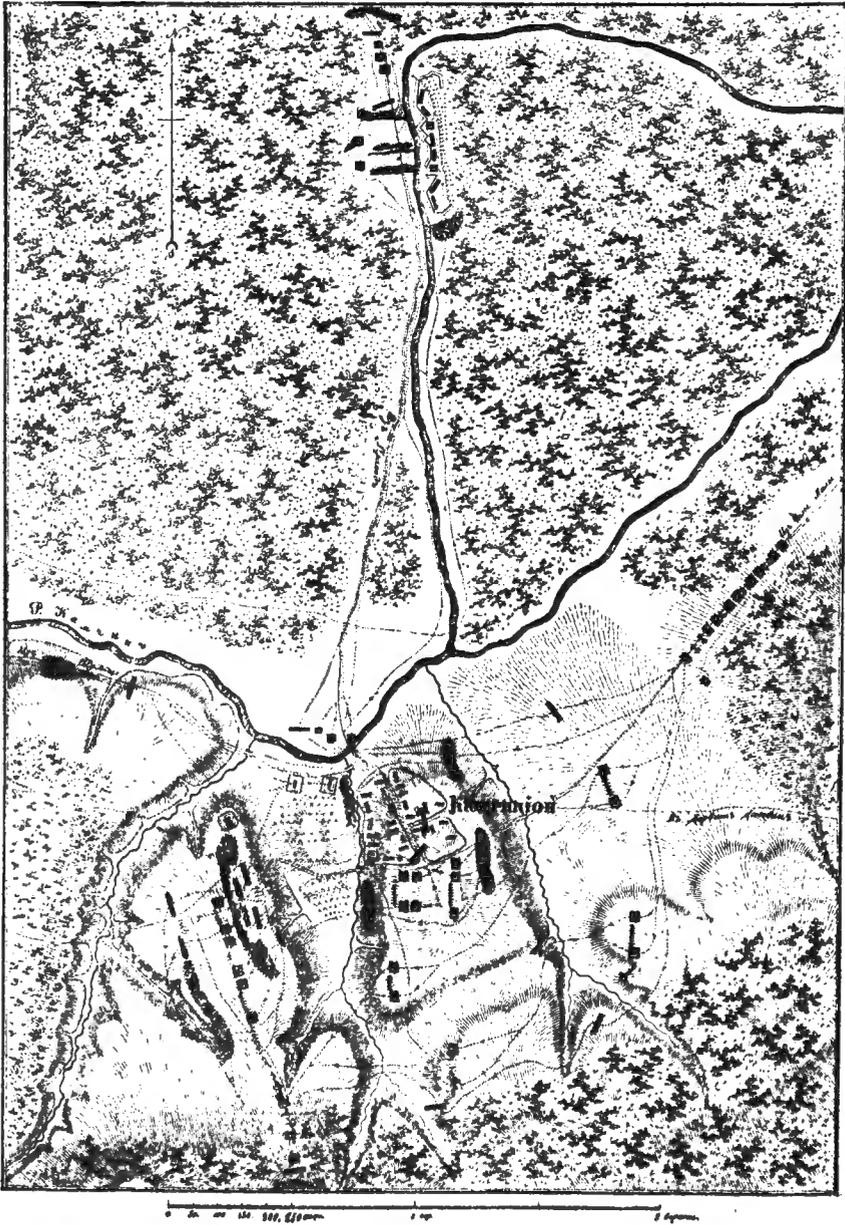
Атака Кюпрікіюя. Въ 2 часа утра 6-го іюля мостъ у Чалы-Малы (Кепрікіюя). Малы былъ совершенно оконченъ и черезъ него перешли главныя силы и двинулись къ Кюпрікіюю. Авангардъ былъ составленъ изъ 3-й бригады 19-й пѣх. дивизіи, 7-го піонернаго баталіона, шести орудій легкой № 3 роты, 4-хъ орудій батареинной роты и четырехъ орудій легкой № 2 роты 19-й артилерійской бригады и казачьяго Чернушкина полка (4 баталіона, 14 ор. казачій полкъ); онъ двинулся къ Кепрікіюю, имѣя впереди казачій полкъ. Главныя силы состояли изъ 3-й бригады 18-й пѣх. дивизіи, Пермскаго пѣх. полка съ батареею и легкой № 3 ротой 18-й артилерійской бригады (6 бат., 16 п. орудій) и слѣдовали за авангардомъ. Для прикрытія моста у Чалы-Малы и вагенбурга былъ оставленъ Уфимскій полкъ, два орудія легкой № 3 роты 19-й артил. бриг. и 60 казаковъ Чернушкина полка. Движеніе войскъ, отъ Чалы-Малы вслѣдствіе чрезвычайно дурной дороги, было такъ затруднительно, что они только въ 8 часу утра подошли къ опушкѣ лѣса, откуда до Кюпрікіюйской позиціи было около двухъ верстъ и мѣстность далѣе до лагеря была открытая. Здѣсь Ридигеръ рѣшилъ двинуть войска для атаки позиціи турокъ у Кюпрікіюя и приказалъ раздѣлить авангардъ на *два* колонны; въ лѣвой находился 38 егерскій полкъ съ 4-мя батареейнными орудіями и 4-мя орудіями легкой № 2 роты 19-й артилерійской бригады, а въ правой — 37-й егерскій полкъ и 6 орудій легкой № 3 роты 19-й артилерійской бригады. Обѣ эти колонны были направлены въ обходъ праваго фланга непріятеля, причемъ лѣвая шла по полугорѣ, а правая вдоль подошвы высотъ.

Когда изъ лѣса вышли главныя силы, то онѣ были направлены прямо на дер. Кюпрікіюй для атаки турецкой позиціи, бывшей за деревней.

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій войскъ генералъ-лейтенанта Ридигера.

Дѣло при д. Бюприкюй.

6 іюля 1829 г.



Пройдя д. Кюприкіой, 35-й и 36-й полки пошли въ атаку на редутъ, бывший на горѣ: но турки не встрѣтили атаки, а отступили изъ редута вмѣстѣ съ орудіями, которыя были въ немъ, и съ кавалеріей, бывшей на горѣ, близъ редута, по дорогѣ къ Суджулуку (Сунджукъ—на югъ). Между тѣмъ къ этой дорогѣ наступала 3-я бригада 19-й пѣх. дивизіи, но она не успѣла достигнуть ея какъ турки уже прошли по ней. Когда 3-я бригада прибыла, Ридигеръ приказалъ ей преслѣдовать турокъ по дорогѣ къ Сунджулуку, а полки 18-й пѣх. дивизіи съ ихъ артилеріей заняли позиціи за дер. Кюприкіой, фронтомъ къ Шумлѣ. Казаки въ преслѣдованіи участія не приняли, а продолжали, какъ и въ началѣ боя, охранять флангъ.

Пока происходило дѣло у Кюприкіоя, ген. Жировъ обстрѣливалъ непріятеля съ лѣваго берега Камчика, и когда турецкая позиція уже была взята, тогда казачій полкъ Ильина перешелъ Камчикъ вълавы, а Вятскій оставался на лѣвомъ берегу въ теченіе всего дня, пока не былъ наведенъ мостъ.

Авангардъ преслѣдовалъ турокъ на протяженіи 6 верствъ, а затѣмъ вернулся въ Кюприкіой. Трофеи наши состояли изъ 3-хъ знаменъ и 4-хъ орудій, плѣнныхъ было взято немного ¹⁾. Потеря наша была очень незначительна.

Весь непріятельскій лагерь и значительный обозъ попали въ наши руки.

Что касается отряда ген. Куряева, то онъ доходилъ почти до Кюприкіоя, но нигдѣ непріятеля не замѣтилъ, а потому 6-го іюля вернулся въ Праводы ²⁾.

Для обезпеченія переправы у Кюприкіоя, Ридигеръ, по приказанію Дибича, оставилъ Вятскій пѣх. полкъ, 38-й егерскій полкъ, 6 орудій легкой № 3 роты и 4 орудія легкой № 2-й роты 19-й артилерійской бригады (4 бат., 10 орудій) ³⁾ подъ начальствомъ г.-м. Роговскаго ⁴⁾. У этого мѣста мостъ, бывший у Кюприкіоя, былъ возстановленъ и прикрытъ предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Такимъ образомъ черезъ переправу у Кюприкіоя открылось кратчайшее сообщеніе между войсками, наступавшими черезъ Балканы и наблюдательнымъ отрядомъ, оставленнымъ противъ Шумлы.

¹⁾ В. У. А. № 2861, историческій журналъ дѣйствій войскъ г.-л. Ридигера.

²⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго. 1892 г.

³⁾ В. У. А. № 2864, историч. журн. войскъ ген. Ридигера.

⁴⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго. 1829 г.

Изъ Кюприкіюя Ридигеръ продолжалъ движеніе, согласно первоначальному распоряженію главной квартиры арміи. къ Дервишкіюю чтобы помочь колоннѣ Рота.

Еще 5-го іюля ген. Ридигеръ послалъ изъ Чалы-Малы казачій разъѣздъ для связи съ колонной ген. Рота и получилъ съ этимъ разъѣздомъ извѣстіе, что колонна эта еще не переправилась при Дервишъ-Іованѣ. Въ виду этого Ридигеръ выступилъ изъ Кюприкіюя въ 11 час. веч. 6-го іюля и двинулся къ Кучукъ-Чифтликъу для содѣйствія ген. Роту при переправѣ его колонны черезъ Камчикъ. Впереди пошли полки Ильина и Чернупкина, за ними 7-й піонерный баталіонъ, а затѣмъ Пермскій полкъ, 35-й, 36-й и 37-й егерскіе полки, батарейная рота 18-й артилерійской бригады, 4 орудія батарейной роты 19-й артилерійской бригады и легкая № 3 рота 18-й артилерійской бригады (18 бат., 20 ор). Уфимскій полкъ съ двумя орудіями легкой № 3 роты 19-й артилерійской бригады, бывший при обозѣ въ Чалы-Малы, получилъ приказаніе идти прямо изъ этого пункта въ Кучукъ-Чифтликъ, на соединеніе съ корпусомъ. Понтонный мостъ, бывший у Чалы-Малы приказано было поднять къ Кюприкіюю. Сдѣлавъ ночной переходъ въ 18 верстъ, войска къ разсвѣту 7-го іюля прибыли къ Кучукъ-Чифтликъу и стали здѣсь на привалъ ¹⁾).

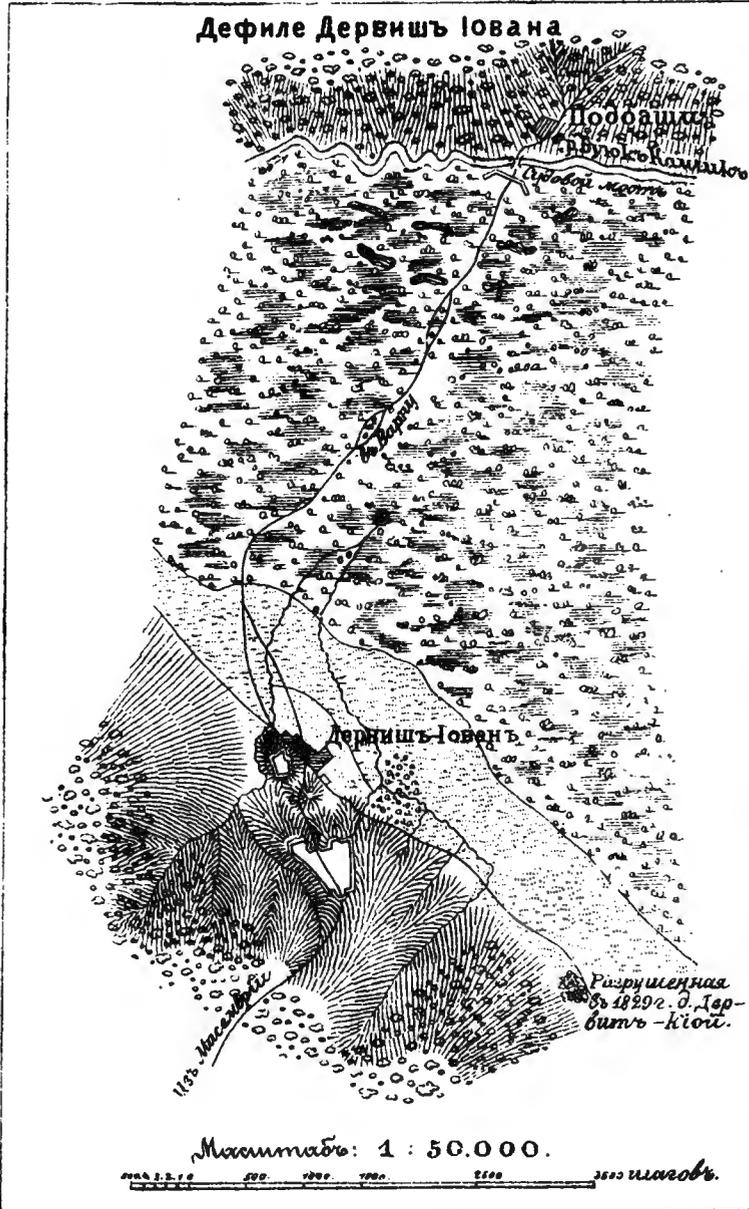
Переправа черезъ Камчикъ у Дервишъ-Іована 6-го и 7-го іюля 1829 г. 5-го іюля колонна ген. Рота достигла лѣваго берега Камчика у дер. Подбаши и начала готовить переправу. Мѣстность у этой деревни представляла слѣдующія особенности. Здѣсь Камчикъ протекаетъ по широкой болотистой долинѣ: главное русло его протекаетъ у сѣвернаго края этой долины; ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ около 50 шаговъ, она очень глубока и имѣетъ быстрое теченіе: сѣверный берегъ глинистый и обрывистый, высотой отъ 8 до 12 футовъ. У дер. Подбаши черезъ Камчикъ былъ перекинутъ плавучій мостъ, на судахъ. Ширина болотистой долины была около 3—4 верстъ; она была очень трудно проходима и самыя разнообразныя болотистыя растенія образовали здѣсь почти непроходимую чащу; черезъ болото это пролегала только одна, весьма плохая дорога. Оба берега рѣки, а отчасти и болото, были покрыты густыми лѣсами, среди которыхъ подымались вѣковые дубы, перелетенные плющемъ гигантскихъ размѣровъ. Такимъ образомъ форсированіе переправы въ этомъ мѣстѣ было чрезвычайно затруднительно, да кромѣ того турки укрѣпили доступы къ ней. А именно, у Подбаши

¹⁾ В. У. А. № 2861. историческій журналъ дѣйствій войскъ ген. Ридигера. ОЧЕРКЪ ПОХОДА.

и Дервишь-Ювана они имѣли отрядъ въ 3,000 чел. при 12 — 18 орудіяхъ ¹⁾. Этотъ отрядъ занималъ укрѣпленную позицію у

Переправа черезъ Камчикъ у Дервишь-Ювана.

6 и 7 іюля 1829 г.



¹⁾ Мольке (переводъ Н. Шильдера. ч. 2, гл. 1, стр. 151). и Лукьяновичъ, ч. 4, гл. XII, стр. 15.

Дервишъ-Ювана, на правомъ берегу Камчика; здѣсь укрѣпленія были расположены у подошвы высотъ праваго берега и состояли изъ бруствера, одѣтаго плетнемъ; артилерія стояла въ укрѣпленіи, открытомъ съ горжи и съ амбразуррами; чтобы открыть артилеріи обстрѣль, турки срубили здѣсь лѣсъ на протяженіи отъ 500 до 600 шаговъ. Часть турецкаго отряда занимала позицію у Подбашы, на лѣвомъ берегу Камчика.

Приближаясь съ сѣвера къ нижнему Камчику, войска наши встрѣтили большія затрудненія: дорога проходила по узкому лѣсному ущелью, а вслѣдствіе дождливой погоды глинистый грунтъ совершенно размокъ, такъ что движеніе было и медленно, и утомительно. Опушку лѣса на лѣвомъ берегу рѣки заняли разсыпанные егеря и подъ прикрытіемъ ихъ огня была произведена развѣдка, изъ которой выяснилось, что атаковать турецкую позицію съ фронта крайне трудно, тѣмъ болѣе, что, по близости Подбашы, не было мѣста удобнаго для наводки понтоннаго моста.

Цѣлый день продолжалась перестрѣлка егерей съ турками, занимавшими позицію у Подбашы, но не привела ни къ какому результату, а потери наши достигли 100 человекъ. Тогда Ротъ рѣшился обойти неприятельскую позицію съ ея лѣваго фланга.

Въ семи верстахъ выше Дервишъ-Ювана на лѣвомъ берегу Камчика находилась д. Дюльгеръ-Юрду; здѣсь Камчикъ раздѣлялся на нѣсколько рукавовъ и образовалъ три небольшихъ острова, которыми можно было воспользоваться для наводки мостовъ. Въ этомъ мѣстѣ Ротъ рѣшилъ совершить переправу и приказалъ генерал-майору Вельямнову идти туда съ четырьмя полками 16 пѣхотной дивизіи (Селенгинскій, Якутскій, Охотскій и 32 егерскій ¹), батареейной № 1 и легкой № 2 и ротами 16 артилерійской бригады, полуротой горной артилеріи, казачьимъ Ежова полкомъ и двумя ротами піонеръ 6-го баталіона, всего 8 бат., 16 п. ор., 6 горныхъ ор., казачій полкъ и ¹/₂ бат. піонеръ, силою—2955 чел. пѣхоты и 366 казаковъ (вмѣстѣ съ артилерією и піонерами 3844 чел.).

За этими войсками шли Муровскій и Симбирскій полки и 3-я бригада 7-й пѣх. дивизіи, 3 оруд. батареейной № 1 роты 7-й артилерійской бригады, 4-я уланская дивизія и кошная рота № 28, всего 7 кат. ²), 3 п. ор., 16 эск. и 8 кон. ор., силою 2600 чел. пѣхоты и

¹) Камчатскій полкъ былъ въ Сизополѣ, а 31-й егерскій былъ оставленъ въ Беаджіюхъ съ обозами.

²) Муромскій полкъ въ составѣ одного баталіона (466 ч.).

2051 чел. конницы (вмѣстѣ съ артилерією—4875 чел.)¹⁾, а для отвлеченія вниманія и силъ противника онъ оставилъ противъ Дервишь-Іована генераль-маіора Фролова съ 9 и 10 егерскими полками²⁾ и Нижегородскимъ пѣх. полкомъ съ 18 орудіями³⁾, казачьимъ Бакланова полкомъ и ротой піонеръ 6 баталіона, всего 6 б., 18 ор., казачій полкъ и 1 рота піонеръ, силою 3043 чел. пѣхоты и 134 казака (вмѣстѣ съ артилерією и піонерами—3606 чел.)⁴⁾.

Генераль Ротъ пошелъ съ колонной Вельяминова. Дорога, по которой пошла эта колонна, пролегала въ густыхъ лѣсахъ и была на столько затруднительна для движенія, что понтоны едва могли быть доведены до мѣста переправы.

Когда войска колонны Вельяминова появились у Дюльгеръ-Юрду, то они были встрѣчены сильнымъ огнемъ изъ укрѣпленій, расположенныхъ на противоположномъ берегу рѣки; подѣ сильнымъ огнемъ пришлось приступить къ постройкѣ мостовъ и только къ 10 час. веч. 6 іюля было готово три моста, а четвертый былъ наведенъ лишь въ теченіе ночи. Самая переправа началась съ разсвѣтомъ 7 іюля, когда 12 орудій открыли огонь и подѣ прикрытіемъ его двинулись черезъ мосты Муромскій батальонъ, а за нимъ Якутскій и 32 егерскій полки.

Перейдя послѣдній мостъ, войска эти бросились на непріятельскую позицію и овладѣли ею и тремя знаменами. Очистивъ позицію, турки бросились бѣжать въ разныя стороны въ лѣсъ, къ Дервишь-Іовану и къ Буюкъ-Чифтликку, бросая оружіе и свое имущество. Тогда колонна Вельяминова двинулась къ Дервишь-Іовану, гдѣ былъ турецкій укрѣпленный лагерь. Впереди этой колонны шель авангардъ, подѣ начальствомъ ген.-маіора Набеля, состоявшій изъ батальона Муромскаго полка, 32 егерскаго полка съ 4 орудіями легкой № 2-й роты 16 артилерійской бригады, а также Харьковскаго уланскаго полка; остальные уланскіе полки съ конной ротой № 28 также вскорѣ присоединились къ авангарду, опередивъ пѣхоту главныхъ силъ⁵⁾. При этомъ движеніи войска встрѣтили

¹⁾ В. У. А. № 2855 и 2889. вѣдомости подписанныя генераль-маіоромъ Бергомъ. Приложение № 22.

²⁾ 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи, которая была выдѣлена изъ резерва гр. Палена для поддержки колонны Рота.

³⁾ Легкая № 3 рота 5-й артилерійской бригады, 4 ор. батарейной № 1 роты 6-й артилерійской бр., 6 ор. горной артилерій.

⁴⁾ В. У. А. № 2855 и 2889. вѣдомости подписанныя генераль-маіоромъ Бергомъ. Приложение № 22.

⁵⁾ В. У. А. № 2855 и № 2889, вѣдомости подписанныя г.-м. Бергомъ. Приложение № 22.

большія затрудненія: наибольшее препятствіе было причинено дорогою, которую приходилось прочищать топорами, через болотистый лѣсъ; большая часть войскъ была употреблена на эту работу, причемъ офицеры помогали солдатамъ и подавали имъ примѣръ; вода въ ручьяхъ была по поясъ; наименьшее сопротивленіе оказалъ непріятель, а между тѣмъ ему легко было бы задержать наступленіе нашихъ войскъ на такой пересѣченной мѣстности; но турки бѣжали безъ оглядки до позиціи при Дервишъ-Юванѣ. Преодолѣвъ наконецъ все препятствія, войска наши дошли до этой позиціи. На встрѣчу имъ вышелъ вновь сформированный турецкій уланскій полкъ; взявъ пикн на перевѣсъ, онъ остановился. Тогда на него пошелъ въ атаку казачій полкъ Ежова, но атаку не довелъ до конца—часть казаковъ проскользнула мимо фланговъ, а другая повернула назадъ. За казаками пошелъ въ атаку Петербургскій уланскій полкъ¹⁾; турки по прежнему стояли неподвижно, но уланы не повернули назадъ, а довели атаку до конца, опрокинули весь полкъ, перекололи множество людей и захватили большое число плѣнныхъ.

Вслѣдъ затѣмъ Ротъ приказалъ вызвать на позицію 8 пѣшихъ и 8 коныхъ орудій²⁾ и открыть огонь по укрѣпленной позиціи турокъ у Дервишъ-Ювана; баталіону Муромскаго полка и 32 егерскому полку приказано было обойти турецкую позицію съ обонхъ фланговъ, а остальной пѣхотѣ и кѣнницѣ атаковать непріятеля съ фронта.

Въ это же время перешли въ наступленіе войска отряда ген. Фролова, оставленнаго ген. Ротомъ для демонстративныхъ дѣйствій противъ фронта непріятельской позиціи со стороны Подбаши.

Мостъ на судахъ, который турки имѣли черезъ Камчикъ, былъ ими разведень: тогда егеря 9 и 10 полковъ двинулись бродомъ и, держа патронныя сумы надъ головами, перешли рѣку и вмѣстѣ съ казаками Бакланова полка атаковали турокъ. Охотники этихъ двухъ полковъ, въ числѣ 200 человекъ, бросились черезъ рѣку вплавъ. Турки не выдержали этой атаки, дали одинъ только залпъ картечью и взяли орудія въ передки; но едва успѣли они спуститься въ лощину, какъ были постигнуты Харьковскимъ и Курляндскимъ уланскими полками, а затѣмъ и пѣхотою, причемъ у турокъ было захвачено 6 знаменъ, 5 орудій, 200 плѣнныхъ, 35 боченковъ по-

¹⁾ У Лукьяновича сказано—Харьковскій уланскій полкъ.

²⁾ Легкая № 2 рота 16-й артилерійской бригады и конная № 28 рота.

роха и множество артиллерійскихъ снарядовъ. Затѣмъ при преслѣдованіи турокъ казаки Бакланова полка отбили еще одно орудіе.

Наши потери въ колонніѣ Рота состояли изъ нѣсколькихъ офицеровъ и до 200 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ. У турокъ былъ убитъ начальникъ ихъ отряда Ибрагимъ-ага; потеря въ людяхъ была значительная, плѣнными они потеряли до 300 чел.

По окончаніи этого дѣла, ген. Ротъ далъ отряду короткій отдыхъ, а затѣмъ приказалъ г.-м. Завадскому съ 3-й бригадой 7-й пѣх. дивизіи, Пестербургскимъ уланскимъ полкомъ, казачьимъ Ежова полкомъ и 6-ю орудіями двинуться къ д. Аспро для преслѣдованія непріятели.

Какъ мы знаемъ изъ письма Дибича къ Государю, колонна ген. Ридигера должна была послѣ переправы черезъ Камчикъ у Кеprикіоя идти къ Дервишъ-Ювану и помочь колонніѣ Рота переправиться въ этомъ мѣстѣ черезъ Камчикъ. Затѣмъ мы знаемъ, что Ридигеръ получилъ свѣдѣніе отъ высланнаго имъ 5-го іюля разъѣзда, что Ротъ еще не перешелъ Камчика, а потому и выступилъ изъ Кеprикіоя въ 11 час. вечера 6-го іюля. Сдѣлавъ ночной переходъ въ 18 верстъ, Ридигеръ прибылъ съ своими войсками, на разсвѣтѣ 7-го іюля, къ Кучукъ-Чифтлику и здѣсь остановился на привалѣ. Казалось-бы, что затѣмъ ему слѣдовало продолжать движеніе, но вышло иначе. «Желая дать отдыхъ войскамъ, сказано въ историческомъ журналѣ дѣйствій войскъ Ридигера ¹⁾, дѣлавшимъ безпрестанные марши, и присоединить вагенбургъ съ Уфимскимъ полкомъ и двумя легкими № 3 роты 19-й артиллерійской бригады орудіями, г. командующій корпусомъ продолжать привалъ часа до третьяго пополудни». Между тѣмъ ожидаемый вагенбургъ сбился съ дороги и едва прибылъ къ тремъ часамъ дня 7-го іюля и только послѣ этого войска двинулись по дорогѣ къ Буюкъ-Дербенту; на пути было получено извѣстіе, что колонна ген. Рота утромъ въ тотъ-же день уже совершила переправу черезъ Камчикъ у Дервишъ-Ювана. Къ семи часамъ вечера колонна Ридигера прибыла въ Буюкъ-Дербентъ, гдѣ и расположилась на ночлегъ, фронтомъ къ Арнаутлару.

Къ этому пункту былъ выдвинуть казачій Пльина полкъ, который нашелъ тамъ часть войскъ изъ колонны Рота.

Такъ совершилась переправа нашихъ войскъ черезъ Камчикъ.

Движеніе резерва гр. Палена. Пока колонны Рота и Ридигера переправлялись черезъ Камчикъ, резервъ гр. Палена также двигался впередъ. Мы уже знаемъ, что поздно вечеромъ 6-го

¹⁾ В. У. А. № 2861, историческій журналъ дѣйствій войскъ г.-л. Ридигера.

юля эти войска заняли Девно, сдѣлавъ въ этотъ день переходъ изъ Таушанъ-Козлуджи слишкомъ въ 25 верстѣ. Такимъ образомъ въ тотъ день, когда наши войска переправлялись у Кепрікія и Дервишъ-Іована черезъ Камчикъ, резервъ стоялъ, примѣрно, въ разстояніи 25—30 верстѣ отъ каждаго изъ этихъ пунктовъ. Изъ резерва была выдвинута въ колонну Рота къ Подбаши 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи. 7-го юля, когда Ротъ и Ридигеръ уже перешли Камчикъ, главная квартира и резервъ перешли изъ Девно черезъ Гебеджи въ Османджи (16 верстѣ) ²⁾. Войска выступили изъ Девно въ полдень и къ вечеру прибыли по назначенію.

Положеніе нашихъ войскъ 7-го юля вече- ромъ. Такимъ образомъ общее положеніе нашихъ войскъ 7-го юля было слѣдующее:

- 1) Колонна Рота у Дервишъ-Іована.
- 2) Колонна Ридигера у Буюкъ-Чифтлика.
- 3) Резервъ Палена у Усманджи, примѣрно, въ 20 верстахъ къ сѣверу отъ этихъ колоннъ.

Красовскій у Енибазара, примѣрно, въ 60 верстахъ отъ Османджи.

Припомнимъ, что согласно первоначальному распоряженію главной квартиры арміи, войска должны были 7-го юля дойти:

- 1) Колонна Рота—до Эмине или даже Палиобана.
- 2) Колонна Ридигера—за Айваджикъ.
- 3) Резервъ Палена—за Арнаутларъ.

Этихъ мѣстъ войска не достигли и прошли менѣе чѣмъ было назначено:

- 1) Колонна Рота—слишкомъ 30 верстѣ.
- 2) Колонна Ридигера—около 15 верстѣ.
- 3) Резервъ Палена—около 30 верстѣ.

Такимъ образомъ расчетъ главной квартиры арміи, сдѣланный на 9 дней впередъ, не совсемъ оправдался, что вполне понятно, если принять во вниманіе значительныя затрудненія, которыя встрѣтили войска при движеніи къ Камчику и при переправѣ черезъ него.

Что же сдѣлали турки въ то время какъ наши войска переправлялись черезъ Камчикъ? Отряды защищавшіе переправы у Кепрікія и Дервишъ-Іована, какъ мы видѣли, не оказали намъ особеннаго сопротивленія, резервы, которые турки имѣли въ окрестностяхъ

²⁾ В. У. А. № 2901 (А), диспозиція на 7-е число юля, лагерь при укрѣпленіи Девно 7-го юля 1829 г.; см. приложение № 5.

Миземврѣн, не поддержали эти отряды, а визирь оставался въ полномъ бездѣйствіи въ Шумлѣ.

Мѣры противъ чумы. Необходимо отмѣтить, что движеніе нашихъ войскъ къ Балканамъ еще затруднялось и замедлялось мѣрами, которыя были приняты для того, чтобы войска выступавшія въ горы не унесли съ собою чумы. Такъ, напримѣръ, при выступленіи войскъ изъ Девно были приняты слѣдующія мѣры предосторожности, изложенныя въ диспозиціи на 7 іюля ¹⁾.

«Генераль-маіору Малиновскому поручается сдѣлать распоряженіе, чтобы въ 11 час. пополудни отъ моста, что на рѣкѣ Девнѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги на Гебеджи, на пространствѣ одной версты, выставлена была цѣпь изъ двухъ ротъ Ладожскаго пѣхотнаго полка, для предупрежденія всякаго сообщенія войскъ, наступающихъ изъ Девно съ частями, при Девно расположенными, по лѣвому берегу рѣки. При семъ должна быть соблюдена всевозможная осторожность и въ отношеніи помянутыхъ двухъ ротъ Ладожскаго полка, кои имѣютъ остаться въ Девно, для отправленія этапной службы, впродъ до того времени, какъ Одесскій полкъ выйдетъ изъ всякаго сомнѣнія на счетъ заразительной болѣзни и что остается на совершенной отвѣтственности командира сихъ двухъ ротъ Ладожскаго полка, въ которыхъ нынѣ никакихъ признаковъ заразы нѣтъ.

«Остальныя двѣ роты Ладожскаго полка, изъ коихъ одна имѣетъ прибыть сегодня (т. е. 7 іюля) съ маркитанскимъ обозомъ въ Девно, должны быть направлены въ Гебеджи, гдѣ онѣ и имѣютъ содержать карантинъ, по особому распоряженію дежурнаго генерала арміи, на томъ же основаніи, какъ и вышеупомянутыя роты Ладожскаго полка».

Письмо Императора Николая къ Дибичу. Переправа черезъ Камчикъ была первымъ рѣшительнымъ шагомъ въ операциіи перехода черезъ Балканы. Получивъ извѣстіе объ этомъ событіи, Императоръ Николай писалъ Дибичу ²⁾. «Вы поймете Мой дорогой другъ, съ какимъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ узналъ Я счастливую новость объ удачномъ первомъ шагѣ по пути къ рѣшительному событію кампаніи. Честь и слава вамъ за распоряженія и вашимъ доблестнымъ войскамъ за исполненіе. Я очень интересуюсь узнать.

¹⁾ В. У. А. № 2901 (А), диспозиція на 7 іюля лагерь при Девно 7 іюля 1829 г. Приложение № 5.

²⁾ В. У. А. № 2895 (б), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 19 іюля 1829 г. изъ Александріи близъ Петергофа.

что будетъ дѣлать визирь; Я полагаю, что не имѣя возможности предупредить васъ въ Айдосѣ, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы отомстить Красовскому или стать между вами и имъ: надо быть на сторожѣ, въ особенности если оправдается показаніе перебѣжчика объ ожидаемыхъ подкрѣпленіяхъ. Впрочемъ, Мпѣ кажется, что Красовскій достаточно силенъ, въ особенности артилеріею, чтобы не бояться этой атаки. Чума, въ особенности въ Праводахъ, приводитъ Меня въ отчаяніе: дай Богъ, чтобы она не проникла въ дѣйствующія войска, надо удвоить мѣры предосторожности. Вчера отдалъ приказъ объ отправленіи къ вамъ еще 11,000 чел. пѣхоты: это *но-стѣдніе* ¹⁾ этого года».

Наступленіе нашихъ 8-го іюля наши войска продолжали наступленіе. Войска правой колонны генерала Ридигера провели большую часть этого дня у Буюкъ-Дербента, дождались здѣсь прибытія обозовъ съ Уфимскимъ полкомъ и двумя орудіями легкой № 3 роты 19-й артилерійской бригады и только послѣ этого двинулись далѣе по дорогѣ на Арнаутларъ.

Авангардъ колонны состоялъ изъ 37-го егерскаго полка, двухъ орудій легкой № 3 роты 18-й артилерійской бригады, 7 піонернаго баталіона и двухъ казачьихъ полковъ (Ильина и Чернушкина) подъ начальствомъ ген. Жирова, онъ выступилъ во второмъ часу дня и пошелъ черезъ Арнаутларъ въ Айваджикъ. Главныя силы этой колонны выступили только въ шестомъ часу вечера и двинулись вслѣдъ за авангардомъ. На походѣ ихъ встрѣтилъ Дибичъ и благодарилъ за понесенные труды и одержанныя побѣды ²⁾.

Главныя силы правой колонны генерала Ридигера дошли до верховья рѣчки Фундуклы (близъ Арнаутлара, 6 верстъ), а авангардъ этой колонны, на разсвѣтѣ 9 іюля, занялъ Айваджикъ (15 верстъ).

Главныя силы лѣвой колонны генерала Рота заняли Аспро (20 в.), а авангардъ Палиобану (25 в.) Резервъ ген. Палена остановился на Варненской дорогѣ, на лѣвомъ берегу Камчика (15 в.). Главная квартира арміи—въ Дервишкіоѣ ³⁾.

Такимъ образомъ въ этотъ день войска приблизились къ тѣмъ мѣстамъ, которыя они должны были занять 6 іюля, *но еще не достигли этихъ мѣстъ*.

¹⁾ Подчеркнуто Императоромъ.

²⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій VII пѣх. корпуса.

³⁾ Эта деревня находилась на правомъ берегу Камчика, версты на двѣ ниже Дервишь-Гована.

9 июля Дибичъ писалъ Государю изъ лагеря при Дервишъ-Юванъ¹⁾.

«Государь.

Имѣю счастье писать вамъ эти строки съ лѣваго берега Камчика, въ то время когда аванпосты генерала Рота уже достигли вершины большого Балкана, по прямой дорогѣ изъ Асиро въ Монастыркюй. Непрерывные дожди были очень полезны для травы и для рогатаго скота, но съ другой стороны дороги такъ испортились, что колонны наши не могли въ точности исполнить диспозицію: это опозданіе не имѣло существеннаго значенія и не помѣшало мнѣ достигнуть желательнаго результата, которымъ я надѣюсь, Ваше Величество будете довольны. Трофеи, взятые генералами Ридигеромъ и Ротомъ 6-го и 7-го числа, состоятъ изъ 10 орудій (всѣ полевыя), 14 знаменъ, болѣе 300 плѣнныхъ, изъ множества вещей и амуниціи, и все это несмотря на всѣ препятствія и на укрѣпленія, очень хорошо расположенныя и очень значительныя, съ потерей около 300 чел. убитыхъ и раненыхъ: эта потеря была понесена, главнымъ образомъ, еще до перехода, во время приготовленія мостовъ и пр.; укрѣпленія же турецкія, хотя и весьма сильныя, были взяты почти безъ потерь, съ налету, штыковыми ударами, а одно укрѣпленіе у Дервишкюя, по примѣру шумлинскихъ укрѣпленій (гусарами 31-го мая), было взято уланами 4-й дивизіи.

«Непріятель, защищавшій берега Камчика отъ Кенрикюя до устья, подъ начальствомъ Али-паша и Юсуфъ-паша, силою отъ 10,000 до 12,000 человекъ, въ числѣ коней было три регулярныхъ полка, бѣжалъ въ величайшемъ безпорядкѣ и не удерживается нигдѣ.

«Только вслѣдствіе чрезвычайной усталости нашей пѣхоты, туркамъ удалось спасти 4 или 6 орудій, которыхъ они не употребляютъ, начиная съ 7-го числа.

«Великій визирь находится въ Шумлѣ, а Абдарам-паша не имѣетъ значительныхъ силъ; это даетъ мнѣ надежду, что съ помощію Божіею я буду въ состояніи безъ значительныхъ потерь донести съ слѣдующимъ курьеромъ о переходѣ черезъ Балканскія горы, столь прославленныя туркоманнами и которымъ выгодное расположеніе Оттоманской имперіи давало гигантскую репутацію въ теченіе пяти вѣковъ.

«Я надѣюсь, что Ваше Величество также будете довольны узнать, что вслѣдствіе быстроты нашихъ дѣйствій, греки и болгары, живущіе во всѣхъ деревняхъ въ части Балканъ нами занятой, остались на своихъ мѣстахъ, приняли побѣдителей съ величайшей радостью и мо-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 июля 1829 г. изъ Дервишъ-Ювана.

лились Богу въ церквахъ за ихъ счастливое прибытіе. Я строжайше приказалъ не касаться ихъ имущества и платить наличными деньгами за все, что они намъ предложить. Послѣднія свѣдѣнія о чумѣ имѣютъ нѣсколько менѣе ужасающій характеръ, кромѣ Праводь, гдѣ она ужаснѣе чѣмъ когда-либо, что вынудило меня приказать сжечь и уничтожить пунктъ, который, правда, оказалъ намъ большія услуги, но теперь становится не столь важнымъ, въ виду занятія отличной позиціи у Кебрикію».

Послѣ подписи, на этомъ письмѣ приписано: «я только что получилъ письмо отъ адмирала Грейга, который хотѣлъ вчера прибыть въ заливъ Миземвріи».

9-го іюля войска продолжали наступленіе. Въ этотъ день имъ предстояло совершить подъемъ на Эмине-дагъ.

Для перехода въ этотъ день была отдана диспозиція по арміи, общая для всѣхъ колоннъ ¹⁾.

Диспозиція общаго движенія за Балканы.

Лагерь при Дервишъ-Кіюй-Дервишъ-Джеватъ 8-го іюля 1829 года.

«Корпусъ генераль-лейтенанта Ридигера, составляющей правую колонну арміи сегодня (т. е. 8-го числа) къ вечеру находится корпусомъ своимъ при рѣчкѣ Фундукли, а авангардъ его въ Айваджикъ.

«Корпусъ генерала Рота, составляющей лѣвую колонну, находится сего 8-го числа въ Асиро, или далѣе, гдѣ застанеть его сіе повелѣніе. Авангардъ его въ д. Эраклин или далѣе.

«Корпусъ генерала графа Палена на дорогѣ Варненской по лѣвому берегу р. Камчика. Главная квартира при Дервишкіюй.

Завтра, т. е. 9-го іюля.

«Колонна генераль-лейтенанта Ридигера идетъ до Айваджика, выдвигаетъ авангардъ свой до Эркечь, что на самой вершинѣ Балкана.

«Колонна генерала Рота идетъ въ Эраклию и посылаетъ два авангарда также на вершину Балкана, одинъ въ Шалиобана (тоже Эскибана), а другой въ Эмине.

«Корпусъ графа Палена получитъ повелѣніе въ свое время; съ тѣмъ вмѣстѣ получитъ и главная квартира свое направленіе.

«Генераль-лейтенантъ Ридигеръ, дойдя до Айваджика, посылаетъ сильную партію къ Кіюбрикіюю.

«Корпусъ генерала графа Палена, прибывъ въ Камчикъ, тотчасъ посылаетъ правымъ берегомъ разъѣздъ сильный въ Кіюбрикіюй.

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А) диспозиція общаго движенія за Балканы, лагерь при Дервишъ-кіюй, Дервишъ-Джеватъ, 8-го іюля 1829 г. Эту диспозицію скрѣпилъ г.-м. Бергъ; приложение № 2.

«Оба сіи разбѣзды должны, возвратясь къ своимъ корпусамъ, привезти письменныя свидѣтельства, что они тамъ были».

Диспозиція эта давала частной инициативѣ колонныхъ начальниковъ, Рота и Ридигера, широкій просторъ; въ ней не встрѣчается никакихъ мелочныхъ стѣснительныхъ указаній, какъ это было часто въ диспозиціяхъ главной квартиры арміи.

Обѣ колонны получили приказаніе подняться до вершины Эмине-дага, а резервъ былъ оставленъ до приказанія, на лѣвомъ берегу Камчика. Последнее распоряженіе совсѣмъ непонятно, ибо резервъ отставалъ отъ переднихъ колоннъ верстъ на 25—30; во всякомъ случаѣ, ничто не мѣшало перевести его на правый берегъ Камчика и остановить у Дервишъ-Ювана, гдѣ былъ узелъ дорогъ на Аспро и Айваджикъ (черезъ Буюкъ-Чифликъ и Арнауларъ): отсюда резервъ могъ быть направленъ для поддержки любой изъ колоннъ. Затѣмъ резервъ могъ быть доведенъ до Аспро, откуда онъ могъ быть двинуть или къ Ерекли или къ Айваджику.

Переходъ 9 іюля хотя и былъ небольшой, такъ какъ правая колонна должна была пройти только около 20 верстъ, а лѣвая—около 15—20 верстъ, но весьма утомительный; во-первыхъ, дороги были очень труднопроходимы и чтобы провезти обозъ пришлось нарядить большія команды рабочихъ отъ пѣхотныхъ частей; во-вторыхъ, движеніе затруднялось необыкновенной жарой, господствовавшей въ тѣ дни, когда войска наши вступили въ горы; даже по вечерамъ, въ 11 часовъ, температура воздуха доходила до 22¹/₂^o Реомюра. Такъ было и 9 іюля съ утра, но затѣмъ наступила дурная и холодная погода и температура опустилась ниже 10^o ¹).

Преодолявъ всѣ эти затрудненія, войска колоннъ Рота и Ридигера дошли однако-же до назначенія, т. е. Ридигеръ на разсвѣтѣ дошелъ до Айваджика, а Ротъ до Ерекли (Ерекликійой).

Когда главные силы колонны Ридигера прибыли въ Айваджикъ, авангардъ этой колонны выступилъ изъ этого пункта въ Еркечъ, выдѣливъ двѣ роты 37-го егерскаго полка и 30 казаковъ, которые пошли изъ Айваджика въ Гюзекію для связи съ колонной генерала Рота. Отрядъ этотъ вернулся въ Айваджикъ въ 6 час. вечера, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля и доставилъ свѣдѣніе, что колонна Рота въ 9-мъ часу уже прошла Гюзекію. Понтонное отдѣленіе піонернаго баталіона, за исключеніемъ моста, построенаго у Кеприкіюя, было оставлено въ Дервишъ-Юванѣ въ распоряженіи

¹) Молътке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 155).

дежурнаго генерала арміи, а двѣ роты 35-го егерскаго полка—въ Арнаутларѣ для постройки блокауза и составленія гарнизона его.

Въ девятомъ часу утра авангардъ подъ начальствомъ генераль-маіора Жирова подошелъ къ Еркечу и имѣлъ здѣсь небольшую перестрѣлку съ турецкой конницей, которая отступила къ Келелеру. Авангардъ простоялъ у Еркеча цѣлый день 9 іюля и высылалъ отсюда разъѣзды по направленію, къ Кеприкюю, къ Келелеру и къ Монастыркюю. Отъ разъѣзда, отправленнаго къ Келелеру, было получено доносеніе, что турки защищаютъ спускъ съ горъ, при входѣ въ долину Надиръ-дере ²⁾).

2-й пѣх. корпусъ дошелъ до Дервишъ-Іована, откуда выступилъ далѣе только въ 5 час. вечера; къ резерву присоединилась въ Дервишъ-Іованѣ 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи, которая помогала Роту при переправѣ черезъ Камчикъ. Въ Дервишъ-Іованѣ была оставлена 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи, которая ночью на 10 іюля должна была высылать разъѣзды во все стороны и особенно вверхъ по «правому берегу Камчика». Поздно вечеромъ 9 іюля войска резерва, въ числѣ 19 б., 1 э. жандармовъ, 2 казачьихъ полковъ, 76 оруд., $\frac{1}{4}$ бат. піонеръ ¹⁾), дошли до р. Фундуклы-дере, а главная квартира арміи остановилась близъ Арнаутлара ²⁾, на р. Фундуклы-дере.

Въ Арнаутларѣ наши инженеры приступили къ устройству укрѣпленій, причемъ, по мѣрѣнью Мольтке, расположили ихъ весьма искуснымъ образомъ. По всемъ этапамъ, которые прошли наши войска, были заготовлены большіе запасы сѣна.

*Дѣйствія нашихъ
войскъ 10-го іюля.
Дѣйствія колонны
Ридигера.*

Въ этотъ день войска продолжали наступленіе, оставивъ въ Айваджикѣ двѣ роты 35 егерскаго полка для постройки блокауза и составленія его гарнизона. Главныя силы выступили изъ Айваджика въ 3 часа утра, имѣя впереди себя шагавъ на 300 «*близкій авангардъ*», состоявшій изъ 75 казаковъ полковъ Ильина и Чернушкина и двухъ ротъ 35 егерскаго полка. Часу въ десятомъ утра главныя силы подошли къ Еркечу; тогда изъ этого мѣста выступилъ авангардъ генерала Жирова, ночевавшій тамъ, и началъ спускъ съ горъ. Въ составъ этого авангарда входили 35 егерскій полкъ, казачьи полки Ильина и Чернушкина и 2 орудія. Когда

²⁾ В. У. А. № 2861, историческій журналъ 7-го пѣхотнаго корпуса.

¹⁾ Къ колоннѣ прибавилось двѣ роты кегорновыихъ мортиръ (17 ор.).

²⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 9 іюля для слѣдованія II-го пѣх. корпуса и главной квартиры арміи. Лагерь при Дервишъ-Джевалъ, 9 іюля 1829 года. Приложение № 7.

войска эти начали спускаться съ горь, то они были встрѣчены сильнымъ ружейнымъ огнемъ турокъ, засѣвшихъ по сторонамъ дороги. въ оврагахъ и кустахъ. Егеря бросились въ атаку на турокъ и одними штыками опрокинули передовыхъ непріятельскихъ стрѣлковъ, которые отступили къ своему отряду, стоявшему у самаго выхода изъ горь, въ числѣ отъ одной до трехъ тысячъ человекъ ¹⁾).

Мѣстность, на которой пришлось дѣйствовать егерямъ, была чрезвычайно затруднительна для движенія. Чтобы поставить орудіе на позицію, егерямъ, пришлось вынести его на рукахъ; удачный огонь этого орудія заставилъ турокъ отступить. Тогда егеря перешли въ рѣшительное наступленіе и подъ начальствомъ своего полкового командира полковника Лидерса гнали турокъ до д. Келлелеръ, гдѣ непріятель вновь получилъ подкрѣпленіе. При этомъ преслѣдовавшіи егеря отбили 1 знамя, 10 чел. плѣнныхъ и весь лагерь.

У Келлелера турки имѣли около 2,000 чел. пѣхоты и конницы; въ долину замѣтно было присутствіе значительнаго числа непріятельской конницы, которая постепенно усиливалась со стороны Айдоса и выдвинула одно орудіе: но и тутъ первые выстрѣлы нашей артилеріи заставили непріятеля обратиться въ бѣгство, такъ что егеря даже не успѣли вступить въ дѣло. Противъ непріятельской конницы выдвинулся генераль Жировъ съ казачьими полками Ильина и Черпушкина, съ намѣреніемъ атаковать въ пять или шесть разъ сильнѣйшаго противника ²⁾); но турки не оказали никакого сопротивленія и тотчасъ обратились въ бѣгство; все это дѣло ограничилось однимъ пистолетнымъ выстрѣломъ, такъ что казаки едва настигли бѣглецовъ, пустившихся въ погоню за непріателемъ черезъ деревню Кочоранъ (Кучаранъ) и далѣе къ югу. Преслѣдованіе происходило на протяженіи около десяти верстъ, причемъ казаки отбили два знамени и взяли въ плѣнъ 12 офицеровъ и до 120 нижнихъ чиновъ; многіе турки, замѣтивъ, что усталыя лошади не въ силахъ спасти ихъ отъ плѣна, спокойно слѣзали и сдавались намъ. Потеря непріятеля была значительная, мы же потеряли 6 человекъ.

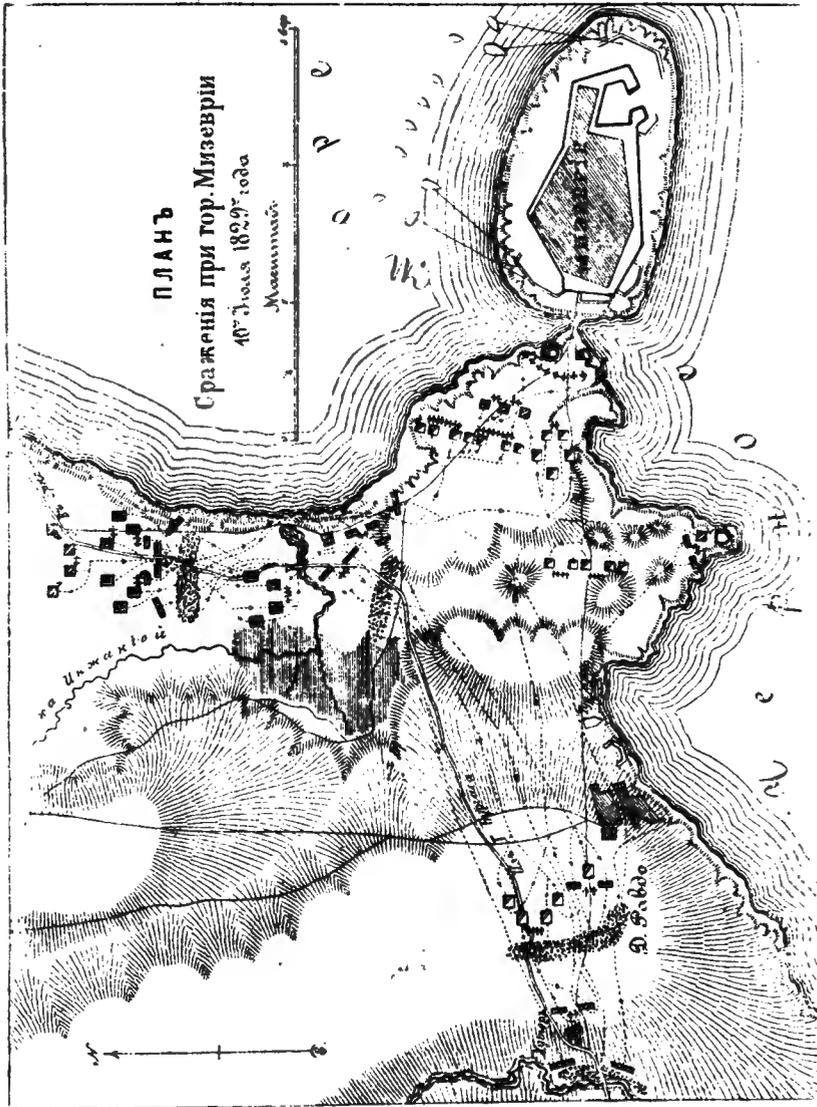
Такимъ образомъ авангардъ колонны Ридигера занялъ 10 іюля Келлелеръ, а главныя силы остановились у Еркеча ³⁾). Припомнимъ.

¹⁾ У Лукьяновича (ч. 4-я, стр. 21) число турокъ показано тысячу человекъ по другимъ даннымъ ихъ было 3000 чел. (В. У. А. № 2864, историческій журналъ 7-го пѣх. корпуса).

²⁾ Мольке, переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, стр. 155.

³⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ 7-го пѣхотнаго корпуса.

что согласно первоначальному распоряженію главной квартиры. этот пункт предполагено было занять 8-го іюля, т. е. въ расчетъ произошла ошибка на два дня. Изъ Келлелера былъ от-



правленъ сильный разбѣздъ въ Монастыркіой, гдѣ онъ нашелъ войска колонны Рота.

Дѣйствія колонны Рота 10-го іюля, Колонна ген. Рота безпрятственно перевалила черезъ горы и начала спускаться въ долину. Въ рядахъ нашихъ войскъ раздались крики восторга, когда;

спускаясь съ горъ, они увидѣли на зеркальной поверхности обширнаго Бургасскаго залива вымпела нашего флота. Адмиралъ Грейгъ стоялъ здѣсь на якорѣ съ тремя линейными кораблями, съ пятью фрегатами и съ большимъ числомъ транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ продовольственными припасами. Долго гремѣло восторженное «ура» въ рядахъ нашихъ войскъ и раскатывалось эхомъ по Балканскимъ горамъ и ущельямъ. «Прекрасная была минута въ моей жизни»,—говорилъ впоследствии Дибичъ,—когда я взошелъ на самый верхъ Балкана» ²).

Во время перевала черезъ хребетъ турки не оказали Роту никакого сопротивленія и только спустился съ послѣдняго уступа Балканъ, наши войска встрѣтили непріятели на позиціи у Монастыркіюя; но и здѣсь турки сейчасъ же были прогнаны. Оказалось, что это была часть отряда бывшаго Боснійскаго наши Абдурахмана, которому поручена была оборона прибрежныхъ городовъ и блокада Сизополя, а также ввѣрено начальство надъ всѣми войсками на Камчикѣ. Главная часть этого отряда въ числѣ отъ 6 до 7 тысячъ челов. заняла позицію на правомъ берегу рѣки Инжакіюй, впадающей въ Черное море, нѣсколько сѣвернѣе Миземврін. Генералъ Ротъ приказалъ тотчасъ же атаковать непріятели. Въ это время передъ непріятельской позиціей мы имѣли 3-ю бригаду 7-й пѣх. дивизіи, 4-ю уланскую дивизію и казачьи полки Ежова и Бакланова; остальные войска колонны были въ недалекомъ разстояніи. Несмотря на такое неравенство силъ, ген. Ротъ не ожидая прибытія остальныхъ частей колонны, повелъ передовыя части въ атаку. Неприсятель не оказалъ намъ сопротивленія и послѣ первыхъ выстрѣловъ обратился въ бѣгство по двумъ направленіямъ—часть побѣжала въ Миземврію, а другая по дорогѣ къ Бургасу. Наши войска тотчасъ же начали преслѣдованіе, причеиъ казаки преслѣдовали бѣгущихъ по дорогѣ къ Бургасу, а три уланскихъ полка были посланы къ Миземврін. Турки потеряли во время этого дѣла 3 орудія, 9 знаменъ и 800 человекъ плѣнныхъ.

Бросивъ свою позицію, турки оставили на берегу моря свои батареи съ двумя орудіями каждая; эти батареи защищали корабельную верфь, гдѣ мы нашли совершенно новый, отстроенный, но еще не вооруженный 22-хъ-пушечный корветъ.

Взятіе Миземврін. Городъ Миземврін расположенъ на небольшомъ полуостровѣ, который состоялъ изъ известковой, обрывистой

¹) «Русская Старина» 1893 г., августъ, стр. 377, записки А. Н. Михайловскаго-Давилевскаго.

скалы, возвышавшейся футовъ на 60 надъ уровнемъ моря. Узенькій и низенькій перешеекъ длиною въ 1,000 шаговъ соединялъ полуостровъ съ материкомъ; перешеекъ этотъ оборонялся древнею массивною башнею, построенною еще императоромъ Θεодосіемъ. Съ западной стороны входъ на перешеекъ оборонялся редутомъ. Городъ былъ окруженъ стѣною и имѣлъ гарнизонъ въ 2,000 человекъ съ 15-ю орудіями. Появленіе нашихъ войскъ у южной подошвы Балканъ произвело весьма сильное впечатлѣніе на нашихъ противниковъ и этимъ, отчасти, объясняется и слабое сопротивление, которое они намъ оказали. Всѣ турецкіе военачальники полагали, что мы перешли Балканы съ арміею въ 100,000 человекъ: «скорѣе можно сосчитать листья въ лѣсу, чѣмъ головы непріятельской арміи», донесъ коменданту Миземврін. Осману-пашѣ, офицеръ посланный для развѣдки нашихъ войскъ ¹⁾. Подъ такимъ впечатлѣніемъ находился комендантъ Миземврін, когда наши войска подступили къ городу.

Къ вечеру 10-го іюля прибыли къ Миземврін три полка уланъ, а затѣмъ и пѣхота съ артилеріею, подъ командою г.-м. Вахтена. Тотчасъ же наши орудія открыли огонь по редуту и нѣсколькихъ удачныхъ выстрѣловъ было достаточно, чтобы заставить гарнизонъ этого редута сдаться военно-плѣннымъ безусловно. Въ то же время нашъ флотъ открылъ огонь по крѣпости и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ былъ взорванъ главный пороховой погребъ.

По овладѣніи редутомъ мы выдвинули къ Миземврін всю наличную артилерію и поставили ее на высотахъ, гдѣ былъ редутъ и которыя совершенно господствовали надъ городомъ. Такимъ образомъ мы могли обстрѣлывать Миземвріню какъ съ суши, такъ и съ судовъ нашей эскадры. Съ другой стороны взятіе города приступомъ представляло не мало затрудненій, въ особенности при надлежащей оборонѣ его. Но если бы даже турки держались въ Миземврін, то это не могло имѣть большаго вліянія на дальнѣйшія дѣйствія нашихъ войскъ, такъ какъ гарнизону этой крѣпости очень трудно было-бы перейти въ наступленіе: во всякомъ случаѣ блокада этого пункта была незатруднительна, ибо въ сущности эта крѣпость обращалась въ мышеловку для ея гарнизона.

Выдвинувъ артилерію къ тому мѣсту гдѣ былъ редутъ, ген. Ротъ послалъ коменданту, двухъ-бунчужному Осману-пашѣ, предложеніе сдать крѣпость. На это предложеніе Османъ-паша отвѣчалъ согласіемъ исполнить наше требованіе и положить оружіе при

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 3-я, гл. 4-я, стр. 159).

очеркъ похода.

условіи, чтобы ему разрѣшено было свободно отступить съ гарнизономъ. На такое условіе ген. Ротъ не согласился и тогда паша просилъ дать ему время до утра, чтобы склонить на сдачу своихъ подчиненныхъ. На это ген. Ротъ согласился и въ ночь на 11-е іюля подготовилъ все, чтобы съ разсвѣта открыть сильный огонь. Такъ какъ въ теченіе ночи не было получено окончательнаго отвѣта отъ коменданта, то на разсвѣтъ наши батареи уже готовились открыть огонь, когда Османъ-паша выслалъ ключи Миземврїи и согласился сдаться въ плѣнъ со всѣмъ гарнизономъ. Всего было взято 2,000 чел. плѣнныхъ, 19 орудій, 10 знаменъ и запасы продовольствія.

*Дѣйствія резерва
10-го іюля.* Въ этотъ же день главная квартира арміи и резервъ должны были слѣдовать за правой колонной ¹⁾.

Главкомандующій выступилъ съ бивака у Фундуклы-дере. близъ Арнауэларъ, въ 4 ч. утра и двинулся черезъ Айваджикъ къ Еркечу, что на перевалѣ черезъ Эмпне-дагъ. Съ Дибичемъ шли 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи, 1 батал. Ладожскаго полка, 1 эскадр. жандармовъ, 3 казачьихъ полка и 1 сотня и двѣ артилерійскія роты—горная № 2 и донская № 1 (5 батал., 1 эскадр., 3 казач. полка, 1 сотня, 16 орудій).

Остальные войска резерва составляли второй эшелонъ и должны были дойти до Айваджика; это были 1-я бригада 5-й пѣх. дивизіи и 6-я пѣх. дивизія съ ихъ артилеріей, двѣ роты кегорновыхъ мортиръ и 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ ея артилеріей (13 бат., 8 эскадр., 64 орудія). Рота 6-го піонернаго баталіона должна была выступить въ 2 часа утра и исправить дорогу, по которой должны были пройти войска.

*Положеніе нашихъ
войскъ вечеромъ
10-го іюля.* Въ теченіе 10-го іюля всѣ передвиженія предписанныя войскамъ резерва были исполнены и вечеромъ 10-го іюля войска наши заняли слѣдующее расположеніе.

- 1) Правый флангъ, часть резерва Палена.—у Еркеча.
 - 2) Центръ, авангардъ Ридигера—у Келеелера, а главныя силы его у Еркеча.
 - 3) Лѣвый флангъ, Ротъ—у Миземврїи.
- Длина фронта арміи—25 верстъ.

¹⁾ В. У. А. № 2901 (А), диспозиція на 10-е число іюля для слѣдованія 2-го піхотнаго корпуса и главной квартиры арміи, бивакъ близъ деревни Арнауэларъ на р. Фундуклы-дере, 9-го іюля 1829 г. Приложение № 8.

4) Резервъ—у Айваджика, за правымъ флангомъ общаго расположенія.

Дѣйствія нашихъ Для дѣйствій на 11-е іюля по арміи была отдана слѣдующая диспозиція ¹⁾.

«Если генераль Ротъ не успѣлъ сегодня (т. е. 10-го числа завладѣть городомъ Миземврию, то имѣеть завтра, т. е. 11-го числа), при содѣйствіи флота, стараться овладѣть онымъ, гдѣ оставляетъ 1 баталіонъ пѣхоты, 2 орудія и 25 казаковъ въ гарнизонѣ. Послѣ сего продолжаетъ маршъ свой къ г. Ахіоло и старается завладѣть такимъ же образомъ и сямъ мѣстомъ, гдѣ равномерно оставляетъ 1 баталіонъ пѣхоты и 25 казаковъ. При семъ содѣйствуетъ также флотъ.

«Съ разсвѣтомъ дня генераль Ротъ посылаетъ уланскую дивизію прямо изъ Монастыркіоя по дорогѣ на Бургасъ, съ тѣмъ, чтобы одна бригада остановилась при Алакарин (Алакарникъ тожь), а другая бригада съ генераломъ Крейцемъ продолжала бы маршъ свой къ Бургасу до озера Анастасія».

«Корпусъ генерала Ридигера выступаетъ въ 4 ч. утра и идетъ черезъ Инжакіой-турецкій на д. Алакарія (Алакарникъ тожь), выдвигая авангардъ свой по дорогѣ въ Румеликіой, что на Айдосской дорогѣ, имѣя въ подкрѣпленіе къ нему бригаду 4-й уланской дивизіи съ 4-мя орудіями конной № 28 роты, находящуюся при Алакарин и которая идетъ вслѣдъ за авангардомъ. Между тѣмъ генераль Ридигеръ оставляетъ баталіонъ 35-го егерскаго полка при Келелерѣ съ 2-мя орудіями артилеріи. Казаки къ сему баталіону командуются изъ 6-го Черноморскаго коннаго полка изъ главной квартиры. Казаки сін дѣлають развѣзды къ Айдосской дорогѣ до Баратъ-Дере».

«3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи идетъ вслѣдъ за генераломъ Ридигеромъ. Прочіе полки 5-й дивизіи съ 1-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи и ихъ артилерією идутъ до деревни Инжакіой-турецкій, а 6-я пѣх. дивизія останавливается при д. Келелерѣ. Генераль-майору князю Любомирскому поставляется въ особенную обязанность охранять коммуникацію нашу на Айваджикъ и для того посылаетъ развѣздъ отъ 6-го Черноморскаго полка при баталіонѣ 35-го егерскаго полка, находящагося по дорогѣ черезъ Татаркіой къ Байрамъ-дере.

«Баталіонъ Софійскаго полка продолжаетъ прикрывать обозъ 2-го пѣх. корпуса. Главная квартира арміи имѣеть быть 11-го числа въ Инжакіой-турецкомъ; къ ней присоединяется 5-й Черноморскій полкъ съ графомъ Тиманомъ».

«Г-ну главнокомандующему угодно, чтобы не только давать все-

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А). Диспозиція на 11 число іюля 1829 года. Лагерь при Эркче Балканскомъ, 10-го іюля 1829 г. Эту диспозицію скрѣпилъ ген.-адъют. гр. Толь. Приложеніе № 9.

возможное покровительство мирнымъ жителямъ, но и стараться, сколько возможно, сберечь ихъ поля при занятіи лагерныхъ мѣстъ. Домовъ же ихъ отнюдь не касаться и не разбирать на дрова.

Ген.-адъют. *графъ Толъ».*

Особенность этой диспозиціи состоитъ въ томъ, что въ ней рядомъ съ указаніями на различныя мелочи исполненія есть существенныя пропуски.

Такъ, не указано, какую собственно задачу должна преслѣдовать армія, не указана цѣль движенія ни одной колонны, а между тѣмъ даны такія мелочныя указанія, какъ напримръ оставленіе въ Миземврѣи и Ахіоло по 1 баталіону съ двумя орудіями и 25-ю казакамъ, оставленіе въ Келлелерѣ одного баталіона и притомъ непрямѣнно 35-го егерскаго полка и пр., что очевидно лучше было предоставить начальникамъ колоннъ. Колонны разводятся въ разныя стороны на значительныя разстоянія—на Ахіоло и Румеликію (по прямой линіи—30 верстъ). Изъ одной колонны въ другую переводятся войска съ раздробленіемъ ихъ на части: такъ, напримѣръ, бригада 4-й уланской дивизіи переходитъ въ авангардъ колонны Ридигера, но почему-то идетъ не впереди авангарда, а сзади его.

Нарядъ небольшихъ частей для охраненія пути сообщенія дѣлается распоряженіемъ главнокомандующаго, съ точнымъ указаніемъ какія именно части для этого назначаются; даже прикрытіе обозовъ 2 корпуса сдѣлано по распоряженію главной квартиры арміи, а не подлежащимъ начальствомъ: резервъ, состоявшій до того подъ начальствомъ гр. Палена, диспозиціей на 11 іюля раздѣленъ на двѣ части, но самому Палену не указано, что ему дѣлать.

По смыслу этой диспозиціи, если отбросить все мелочныя распоряженія и недомолвки, войска должны были въ теченіе 11 іюля исполнить слѣдующее:

1) Колонна Рота—занять Миземврѣю и Ахіоло, а бригаду уланъ выслать къ Бургацу.

2) Колонна Ридигера, поддержанная бригадой уланъ изъ колонны Рота и 3-й бригадой 5-й пѣх. дивизіи, изъ резерва Палена, должна была выдвинуться авангардомъ—къ Румеликію, близъ Айдоса, а главными силами занять Алакарію.

3) Резервъ арміи долженъ былъ остановиться у Келлелера и Нижакіюя.

При такомъ расположеніи главныя силы колоннъ Рота и Риди-

гера располагались на фронтъ въ 20 верстъ (Ахиоло-Алакарія), по резервы, растянутые до Келлелера (около 20 верстъ отъ Ахиоло), были слишкомъ удалены отъ передовыхъ колоннъ.

Такимъ образомъ главная масса арміи эшелонировалась вдоль моря отъ Ахиоло до Келлелера, а два авангарда значительно выдвигались впередъ, къ югу до Бургаса и къ западу по направленію къ Румеликію.

Всѣ эти передвиженія удалось исполнить почти безиреянтственно.

Мы уже знаемъ, что на разсвѣтъ 11-го іюля Миземврія сдалась генералу Роту; Ахиола была очищена турками и въ тотъ же день занята экипажемъ одного изъ нашихъ фрегатовъ; въ крѣпости этой были найдены 14 пушекъ, 1 мортира, 3 пороховыхъ погреба и значительный складъ соли.

Въ этотъ день колонна ген. Рота оставалась у Миземвріи и выслала бригаду уланъ къ Бургасу.

Колонна Ридигера выступила изъ Еркеча рано утромъ; въ 3 часа вышелъ такъ называемый «*ближій авангардъ*», а главныя силы въ пять часовъ и двинулись къ Келлелеру. Жировъ также двинулся со своимъ авангардомъ изъ Келлелера и пошелъ черезъ Пнжакію; близъ Даутлы разыгралось небольшое дѣло; гдѣ казаки Жирова захватили 1,000 пудовъ пороха, 2,000 четвертей кукурузы и плѣнныхъ.

Колонна Ридигера достигла Алакарін, гдѣ было захвачено 2 орудія и большое количество продовольственныхъ запасовъ.

Авангардъ этой колонны до Румеликія не дошелъ, а остановился вмѣстѣ съ главными силами у Алакарін, выдвинувъ казачьи полки Ильина и Чернушкина къ Эски-башлы, до котораго они однако не дошли.

Въ Алакарін къ колоннѣ Ридигера присоединилась 2-я бригада 4-й уланской дивизіи съ четырьмя орудіями конной № 28 роты, и тутъ же стала 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи съ легкою № 3 ротою 5-й артиллерійской бригады, не входя въ составъ 7-го корпуса. Въ этомъ положеніи войска правой колонны провели 11-е іюля; для прикрытія пройденнаго пути было оставлено двѣ роты 35-го егерскаго полка и 2 орудія 3-й роты 19-й артиллерійской бригады, въ блокгаузѣ при спускѣ съ горъ долину Надирь-дере, а другія двѣ роты того же баталіона строили блокгаузъ у Еркеча ¹⁾.

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ 7-го пѣхотнаго корпуса.

Главная квартира армій съ частью войскъ резерва заняла Инжакой. а остальная часть резерва остановилась въ Келлелерѣ.

Занявъ Миземврю, войска вошли въ связь съ флотомъ и 11-го іюля Дибичъ посѣтилъ Грейга на кораблѣ «Парижъ». Здѣсь главнокомандующій получилъ пзвѣстіе объ очищеніи турками Ахіоло. Такимъ образомъ къ вечеру 11-го іюля колонны Рота и Ридигера стояли на линіи Миземвря—Алакарія (около 10 версты), а резервъ былъ у Инжакой и Келлелера, въ 10—15 верстахъ отъ передовыхъ колоннъ. Такимъ образомъ результатомъ дѣйствій 11-го іюля можно считать довольно значительное (на 20 версты) выдвиженіе впередъ къ югу, колонны Ридигера и приближеніе резервовъ на то-же разстояніе, въ то время какъ колонна Рота стояла на мѣстѣ.

Дѣйствія нашихъ войскъ 12-го іюля. Занятіе Бургаса и Сизополы. На 12-е іюля была отдана слѣдующая диспозиція ¹⁾.
«Завтра (т. е. 12 числа) имѣть быть слѣдующее перемѣщеніе корпусамъ:

«Корпусъ генерала Рота, оставя 1 баталіонъ Муромскаго полка въ гарнизонѣ въ Миземврин, одинъ баталіонъ Нижегородскаго полка при плѣнныхъ, изъ гарнизона крѣпости Миземврин и въ сраженіи при Даутлѣ взятыхъ, и одинъ баталіонъ Нижегородскаго съ полковымъ онаго командиромъ въ Ахіоло, — выступаетъ съ прочими войсками своего корпуса по дорогѣ въ Бургасъ до Алкарія (Акарлыкъ тожь), гдѣ останавливается только въ такомъ случаѣ, если получить извѣстіе о занятіи кавалерійскою 1-ю бригадою 4-й уланской дивизіи Бургаса.

«Въ какомъ случаѣ надо будетъ уланскую бригаду присоединить къ себѣ, а въ гарнизонѣ въ Бургасѣ оставить полкъ пѣхоты съ двумя орудіями артилеріи. Если-же непріятель въ Бургасѣ еще держится, то идетъ со всѣмъ своимъ корпусомъ (исключая 2-й бригады уланъ, которую посылаетъ въ Эскибаши ²⁾) на подкрѣпленіе корпуса генерала Ридигера) къ сему мѣсту и старается завладѣть симъ городомъ при содѣйствіи флота. Корпусъ генералъ-лейтенанта Ридигера изъ Акарлыка ³⁾ выступаетъ въ 6 час. по полуночи и идетъ въ Эскибаши, посылаетъ авангардъ свой въ Румеликой и имѣетъ, какъ выше сказано, одну бригаду 4-й уланской дивизіи у себя въ резервѣ. 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи остается въ позиціи при Алкарлыкѣ (Алкарія тожь) ⁴⁾, а равно и 1-я бригада той же дивизіи съ 1-ю

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 12-е іюля 1829 г., лагерь Инжакой — Турецкій, 11-го іюля 1829 года, приложение № 10.

²⁾ Этотъ пунктъ еще называется: Эски-Башлы, Эски-Бахли.

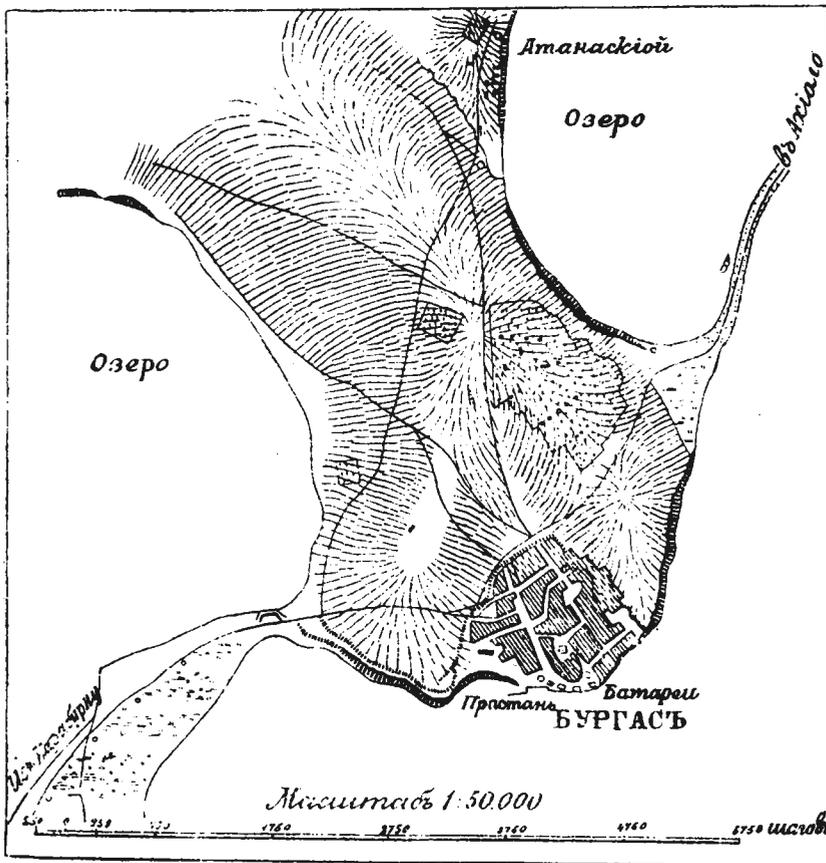
³⁾ и ⁴⁾ т. е. Алакарія, Алкарія, Ала-Карія, Аликъ.

бригадою 2-й гусарской и корпусною квартирою 2-го корпуса остаются при Инжакіой. 6-я дивизія выступаетъ въ 6 час. по полуночи и присоединяется въ лагерѣ къ 1-й бригадѣ 5-й пѣх. дивизіи при Инжакіой.

«5-й Черноморскій казачій полкъ занимаетъ д. Суджулукъ, лежащую по дорогѣ отъ Инжакіой въ Кюпрікіой и, посылая развѣзды во все стороны, прикрываетъ обозы арміи, идущіе отъ Айваджика черезъ Еркечъ въ Инжакіой. Главная квартира остается въ Инжакіой».

«Г.-а. графъ Толъ».

Планъ окрестностей Бургаса.



Дят. П. П. Ягандъ

Изъ этой диспозиціи видно, что цѣлью дѣйствій на 12-е іюля было поставлено овладѣніе Бургасомъ и въ тоже время войска сгруппированы были такъ, что можно было значительную часть ихъ направить къ Айдосу, если бы удалось овладѣть Бургасомъ безъ затрудненій. Хотя въ диспозиціи и высказано предположеніе,

что, быть можетъ, этотъ городъ будетъ занятъ 1-й бригадой 4-й уланской дивизіи, но, повидимому, главнокомандующій мало на это надѣялся, и если-бы оказалось, что конница этой не удалось овладѣть Бургасомъ, то Ротъ долженъ былъ атаковать его всѣмъ своимъ корпусомъ (кромѣ 2-й бригады 4-й уланской дивизіи).

Итакъ, корпусъ Рота долженъ былъ дѣйствовать противъ Бургаса, а для поддержки его у Алакарія и Инжакію сосредоточились 1-я и 3-я бригады 5-й пѣх. дивизіи, 6-я пѣх. дивизія и 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи. Затѣмъ Ридигеръ выдвигался съ своей колонной къ западу, но главныя силы его переходили изъ Алакарія только въ Эски-башни, всего версты на три, а авангардъ выдвигался въ Румеликію, что близъ Айдосу.

Удержаніе главныхъ силъ Ридигера близъ Алакарія и выдвиженіе къ Айдосу только авангарда, очевидно указываетъ, что Дибичъ не надѣялся на легкое овладѣніе Бургасомъ и если бы Ротъ встрѣтилъ тамъ сильное сопротивленіе, то его можно было-бы поддержать резервомъ арміи и главными силами колонны Ридигера.

Съ другой стороны, если бы Бургасъ былъ взятъ одной нашей конницей, то Ротъ долженъ былъ остановиться у Алакарія, что давало бы возможность Дибичу направить его тогда для поддержки Ридигера.

Такимъ образомъ группировка значительной части арміи въ треугольникъ Инжакію, Эски-башни и Алакарія давала Дибичу возможность двинуть эти силы по тому направленію, гдѣ бы онѣ оказались болѣе необходимыми, т. е. къ Бургасу или къ Айдосу. Въ виду такой группировки силъ казалось бы лучше если-бы Дибичъ назначилъ свое мѣстопробываніе на 12 іюля не въ Инжакію, а въ Алакарію, гдѣ онѣ были бы ближе и къ Бургасу, и къ Айдосу.

12 іюля 1-я бригада 4-й уланской дивизіи, С.-Петербургскій и Харьковскій полки, подъ начальствомъ генерала Набеля, направились къ Бургасу; турецкій гарнизонъ вышелъ изъ города и занялъ впереди его выгодную позицію¹⁾, но былъ опрокинутъ уланами, потерялъ два орудія и былъ отброшенъ къ городу. Наши войска вошли въ Бургасъ вслѣдъ за турецкими и захватили тамъ 10 орудій и огромное количество запасовъ.

Отъ генерала Понсета, командированнаго въ Сизополь, было получено донесеніе, что онѣ отбросилъ облежавшій его турецкій отрядъ. Такимъ образомъ всѣ крѣпости и гавани, расположенныя

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 1, стр. 157).

вокругъ обширнаго Бургаскаго залива, были заняты нашими войсками и армія получила полную возможность пользоваться содѣйствіемъ флота для своего продовольствованія.

Такъ какъ Бургасъ былъ занятъ генераломъ Набелемъ, то генералу Роту не пришлось идти туда и онъ съ остальными войсками своей колонны перешелъ въ Алакарію, куда пришла и 3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи.

12 іюля въ 3 ч. утра авангардъ колонны Ридигера подъ начальствомъ ген.-майора Жирова, въ своемъ прежнемъ составѣ, выступилъ изъ Алакаріи и двинулся къ Румеликію, а въ 5 часовъ утра туда-же двинулись и главныя силы.

3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи осталась въ Алакаріи.

Въ 9 час. утра авангардъ прибылъ къ Румеликію, гдѣ Жировъ оставилъ пѣхоту и орудія, а самъ съ казачьими полками Ильина и Чернушкина двинулся къ Айдосу; версты за три до Айдоса онъ встрѣтилъ непріятеля въ числѣ около 1000 человекъ и завязалъ съ нимъ перестрѣлку. Въ это время главныя силы уже стали на бивакъ, не доходя одну версту до Хаджамара. Получивъ здѣсь извѣстіе отъ Жирова о встрѣчѣ авангарда съ непріятелемъ, Ридигеръ выступилъ въ 2 часа дня и, сдѣлавъ переходъ въ 18 верстъ, прибылъ часу въ восьмомъ вечера къ Румеликію, гдѣ нашелъ авангардъ генерала Жирова на позиціи, пройдя версты полуторы за этой деревней, по направленію къ Айдосу. Тогда главныя силы стали на той же позиціи за авангардомъ и такимъ образомъ здѣсь сосредоточилась вся колонна Ридигера, т. е. она стала тамъ, гдѣ по диспозиціи долженъ былъ быть только ея авангардъ. Казаки Ильина и Чернушкина были посланы къ Айдосу и возвратились къ ночи; они стали впереди авангарда, прикрывая его расположеніе, и послали разъѣзды къ Надиръ-Дербенту и Келелеру. Въ этотъ вечеръ казаки отбили у турокъ 12 тысячъ овецъ²⁾.

Однимъ словомъ—все предписанное диспозиціей на 12 іюля было въ этотъ день исполнено. Особенность дѣйствій этого дня состоитъ въ томъ, что хотя въ Бургасѣ турки и не оказали намъ никакого сопротивленія, но несмотря на это не удалось передвинуть наши войска къ западу, т. е. по направленію къ Айдосу; эту задачу войска должны были разрѣшить въ послѣдующіе дни.

²⁾ В. У. А. № 2861, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣх. корпуса.

Окончаніе перехода че- 12-го іюля Дибичъ донесъ Государю объ
резъ Балканы. окончаніи перехода черезъ Балканы пись-
момъ, посланнымъ изъ Инжакіоя, близъ Миземврїи ¹⁾.

«Государь. Господь благословилъ усилія храбрыхъ и несравнен-
ныхъ войскъ, которыхъ Вашему Величеству угодно было довѣрить
моему командованію. Балканы, считавшіеся непроходимыми въ тече-
ніе столькихъ вѣковъ, пройдены ими въ 3 дня и побѣдоносныя зна-
мена Вашего Величества развѣваются на стѣнахъ Миземврїи, Ахіоло
и Бургаса, среди населенія, которое встрѣчаетъ нашихъ храбрецовъ
какъ освободителей и братьевъ. Взятіе этихъ трехъ укрѣпленныхъ
городовъ было слѣдствіемъ нѣсколькихъ боевъ, данныхъ 10-го и
11-го числа войсками 6-го и 7-го корпусовъ при выходѣ изъ горъ и
при преслѣдованіи непріятели.

«Генералы Ротъ и Ридигеръ выполнили диспозиціи съ рвеніемъ
и быстротою, лучше которыхъ и желать нельзя.

«Трофеи этихъ славныхъ дней состоятъ изъ 14 полевыхъ орудій
и около 40 орудій взятыхъ на батареяхъ, изъ 21 знамени и почти
изъ 3,000 плѣнныхъ, а также корвета, совершенно готоваго, но не
вооруженнаго, который взятъ нашими егерями на верфи близъ Ми-
земврїи. Среди плѣнныхъ находится командовавшій въ Миземврїи
двухъ-бунчужный паша Османъ. У насъ потеря почти нѣтъ, а раз-
стройство всѣхъ войскъ Абдурама-пашы, который командовалъ на
всѣмъ побережьи и на нижнемъ Камчикѣ, самое полное. Бургасъ
былъ захваченъ во время преслѣдованія гарнизона, который вышелъ
навстрѣчу нашимъ войскамъ, нашими храбрыми уланами съ пиками
въ рукахъ, подъ начальствомъ ген. Набеля. Ахіоло былъ занятъ безъ
сопротивленія нашими храбрыми товарищами моряками. По свѣдѣ-
ніямъ, полученнымъ отъ Красовскаго, визирь еще 9-го числа нахо-
дился въ Шумлѣ.

«Къ сожалѣнію, до прибытія моихъ обозовъ, которые крайне ме-
дленно идутъ за мною черезъ горы, я не въ состояніи удалиться отъ
портовъ, въ которыхъ имѣются запасы продовольствія и фуража
почти на мѣсяць. Я надѣюсь, однако, занять Айдосъ, и двинуться
туда со всѣми моими силами, какъ только придутъ первые обозы,
и выдвинуть тогда авангардъ въ Карнабатъ.

«Вчера въ Миземврїи мы праздновали на обѣдѣ у адмирала
Грейга, на «Парижѣ», день рожденія Е. И. В. Великой Княжны
Ольги Николаевны. Ваше Величество можете судить о счастьи, кото-
рое я ощущаю, проводя этотъ благословенный небомъ день среди
столькихъ воспоминаній и окруженный нашими храбрыми и слав-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а). отд. 2, всенюданнѣйшее письмо Дибича отъ 12 іюля
1829 г. изъ лагеря при Инжакіоѣ, близъ Миземврїи (т. е. Инжакіой).

ными товарищами моряками. Я познакомился при этомъ съ неустрашимымъ Казарскимъ: всѣ они пламенѣють тѣмъ же усердіемъ, но турецкій флотъ, повидимому, не хочетъ дать имъ случая выказать его рѣшительнымъ образомъ.

«Осмѣливаюсь просить Ваше Величество о награжденіи генераловъ Рота и Ридигера, которые чрезвычайно отличились на Камчикѣ и въ славныхъ дѣлахъ за Балканами.

«По моему мнѣнію, прекрасными наградами были бы алмазная шпага для перваго и орденъ св. Александра Невскаго для втораго, но Ваше Величество сумѣете сдѣлать сами наилучшій выборъ. Смѣю также просить для моего перваго помощника графа Толя, за Силистрію и за все что сдѣлано послѣ Кулевчи, орденъ св. Владимира 1-й степени, который онъ вполне заслуживаетъ за свое усердіе, свою дѣятельность и лояльность. Имѣю счастье послать эти депеши съ полковникомъ Лачиновымъ, который во время исполненія разныхъ порученій въ теченіе зимы и нынѣшней кампаніи выказалъ величайшее усердіе и выдающіяся способности и храбрость, также какъ и товарищъ его Зуровъ. Я отправляю Лачинова моремъ на Одессу, надеясь, что такимъ образомъ онъ избѣжитъ карантина, такъ какъ здѣсь, слава Богу, не было ни одного случая чумы, ни въ войскахъ, ни въ народѣ.

«Въ Сизополѣ чума начинаетъ уменьшаться и тамъ было только нѣсколько умершихъ; въ Варнѣ, гдѣ смертность была такъ велика, она также начинаетъ нѣсколько уменьшаться, но Трубецкой, который только что пріѣхалъ, привезъ мнѣ очень печальныя извѣстія изъ Исакчи и Бабадага, и мнѣ кажется, что весьма печальныя послѣдствія произошли отъ полного недостатка докторовъ и госпитальной администраціи.

«Во всѣ эти мѣста уже было послано два комплекта чиновниковъ, но и этого недостаточно. Я пишу еще разъ генералу Кузьмину, но у него также нѣтъ средствъ и почти нѣтъ войскъ, а я не могу его усилить, такъ какъ рискую заразить войска, которыя будутъ посланы, какъ это уже и случилось съ Низовскимъ полкомъ въ Варнѣ; такимъ образомъ у меня недостатокъ и во врачахъ, и въ чиновникахъ для карантинныхъ и комисаріата.

«Я вынужденъ былъ оставить въ Силистріи 3-ю бригаду 8-й дивизіи, такъ какъ 1-ю бригаду 11-й дивизіи нельзя было взять изъ Бухареста по причинѣ чумы и изъ боязни занести ее въ Силистрію; я считаю, что до окончательнаго устройства этого пункта въ немъ недостаточно имѣть только 4 баталіона для занятія такой большой крѣпости, между которой и Русукомъ нѣтъ нашихъ войскъ, между тѣмъ какъ Красовскій стоитъ у Енлбазара, а между Силистріей и Шумлою находятся только казаки.

«Графы Толь и Паленъ повергаютъ къ стопамъ Вашего Величества всю ихъ признательность за милостивую память о нихъ. У послѣдняго болитъ нога, но ему лучше и это не мѣшало ему быть всегда верхомъ передъ войсками.

«Удостоите, Государь, принять выраженія вѣрности и глубочайшей признательности, съ которыми имѣю счастье быть,

Государь,

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный и всенижайшій слуга П. Дибичъ».

Императоръ Николай отвѣчалъ Дибичу 4-го августа ¹⁾).

«Дорогой другъ Мой, съ радостью говорю вамъ *спасибо*, *Балканскій*: это наименованіе вамъ принадлежитъ по праву и Я даю его вамъ отъ полноты сердца. Но прежде всего да будетъ тысячу и тысячу разъ благословенъ Богъ за помощь, вамъ столь видимымъ образомъ оказанную; признаемъ Его покровительство *во всемъ*, что съ нами бываетъ счастливаго. Затѣмъ примите Мою полную признательность за ваше движеніе, соображенное столько же счастливо, какъ и искусно, и превосходно исполненное вашими храбрыми войсками. Вы правы, говоря, что теперь должны убѣдиться, какъ правы были тѣ, которые указывали, что не слѣдуетъ брать Шумлы и что дѣйствительный предметъ для атаки и наступленія— это Балканы. Доказательство на лицо. Побѣда при Кулевчѣ была основаніемъ всего и вы пожинаете теперь ея плоды. Я жалѣю, что резервы не могли прибыть къ вамъ раньше, чтобы дать вамъ возможность наступать далѣе, не останавливаясь; но раньше не было возможности послать ихъ къ вамъ».

12-го же іюля Дибичъ писалъ Чернышеву изъ Инжакіюя, близъ Мизември: «надѣюсь, что теперь по достоинству оцѣнить повелѣнія нашего Августѣйшаго Монарха не атаковать Шумлу, безъ вѣрной надежды на успѣхъ» ²⁾).

Официальное извѣстіе о переходѣ черезъ Балканы было отпраздновано въ Петербургѣ 6-го августа. «Сегодня,—писалъ Государь Дибичу.—мы отслужили молебенъ въ новой церкви Преображенской и ваше новое наименованіе было впервые провозглашено въ храмѣ Божіемъ; да принесетъ это вамъ *счастье!* Послѣ обѣдни и молебна Кавалергардскій и Конный полки доставили въ церковь

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 4-го августа 1829 г. изъ Александрии, близъ Петергофа.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича къ Чернышеву отъ 12-го іюля 1829 г. изъ лагеря при Инжакіюя близъ Мизември.

трофеи двухъ походовъ, въ числѣ 562; это было прекрасное и внушительное зрѣлище» ¹⁾).

Положеніе обѣихъ сторонъ подѣ Шумлою 8—15 іюля. Какъ мы уже знаемъ, подѣ Шумлою былъ оставленъ отрядъ г.-м. Красовскаго, который съ 6-го іюля стоялъ у Енибазара. Въ тотъ же день былъ высланъ изъ Енибазара отрядъ, состоявшій изъ одного дивизиона уланъ и 50 казаковъ черезъ Марковчу къ Камчику для того чтобы убѣдиться не двинулся ли непріятель изъ Шумлы внизъ по этой рѣчкѣ; затѣмъ были высланы разъѣзды по Базарджикской дорогѣ и къ Шумлѣ.

8-го іюля отрядъ возвратился и донесъ, что непріятель не принималъ никакаго движенія изъ Шумлы внизъ по Камчику.

Разъѣзды, посылавшіеся въ этотъ день къ Шумлѣ, доносили, что передовые посты непріятели по прежнему стоятъ на правомъ берегу рѣчки Эрекли. 8-го же іюля было получено донесеніе ген. Курпреянова, что онъ по приказанію главнокомандующаго вышелъ 4-го іюля изъ Праводѣ съ 19-мъ и 20-мъ егерскими полками и казачьимъ полкомъ Золотарева 2-го, сдѣлалъ посылку черезъ Чамурлу и потомъ черезъ д. Іеникію внизъ по Камчику до Кенрикію, но нигдѣ непріятели не встрѣтилъ и потому 6-го іюля возвратился въ Праводы.

9-го іюля весь отрядъ Красовскаго, за исключеніемъ Саратовскаго полка и 6 легкихъ орудій, оставленныхъ для прикрытія вагенбурга, выступилъ изъ Енибазара къ Шумлѣ въ 11 час. вечера. Войска двинулись двумя колоннами; правая подѣ начальствомъ кн. Мадатова и лѣвая подѣ начальствомъ г.-л. Бартоломея, и въ 5 час. утра 10-го іюля прибыли къ Мадердѣ. съ намѣреніемъ выманить непріятели въ поле; но турки оставались въ своихъ укрѣпленіяхъ и выслали на встрѣчу нашимъ войскамъ только одну слабую партію всадниковъ, которая имѣла стычку съ казаками 9-го Оренбургскаго полка.

У Мадерды войскамъ былъ данъ отдыхъ, а затѣмъ ихъ двинули въ боевомъ порядкѣ вверхъ по лѣвому берегу Булацлыка къ Макаку, гдѣ они простояли до 5 ч. вечера, послѣ чего въ боевомъ же порядкѣ пошли назадъ въ Енибазаръ, куда и прибыли вечеромъ того же 10-го іюля.

Такъ какъ нѣкоторые перебѣжчики показывали, что турки дви-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 6-го августа 1829 г. изъ С.-Петербурга. Преображенскій соборъ къ этому времени былъ возобновленъ послѣ пожара.

нули изъ Шумлы большой отрядъ къ Кеprикію, то Красовскій приказалъ выслать сильную партію черезъ Марковчу къ Кеprикію. Эта партія выступила изъ Енибазара 10-го іюля въ 4 часа вечера; она состояла изъ 100 человекъ бугскихъ уланъ на лучшихъ лошадяхъ, изъ 75 казаковъ 9-го Оренбургскаго полка и перваго баталіона Саратовскаго полка подъ начальствомъ полковника Эльшина; при отрядѣ этомъ для производства развѣдки состоялъ гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ баронъ Ливень.

Подъ Шумлой 10-го и 11-го іюля по прежнему все было спокойно, и «на передовыхъ и тыльныхъ постахъ въ теченіе послѣднихъ двухъ дней ничего со стороны непріятеля не замѣчено», какъ сказано въ историческомъ журналѣ войскъ г. Красовскаго. Турецкіе посты по прежнему стояли на высотахъ праваго берега Буланлыка.

12-го и 13-го іюля поручикъ баронъ Ливень произвелъ развѣдки по направленію на Комарово и Іеникію и непріятеля въ этихъ мѣстахъ не нашелъ. Въ виду этого, отряду полковника Эльшина было приказано выступить 15-го іюля изъ Марковчи и идти къ Мадердѣ, куда 14-го іюля долженъ былъ прибыть отрядъ Красовскаго. 14-го іюля Красовскій вновь выступилъ къ Шумлѣ. Въ этотъ день, въ 2 часа дня, у Енибазара было отслужено молебствіе по случаю окончанія перехода нашихъ войскъ черезъ Балканы, а послѣ молебствія войска выступили изъ Енибазара и стали на ночлегъ у Мадарды. Въ Енибазарѣ были оставлены 2-й баталіонъ Саратовскаго полка и 2-я бригада 2-й гусарской дивизіи. Цѣль этого движенія къ Шумлѣ состояла въ томъ, чтобы пачать осаду этой крѣпости. «Генералъ Красовскій пишетъ мнѣ, писалъ Дибичъ Государю 18 іюля ¹⁾, что согласно моимъ указаніямъ, которыя я ему оставилъ въ видѣ различныхъ предположеній, онъ приблизится 15 числа опять къ Шумлѣ и если онъ убѣдится, что въ крѣпости не больше войска чѣмъ у него, онъ пришлетъ мнѣ сверхъ бригады 2-й гусарской дивизіи, которая идетъ уже, еще 2-ю бригаду Бугской дивизіи, и поведутъ его резервные баталіоны правильную атаку, употребляя для этой цѣли двѣ осадныя роты, изъ тѣхъ, которыя остались въ Силистріи. Я умоляю Ваше Величество оставить мнѣ для этой цѣли Шильдера и гвардейскихъ офицеровъ ²⁾. Пер-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 18 іюля изъ Айдоса (на этомъ письмѣ Дибичъ по ошибкѣ поставилъ «18 іюня»).

²⁾ Генералъ Шильдеръ и гв. саперные офицеры должны были вернуться въ Россію.

вый на много ускорить это предпріятіе своей отвагой, а остальные своей выдающейся службой, и я надѣюсь, что слѣдую плану, который мы установили съ Красовскимъ и Шильдеромъ во время развѣдки, сдѣланной съ ними до моего отъѣзда, черезъ 3 или самое позднѣе 4 недѣли послѣ прибытія осадной артилеріи, крѣпость, съ помощью Божіею, будетъ наша».

15 іюля войска наши перешли по нарочно устроеннымъ мостамъ черезъ Буланлыкъ и стали на высотахъ лѣваго берега рѣчки Стражи, «для сдѣланія ближайшаго обзрѣнія турецкихъ укрѣпленій съ тою цѣлью, чтобы положить опредѣлительное предназначеніе плана нѣкоторыхъ осадныхъ работъ противъ Шумлы¹⁾».

Когда войска наши заняли высоты лѣваго берега р. Стражи, то изъ Шумлы вышло въ поле до 10 т. человекъ регулярной пѣхоты и конницы съ 6-ю полевыми орудіями и «явственно замѣтно было, что въ передовыхъ его укрѣпленіяхъ и на валу самой крѣпости находилось отъ 10 до 12 тыс. человекъ, такъ что всего должно было полагать до 25 тыс. человекъ, что согласовалось съ показаніями многихъ перебѣжчиковъ, которые утверждали, что въ Шумлѣ считалось до 35 тыс., а отправлено было въ разное время сего мѣсяца за Балканы около 10 тыс. человекъ²⁾. Вслѣдъ за тѣмъ завязалось дѣло между нашей и турецкой конницей, кончившееся отступленіемъ турецкой конницы къ самой Шумлѣ: потеря наша состояла изъ 3 офицеровъ и 6 нижнихъ чиновъ раненыхъ и 1-го нижняго чина убитаго.

Въ 4 ч. дня 15 іюля отрядъ Красовскаго двинулся обратно въ Енибазаръ, куда и прибылъ, не будучи тревожимъ турками.

Изъ этого очерка дѣйствій нашихъ войскъ подъ Шумлою видно, что нельзя укорять въ бездѣйствіи начальника этого отряда. Въ теченіе недѣли отрядъ два раза приходилъ изъ Енибазара къ Шумлѣ и уходилъ обратно, сдѣлавъ въ первый разъ 50 верстъ, а во второй около 40 верстъ. Ежедневно высылались развѣзды къ Шумлѣ и отправлялись небольшіе отряды и сильныя партіи къ Марковчу и оттуда къ Камчику; затѣмъ высылались развѣзды и на силистрийскую дорогу. Такимъ образомъ мѣстность къ востоку отъ Шумлы наблюдалась достаточно тщательнo, но не было обращено никакого вниманія на мѣстность къ югу и юго-западу отъ этой крѣпости, гдѣ пролегалі пути, по которымъ визирь могъ выслать отряды для дѣйст-

¹⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго, 1829 г.

²⁾ Тоже самое.

вій противъ нашихъ войскъ, переходившихъ Балканы, и по которымъ онъ могъ двинуться и самъ со всѣмъ гарнизономъ Шумлы. Отсутствіе наблюденія въ этомъ направленіи тѣмъ болѣе странно, что изъ показаній перебѣжчиковъ было извѣстно, что визиремъ «было отправлено въ разное время сего мѣсяца (т. е. іюля) за Балканы около 10 тыс. человѣкъ».

Затѣмъ нельзя не удивляться, что мы не приняли никакихъ мѣръ для наблюденія за Руцукомъ, чтобы не допустить прибытія въ Шумлу войскъ Гуссейна-пашы.

Прибытіе изъ Руцука значительныхъ подкрѣпленій въ Шумлу было-бы для насъ чрезвычайно неприятно, ибо увеличивало опасность для тѣхъ войскъ, которыя уже перешли Балканы.

Результатомъ дѣятельности отряда Красовскаго подъ Шумлой со времени ухода нашихъ войскъ за Балканы до 15 іюля явилось убѣжденіе, что непріятель въ числѣ 25 тыс. человѣкъ находится въ Шумлѣ и только изъ показаній перебѣжчиковъ мы узнали, что около 10 тыс. человѣкъ въ первой половинѣ іюля были отправлены изъ *Шумлы «въ Балканы»*, но это послѣднее свѣдѣніе не было проверено и на него, повидимому, не обратили никакого вниманія. Въ дѣйствительности же, вотъ что происходило у турокъ. Въ первые дни послѣ ухода нашихъ войскъ изъ подъ Шумлы къ Балканамъ, визирь не принялъ никакихъ мѣръ для наблюденія за нашими войсками, т. е., какъ мѣтко говорить Мольтке, «случилось то, что и слѣдовало отъ него ожидать, а именпо — онъ не предпринялъ ровню ничего». Вслѣдствіе этого онъ оставался въ полномъ невѣдѣніи въ какомъ направленіи пошли наши войска и узналъ о движеніи ихъ въ Балканы только тогда, когда всѣ переправы на Камчикѣ были уже нами захвачены, т. е. это стало ему извѣстнымъ 6—7 іюля. Тогда верховный визирь, обезпокоенный нашими успѣхами, притянулъ къ себѣ въ Шумлу Гуссейна-пашу изъ Руцука ¹⁾ и послѣднимъ отдѣлить изъ Шумлы въ Балканы отрядъ войскъ силою отъ 10 до 12 тыс. человѣкъ: 9 полковъ регулярной пѣхоты, 1500 регулярной конницы и 1500 дели (наѣздниковъ), считая еще возможнымъ задержать нашу армію на перевалахъ у Камчика. Вслѣдствіе этого онъ отправилъ этотъ отрядъ черезъ Ченгу, но такъ какъ этотъ путь былъ очень кружной и кромѣ того за Ченгой чрезвычайно труднопроходимый, то передовыя части этого отряда достигли Бѣлова и Суджуклука только 11—12 іюля.

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я. гл. 4-я, стр. 161).

Здѣсь выяснилось, что русскія войска уже прошли Балканы и находились на берегу Бургасскаго залива, а потому турецкій отрядъ поспѣшно двинулся къ Айдосу, причемъ визирь приказалъ держаться у этого пункта до послѣдней крайности ¹⁾).

Такимъ образомъ оказывается, что довольно значительный отрядъ турокъ вышелъ изъ Шумлы совершенно незамѣтно для насъ. Отрядъ этотъ разумѣется долженъ былъ дѣйствовать съ большою рѣшительностью во флангъ и въ тылъ нашимъ войскамъ переходившимъ Балканы, что конечно очень затруднило бы наши операціи. Но онъ дѣйствовалъ совершенно иначе; онъ какъ кошка прокрался черезъ Балканы и явился противъ нашихъ войскъ только въ Айдосъ, когда переходъ черезъ Балканы и утверженіе на берегу Бургасскаго залива уже были окончены.

О движеніи турецкаго отряда изъ Шумлы въ тылъ нашимъ войскамъ мы узнали не отъ Красовскаго, который обязанъ былъ слѣдить за шумлинскимъ гарнизономъ, а отъ плѣнныхъ и лазутчиковъ только тогда, когда войска наши 13-го іюля подходили къ Айдосу.



¹⁾ Valentini. Der Turkenkrieg. 160.



ГЛАВА 3.

Дѣйствія за Балканами.

Очеркъ мѣстности.—Наступленіе къ Айдосу.—Положеніе нашей арміи послѣ перехода черезъ Балканы.—Участіе христіанъ Балканскаго полуострова въ войнѣ съ турками.—Взятіе Айдоса 13 іюля.—Дѣйствія нашихъ войскъ 15 іюля.—Занятіе Ямболя 18 іюля.—Положеніе обѣихъ сторонъ подъ Шумлой 16—23 іюля.—Овландіе проходомъ Чалдыкаванъ.—Предположеніе Дибича о наступленіи къ Адрианополю.—Прибытіе подкрѣпленій къ нашей арміи.—Устройство завоеваннаго края.—Сраженіе при Сливно.—Первоначальное развертываніе нашихъ войскъ.—Переходъ въ наступленіе.—Заключеніе.

Очеркъ мѣстности. Мѣстность, на которой предстояло дѣйствовать нашимъ войскамъ, имѣла слѣдующій характеръ. Обширная равнина, простирающаяся южнѣ Балканъ до Карнабата, составляла продолженіе низменности, по которой море глубоко врѣзывается въ материкъ близъ Бургаса. Равнина эта была холмиста, изобиловала водою и лѣсами и отличалась необыкновеннымъ плодородіемъ; жирная, глинистая почва, луга и пастбища покрыты стадами буйволовъ, роскошная растительность, множество источниковъ и ручьевъ, многочисленныя деревни и близость гаваней, обращали эту часть Румелии въ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ областей Европейской Турціи. На сѣверной оконечности этой равнины, непосредственно у подошвы Балканъ, возвышаются минареты

Айдоса, значительнаго города съ 25000 жителей¹⁾. Мѣстныя условія не благоприятствовали расположенію здѣсь укрѣпленій; городъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ командующими высотами, которыя съ востока подходили вплотную къ нему; съ южной стороны растилалась равнина. Айдосъ былъ главнымъ городомъ обширнаго аянлыка, т. е. уѣзда, и служилъ мѣстопребываніемъ аяна и прочихъ лицъ уѣзднаго управленія.

*Наступленіе къ
Айдосу.*

На 13 іюля была отдана по арміи слѣдующая диспозиція²⁾.

«Диспозиція на 13-е число іюля 1829 года. Завтра (то есть 13 числа) общее перемѣщеніе арміи имѣеть быть слѣдующее:

Генераль Ротъ (оставляя генералу Ридигеру 2-ю бригаду 4-й уланской дивизіи въ подкрѣпленіе), выступаетъ съ корпусомъ своимъ въ Румеликюй, въ 4 часа пополудни, гдѣ останавливается лагеремъ. 1-я бригада 4-й уланской дивизіи и Ежова казачій полкъ слѣдуетъ къ нимъ, а Бакланова казачій полкъ подчиняется коменданту города Бургаса, полковнику Атаеву и можетъ быть употребляемъ для разѣздовъ по дорогамъ въ Карабунаръ и къ Сизополу. Съ прибытіемъ генерала Рота въ Румеликюй, выступаетъ корпусъ генерала Ридигера по дорогѣ къ Айдосу, и не доходя до онаго, останавливается въ удобномъ по усмотрѣнію его лагерѣ, съ тѣмъ чтобы отнюдь не атаковать города Айдоса, буде непріятель тамъ въ силахъ находится, если же онъ въ малыхъ силахъ, тогда можетъ занять городъ Айдосъ. Корпусъ графа Палена выступаетъ въ 5 часовъ пополудни и идетъ черезъ Алакарію въ Эски-баши, и для сего посылаетъ заранѣе узнать есть-ли довольно воды для помѣщенія всего корпуса въ одномъ мѣстѣ и буде нѣтъ, то оставляетъ 1-ю бригаду гусаръ въ Алакаріи, которая только что около 5 часовъ пополудни идетъ въ новый лагерь. Главная квартира арміи переходитъ въ Эски-баши въ 5 часовъ по полудни.

Г. г. корпуснымъ командирамъ поставляется въ непремѣнну обязанность присылать ежедневно, въ Главный Штабъ арміи, адъютантовъ или другихъ надежныхъ офицеровъ, для полученія диспозицій».

Г. М. Бергъ.

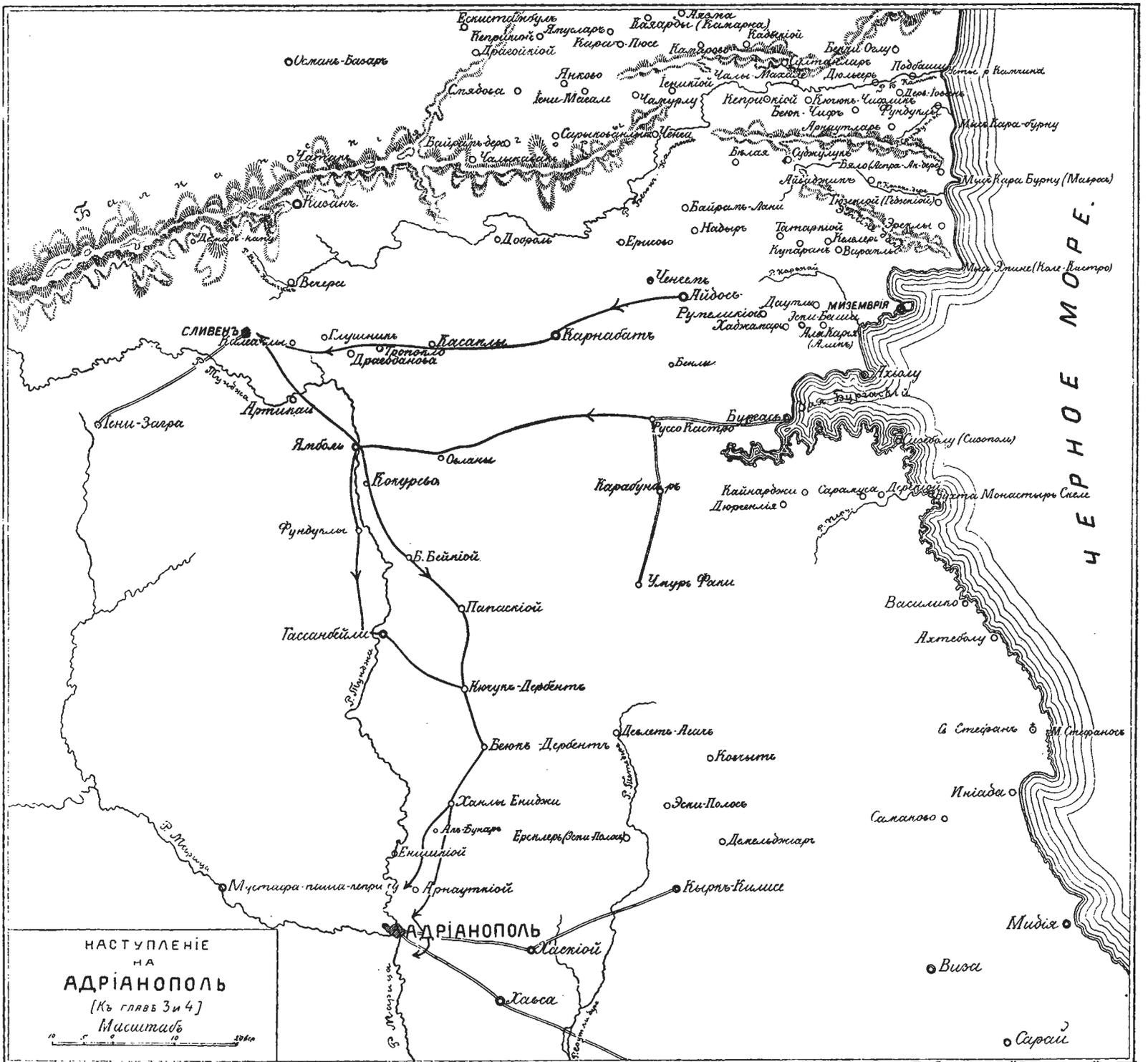
Согласно этой диспозиціи цѣлью дѣйствій арміи на 13 іюля было поставлено приближеніе къ Айдосу и, если окажется возможнымъ, то и занятіе этого города. Однако, послѣднее предполагалось только при условіи, если непріятель въ Айдосѣ «въ слабыхъ

¹⁾ Такъ сказано у Мольке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 161), а у Лукьяновича жителей въ Айдосѣ показано только 6000 чел. Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 26.

²⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 13 число іюля 1829 г.

силахъ»; въ противномъ случаѣ Ридигеръ *«отнюдь не долженъ былъ атаковать Айдоса»*. Самое наступленіе изъ Румеликія къ Айдосу разрѣшалось Ридигеру начать только тогда, когда генераль-Ротъ прибудетъ въ этотъ пунктъ; такимъ образомъ въ основаніе операций 13 іюля была положена крайняя *осторожность*. Такая осторожность объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились тогда наши войска. Цѣль, которую поставилъ себѣ Дибичъ — перейти черезъ Балканы — уже была достигнута и Дибичъ, очевидно, не хотѣлъ скомпрометировать себя какой нибудь неудачей.

Положеніе нашей арміи послѣ перехода черезъ Балканы. На 11-й день послѣ выступленія изъ подгрезъ Шумлы колонны Рота и на восьмой день послѣ выступленія послѣднихъ частей оттуда же, всѣ части арміи, назначенныя для перехода черезъ Балканы, сосредоточились у южной подошвы ихъ. Въ этотъ короткий промежутокъ времени наши войска совершили среднимъ числомъ 150—180 верстъ по незнакомой и трудно проходимой, гористой мѣстности. Балканы, казавшіеся столь грозной оборонительной линіей и столь трудно одолѣваемой преградой, были пройдены и сопротивление непріятели на Камчикъ и Надыръ-дере сломлено. Занятіе четырехъ гаваней на западномъ берегу Чернаго моря (Миземврін, Ахіоло, Бургаса и Сизополя) обезпечивало нашей арміи подвозъ продовольствія и запасовъ всякаго рода. Къ тому же, вслѣдствіе благопріятной погоды, въ долинахъ южнѣе Балканъ не было недостатка въ фуражѣ. Укрѣпленія въ Праводахъ, Девно, Варнѣ, Кеприкювъ и Арнаутларѣ обезпечивали сухопутныя сообщенія арміи съ Болгарією. Наконецъ отношенія съ жителями были таковы, что не возбуждали у насъ никакихъ опасеній. Населеніе на южномъ склонѣ хребта, состоявшее большею частію изъ грековъ, встрѣчало насъ какъ братьевъ по вѣрѣ, какъ освободителей, съ распростертыми объятіями. Что касается мусульманскаго населенія, то и оно не проявило никакой особенной враждебности; во всякомъ случаѣ оно относилось къ намъ лучше, чѣмъ жители такъ называемаго Дели-орманскаго лѣса, много затруднявшіе наши сообщенія съ Дунаемъ. При первомъ появленіи нашихъ войскъ на южной сторонѣ Балканъ, турецкое населеніе скрылось въ лѣса и горы; тогда къ нему посланы были уполномоченные, чтобы убѣдить его возвратиться въ свои жилища, подъ условіемъ выдачи оружія и назначенія заложниковъ. Черезъ пять дней жители 18 деревень выдали свое оружіе и возвратились домой. Что касается нравственнаго впечатлѣнія произведеннаго на турокъ переходомъ черезъ Балканы,



то оно было очень спльно и очевидно, что надо было пользоваться этимъ благопріятнымъ условіемъ, чтобы энергически продолжать наступленіе пока турки еще не одумались и не успѣли принять мѣръ для противодѣйствія. И надо признать, что до сихъ поръ Дибичъ дѣйствовалъ съ большой рѣшительностью и это въ значительной степени облегчило его положеніе, ибо эта рѣшительность произвела на турокъ потрясающее впечатлѣніе.

«Скорѣе можно сосчитать листву въ лѣсу, чѣмъ головы непріятельской арміи», — доносилъ Осману-пашѣ, коменданту Миземврин, офицеръ, посланный на развѣдку нашей арміи. Всѣ турецкіе военнопачальники полагали, что у Дибича по крайней мѣрѣ 100.000 человекъ.

Итакъ, всѣ условія слагались, повидимому, такъ, что вполне умѣстно было и впредь держаться самаго рѣшительнаго способа дѣйствій.

Поэтому въ главной квартирѣ нашей арміи не было недостатка въ голосахъ, которые утверждали, что «послѣ перехода черезъ Балканы нельзя остановиться на полдорогѣ. Одержанныя уже побѣды, разбросанность и упадокъ духа непріятели и мирное настроеніе христіанскаго населенія края, уравновѣшивали собою немногочисленность русскихъ войскъ. Извѣстно, что въ Адрианополѣ были сосредоточены только слабыя турецкія силы; продолжительная нерѣшительность могла дать непріятелю время для усиленія этого войска и устройства укрѣпленій. Если, что либо могло заставить визиря покинуть свое укрѣпленное убѣжище и выйти въ полѣ, то это было наступательное движеніе противъ второй столицы государства, отъ которой русская армія была удалена всего только на 100 верстъ. Въ сраженіи же въ открытомъ полѣ, можно было тѣмъ болѣе рассчитывать на пораженіе турокъ, не смотря на ихъ многочисленность, что въ такомъ случаѣ освободился бы также и корпусъ генерала Красовскаго¹⁾».

Но съ другой стороны были причины, которыя побуждали русскаго главнокомандующаго дѣйствовать съ осторожностью. Такихъ причинъ было двѣ; во первыхъ, самая легкость, съ которою одержаны были послѣдніе успѣхи, несвольно возбуждала въ побѣдителяхъ опасеніе. Мы встрѣтили столь слабое сопротивленіе, что можно было думать, что противъ насъ были только нестройныя толпы передовыхъ отрядовъ и что позади нихъ должны же быть настоящія силы турецкой арміи. Во вторыхъ, Шумла еще не была

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 160).

нами занята и визирь могъ явиться противъ насъ на южномъ склонѣ Балканъ. Однимъ словомъ, много было данныхъ встрѣтить значительныя и благоустроенныя турецкія войска именно подъ Айдо-сомъ. Вотъ почему въ нашей главной квартирѣ начали раздаваться голоса, даже вліятельныя, которыя не только указывали на необходимость дѣйствовать съ большою осторожностью, но требовали возвращенія назадъ.

«Нельзя, говорили они, бросать сообщенія арміи: слѣдуетъ конечно удержать занятые приморскіе города, но затѣмъ необходимо возвратиться съ главными силами къ Шумлѣ, чтобы овладѣть этою крѣпостью и перевезти съ этою цѣлью осадную артилерію изъ Силистріи. Во всякомъ случаѣ признавали нужнымъ выждать прибытія подкрѣпленій»¹⁾.

Между тѣмъ значительныхъ подкрѣпленій въ скоромъ времени получить было невозможно. Правда, ожидалось прибытіе 12-й пѣхотной дивизіи въ Сизополь, но это были войска молодая и, какъ писалъ Императоръ Николай I Дибичу, «они только могли замѣнить войска, составляющія гарнизонъ Сизополя». Затѣмъ, послѣ Кулевчинскаго боя было отдано Высочайшее повелѣніе послать въ армію всѣ резервные баталіоны 3, 6 и 7 корпусовъ и 10-й пѣхотной дивизіи, по 600 человекъ въ каждомъ баталіонѣ, и по два эскадрона на полкъ 3-й гусарской, 4-й и 5-й уланскихъ, 1-й драгунской и 1-й егерской дивизій. Затѣмъ Государь предполагалъ еще въ концѣ іюня лично осмотрѣть резервы 2-го корпуса и *«двинуть все, что можетъ идти, тотчасъ постъ осмотра»*. Такимъ образомъ ожидалось прибытіе не малаго числа войскъ, но нужно было время для ихъ сосредоточенія, и хотя Государь тотчасъ по полученіи извѣстій о Кулевчинской побѣдѣ приказалъ послать резервы въ дѣйствующую армію, но изъ самаго письма Государя Дибичу, было видно, что эти резервы придутъ не скоро. Такъ, напримѣръ, относительно перевозки войскъ 12-й пѣхотной дивизіи въ Сизополь Государь писалъ: «Я направилъ ихъ къ этому пункту, но только постепенно, сообразуясь съ перевозочными средствами»²⁾.

Итакъ, въ концѣ концевъ, были всѣскія причины къ тому, чтобы дѣйствовать рѣшительно и были не менѣе всѣскія причины къ тому, чтобы дѣйствовать осторожно: но, конечно, не Дибичъ исполнилъ бы совѣтъ тѣхъ, кто совѣтовалъ *вернуться съ арміей за Балканы*,

¹⁾ Мольке (переводъ Н. Шльдера, ч. 2-я, гл. 1-я, стр. 159).

²⁾ В. У. А. № 2895 (6), письмо Императора Николая графу Дибичу, Варшава, 9 (21) іюня 1829 года.

къ *Шумль*. Онъ рѣшилъ идти впередъ, но соблюдая должную осторожность; это-то рѣшеніе и отразилось въ диспозиціи отданной по арміи на 13 іюля.

*Участіе христіанъ
Балканскаго полу-
острова въ войнѣ съ
турками.*

Что касается до обезпеченія своего тыла и сообщеній съ флотомъ, то помимо уже принятыхъ мѣръ (укрѣпленіе перечисленныхъ выше пунктовъ въ горахъ и къ сѣверу отъ нихъ, а также оставленіе гарнизоновъ въ захваченныхъ крѣпостяхъ на берегу моря), явилось предположеніе воспользоваться помощью мѣстнаго христіанскаго населенія. Изъ него предполагалось образовать гарнизоны для занятія укрѣпленныхъ пунктовъ въ тылу арміи. Мысль о возможности воспользоваться для этой цѣли христіанскимъ населеніемъ завоеваннаго нами края, была, между прочимъ, подана ахіольскимъ митрополитомъ Антимосомъ, который писалъ Дибичу, что «ежели жители забалканскихъ провинцій снабжены будутъ оружіемъ и подкрѣплены хотя частью російскихъ войскъ, тогда въ истинной готовности ихъ защищать обиталища свои нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія»¹⁾.

Затѣмъ генераль Понсетъ донесъ Дибичу 22 іюля изъ Бургаса²⁾, что къ нему обратились жители, прося оружія и патроновъ для защиты отъ турокъ.

О возможности воспользоваться христіанами Балканскаго полуострова, какъ матеріаломъ для созданія боевой силы, Дибичъ думалъ гораздо раньше, еще до перехода черезъ Балканы. Такъ, 17 мая 1829 года онъ представилъ всеподданнѣйшій рапортъ «о готовности болгаръ содѣйствовать нашимъ войскамъ противу турокъ и о мѣрахъ, предполагаемыхъ для поддержанія этого желанія и приведенія онаго въ исполненіе». На рапортѣ этомъ была положена слѣдующая Высочайшая резолюція: «отвѣчать гр. Дибичу, что Я совершенно уполномочиваю его исполнить на счетъ Булгаръ всѣ мѣры, кои предполагаются; касательно же участи, которую имъ опредѣлить слѣдуетъ послѣ войны, о семъ будетъ г. Дибичъ позже увѣдомленъ»³⁾.

Въ тотъ же день, т. е. 17 мая, Дибичъ обратился къ Государю съ письмомъ, въ которомъ также изложилъ свои мысли по вопросу объ участіи болгаръ въ войнѣ. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ Госу-

¹⁾ В. У. А. № 2770. мнѣніе митрополита ахіольскаго Антимоса.

²⁾ В. У. А. № 2767, генер. Понсетъ гр. Дибичу 22 іюля 1829 года № 11 изъ г. Бургаса.

³⁾ Архивъ Канц. Воен. Министерства № 464, св. 49, всеподд. письмо гр. Дибича отъ 17 мая 1829 года № 163.

дарю. что получилъ извѣстія отъ адмирала Грейга, изъ Сизополя. «Я считаю своей обязанностью, писать Дибичъ ¹⁾), обратить особое вниманіе на извѣстія, которыя мнѣ сообщаетъ адмиралъ Грейгъ относительно настроенія жителей Румелин.

«Имѣю счастье представить Вашему Императорскому Величеству мои военныя соображенія по этому предмету и прибавить мои политическія размышленія.

«Ваше Величество знаете, сколько я всегда старался устранить революціонныя движенія отъ плана военныхъ дѣйствій противъ турокъ, который я имѣю честь представить Вашему Величеству, и конечно я никогда не посмѣю давать совѣтъ готовить народъ къ такимъ идеямъ въ мирное время, имѣя глубокое убѣжденіе, что принципъ и его поддержаніе (*que le principe et son maintien*) слишкомъ святы и болѣе полезны, чѣмъ временныя выгоды; но дѣло касается народа, который во время войны, безъ всякаго подстрекательства съ нашей стороны, народа одной вѣры съ нами, одного происхожденія и одного языка, не можетъ болѣе переносить тягость безпримѣрнаго ига и поднимается скорѣе противъ притѣснителей, чѣмъ противъ турецкаго правительства; въ то время, когда войска наши приближаются къ ихъ мѣстамъ жительства, имъ не остается другаго выхода, какъ покинуть свои дома и поля и, слѣдуя приказу ихъ тирановъ, бѣжать на вѣрную смерть въ страны совершенно разоренныя, которыя еще болѣе будутъ разорены и гдѣ несчастнымъ христіанамъ отказываютъ въ выдачѣ даже самаго небольшого раціона; или же они должны сопротивляться ихъ выселенію, что они могутъ сдѣлать только съ оружіемъ въ рукахъ. Мнѣ кажется, что отказывать этому народу въ единственной помощи, которую онъ у насъ проситъ, въ снабженіи его оружіемъ и боевыми припасами, это было бы въ данномъ случаѣ слишкомъ предупредительно по отношенію къ правительству, которое каждый день даетъ намъ доказательства своей непримиримой злобы и не откажется въ борьбѣ съ нами ни отъ какихъ средствъ».

Затѣмъ Дибичъ писалъ, что такое движеніе среди болгаръ не должно вызвать подозрительности Европы и что во всякомъ случаѣ оно будетъ имѣть менѣе революціонный видъ, чѣмъ возстаніе Сербіи.

Далѣе онъ писалъ: «я буду надѣяться, что получу повелѣніе Вашего Величества оказать помощь болгарамъ, насколько наше настоящее положеніе это позволяетъ, и воспользоваться рѣшительнымъ образомъ ихъ настроеніемъ послѣ перехода черезъ Балканы; но такъ какъ Ваше Величество не только не желаете дѣлать никакихъ пріобрѣтеній, но даже ничего не желаете измѣнять во внутрен-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всенод. письмо Дибича отъ 17 мая 1829 года, изъ лагеря подъ Силистріею.

немъ управленіи оттоманскихъ областей, то я полагаю, что необходимо теперь же подумать, гдѣ поселить десятки тысячъ семействъ, которыя вынуждены будутъ слѣдовать за нами послѣ окончанія войны».

Государь отвѣчалъ Дибичу на это письмо 26 мая ¹⁾: «вопросъ о болгаряхъ, разумѣется, требуетъ полнаго вниманія съ нашей стороны и Я уполномочиваю васъ дѣйствовать *вполнѣ* ²⁾ въ смыслѣ инструкцій, которыя вы вѣроятно получили въ отвѣтъ на вашъ рапортъ ³⁾, полученный мною прямо отъ Грейга. Подумайте только, откуда вы возьмете оружіе и боевые припасы для своевременнаго снабженія ихъ; это событіе, если пойдетъ удачно, можетъ имѣть *огромныя* ⁴⁾ послѣдствія. «Я жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта относительно сербовъ. Что же касается до участи болгаръ послѣ войны, то этимъ вопросомъ Я займусь». На сколько въ нашихъ правящихъ сферахъ придавали значеніе вооруженію болгаръ, видно и изъ письма гр. Чернышева къ Дибичу отъ 6 іюня ⁵⁾ «Государь мнѣ пишетъ, что Онъ далъ вамъ полную свободу (*carte blanche*) въ этомъ вооруженіи и что эта помощь можетъ быть весьма существенной для насъ. Если дѣйствительно вся масса болгаръ по ту сторону Балканъ изъявила бы желаніе быть вооруженной и сражаться за насъ противъ турокъ, это можетъ навѣрное имѣть нечислимыя послѣдствія и дать совершенно рѣшительный оборотъ нынѣшней кампаніи».

Участіе христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова въ войнѣ съ турками, конечно могло быть для насъ весьма полезнымъ, ибо должно было развлечь силы и вниманіе турокъ и ослабить ихъ сопротивленіе нашимъ войскамъ. Но къ вопросу этому мы относились съ большою осторожностью; мы не хотѣли явиться возмутителями христіанскихъ подданныхъ султана противъ ихъ государя и отлагали ихъ участіе въ войнѣ до того времени, когда исходъ войны уже будетъ рѣшенъ нами, чтобы такимъ образомъ было очевидно, что побѣда надъ турками одержана нами, безъ содѣйствія христіанъ Балканскаго полуострова. Такъ, напримѣръ, Толъ писалъ Киселеву 13 іюля 1829 года ⁶⁾:

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2. письмо Имп. Николая Дибичу изъ Берлина отъ 26 мая (7 іюня) 1829 года.

²⁾ Два раза подчеркнуто Государемъ.

³⁾ Т. е. рапортъ отъ 17 мая 1829 года № 163.

⁴⁾ Подчеркнуто Государемъ.

⁵⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу 6 іюня 1829 г.

⁶⁾ В. У. А. № 2767, отвѣтъ ген.-ад. Толя отъ 13 іюля 1829 г. № 2216 изъ Нижнеюна на рапортъ ген.-ад. Киселева отъ 5 іюля 1829 г.

«Главнокомандующій поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что хотя еще не наступило то время, чтобы возбудить сербовъ противу турокъ, но оное не далеко отъ того, когда имъ участіе въ сей войнѣ принять должно будетъ, желаетъ, чтобы Ваше Превосходительство приняли самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ собранію столько оружія, сколь только Силистрія намъ дать можетъ, дабы вооружить часть сербовъ, не имѣющихъ никакого вооруженія. Къ артилеріи, которую предполагается имъ дать, можно будетъ отдѣлать только самое необходимое число артилеристовъ, въ дополненіе же къ нимъ дать пандуровъ и волонтеровъ, которыхъ нынѣ же стараться приготовить, приставя къ нимъ хорошаго фейерверкера и нѣсколько солдатъ артилеристовъ для обученія. Сіи люди должны быть готовы по первому востребованію, что г. Главнокомандующій возлагаетъ также на особенную вашу попечительность».

Такимъ образомъ 13 іюля, въ то время, когда наши войска уже стояли у южной подошвы Балканъ, считалось, что время для участія сербовъ въ войнѣ уже близко. Сербы могли быть полезны, чтобы оберегать правый флангъ нашей арміи и привлечь на себя часть турецкой арміи. Въ это же время начали подумывать о томъ, чтобы вооружить и болгаръ. Такъ, въ началѣ іюля генераль Понсетъ просилъ изъ Ахіолы о разрѣшеніи раздать болгарамъ 150 ружей.

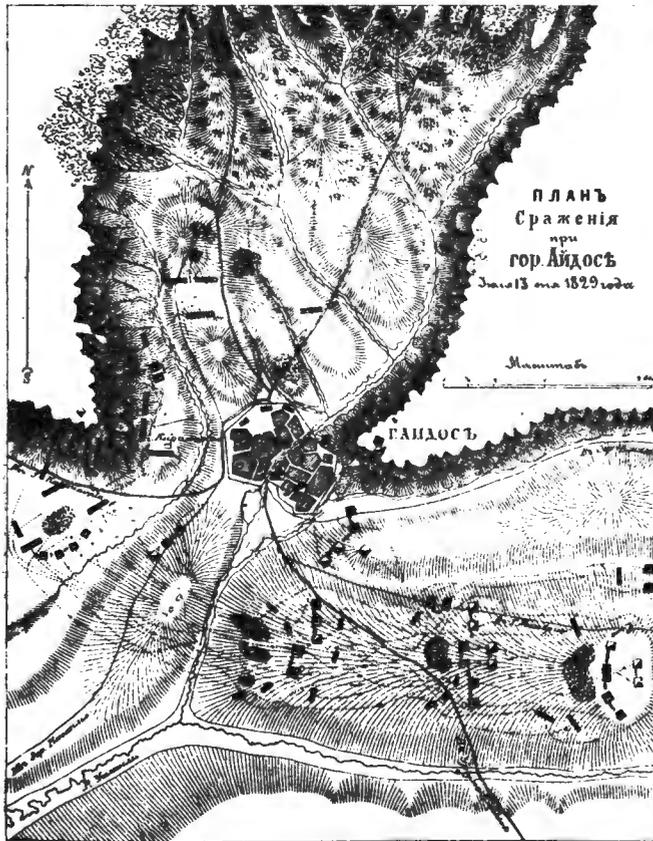
Дибичъ разрѣшилъ это, но съ оговоркою, «чтобы вооруженіе болгаръ было допущено только съ тѣмъ условіемъ, чтобы они до времени оставались смирно и продолжали заниматься земледѣліемъ и торговлею, отнюдь ничего не предпринимали и оружіе употребляли бы только для защищенія своей собственности отъ разбойничьихъ турецкихъ шаекъ, на каковой конецъ должно, чтобы болгары, желающіе принять оружіе, избирали между собою старшинъ, на отвѣтственности коихъ имѣеть быть порядокъ и спокойствіе ихъ» ¹⁾. Объ этомъ рѣшеніи Дибичъ донесъ Государю 25 іюля, причемъ писалъ ему ²⁾: «я вооружаю теперь нѣсколько сотъ болгаръ и надѣюсь, что мѣра эта расширится: я хочу посмотрѣть можно ли будетъ употребить ихъ вмѣстѣ съ нашими полками, изъ наиболѣе слабыхъ, примѣрно такимъ же образомъ какъ мы употребляли въ 1812 году петербургское ополченіе. Но это только для третьей кампаніи, отъ которой Господь Богъ насъ уберезетъ, на что я надѣюсь, хотя до сихъ поръ нѣтъ еще никакого миролюбиваго сигнала со стороны Константинополя».

¹⁾ В. У. А. № 2767, генераль-квартирмейстеръ ген.-лейт. Понсету, Айдосъ. 23 іюля 1829 года.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25 іюля 1829 г. изъ Айдоса.

Итакъ пока, т. е. во второй половинѣ іюля, мы еще не рѣшили воспользоваться содѣйствіемъ христіанъ Балканскаго полуострова для борьбы противъ турокъ, а это обстоятельство, въ связи съ другими, должно было повліять на рѣшеніе вопроса о томъ, въ какомъ духѣ вести далыѣйшія операціи послѣ перехода черезъ Балканы. Не желая бездѣйствовать, а тѣмъ болѣе возвращаться назадъ, какъ это совѣтывали нѣкоторыя лица, Дибичъ напротивъ рѣшилъ идти впередъ, но съ нѣкоторой осторожностью.

Взятіе Айдоса 13 іюля 1829 года. Припомнимъ, что согласно диспозиціи на 13 іюля, Ридигеръ долженъ былъ выступить изъ Румеликія, когда туда прибудеть колонна генерала Рота, и



идти къ Айдосу, но, не доходя до этого города, остановиться «съ тѣмъ, чтобы отнюдь не атаковать города Айдоса, буде непріятель тамъ въ силахъ находится; если же онъ въ слабыхъ силахъ, тогда можно занять городъ Айдосъ».

7*

Въ колоннѣ Ридигера было около пяти тысячъ человѣкъ (8 баталіоновъ, двадцать пѣшихъ орудій, восемь эскадроновъ, четыре конныхъ орудія, два казачьихъ полка, три четверти піонернаго баталіона). Турки имѣли у Айдоса около девяти тысячъ пѣхоты и 2000 конницы съ четырьмя орудіями ¹⁾).

Въ полдень 13 іюля къ Румеликію подошла колонна Рота; тогда Ридигеръ выступилъ изъ этого пункта и двинулся къ Айдосу, имѣя впереди казачьи полки Ильина и Чернушкина, подъ общимъ начальствомъ генераль-маіора Жирова; версты на двѣ позади казаковъ шли главныя силы въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-я бригада 4 уланской дивизіи съ четырьмя орудіями конной № 28 роты, 7 піонерный баталіонъ, 37 егерскій полкъ, 4 орудія батарейной роты 19 артилерійской бригады, 36 егерскій полкъ, легкая № 3 рота 18 артилерійской бригады, Пермскій пѣхотный полкъ, батарейная рота 18 артилерійской бригады и пять ротъ Уфимскаго пѣхотнаго полка. За колонной шли обозы подъ прикрытіемъ трехъ ротъ Уфимскаго полка.

Верстахъ въ трехъ къ востоку отъ Айдоса Жировъ встрѣтилъ непріятельскую конницу, за которой на высотахъ видна была пѣхота. Тогда генераль-маіоръ Жировъ развернулъ полкъ Чернушкина на правомъ флангѣ, а полкъ Ильина на лѣвомъ и завязалъ съ турецкой конницей перестрѣлку до подхода главныхъ силъ ²⁾).

Около 5 часовъ вечера колонна Рота приблизилась къ Айдосу версты на четыре, а въ это время казаки Жирова продолжали перестрѣлку съ непріателемъ.

Во время этой перестрѣлки было захвачено нѣсколько плѣнныхъ, которые показали, что турки ожидаютъ прибытія въ Айдосъ значительныхъ подкрѣпленій изъ Шумлы, съ самимъ визиремъ.

Въ виду этого, генераль Ридигеръ рѣшился, не ожидая прибытія визиря и не требуя помощи отъ 6 корпуса, идти въ Айдосъ.

Въ это время казаки Жирова были встрѣчены многочисленной конницей, которая сильно потѣснила ихъ. Тогда Ридигеръ приказалъ двинуться впередъ 2-й бригадѣ 4-й уланской дивизіи съ 4 кон-

¹⁾ В. У. А. 2864, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣх. корпуса и В. У. А. № 2855 и 2889, вѣдомости подписанныя г.-м. Бергомъ. (Приложеніе № 22). У насъ въ дѣлахъ подъ Айдосомъ было пѣхоты 3288 чел., уланъ 1157 и казаковъ 583, всего 5028, а именно: пять ротъ Уфимскаго полка (три роты прикрывали обозъ), Пермскій пѣх. полкъ, 36 и 37 егерскіе полки, батар. № 1 и легкая № 3 роты 18 артн. бригады, 4 р. батарейн. № 1 роты 19 арт. бригады, 2-я бригада 4 уланской дивизіи (Смоленскій и Курляндскій полки), 4 ор. конной № 28 роты, казачьи полки Ильина и Чернушкина и три роты 7 піонернаго баталіона.

²⁾ В. У. А. № 2864, историч. журналъ дѣйствій 7 пѣх. корпуса.

ными орудіями подъ начальствомъ г.-м. Шереметева, который, не смотря на превосходство непріятеля, послѣ упорнаго боя, нѣсколькими блистательными атаками сбиль турокъ и прогналъ ихъ назадъ въ Айдосъ. Между тѣмъ непріятельская пѣхота заняла какъ самый городъ, такъ и позицію на высотахъ западнѣе его. между шумлинской и карнабатской дорогами. Противъ этой позиціи была выдвинута наша артилерія и направлены части 36 и 37 егерскихъ полковъ и 18 пѣхотной дивизіи (5 баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій), подъ начальствомъ генераль-маіора Горчакова, а въ обходъ праваго фланга непріятеля была двинута 2-я бригада 4 уланской дивизіи и Чернушкина полкъ, чтобы отрѣзать туркамъ путь отступления въ Карнабатъ.

Въ резервѣ были оставлены баталіонъ 37 егерскаго полка, 5 ротъ Уфимскаго полка, піонерный баталіонъ и 4 орудія батарейной роты 18 артилерійской бригады; три роты Уфимскаго полка были при обозѣ ¹⁾.

Мѣткій огонь нашей артиллеріи и наступленіе пѣхоты и конницы принудили непріятеля начать отступление. Тогда нами была произведена общая атака, войска наши ворвались въ городъ и послѣ боя, продолжавшагося три часа, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство и разсѣялся въ горахъ по шумлинской и карнабатской дорогамъ.

Послѣ боя началось преслѣдованіе непріятеля, но вслѣдствіе наступившей ночи оно происходило на протяженіи только 6 — 7 верстъ.

Потери турокъ доходили до 1000 человекъ убитыхъ и раненыхъ; въ плѣнъ взято 7 офицеровъ и 215 нижнихъ чиновъ, четыре орудія и четыре знамени.

Въ Айдосѣ нами было захвачено большое количество запасовъ всякаго рода, а именно: 448 боченковъ пороха, 236 ящиковъ съ патронами, 10 орудійныхъ лафетовъ, болѣе 3000 ядеръ, бомбъ и гранатъ, разный шанцевый инструментъ, 600 палатокъ и 3000 шинелей, почти совсѣмъ новыхъ, цѣлый магазинъ съ сухарями и большой запасъ сѣна. Наконецъ въ Айдосѣ была нами отбита 6-ти фунтовая пушка 19-й артилерійской бригады, захваченная турками 18 сентября 1828 года въ сраженіи при Куртепе.

Въ этомъ бою мы потеряли убитыми: одного офицера; 19 нижнихъ чиновъ и ранеными 7 офицеровъ и 74 нижнихъ чина ²⁾.

¹⁾ В. У. А. № 2864, историч. журналъ дѣйств. 7 пѣх. корпуса.

²⁾ В. У. А. № 2864 историч. журналъ дѣйствій 7 пѣх. корпуса.

Такимъ образомъ Айдосъ былъ взятъ одной колонной Ридигера, безъ помощи остальныхъ войскъ.

Когда на другой день, 14 іюля, графъ Дибичъ, почевашій въ Эски-башни, въ 30 верстахъ отъ Айдоса, намѣревался выступить къ нему, онъ получилъ донесеніе о взятіи этого города. Тогда 6-й корпусъ присоединился къ 7-му въ Айдосъ, а 2-й корпусъ занялъ Румеликюй. Главная квартира перешла въ Айдосъ и Дибичъ поселился во дворцѣ Юсюфъ-паши, защитника Варны, въ которомъ въ прошломъ году была расположена главная квартира великихъ визирей Селимъ-Мехмета и Изетъ-Мехмета.

Сообщая объ этомъ Чернышеву, Дибичъ писалъ: «со времени переправы черезъ Дунай главная квартира первый разъ расположилась по квартирамъ. ¹⁾».

На разсвѣтъ 14 іюля Ридигеръ выслалъ изъ Айдоса небольшіе отряды и разъѣзды по нѣсколькимъ направленіямъ. Такъ, 37-й егерскій полкъ былъ посланъ къ д. Ченгель (Чингелъ, Ченги); затѣмъ по большой карнабатской дорогѣ былъ посланъ Уфимскій полкъ съ четырьмя орудіями батареинной роты 19 артилерійской бригады; оба эти отряда непріятеля не встрѣтили и къ девяти часамъ утра вернулись въ Айдосъ.

Сильные казачьи разъѣзды были посланы по шумлинской дорогѣ къ Надиръ-Дервенту, Келелеру и къ Руссо-Кастро ²⁾.

Занятіе Бургаса и Айдоса завершило операцію перехода черезъ Балканы. Впечатлѣніе, произведенное этими событіями на участниковъ похода, хорошо видно изъ слѣдующаго письма одного изъ нихъ. ³⁾.

«Повѣрятъ ли у васъ въ Петербургѣ, что наши русскія знамена развѣваются за хребтами Эмине-Дагъ и Пеперила-Дагъ? Повѣрятъ ли, говорю, что русскимъ надлежало только захотѣть и нога ихъ уже находится за Балканами. Какой климатъ, какіе виды, какая страна! Все вознаграждаетъ насъ за перенесенные труды и безпокойства. Не знаю, можетъ ли успѣшнѣе идти ходъ дѣлъ для славы нашего оружія. У васъ вѣрно скажутъ, читая реляціи, что все описываемое басни или по крайней мѣрѣ половина прибавляется, а половина уменьшается. И въ самомъ дѣлѣ: съ трудомъ можно вѣрить, чтобы терпя убитыми и ранеными человекъ 10, можно было брать въ плѣнъ слиш-

¹⁾ А. П. Болотова, письмо изъ-за Дуная, «Древняя и Новая Россія» 1877 г., письмо изъ Айдоса отъ 17 іюля 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2864 историческій журналъ дѣйствиі 7 корпуса.

³⁾ В. У. А. № 2895 (а) отд. 2, письмо Дибича Чернышеву отъ 18 іюля 1829 года изъ Айдоса

комъ 800 и находить труповъ непріятельскихъ цѣлыя сотни. Я, какъ самъ очевидецъ, могу въ томъ удостовѣрить каждаго. Изъ сего можно заключить, въ какомъ положеніи находится Турція и сколь отваженъ теперь духъ турокъ. Одно имя москаля приводитъ въ трепеть мусульманина. Мы не видали уже болѣе сихъ отважныхъ наѣзтниковъ, которые, напиваясь опіумомъ, кидаются въ ряды и наносятъ страхъ и смерть своему непріятелю. Эти самые наѣзники теперь какъ безумные бѣгутъ назадъ и рассказываютъ своимъ пашамъ, *«что легче перечесть траву въ полѣ, чѣмъ головы москалей»*. Вотъ что называется: *у страха глаза велики*.

«Не взирая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на дороги, которыя, можно сказать, мы прокладывали сами, мы встрѣчали опасностей, затрудненій и препятствій въ лѣсахъ Балканскихъ менѣе, чѣмъ по дорогѣ изъ Шумлы и Силистріи. Тамъ множество разбойниковъ: по одиночкѣ хоть и не показывайся, всякій курьеръ отправляется подъ прикрытіемъ сильнаго конвоя,—а здѣсь совершенно безопасно: мы перешли Балканы, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, всякій ѣдетъ по одиночкѣ, не опасаясь никого и ничего.

«Я опишу вкратцѣ нашъ походъ. Изъ подъ Шумлы мы выступили 30 іюня ночью, дабы турки не замѣтили движеній нашихъ войскъ, и тотчасъ наше мѣсто ¹⁾ заступила часть другой дивизіи. Походъ изъ Шумлы вплоть до Камчика не представлялъ ничего замѣчательнаго. Дождь, жаръ, скука отъ медленнаго движенія, безпрестанная остановка отъ завязавшей въ грязи артилеріи, вотъ кто были спутниками нашего похода. Подъ Камчикомъ мы были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ огнемъ съ другаго берега ²⁾. Мы съ своей стороны тоже поставили багарейныя орудія, стрѣляли цѣлый день, имѣли значительный уронъ убитыми и тяжело ранеными,—но не могли сдѣлать ничего, потому что турки скрывались за своими укрѣпленіями, а быстрота Камчика не позволяла пуститься въ бродъ. На другой день вечеромъ мы сдѣлали переправу выше. Имѣли небольшой уронъ, но успѣхъ былъ великъ. Наведя понтонные мосты, наши войска потянулись на другую сторону и, прокладывая новую дорогу по болоту въ большомъ и довольно густомъ лѣсу, мы около полудня явились подъ укрѣпленіемъ Дервишъ-Юванъ; здѣсь были встрѣчены сильнымъ пушечнымъ огнемъ, но удачное дѣйствіе артилеріи, стремительныя кавалерійскія атаки, заставили турокъ побѣжать, бинуть свой лагерь, запасы и укрѣпленія. Ночью того же дня мы пошли далѣе и вступили на возвышенія Малыхъ Балканъ. На другой день около полудня мы ихъ перешли и отдыхали въ большомъ селеніи Аширо. Это была первая деревня въ коей мы нашли жителей. Какое пріятное чувство роди-

¹⁾ Т. е. мѣсто 7-й пѣхотной дивизіи.

²⁾ Здѣсь Болотовъ описываетъ переправу колонны Рота у Дервишъ-Ювана.

лось въ душѣ каждаго, когда мы увидѣли мирныхъ поселянъ, занимающихся своими сельскими работами, женщинъ, дѣтей и пр. и пр. Сіе можетъ понять только тотъ, кто въ продолженіе 3 мѣсяцевъ, скитаясь по разрушительнымъ мѣстамъ, по пустынѣ, въ полномъ смыслѣ сего слова, который ничего не видалъ, какъ однихъ только солдатъ, искаженные трупы людей и лошадей.

«Черезъ день послѣ сего мы переходили хребетъ Большихъ Балканъ. Цѣлыхъ 10 верстъ мы поднимались на гору, которая мѣстами дѣлалась отложе, мѣстами же чрезвычайно крута. Сіи 10 верстъ мы шли 6 часовъ, и что ни шагъ, то была остановка, ибо надо было срубать пни кирками, ломать камни, срывать или насыпать землю. Наконецъ 10 іюля мы спустились съ хребта на совершенную равнину Мизевріи. Тутъ было дѣло довольно жаркое, но чрезвычайно успѣшное: его послѣдствіемъ было взятіе Мизевріи, Ахіоло, Бургаса, Айдоса и Карнабата. Здѣшніе жители, большею частью греки и болгары, намъ весьма преданы. Мы достали барановъ, гусей, куръ, изюмъ и вино.

«Что сказать вообще о странѣ? Виды, представлявшіеся съ Балканъ, очаровательны. Каменные скалы, ужасныя стремнины, густые лѣса изъ дикаго винограда, грушъ и проч., фіолетовые верхи вдали виднѣющихся горъ, съ другой же стороны необозримая равнина моря, плавающие караваны на всѣхъ парусахъ,—вотъ что представлялось намъ. Словомъ, сей походъ за Балканы навсегда врѣжется въ моей памяти».

Такъ оцѣнили переходъ черезъ Балканы одинъ изъ участниковъ его и въ этомъ скромномъ разсказѣ не видно ни малѣйшаго намѣренія преувеличить значеніе этого событія и въ особенности трудности перехода. Насколько труднымъ казалось это предпріятіе для многихъ до его исполненія, настолько же легкимъ казалось оно почти для всѣхъ послѣ его совершенія. «Графъ Дибичъ, говоритъ Валентини, ниспровергъ предполагавшуюся невозможность перехода черезъ Балканы. Его солдаты нашли пасущіяся стада и населенныя деревни тамъ, гдѣ предпологались пещеры съ драконами». ¹⁾ Но тотъ-же Валентини говоритъ, что новое наименованіе полученное Дибичемъ—«Забалканскій», зависѣло не отъ одной только счастливой случайности» ²⁾. Въ иностранной литературѣ мы найдемъ не мало авторовъ, которые отдають справедливость Дибичу. Говоря о рѣшеніи Дибича перейти черезъ Балканы, одинъ изъ авторовъ пишетъ: «рѣшеніе перейти Балканы до того смѣло, что передъ этой смѣлостью забывается легкость самаго перехода. Дибичъ, принимая это рѣшеніе, зналъ, что въ тылу своемъ онъ

¹⁾ Der Türckenkrieg, von dem Generalleutenant Freiherrn von Valentini, § 151.

²⁾ Valentini, § 151.

оставляетъ главную турецкую армію, превосходившую числомъ его собственную; онъ зналъ, что по ту сторону горъ стоитъ албанскій паша съ 40,000 человекъ, и что до 50,000 резервныхъ войскъ собрано у Константинополя. Рѣшаясь при такой обстановкѣ вторгнуться въ сердце турецкой имперіи, Дибичъ не могъ предвидѣть сонливости обороны со стороны непріятели; онъ не могъ надѣяться на то, что визирь подставитъ ему свою армію по частямъ и что албанскій паша и константинопольскія войска едва проявятъ признаки жизни» ¹⁾).

Движеніе нашихъ войскъ 15 іюля. 14 іюля въ Айдосѣ по арміи была отдана диспозиція, согласно которой войска должны были исполнить слѣдующее ²⁾:

1) 7-й корпусъ долженъ былъ выдвинуться къ Карнабату и, если возможно, занять его.

Для этого съ разсвѣтомъ 15 іюля изъ Айдоса долженъ былъ выступить отрядъ казаковъ подъ начальствомъ генераль-маіора Жирова и если онъ въ Карнабатѣ не обнаружитъ непріятели, то занимаетъ этотъ городъ. Если же непріятель «*въ силахъ въ Карнабатъ*», то Жировъ долженъ былъ отойти назадъ для сближенія съ 7 корпусомъ. Для поддержанія Жирова за нимъ должна была идти 2-я бригада 4 уланской дивизіи съ 4 конными орудіями № 28 роты.

Самъ же генераль Ридигеръ съ пѣхотою 7 корпуса и 1 бригадою уланъ долженъ былъ выступить изъ Айдоса въ 5 час. вечера и, отойдя верстъ 10 или 12 по дорогѣ въ Карнабатъ, остановиться.

6-й корпусъ долженъ былъ остаться въ Айдосѣ и въ 6 часовъ вечера долженъ былъ выдвинуть на шумлинскую дорогу 3-ю бригаду 7 пѣхотной дивизіи. 6-й корпусъ долженъ былъ посылать разъѣзды къ Надырь-Дербенту (по шумлинской дорогѣ) и по дорогѣ къ Бенли ³⁾.

3) 2-й корпусъ, къ которому присоединился 5 Черноморскій конный полкъ, долженъ былъ оставаться въ Румеликиоѣ и посылать разъѣзды въ Бенли ³⁾ и по дорогѣ въ Руссо-Кастро.

4) Главная квартира арміи—въ Айдосѣ. Такимъ образомъ на 15 іюля арміи ставилась задача—расположиться сосредоточенно въ окрестностяхъ Айдоса и выдвинуть конный отрядъ къ Карнабату.

¹⁾ Prrallele zwischen dem Balkan-Uebergang des Generals Gurko im Winter 1877—78 und demjenigen des Generals Diebitsch im Sommer 1829. (В. Сб., 1881, № 12, ст. 134, Библиографія).

²⁾ Въ У. А. № 2904 (А), диспозиція на 15 число іюля 1829 года, главная квартира въ городѣ Айдосѣ 14 іюля 1829 г. Приложение № 11.

³⁾ Тоже Бенлы.

Во исполненіе этой задачи, Ридигеръ выдвинулъ 15 іюля въ девятомъ часу утра изъ Айдоса 2-ю бригаду 4-й уланской дивизіи съ четырьмя орудіями копейной № 28 роты и казачьи полки Ильина и Чернушкина. Прибывъ къ Карнабату, отрядъ этотъ нашелъ городъ оставленный турками, которые отступили въ Сливно и Ямболу. Тогда конница наша заняла Карнабатъ, стала бивакомъ фронтомъ къ шумлинской дорогѣ и выслала разъѣзды къ Добролю, Надирь - Дервенту, Руссо-Кастро, Факи и Ямболу. Остальныя войска колонны Ридигера остались у Айдоса.

Получивъ донесеніе о занятіи Карнабата, Дибичъ приказалъ Ридигеру выступить изъ Айдоса въ 5 часовъ утра 16 іюля, занять Карнабатъ и посылать разъѣзды по дорогѣ къ Шумлѣ (Доброль) и къ Казану, а также по дорогамъ къ Адрианополю и Карабунару. При этомъ диспозиціей по арміи ¹⁾ вниманіе Ридигера было обращено на то обстоятельство, что такъ какъ въ Карнабатѣ можно ожидать приближенія непріятеля съ двухъ сторонъ (Адрианополь и Шумла), то слѣдовало выставить *«твердые посты»* по адрианопольской и шумлинской дорогамъ. 6-й корпусъ оставался въ Айдосѣ, а 2 корпусъ—въ Румеликиѣ. Отъ 2-го корпуса былъ выдвинутъ въ Руссо-Кастро отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Монрезора, состоявшій изъ двухъ полковъ (5 Черноморскій казачій и гусарскій эрцъ-герцога Фердинанда) съ двумя конными орудіями. Занявъ Руссо-Кастро, Монрезоръ вошелъ разъѣздами вправо въ связь съ войсками генерала Ридигера въ Карнабатѣ, а влѣво съ казачьими полками Бакланова, который принадлежалъ къ составу бургасскаго гарнизона и занималъ Карабунаръ.

Съ занятіемъ Карнабата и Руссо-Кастро значительно расширился районъ расположенія нашей арміи у южной подошвы Балканъ. Но Дибичъ этимъ не ограничился и продолжалъ расширеніе этого района. Такъ, графъ Паленъ выступилъ со 2 корпусомъ изъ Румеликиѣ и прошелъ черезъ Руссо-Кастро въ Карабунаръ, гдѣ остановился и выслалъ авангардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Монрезора въ Умурь-Факи. Непритель нигдѣ не былъ обнаруженъ, а мусульманское населеніе повсюду бѣжало передъ нашими войсками, ограбивъ предварительно христіанъ.

Отъ дальнѣйшаго движенія къ югу, въ направленіи къ Адрианополю, Дибичъ пока воздержался, ибо все еще опасался за свой правый флангъ и тылъ отъ возможныхъ покушеній турокъ со сто-

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А.), диспозиція на 16 іюля 1829 года, городъ Айдосъ, 16 іюля 1829 года. Приложение № 12.

роны Шумлы, а главное потому, что считалъ свои силы недостаточными для такой операціи. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу Чернышеву 18 іюня изъ Айдоса ¹⁾: «ничто не могло бы мѣшать мнѣ идти прямо на Андріанополь. я могъ бы даже имѣть необходимыя для этого продовольственныя средства; я увѣренъ, что, вслѣдствіе полной деморализаціи турецкой арміи и народа непріятель даже до прибытія нашихъ резервовъ не можетъ собрать значительныхъ силъ; но я считаю болѣе благоразумнымъ и вѣрнымъ ожидать прибытія резервовъ и въ началѣ будущаго мѣсяца двинуться въ обходъ Андріанополя на Кпркилису, вмѣсто того, чтобы наступать теперь, имѣя только около 16,000 штыковъ, пока 12-я дивизія не смѣнитъ гарнизонъ въ городахъ Бургасскаго залива и на Балканахъ».

Для того, чтобы обезпечить себя со стороны Шумлы, Дибичъ выслалъ изъ Айдоса и Карнабата нѣсколько отрядовъ въ Балканы и вдоль южной подошвы ихъ. Кромѣ того войска наши возвели у Карнабата нѣсколько редутовъ и другихъ укрѣпленій ²⁾.

Занятіе Ямболя 19-го іюля 1829 года. 18 іюля изъ Карнабата былъ отправленъ отрядъ генераль-маіора Шереметева, состоявшій изъ 2-й бригады 4-й уланской дивизіи, 4 конныхъ орудій № 28 роты и 100 казаковъ ³⁾, силою около 1000 человекъ ⁴⁾. 19 іюля утромъ Шереметевъ выступилъ изъ г. Овланы (Авланы), около 2 часовъ дня подошелъ къ Ямболю и послалъ въ городъ три эскадрона; эти эскадроны наткнулись въ городѣ на непріятельскую пѣхоту и артилерію, были встрѣчены залпами и отброшены. Но затруднительное положеніе этихъ эскадроновъ этимъ не ограничилось: около 5000—6000 всадниковъ ⁵⁾ вышли изъ лагеря, расположеннаго позади города, и, обойдя Ямболь съ обѣихъ сторонъ, пытались отрѣзать имъ путь отступленія. Наши эскадроны едва успѣли отойти и тогда завязалось кавалерійское дѣло, въ которомъ незначительному русскому отряду, силою около 1000 всадниковъ, пришлось выдержать борьбу съ превосходными непріятельскими силами.

¹⁾ В. А. 2895 (а), отд. 2 письмо Дибича къ Чернышеву отъ 18 іюля 1829 г. изъ Айдоса.

²⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса.

³⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 30—31.

⁴⁾ В. У. А. № 2895 (а), отдѣлъ 2, всепод. письмо Дибича отъ 25 іюля изъ Айдоса.

⁵⁾ Мольтке считаетъ, что турки имѣли въ этомъ дѣлѣ 6000 всадниковъ (переводъ Н. Шмьндера, ч. 2, стр. 163), а въ историч. журналѣ дѣйствій 7 корпуса число турецкой конницы показано въ 5000 челов. (В. У. А. № 2864).

Полкъ регулярной конницы двинулся на нашу батарею; но это молодое войско, обученное съ такимъ трудомъ правильнымъ и стройнымъ движеніямъ, не бросилось на непріятеля съ той стремительностью, какою отличались прежніе спаги; онъ подвигался впередъ рысью и при этомъ такъ сильно пострадалъ отъ нашей картечи, что повернулъ назадъ, не дойдя до батареи.

Между тѣмъ конница наша съ трудомъ удерживала натискъ непріятеля, но, къ счастью для насъ, наступленіе темноты прекратило бой. Во время его выяснилось, что мы имѣли дѣло съ отрядомъ силою около 15000 человекъ. Такимъ образомъ усиленная развѣдка выяснила, что Ямболь занятъ весьма сильнымъ отрядомъ, о присутствіи котораго мы и не подозрѣвали. Съ наступленіемъ темноты, генераль Шереметевъ отошелъ къ дер. Овланы, а 20 іюля вернулся въ Карнабатъ, на соединеніе съ 7 корпусомъ, оставивъ у Овланы партію казаковъ, для наблюденія за непріятелемъ у Ямболя ¹⁾).

Въ дѣлѣ подъ Ямболомъ отрядъ Шереметева потерялъ 1 офицера убитымъ, ранено 4, взято въ плѣнъ два офицера; нижнихъ чиновъ убито 27, ранено 32 и взято въ плѣнъ 6 ²⁾).

21 іюля въ Карнабатъ прибылъ изъ Кеprикію генераль-маіоръ Роговскій съ Вятскимъ полкомъ и 38 егерскимъ, съ 6 орудіями 3 роты 19 артилерійской бригады и 4 орудіями 2 роты той же бригады.

Въ тотъ же день вечеромъ Роговскій выступилъ въ Доброль съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3 бригады 19 пѣхотной дивизіи и 6 орудій 3 роты 19 артилерійской бригады, съ 30 казаками отъ полка Чернушкина. Отрядъ этотъ имѣлъ назначеніемъ занять проходъ, по которому турки могли выслать войска изъ Шумлы на южную сторону Балканъ. 22 іюля въ 9 часовъ утра Роговскій занялъ Доброль.

Между тѣмъ турки, несмотря на огромное превосходство силъ и на одержанный успѣхъ, очистили Ямболь въ ночь на 20 іюля; пѣхота отступила по адрианопольской дорогѣ, а кавалерія по направленію къ Сливно. Свѣдѣніе объ этомъ мы получили не отъ казаковъ, стоявшихъ у Овланы, а отъ прибывшаго въ Карнабатъ болгарина. Для провѣрки этого свѣдѣнія въ Ямболь былъ посланъ подполковникъ Ильинъ съ 50 казаками, который 21 іюля подошелъ

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣхоти. корпуса.

²⁾ В. У. А. № 2864, истор. журн. дѣйствій 7 пѣхоти. корпуса.

къ Ямболу и нашелъ его оставленнымъ турками. Тогда Дибичъ приказалъ Шереметеву занять Ямболь со 2 бригадой 4 уланской дивизіи и 4 орудіями конной № 28 роты. Шереметевъ выступилъ изъ Карнабата въ 5 часовъ утра 22 іюля и на разсвѣтъ 23 іюля занялъ Ямболь ¹⁾. Такимъ образомъ, вслѣдствіе отступленія отряда Шереметева 19 іюля отъ Ямболя и вслѣдствіе небрежности казаковъ, оставленныхъ у Овланы, для наблюденія за Ямболемъ, мы поздно узнали объ отступленіи турокъ изъ этого пункта и заняли его только черезъ 3 дня послѣ выхода изъ него непріятели.

Такимъ образомъ послѣ дѣла 19 іюля противникъ разошелся въ разныя стороны. Турки оставили въ Ямболѣ большіе запасы— 39000 пудовъ сухарей и 100000 патроновъ. Мы понесли въ этомъ дѣлѣ незначительный уронъ.

Остается выяснитъ вопросъ, откуда явился въ Ямболь столь значительныя силы турокъ и какимъ образомъ случилось, что это намъ не было извѣстно своевременно?

Оказывается, что въ Ямболѣ мы имѣли дѣло съ отрядомъ силою въ 18,000 человекъ подъ начальствомъ Галиль-паши; онъ былъ посланъ изъ Шумлы и выступилъ оттуда 16 іюля. Слѣдовательно это былъ уже второй отрядъ, выступившій изъ Шумлы совершенно незамѣтно для отряда Красовскаго, наблюдавшаго за этой крѣпостью. Относительно выхода Галиль-паша изъ Шумлы Красовскій донесъ Дибичу 22 іюля, и то въ томъ смыслѣ, что это предпріятіе не удалось: «по показанію переметчиковъ изъ Шумлы, писалъ Красовскій, Галиль-паша выступилъ изъ сей крѣпости съ значительнымъ числомъ войскъ отъ 8,000 до 10,000 человекъ, возвратился въ оную тому нѣсколько дней назадъ съ столь малою частью таковыхъ, что выходцы говорятъ, что будто бы онъ привелъ съ собою только 115 человекъ» ²⁾. Для того, чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, посмотримъ, что дѣлалось подъ Шумлой съ 16 іюля.

Положеніе обѣихъ сторонъ подъ Шумлой 16—23 іюля. Мы уже знаемъ, что 15 іюля въ 4 часа дня отрядъ Красовскаго выступилъ изъ подъ Шумлы.

Шумлы, послѣ небольшого кавалерійскаго дѣла, и въ тотъ же вечеръ прибылъ въ Енибазаръ. Изъ свѣдѣній собранныхъ въ этомъ дѣлѣ подъ Шумлой, выяснилось, что у ту-

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 30—31, и Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 165—166); сказано что Шереметевъ занялъ Ямболь 21 іюля. Но это опровергается данными историческаго журнала дѣйствій 7 пѣхотн. корпуса.

²⁾ В. У. А. № 2770, Красовскій Дибичу 22 іюля 1829 г., № 1016.

рокъ въ Шумлѣ было до 25,000 человекъ и что въ теченіе первой половины іюля турки отправили изъ Шумлы *«въ Балканы»* до 10,000 человекъ.

Съ 16 іюля отрядъ Красовскаго остановился у Енибазара и въ этотъ день началъ устройство укрѣпленнаго депо, по окончаніи котораго генераль Красовскій предполагалъ перейти съ своимъ отрядомъ къ Мадердѣ *«для ближайшаго наблюденія за Шумлой и для заготовленія матеріаловъ»*. Какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе дни, мы сами не дѣлали ничего, чтобы тщательно слѣдить за непріятелемъ, въ особенности за путями, которые вели изъ Шумлы за Балканы и довольствовались свѣдѣніями, получавшимися отъ перебѣжчиковъ. Такъ, 20 іюля въ историческомъ журналѣ войскъ состоявшихъ подъ начальствомъ генераль Красовскаго ¹⁾, отмѣчено, что подъ Шумлой *«не произошло ничего достопримѣчательнаго; чрезъ переметчиковъ, выходившихъ ежедневно изъ Шумлы, подтверждались прежнія свѣдѣнія, что визирь ни откуда не выходитъ и войскъ своихъ не отправляетъ»*.

Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, 16 іюля визирь выслалъ изъ Шумлы 15000 человекъ подъ начальствомъ Галиль-паши. Эти войска быстро прошли разстояніе отдѣлявшее ихъ отъ Ямболя (отъ 100 до 120 верстъ) и 19 іюля уже заняли этотъ пунктъ, какъ разъ въ то время когда передъ этимъ городомъ явился отрядъ генерала Шереметева ²⁾. Такъ какъ генераль Красовскій находился въ это время въ Енибазарѣ и не слѣдилъ тщательно за Шумлой, то онъ и не могъ замѣтить выступленія изъ Шумлы столь значительнаго отряда. Къ этому надо прибавить, что вниманіе генерала Красовскаго было отвлечено разными другими заботами и обстоятельствами. Такъ, съ 16 іюля онъ началъ устраивать въ Енибазарѣ укрѣпленное депо и вагенбургъ. Мало того, Красовскій считалъ, что Галиль-паша еще 22 іюля находился въ Шумлѣ. Въ этотъ день Красовскій донесъ Дибичу, что *«по приказанію переметчиковъ изъ Шумлы, Галиль-паша, выступившій изъ сей крѣпости съ значительнымъ числомъ войскъ, отъ 8 до 10000 человекъ, возвратился въ оную тому нѣскольکو дней назадъ, съ столь малою частью таковыхъ, что выходцы говорятъ будто бы онъ привелъ съ собою только 115 человекъ»* ³⁾.

Затѣмъ возникли заботы объ охраненіи сообщеній съ Сили-

¹⁾ В. У. А. № 2872.

²⁾ Молѣтке, переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 165 и Лукьяновичъ ч. 4, гл. XII стр. 34.

³⁾ В. У. А. № 2770, рапортъ Красовскаго Дибичу 22 іюля 1829 г. № 1016.

стрій. Для охраны дороги изъ Енибазара въ Силистрію черезъ Карасукъ отъ разбойничьихъ шаекъ 18 іюля былъ высланъ отрядъ полковника Стиха изъ 400 егерей 17 и 21 полковъ и 100 казаковъ 9-го Оренбургскаго полка для розыска и истребленія жилищъ этихъ разбойниковъ, скрывавшихся въ Дели-Орманскомъ лѣсу. Отрядъ этрадь обошелъ пространство между дорогами изъ Силистріи на Каургу и Козлуджу и изъ Силистріи-же на Эмбелеръ и Шумлу и совершенно уничтожилъ 16 деревень, изъ которыхъ жители стрѣляли по нашимъ войскамъ. 21 іюля этотъ отрядъ вернулся въ Енибазаръ, потерявъ одного пикьяго чина ¹⁾. Затѣмъ вниманіе Красовскаго было развлечено прибытіемъ къ его отряду изъ-подъ Силистріи нѣкоторыхъ войскъ и отправленіемъ другихъ на усиленіе арміи. Такъ. 16 іюля была отправлена 2-я бригада 2 гусарской дивизіи съ конною № 4 ротой въ Айдосъ. 19 іюля были отправлены изъ Енибазара за Балканы 8 и 10 артиллерійскіе парки и въ тотъ же день въ Кеprикію былъ высланъ изъ Праводъ Полоцкій полкъ, который долженъ былъ прикрывать въ этомъ мѣстѣ мостъ вмѣсто отряда генерала Роговскаго (Вятскій и 38 егерскій полки съ 10 орудіями), который еще раньше выступилъ изъ Кеprикію въ Айдосъ; 23 іюля пошла изъ Енибазара въ Айдосъ 2-я бригада Бугской уланской дивизіи съ 4 орудіями конной № 27 роты черезъ Праводы и Кеprикію.

«22 іюля послѣ божественной литургіи совершенно было благодарственное молебствіе за успѣхи оружія нашего за Балканами. Всѣ войска находились въ парадѣ и по окончанія молебствія проходили церемоніальнымъ маршемъ», такъ сказано въ историческомъ журналѣ войскъ состоявшихъ подъ начальствомъ генерала Красовскаго. И такъ сосредоточеніе отряда у Енибазара, отсутствіе наблюденія къ югу и западу отъ Шумлы и отвлеченіе вниманія въ разныя другія стороны были причинами почему отрядъ Красовскаго своевременно не узналъ о выступленіи 16 іюля 15000-й колонны турокъ изъ Шумлы.

Овлажденіе проходомъ Чалыкавакъ. Перейдя черезъ Балканы почти у самаго Чернаго моря, армія наша могла пользоваться, какъ путями сообщеній, тѣми дорогами, по которымъ она пришла, а также Чернымъ моремъ. Но когда послѣ перехода черезъ горы, войска наши значительно передвинулись къ западу и заняли Айдосъ, Карнабатъ и Ямболь, то явилась необходимость имѣть

¹⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго. 1829 г.

еще и другія пути для сообщенія съ сѣверной Болгаріей и съ отрядомъ Красовскаго. Такихъ путей было два—одинъ черезъ Кебрикій и черезъ Ченги въ Айдосъ, другой черезъ Чалыкавакъ и Доброль въ Карнабатъ. Пути эти нужно было держать въ своихъ рукахъ, для того, чтобы по нимъ не могли пройти безпрепятственно турецкія войска изъ Шумлы и ударить въ тылъ нашимъ войскамъ, растянутымъ на линіи Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ и Ямболь. Проходъ черезъ Кебрикій и Ченги уже былъ занятъ нашими войсками и въ Кебрикію мы имѣли отрядъ; путь же черезъ Чалыкавакъ оставался свободнымъ для движенія турокъ. Въ виду этого, послѣ занятія Ямболя, главнокомандующій приказалъ занять проходъ Чалыкавакъ. Цѣль этого предпріятія, по мнѣнію Дибича, состояла въ томъ, чтобы открыть сообщеніе черезъ Балканы или черезъ Эскистамбуль или черезъ Смідово (Смядово), такъ какъ въ Чалыкавакъ сходились оба эти пути ¹⁾.

Для исполненія этой операціи была отдана диспозиція въ Айдосъ 23-го іюля ²⁾); общее руководство этой операціей было возложено на генерала Ридигера, а исполненіе поручено генераль-маіору Набелю.

Въ распоряженіе Набеля были назначены слѣдующія части: третья бригада 7-й и 19-й пѣхотныхъ дивизій (13, 14, 37 и 38 егерскіе полки), 6 горныхъ орудій, легкая № 3 рота 19 артилерійской бригады (6 ор.), С.-Петербургскій уланскій полкъ съ 2 конными орудіями, Ежова казачій полкъ и команды казаковъ Борисова 1-го и 4-го Уральскаго полковъ (8 б., 14 ор., 4 эск. и 1 казачій полкъ). Въ случаѣ недостатка этихъ войскъ генераль Ридигеръ долженъ былъ поддержать ихъ, по мѣрѣ надобности.

Согласно диспозиціи дѣйствія этихъ войскъ были подробно описаны на три дня впередъ, на 23, 24 и 25 іюля, съ указаніемъ многихъ подробностей исполненія.

Въ общихъ чертахъ, согласно диспозиціи, дѣйствія должны были разыграться слѣдующимъ образомъ. Для дѣйствій противъ Чалыкавака назначалось двѣ колонны: лѣвая подъ начальствомъ генераль-маіора Набеля, (3 бригада 19 пѣхотной дивизіи, 6 орудій легкой № 3 роты 19 артилерійской бригады, С.-Петербургскій уланскій полкъ, 2 пѣшихъ орудій и казаки полковъ Борисова 1-го и 4 Уральского) — 4 баталіона, 8 орудій, 4 эскадрона и казаки; она должна

¹⁾ В. У. А. № 2708 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25-го іюля изъ Айдоса.

²⁾ В. У. А. № 2904 (А.), диспозиція для занятія Чалыкавака, г. Айдосъ, 23 іюля 1829 года. Приложение № 13.

была наступать черезъ Доброль къ Чалыкаваку; правая колонна генерала Завадскаго (14 егерскій полкъ, 1 баталіонъ 13 егерскаго полка, 6 горныхъ орудій и казаки Ежова полка)—3 б., 4 ор. казаки ¹⁾, должна была наступать черезъ Надыръ-Дервентъ, Ченге и оттуда черезъ Бреджа (Брежа) Сарыкановлыкъ къ Чалыкаваку. Одинъ баталіонъ 13 егерскаго полка съ 2 горными орудіями и казаками Ежова полка долженъ былъ остаться въ Ченге и выслать разъѣзды въ Леникію (Еникію). Обѣ колонны должны были такъ рассчитать свои движенія, чтобы подойти къ Чалыкаваку 25 іюля *«въ 6 часовъ пополудни, дабы такимъ образомъ атаковать непріятели въ одно и тоже время съ двухъ сторонъ общими силами»*.

Если принять въ расчетъ, что правая колонна должна была пройти до Чалыкавака около 80 верстъ, а лѣвая около 70-ти верстъ и что обѣ двигались по мѣстности весьма гористой, причемъ сначала шли по дорогамъ удаленнымъ одна отъ другой на 30—40 верстъ, то станетъ понятнымъ какъ трудно было имъ исполнить въ точности приказаніе о соединеніи въ 6 часовъ вечера 25 іюля у одного пункта, притомъ занятаго непріятеlemъ, котораго еще нужно было оттуда выбить.

Всѣ выступившія въ эту экспедицію войска должны были взять съ собою провіанта и зернового фуража на 8 дней, считая съ 24 іюля. По занятіи Чалыкавака генераль Набель долженъ былъ послать сильную партію черезъ Балканы къ д. Драгокію (Драгойкію) для связи съ отрядомъ Красовскаго, которому было приказано 25 іюля частью отряда занять Эскпестамбуль. Всѣ распоряженія по занятіи Чалыкавака, къ счастью, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Непритель повсюду былъ изгнанъ изъ его почти неприступныхъ позицій, всѣ его укрѣпленія срыты и сообщеніе съ Красовскимъ восстановлено. 28 іюля генераль Набель выступилъ изъ Чалыкавака въ Доброль съ 3-й бригадой 19 пѣхотной дивизіи, 14 егерскимъ полкомъ, однимъ дивизиономъ Петербургскаго уланскаго полка, со всею артилеріей состоявшею при этихъ войскахъ и съ 30 казаками. Въ Чалыкавакѣ былъ оставленъ отрядъ генерала Завадскаго, состоявшій изъ одного баталіона 13 егерскаго полка, дивизиона петербургскихъ уланъ, двухъ горныхъ орудій и казаковъ Ежова полка. Къ этому отряду еще присоединился другой баталіонъ 13 егерскаго полка съ двумя горными орудіями, прибывшіе изъ Ченги, гдѣ былъ оставленъ только постъ изъ 30 казаковъ. Въ отрядѣ генерала Набеля потери были

¹⁾ В. У. А. № 2854, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣхотнаго корпуса.
очеркъ похода.

слѣдующія: убито 2 нижнихъ чина, ранено — 9 и безъ вѣсти пропало 2 ¹⁾).

Такимъ образомъ къ 26 іюля, войска наши заняли у южной подошвы Балканъ пространство отъ Ямболя до Бургаса (около 80 верстъ по прямой линіи) и владѣли тремя проходами черезъ Балканы (изъ Чалывака въ Карнабатъ, изъ Ченге въ Айдосъ и изъ Дервишъ-Іована въ Бургасть).

Предположеніе Дибича Тѣмъ временемъ главнокомандующій обдумывалъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.
ріанополю.

Въ письмѣ Государю отъ 18 іюля Дибичъ, изложивъ текущія событія, писалъ далѣе ²⁾).

«Тѣмъ временемъ я готовлю операцію противъ Адрианополя. Въ настоящее время, благодаря заботамъ графа Воронцова, мы имѣемъ въ портахъ Бургасскаго залива припасовъ болѣе чѣмъ на мѣсяцъ и хорошо снабжены во всѣхъ отношеніяхъ, благодаря усердію съ которымъ эта часть нынѣ ведется въ арміи; 2,000 верблюдовъ перевозятъ теперь все для насъ необходимое на тѣ короткія разстоянія, на которыхъ мы находимся отъ портовъ; черезъ 3 дня подвижной магазинъ перевезетъ черезъ Балканы десятидневный запасъ припасовъ и къ 5 августа будутъ подвезены припасы еще на 20 дней, такъ что мы всего будемъ имѣть вмѣстѣ съ полковыми запасами послѣ прибытія резервовъ по крайней мѣрѣ на 45 дней припасовъ при войскахъ, а когда они будутъ израсходованы, то у насъ будетъ достаточно средствъ, чтобы подвозить запасы изъ портовъ. Сверхъ того мы взяли немного скота у турокъ и кромѣ того еще 12,000 овецъ. Какъ только придутъ резервы, что надѣюсь состоится, согласно маршрутамъ, къ 10 августа, я тотчасъ же начну рѣшительное движеніе, сосредоточившись сначала къ Карабунару, куда 2-й корпусъ идетъ уже сегодня и выдвинетъ авангардъ къ Факи.

«Главные силы я направляю, если обстоятельства не измѣнятся, на Кирклису, что, я надѣюсь, заставитъ противника—который вѣроятно отступитъ въ Адрианополь и постарается собрать тамъ всѣ остатки, а можетъ быть и гвардію султана,—покинуть этотъ городъ, чтобы предупредить насъ въ Люле-Бургасть; если же онъ тамъ останется, тогда я надѣюсь дѣйствовать противъ него такъ, чтобы отрѣзать ему сообщеніе со столицей.

«Если до этого меня будутъ просить о мирѣ, то я приму уполномоченныхъ согласно Высочайшихъ повелѣній Вашего Величества и установлю переговоры въ Бургасть или Ахіоло; но это никакимъ обра-

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣхотнаго корпуса.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 18-го іюля 1829 г. изъ изъ Айдоса.

зомъ не задержать моего наступленія, если только мнѣ не предложить перемиріе, но не далѣе какъ на мѣсяць или до 25 августа, при условіи очищенія Шумлы и Журжева, что дастъ мнѣ возможность усилиться войсками; это будетъ выгоднѣе, чѣмъ терять время, такъ какъ все равно я ни въ какомъ случаѣ не могу начать рѣшительныхъ дѣйствій ранѣе 10 августа. Что касается до веденія переговоровъ, то я буду держаться полученныхъ инструкцій, но думаю повысить требованіе по вознагражденію за военныя издержки до 15 милліоновъ голландскихъ дукатовъ, чтобы уступить затѣмъ до трети, какъ это приказано, но въ зависимости оттого, на сколько они будутъ уступчивы по другимъ пунктамъ и въ особенности по греческому вопросу, который, по моему мнѣнію, будетъ всего труднѣе рѣшить».

Государь отвѣчалъ на эти предположенія Дибича въ письмѣ отъ 4 августа: «Ваша мысль, писалъ Государь ¹⁾, разъ какъ вы не могли тотчасъ идти въ Адрианополь, Мнѣ очень нравится; вы отнесетесь къ Адрианополю, какъ къ Шумлѣ и вы будете наступать прямо на Киркилесу; это заставитъ турокъ или покинуть Адрианополь, чтобы прикрыть столицу или, если они будутъ продолжать сборъ въ этомъ мѣстѣ всѣхъ войскъ, которыя они еще имѣютъ въ Видинѣ или на сѣверѣ, то можно думать, что они дадутъ вамъ сраженіе, которое съ помощью Божьей, надѣюсь, будетъ второй Кулевчей.

«Дорогой другъ Мой, какъ все это необыкновенно и какъ это мало согласуется съ Моими желаніями и памѣреніями; какъ это можетъ поправить событія помимо нашей воли и привести къ результату, который Я предвидѣлъ, и который Я такъ искренно желалъ избѣжать,—но да будетъ воля Господня. Опъ направитъ насъ и устроитъ все къ лучшему».

Эти строки письма относятся къ Константинополю, къ возможности занятія этого города нашими войсками, чего такъ сильно не желалъ Императоръ Николай и о чемъ опъ писалъ Дибичу и впоследствии, какъ это будетъ у насъ указано въ своемъ мѣстѣ. Въ заключеніи письма Государь писалъ Дибичу: «Я прошу васъ обратить ваше вниманіе на вашъ правый флангъ, чтобы быть вполне обеспеченнымъ, чтобы никто не угрожалъ вашему флангу или не затруднилъ бы ваши сообщенія».

Въ этихъ словахъ видѣнъ намекъ на то, что случилось впоследствии, именно появленіе со стороны Виддина Мустафы-пашы.

Черезъ педѣлю, 25 іюля, главнокомандующій вновь писалъ о

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 4 августа 1829 г. изъ Александріи, близъ Петергофа.

своихъ предположеніяхъ, о свѣдѣніяхъ полученныхъ о туркахъ и о состояніи арміи передъ походомъ въ Адрианополь ¹⁾).

«Со стороны Факи наши казаки выдвинулись по направленію къ Ковчату (Ковчытъ) и Буюкъ-Дербенту. Абдурама-паша удалился съ 4—5,000 человекъ къ Кирклисѣ и жители турецкихъ деревень начинаютъ приходить къ намъ изъ мѣстностей нами не занятыхъ, прося нашей защиты.

«Одинъ болгаринъ, котораго я послалъ въ самый Адрианополь, доставилъ самыя удовлетворительныя свѣдѣнія, которыя вполнѣ подтверждены письмомъ, полученнымъ ахіольскимъ епископомъ изъ второй столицы Турціи. Тамъ находится только нѣсколько тысячъ бѣглецовъ подъ начальствомъ двухъ пашей. Настроеніе духа тамъ самое дурное и вообще уныніе. Жители всѣ говорятъ, что они не будутъ сражаться противъ русскихъ. Войска и бѣжавшіе отсюда жители стоятъ лагеремъ внѣ города и находятся въ состояніи величайшей нищеты; они не имѣютъ никакого приказанія и никакихъ извѣстій изъ Константинополя; работъ по укрѣпленію города никакихъ не производится и имѣется только плохая цитадель и старый сераль, вооруженные всего только 12—15 орудіями.

«Адмиралъ Грейгъ только что занялъ Василико частью гарнизона изъ Сизополя, а также отправилъ баталіонъ Курскаго полка, для занятія Агатоноля (Ахтеболу). Кромѣ того я ему далъ 2-ю бригаду 12-й дивизіи, чтобы взять Иніаду и заводъ въ Самаковѣ, въ то время какъ мои казаки будутъ наступать со стороны Кирклиссы.

«Головные резервные баталіоны запоздали прибытіемъ на 8 дней, противъ маршрутовъ, первоначально присланныхъ мнѣ графомъ Виттомъ; это весьма чувствительная задержка для моихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ я думалъ начать ихъ какъ только придутъ резервы 7 корпуса. Я еще не знаю причинъ почему они опоздали Свѣдѣнія, которыя я имѣю о состояніи здоровья и о движеніи этихъ войскъ, вообще очень удовлетворительныя. Въ общемъ санитарное состояніе арміи не представляетъ ничего угрожающаго; среди огромнаго числа больныхъ большинство заболѣло въ теченіе зимы и весны, а умершіе похищены главнымъ образомъ чумою. Впрочемъ сильныя жары повліяли на эту болѣзнь и она повсюду ослабѣваетъ. Мы принимали всѣ мѣры и мы ихъ примемъ еще, чтобы предупредить возвращеніе въ менѣе благопріятное время года, но только Господь Богъ можетъ насъ обезпечить отъ этого, такъ какъ условія очень сложны».

Къ письму Дибича отъ 25 іюля была приложена всеподданнѣйшая записка, изъ которой видны тѣ предположенія, которыя главнокомандующій думалъ осуществить въ ближайшемъ будущемъ.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 25 іюля 1829 года, изъ Айдоса.

По важности этого документа приводимъ его цѣликомъ ¹⁾.

«Успѣхи, которыми Небу угодно было благословить переходъ нашъ черезъ Балканы и наши дѣйствія въ равнинахъ Румелии, привели насъ къ необходимости рѣшительно наступать на Адрианополь и да-лѣе. Хотя устройство продовольственной части и только что завоеваннаго края, а еще болѣе ожиданіе прибытія резервовъ, вынуждаютъ меня оставаться, къ сожалѣнію, на мѣстѣ и терять время самое драгоцѣнное для нашихъ враговъ для переустройства ихъ арміи, а для насъ чтобы воспользоваться нашими славными успѣхами, для окончанія похода до наступленія дурного времени года — тѣмъ не менѣе я смѣю льстить себя надеждою, что Небо даруетъ намъ хорошую и позднюю осень и я буду въ состояніи въ текущемъ же году покончить наши дѣйствія противъ Оттоманской имперіи. Поэтому я считаю себя обязаннымъ представить теперь Вашему Императорскому Величеству мои предположенія относительно послѣдующаго хода войны.

«По всѣмъ даннымъ о непріятелѣ, турецкихъ войскъ между нашимъ теперешнимъ расположеніемъ и Адрианополемъ нѣтъ; даже турецкій отрядъ, отступившій отъ Ямболя, частью отошелъ къ Филиппополю, повидимому, изъ боязни быть опереженнымъ нашими войсками на пути къ Адрианополю. Слѣдовательно все даетъ право думать, что наступленіе наше приведетъ насъ къ самымъ стѣнамъ второй столицы Турціи и хотя завоеваніе этого города будетъ труднѣе, вслѣдствіе задержки, къ которой я былъ вынужденъ, но можно однако же надѣяться, что оно не будетъ намъ стоить очень большихъ жертвъ. Когда этотъ важный успѣхъ будетъ достигнутъ и если султанъ еще не будетъ склоняться къ миру, я думаю, что наиболѣе выгоднымъ быстро наступать къ Дарданелламъ и занять весь европейскій берегъ пролива, чтобы наша средиземная эскадра могла войти въ Мраморное море и установить съ этой стороны строгую блокаду Константинополя, который съ сухого пути былъ бы блокированъ моими войсками по линіи отъ Мидіи до Родосто или Силиври, въ то время какъ адмиралъ Грейгъ заперъ бы Босфоръ. Этотъ планъ кажется мнѣ предпочтительнѣе, чѣмъ прямое наступленіе на Константинополь, который мнѣ не позволить атаковать открытой силой ограниченное число мѣхъ войскъ, за выдѣленіемъ необходимыхъ гарнизоновъ и отдѣльныхъ отрядовъ. Напротивъ, когда мы установимъ такую общую блокаду, мы можемъ оставаться въ нашей позиціи, такъ сказать, совершенно оборонительной, до самаго поздняго времени года, между тѣмъ какъ оттоманская столица, и теперь уже сильно страдающая отъ недостатка припасовъ, вынуждена будетъ въ короткое время сдать или сдѣ-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподаннѣйшая записка гр. Дябича отъ 25 іюля 1829 г. изъ Айдоса; приложеніе къ всепод. письму отъ того же числа (писана рукою фл.-ад. Чевкина).

латься свидѣтельницей заключенія блистательнаго для насъ мира, несмотря ни на какое вмѣшательство иноземной силы.

«Таковы, Государь, проекты, которые я считаю самыми выгодными для достиженія великодушной цѣли, которая была мнѣ предписана Вашимъ Величествомъ. Исполненіе этихъ проектовъ не встрѣтитъ особенныхъ препятствій, если бы даже расположеніе одного изъ нашихъ союзниковъ внезапно сдѣлалось враждебнымъ для насъ. Единственный пунктъ, по которому въ инструкціяхъ нѣтъ опредѣленнаго указанія — это употребленіе нашей средиземной эскадры. Не имѣя опредѣленнаго понятія о политической обстановкѣ, обуславливающей наше военное положеніе въ этихъ странахъ, я не знаю можно ли воспользоваться для прохода черезъ Дарданеллы и для занятія Мраморнаго моря всей эскадрой графа Гейдена, но во всякомъ случаѣ я думаю, что эскадра контръ-адмирала Рикерда, въ настоящее время блокирующая Дарданеллы и которая совершенно чужда греческому вопросу и трактату 6-го іюля¹⁾ — можетъ быть будетъ достаточно сильна, чтобы занять Мраморное море, держать въ почтеніи наличныя морскія силы, находящіяся въ Константинополѣ, и обложить съ южной стороны эту столицу.

Не имѣя по этому важному пункту никакой инструкціи, я осмѣливаюсь просить Ваше Величество удостоить меня по сему Вашими приказаніями и въ тоже время предписать министерству иностранныхъ дѣлъ немедленно и какъ можно скорѣе увѣдомить графа Гейдена: о моемъ положеніи, о моихъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ и объ отношеніяхъ, которыя Ваше Величество установите между нмѣ и мною.

«Осмѣливаюсь упринимать о скорѣйшемъ отправленіи курьера къ графу Гейдену, такъ какъ ему придется проѣхать огромное разстояніе, а я надѣюсь, что время моего наступленія на Дарданеллы не такъ далеко. Съ своей стороны, какъ только я займу Адрианополь, я тотчасъ же вышлю отрядъ въ Еносъ или Саросъ, чтобы войти въ связь съ нашими крейсерами, а черезъ нихъ и съ нашимъ флотомъ; кромѣ того я теперь же сдѣлаю все возможное, чтобы войти въ сношеніе съ графомъ Гейденомъ черезъ посредство какого нибудь жителя; но такъ какъ такой пріемъ очень рискованъ, то я могу такимъ путемъ сообщить только общія указанія, которыя не могли бы меня скомпрометировать, если бы даже стали извѣстны неприятелю».

Изъ этой записки видно, что Дибичъ 25 іюля рѣшилъ идти прямо на Адрианополь, между тѣмъ какъ за недѣлю до этого, а именно 18 іюля, онъ считалъ, что лучше направиться на Кирклинсу и этимъ движеніемъ отвлечь турокъ отъ Адрианополя или стать на ихъ со-

¹⁾ т. е. лондонскій трактатъ 6 іюля 1827 г., согласно котораго эскадра Гейдена назначалась для охраны береговъ Греціи.

общеніяхъ съ Константинополемъ. Очевидно такая перемѣна произошла потому, что Дибичъ получилъ свѣдѣніе о крайне слабомъ сопротивленіи, которое онъ можетъ встрѣтить въ Адрианополѣ и вслѣдствіе этого онъ предпочелъ прямо идти въ этотъ городъ, считывая, что занятіе его произведетъ сильное впечатлѣніе на турокъ.

Еще до полученія этой записки, императоръ Николай уже распорядился о направленіи эскадры Гейдена на соединеніе съ эскадрой Рикорда, «*чтобы, какъ 4 августа писалъ Государь Дибичу, васъ поддержать*»¹⁾.

Получивъ письмо и записку Дибича отъ 25 іюля, Государь писалъ ему 6 августа: «хотя въ Моемъ письмѣ отъ третьяго дня далъ вамъ *впередъ отвѣтъ* на всѣ ваши просьбы и желанія, Я считаю полезнымъ дать вамъ возможность сообщить скорѣе чѣмъ всякимъ другимъ путемъ *ваши приказанія* Гейдену, потому что, какъ только вы будете въ состояніи сообщаться съ нимъ, то само собою разумѣется, что онъ *въ вашемъ распоряженіи* и что *вы должны* ему предписать все что будетъ необходимо»²⁾.

Прибытіе подкрѣплене. Пока происходили всѣ операціи у южной нѣй къ нашей арміи. подошвы Балканскаго хребта, армія усилилась прибывшими къ ней подкрѣпленіями. Около 20 іюля въ Айдосъ къ 7-му корпусу присоединился генералъ Роговскій съ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ и 38 егерскимъ съ 10 орудіями. Онъ занималъ, какъ уже извѣстно, съ 6-го іюля позицію у Кеприкюя для обезпеченія переправы черезъ Камчикъ въ этомъ мѣстѣ и присоединился къ арміи, пройдя черезъ Надырь-Дербентъ; по дорогѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько незначительныхъ засѣкъ, но нигдѣ не встрѣтилъ неприятеля.

Затѣмъ 16-го іюля выступила изъ Енибазара черезъ Гебеджи и Еркечь въ Айдосъ 2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конной № 4-й ротой, а 23-го іюля изъ Енибазара въ Айдосъ выступила 2-я бригада Бугскихъ уланъ съ 4 орудіями конной № 7-й роты.

Когда войска наши выступили за Балканы, то съ ними было весьма мало конницы, такъ какъ полагали, что мѣстность не позволитъ ею воспользоваться, а также опасались затрудненій для ея продовольствованія; послѣ перехода черезъ горы усиленіе арміи

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2 Имп. Николай Дибичу 4 авг. 1829 г. изъ Александріи близъ Петергофа.

²⁾ Подчеркнуто Государемъ.

конницею представлялось крайне необходимымъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій.

Около 26 іюля изъ Севастополя въ Сизополь прибыла 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи; тогда Дибичъ приказалъ ей смѣнить въ Бургасѣ полки 19-й пѣхотной дивизіи, а эти послѣдніе, именно — Азовскій, Днѣпровскій и Украинскій, направилъ къ Айдосу. Полкамъ Симбирскому и Муромскому (7-й пѣхотной дивизіи, изъ корпуса Рота) приказано было идти въ Карабунаръ и соединиться съ корпусомъ графа Палена¹⁾. Но войска эти не на много усилили дѣйствующую армію, такъ какъ прибывшія части имѣли слабый составъ: цынга произвела въ Сизополь страшныя опустошенія, такъ что въ Азовскомъ полку оказалось, по прибытіи на мѣсто, всего только 128 человекъ; не менѣ пострадали Днѣпровскій и Украинскій полки²⁾.

Такимъ образомъ въ концѣ іюля въ Айдосѣ у Дибича находилось — *41 баталіонъ, 52 эскадрона и 96 орудій, всего около 25,000 человекъ.*

Устройство завоеваннаго края. Пока происходили военныя дѣйствія на линіи Бургасъ — Ямболъ и въ балканскихъ проходахъ, съ дѣлюю расширенія района мѣстности занятаго нашими войсками, и пока производилось сосредоточеніе войскъ въ Айдосѣ, былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ для административнаго устройства края и успокоенія мѣстнаго мусульманскаго населенія. Эти мѣры были необходимы для водворенія порядка въ завоеванномъ краѣ и въ особенности для обезпеченія нашего тыла при дальнѣйшемъ наступленіи.

19 іюля въ Айдосѣ была издана «*прокламація магометанскимъ жителямъ Румелии*»³⁾.

Въ этой прокламаціи было указано, что русскій главнокомандующій желаетъ избавить мирныхъ жителей, какъ христіанъ, такъ и магометанъ, отъ бѣдствій завоеванія и предупредить ихъ разореніе, которое неминуемо, если жители оставятъ свои жилища и покинутъ города и села.

Поэтому главнокомандующій предлагалъ всѣмъ мусульманамъ спокойно оставаться въ ихъ жилищахъ съ женами и дѣтьми, не опасаясь ни малѣйшей обиды; требовалось соблюденіе только одного условія — выдать оружіе, которому будетъ сдѣлана подробная

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4, глава XII, стр. 36.

²⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. IV, стр. 166).

³⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, приложение II.

опись, съ тѣмъ чтобы возвратить его собственникамъ по заключеніи мира. Турецкіе дома освобождались отъ постоя русскихъ войскъ; что имѣло въ томъ краѣ особенное значеніе, въ виду существованія у турокъ гаремовъ; это распоряженіе предупреждало возможность беспорядковъ и должно было привлечь симпатіи мусульманъ на нашу сторону.

Затѣмъ мусульманамъ была обѣщана полная свобода исповѣданія ихъ вѣры; они сохраняли свое духовенство и мечети, они могли отправлять въ обычное время богослуженіе и соблюдать всѣ обряды, поминать въ своихъ молитвахъ султана Махмуда, своего падишаха и калифа, «ибо само собою разумѣется, что мусульмане, продолжающіе жить въ областяхъ, занятыхъ войсками русскими, чрезъ то не обязаны сдѣлаться подданными Россіи, но остаются, какъ и прежде, подданными султана.

Эти распоряженія русскаго главнокомандующаго имѣли огромное значеніе, такъ какъ благодаря имъ борьба по ту сторону Балканъ утрачивала характеръ народной и религіозной войны; благодаря этимъ распоряженіямъ мы могли рассчитывать, что мусульманское духовенство быть можетъ воздержится отъ возбужденія противъ насъ своей паствы; а жить въ мирѣ съ мусульманскимъ духовенствомъ было для насъ очень важно, такъ какъ оно пользовалось среди жителей большимъ вліяніемъ. Затѣмъ было издано распоряженіе, которое должно было привлечь на нашу сторону и мѣстную гражданскую администрацію. А именно, главнокомандующій приглашалъ всѣ мѣстные начальства, аяновъ, кадівъ, старшинъ и проч., продолжать исправленіе своихъ обязанностей, «дабы блюсти и сохранять благосостояніе мусульманъ. Никакая власть русская не станетъ вмѣшиваться въ ихъ собственные дѣла; они будутъ разбираемы и рѣшаемы мѣстными законами и властями мусульманскими».

Далѣе въ прокламаціи было изложено распоряженіе, которое должно было заинтересовать жителей съ матеріальной стороны.

Въ статьѣ четвертой было указано, что весь ненужный для жителей избытокъ припасовъ можетъ быть ими проданъ русскимъ, которые заплатятъ чистыми деньгами, по установленнымъ цѣнамъ. Это распоряженіе имѣло большое значеніе въ хозяйственномъ отношеніи, такъ какъ уплата наличныхъ денегъ за припасы есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обезпеченію войскъ необходимыми предметами. Въ заключеніе было предъявлено требованіе, чтобы мусульманскія власти выдали намъ всѣ предметы,

принадлежавшіе турецкому правительству, какъ напримѣръ: пушки, снаряды, оружіе, припасы и проч., и подтверждалось обязательство не касаться частной собственности, а также дано было обѣщаніе, что «каждый житель вполне сохранить свое достояніе и будетъ имъ вполне распоряжаться».

Въ концѣ прокламаціи главнокомандующій давалъ обѣщаніе, «что всѣ вышеизложенныя условія будутъ въ строгости исполняемы и власти мусульманскія обязаны извѣщать главнокомандующаго обо всемъ, что касается до точнаго исполненія сихъ постановленій».

Императоръ Николай, ознакомившись съ прокламаціей объявленной Дибичемъ, писалъ ему 6-го августа, что Опъ вполне ее одобряетъ ¹⁾.

Всѣ распоряженія и обѣщанія, изложенныя въ прокламаціи, должны были способствовать сохраненію спокойствія въ краѣ, это облегчало намъ какъ занятіе его, такъ и продовольствованіе войскъ.

Подобныя цѣлесообразныя и разумныя мѣры произвели успокоительное дѣйствіе на мѣстныхъ жителей мусульманъ; ежедневно къ передовымъ постами являлись бѣжавшіе турецкіе поселяне и выдавали свое оружіе. Имъ вручали вмѣсто него бѣлое знамя, которое должно было обезпечить ихъ деревню отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій со стороны нашихъ войскъ. Къ тому же мужество мусульманъ казалось совершенно сломленнымъ. Со времени сраженія при Кулевчѣ не осталось и слѣдовъ той храбрости, которую они не разъ проявляли до того въ дѣлахъ съ нашими войсками. Наконецъ христіанское населеніе встрѣчало насъ съ восторгомъ, какъ освободителей. Все это вмѣстѣ должно было облегчить наши послѣдующія операціи въ направленіи къ Адрианополу.

Сраженіе при Сивно. Къ 26 іюля обстановка сложилась такъ, что все повидимому благопріятствовало наступленію на Адрианополь. Мы уже знаемъ, что еще 26-го іюля былъ выдвинуть въ южнѣмъ направленіи, черезъ Руссо-Кастро и Карабунаръ къ Умуръ-Факи, 2-й корпусъ графа Палена. Однако остальные части нашей арміи не пошли за 2-мъ корпусомъ, такъ какъ главнокомандующій все еще опасался за свой правый флангъ и рѣшилъ начать наступленіе на Адрианополь только послѣ прибытія резервовъ. И дѣйствительно, хотя и получены были свѣдѣнія, что въ Адрианополь

¹⁾ В. У. А. № 2895, (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 6-го августа 1829 г. изъ Елагина.

нилось, что подь Сливно собралось значительное непріятельское войско, для котораго возводятся укрѣпленія, и что тамъ ожидается прибытіе визиря изъ Шумлы.

Какъ мы уже знаемъ, Шереметевъ занялъ Ямболь 23 іюля на разсвѣтѣ и здѣсь получилъ свѣдѣніе, что непріятель укрѣпляется у Сливно; для провѣрки этого свѣдѣнія онъ послалъ къ Сливно партію казаковъ и самъ пошелъ туда же со всѣмъ отрядомъ, выступивъ изъ Ямболя въ 5 часовъ утра 24 іюля. Изъ произведенной въ этотъ день развѣдки у Сливно и изъ показаній жителей, Шереметевъ вывелъ заключеніе, что въ Сливно у турокъ имѣется отрядъ силою въ 1,000 человекъ съ 10-ю орудіями и что тамъ находились Гуссейнъ-Гассобей и Галиль-паши. Окончивъ развѣдку, Шереметевъ вернулся въ Ямболь и оставилъ въ 10 верстахъ отъ Сливно партію казаковъ. 25 іюля турки отгѣснили этихъ казаковъ, но когда послѣдніе получили подкрѣпленіе, то отбросили турокъ; затѣмъ до 29-го іюля все было тихо ¹⁾).

Такимъ образомъ выяснилось, что, повидимому, визирь вновь выслалъ часть войскъ изъ Шумлы для дѣйствій противъ праваго фланга нашей арміи при ея наступленіи на Адрианополь. Между тѣмъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ мы не имѣли. Конечно, наиболѣе точныя свѣдѣнія должны были быть получены отъ Красовскаго, на прямой обязанности котораго лежало тщательное наблюденіе за Шумлой. Но мы уже видѣли, что Красовскій не имѣлъ никакого наблюденія въ тѣхъ мѣстахъ близъ Шумлы, гдѣ это было всего болѣе необходимо, т. е. къ югу и юго-западу отъ Шумлы, гдѣ пролегали пути, по которымъ турки могли высылать изъ крѣпости подкрѣпленія на южную сторону Балканъ. Далѣе, какъ мы знаемъ, Красовскій донесъ Дибичу 22 іюля, что хотя Галиль-паша пытался выйти изъ Шумлы съ 8 — 10,000, человекъ, но вернулся обратно, приведа съ собою только 115 человекъ.

Наконецъ 25 іюля Красовскій послалъ въ этомъ направленіи отрядъ генераль-маіора князя Горчакова (5 баталіоновъ, гусарскій принца Оранскаго полкъ, 9-й Оренбургскій казачій полкъ и конную роту № 6); отрядъ этотъ перешелъ Камчикъ у Мараша и получилъ приказаніе двигаться къ *«Эски-Стамбулу и далѣе къ Джумаю, какъ для пресѣченія туркамъ отступленія отъ Чалькавака, такъ и для воспрепятствованія визирю слѣдовать изъ Шумлы по сему направленію за Балканы»* ²⁾),

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса.

²⁾ и ³⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго 1829 года.

27-го іюля утромъ было получено донесеніе отъ князя Горчакова о томъ, «что онъ, 25-го, находясь при Эски-Стамбулѣ, посылалъ сильные разъѣзды въ Демиркіюй, гдѣ однако же непріятель не былъ замѣченъ, а найденъ токмо огонь и слѣды въ направленіи къ Казани. 26 числа князь Горчаковъ пробылъ цѣлый день около Джумая и посылалъ оттуда во всѣ стороны разъѣзды, но нигдѣ непріятели не замѣчено»¹⁾).

Изъ этого донесенія видно, что турки, повидимому, двинули отрядъ изъ Шумлы на Казань, но это свѣдѣніе *не было проверено* и во всякомъ случаѣ оно могло быть получено Дибичемъ въ Айдосѣ только очень поздно вечеромъ 27 іюля, такъ какъ Красовскій получилъ его утромъ въ тотъ же день, а для доставки его Дибичу нужно было проѣхать, даже кратчайшимъ путемъ черезъ Ченге, не менѣе 120 верстъ горами. Такимъ образомъ донесеніе это не было извѣстно въ штабѣ арміи, когда тамъ составлялась диспозиція для операцій противъ Сливно, такъ какъ диспозиція эта была разослана войскамъ 27 іюля²⁾). Итакъ и на этотъ разъ, такъ какъ при наступленіи къ Айдосу и Ямболю, Дибичъ не имѣлъ никакихъ донесеній отъ Красовскаго о высылкѣ части шумлинскаго гарнизона для дѣйствій противъ нашей арміи на южной сторонѣ Балканъ и, напротивъ, имѣлъ донесеніе отъ 22 іюля, что Галиль вернулся въ Шумлу, правда всего съ 115 человекъ, изъ чего падо было заключить, что ушедшіе съ нимъ 8—10,000 человекъ куда нибудь да дѣвались. Что Дибичъ не имѣлъ 27 іюля точныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Сливно, видно изъ того, что онъ ничего о нихъ не пишетъ Государю въ письмѣ и запискѣ отъ 25 іюля и затѣмъ не писалъ Государю ни писемъ, ни донесеній до 1 августа включительно. Между тѣмъ въ письмѣ отъ 1 августа изъ Сливно и въ донесеніи отъ того же числа оттуда же Дибичъ сообщаетъ Государю свѣдѣнія о сливненскомъ гарнизонѣ въ весьма опредѣленной формѣ; очевидно, что эти свѣдѣнія были получены имъ между 28 іюля и 1-го августа и не могли вліять на рѣшеніе, принятое 27-го іюля.

¹⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Красовскаго 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 28 и 29 іюля 1829 г., гор. Айдосъ, 27 іюля 1829 года. Приложение № 14. Между тѣмъ у Лукьяновича (ч. 4-я гл. XII, стр. 35) сказано, что извѣстіе о прибытіи въ Сливно визиря съ войскомъ изъ Шумлы казалось тѣмъ вѣроятнѣе, что было получено донесеніе отъ кн. Горчакова. Подтверждавшее это извѣстіе. Но донесеніе обт этомъ отъ Горчакова, какъ выше мы указали, не могло быть получено въ штабѣ арміи въ то время, когда тамъ составлялась диспозиція для наступленія къ Сливно.

Цѣль движенія своего къ Сливно Дибичъ такъ объясняетъ въ рапортѣ Государю отъ 1-го августа: упомянувъ о прибытіи 1-й бригады 12 пѣхотной дивизіи и вторыхъ бригадъ 2-й гусарской и Бугской уланской дивизій, онъ пишетъ: «съ такимъ значительнымъ подкрѣпленіемъ и въ ожиданіи прибытія остальныхъ резервовъ, могъ я, не открывая занятыхъ арміею мѣстъ, сосредоточенными силами, хотя на отдаленномъ пунктѣ, какъ Сливно, нанести новый ударъ непріятелю».

Въ письмѣ отъ 1-го августа, Дибичъ сообщаетъ Государю, что онъ узналъ о прибытіи въ Сливно Галиль-паша изъ Шумлы съ тремя регулярными пѣхотными полками и двумя регулярными кавалерійскими полками и пятью орудіями, что затѣмъ Галиль еще получилъ 2 полка регулярной пѣхоты и 4 орудія и что онъ началъ укрѣпляться у Сливно. «Имѣя эти свѣдѣнія, писалъ Дибичъ, я считалъ себя обязаннымъ воспользоваться вынужденнымъ отдыхомъ, вслѣдствіе запозданія на 7 дней прибытія головныхъ резервныхъ частей, чтобы выбить турокъ изъ этой позиціи и отбросить въ горы ¹⁾».

Такимъ образомъ цѣлью движенія на Сливно было желаніе обезпечить себя отъ непріятельскаго отряда, который занялъ фланговую позицію по отношенію къ пути наступленія нашей арміи на Адрианополь.

Особенность диспозиціи, отданной 27-го іюля въ Айдосѣ, была та, что она была отдана на два дня, на 28 и 29 іюля, и, какъ многія другія диспозиціи, вышедшія изъ штаба дѣйствующей арміи, она отличалась обширностью, мелочностью распоряженій и отсутствіемъ указанія цѣли, для достиженія которой было предпринято движеніе.

Согласно этой диспозиціи войска должны были 28-го іюля исполнить слѣдующее:

- 1) 7-й корпусъ—оставаться у Карнабата.
- 2) 6-й корпусъ—выступить изъ Айдоса въ 3 часа утра; пройдя 12 верстъ, войска должны стать на приваль до 4-хъ часовъ дня, а затѣмъ идти далѣе въ Карнабатъ. Баталіонъ Ладожскаго полка (5-й пѣхотной дивизіи, 2-го корпуса) долженъ былъ идти съ 6-мъ корпусомъ.
- 3) Главная квартира арміи должна была выступить изъ Айдоса въ 3¹/₂ часа дня и слѣдовать въ Карнабатъ.

При главной квартирѣ находились: 2-я бригада 2-й гусарской

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 1 августа 1829 г. изъ Сливно.

дивизіи съ конной № 4-й ротой, донская конно-артилерійская № 1-й рота, Долотина казачій полкъ и дивизионъ жандармовъ.

Въ 4 часа дня долженъ былъ выступить изъ Айдоса Украинскій пѣхотный полкъ и идти въ Карнабатъ.

4) Азовскій и Дигіпровскій полки остаются въ Айдосѣ подъ начальствомъ генерала-маіора Монтрезора.

5) Корпусу графа Палена приказано было оставаться въ прежнемъ положеніи, т. е. въ Карабунарѣ, имѣя авангардъ въ Умурь-Факн.

Итакъ, цѣлью дѣйствій на 28 іюля было поставлено сосредоточеніе въ Карнабатѣ двухъ корпусовъ—6-го и 7-го, для чего 6-й корпусъ долженъ былъ сдѣлать переходъ изъ Айдоса длиною въ 25 верстъ.

Всѣ передвиженія, предписанныя на 28-е іюля, были исполнены войсками безпрепятственно.

Согласно той же диспозиціи отъ 27-го іюля, войска должны были 29-го іюля исполнить слѣдующее:

1) 7-й пѣхотный корпусъ—выступить изъ Карнабата въ 3^{1/2} ч. утра и «*слѣдовать въ Касаплы по направленію къ Сливно*».

2) Главная квартира арміи со 2-ю бригадою 2-й гусаркой дивизіи, конною № 4-ю ротою, донской № 1-ю ротою, Долотина казачьимъ полкомъ, жандармскимъ дивизиономъ и баталіономъ Ладожскаго полка — выступить изъ Карнабата въ 4 часа утра и идти вслѣдъ за 7-мъ корпусомъ.

3) 6-й корпусъ—выступить изъ Карнабата и идти за главной квартирой арміи.

4) Генераль-маіору Слободскому съ Украинскимъ полкомъ и нѣкоторымъ числомъ казаковъ, по усмотрѣнію генераль-лейтен. Ридигера, оставаться въ Карнабатѣ.

6) Генераль-маіоръ Набель съ 14-мъ, 37-мъ и 38-мъ егерскими полками, съ легкою № 3 ротою 19-й артилерійской бригады, С.-Петербуржскимъ уланскимъ полкомъ, съ 2-мя горными и 2-мя конными орудіями, долженъ былъ 29-го іюля присоединиться изъ Чалыкавака къ арміи. Въ Чалыкавакѣ оставить 13-й егерскій полкъ, 4 горныхъ орудія и казачій Ежова полкъ.

7) Отрядъ генерала-маіора Шереметева долженъ былъ 29-го іюля вечеромъ выступить изъ Ямболя въ Касаплы, такъ чтобы придти туда съ разсвѣтомъ 30-го іюля.

Главноуправляющему продовольственной частью предписано

было сдѣлать распоряженіе о снабженіи всѣхъ войскъ провіантомъ на 15 дней, считая съ 29-го іюля.

Итакъ въ диспозиціи, отданной по арміи 27-го іюля въ Айдоосѣ, войскамъ были предписаны передвиженія на 2 дня, на 28-е и 29-е іюля; не трудно было предвидѣть, что распоряженія на 29-е іюля были отданы слишкомъ рано и что было бы лучше отдать ихъ 28-го іюля, когда оба корпуса сосредоточивались въ Карнабатѣ, гдѣ, слѣдовательно, отдача и разсылка диспозицій на 29-е іюля не могла вызвать никакого затрудненія.

Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ: по достиженіи Карнабата въ немъ была отдана новая диспозиція на 29-е іюля, въ которой сдѣлано новое распределеніе войскъ и измѣнены часы выступленія.

Согласно этой диспозиціи войска должны были въ теченіе 29-го исполнить слѣдующее ¹⁾:

«Завтра, т-е. 29-го іюля, главная квартира арміи съ 6-мъ и 7-мъ пѣхотными корпусами выступаютъ изъ Карнабата и слѣдуютъ чрезъ Касаплы по направленію города Сливно въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Авангардъ (казаки 7-го пѣхотнаго корпуса и Харьковскій уланскій полкъ съ 2 конными орудіями № 28 роты) выступаетъ въ 3^{1/2} часа утра.

2) 7-й пѣхотный корпусъ выступаетъ въ 4^{1/2} часа утра.

3) 6-й пѣхотный корпусъ со 2-й бригадой 2-й гусарской дивизіи и конной ротой № 4 выступаетъ въ 5 часовъ утра.

4) Главная квартира арміи съ двумя ротами Ладожскаго полка, эскадрономъ жандармовъ, Долотина казачьимъ полкомъ и донской конной № 1 ротой выступаетъ въ 5^{1/2} часовъ утра.

5) При войскахъ рѣшено было имѣть только по одному патронному ящику на баталіонъ. Остальные обозы должны были идти за главной квартирой и выступить въ 6 часовъ утра. При этомъ было приказано имѣть провіанта въ ранцахъ и обозахъ на 8 дней, а не на 15, какъ было сказано въ диспозиціи отъ 27 іюля. Въ хвостѣ обоза должно было идти 50 фуръ корпуснаго госпиталя «съ соразмѣрнымъ количествомъ аптекъ и лекарей».

6) За обозами должны были идти арьергардъ — 25 казаковъ Долотина полка. Всѣ войска должны были сдѣлать привалъ у д. Касаплы, т. е. пройдя около 20 верстъ, а авангардъ долженъ былъ «выдвинуться на нѣсколько верстъ впередъ».

На привалѣ войска «варятъ каши», а послѣ привала должны

¹⁾ В. У. А. № 2904 (а), диспозиція на 29 іюля 1829 г. бивакъ при Карнабатѣ 28-го іюля 1829 г. Приложение № 15.

были выступить «по особому приказанію главнокомандующаго въ прежнемъ порядкѣ».

Отрядъ генераль-маіора Набеля долженъ былъ присоединиться къ войскамъ при дер. Касаплы и слѣдовать за 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, а отрядъ генераль-маіора Шереметева не долженъ былъ идти изъ Ямболя въ Касаплы, какъ это было сказано въ диспозиціи отъ 27-го іюля, но оставаться въ Ямболѣ, такъ какъ онъ долженъ былъ получить на 30-е іюля «особенное наставленіе генераль-лейтенанта Ридигера».

Ночлегъ для войскъ былъ назначенъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

- а) авангардъ—д. Глушники (Глушникъ) ¹⁾;
- б) 7-й корпусъ—у фонтана, не доходя д. Глушники ²⁾.
- в) 6-й корпусъ и главная квартира при фонтанѣ за д. Трокопуло (Тропокло);
- г) Обозы при дер. Трокопуло (Тропокло); количество обозовъ, которые должны были идти за войсками, было весьма ограничено, а остальные обозы должны были оставаться въ Карнабатѣ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ладожскаго полка и четырехъ орудій изъ 7 корпуса, по назначенію генераль-лейт. Ридигера.

Итакъ, 29-го іюля войска должны были пройти: авангардъ и 7-й корпусъ около 40 верстъ, а 6-й корпусъ около 35 верстъ. Генераль Набель долженъ былъ изъ Чалыкавака прибыть въ Касаплы и оттуда идти на присоединеніе къ 6 корпусу, т. е. долженъ былъ пройти болѣе 60 верстъ, большею частью по гористой мѣстности. Онъ сосредоточилъ свой отрядъ у Доброля, но могъ оттуда выступить только въ 10 часовъ утра и прибылъ на бивакъ въ полночь. Во время перехода 29-го іюля посланецъ отъ визиря передалъ Дибичу письмо отъ 25-го іюля съ отвѣтомъ на предложенія, сдѣланныя послѣ сраженія при Кулевчѣ.

Это письмо было доставлено великимъ визиремъ 27-го іюля въ Енибазаръ ³⁾, гдѣ оно было принято княземъ Мадатовымъ, переславшимъ его Красовскому, отъ котораго оно было доставлено Дибичу. Визирь ссылаясь на то, что онъ не могъ тогда изъяснить согласія на предложенныя условія за неимѣніемъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ. Но теперь, послѣ возвращенія иностранныхъ пословъ въ турецкую столицу, мирные переговоры

¹⁾ По окончаніи перехода авангардъ сталъ у Эсерли (Осерлы).

²⁾ По окончаніи перехода главные силы стали у Драгоданово.

³⁾ В. У. А. № 2872, историческій журналъ войскъ состоящихъ подъ начальствомъ генераль-лейт. Красовскаго 1829 года.

очеркъ похода.

получили бы такой успешный оборотъ, что дальнѣйшее кровопролитіе не можетъ быть болѣе оправдываемо. На этомъ основаніи визирь предлагалъ заключить перемиріе и просилъ назначить мѣсто куда ему послать его уполномоченныхъ ¹⁾.

На это письмо Дибичъ отвѣчалъ визирю, «что онъ радъ былъ узнать о сознаніи Портою ея интересовъ, что не получивъ до 24-го іюля отвѣта на предложенія послѣ побѣды при Кулевчѣ, онъ вслѣдствіе этого не принимаетъ на себя отвѣтственности за пролитую кровь и за ту, которая, быть можетъ, еще будетъ пролита; что онъ вынужденъ былъ, вслѣдствіе непредвидѣннаго и непонятнаго молчанія турокъ, предпринять переходъ черезъ Балканы, послѣ котораго, съ Божіею помощію, онъ овладѣлъ всеѣмъ побережьемъ и выдвинулъ свои передовыя части въ окрестности Адрианополя и что долгъ службы не позволяетъ ему остановиться, если только ему не дадутъ гарантій, соответствующихъ нашему теперешнему положенію; но во всякомъ случаѣ онъ готовъ начать переговоры и предлагалъ выслать уполномоченныхъ въ Бургасъ или Ахіоло».

Письмо это было послано 30 іюля вечеромъ въ Сливно, съ просьбою переслать его визирю ²⁾. Извѣстіе о письмѣ визиря вызвало у насъ всеобщую и большую радость; война уже всеѣмъ надѣла, а исходъ предпріятія, предстоявшаго по ту сторону Балканъ, внушалъ опасенія.

На слѣдующій день, 30-го іюля, войскамъ былъ данъ отдыхъ, какъ вслѣдствіе утомленія ихъ, такъ и для того, чтобы выждать прибытія 5-й пѣхотной дивизіи и Павлоградскаго гусарскаго полка, направленныхъ изъ Карабунара къ Ямболу, чтобы преградить непріятелю путь отступленія къ Адрианополю. Распоряженіе объ этомъ движеніи 5-й пѣхотной дивизіи не было изложено ни въ диспозиціи отъ 27-го іюля, ни въ диспозиціи отданной 28-го іюля. Согласно распоряженія Дибича отъ 30-го іюля, 5-я пѣхотная дивизія должна была находиться на одной высотѣ съ главными силами арміи, т. е. у Ямболя.

30-го іюля продолжался сборъ свѣдѣній о противникѣ, но попрежнему свѣдѣнія, полученныя относительно непріятельскихъ силъ, были весьма разнорѣчивы. Захваченные въ этотъ день каза-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 1-го августа 1829 года изъ Сливно. У Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2, стр. 168) сказано, что Дибичъ оставилъ письмо визиря совершенно безъ отвѣта, что не вѣрно.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 1-го августа 1829 г. изъ Сливно.

ками на фуражировкѣ плѣнные единогласно показывали, что въ Сливно ежеминутно ожидаютъ прибытія визиря, что Гуссейнъ уже прибылъ туда съ албанцами, составлявшими передовой отрядъ. По другимъ даннымъ оказывалось, что визирь уже прибылъ въ Сливно съ нѣсколькими пашами и въ сопровожденіи множества различныхъ войскъ. Посланіе, отправленное сливненскимъ духовенствомъ Дибичу, убѣждало его послѣшить занятіемъ города чтобы положить конецъ притѣсненіямъ турокъ. По пути движенія арміи и въ окрестностяхъ Сливно мы нашли всѣ деревни опустѣлыми и отчасти выжженными; жители были выгнаны турками въ лѣса.

Все это вмѣстѣ указывало, что, повидимому, мы встрѣтимъ въ Сливно упорное сопротивленіе, а потому необходимо было тщательно подготовить успѣхъ операціи и дѣйствовать осмотрительно. Однако, несмотря на то, что свѣдѣнія о противникѣ были крайне неопредѣленные, мы неприяли достаточныхъ мѣръ, чтобы уяснить себѣ обстановку. Несмотря на то, что мы имѣли значительное число конницы, 30-го іюля нами не было произведено развѣдки непріятельскаго расположенія и была сдѣлана только одна попытка проникнуть къ непріятелю и произвести скрытную, замаскированную развѣдку. А именно, Дибичъ воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что визирь еще не получилъ отъ него отвѣта на послѣднее письмо, и послалъ 30-го іюля въ Сливно офицера съ этимъ отвѣтомъ. Посланный нашелъ непріятельскіе передовые посты не далеко отъ города; здѣсь отъ него приняли письмо, но далѣе его не пустили, а густой лѣсъ и наступленіе темноты помѣшали ему узнать что либо относительно расположенія и силъ турокъ. Онъ убѣдился только, что они нисколько не подозрѣвали приближенія русской арміи.

Итакъ, вечеромъ 30-го іюля войска наши стояли въ разстояніи 12—20 верстъ отъ Сливно, гдѣ предполагалось присутствіе значительныхъ силъ непріятельскихъ. Въ теченіе 31-го іюля рѣшено было приблизиться къ Сливно, но вопросъ объ атакѣ сливненской позиціи еще не былъ рѣшенъ и главнокомандующій предполагалъ рѣшить его 31-го числа. Въ виду такого рѣшенія, принятаго 30-го іюля, по арміи была отдана слѣдующая диспозиція.

Диспозиція на 31 іюля 1829 года ¹⁾

«Войска 7-го пѣхотнаго корпуса съ 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи, донскою № 1 ротой и авангардомъ генераль-маіора Набеля, по особому приказанію, лично отданному генераль-лейтенанту Риди-

¹⁾ В. У. А. № 2904 (а). диспозиція на 31 іюля 1829 г. Приложение № 16.

геру, имѣють выступить 30-го числа іюля въ 8 часовъ вечера изъ лагеря при Драгодановѣ и, отойдя отъ онаго на 8 верстъ, расположиться для ночлега, не раскладывая огней, а 31-го іюля въ 3 часа по полуночи, быть въ совершенной готовности къ выступленію. При семъ вмѣняется въ обязанность г. корпусному командиру, чтобы отнюдь не начинать съ непріятелемъ никакого дѣла, ниже малѣйшей перестрѣлки, безъ особаго на то приказанія. Войска 6-го пѣхотнаго корпуса со 2-ю бригадою Бугской уланской дивизіи должны быть въ совершенной готовности къ выступленію изъ лагеря при Драгодановѣ 31-го іюля къ 3 часамъ пополудни и выступаютъ въ 3 часа.

«Съ симъ корпусомъ слѣдуютъ 50 фуръ корпуснаго госпиталя, при главной квартирѣ арміи состоящаго. Обозъ 6-го пѣхотнаго корпуса и главной квартиры арміи имѣетъ выступить изъ лагеря при Драгодановѣ 31-го іюля въ 7 часовъ по полуночи и подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ладожскаго полка и эскадрона жандармовъ слѣдовать за войсками по дорогѣ къ Сливно. Въ 11-ти верстахъ отъ Драгоданова, при рѣчкѣ, обозъ сей останавливается и ожидаетъ дальнѣйшаго повелѣнія».

Изъ этой диспозиціи видно, что на 31-е іюля не было назначено атаки Сливны, а только предполагалось приблизиться къ непріятелю и затѣмъ, очевидно, дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Мѣстность, на которой могло произойти столкновеніе, имѣла слѣдующія особенности.

Городъ Сливно лежитъ у подошвы послѣднихъ уступовъ Балканъ; горы окружаютъ его съ трехъ сторонъ и только съ юго-восточной стороны мѣстность была ровная; горы эти каменисты и покрыты мелкимъ, колючимъ кустарникомъ, а равнина кустарникомъ, густыми дубовыми рощами и виноградниками. Сливно являлся узломъ нѣсколькихъ важныхъ дорогъ; съ востока туда вела дорога изъ Карнабата; не доходя 4-хъ верстъ до Сливно, отъ этой дороги отдѣлялся путь на Казань и Шумлу. На югъ вела дорога въ Ямболь и далѣе на Адрианополь, и въ горы двѣ тропинки—одна на Демиръ-капу и Старо-рѣку, а другая въ Казанлыкъ.

Турки заняли позицію на восточной и юго-восточной окраинахъ города и на послѣднемъ участкѣ возвели укрѣпленія, обращенныя фронтомъ къ Ямболю. Часть пѣхоты и нѣсколько орудій заняли восточную опушку густаго дубоваго лѣса, находившагося въ разстояніи около версты восточнѣе города. На позиціи этой турки имѣли отрядъ, состоявшій изъ 13-ти полковъ регулярной пѣхоты, 2—3 полковъ регулярной конницы, отъ 4—до 5 тысячъ иррегулярнаго войска и отъ 10 до 20 орудій, всего не менѣе 10,000 человекъ подъ начальствомъ сераскира Галиль-паши и еще двухъ

нашей—Кисе и Ибрагима ¹⁾). Отрядъ этотъ занялъ позицію близъ довольно значительнаго города, неудобнаго для обороны, имѣя на флангахъ командующія высоты, а передъ фронтомъ равнину, по которой приближеніе нашихъ войскъ могло быть исполнено довольно скрытно, вслѣдствіе кустарника и перелѣсковъ; путь отступленія къ Адрианополю отходилъ отъ праваго фланга позиціи, который такимъ образомъ являлся стратегическимъ ключемъ ея: этотъ участокъ турки усилили укрѣпленіями.

Силы, которыми располагалъ Дибичъ для атаки этой позиціи, были слѣдующія:

7-го корпуса.

	б.	э.	ор.	чел.
4 полка 18 пѣх. дивизіи (Вятскій, Уфимскій, Пермскій и 36 егерскій)	8	—	—	4374
3-я бригада 19 пѣх. див. (37 и 38 егерск. п.).	4	—	—	2019
Батарея № 1 и легкая № 3 роты 18 арт. бр.	—	—	16	234
Легкая № 3 рота 19 арт. бригады	—	—	8	47
2 бриг. 2 гус. див. (Елисаветградскій и Иркутскій полки)	—	8	—	871
1-я бригада 4 уланской дивизіи (дивизионъ С.-Петербургск. уланск. полка)	—	2	—	232
Харьковскій уланскій полкъ	—	4	—	457
Казачій полкъ—Ильина	—	—	—	343
“ “ —Чернушкина	—	—	—	218
4 орудія конной № 28 роты	—	—	4	78
Конная № 4 рота	—	—	8	141
Донская конная рота № 1	—	—	8	213
Сверхъ того г.-м. Шереметевъ прибылъ изъ Ямболя со 2 бригадою 4 уланск. дивизіи	—	8	—	1000
и 4 ор. конный № 28 роты	—	—	4	88

6-го корпуса.

3-й бригады 7 пѣх. див. (13 и 14 егерск. пол.)	4	—	—	1500
16 пѣхотной дивизіи	12	—	—	3360
Батар. № 1 рота 7 артил. бриг.	—	—	8	131
16 артилерійская бригада	—	—	34	359
2 бригада Бугской уланской дивизіи	—	12	—	1531
6 Черноморскій полкъ	—	—	—	224
4 оруд. конной № 27 роты	—	—	4	74

¹⁾ Лукьянович ч. 4, гл. XII, стр. 37; Мольке переводъ Н. Шильдера, ч. 2, гл. 4, стр. 170; и В. У. А. № 2864, историч. журналъ дѣйствій 7 корпуса. Дибичъ считалъ (В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо отъ 1 августа 1829 г. изъ Слывно), что у турокъ было 13 полковъ регулярной пѣхоты и 2 полка регулярной конницы (очень слабыхъ, вслѣдствіе потерь) и 5—6000 иррегулярныхъ войскъ.

	б.	э.	ор.	чел.
Горная рота	—	—	12	120
Одна рота 6 пионерн. батал.	¼	—	—	48

Всего 28 34 36 3 ка-
зач. полка, ¼ бат. пионер.

Силою: 11,300 человек пѣхоты.

4,886 " конницы.
1,467 " артилерии.

2-го корпуса.

ОКОЛО.

Бѣлозерскій и Шлиссельбургскій полки				
5) пѣх. дивизіи)	4	—	—	} 4000
3 бригада 5 пѣхотной дивизіи	4	—	—	
5 артилерійская бригада	—	—	24	400
Павлоградскій гусарскій полкъ	—	4	—	450
4 орудія конной № 1 роты	—	—	4	80
	8	4	28	

Силою: пѣхоты 4000 чел. и 450 чел. конницы¹⁾.

Всего около: 15000 чел. пѣх. и 5000 чел. конницы.

Мольтке такъ опредѣляетъ силы нашей арміи (переводъ Н. Шильдера, ч. 2, гл. 4, стр. 168),

	б.	э.	оруд.
16 пѣхотная дивизія	6	—	—
18 " "	8	} 4374 ч.	24
19 " "	4	} 2019 ч.	8
5 " "	10	—	24
7 " "	2	—	4
Бугской уланской дивизіи	—	12	8
2 гусарской	—	16	8
4 уланской	—	12	8
Донской артилеріи (1 дон. рота) —	—	—	12
	30	40	96

Всего около 20,000 человекъ.

Первоначальное раз- 30-го іюля генераль Ридигеръ выступилъ
вертываніе нашихъ съ 12 бат. (8-й бат.—18-й пѣхотной дивизіи
войскъ. и 4-й бат. 19-й пѣхотной дивизіи), съ брига-
дою бугскихъ уланъ, 2-й бригадой 2-й гусарской дивизіи съ кон-
ною ротою № 4 и 1-й бригадой 4-й уланской дивизіи, съ конной
ротой № 28 и съ конной № 1 ротой донцовъ. Онъ остановился въ

¹⁾ В. У. А. № 2855 и № 2889, вѣдомости подписанныя ген.-м. Бергомъ. При-
ложение № 22.

разстояніи семи верстъ отъ Сливно у деревни Колаянъ, не позволивъ войскамъ разводить бивачные огни.

Въ 3 часа утра 31-го іюля выступилъ изъ подъ Драгоданова 6-й корпусъ, а 2-й пѣхотный корпусъ, только что прибывшій туда ночью, выступилъ въ 6 часовъ утра и составилъ резервъ.

Отрядъ генераль-маіора Шереметева получилъ приказаніе выступить изъ Ямболя, идти къ Сливно и остановиться въ 8-ми верстахъ не доходя этого города. Ночью ему было послано приказаніе идти на дорогу изъ Сливно въ Ени-Загру и занять ее ¹⁾; но генераль Ридигеръ приказалъ ему возвратиться на правый берегъ Тунджи ²⁾.

Переходъ въ наступленіе нашихъ войскъ. 31 іюля въ 6 часовъ утра, къ войскамъ генерала Ридигера прибылъ Дибичъ и въ 7 часовъ утра войска двинулись къ Сливно. Впереди шли казачьи полки Ильина и Чернушкина подъ общимъ начальствомъ генерала Жирова. Затѣмъ Харьковскій уланскій полкъ, дивизионъ Петербургскаго уланскаго полка, 2-я бригада 2-й гусарской дивизіи (Елизаветградскій и Иркутскій полки), конная рота № 1, 4 орудія конной съ № 28 роты и донская конная рота № 1-я. За конницей шли полки 18 пѣхотной дивизіи и 3-я бригада 19 пѣхотной дивизіи съ ихъ артилеріей ³⁾. За этими войсками шли части 6 корпуса и 5 пѣхотная дивизія. Непрiятельскіе передовые посты были обнаружены въ разстояніи около 3¹/₂ верстъ отъ Сливно. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ показали, что визирь прибылъ 30-го іюля въ Казань и что 31-го іюля его ожидаютъ въ Сливно; въ виду этого, генераль Ридигеръ отрядилъ на дорогу въ Казань (съ поворота съ карнабатской дороги) 6 Черноморскій казачій полкъ, а графъ Дибичъ приказалъ 13 егерскому полку ⁴⁾, пройдя нѣсколько верстъ по той-же дорогѣ, занять въ горахъ «*твердый постъ*», а въ резервъ этихъ войскъ была назначена 2-я бригада Бугской уланской дивизіи; такимъ образомъ нашъ правый флангъ былъ обезпеченъ отъ нечаяннаго нападенія со стороны Казана.

Затѣмъ Дибичемъ были отданы приказанія для атаки Сливно.

Главную атаку рѣшено было вести на лѣвый флангъ турецкой позиціи, гдѣ была дубовая роща, занятая пѣхотой съ орудіями.

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, гл. XII, стр. 38.

²⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса.

³⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса.

⁴⁾ Примѣчаніе къ вѣдомости, подписанной генераль-маіор. Бергомъ (В. У. А. № 2855 и 2889). Приложение № 22.

Такъ какъ на правомъ флангѣ турецкой позиціи укрѣпленія были обращены фронтомъ къ Ямболу, то Дибичъ направилъ всю пѣхоту 6-го и 7-го корпусовъ вдоль подошвы горъ и по казанской дорогѣ, чтобы такимъ образомъ выйти въ тылъ этимъ укрѣпленіямъ. Такое направленіе приводило войска къ необходимости атаковать вышеупомянутую дубовую рощу съ фронта и охватить ее съ сѣвера.

Для атаки этой рощи были назначены войска колонны Ридигера. Они перестроились въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первой линіи сталъ 36 егерскій полкъ, имѣя 8 орудій легкой № 3 роты 18 артилерійской бригады между баталіонами; во второй линіи—Уфимскій полкъ, 8 орудій батарейной роты 18 артилерійской бригады, Пермскій полкъ, 4 орудія батарейной роты 19 артилерійской бригады и Вятскій полкъ; въ третьей линіи 37 и 38 егерскіе полки (12 б. 20 ор.)¹⁾. За этими войсками должны были наступать части 6-го корпуса. Для охвата праваго фланга непріятеля и для воспрепятствованія ему отступленія къ Ямболу и въ Ени-Загру была направлена конница (2 бригада 2 гусарской дивизіи и 1 бригада 4 уланской дивизіи съ ихъ артилеріей и конной ротой донцовъ), а также колонна генерала Шереметева (2 бригада 4 уланской дивизіи и 4 орудія конной № 28 роты), какъ уже раньше сказано. Всего для этой цѣли могло быть выдвинуто 24 эск. и 28 орудій. Наконецъ 2-й пѣхотный корпусъ былъ назначенъ въ резервъ и получилъ приказаніе наступать за колонной Ридигера.

Генераль Ридигеръ приблизился къ непріятельской позиціи на разстояніе пушечнаго выстрѣла, но густой дубовый лѣсъ мѣшалъ осмотрѣть ее. На правомъ флангѣ турецкой позиціи мѣстность была нѣсколько болѣе открытою и на ней замѣчена была турецкая конница, а вслѣдъ затѣмъ и пѣхота; казалось, что войска эти намѣревались отойти въ Ени-Загру.

Тогда генераль Ридигеръ получилъ приказаніе передвинуться влѣво, чтобы дѣйствовать противъ этихъ войскъ; онъ долженъ былъ обстрѣлять ихъ артилеріей и затѣмъ начать атаку. Съ фронта атаку на рощу долженъ былъ вести командующій 18 пѣхотной дивизіей ген.-майоръ князь Горчаковъ съ 8 баталіонами своей дивизіи. Такимъ образомъ направленіе атаки было перемѣщено влѣво.

Генераль Ридигеръ, выдвинувъ свою кавалерію, состоявшую

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣхотнаго корпуса.

изъ 1 бригады 4 уланской дивизіи и 2 бригады 2 гусарской дивизіи съ ихъ артилеріей и ротой донцовъ, открылъ сильный огонь изъ орудій: послѣ первыхъ же выстрѣловъ, турки начали отступать, но когда Ридигеръ двинулся за ними, они открыли огонь изъ укрѣпленій своего праваго фланга.

Между тѣмъ князь Горчаковъ, подготовивъ атаку, перешелъ въ наступленіе и занялъ высоту, съ которой открывался весь городъ; турки отступили и здѣсь, но остановились на окраинѣ города, откуда открыли огонь изъ всѣхъ своихъ орудій.

Тогда, обстрѣлявъ непріятели артилерійскимъ огнемъ, обѣ колонны, Ридигера и Горчакова, пошли въ атаку; при послѣдней колоннѣ находился и Дибичъ. Войска наши скоро проникли въ городъ, откуда турки поспѣшно отступили, увезя съ собою и орудія.

Часть турокъ бѣжала по ямбольской дорогѣ, а большая часть бѣжала по казанлыкской и старорѣцкой дорогамъ и разными тропинками въ горы и ущелья. На лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ разыгралось частное и довольно упорное столкновеніе. Здѣсь Курляндскій уланскій полкъ, наступая южнѣе Сливно, подошелъ къ дорогѣ въ Ени-Загру. Турки съ превосходными силами, въ числѣ около 1500 человекъ, бросились на два эскадрона этого полка, которымъ пришлось выдержать ожесточенный бой; они три раза бросались въ атаку и три раза были отброшены, пока подошедшій третій эскадронъ не обратилъ противника въ бѣгство.

Для преслѣдованія турокъ были посланы казаки и часть пѣхоты 6-го корпуса подъ начальствомъ генерала Рота. Преслѣдованіе производилось по казанлыкской дорогѣ и продолжалось до 6 часовъ вечера. При вступленіи въ городъ, войска наши были встрѣчены жителями съ величайшимъ восторгомъ; многочисленное православное духовенство встрѣтило войска съ крестомъ и св. водою, а депутація отъ горожанъ поднесла хлѣбъ и соль. Брошенный турками лагерь былъ тотчасъ же разграбленъ христіанскими жителями Сливно, которые прежде всего старались заставить оружіемъ—они платили казакамъ по рублю за ружье. Турки, бѣжавшіе изъ Сливно, вскорѣ прислали къ намъ депутацію съ бѣлымъ знаменемъ и получили разрѣшеніе вернуться въ городъ.

Все дѣло продолжалось только три часа и мы потеряли только одного офицера убитымъ, двухъ ранеными и 60 нижнихъ чиновъ¹⁾. Пѣхотѣ не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла.

¹⁾ У Мольте (переводъ Н. Шильдера. ч. 2, гл. 4, стр. 170) сказано, что мы потеряли только одного офицера и 12 нижн. чиновъ. Вообще описаніе сраженія очеркъ похода.

Потери турокъ во время сраженія были тоже не велики, а во время преслѣдованія они потеряли около 200 человекъ; нами взято 4 знамени и 9 орудій. Въ городъ мы захватили большіе военные и продовольственные запасы; сообщая объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ 1-го августа: «мы нашли здѣсь нѣсколько продовольственныхъ магазиновъ; мы ими воспользуемся, хотя намъ ихъ и не нужно, такъ какъ продовольственная часть у насъ обставлена отлично» ¹⁾).

Плѣнные показали, что извѣстіе о прибытіи визиря было распространено, чтобы поддержать духъ войскъ, и что войска, бывшія въ Сливно, были подъ начальствомъ Галиль-паши, прибывшаго изъ Шумлы.

По окончаніи боя, къ двумъ часамъ дня, всѣ войска наши стали лагеремъ подъ Сливною.

Такимъ образомъ въ бою подъ Сливно мы вновь имѣли дѣло съ турецкими войсками, прибывшими изъ Шумлы и вновь оказалось, что выступленіе этихъ войскъ изъ Шумлы осталась незамѣченнымъ для отряда Красовскаго.

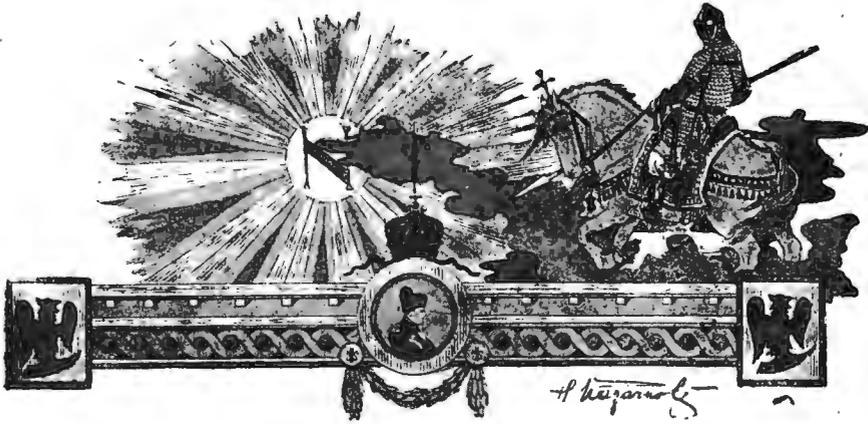
Заключеніе. Въ общемъ результатъ, въ трехъ дѣлахъ— 13-го, 19-го и 31-го іюля (Айдосъ, Ямболь и Сливно), Дибичу удалось разсѣять, безъ особеннаго усилія, всѣ отряды постепенно направленные великимъ визиремъ изъ Шумлы противъ праваго фланга нашей арміи, съ цѣлью воспрепятствовать ея дальнѣйшимъ успѣхамъ по южную сторону Балканъ и ея наступленію къ Адрианополю; но усилія турокъ не увѣнчались успѣхами—всѣ ихъ отряды были разбиты по частямъ и въ концѣ іюля мы владѣли всѣми балканскими проходами отъ Чернаго моря до Казана, между тѣмъ какъ визирь располагалъ для сообщеній съ Адрианополемъ однѣми околными дорогами. Притомъ его арміи собственно не существовало, и для обороны Шумлы оставались почти одни вооруженные жители.



при Сливно, какъ у Мольте, такъ и у Лукьяновича, чрезвычайно сбивчиво и неопредѣленно.

Весьма подробно, но не менѣе сбивчивое, описаніе имѣется въ историческомъ журналѣ дѣйствій 7-го корпуса (В. У. А. № 2864); потеря въ журналѣ показана: убиты—1 офиц. и 6 нижн. чиновъ и ранено 2 оф. и 12 нижн. чиновъ. Дибичъ донесъ Государю 1 августа (В. У. А. № 2895) (а), что потеря наша не превосходила 100 человекъ.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 1 августа 1829 г., изъ Сливно.



Г Л А В А 4.

Наступленіе къ Адріанополю.

Очеркъ обстановки.—Диспозиція на 2 августа.—Переходъ 4 августа.—Переходъ 5 августа.—Переходъ 7 августа.—Прибытіе арміи къ Адріанополю.—Описаніе Адріанополя.—Положеніе нашей арміи передъ Адріанополемъ.—Положеніе турокъ въ Адріанополь.—Переговоры о сдачѣ Адріанополя.—Диспозиція на 8 августа.—Занятіе Адріанополя.

Очеркъ обстановки. Мы уже видѣли, что наступленіе къ Адріанополю казалось вполне возможнымъ для нашей арміи еще тогда, когда войска наши заняли Айдось, а въ особенности Ямболь. Но Дибичъ считалъ необходимымъ надежнѣе обезпечить свой правый флангъ при наступленіи ко второй столицѣ Турціи, а также занять возможно большее число балканскихъ проходовъ, чтобы имѣть вполне обезпеченный тылъ. Сверхъ того онъ считалъ необходимымъ подождать прибытія подкрѣпленій. Цѣль эта была достигнута съ занятіемъ Сливно: съ этого времени мы владѣли балканскимъ хребтомъ на протяженіи около 120 верстъ, съ четырьмя проходами черезъ горы; всѣ турецкіе отряды, нами встрѣченные у подошвы горъ, были разсѣяны и, наконецъ, Шумла потеряла свое угрожающее значеніе, такъ какъ силы турокъ у Шумлы значительно уменьшились, а отрядъ Красовскаго получилъ нѣкоторыя подкрѣпленія.

Итакъ, съ этой стороны успѣхъ наступленія на Адріанополь былъ обезпеченъ, но силы которыми располагалъ Дибичъ для такого

предпріятія, были весьма незначительны, тѣмъ болѣе, что войска понесли большія потери отъ все болѣе усиливавшихся лихорадокъ.

Отвѣчая Дибичу на его донесеніе о взятіи Сливно, Императоръ Николай горячо благодарилъ его за новую побѣду и затѣмъ писалъ: «Я счастливъ, что резервы начали къ вамъ прибывать, тѣмъ болѣе, что никто здѣсь не могъ понять, почему они такъ опоздали. Но теперь вы значительно усилились и въ состояніи наступать рѣшительно, но въ тоже время *осторожно* ¹⁾). Я съ нетерпѣніемъ жду извѣстій о результатахъ вашего наступленія на Адріанополь». Затѣмъ Государь, опять указывалъ Дибичу на возможность появленія турецкихъ войскъ со стороны его праваго фланга и тыла, просилъ его принять мѣры охраненія въ эту сторону и выражалъ мнѣніе, что въ этомъ случаѣ было бы полезнымъ, чтобы Гейсмаръ перешелъ въ наступленіе.

«Господинъ Полиньякъ въ Парижѣ во главѣ всѣхъ дѣлъ», писалъ Государь въ томъ же письмѣ и выражалъ опасеніе, что это обстоятельство для насъ крайне неблагоприятно. «Я велѣлъ произвести наборъ 3 съ 500 душъ, чтобы доказать нашимъ друзьямъ и врагамъ, что *Я окончу* то, что считалъ нужнымъ начать» ²⁾).

Для наступленія на Адріанополь Дибичъ могъ назначить ³⁾:

2-го пѣхотн. корпуса.

5 полковъ 5-й пѣхотной дивизіи съ 24 орудіями (Ладожскій полкъ — при главн. квартирѣ).

6-ю пѣхотн. дивизію съ 24 орудіями.

2-й гусарск. дивизіи 3 полка (Эрцгерцога Фердинанда и 2-я бригада ⁴⁾).
Конную роту № 4 и донскую № 1. 16 орудій.

22 бат., 48 ор., 12 эскад., 16 ор.

6-го пѣхотн. корпуса.

16-й пѣхотной дивизіи 5 полковъ и 24 орудія (Камчатскій полкъ былъ въ подозрѣніи въ заразѣ, отъ которой умерло двое).

7-ю пѣх. дивизію — откомандирована (отъ нея было 10 орудій).

4-ю уланскую дивизію и 8 ор. кон. артилеріи,

10 бат., 34 пѣш. ор., 16 эск., 8 к. ор.

7-го пѣхотн. корпуса.

4 полка 18 пѣх. див. и 16 пѣш. артилеріи.

3-ю бригаду 19 пѣх. див. и 12 орудій.

2-ю бригаду Бугской уланской дивизіи и 4 ор. конной артилеріи.

12 бат., 28 пѣш. арт; 8 эск. 4 к. ор.

¹⁾ Подчеркнуто Императоромъ.

²⁾ В. У. А. № 2895 (б), письмо Имп. Николая Дибичу отъ 12 августа 1829 г. съ Елагина острова.

³⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 августа 1829 г. изъ Адріанополя.

⁴⁾ Павлоградскій гус. полкъ былъ посланъ съ генер. Завадскимъ въ Казавъ.

Несмотря на то, что силы эти были невелики, Дибичъ все-же рѣшился двинуться къ Адрианополю. Помимо уже указанныхъ нами причинъ, по которымъ такое наступленіе было желательнo, были еще причины, которыя заставили Дибича принять это рѣшеніе окончательно. Зная, что турки начали укрѣплять Адрианополь, къ которому доступъ очень затруднителенъ, что Галиль-паша и Ибрагимъ-паша должны были занять его своими войсками, что тамъ уже находилось нѣсколько полковъ и 12 полевыхъ орудій, прибывшихъ изъ Константинополя, и что тамъ ожидалось еще подкрѣпленія отъ 6 до 8 тысячъ человекъ подъ начальствомъ Османа-паши, что наконецъ старались вооружить жителей, хотя и не съ большимъ успѣхомъ—Дибичъ счелъ необходимымъ поторопиться нанести ударъ, который, какъ онъ надѣялся, могъ доставить намъ столь желанный миръ.

1-го августа, на другой день послѣ взятія Сливно, войскамъ былъ данъ отдыхъ, а 2 августа началось наступленіе на Адрианополь черезъ Ямболъ. Главнокомандующій донесъ Государю о своемъ предположеніи идти на Адрианополь въ слѣдующихъ выраженіяхъ въ письмѣ изъ Сливно отъ 1 августа: «завтра я рассчитываю идти въ Ямболъ, гдѣ я остановлюсь, чтобы взять часть сухарей, которые туркамъ угодно было намъ оставить. Черезъ 2 перехода я буду въ Буюкъ-Дербентъ, гдѣ я сосредоточу всѣ мои силы и всѣ резервы, прежде чѣмъ двинуться на Адрианополь» ¹⁾.

Диспозиція на 2 августа. Для этого наступленія 2 августа была отдана по арміи диспозиція, согласно которой войска должны были исполнить слѣдующее ²⁾.

1) *Авангардъ*, гр. Палень, 2-й корпусъ со 2-й гусарской дивизіей и конными ротами № 4 и донскою № 1 — выступаетъ изъ Сливно въ 3 часа утра и идетъ въ Ямболъ; привалъ — перейдя р. Тунджу, ночлегъ у Ямболя на лѣвомъ берегу Тунджи.

2) *Главныя силы.*

а) *6-й корпусъ*, ген. Ротъ, со 2-й уланской дивизіей—выступаетъ въ 5 час. утра, идетъ за авангардомъ; привалъ — перейдя Тунджу, ночлегъ у Ямболя на правомъ берегу Тунджи.

б) *7-й корпусъ*, ген. Ридигеръ, со 2-й бригадой Бугской уланской дивизіи выступаетъ въ 6 ч. у., привалъ — по усмотрѣнію командира корпуса, ночлегъ въ Ямболѣ на правомъ берегу Тунджи.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 1 августа 1829 г. изъ Сливно.

²⁾ В. У. А. № 2904 (а), диспозиція на 2-е число августа 1829 г., г. Сливно, 1 августа 1829 г. Приложение № 17.

3) *Обозы* шли за главными силами, за исключеніемъ тѣхъ повозокъ, которыя должны были находиться при своихъ частяхъ.

4) Арьергардъ — одинъ баталіонъ съ командой казаковъ — по распоряженію генерала Ридигера.

5) Главнокомандующій со штабомъ выступалъ изъ Сливно въ 4 час. утра и дѣлалъ привалъ вмѣстѣ съ авангардомъ.

Длина перехода, назначеннаго на 2-е августа, была около 25 верстъ и всѣ войска шли по одной дорогѣ. На р. Тунджѣ, близъ д. Артикая, былъ наведенъ понтонный мостъ; послѣ прохожденія всѣхъ войскъ этотъ мостъ слѣдовало снять и вести за войсками; на ночлегъ мостъ долженъ былъ находиться при 6-мъ корпусѣ.

Для наведенія этого моста была назначена 3-я рота 7-го піонернаго баталіона, которая выступила изъ Сливно въ самый день занятія этого города, т. е. 31 іюля въ 9 час. вечера. Кромѣ наведенія моста черезъ Тунджу, піонеры должны были исправить и имѣвшіеся уже мосты ¹⁾.

Для обезпеченія тыла былъ оставленъ въ Сливно отрядъ подъ начальствомъ полковника Лидерса, состоявшій изъ 37 егерскаго полка и двухъ орудій легкой № 3 роты 18-й ²⁾ артилерійской бригады; въ составъ этого-же отряда долженъ былъ войти 6-й Черноморскій казачій полкъ, который находился на дорогѣ изъ Сливно на Казань.

Если послѣдній городъ еще былъ занятъ турками, то Черноморскій полкъ долженъ былъ оставить для наблюденія за ними сильный наблюдательный постъ, а самъ прибыть въ Сливно, въ распоряженіе полковника Лидерса.

Съ прибытіемъ въ Сливно Украинскаго пѣхотнаго полка (2-й бригады 19 пѣх. дивизіи) съ двумя орудіями № 2 роты 10 артилерійской бригады, полковникъ Лидерсъ долженъ былъ оставить въ Сливно при этомъ полку 6-й Черноморскій полкъ и идти за арміей черезъ Ямболь съ 37 егерскимъ полкомъ и двумя орудіями легкой № 3 роты 18-й артилерійской бригады.

Въ диспозиціи на 2 августа обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что офицеры генеральнаго штаба (полков. Рокасовскій съ офицерами генеральнаго штаба отъ всѣхъ корпусовъ) должны были отправиться въ Ямболь еще 1-го августа для выбора бивачныхъ мѣстъ. Безъ сомнѣнія Ямболь былъ занятъ частью нашихъ

¹⁾ В. У. А. № 2864, истор. журналъ дѣйствій 7 корпуса.

²⁾ Въ историч. журналъ дѣйствій 7 корпуса (В. У. А. № 2864) сказано — 4 арт. бриг.

войскъ, иначе такая командировка однихъ офицеровъ на 25 версть впередъ, была-бы невозможной; но въ источникахъ мы не нашли указанія, чтобы Ямболь былъ уже нами занятъ. 31 іюля отрядъ, занимавшій этотъ городъ, а именно отрядъ Шереметьева, получилъ приказаніе идти къ Сливно, но вѣроятно часть этого отряда была оставлена въ Ямболѣ.

Переходъ до Ямболя былъ сдѣланъ безпрепятственно. Христіанское населеніе этого города вышло на встѣчу нашимъ войскамъ, а мусульмане спокойно оставались въ своихъ домахъ. Въ городѣ имѣлось множество продовольственныхъ припасовъ, а рынокъ, устроенный въ лагерѣ, былъ переполненъ дичью и различными фруктами, въ особенности дынями и виноградомъ.

3-го августа войскамъ данъ былъ отдыхъ; въ лагерѣ, во время богослуженія, присутствовали въ большомъ числѣ болгары. Здѣсь Дибичъ принялъ окончательное рѣшеніе идти на Адрианополь, не дожидаясь прибытія резервовъ, за исключеніемъ баталіоновъ 18-й пѣхотной дивизіи, только что прибывшихъ къ арміи, и, пользуясь хорошимъ духомъ арміи, а также и полнымъ изнеможеніемъ непріятели ¹⁾).

3-го августа въ часъ ночи изъ Ямболя были отправлены въ Гассанъ-бейли казачьи полки Ильина и Чернушкина и 3-я рота 7 піонернаго баталіона для наводки моста черезъ Тунджу ²⁾).

Переходъ 4 августа. 4-го августа войска двинулись изъ Ямболя въ слѣдующемъ порядкѣ ³⁾).

1) *Авангардъ* (гр. Палень), долженъ былъ выступить въ 4 часа утра и наступать черезъ Кукурево (Кокурево) и Бейкію до Папаскія. Приваль—пройдя рѣчку у Бейкія. Ночлеги—у Папаскія.

2) *Главныя силы.*

а) Лѣвая колонна.

6-й корпусъ (ген. Ротъ), выступалъ въ 5 час. утра и долженъ былъ идти за авангардомъ; приваль не переходя рѣчки Бейкія; ночлеги—у Папаскія.

б) Правая колонна.

7-й корпусъ (ген. Ридигеръ), долженъ былъ выступить въ 5 час. утра и идти правымъ берегомъ Тунджи черезъ д. Фендекли (Фун-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2864, истор. журн. дѣйствій 8-го корпуса.

³⁾ В. У. А. № 2904 (А.), диспозиція на 4-е августа 1829 г., лагерь прѣ Ямболѣ, 3 августа 1829 года. Приложение № 18.

дуклы) до д. Гассанъ-бейли. Приваль—по усмотрѣнію корпуснаго командира.

Тотчасъ по прибытіи въ Гассанъ-бейли, Ридигеръ долженъ былъ устроить переправу черезъ Тунджу для сообщенія съ войсками 2 и 6 корпусовъ, которыя должны были расположиться у Папаскіоя.

Въ виду этого, понтоны должны были 4-го августа идти при 7-мъ корпусѣ.

3) Строевой обозъ долженъ былъ слѣдовать при войскахъ, а тяжелый за соответствующими колоннами, а именно обозъ 7-го корпуса за нимъ, а обозъ 2 и 6 корпусовъ—за 6 корпусомъ.

4) Главнокомандующій со штабомъ выступалъ изъ Ямболя въ 4^{1/2} час. утра и слѣдовалъ со вторымъ корпусомъ.

И по этой диспозиціи, какъ и по диспозиціи на 2-е августа, офицеры генеральнаго штаба должны были слѣдовать впереди авангарда, «дабы заблаговременно назначить мѣста для расположенія войскъ».

Переходъ 4-го августа былъ длиною—для авангарда и лѣвой колонны около 35 верстъ, а для правой колонны—около 32 верстъ; по окончаніи перехода войска располагались въ двухъ мѣстахъ у Папаскіоя и Гассанъ-бейли, въ разстояніи около 20-ти верстъ другъ отъ друга, отдѣленные другъ отъ друга Тунджей.

Движеніе въ этотъ день было весьма утомительное. Лѣто было вообще необыкновенно знойное и съ 25-го іюля начались невыносимыя жары; ¹⁾ въ виду этого войска выступали съ биваковъ очень рано утромъ, между 3 и 5 часами; такъ дѣлали почти все время, съ тѣхъ поръ какъ вышли изъ подъ Шумлы; переходы были большею частью довольно длинные и войска почти все время шли по мѣстности гористой и пересѣченной; при такихъ условіяхъ войска приходили на бивакъ часто только поздно вечеромъ, а затѣмъ, послѣ непродолжительнаго отдыха, вновь двигались далѣе. Правда привалы были очень продолжительные; они начинались до полудня и нерѣдко войска оставались на нихъ до 5 час. вечера, но приваль въ жару вовсе не давалъ войскамъ полного отдыха. Всѣ эти условія чрезвычайно изнурительно дѣйствовали на войска, организмъ людей распатывался, ослаблялся и дѣлался воспримчивымъ къ заболѣваніямъ.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 года.

Пройдя Ямболь, въ разстояніи около 2 вёрствъ отъ него, войскамъ пришлось перейти въ бродъ притокъ Тунджи въ футъ глубиною, хотя наканунѣ было достаточно времени для устройства временнаго моста. Затѣмъ нѣсколько другихъ небольшихъ притоковъ Тунджи войскамъ также пришлось переходить въ бродъ, между тѣмъ какъ прошедшая впереди пѣхоты конница сдѣлала ихъ почти непроходимыми, вслѣдствіе болотистаго грунта.

Все это вмѣстѣ крайне замедляло движеніе, такъ что авангардъ, выступившій въ 4 часа утра, началъ подходить къ Папаскію только въ 8 часовъ вечера. Дибичъ, недовольный позднимъ приходомъ войскъ на ночлегъ, выѣхалъ къ нимъ навстрѣчу и высказалъ начальникамъ свое неудовольствіе ¹⁾).

Правая колонна, Ридигера, выступила изъ Ямболя въ 5 час. утра, пришла въ Гассанъ-бейли только въ 10 часовъ вечера, а уже въ шестомъ часу утра войска пошли дальше ²⁾).

Наступленіе нашей арміи по направленію на Адрианополь произвело очень сильное впечатлѣніе на турокъ; въ письмѣ, подписанномъ священниками и почетными жителями Кирклиссы, такъ описывается это впечатлѣніе. «Сегодня (5-го августа) въ 2 часа наши получили со сторожевыхъ постовъ извѣстіе, что огромное количество русскихъ войскъ появилось въ окрестностяхъ д. Ерекли (Ереклеръ); вслѣдствіе этого тревога и смятеніе такъ сильно распространились среди турокъ, что они, побросавъ оружіе, бѣжали изъ города; черезъ часъ въ городѣ никого не было и всѣ бѣжали въ Люле-Бургасъ; остались только паши съ небольшою свитой, но они уже отправили пять или шесть пушекъ, которыя у нихъ были, свои палатки и обозъ.

«Теперь какъ разъ время, чтобы императорскія войска прибыли въ нашъ городъ, они не встрѣтятъ никакого сопротивленія. Мы получили свѣдѣніе, что въ Люле-Бургасъ прибылъ паша съ 8000 человекъ и мы боимся, чтобы онъ не заставилъ бѣглецовъ, которыхъ около 3000 человекъ, вернуться и вновь занять нашъ городъ» ³⁾).

Переходъ 5 августа. 5-го августа войска продолжали наступленіе, причѣмъ вся армія двигалась вдоль лѣваго берега Тунджи; хотя эта дорога была болѣе затруднительной, чѣмъ пролежавшая вдоль праваго берега рѣки, но ее пришлось избрать, чтобы имѣть

¹⁾ Мольтке (переводъ Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 172).

²⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7-го пѣхотнаго корпуса.

³⁾ В. У. А. № 2767, переводъ письма изъ Кирклиссъ отъ 5-го августа 1829 г.

со стороны праваго фланга прикрытіе на случай наступленія противника со стороны Филиппополя, а также для того, чтобы избѣжать переправу черезъ Тунджу близи Адрианополя.

Мѣстность къ югу отъ Папаскіоя имѣла болѣе пересѣченный и гористый характеръ, чѣмъ та, по которой войска двигались 4-го августа. Скалы всюду выходили на поверхность земли и движеніе по камнямъ, раскаленнымъ солнечными лучами, представляло большія затрудненія. Турки разрушили всѣ фонтаны, дающіе въ этихъ краяхъ путешественнику великую помощь и недостатокъ въ водѣ давалъ себя сильно чувствовать.

Во время движенія по этой пустынной, скалистой мѣстности наши войска страдали больше, чѣмъ при переходѣ черезъ Балканы ¹⁾. Зной былъ нестерпимый и лихорадки все болѣе распространялись, причемъ, по свидѣтельству Мольтке, жертвой этой болѣзни преимущественно дѣлались офицеры и въ особенности лица, состоявшія при главной квартирѣ арміи ²⁾.

Для перехода на 5-е августа, по арміи была отдана диспозиція, согласно которой войска должны были исполнить слѣдующее ³⁾.

1) Въ часъ ночи долженъ былъ выступить изъ Папаскіоя казачій полкъ Бакланова и идти въ Буюкъ-Дервентъ. Съ этимъ полкомъ должны были идти офицеры генеральнаго штаба, по два отъ 2 и 6 корпусовъ, подъ начальствомъ полковника Рокасовскаго, для выбора мѣстъ приваловъ и биваковъ.

2) Въ 3 часа утра должна была выступить 2 бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною № 4 ротой и донскою № 1 ротой, первый приваль—при Кучукъ-Дервентѣ, а второй въ Буюкъ-Дервентѣ. Послѣ часового привала въ Буюкъ-Дервентѣ, Бакланова полкъ долженъ былъ идти въ Ганли-Энеджи.

3) Въ 4 часа утра должна была выступить 5-я пѣх. дивизія—10 бат. ⁴⁾ и 24 пѣш. орудія; приваль у Кучукъ-Дервента, а ночлегъ у Буюкъ-Дервента.

4) Въ 5 час. утра должна была выступить 16-я пѣхотн. дивизія; приваль и ночлегъ—тамъ-же гдѣ 5-я дивизія.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича 9-го августа 1829 г., и Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я, стр. 173).

²⁾ Мольтке (переводъ Шильдера, ч. 2-я, гл. 4-я стр. 173). Замѣчательно, что эти самыя выраженія номѣщены во всеподдан. рапортѣ Дибича отъ 13-го августа 1829 г. № 2676, изъ Андрианополя [(В. У. А.) № 2708 (А)], что еще разъ доказываетъ, что Мольтке пользовался нашими официальными документами.

³⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 5 августа 1829 г., см. Прилож. № 19.

⁴⁾ Пожы: Шлиссельбургскій, Бѣлозерскій, Олонекскій, 9 и 10 егерскіе.

5) Въ 6 час. утра—главная квартира арміи.

6) Въ 8 час. утра—4-я уланская дивизія съ конною № 28 ротой; на маршѣ она должна была обогнать пѣхоту и на ночлегъ стать при Буюкъ-Дервентѣ. Съ этой дивизіей долженъ былъ слѣдовать и главнокомандующій съ главной квартирой.

7) 7-й корпусъ долженъ былъ выступить изъ Гассанъ-бейли въ 5 час. утра и, переправившись черезъ Тунджу, идти въ Буюкъ-Дервентъ.

Немедленно по полученіи диспозиціи, командиръ 7-го корпуса долженъ былъ выслать ген. Жирова съ двумя казачьими полками (Ильпна и Чернушкина) черезъ Буюкъ-Дервентъ до Ганли-Энеджи, гдѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться полкъ Бакланова и вмѣстѣ съ нимъ составить авангардъ подъ начальствомъ ген. Жирова. На переправѣ черезъ Тунджу у Гассанъ-бейли Ридигеръ долженъ былъ оставить 100 казаковъ для наблюденія за переправой и за теченіемъ р. Тунджи.

8) Стрелковой обозъ долженъ былъ идти при войскахъ, а тяжелый за соотвѣтствующими колоннами.

Такимъ образомъ 5 августа войска должны были сдѣлать отъ 25 (лѣвая колонна) до 30 верстъ (правая колонна), а казаки слишкомъ 40 верстъ; но не всѣмъ войскамъ удалось исполнить эти передвиженія, вслѣдствіе жары и дурной дороги, а именно 7-й корпусъ не дошелъ до Буюкъ-Дервента и остановился на ночлегъ у Кучукъ-Дервента.

Буюкъ-Дервентъ (что значить большой проходъ) представлялъ труднопроходимую тѣснину, но для обороны ея не оказалось ни одного турка.

6-го августа, въ день Преображенія, войска имѣли дневку на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ встали 5 августа вечеромъ.

Въ этотъ день генераль Жировъ выслалъ отрядъ казаковъ въ 200 челов. по дорогѣ на Адрианоуполь; этотъ отрядъ встрѣтилъ турецкую конницу силою около 600 всадниковъ, атаковалъ ее, опрокинулъ и преслѣдовалъ на протяженіи болѣе пяти верстъ; при этомъ казаки отбили одно знамя и взяли 44 человѣка въ плѣнъ. Затѣмъ казаки продолжали наступленіе къ Адрианоуполю и дошли до Арнауткіюя, отъ котораго оставалось до Адрианоуполя только около пяти верстъ.

Во время этого набѣга были собраны свѣдѣнія о положеніи Адрианоуполя, изъ которыхъ выяснилось, что въ городѣ имѣется гарнизонъ отъ 8 до 10 тыс. челов. и что тамъ было столько-же воору-

женных жителей; кромѣ того плѣнные показывали, что въ Адрианополь ежедневно поджидали прибытія подкрѣпленія въ 10,000 человекъ; къ укрѣпленію города было приступлено въ недавнее время.

Такимъ образомъ все указывало на то, что Адрианополь будетъ занятъ нами безъ особенныхъ усилій, до города оставалось какихъ нибудь 35 верстъ и армія двинулась 7 августа впередъ, чтобы пройти и этотъ послѣдній переходъ.

Переходъ 7 августа. Общая задача, которую войска получили на 7 августа была такъ изложена въ диспозиціи по арміи ¹⁾: «завтра, т. е. 7 августа, войска продолжаютъ маршъ къ Адрианополю».

Согласно этой общей задачѣ войска должны были исполнить слѣдующее:

1) Генеральтъ Жировъ долженъ былъ выступить изъ Ганли-Энеджи въ 5 час. утра съ двумя полками (Ильина и Чернушкина) и идти нагорною дорогою; полкъ Бакланова долженъ былъ идти изъ Ганли-Энеджи на Акбунаръ, правѣе нагорной дороги.

2) Войска 2-го корпуса должны были выступить изъ Буюкъ-Дервента въ 3 час. утра и слѣдовать черезъ Ганли-Энеджи по нагорной дорогѣ. Привалъ у раздѣленія дороги на Акбунаръ съ нагорной дорогой; такъ какъ въ этомъ мѣстѣ не было воды, то войска должны были взять ее съ собою. Мѣсто почлега не было указано въ диспозиціи.

3) Войска 6-го корпуса должны были выступить изъ Буюкъ-Дервента въ 4 часа утра и, пройдя Ганли-Энеджи, идутъ вправо черезъ Акбунаръ на Еникію (Енижкію). Привалъ былъ назначенъ тамъ-же гдѣ и 2-му корпусу и также слѣдовало войскамъ имѣть съ собою воду. Ночлегъ въ Еникію. Понтоны должны были идти съ 6 корпусомъ.

4) Главная квартира арміи должна была выступить изъ Буюкъ-Дервента въ 4^{1/2} час. утра и слѣдовать за 6-мъ корпусомъ. Отъ раздѣленія дорогъ—нагорной и на Акбунаръ—главнокомандующій предполагалъ идти со 2-мъ корпусомъ, а выюки главной квартиры должны были слѣдовать на Акбунаръ за 6-мъ корпусомъ.

5) Войска 5 корпуса должны были выступить изъ Кучукъ-Дервента въ 3 часа утра и слѣдовать черезъ Буюкъ-Дервентъ и до мѣста, гдѣ расходились дороги—нагорная и на Ганли-Энеджи, на Акбунаръ, гдѣ должны были ожидать приказанія для дальнѣйшаго движенія. Привалъ—при Буюкъ-Дервентѣ.

¹⁾ В. У. А. № 2904 (А). диспозиція на 7 августа 1829 г. Приложение № 20.

6) Всѣ обозы должны были остаться въ Буюкъ-Дервентѣ подъ начальствомъ командира Ладожскаго полка и подъ прикрытіемъ двухъ ротъ этого полка и жандармовъ.

Прибытіе арміи къ Адрианополю. Переходъ 7 августа былъ совершенъ безпрепятственно. Несмотря на утомленіе, невыносимую жару и большой переходъ около 35 верстъ, всѣ спѣшили впередъ, чтобы поскорѣ видѣть вторую столицу Турціи, занятіе которой должно было дать важные результаты. Уже на разстояніи нѣсколькихъ миль наши войска могли видѣть четыре высокихъ минарета великолѣпной мечети султана Селима, по поразительная картина древней столицы Оттоманской имперіи открылась передъ ихъ глазами только тогда, когда они уже совсѣмъ приблизились къ городу.

Насколько утомителенъ былъ этотъ послѣдній переходъ видно между прочимъ изъ того, что колонна Ридигера, выступивъ изъ Кучукъ-Дербента въ полночь на 7 августа, прибыла къ мѣсту назначенія только за 2 ч. до разсвѣта 8 августа, т. е. была въ движеніи болѣе сутокъ, причемъ во время этого перехода, вслѣдствіе удушливой, невыносимой жары, войска стояли на привалѣ до 7 часовъ вечера¹⁾.

Къ вечеру войска расположились къ сѣверу отъ города, въ разстояніи 2—3 верстъ отъ него; въ первой линіи сталъ 2-й корпусъ, упираясь правымъ флангомъ въ Тунджу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ на противоположномъ, правомъ берегу ея, возвышалось зданіе Эски-Сарая (старога сераля), а лѣвымъ—въ дорогу изъ Буюкъ-Дервента въ Адрианополь; здѣсь была высота, господствовавшая надъ всѣмъ пространствомъ до города; она была занята Шлиссельбургскимъ полкомъ.

Во второй линіи сталъ 6-й корпусъ, а въ третьей—7-й; близь этого корпуса расположилась и главная квартира арміи. 6-й и 7-й корпуса также упирались правымъ флангомъ въ правый берегъ Тунджи.

Казакъ генерала Жупрова заняли посты по высотамъ впереди позиціи 2-го корпуса, а полкъ Ильина доходилъ развѣздами до Константинопольской дороги.

И такъ въ ночь на 8-е августа наша армія стояла въ виду города, который не видѣлъ русскихъ войскъ со временъ Святослава.

Главнокомандующій, который прибылъ къ Адрианополю съ передовыми частями, выѣхалъ впередъ съ Толемъ, въ сопровожденіи небольшого конвоя, и началъ осматривать городъ и турецкія укрѣп-

¹⁾ В. У. А. № 2864, историческій журналъ дѣйствій 7 пѣхотнаго корпуса.

ленія. По совѣщаніи гр. Дибича съ Толемъ рѣшено было атаковать городъ на другой день, на разсвѣтъ 8 августа.

Описаніе Адрианополя. Съ перваго взгляда Адрианополь поражает своей красотой. Бѣлые минареты, купола мечетей, бани и караванъ-сарай возвышаются въ безчисленномъ множествѣ надъ безграничною массою плоскихъ крышъ и надъ широкими вершинами чинаръ. Великолѣпные каменные мосты переброшены черезъ рѣки, на которыхъ лежитъ городъ; паруса судовъ бѣлѣютъ на Марицѣ и золоченые полумѣсяцы блещутъ на всѣхъ мечетяхъ, возвышающихся среди темно-голубого неба.

На правомъ берегу Тунджи надъ мрачными кипарисами возвышаются башни стараго серая (эски-сарая), въ которомъ нѣкогда жили оттоманскіе властелины, когда они за 400 лѣтъ до появленія русскихъ подъ Адрианополемъ, замыслили покорить Византійскую имперію, между тѣмъ какъ теперъ подобная же участь грозила Оттоманской имперіи со стороны русскихъ. А вокругъ города всюду виднѣлись плодородныя поля и цѣлые лѣса фруктовыхъ деревьевъ.

Адрианополь расположенъ при слияніи трехъ рѣкъ — Марицы (древній Эвросъ), Тунджи и Арды; между долинами этихъ рѣкъ поднимаются высоты съ крутыми скатами, покрытыми фруктовыми садами и виноградниками и на нихъ же живописно раскинулся и самый городъ.

Здѣсь на самомъ возвышенномъ мѣстѣ красуется величественный куполь мечети Селима и высоко къ небу поднимаются стройные минареты этой мечети.

Самая древняя часть Адрианополя была окружена стѣною, но она была почти совершенно закрыта домами позднѣйшей постройки.

Внутри города, на берегу Тунджи, была старая, полуразрушенная цитадель, состоявшая изъ каменной стѣны съ каменными же башнями; но эти старыя укрѣпленія уже не имѣли никакого военного значенія.

Кромѣ мечети Селима и Эски-сарая, въ Адрианополѣ были еще слѣдующія значительныя зданія: арсеналь, литейный дворъ и великолѣпныя казармы на 10.000 человекъ, построенныя царствовавшимъ тогда султаномъ Махмудомъ II; затѣмъ мечеть Тапшыкъ, древнѣйшая въ городѣ, огромные водопроводы, построенные султаномъ Селимомъ II и пр.

Жителей въ городѣ считалось отъ 80 до 100 тысячъ человекъ; наполовину это были магометане, затѣмъ много грековъ, болгаръ

и пр. Они занимались разными ремеслами и вели довольно дѣятельную торговлю съ Греціей, Египтомъ, Италіей и Марселемъ, а также съ Одессой и Таганрогомъ.

Адріанопольскій паша занималъ въ Турціи первое мѣсто послѣ цареградскаго кадїа; греки имѣли здѣсь своего митрополита.

Въ историческомъ отношеніи Адріанополь замѣчательнъ тѣмъ, что нѣкогда онъ былъ главнымъ городомъ сѣверной Фракіи, нынѣшней Румеліи.

Въ IV столѣтіи онъ съ успѣхомъ выдержалъ нападеніе побѣдоносныхъ, но не искусныхъ въ осадѣ крѣпостей, готовъ, подъ предводительствомъ ихъ князя Фридигерна. Въ 970 году рать Святослава овладѣла Филипполемъ и подступила къ Адріанополю. Уже русскій князь грозно предупреждалъ византійскаго императора «не трудиться идти въ нашу (т. е. русскую) землю», обѣщая скоро придти къ стѣнамъ Византіи. Покореніемъ забалканской страны, взятіемъ Филиппополя и Адріанополя, намѣчалась новая промежуточная база въ борьбѣ за Византію, но историческая судьба судила иначе и Святославу пришлось отступить къ Дунаю.

Въ 1363 году султанъ Мурадъ I, прозванный побѣдителемъ и побѣдоносцемъ, желая расширить завоеванія, сдѣланныя въ Европѣ отцомъ его, Урханомъ, приказалъ своимъ полководцамъ Лалашахану и Хаджи-Илбеку штурмовать Адріанополь, между тѣмъ какъ онъ самъ съ отборнымъ войскомъ подошелъ къ нему со стороны Бургаса до Эски-Баба. Греческое войско было разбито и Адріанополь занятъ турками. При Магометѣ I Адріанополь былъ столицею османовъ до взятія ими въ 1453 году Царьграда. Съ тѣхъ поръ Адріанополь считался второй столицей Турціи и сохранилъ нѣкоторыя исключительныя права.

Въ стратегическомъ отношеніи онъ являлся весьма важнымъ пунктомъ какъ узелъ водяныхъ и первостепенныхъ сухопутныхъ сообщеній, а именно путей идущихъ отъ участка Дуная между Никополемъ и Сплистріей, дороги изъ Бѣлграда черезъ Софію и путей ведущихъ къ юго-западному берегу Чернаго и къ сѣвернымъ берегамъ Мраморнаго и Эгейскаго морей.

Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ города были воздвигнуты укрѣпленія; они состояли изъ рва между Тунджею и верхнею и нижнею Марицею, фланкированнаго нѣсколькими неоконченными батареями; часть этихъ батарей даже не была вооружена.

Нѣсколько вѣковъ совершенной безопасности и тишины до такой степени усыпили турокъ, что они не допускали и мысли о воз-

возможности появления русскихъ подъ стѣнами ихъ древней столицы. Гарнизонъ города состоялъ изъ 10,000 чел. регулярной пѣхоты, тысячи человекъ конницы и до двухъ тысячъ ополченія, собраннаго въ окрестностяхъ Адрианополя; сверхъ того въ немъ было отъ десяти до пятнадцати тысячъ хорошо вооруженныхъ жителей.

Мѣстность вокругъ города способствовала упорной оборонѣ, такъ какъ обложеніе города было крайне затруднительно, въ виду рѣкъ, раздѣлявшихъ его окрестности на секторы; окружающія горы высоты давали выгодныя позиціи обороняющемуся.

Таковы были свойства позиціи, которую намъ нужно было взять.

Положеніе нашей арміи Во всякомъ случаѣ положеніе незначительнаго русскаго отряда подъ Адрианополемъ было чрезвычайно затруднительное. Для окруженія города мы не имѣли достаточныхъ силъ, а исходъ рѣшительнаго штурма въ случаѣ упорной обороны, былъ сомнителенъ. Но появленіе нашихъ войскъ подъ Адрианополемъ, конечно, должно было произвести сильное нравственное впечатлѣніе на турокъ, а съ другой стороны это событіе должно было поднять духъ въ нашихъ войскахъ. Во всякомъ случаѣ было надъ чѣмъ призадуматься русскому главнокомандующему вечеромъ 7 августа 1829 года, русскому солдату, любовавшемуся вечеромъ 7 августа, дивной панорамой Адрианополя, позволительно было забыть всѣ испытанныя страданія и мечтать о хорошихъ квартирахъ и отдыхѣ.

Русскій главнокомандующій, которому извѣстна была обстановка и на которомъ лежала отвѣтственность, не могъ не знать, что здѣсь ожидаетъ его *или конецъ войны или начало тибели*.

Силы, которыми располагалъ Дибичъ для взятія Адрианополя состояли изъ 12,200 чел. пѣхоты, 4,300 конницы и 100 орудій ¹⁾.

Отдавъ необходимыя диспозиціи для атаки, Дибичъ отправилъ парламентаря къ каймакаму Мехмуду—пашѣ, который начальствовалъ надъ городомъ во время отсутствія Али-паши, занимавшаго мѣсто Абдурахмана-паши, съ обычнымъ предложеніемъ для сдачи города, предоставляя турецкимъ войскамъ свободное отступленіе, лишь только они отдадутъ знамена и оружіе. Срокъ отвѣта былъ назначенъ въ 4 часа утра 8 августа ²⁾.

Силы нашего отряда совершенно несоотвѣтствовали той задачѣ, которую предстояло рѣшить Дибичу, въ случаѣ необходимости пред-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича 9 августа 1829 года.

²⁾ Тамъ-же.



Вступленіє въ Адрианополь 8 августа 1829 года.

писать Портѣ мирныя условія съ оружіемъ въ рукахъ. И дѣйствительно, побѣды нами одержанныя не имѣли такого рѣшительнаго характера, чтобы уничтожить всѣ оборонительныя средства Оттоманской имперіи, а съ другой стороны, если бы мы остановились или даже стали бы дѣйствовать съ нѣсколько излишней осторожностью, то этимъ дали-бы туркамъ возможность подготовиться къ оборонѣ и оправиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на нихъ нашимъ появленіемъ подъ Адрианополемъ.

Такимъ образомъ нельзя не сказать, что Дибичъ основательно рѣшилъ, что въ его положеніи самое отважное рѣшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и самымъ цѣлесообразнымъ, ибо онъ очутился въ такихъ условіяхъ, *когда такъ называемое благоразуміе есть зачастую не больше, какъ малодушіе, а безумная, повидимому, рѣшимость является самымъ разумнымъ и осторожнымъ поступкомъ* ¹⁾.

Поэтому дѣйствія Дибича слѣдуетъ признать смѣлыми и разумными, когда онъ, пользуясь непогими недѣлями оставшагося благоприятнаго времени года, рѣшился исполнить съ остатками своей арміи хотя-бы только для вида, такія предпріятія, которыя при другихъ обстоятельствахъ требовали бы новой кампаніи и новой арміи.

Положеніе турокъ въ Адрианополѣ. Каково было положеніе турокъ въ Адрианополѣ?

Считая появленіе нашихъ войскъ подъ Адрианополемъ совершенно невѣроятнымъ событіемъ, турки почти ничего ни сдѣлали, чтобы подготовиться къ оборонѣ этого важнаго пункта. Какъ мы уже видѣли, укрѣпленія не были окончены, гарнизонъ былъ силою только около 13 т. человѣкъ (10 т. регулярн. пѣхоты, 1,000 регулярной конницы и 2,000 ополченія); но сверхъ того въ городѣ было около 15,000 человѣкъ хорошо вооруженныхъ жителей, да кромѣ того около половины жителей, т. е. примѣрно тысячъ 40, были мусульмане, которымъ предстояло защищать здѣсь свое имущество, своихъ женъ и свою вѣру.

Такимъ образомъ турки могли организовать оборону города, обратившись къ содѣйствію вооруженныхъ жителей и приведя въ оборонительное состояніе рвы, ограды садовъ и укрѣпивъ окружающія городъ высоты.

Но безпечность турокъ въ связи съ быстротою наступленія нашей арміи изъ Сливно, привели къ тому, что турецкіе паша не при

¹⁾ М. Драгомировъ, учебникъ Тактики, изд. 1879 года.
очеркъ похода.

няли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ къ оборонѣ города. Если же оборона Адрианополя не входила въ намѣренія турокъ, то непонятно почему они не совершили своевременно отступленія; однимъ словомъ они распорядились такъ, какъ будто они желали передать безъ выстрѣла трофеи и средства, собранные въ Адрианополь. Путь отступленія къ Константинополю былъ совершенно открытъ до вечера 8 августа, оставаться же при такихъ обстоятельствахъ въ Адрианополь, какъ бы для того, чтобы заключить капитуляцію казалось дѣломъ совершенно не вѣроятнымъ, а между тѣмъ именно послѣднее то и случилось.

Объясненіе этого факта слѣдуетъ искать не только въ безопасности турецкихъ начальниковъ въ Адрианополь и нравственномъ впечатлѣніи нашего неожиданнаго прибытія, но и въ другихъ обстоятельствахъ.

Хотя два года войны съ Россіей и не привели къ сокрушенію всѣхъ оборонительныхъ средствъ Турціи, но событія эти вызвали къ дѣйствию разрушительныя начала, которыя съ этого времени, болѣе чѣмъ успѣхи нашей арміи, понуждали турокъ къ бездѣятельности, а затѣмъ привели ихъ къ заключенію невыгоднаго для нихъ мира.

Недовольство военными реформами султана Махмуда среди арміи и мусульманъ вообще, сочувствіе къ намъ христіанскихъ подданныхъ султана, исключеніе райевъ изъ участія въ оборонѣ имперіи, что лишило турецкую армію большаго числа рекрутъ, ослабленіе народнаго вооруженія и наконецъ непокорность пашей, управлявшихъ отдаленными отъ центра имперіи областями, а также вліяніе европейской дипломатіи—вотъ причины слабого сопротивленія турокъ, какъ подъ Адрианополемъ, такъ и вообще въ концѣ похода 1829 года.

Переговоры о сдачѣ Адрианополя. Вечеромъ 7 августа не успѣлъ Дибичъ вернуться въ лагерь послѣ обозрѣнія Адрианополя, какъ на передовые посты наши явились посланные отъ пашей Ибрагима и Галилия и Шефикъ-Али-Мехмета-паши адрианопольскаго, а также отъ городскихъ старшинъ съ предложеніемъ о сдачѣ города. Въ то же время въ нашу главную квартиру прибыли лица, тайно высланные православнымъ духовенствомъ. Турецкіе уполномоченные заявили о согласіи сдать городъ, но при условіи свободнаго отступленія войскъ.

Графъ Дибичъ не могъ желать для себя ничего лучшаго. Онъ объявилъ, что согласенъ исполнить просьбу турокъ и послалъ въ Адрианополь д. с. с. Фонтана съ требованіемъ, чтобы всѣ турецкія

войска положили оружіе, сдали знамена, пушки, всѣ военные и продовольственные запасы и вообще все принадлежавшее турецкому правительству имущество.

Только на этихъ условіяхъ пашамъ разрѣшалось свободное отступление съ ихъ войсками, но не по константинопольской дорогѣ, а къ Филиппополю или къ Демотикѣ. Со своей стороны Дибичъ обѣщалъ жителямъ неприкосновенность ихъ личности и имущества, а также свободное отправленіе богослуженія.

Эти условія были предъявлены туркамъ въ 7 час. вечера и срокомъ для ихъ принятія было назначено 9 часовъ, т. е. турки должны были дать отвѣтъ въ 4 час. утра 8 августа. Но сераскиръ Галиль-паша, Ибрагимъ-паша и каймакамъ просили дать имъ отсрочку на недѣлю или покрайней мѣрѣ на три дня, такъ какъ они ссылались на необходимость просить приказанія изъ Константинополя. Фонтонъ отказалъ имъ наотрѣвъ, но донесъ объ этой просьбѣ Дибичу, который согласился дать отсрочку до 9 час. утра 8 августа, потому что раньше этого часа онъ не считалъ возможнымъ двинуть войска для рѣшительной атаки ¹⁾. При этомъ Дибичъ поручилъ Фонтону объявить пашамъ, что если къ 9 час. утра 8 августа условія не будутъ приняты и договорныя статьи не будутъ подписаны военными и гражданскими властями Адрианополя, то наша армія немедленно начнетъ приступъ города. Такой короткій срокъ для принятія нашихъ условій и угроза были совершенно необходимы, такъ какъ паши, потерявшіе голову, могли опомниться; слабость нашихъ силъ, пока, для турокъ была еще тайной. Къ тому же, если-бы Адрианополь не сдался къ слѣдующему утру, то намъ предстояло начать штурмъ города, чтобы дальнѣйшимъ бездѣйствіемъ не обнаружить слабость своихъ силъ. Между тѣмъ при упорномъ сопротивленіи со стороны турокъ, штурмъ Адрианополя вѣроятно кончился бы неудачей, ибо даже послѣ занятія подступовъ къ городу, нашъ малочисленный отрядъ почти потерялся бы среди лабиринта улицъ города, имѣвшаго около 15 верствъ въ окружности.

Грабежь, пожары и безчинства всякаго рода сдѣлались бы тогда неизбежными и вызвали бы самыхъ миролюбивыхъ жителей къ сопротивленію.

Диспозиція на 8-е августа.

На случай боя 8-го августа, по арміи была отдана слѣдующая диспозиція ²⁾.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича 9 августа 1829 года.

²⁾ В. У. А. № 2904 (А), диспозиція на 8 число августа 1829 г., № 54. Приложеніе № 21.

«Диспозиція на 8 число августа 1829 г.

«Завтра, т. е. 8 числа, къ 5 час. утра всѣмъ войскамъ быть готовымъ къ сраженію. Войска выступаютъ двумя колоннами слѣва:

«Правая или передовая колонна идетъ лѣвымъ флангомъ и состоитъ изъ 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллерією, за нею слѣдуетъ 16-я пѣхотная дивизія съ ея артиллерією.

«При сей колоннѣ будетъ самъ господинъ главнокомандующій.

«Артиллерія всѣхъ колоннъ размѣщается поротно между полками бригады. Лѣвая или задняя колонна состоитъ изъ одной кавалеріи съ принадлежащею къ ней конной артиллерією и донской конной ротой № 1 и состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ г. начальника главнаго штаба арміи. Колонна сія идетъ правымъ флангомъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

«2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною ротою № 4 и 4-мя орудіями конной роты № 3-го, донской конной роты № 1, потомъ 1-я бригада 4-й уланской дивизіи, конной ротою № 28 и наконецъ 2-я бригада 4-й уланской дивизіи.

«За каждую колонною для каждаго полка, слѣдуетъ по одной лаваретной фурѣ.

«Всѣмъ войскамъ снабдить себя водою въ манеркахъ, и не отягощать артиллерією сѣномъ, которое оставить въ лагерномъ расположеніи.

«Правую колонну поведетъ генераль-квартирмейстеръ арміи, а лѣвой колоннѣ, слѣдующей черезъ деревню Арнауть-Кіюй, покажетъ дорогу капитанъ надъ вожатыми генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Фонтонъ и когда сія колонна пройдетъ деревню Арнауть-Кіюй тогда главнокомандующій дастъ ей дальнѣйшее направленіе, и потому остается она во все время сраженія въ его распоряженіи.

«Казакъ генераль-маіора Жирова получаютъ назначеніе отъ г. главнокомандующаго. 7-й пѣхотный корпусъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ридигера составляетъ резервъ арміи и первоначально занимаетъ позицію на правомъ флангѣ арміи, которую покажетъ штабсъ-капитанъ Венцель. Отъ сего мѣста 7-й корпусъ получитъ дальнѣйшее направленіе отъ г. главнокомандующаго армією. Бакланова полкъ остается при 7 корпусѣ. Всѣ войска выступаютъ въ 5 час., исключая 7-го пѣхотнаго корпуса, который къ 6 час. занимаетъ свою позицію.

«Генераль-маіоръ Коленъ съ полками Симбирскимъ и Муромскимъ присоединяется къ 6-му пѣхотному корпусу, давъ нужнаго отдыха войскамъ на рѣкѣ Тунжѣ.

«Главная квартира остается на своемъ мѣстѣ при Чиѣликѣ впредь до приказанія.

Г. М. Бергъ.

Приведемъ подробный составъ каждой колонны и численность ихъ.

Правая колонна: Ген.-лейт. Ротъ.

5-я пѣхотная дивизія	10 бат. — 4482 ч.	Ладожскій полкъ при главной квартирѣ и обозѣ.
16-я " "	10 бат. — 3360 "	
5-я артилерійская бригада	24 ор. — 382 "	
16-я " " "	24 ор. — 352 "	
Къ этой колоннѣ присоединились 7-й		
пѣхотн. див. Муромскій п. — 1 бат.		
Симбирскій п. — 2 бат.		

23 бат. и 48 ор., силою 7842 ч.

Лѣвая колонна: Ген.-ад. гр. Толь.

2-я бриг. 2-й гусарской див.	8 эск. — 871 ч.
4-я уланская дивизія	16 эск. — 1930 "
4 орудія конной № 3 роты	4 ор. — 68 "
Конная № 4-го рота	8 ор. — 141 "
Конная № 28 рота	8 ор. — 155 "
Донская рота № 1	12 ор. — 213 "

24 эск. и 32 ор., силою 2801 ч.

Резервъ—7-й корпусъ: Ген.-лейт. Ридигеръ.

18 пѣх. див. (Вятскій, Уфимскій, Пермскій и 36 егерскій полкъ) ¹⁾	8 бат. — 4374 ч.
3-я бриг. 19-й пѣх. див. (37 и 38 егерскіе полки)	4 бат. — 2019 "
Батарейная № 1 и легкая № 3 роты 18 артилерійск. бриг. 16 ор.	— 234 "
4 орудій бат. № 1 и 6 орудій легкой № 2 роты 19-й артилерійской бригады	10 ор. — 135 "
2-я бригада Вугской уланской дивизіи	12 эск. — 1531 "
Бакланова казачій полкъ	159 "
4 ор. конной № 27 роты	4 ор — 74 "

12 бат., 30 ор., 12 эск., 6393 ч. пѣх., 1690 чел. кон.

Отрядъ ген.-маіора Жирова.

Казачій полкъ Ильина	284 ч.
" " Чернушкина	371 "

Всего: 35 бат., 74 пѣш ор., 36 эск., 36 кон. ор., 3 каз. п.

Силою: 14,215 чел. пѣх., 5,146 чел. кон. и 1,754 чел. ортил.

Около 14,000 пѣх., 5,000 конницы и 110 орудій ²⁾.

¹⁾ Казанскій полкъ въ Базарджикѣ, а 35 егерскій и 8 орудій еще въ походѣ.

²⁾ В. У. А. № 2855 и 2889, вѣдомость подписанная г. м. Бергомъ. Приложение № 22, Дибичъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 9-го августа изъ Адрианополя (В. У. А. № 2895 (а), считаетъ, что у него было 8-го августа 12,200 чел. пѣхоты, 4,500 леш. и 100 ор., но изъ самаго текста письма видно, что эти цифры приблизительныя. Впрочемъ необходимо отмѣтить, что и вѣдомости, составленныя Бергомъ, также едва-ли даютъ совершенно вѣрныя данныя; такъ напр., нѣкоторыя части показаны въ одинаковомъ составѣ въ дѣлѣ¹⁾ подъ Сливной 31-го іюля и при занятіи Адрианополя 8-го августа, хотя и указано, что свѣдѣнія составлены по новѣйшимъ донесеніямъ; а между тѣмъ между 31 іюля и 8 августа были потери, а прибыли не было.

Для того, чтобы отрезать путь отступления турокъ въ Константинополь былъ отправленъ черезъ Кирклиссу къ Люле-Бургасу отрядъ генераль-лейтенанта барона Будберга силою въ 2,000 челов., состоявшій изъ гусарскаго полка Эрцгерцога Фердинанда и 4 орудій.

Наши войска провели ночь на 8-е августа подъ ружьемъ и въ тревожномъ настроеніи. Въ городѣ слышно было движеніе и господствовало безпокойство, а въ темпотѣ южной ночи мелькалъ свѣтъ факеловъ и фонарей, переносимыхъ съ одного мѣста на другое. Къ пяти часамъ утра войска наши готовы были выступить согласно диспозиціи. Ровно въ 5 час. утра войска двинулись впередъ; но едва они успѣли тронуться съ мѣста, какъ въ 5¹/₄ час. парламентареры объявили, что они готовы подчиниться предложеннымъ условіямъ, но съ просьбою оставить оружіе пашамъ и старшимъ офицерамъ, на что Дибичъ охотно согласился ¹⁾.

Въ тоже время турецкія войска бросали ненавистныя имъ ружья со штыками и покидали укрѣпленія, несмотря на то, что договоръ о сдачѣ города еще не былъ подписанъ. Такимъ образомъ мы заняли безъ боя непріятельскую позицію впереди города.

Когда войска наши приблизились къ передовымъ укрѣпленіямъ, то на встрѣчу имъ вышли изъ города большія толпы народа, дружелюбно встрѣчавшія насъ.

Между встрѣчавшими находилось много солдатъ регулярныхъ войскъ, безъ оружія, и много офицеровъ, вооруженныхъ и невооруженныхъ, которые пришли изъ любопытства.

Въ это время, т. е. около 7 час. утра, къ Дибичу прибылъ еще турецкій парламентареръ, вручившій ему пакетъ, въ которомъ лордъ Гордонъ и гр. Гильемино просили отправить два пакета англійскому и французскому посланникамъ въ Петербургъ и предупредили о предстоящемъ пріѣздѣ въ русскую главную квартиру прусскаго посланника ген. Мюффлинга; больше въ этомъ письмѣ ничего не заключалось. Турецкія же власти, придавая этимъ бумагамъ другое значеніе и рассчитывая на посредничество, просили передать Дибичу, что они получили извѣстіе объ окончаніи переговоровъ съ Греціей и что турецкіе уполномоченные уже находятся въ пути; поэтому они полагали, что Дибичъ найдетъ излишнимъ занимать городъ за нѣсколько дней до заключенія мира. Дибичу показалось сомнительнымъ увѣреніе, что турецкое правительство

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича 9-го августа 1829 г.

уже выслало уполномоченных для мирных переговоров и онъ приказалъ сказать пашамъ, что онъ не остановитъ войска и чтобы яснѣе подтвердить сказанное, онъ приказалъ пѣхотѣ наступать и остановиться въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города. Вскорѣ отъ пашей было получено извѣстіе, что въ 9 час. утра они сдадутъ городъ. И дѣйствительно въ 10 час. утра Дибичъ получилъ ключи отъ Адрианополя (собственно отъ цитадели, такъ какъ городъ не имѣлъ воротъ) изъ рукъ каймакама и Али-паши (командовавшій турками въ Дервишкію). Сераскиръ Галиль и Ибрагимъ-паша (бывшій комендантъ Тульчи) успѣли заставить большую часть солдатъ регулярной пѣхоты въ числѣ отъ 3 до 4000 чел., бывшихъ въ городѣ, положить оружіе; это были остатки полковъ разбитыхъ и разбѣянныхъ нами на Камчикѣ, при Мизември, Айдосѣ и Ямболи. Часть этихъ войскъ бросилась бѣжать по константинопольской дорогѣ, но они были остановлены кавалеріей генерала Крейца, который ихъ обезоружилъ и, продержавъ нѣсколько часовъ, отправилъ по дорогѣ въ Демотику ¹⁾).

Такимъ образомъ занятіе Адрианополя совершилось самымъ мирнымъ образомъ; паши привѣтствовали Дибича и онъ вступилъ въ Адрианополь около 10 час. утра, какъ въ дружественный городъ, въ которомъ произошла только смѣна гарнизона.

Сложивъ оружіе, турецкія войска проходили мимо нашихъ войскъ, удаляясь изъ города. Тотчасъ по занятіи города, часть нашей конницы была выдвинута по константинопольской дорогѣ и не позволяла толпамъ безоружныхъ турокъ отступать по ней. 2-й корпусъ, пройдя городъ, сталъ передъ воротами на константинопольской дорогѣ; 6-й корпусъ занялъ дорогу въ Кирклиссу, а 7-й корпусъ занялъ великолѣпныя казармы, построенныя на 10,000 человекъ султаномъ Махмудомъ; казармы эти находились у сѣверо-западной окраины города, въ углу образуемомъ теченіемъ Тунджи и верхней Марицы, недалеко отъ стараго серала. Отрядъ войскъ отъ 7-го корпуса былъ выдвинутъ по дорогѣ къ Филиппополю. Главнокомандующій занялъ зданіе стараго серала, приготовленное для приѣма султана.

Трофеями нашими были—25 знаменъ, 8 бунчуковъ, 58 орудій, нѣсколько тысячъ ружей и значительные запасы всякаго рода.

Войска наши въ Адрианополь хорошія квартиры, множество палатокъ и къ услугамъ арміи были всѣ средства, представляемая большимъ городомъ для снабженія и содержанія войскъ.

¹⁾ В. У. А. № 2895, (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича 9-го августа 1829 г.

Наконецъ къ этому надо прибавить сильное нравственное впечатлѣніе, которое должно было произвести занятіе Адрианополя въ Европѣ, въ Константинополѣ и въ нашихъ войскахъ.

11-го августа ¹⁾ было отслужено на городской площади торжественное молебствіе и былъ принятъ рядъ мѣръ для управленія городомъ и поддержанія въ немъ порядка.

Гражданскимъ губернаторомъ былъ оставленъ каймакамъ—Мехметъ-паша, бывший начальникомъ города во время турецкаго владычества. Мечети и общественныя зданія охранялись русскими караулами, торговля и всѣ вообще занятія жителей продолжались обычнымъ порядкомъ, какъ и въ мирное время и спокойствіе въ городѣ было полное.

Въ тотъ же день, 8-го августа, вечеромъ, генераль Будбергъ занялъ Кирклиссу, а 9-го августа онъ занялъ Люле-Бургасъ.

9-го августа Дибичъ донесъ Государю о занятіи Адрианополя и послалъ при этомъ донесеніи ключи отъ второй столицы Турціи ²⁾.

Радость Государя при полученіи извѣстія о занятіи Адрианополя была чрезвычайная.

«Послѣ семнадцати тревожныхъ дней Я получилъ вчера, любезный другъ, писалъ Государь, ваше неподобное письмо, отъ 9-го числа, изъ *Адрианополя*. Да будетъ тысячекратно благословенъ Господь за эту новую милость. Вы же примите мою живѣйшую и искреннѣйшую признательность за блестящій и прочный результатъ, достигнутый благодаря превосходнымъ вашимъ распоряженіямъ и точнымъ ихъ исполненіемъ. Имя ваше, любезный другъ, отнынѣ навсегда принадлежитъ исторіи и оно прославитъ наши военныя лѣтописи» ³⁾.

Необходимо отмѣтить, что фельдъегерь, который везъ это извѣстіе, прибылъ въ Петербургъ только 28-го августа, выѣхавъ изъ Адрианополя 9 августа, между тѣмъ какъ фельдъегеря проѣзжали тоже разстояніе иногда въ 14 сутокъ, а одинъ прикатилъ въ 9 сутокъ. Вслѣдствіе опозданія этого курьера, государь не имѣлъ извѣстій отъ Дибича въ теченіе 17 дней и очень безпокоился. Между тѣмъ еще до пріѣзда этого фельдъегеря въ Петербургъ уже были

¹⁾ У Мольтке ошибочно сказано, что молебствіе было 9-го августа; въ журн. дѣйствій 7-го корпуса (В. У. А. № 2864) указано, что молебствіе было 11-го августа.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшій рапортъ Дибича отъ 9-го августа 1829 г., изъ Адрианополя.

³⁾ В. У. А. № 2895 (а). императоръ Николай—гр. Дибичу 28-го августа 1829 г., изъ Царскаго села.

получены черезъ Одессу свѣдѣнія о занятіи Адрианополя. «Государь, писалъ Чернышевъ Дибичу 28 августа ¹⁾, приписывалъ ваше молчаніе перерыву вашихъ сообщеній между Балканами и Дунаемъ или захвату курьера въ горахъ; оба предположенія чрезвычайно тревожили Его Величество, въ особенности въ настоящее время, когда ваши депеши такъ важны, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Безпокойство Государя во время вашего молчанія было такъ велико, что Его Величество уже приказалъ мнѣ подумать о сформированіи у графа Витта кавалерійскаго отряда изъ дивизіи уланъ и полка казаковъ, чтобы освѣтить и очистить оба берега Дуная до Силистріи, въ предположеніи, что ваши сообщенія прерваны; въ настоящее время мы на этотъ счетъ успокоились, но Его Величество приказалъ мнѣ предложить Киселеву и Красовскому писать мнѣ частныя письма, единственно для того, чтобы увѣдомлять меня о томъ, что можетъ случиться въ будущемъ новаго или важнаго у нихъ. Сознавая на сколько такая переписка деликатна, я старался такъ написать имъ, чтобы они поняли дѣйствительное значеніе ея; посылаю вамъ копію съ одного изъ этихъ писемъ и надѣюсь, что вы одобрите содержаніе его и что это не будетъ имѣть неудобныхъ послѣдствій; за этимъ я буду слѣдить особеннымъ образомъ» ²⁾).

Дибичъ былъ крайне недоволенъ такимъ распоряженіемъ и отвѣтилъ Чернышеву, что рѣшительно не допустилъ-бы такого нарушенія принципа подчиненности. «Единственное дѣйствительное средство, писалъ Дибичъ ³⁾, избѣжать вредныхъ послѣдствій подобныхъ отношеній, испросить у государя, какъ милость, отдать приказаніе этимъ корпуснымъ командирамъ, чтобы они посылали мнѣ копіи съ этихъ писемъ и чтобы вы не иначе отвѣчали имъ какъ черезъ меня, *не обращая вниманія на потерю времени, что не составляетъ ничего сравнительно съ потерей принципа*».

Когда письмо Дибича къ Чернышеву было доложено Императору Николаю, то онъ приказалъ отмѣнить свое распоряженіе и въ тоже время приказалъ сообщить Дибичу, «что Его Величество совершенно раздѣляетъ его мнѣніе относительно неумѣстности и даже опасности переписки его подчиненныхъ непосредственно съ главнымъ

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 28 августа 1829 года изъ Царскаго Села.

²⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 29 августа 1829 года, изъ Царскаго Села.

³⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву отъ 12 сентября 1829 года, изъ Адрианополя.

штабомъ и что Его Величество никогда бы не нарушилъ этого принципа безъ той чрезвычайной причины, заключающейся въ неполученіи извѣстій отъ главнокомандующаго въ теченіе 17 дней».

На этомъ эпизодъ этотъ закончился; Киселевъ и Красовскій писали Чернышеву каждый по одному разу ¹⁾).

Занявъ Адрианополь, Дибичъ рѣшилъ выдвинуть ген. Будберга въ Визу и очистить дорогу въ Мидію, куда онъ предлагалъ адмиралу Грейгу прибыть съ флотомъ. Послѣ прибытія резервовъ, назначенныхъ для 5-й пѣхотной дивизіи, онъ предполагалъ послать ихъ съ графомъ Паленомъ въ Кирклиссу. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ подготовить новую линію для снабженія арміи запасами моремъ черезъ Мидію. По направленію къ Константинополю Дибичъ рѣшилъ занять Люле-Бургасъ, а далѣе выдвинуть только казаковъ. Затѣмъ онъ рѣшилъ подтянуть къ Адрианополю все, что было возможно, и заняться организаціей управленія краемъ ²⁾).



¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 27 сентября 1829 г. изъ С.-Петербурга. Въ этомъ письмѣ Чернышевъ пишетъ, что Киселевъ не писалъ ни разу; но это не вѣрно, такъ какъ Киселевъ писалъ однажды, именно 20 сентября (В. У. А. № 2708 (А), но дѣло въ томъ, что очевидно Чернышевъ 27 сентября этого письма еще не получалъ.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 августа 1829 года.



ГЛАВА 5.

Русскіе въ Адрианополѣ.

Начало переговоровъ о мирѣ.—Положеніе нашей арміи въ Адрианополѣ.—Свѣдѣнія о неприятелѣ.—Предположенія Дибича о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашей арміи.—Мнѣніе Дибича о веденіи мирныхъ переговоровъ.—Мнѣніе Императора Николая о веденіи переговоровъ.—Проектъ Дибича о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ случаѣ упорства турокъ.—Мнѣніе Императора Николая о занятіи Константинополя.—Могъ-ли Дибичъ взять Константинополь въ половинѣ августа 1829 года.—Очеркъ жѣстности между Адрианополемъ и Константинополемъ.—Описаніе Дарданеллъ.—Описаніе Константинополя.—Описаніе Босфора.—Заключеніе о военномъ значеніи Константинополя.—Отношеніе посланниковъ западно-европейскихъ державъ въ Константинополь къ мирнымъ переговорамъ. Приѣмъ Дибичемъ турецкихъ уполномоченныхъ.—Первое засѣданіе о мирныхъ переговорахъ.—Второе засѣданіе.—Продолженіе военныхъ дѣйствій.—Возобновленіе переговоровъ.—Подписаніе мира.—Содержаніе адрианопольскаго договора.—Турки медлятъ ратификовать договоръ.—Ратификація мира—Сдача Журжи.—Выступленіе Дибича изъ Адрианополя.—Посольство графа Орлова въ Константинополь.—Манифестъ объ окончаніи войны и награды.

Начало переговоровъ о мирѣ. Тотчасъ по занятіи Адрианополя Дибичу пришлось начать дипломатическія сношенія съ представителями иностранныхъ державъ въ Константинополь, явившимися посредниками между русскимъ главнокомандующимъ и Портою.

О началѣ этихъ переговоровъ Дибичъ писалъ Государю 9-го августа ¹⁾.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 года (второе письмо въ этотъ день).

«Всемиловѣйшій Государь! Въ то время, какъ я описывалъ еще въ моемъ письмѣ событія войны, я получилъ одно официальное письмо, а другое частное, отъ генерала Мюффлинга ¹⁾ чрезъ поручика прусскаго генеральнаго штаба Клера и письмо отъ лорда Гордона и графа Гильемино. Въ нихъ сообщаютъ мнѣ рѣшеніе Порты прислать полномочныхъ съ предложеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ нота Нессельроде, но опущены два главныхъ пункта, а именно вознагражденія правительства, о которомъ они даже не упоминаютъ, и пострадавшей торговли; относительно этого они предлагаютъ снестись послѣ съ Константинополемъ.

«Такъ какъ я долженъ тщательно перечитывать эти депеши и въ особенности сообразить хорошенько отвѣтъ, и къ тому же Фонтонъ, къ несчастію, боленъ, равно какъ и двѣ трети моей главной квартиры, то, не желая задерживать курьера, и безъ того промедлившаго уже цѣлые сутки, я отправлю съ фельдъегеремъ всѣ эти бумаги и мой отвѣтъ графу Нессельроде черезъ два дня или самое большое черезъ три дня.

«Но считаю долгомъ прежде всего сказать Вашему Величеству, что, придерживаясь смысла данныхъ мнѣ инструкцій, буду, насколько возможно, самымъ вѣжливымъ образомъ избѣгать всякаго посторонняго вмѣшательства, несогласнаго съ приказаніемъ Вашего Императорскаго Величества. Я уже просилъ и снова буду просить, чтобы намъ прислали уполномоченныхъ для переговоровъ по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ нотѣ графа Нессельроде и неуклонно буду слѣдовать инструкціямъ, если не получу новыхъ. Мнѣ было бы весьма желательно, чтобы наши уполномоченные прибыли какъ можно скорѣе; я о нихъ не имѣю никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ того, что

¹⁾ Прусскій генералъ Мюффлингъ еще въ началѣ августа прибылъ въ Константинополь, посланный туда королемъ прусскимъ, съ согласія Императора Николая, съ тою цѣлью, чтобы увѣрить Порту въ готовности Россіи начать переговоры о мирѣ. Рѣшеніе послать Мюффлинга въ Константинополь, съ цѣлью быть посредникомъ между Россіей и Турціей, было принято еще до побѣды при Кулевчѣ, но, вслѣдствіе тогдашнихъ условій сообщенія, Мюффлингъ прибылъ въ Константинополь только въ началѣ августа, когда мы шли уже на Андрианополь и когда собственно уже посредничество его не было нужно, такъ какъ турки, устрашенные нашими успѣхами, сами поторопились начать переговоры. Вотъ что писалъ Чернышевъ Дибичу о миссіи Мюффлинга (В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 28-го августа 1829 г. изъ Царскаго Села): «По моему мнѣнію миссія Мюффлинга теперь несвоевременна и можетъ дать туркамъ ложныя надежды; когда онъ выѣхалъ изъ Берлина не было ни славной битвы при Кулевчѣ, ни перехода черезъ Балканы, ни одного изъ вашихъ блестящихъ подвиговъ».

Повидимому, Мюффлингъ имѣлъ обширныя полномочія отъ Императора Николая по части веденія мирныхъ переговоровъ съ турками: послѣ войны онъ получилъ орденъ Владимира 1 ст. за то, что сумѣлъ убѣдить Порту въ опасности ея положенія и тѣмъ заставилъ ее начать переговоры. (Paul Sacroix, Histoire de Nicolas I, t. IV, p. 229 et 356).

графъ Паленъ долженъ выхъать изъ Одессы въ концѣ истекшаго мѣсяца. Фонтонъ, который заслуживаетъ полнаго довѣрія за его усердіе и искусство, достойныя величайшихъ похвалъ, будетъ руководить пока переговорами съ турецкими уполномоченными, если только они прійдутъ раньше. Рѣшительные переговоры, веденные на военный ладъ, представляются мнѣ все болѣе и болѣе вѣроятными, принимая во вниманіе, что турецкой арміи между нами и Константинополемъ больше не существуетъ, что армія подъ Шумлою есть ни что иное, какъ мѣстный гарнизонъ, недостаточный для обороны, что султанъ имѣетъ только 8 баталіоновъ въ Рамизъ-Чифликъ, что турки вездѣ высказываютъ недовольство султаномъ, а довольны поведеніемъ нашихъ войскъ; наконецъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что тоже настроеніе господствуетъ и въ Константинополѣ.

«Я только что получилъ письмо изъ Тырнова отъ делегатовъ великаго визиря, которые объявляютъ себя уполномоченными для веденія мирныхъ переговоровъ; я приглашаю ихъ сюда и попрошу изложить ихъ полномочія.

«Простите, Государь, если мое письмо относительно военныхъ дѣйствій будетъ написано рукою Чевкина, которому, слава Богу, гораздо лучше. Толь очень изнуренъ; по своему усердію онъ не обратилъ вниманія на свое крайнее утомленіе. Палену лучше, но онъ также еще очень слабъ. Они повергаютъ себя къ стопамъ Вашего Величества».

Положеніе нашей арміи въ Адрианополѣ. Занявъ Адрианополь, Дибичъ, въ первое, по крайней мѣрѣ, время, не думалъ о продолженіи рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій и ограничился выдвиженіемъ отрядовъ въ Кирклису, Визу и Мидію для связи съ эскадрой адмирала Грейга и въ Люле-Бургасъ—по направленію къ Константинополю. Отрядъ, посланный въ Люле-Бургасъ, долженъ былъ остановиться тамъ и выдвинуть впередъ, къ Константинополю, только казаковъ. Тотчасъ по занятіи Адрианополя, Дибичъ полагалъ, что это событіе произведетъ такое сильное впечатлѣніе на турокъ, что они не замедлятъ просить о мирѣ на выгодныхъ для насъ условіяхъ.

Съ другой стороны и силы, которыми располагалъ Дибичъ, были на столько незначительны, что до прибытія подкрѣпленій, трудно было предпринять что нибудь рѣшительное.

Въ день занятія Адрианополя, 8 августа, въ него вступило слѣдующее число войскъ ¹⁾.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 года изъ Адрианополя.

2-го пѣхотнаго корпуса.

5 полковъ 5-ой пѣх. дивизіи ¹⁾ 4000 челов.
5 артилерійской бригады 24 оруд.
2-я бригада 2-й гусурской дивизіи . . . 1000 челов.
1½ роты конной артилеріи 12 оруд.

Всего 2-го корпуса: 10 п., 24 пѣш. ор., 8 э., 12 кон ор.

Силою: 4000 пѣх., 1000 конницы и 36 орудій.

Изъ состава 2-го корпуса были выдѣлены.

6-я пѣх. дивизіа, гусарскій полкъ Эрцъ-Герцога Фердинанда и 4 конныхъ орудія—съ генераломъ Будбергомъ по дорогѣ на Мидію.

Павлоградскій гусарскій полкъ былъ посланъ съ генераломъ Завадскимъ въ Казань.

6-го пѣхотнаго корпуса.

5 полкъ 16-й пѣх. дивизіи ²⁾ 3000 челов.
16 артилерійской бригады 24 оруд.
Изъ состава 7-ой пѣхотной дивизіи . . . 10 оруд.
4-я уланская дивизіа 2000 ч. + 8 ор.

Всего въ 6 корп.: 10 б., 34 п. ор., 16 эск. и 8 кон. ор.

Силою: 3000 пѣх., 2000 конницы и 42 орудія.

7-го пѣхотнаго корпуса.

4 полка 18-й пѣх. дивизіи ³⁾ 4000 челов.
18-й артилер. бригады 16 ор. ⁴⁾
3-я бригада 19-й пѣх. дивизіи 1200 челов.
19-й артилер бригады 12 оруд.
2-я бригада Бугской уланской див. . . 1500 челов.

Всего 12 б., 28 п. ор., 12 эск.

Силою: 5200 пѣх., 1500 конницы и 28 орудій.

Всего въ Адрианополь:

12200 человекъ пѣхоты
4500 человекъ конницы
106 орудій ⁴⁾

Такъ опредѣлили свои силы Дибичъ въ письмѣ государю; мы уже знаемъ, что въ дѣйствительности, у него было немного болѣе войска, а именно *пѣхоты около 14000 человекъ, а конницы около 5000 челов. и 110 орудій* ⁶⁾.

¹⁾ Ладожскій полкъ прикрывалъ главную квартиру и обозъ.

²⁾ Камчатскій полкъ не могъ считаться дѣйствующимъ, вслѣдствіе подозрѣнія въ заразѣ, отъ которой умерло 2 человека.

³⁾ 35-й Егерскій полкъ былъ еще въ походѣ, а Казанскій находился въ Бардзджикѣ.

⁴⁾ 8 орудій еще шли съ Балканъ.

⁵⁾ Въ донесеніи Дибича указанъ итогъ орудій—100, а въ 7-мъ корпусѣ 32 ор., хотя изъ того же донесенія видно, что въ 7-мъ корпусѣ было только 28 ор.; затѣмъ во 2-мъ корпусѣ показано 36 ор. и въ 6-мъ корпусѣ 42, всего 110 орудій

⁶⁾ В. У. А. № 2855 и 2889. вѣдомость, подписанная ген.-маіор. Бергомъ. Интересно, что на другой-же день по занятіи Адрианополя Дибичъ приказалъ принять мѣры къ тому, чтобы до свѣдѣнія Австрійскаго правительства дошло, что наша дѣйствующая армія значительно слабѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности. Свѣдѣнія эти были посланы изъ главной квартиры арміи ген. Желтухину, полномочному

Имѣя такія силы, трудно было удерживать въ повиновеніи обширный городъ съ населеніемъ въ 80—100 тысячъ челоѣкъ, поддерживать сообщенія съ забалканской Болгаріей, держать связь съ флотомъ у Мидіи и принять мѣры для охраненія арміи; такимъ образомъ, для наступательныхъ дѣйствій оставалось немного войска.

Къ этому надо прибавить и общее неустройство, въ которомъ находилась наша армія въ то время, какъ она заняла Адрианополь.

Чрезвычайно интересно въ этомъ отношеніи мнѣніе очевидца, Михайловскаго — Данилевскаго, прибывшаго въ Адрианополь 12-го августа, т. е. черезъ три дня послѣ занятія этого города.

Онъ былъ вызванъ въ главную квартиру арміи для исправленія должности дежурнаго генерала, вмѣсто заболѣвшаго генерала Обручева.

Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ явился начальнику штаба арміи. «Я провелъ съ графомъ Толемъ болѣе часа, — говоритъ Михайловскій — Данилевскій¹⁾, онъ объяснилъ мнѣ подробно о состояніи арміи,

предсѣдателю дивановъ для передачи «иностранцу», который очевидно игралъ роль двойнаго шпіона. 9-го августа ген. маіор. Бергъ писалъ ген.-лейтен. Желухину (В. У. А. № 2767, генераль-м. Бергъ генералу-лейт. Желухину 9 августа 1829 г.) «Главнoкомандующій приказалъ доставить вамъ выписку о составѣ дѣйствующей арміи, которую по волѣ Его Сіятельства прошу покорнѣйше сообщить иностранцу, для доставленія имъ оной въ Трансильванію австрійской агенции, требующей отъ него сихъ свѣдѣній.

«Армія въ княжествахъ Булгаріи и Румелии состоитъ изъ 7 отдѣльныхъ отрядовъ или корпусовъ, а именно:

	число дивизій		число людей.	
	пѣхот.	кавал.	Въ полномъ составѣ.	На лицо, включая больныхъ, раненыхъ и убитыхъ.
Отрядъ ген.-ад. бар. Гейсмара	1	1	22421	18161
Кав. кор. ген.-ад. Киселева	1	1	20161	173000
Корпусъ ген. Рота	3	1	61410	49410
» ген. Ридигера	3	1	30419	24691
» ген. Красовскаго	2 ¹ / ₂	1	16079	13921
» гр. Палена	2	1	21591	17833
Отр. ген.-ад. Головина	1 ¹ / ₂	—	14737	12021
	14	6	196,818	153,337.

Свѣдѣніе это было совершенно невѣрное, цифры были очень увеличены; такъ въ дѣйствительности мы имѣли въ Адрианополѣ не болѣе 19,000 челоѣ., а согласно свѣдѣній, которыя слѣдовало довести до свѣдѣнія австрійскаго правительства, въ Адрианополѣ было 91,000 челоѣ.; общая сила дѣйствующей арміи была также значительно преувеличена.

¹⁾ Русская старина 1893 г., Июль, стр. 372.

коей все внутреннее хозяйство поручалось мнѣ. Все, что онъ ни оворилъ мнѣ о болѣзняхъ, свирѣпствовавшихъ въ войскахъ, и о разстройствѣ, которое изъ того произошло во всѣхъ частяхъ управления, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что узналъ я вскорѣ, вступя въ управленіе дѣлъ. «Вамъ не будетъ покоя ни днемъ, ни ночью, сказалъ Толь, но вамъ должно быть лестно, что изъ семидесяти генераловъ, находящихся при арміи, главнокомандующій васъ по-чель достойнѣйшимъ занимать сіе трудное мѣсто».

На другое утро Михайловскій - Данилевскій представился Дибичу, который повторилъ сказанное графомъ Толемъ о состояніи арміи.

На другой-же день былъ отданъ приказъ о вступленіи въ должность новаго дежурнаго генерала; послѣ этого къ нему принесли въ палатку корзины и мѣшки, въ которыхъ находилось нѣсколько сотъ нераспечатанныхъ конвертовъ.

«Какъ изъ нихъ, равно изъ чрезвычайно огромной переписки— потому, что я ежедневно получалъ до 200бумагъ—я въ скоромъ времени могъ составить себѣ ясное понятіе объ арміи. Я представляю здѣсь вкратцѣ состояніе, въ которомъ я нашелъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ частей военнаго управления:

«1) *Полевой аудиториатъ* существовалъ только по одному названію, ибо, начиная отъ предсѣдателя, всѣ члены и аудиторы были больны.

«2) *Полевой почтамтъ*, буде можно, находился еще въ большемъ разстройствѣ: дѣльныя палатки были завалены письмами, посылками и документами, привезенными изъ Россіи къ разнымъ лицамъ арміи. Всѣ начальники почты были больны, а чиновники оной лежали въ бѣлой горячкѣ, такъ что не существовало описей симъ тысячамъ въ груды сваленныхъ писемъ».

«3) *Полиція* находилась въ жалкомъ положеніи и устроена была, кажется, не для того, чтобы наблюдать за безпорядками, въ арміи происходившими, и собирать свѣдѣнія о замыслахъ турокъ и о могшихъ возникнуть противу насъ покушеніяхъ турокъ, но съ тою цѣлью, чтобы доносить въ Петербургъ о томъ, что въ арміи происходило.

«Тотчасъ по вступленіи моемъ въ управленіе, фельдмаршалъ сказалъ мнѣ наединѣ, чтобы я остерегался генераль-полиціймейстера. «Онъ человѣкъ вредный, присовокупилъ онъ, и я его не терплю». Я промолчалъ, ибо съ симъ чиновникомъ былъ мало знакомъ, но когда, недѣли черезъ три, фельдмаршалъ повторилъ мнѣ вышесказанныя слова, то я отвѣчалъ, что мнѣ, имѣя его подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ, неприлично кажется его опасаться и что ежели главнокомандующій имъ недоволенъ, то лучше его удалить, тѣмъ

болѣе сказалъ я, что и я отъ него кромѣ вредныхъ доносовъ ничего не имѣю, то фельдмаршалъ промолчалъ. Послѣ окончанія войны я имѣлъ доказательство, что и за мною въ Адрианополѣ наблюдали и Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ представляли мои дѣянія и поступки. Между тѣмъ какъ я, основываясь на благородномъ духѣ нашихъ офицеровъ и на безпредѣльной ихъ преданности къ престолу, запретилъ полевому почтъ-директору распечатывать письма ихъ, отсылаемыя въ Россію, я узналъ, что собственныя мои письма къ домашнимъ моимъ не иначе доходили, какъ по вскрытіи ихъ».

Свѣдѣнія о непріятель. По свѣдѣніямъ, которыя имѣлъ Дибичъ, обстановка въ день занятія Адрианополя обрисовывалась ему въ слѣдующемъ видѣ. Подъ Константинополемъ у турокъ, повидимому, было немного войскъ; по крайней мѣрѣ, Османъ-паша, выступившій съ нѣсколькими тысячами человекъ изъ Константинополя, возвратился въ столицу, лишь только онъ узналъ о нашемъ движеніи къ Адрианополю и о приближеніи отряда генерала Будберга. Затѣмъ было получено свѣдѣніе о наступательныхъ предпріятіяхъ Скордскаго паши; но этимъ свѣдѣніямъ Дибичъ не придавалъ большого значенія. 9-го августа главнокомандующій писалъ Государю: «новости отъ ген. Киселева менѣе утѣшительны, чѣмъ прежде. Генераль Гейсмаръ, охваченный, Богъ знаетъ почему, какими-то неосновательными опасеніями, въ виду возможныхъ дѣйствій со стороны скордрійскаго паши, перешелъ опять Дунай ¹⁾, вмѣсто того, чтобы двинуться противъ этого паши къ Виддину, разбить и уничтожить его жалкія войска, какъ онъ самъ сознавался въ этомъ брату князя Милоша, который сообщилъ объ этомъ ген. Гейсмару. Этотъ генераль, отличный на полѣ битвы, къ несчастью интриганъ и плохой подчиненный. Я съумѣю принять мѣры, которыя разрѣшаетъ мнѣ довѣріе Вашего Величества и которыя, если только этого не потребуетъ долгъ службы, не оскорбятъ генерала, оказавшаго дѣйствительныя услуги. Я приказалъ ген. Киселеву снова перейти Дунай, чтобы разбить скордрійскаго пашу, оставивъ двѣ пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады передъ Журжевымъ» ²⁾.

Такъ представлялась обстановка Дибичу. Въ дѣйствительности, турки имѣли между Адрианополемъ и Константинополемъ слѣдующее число войскъ: изъ Адрианополя отступило около 10,000 человекъ и затѣмъ на Босфорѣ и у Дарданеллъ турки имѣли отъ

¹⁾ Т. е. перешелъ у Гахова обратно, на лѣвый берегъ Дуная.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 г. изъ Адрианополя.

8 до 10,000 чел. регулярныхъ войскъ и отъ 10 до 12,000 нерегулярныхъ, всего, слѣдовательно, было отъ 28 до 32,000 чел. ¹⁾), а а ускодрійскаго паши было около 30,000 чел.

Что касается до характера веденія переговоровъ, то Дибичъ полагалъ, что слѣдуетъ ихъ вести самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Объ этомъ онъ писалъ Государю въ письмѣ отъ того-же 9-го августа. «Рѣшительные переговоры, веденные на военный ладъ, представляются мнѣ все болѣе и болѣе вѣроятными, принимая во вниманіе, что турецкой арміи между нами и Константинополемъ болѣе не существуетъ; что армія подъ Шумлою есть не болѣе, какъ мѣстный гарнизонъ, недостаточный для обороны; что султанъ имѣетъ только 8 батальоновъ въ Рамизъ—Чифликъ ²⁾); что турки вездѣ выказываютъ недовольство султаномъ и довольны поведеніемъ нашихъ войскъ; наконецъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что тоже настроеніе господствуетъ и въ Константинополѣ» ³⁾).

Предположеніе Дибича Такимъ образомъ, тотчасъ по занятіи о дальнѣйшихъ дѣй- Адрианополя, Дибичъ считалъ, что турки ствіяхъ нашей арміи. не въ состояніи оказать серьезнаго сопротивленія русскимъ, но тѣмъ не менѣе онъ не рѣшился продолжать наступленіе и разчитывалъ, что турки и безъ дальнѣйшаго понужденія согласятся на выгодный для насъ миръ.

Но уже черезъ четыре дня послѣ отправленія упомянутыхъ писемъ Государю, Дибичъ писалъ 13-го августа «о медленности *Порты*», что «турки выходятъ изъ границъ своею медленностью и упорствомъ» и что въ случаѣ, если турки не пришлютъ уполномоченныхъ, или въ случаѣ чрезвычайной медленности переговоровъ, нужно будетъ еще подвинуть наши войска ⁴⁾).

И такъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Адрианополя начало выясняться, что, быть можетъ, придется еще разъ прибѣгнуть къ силѣ, чтобы вынудить турокъ къ скорѣйшему заключенію мира. А средства, которыми могъ располагать для этого Дибичъ, какъ мы видѣли, были не велики. Въ самомъ Адрианополѣ было около 17—19 тыс. человекъ, затѣмъ 6-я дивизія съ частью 2 гу-

¹⁾ Вѣдомость о турецкихъ силахъ, составленная г.-м. Бергомъ въ февралѣ 1830-го года (изъ бумаги ген.-м. Берга).

²⁾ Казарма подъ самымъ Константинополемъ.

³⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 года изъ Адрианополя.

⁴⁾ В. У. А. № 2895 (а), в еподданнѣйшія письмо и записка отъ 13 августа 1829 г. изъ Адрианополя.

сарской дивизіи была выдвинута къ Мидіи; въ портахъ и городахъ по южную сторону Балканъ еще имѣлись войска, но всего южнѣе Балканъ было не болѣе 35,000 чел., включая и прибывавшіе къ арміи резервы.

Изъ этого числа необходимо было выдѣлить для занятія портовъ и крѣпостей не менѣе 10,000 чел. и стало быть, для наступательныхъ дѣйствій оставалось только около 25,000 человекъ. Это число Дибичъ считалъ «совершенно достаточнымъ, чтобы дойти ¹⁾ до Константинополя, ибо турецкой арміи болѣе не существуетъ. «Но, писалъ Дибичъ Государю 13-го августа, число это слишкомъ недостаточно, чтобы предпринять какія либо операціи противъ города, насчитывающаго 600,000 мусульманскаго населенія, или чтобы овладѣть европейскими замками на Босфорѣ. Можетъ случиться и такое благоприятное обстоятельство, что приближеніе нашихъ войскъ возбудитъ народъ противъ правительства и тѣмъ самымъ предоставить намъ городъ.

«Но вѣдь нельзя ни въ какомъ случаѣ рассчитывать на такіе случайные факты. Если-же случится наоборотъ, то тогда лучше всего исполнить проектъ, который я уже представилъ Вашему Императорскому Величеству изъ Айдоса, а именно — занять съ главными силами арміи Люле-Бургасъ и Силиврию, получая удовольствіе изъ Мидіи и отдѣльнымъ сильнымъ отрядомъ овладѣть Галлиполи и Дарданелами, совмѣстно съ нашимъ средиземнымъ флотомъ.

«Во всякомъ случаѣ послѣ этихъ операцій мы будемъ вынуждены занять зимнія квартиры въ Румеліи и тѣмъ самымъ начать третью кампанію. Тогда наши военныя дѣйствія непременно начнутся атакою Константинополя и взятіе столицы послужитъ знакомъ паденія оттоманской имперіи».

И такъ, Дибичъ ясно сознавалъ, что съ тѣми силами, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, онъ могъ только выдвинуться къ Константинополю, взять Дарданеллы и Галиполи, но отнюдь не считалъ возможнымъ штурмовать Царьградъ; слѣдовательно, рѣшительнаго давленія на турокъ произвести съ наличными силами было, по мнѣнію Дибича, невозможно, хотя *«турецкой арміи болѣе не существовало»*.

Взятіе Константинополя должно было составить задачу новой, третьей кампаніи.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшая записка Дибича отъ 13 августа 1829-года изъ Адрианополя.

Вотъ какъ обрисовывалась обстановка Дибичу 17-го августа и какъ онъ думалъ въ это время дѣйствовать.

Въ письмѣ къ Чернышеву, написанномъ 17 августа изъ Адрианополя ¹⁾, онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: «я не думаю спѣшить съ военными дѣйствіями, чтобы окончить, если только возможно, прочнымъ и почетнымъ миромъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могло бы послѣдовать немедленное крушеніе Оттоманской имперіи или съ другой стороны оборона Константинополя, хотя и мало вѣроятная, заставила бы насъ вести третью кампанію, сопряженную съ новыми и сложными условіями».

И дѣйствительно, мало того, что наша армія была не велика, но что еще было неприятели это то, что силы ея быстро уменьшались. Невыносимая жара въ іюль и первой половинѣ августа породили много болѣзней. Къ счастью, смертность не достигла еще большихъ размѣровъ; но заболѣваемость была такъ велика, что, по мнѣнію Дибича, въ непродолжительномъ времени «пѣхотную дивизию можно будетъ считать только въ 5,000 чел., включая въ это число и прибывавшіе резервы» ²⁾.

Даже въ главной квартирѣ арміи ²/₃ лицъ были больны, что очень затрудняло правильное отправленіе службы ²⁾.

Еще къ счастью извѣстія о чумѣ были утѣшительныя: единственный находившійся въ подозрѣніи Камчатскій полкъ уже нѣсколько дней не имѣлъ ни одного больного. Слѣды чумы появились въ этомъ полку во время похода его изъ Сизополя на соединеніе съ корпусомъ, но немедленное оцѣпленіе прекратило заразу. Такимъ образомъ, чумы еще не было въ арміи, бывшей за Балканами, но она угрожала ей, подобно черной грозовой тучѣ, надвигавшейся съ сѣвернаго горизонта Болгаріи. Карантинъ, учрежденный на Камчикѣ, переполнялся подозрительными больными и лихорадки приняли столь злокачественный характеръ, что угрожали перейти въ чуму.

Во время усиленныхъ переходовъ изъ Сливно въ Адрианополь пала половина обозныхъ лошадей. Со дня отхода изъ Сливно, т. е. съ 1-го августа до прибытія арміи въ Буюкъ-Дербентъ 5-го августа, т. е. въ теченіе 5 дней, заболѣло 800 чел., а въ послѣдніе два дня до вступленія въ Адрианополь, т. е. 6-го и 7-го августа, забо-

В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву отъ 17-го августа 1829 г. изъ Адрианополя.

²⁾ В. У. А. № 2895, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 г. и всеподдан. записка Дибича отъ 13-го августа 1829 г.

лѣло вновь 26 офицеровъ и 226 нижнихъ чиновъ. Въ Адрианополѣ устроили госпиталь во вновь выстроенной турецкой казармѣ. Но госпиталь этотъ не могъ быть обставленъ съ необходимыми удобствами и больнымъ можно было предложить развѣ только пріютъ. Между тѣмъ госпиталь наполнялся очень быстро и къ 15-му августа въ немъ было уже 1,616 челов.

Не трудно было предвидѣть, что санитарное состояніе нашей арміи будетъ ухудшаться, а не улучшаться и силы, которыми могъ располагать Дибичъ, должны были неизбѣжно уменьшаться съ каждымъ днемъ. Такимъ образомъ, этой арміи уже было не по силамъ рѣшиться на такое грандіозное предпріятіе, какъ нападеніе на Константинополь; въ виду этого Дибичъ рѣшилъ ограничиться овладѣніемъ Дарданелль и наступленіемъ къ Константинополю, въ надеждѣ, что это движеніе устраситъ турецкое правительство. Къ такому рѣшенію вполнѣ примѣнимы слова Мольтке, который, обсуждая дѣйствія Дибича, постановляетъ слѣдующій приговоръ: *«располагая слабыми силами, онъ предпринималъ только то, что представлялось безусловно необходимымъ для достиженія цѣли войны»* ¹⁾.

Мнѣніе Дибича о веденіи мирныхъ переговоровъ. Принявъ рѣшеніе дѣйствовать съ осмотрительностью и осторожностью, не бросаться очертя голову въ такое предпріятіе, какъ овладѣніе Константинополемъ, Дибичъ, тѣмъ не менѣе, считалъ, что *слѣдуетъ дѣйствовать съ твердостью и рѣшительностью*; въ особенности въ сферѣ веденія дипломатическихъ переговоровъ онъ сильно надѣялся на успѣшный исходъ, но при условіи *«веденія ихъ на военный ладъ»*.

Между тѣмъ, ему извѣстно было великодушное намѣреніе императора Николая не предъявлять Турціи большихъ требованій и не возбуждать подозрѣнія и зависти западно-европейскихъ державъ.

Дибичъ опасался, что великодушіе императора Николая могло быть вреднымъ для дѣла, такъ какъ турки и западно-европейскія державы могли не понять великодушныхъ намѣреній государя и принять ихъ за слабость. Тогда турки, рассчитывая на поддержку западныхъ державъ, начали бы затягивать переговоры, а затѣмъ стали бы намъ оказывать сопротивленіе. Это опасеніе было откровенно высказано Дибичемъ въ запискѣ государю отъ 13-го августа ²⁾,

¹⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера), ч. 2-я, стр. 242.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподдан. записка Дибича отъ 13-го августа 1829 г.

«Судя по великодушію, которое Ваше Императорское Величество не перестаете оказывать Турціи и принимая во вниманіе откровенность и честность во всѣхъ нашихъ поступкахъ, которымъ должна удивляться Европа, несмотря на зависть, возбужденную успѣхами нашего оружія,—мнѣ кажется, Государь, что наши дипломаты должны отнынѣ положить предѣль этому великодушію, если будетъ продолжаться упорство султана.

«Такимъ предѣломъ, полагаю я, долженъ быть отказъ Порты принять предположенныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ мирныя условія.

«Подобный образъ дѣйствій въ то время, когда наши знамена развѣваются на стѣнахъ Эрзерума и Адрианополя, могъ бы ясно доказать, что султанъ желаетъ продолжать борьбу—исходъ которой не можетъ быть сомнителенъ—единственно въ той надеждѣ, что его упорство не будетъ имѣть никакихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря великодушію, которое, такъ сказать, напередъ обезпечиваетъ за нимъ неприкосновенность его владѣній и спасетъ, можетъ быть, отъ справедливой уплаты вознагражденій, упорно прикрываясь крайностью, вызванной мнимою нищетою». Предвидя, что предложеніе вести переговоры съ Турціей рѣшительно, «на военный ладъ» и не оказывая туркамъ никакого снисхожденія, могло вызвать у Императора Николая опасеніе въ возможности возбудить подозрительность европейскихъ державъ, Дибичъ старался предупредить возможность такого опасенія и писалъ Государю:

«Я не думаю, чтобы вышеупомянутое измѣненіе въ политикѣ, которое явилось бы только прямымъ слѣдствіемъ продолжающагося до нынѣ слѣпого упорства султана, могло возбудить подозрѣніе иностранныхъ державъ. Я полагаю даже, что уничтоженіе Оттоманской имперіи въ Европѣ, нисколько не утрашитъ ихъ, если Ваше Величество въ то же самое время торжественно объявите имъ, что удержите за собою только нѣсколько пунктовъ, необходимыхъ для поддержанія спокойствія въ Вашихъ земляхъ, напримѣръ, Анапу, Поти и Ахалцыхъ, съ тѣмъ, однако, что военныя издержки, простирающіяся отъ 10 до 15 миліоновъ дукатовъ, будутъ выплачены намъ въ короткіе промежутки, подъ гарантіею европейскихъ державъ, новыми государствами, образовавшимися на территоріи Европейской Турціи, или путемъ какого-либо другого вознагражденія. Мы могли бы также замѣнить денежное вознагражденіе Молдавіею и Валахіею и частью Болгаріи отъ Дуная и моря до Варны и Силистріи. Двѣ трети жителей Европейской Турціи—христіане; поэтому не трудно было бы раздѣлить ихъ на три или четыре государства, достаточно сильныхъ для самозащиты, подъ гарантіею Европы и въ то же время слишкомъ слабыхъ, чтобы возбудить опасенія какой-либо изъ великихъ державъ.

«Поэтому я осмѣлился, Государь, выразить Вамъ мои мысли съ безграничною откровенностью, къ чему обязываютъ меня ваши приказанія и милости. Еще разъ повторяю, что мои предположенія примѣнимы въ томъ случаѣ, если Порта откажется отъ почетнаго мира, предложеннаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ; въ противномъ случаѣ, искренняя и безпредѣльная преданность заставитъ меня, конечно, предпочесть какъ самую священную изъ моихъ обязанностей—строгое соблюденіе вашихъ великодушныхъ обѣщаній. Но я не могу не повторить высказаннаго мною глубокаго убѣжденія, что это великодушіе должно имѣть опредѣленные, справедливыя границы, если вмѣсто благодарности Порта броситъ намъ перчатку для смертельной борьбы».

Предложеніе Дибича—вести съ турками переговоры «*на военный ладъ*» было вполнѣ одобрено Императоромъ Николаемъ.

Мнѣніе Императора Николая о веденіи переговоровъ. На два письма отъ 9-го августа, въ которыхъ Дибичъ высказывалъ о необходимости вести переговоры такимъ образомъ и доносили Государю, что онъ рѣшилъ занять Люле-Бургасъ и Мидію, Императоръ Николай отвѣчалъ 28-го августа ¹⁾).

«Одобрю во всѣхъ отношеніяхъ мѣропріятія ваши; но настаиваю на томъ, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили корпусъ войскъ къ Дарданелламъ, дабы быть въ увѣренности, что «*незваные гости*» не явятся тамъ для вмѣшательства и чтобы вредить дѣламъ нашимъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы такъ и поступили бы при малѣйшемъ къ тому поводѣ, судя по самому смыслу вашего письма и по мнѣнію, вами выраженному о новостяхъ, сообщенныхъ вамъ всѣми посланниками въ Константинополь. Наконецъ, если вы у Дарданеллъ, *то положительно откажите въ пропускъ всякому иному флоту, кромѣ нашего*. Если будутъ къ тому понуждать—вы *ответите пушечными выстрѣлами*. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ!

«Еще слово о греческомъ дѣлѣ. Какое рѣшеніе ни было бы принято посланниками въ Константинополь, *ни на какую иную границу кромѣ Арты и Воло* я не соглашусь; надѣюсь, что когда о томъ узнаютъ въ Парижѣ, то французы меня поддержать, а если даже нѣтъ, я стою на своемъ. Мы вправѣ не нарушать нашего слова и положеніе наше таково, что мы можемъ, наконецъ, сказать—*я такъ хочу*», благодаря успѣхамъ вашимъ въ Европѣ и успѣхамъ Паскевича—въ Азіи.

¹⁾ В. У. А. № 2895, (а), Императоръ Николай—графу Дибичу 28-го августа 1829 г. Царское Село.

Прощайте, любезный другъ, Господь да направляетъ васъ и помогаетъ вамъ въ послѣднихъ трудахъ вашихъ и да дозволить вамъ сколь возможно скорѣе подписать *прекрасный миръ Адриано-польскій*.

Проектъ Дибича о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ случаѣ упорства турокъ.

Высказываясь за веденіе переговоровъ рѣшительно, «на военный ладъ», Дибичъ въ то же время не считалъ возможнымъ рѣшительно дѣйствовать противъ турокъ съ тѣми силами, которыя у него были, на примѣръ, штурмовать Константинополь, и полагалъ, что въ случаѣ упорства турокъ принять предложенныя имъ мирныя условія, необходимо будетъ вести третью кампанію. Дѣйствія наши въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Дибича, могли бы быть слѣдующими.

«По моему мнѣнію, можно дѣйствовать двумя способами, въ случаѣ, если Турція отвергнетъ миръ:

1) «Въ первыхъ числахъ сентября начать наступательное движеніе до Сарая и Чор-Лу и отдѣлить оттуда для занятія Дарданелль войска; въ то же время стараться овладѣть всѣмъ, чѣмъ только можно, на Дунаѣ и взять Шумлу. Если эти операціи не окажутъ вліянія на заключеніе мира, то расположиться на зимнихъ квартирахъ въ Румелии и готовиться къ третьей кампаніи.

2) Объявить во всеуслышаніе, что съ Портой нельзя болѣе вести переговоры; двинуть прямо въ Сербію двѣ бригады пѣхоты генерала Киселева, чтобы, соединившись съ сербами, идти на Виддинъ и другіе пункты этой страны; оставить передъ Журжей необходимое число войскъ и приказать генералу Киселеву двинуться съ остатками на Софію, чтобы овладѣть ею; въ то же время подвигаться съ новыми силами къ Константинополю, гдѣ наши рѣшительныя движенія могутъ вразумить жителей, чтобы они съ помощью мятежа принудили къ миру правительство; не предпринимать ни малѣйшихъ операцій противъ города и отдѣлить корпусъ для занятія Дарданелль; вооружить повсемѣстно румелійскихъ болгаръ и съ помощью особаго отряда соединиться съ генераломъ Киселевымъ черезъ Филиппополь; наконецъ, готовиться зимою къ новой кампаніи и заняться полнымъ вооруженіемъ болгаръ и сербовъ, чтобы въ началѣ весны можно было предпринять военныя дѣйствія и совершенно окончить покореніе Европейской Турціи.

«Для исполненія каждаго изъ этихъ проектовъ необходимо, чтобы указанія Вашего Императорскаго Величества были бы мнѣ извѣстны ранѣе половины сентября, чтобы имѣть, по крайней мѣрѣ, еще мѣсяцъ времени для ихъ выполненія. Кромѣ того, такъ какъ опытъ показалъ, что численность пѣхотной дивизіи къ веснѣ не превзойдетъ 5,000

человѣкъ, то оба проекта требуютъ, чтобы къ началу весны, по ту сторону Балканъ, находились всѣ войска, составляющія теперь вторую армію.

«Нужно, или чтобы резервные баталіоны 6-го и 7-го корпусовъ съ 4-ю гусарскою дивизіею заняли княжества и Болгарію, чтобы освободить войска, находящіяся подъ начальствомъ генераловъ Киселева и Красовскаго, или чтобы Ваше Величество приказали двинуться двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ Литовскаго корпуса или же (что было бы даже еще лучше по моему мнѣнію)—одну пѣхотную дивизію этого корпуса, а другую изъ польской арміи: это возбудитъ братскія отношенія между войсками обѣихъ націй, по примѣру превосходныхъ польскихъ офицеровъ, которые находятся уже у насъ и признаны всѣми достойными братьями нашими по оружію ¹⁾).

«Съ такими силами можно поручиться за окончательное покореніе Европейской Турціи до истеченія будущаго лѣта и подчиненіе ея тѣмъ новымъ правительствамъ, которыя Ваше Величество приказали бы учредить. Только Боснія и Албанія могутъ служить исключеніемъ. Но я полагаю, что Австрія и Англія или Франція охотно возьмутъ на себя ихъ покореніе, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя права на ихъ организацію или на какое-либо вознагражденіе, смотря по тѣмъ предположеніямъ, которыя представляютъ имъ.

«Части черноморскаго флота съ корпусомъ войскъ, расположеннымъ гарнизонами въ фортахъ Дарданеллъ и Босфора (которые могутъ быть скрыты спустя нѣсколько лѣтъ послѣ заключенія мира), будетъ достаточно для защиты вновь устроенныхъ государствъ противъ нападеній турокъ. Впрочемъ, послѣдніе, удаленные въ Азію, будучи угрожаемы изъ Эрзерума въ самомъ сердцѣ ихъ владѣній, конечно, будутъ склонны къ миру, особенно, послѣ того, какъ они убѣдятся, что *безвозвратно* потеряли свои владѣнія въ Европѣ и даже остались безъ союзниковъ».

Итакъ, несмотря на намѣреніе дѣйствовать рѣшительно, Дибичъ, однакоже, не рѣшался на взятіе Константинополя. Такого же мнѣнія держался Толь. «Графъ Толь, пишетъ Михайловскій-Данилевскій, съ которымъ я вчера ²⁾ говорилъ на счетъ взятія Константинополя, утверждаетъ, что онъ сочтетъ за несчастіе туда идти и что главнокомандующій того же мнѣнія. Надобно, сказалъ онъ, оставить Махмуду *«une issue par laquelle il pourrait échapper»* ³⁾).

16-го августа въ Адрианополь прибыли турецкіе уполномоченные, присланные прямо отъ имени султана; это были: Махмедъ-

¹⁾ Событія 30 и 31 годовъ, въ которыхъ тому же Дибичу пришлось играть такую видную роль, не оправдали его ожиданій.

²⁾ Т. е. 22-го августа 1829 г.

³⁾ А. И. Михайловскій-Данилевскій. «Русская Старина» 1893 г., июль, стр. 386.

Садинъ-ефенди, дефтердаръ или министръ финансовъ и Абдуль-Кадиръ-бей, кази-аскеръ анадолійскій, занимавшій самый важный постъ послѣ великаго муфтія. Турецкихъ уполномоченныхъ провожалъ прусскій маіоръ Кистеръ, тотъ самый, который былъ въ Петербургѣ; Кистеръ привезъ Дибичу письмо отъ генерала Мюффлинга, который увѣдомлялъ, что маіоръ Кистеръ можетъ сообщить Дибичу нѣкоторыя интересныя подробности, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ посланниками присутствовалъ на засѣданіи дивана. Въ то же время Дибичъ получилъ черезъ Кистера сообщеніе отъ французскаго и англійскаго посланниковъ, которые, извѣщая русскаго главнокомандующаго объ отправленіи уполномоченныхъ, выражали надежду на вполне успѣшный исходъ переговоровъ ¹⁾).

Мнѣніе Императора Отвѣчая Дибичу на два письма его отъ 13 *Николая о занятіи* и 17 августа, императоръ Николай писалъ *Константинополя*. 1-го сентября ²⁾ относительно дѣйствій нашей арміи въ случаѣ неуспѣшности переговоровъ.

Мы видѣли, что Дибичъ предполагалъ дѣйствовать вообще рѣшительно, переговоры вести «на военный ладъ» и, въ случаѣ неуспѣшности ихъ и упорства турокъ, выдвинуться къ Константинополю, занять Дарданеллы, возбудить возстаніе въ Сербіи и Болгаріи, но отнюдь не брать Константинополя.

Императоръ Николай былъ другого взгляда и выражалъ его въ письмѣ отъ 1-го сентября.

«Перейдемъ къ случайностямъ, писалъ Государь, осуществленіе которыхъ я молю Богу не допустить. Это увидѣтъ насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать слѣдовательно исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ ³⁾». Однако я не хочу васъ оставить безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній на случай, если дѣйствительно уже дошло бы до того. При неуспѣшности переговоровъ, *мы должны* немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайтесь вниманія на

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 17-го августа 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь, 1879 г., ст. 545).

²⁾ Императоръ Николай — графу Дибичу, 1 (13) сентября 1829 г. Елагинъ островъ (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 553).

³⁾ У Lacroix мы нашли слѣдующія интересныя строки по вопросу о завоеваніи Константинополя; у него приведены слова императора Николая по этому вопросу: «Россія, говорилъ государь; держава сѣвера, а не юга. Было-бы несчастьемъ для нея, еслибы она владѣла Константинополемъ; она перестала бы быть Россіей, удалившись отъ ея двухъ столицъ—Москвы и Петербурга». (Paul Lacraiz, Histoire de Nicolas I, t. IV, p. 272).

ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе уравниваются вашею нравственною силою. Овладевъ Константинополь, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ вы откажетесь входить въ какіе бы то ни было переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было*. Тѣмъ болѣе вы не дозволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданеллы впредь до приказанія. Изъ перлюстраціи депеши Гильемино ¹⁾ къ Мартемару, мы узнали, что послы имѣли уже намѣреніе вести туда свои эскадры яко-бы для защиты своихъ соотечественниковъ. Къ счастью, они въ настоящее время на это не рѣшились: но кто можетъ поручиться, что они сіе не исполняютъ, или же не осуществятъ позже?»

Въ концѣ этого письма императоръ писалъ: «слава Богу, а вамъ спасибо. Это болѣе чѣмъ фразы. Но, любезный другъ, теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, *отнесемъ все Богу* и будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго. Вотъ слава, о которой я мечтаю, и да хранитъ меня Господь добиваться иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете. «И такъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ, *впередъ*».

Итакъ, разница между рѣшеніями Государя и Дибича заключалась въ томъ, что Дибичъ не считалъ возможнымъ атаковать съ наличными силами Константинополь, между тѣмъ какъ императоръ Николай предписывалъ ему *«при неуспѣшности переговоровъ немедленно двинуться къ Константинополю и, овладевъ имъ, ожидать новыхъ приказаній»* ²⁾. По расчетамъ Дибича по южную сторону Балканъ мы имѣли только 35,000 штыковъ; изъ этого слѣдовало назначить 10,000 для гарнизоновъ въ портахъ и крѣпостяхъ и такимъ образомъ оставалась только 25,000 человекъ, *«которыхъ, по мнѣнію Дибича, было совершенно достаточно, чтобы дойти до Константинополя, но слишкомъ недостаточно, чтобы предпринять какія либо операціи противъ города, насчитывающаго 600,000 мусульманскаго населенія, или чтобы овладѣть европейскими замками на Босфорѣ»* ³⁾.

Но императоръ Николай смотрѣлъ на дѣло иначе.

28 августа, еще не получивъ письма Дибича отъ 13 августа, въ которомъ онъ писалъ государю, что у него по южную сторону Балканъ только 35,000 чел., императоръ Николай рассчитывалъ,

¹⁾ Французскій посланникъ въ Константинополь.

²⁾ Изъ письма императора Николая Дибичу отъ 1 (13) сентября 1829 г.

³⁾ Изъ всеподданнѣйшей записки Дибича отъ 13 (25) августа 1829 г.

что Дибичъ имѣеть больше силъ: «надѣюсь, писалъ государь, что резервы немного поприбавятъ вамъ силъ, противу бывшихъ у васъ въ Адрианополѣ 8 числа, ибо сверхъ послѣднихъ у васъ не было и трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ бригадъ; *по этому разсчитываю, что въ общей сложности у васъ наберется до 50,000 чел.* ¹⁾).

Но когда государь получилъ письмо Дибича отъ 13 августа, изъ котораго онъ увидѣлъ, что мы имѣли по южную сторону Балканъ только 35,000 чел., изъ которыхъ можно было двинуть противъ Константинополя только 25,000 чел., то онъ не измѣнилъ своего намѣренія дѣйствовать рѣшительно и 1-го сентября писалъ Дибичу: *не обращайтесь вниманія на ваши численныя силы, они болѣе уравновѣшиваются вашею нравственною силою* ²⁾).

Какъ мы видѣли, императоръ Николай не хотѣлъ *владѣть Константинополемъ*, что, по его мнѣнiю, было равносильно *исчезновенiю Оттоманской имперiи въ Европѣ*. Но государь настаивалъ на *занятiи* Константинополя, какъ средства заставить турокъ исполнить наши требованiя.

Исчезновенiя турокъ изъ Европы мы въ тѣ времена не желали, такъ какъ опасались, что это вызоветъ большiя осложненiя въ политикѣ. «Здѣсь есть лица, писалъ Чернышевъ Дибичу 10 сентября ³⁾), которыя желаютъ, чтобы нынѣшними обстоятельствами воспользовались для того, чтобы уничтожить Оттоманскую имперiю въ Европѣ; но они не думаютъ о томъ, что первая обязанность государя состоитъ въ томъ, чтобы заботиться объ его подданныхъ и что прежде чѣмъ допустить эту страшную катастрофу, нужно было, по крайней мѣрѣ, исчерпать всѣ возможные средства, чтобы избѣжать осложненiй и неудобствъ всякаго рода, которыя бы за ней безъ сомнѣнiя послѣдовали».

Желанiе императора Николая, чтобы Дибичъ, въ случаѣ упорства турокъ, овладѣлъ Константинополемъ, ставило эту задачу на очередь къ разрѣшенiю.

Могъ ли Дибичъ взять Константинополь въ вопросѣ—могъ или не могъ Дибичъ разсчитывать на успѣшный исходъ операцiй противъ Константинополя въ половинѣ августа 1829 г.?

¹⁾ Императоръ Николай Дибичу отъ 28 августа 1829 года.

²⁾ Изъ письма императора Николая Дибичу отъ 1 (13) сентября 1829 года.

³⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 10 сентября 1829 года, изъ С.-Петербурга.

CONSTANTINOPEL UND DER BOSPORUS

Reduktion

nach der Aufnahme des Freiherrn v. Mollke
auf 4 der Grösse des Originals.

Maasstab in 100,000



Geszeichnet von H. G. G. G. G.
BERLIN.

Simon Schropp'sche Hof- und Landkarten-Handlung



Die besetzten Linien im Meer
bezeichnen die Tiefen in Faden.
Höhen in Pariser Fuss.
In Böjüklere bedeuten die Buch-
staben die Sommerpaläste der
europäischen Gesandtschaften
nämlich:
O. der Oesterreichischen
R. Russischen
D. Dänischen
S. Spanischen
P. Portugiesischen
N. Niederländischen
und an Thauria
F. Französischen
E. Englischen
Die Ziffern mit E bei den Befestigun-
gen am nördlichen Bosphorus geben die
Zahl der Geschütze an.

Erklärung der Ziffern im Stadtplane.

In Constantinopel:
1. Büchse im Seraj. 2. Aja Sofia. 3. Sultan Ahmed
Moschee und Platz. 4. Pascha-kapussi
(Nahe Pforte). 5. Besestan. 6. Altes Seraj. 7. Moschee
Sükrmanieh. 8. Walide Sultan M. 9. Kadriga Timani
10. Sultan Bajazid M. II. Schahsade M. 12. Wasserleitung
des K. Valens. 13. Sultan Mehmed M. 14. Sultan Selim M.
15. Fener (Fanal) oder Griechenquartier. 16. Fektiv-
seraj (Ruine des Fallastes Hebdomon).

Stadthore:
a. Egi kapu. b. Edrene K. c. Top K. d. Memlethane K.
e. Silivri K. f. Kapaly K. g. Jedikule K. (Goldnes Thor).
h. Narly K. i. Samatia K. k. Daulpascha K. l. Kim L.
m. Tschattaly K. n. Achy K. o. Top K. p. Baghtsche K.
q. Batykbasar K. r. Sinda K. s. Olan K. t. Ajsma K.
u. Un K. v. Dscheberli K. w. Aja K. u. Jem K. x. Peter K.
y. Fener K. z. Balat K.

In Pera:
17. Russisches. 18. Osterreichisches. 19. Französisches.
20. Englisches Gesandtschafts Palais. 21. Kleiner Be-
gräbniss Platz (hütschick Mosaristan). 22. Grosser Be-
gräbniss Pl. (Böjüklere Meer (ampo grande). 23. Artillerie-
kaserne (Topolschik Klerlassi). 24. Geschützfabrik (Bifruk-
chane). 25. Marine Kaserne. 26. Admiralität (Divan-
chane). 27. Arsenal (Versane). 28. Bombardier Kaserne
Kambaradachi Klerlassi. 29. Pulver Fabrik (Barat-Chane)
30. Militär-Spital (Chasta Chaneh).
Tsch. bedeutet: Werkstätte d. i. Vorwerk, Meierei.
K. Köschk (Kiosk) d. i. Lusthaus.
Tobia: Batterie.

Попытаемся, на сколько это возможно, разъяснить этот вопрос.

Очеркъ мѣстности По занятіи Адрианополя, Дибичу оставалось между Адрианополемъ и лось пройти до Царьграда около 200 верстъ. *Константинополемъ.* До Кариштирана старая Юніанская дорога проходила по мѣстности, перерѣзанной глубокими долинами, орошаемыми сорока притоками Ергене, которыя образуютъ превосходныя позиціи. Развалины стѣны Аванасія, пересѣкающей весь полуостровъ, представляли также преграду и наконецъ при Буюкъ-Чекмедже были двѣ весьма сильныя позиціи, атака которыхъ съ фронта была чрезвычайно затруднительна, такъ какъ необходимо было вести атаку по длиннымъ тѣснинамъ.

Но объ эти позиціи можно было обойти съ сѣвера.

Кромѣ того, къ Царьграду вели еще двѣ удобныхъ дороги, одна изъ Сарая черезъ Чатаджу и Литрось, а другая изъ Кара-Бурну, на Черномъ морѣ, черезъ Богаскіюй. По всѣмъ этимъ дорогамъ встрѣчались превосходныя позиціи, на которыхъ турки могли задержать наступленіе нашихъ войскъ. Итакъ на пространствѣ между Адрианополемъ и Константинополемъ мѣстность весьма способствовала оборонѣ и наступательныя дѣйствія нашихъ войскъ въ значительной степени затруднялись этими преградами. Наконецъ въ восточномъ углу разсматриваемаго участка, на берегахъ Мраморнаго моря и Босфора живописно раскинулась на нѣсколькихъ холмахъ древняя столица Византіи-Царьградъ.

Описаніе Константинополя. Какъ извѣстно, Константинополь, т. е. собственно главный городъ, занимаетъ мѣстность, расположенную въ видѣ треугольника между Мраморнымъ моремъ и Золотымъ Рогомъ.

Третья сторона этого треугольника, обращенная къ западу, имѣетъ 8000 шаговъ длины и прикрыта стѣною отъ 30 до 40 футовъ вышиною. Верхняя часть этой стѣны была толщиною отъ 4 до 5 футовъ и по ней можно было свободно двигаться; почти всѣ зубцы этой стѣны сохранились и давали хорошее закрытіе стрѣлкамъ. Вдоль стѣны, черезъ каждые 60—80 шаговъ, выступали многоэтажныя сводчатыя башни, возведенныя еще въ царствованіе императора Юстиніана и не приспособленныя къ установкѣ орудій. Но для послѣдней цѣли легко было приспособить самыя стѣны, присыпавъ гдѣ нужно землю и снявъ часть стѣны. Въ разстояніи отъ 15 до 20 шаговъ впереди главной стѣны, была другая стѣна меньшихъ размѣровъ съ малыми башнями и впереди ихъ ровъ, глуби-

ною отъ 10 до 15 футовъ съ каменнымъ эскарпомъ и контръ-эскарпомъ. Эта исполнская стѣна прикрывала городъ также со стороны Мраморнаго моря и Босфора, на протяженіи 17,000 шаговъ; она имѣла 300 большихъ башень. Громадные обломки стѣны и цѣлыя части башень покрывали землю, но настоящей бреши нигдѣ не встрѣчалось съ сухопутной стороны. Прочность стѣны была необычайная, такъ какъ кладка, пролежавъ 14 вѣковъ, образовала одну сплошную массу. Гигантскій плющъ густо покрывалъ стѣны и вмѣстѣ съ высокими кипарисовыми деревьями кладбищъ скрывалъ ихъ отъ взоровъ непріятеля. Поэтому пробить брешь въ этой стѣнѣ было не легко и въ особенности это трудно было сдѣлать полевыми орудіями. За стѣной не сразу начинались постройки, а сначала были сады. Собственно же городъ, населенный главнымъ образомъ мусульманами, начинался только на четверть мили далѣе, съ мечети Мехмета-Завоевателя. Императорскій сераль, расположенный на крайнемъ, къ востоку выдающемся мысѣ, былъ окруженъ крѣпкими стѣнами и башнями, и образовалъ въ отношеніи къ городу сильную цитадель, равно какъ и древній *Cyclotion*, на южной оконечности городской стѣны, состоявшій изъ редюита съ башнями въ 80 фут. высотой. Съ сухопутной стороны въ городъ вели пять воротъ (шестыя были заложены), обороняемые двойными башнями. Среднія ворота, названныя турками Топъ-капу, т. е. орудійныя ворота, именовались у грековъ воротами св. Романа; противъ нихъ дѣйствовалъ Гази-Мехметъ со своимъ большимъ орудіемъ и здѣсь палъ Константинъ Палеологъ.

Самый удобный доступъ къ сухопутной стѣнѣ Константинополя представляла мѣстность между ручьемъ Топджиларъ и гаванью. Высота, круто спадающая къ гавани, и открытое предмѣстье Эюбъ благоприятствуютъ здѣсь закрытому подходу. У начала этой высоты, въ разстояніи четверти мили впереди сухопутной стѣны, возвышалась громадная постройка, длиною въ 500 шаговъ и шириною въ 300 шаговъ, снабженная высокими фланкирующими башнями. Зданіе это называлось Рамизъ - Чифликъ и представляло собою казарму, устроенную для помѣщенія отъ 5000 до 6000 человекъ. Впереди этой казармы находилось нѣсколько весьма неискусно трассированныхъ укрѣпленій, начатыхъ по полученіи перваго извѣстія о переходѣ русскихъ черезъ Балканы. Въ 3000 шагахъ отъ Рамизъ-Чифлика на большой адрианопольской дорогѣ, возвышалось еще болѣе значительное зданіе съ башнями.

Оно было расположено на знаменитой равнинѣ Даудъ—паша, на которой въ продолженіи трехъ столѣтій собирались янычары, передъ выступленіемъ въ походъ. Отсюда выходили арміи, которыя завоевали Венгрію, угрожали Вѣнѣ и вторгались даже въ Штирію. Послѣ истребленія янычаръ, султанъ Махмудъ построилъ здѣсь казарму для 8000 человекъ, вновь созданнаго имъ Низамъ-Джедита. Внутри ея была мечеть, баня, императорскій кіоскъ и она имѣла по фронту 800 шаговъ длины. Эти громадныя казармы (безъ сомнѣнія величайшія зданія въ Константинополѣ, не исключая даже мечетей и дворцовъ) образовали родъ отдѣльныхъ укрѣпленій, въ соединеніи съ большимъ военнымъ госпиталемъ (Каста-Хана), въ которомъ могло быть размѣщено до 14,000 человекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ являлись превосходными опорными пунктами для большой арміи, которая, упираясь въ нихъ своими флангами, приобрѣтала обезпеченное лагерное расположеніе между ними и сухопутною стѣною Константинополя; благодаря помощи искусно расположенныхъ полевыхъ укрѣпленій, атака этой арміи, имѣющей въ въ тылу своемъ всѣ средства столицы, представила-бы большія затрудненія. На этихъ высотахъ не встрѣчалось также недостатка въ водѣ, столь необходимой для турецкихъ войскъ; большіе водопроводы, снабжавшіе Константинополь водою, проходили именно этими казармами въ сводчатыхъ помѣщеніяхъ и доставляли такимъ образомъ нужную воду въ изобиліи.

Предмѣстья, расположенныя къ сѣверу отъ гавани, на обрывистыхъ высотахъ, а именно: Пера, Касимъ-паша, Хаскіой и др., были прикрыты несравненно слабѣе Константинополя. Они имѣли населеніе болѣе 100,000 человекъ, состоявшее главнымъ образомъ изъ грековъ, армянъ, европейцевъ и евреевъ.

И въ этой, наиболѣе доступной для непріятеля части города, по нераспорядительности турокъ, были расположены главнѣйшія учрежденія военнаго и морского вѣдомствъ, какъ то: арсеналь, корабельные эллинги, морскіе магазины, артилерійскій цейхгаузъ, литейныя мастерскія, оружейный заводъ и казармы для артилеристовъ. Галата, бывшая нѣкогда генуэзской факторіей и предписывавшая законы разлагавшейся Византійской имперіи, представляла собою родъ цитадели сѣверной части города. Она была окружена высокими стѣнами и мѣстность, по которой извивались ея ступенчатыя улицы, имѣла столь отвѣсное паденіе, что препятствовала обнаруживать ее съ командующей высоты Перы. Гро-

мадная, круглая башня господствовала подобно исполину, надъ этимъ городомъ, всецѣло посвященнымъ торговлѣ съ Европою.

Но Галата была обращена къ морю, нисколько не содѣйствуя оборонѣ города съ сухопутной стороны; кромѣ того, она также не прикрывала ни одного изъ вышеупомянутыхъ учреждений.

Однакоже и здѣсь можно было оборонять доступы къ столицѣ съ выгодою. Пока падишахъ располагалъ войскомъ, хотя бы только въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ то время когда ему съ сухого пути одновременно угрожали съ запада и сѣвера, то, предоставивъ сухопутный фронтъ Константинополя собственной оборонѣ, онъ могъ расположить свое небольшое войско на равнинѣ къ сѣверу отъ Перы.

За немногими крутыми подъемами, ведущими изъ долины «Сладкихъ водъ», легко уредить наблюдение изъ особыхъ постовъ.

Для атаки этой позиціи съ фронта, противнику пришлось-бы отдѣлить особый отрядъ, которому предстояло-бы перейти по глубокимъ долинамъ, гдѣ протекають рѣки Цидарисъ и Барбикесъ, удобопроходимыя только по мостамъ въ Алибей-Кіюѣ и Кіатхане; этотъ отрядъ отдѣлялся бы отъ главныхъ силъ рядомъ крѣпкихъ тѣсинъ, будучи удаленъ отъ нихъ на разстояніе до двухъ миль. Ему угрожали-бы весьма сильно всѣ турецкія предпріятія, направленные со стороны Эюба¹⁾; снабженіе же его продовольствіемъ пришлось-бы основать на Килии или Деркосѣ при Черномъ морѣ. При нѣкоторой силѣ и рѣшительности, турки могли-бы также укрѣпиться весьма выгодно на высокомъ узкомъ мысу, образуемомъ мѣстностью къ западу отъ деревни Кіатхане.

Снабженіе Константинополя водою имѣло весьма важное значеніе для обороны этого города; поэтому намъ необходимо нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ. Въ городѣ, выстроенномъ всецѣло на скалистыхъ высотахъ, колодцы доставляли горькую воду и только въ небольшомъ количествѣ; поэтому греческіе императоры уже съ древнѣйшихъ временъ были озабочены снабженіемъ Константинополя водою при помощи грандіозныхъ водопроводовъ. Въ лѣсистой и гористой мѣстности, находящейся къ сѣверу отъ города, по направленію къ Черному морю, въ теченіе зимы и весною ниспадаетъ ежегодно большое количество влаги, въ видѣ снѣга и дождя. Цѣлыя долины были здѣсь окружены

¹⁾ На западномъ берегу Золотого Рога.

исполинскими стѣнами и такимъ образомъ образованы были искусственные пруды, вмѣщавшіе столько воды, что, несмотря на испаренія ея лѣтомъ, запасъ ея могъ удовлетворять ежедневному громадному расходу столицы до наступленія новаго дождливаго времени. Изъ этихъ прудовъ провели воду въ городъ по каменнымъ сводчатымъ желобамъ, извивавшимся на протяженіи отъ 4 до 5 миль. Для этой цѣли прорѣзаны были горы и черезъ долины перекинута обширные водопроводы, имѣвшіе нерѣдко до 100 футовъ высоты и болѣе 1000 шаговъ протяженія. Но такъ какъ достаточно перерѣзать эти тонкія струи воды въ одномъ мѣстѣ, чтобы городскіе фонтаны изсякли, то мудрая предусмотрительность императоровъ озаботилась устройствомъ значительныхъ бассейновъ внутри ограды и на возвышенныхъ пунктахъ города, которые въ мирное время наполнялись водою, а въ военное снабжали ею жителей. Но вслѣдствіе безпечности, всѣ эти сооруженія пришли со временемъ въ упадокъ. Открытыя цистерны были застроены домами и въ нихъ были разведены сады, а въ одной изъ нихъ была построена мечеть. Сводчатая цистерны служили жилищами для шелкопрядильщиковъ и на половину были засыпаны, такъ какъ потомки Мехмета и Солимана не могли себѣ представить, что ихъ потомки когда либо подвергнутся осадѣ. Такимъ образомъ, въ случаѣ полного обложенія Константинополя, дурная вода колодцевъ могла-бы питать многочисленное городское населеніе только въ теченіи весьма непродолжительнаго времени. Въ случаѣ-же обложенія съ одной сухопутной стороны, потребность хорошей воды для питья могла быть удовлетворена изъ великолѣпныхъ источниковъ азіатскаго берега въ Скутари, въ Чамлиджѣ, въ Кара-Кулакѣ, и въ особенности изъ богатѣйшихъ фонтановъ въ Султаніи, находившихся непосредственно у берега моря и могшихъ снабдить водою нѣсколько флотовъ въ совокупности ¹⁾).

Вопросъ о возможности лишить Константинополь прѣсной воды имѣлъ огромное значеніе для насъ на тотъ случай, если-бы армія наша явилась подъ стѣнами Царьграда. Еще въ самомъ началѣ похода у насъ собирались свѣдѣнія по этому вопросу. Такъ 17 мая 1829 г. адъютантъ гр. Чернышева, штабсъ-ротмистръ Пфеллеръ, доносилъ, что въ Кишиневѣ къ нему явился нѣкто Иванъ Схина, бывшій постельникъ молдавскаго князя и богатый константино-

¹⁾ Показаніе Мольке, переводъ Н. Шильдера гл. 2-я, стр. 189. Въ другихъ источникахъ мы не нашли указанія на возможность снабженія Константинополя водой изъ Скутари.

польскій помѣщикъ, лишившійся всего своего имущества при началѣ возстанія грековъ; въ 1821 г. онъ вынужденъ былъ выѣхать изъ Турціи и поселился въ Кишиневѣ. Схина предложилъ проектъ порчи водопроводовъ, доставлявшихъ воду въ Константинополь изъ водоемовъ, устроенныхъ въ Бѣлградскомъ лѣсу ²⁾).

Проектъ, составленный Схиной, былъ представленъ на Высочайшее воззрѣніе, и государь приказалъ отправить его къ Дибичу, причемъ Чернышевъ писалъ ему, «что государь Императоръ, не дѣлая никакого заключенія по предложеніямъ Шиниса, предоставляетъ совершенно на усмотрѣніе ваше какъ приведеніе оныхъ въ свое время въ исполненіе, такъ и употребленіе къ дѣлу сему Шиниса, по его вызову, если то нужнымъ признать изволите».

Дибичъ отвѣчалъ Чернышеву, что свѣдѣнія, доставленныя Схиною, «не заключаютъ въ себѣ ничего новаго и вообще наполнены только такими подробностями, которыя извѣстны каждому, и слѣдственно бояринъ Схина представленіемъ сихъ бумагъ никакой особенной услуги не оказалъ» ³⁾).

Слѣдуетъ отмѣтить, что Схина говорилъ только о порчѣ водопроводовъ, проведенныхъ изъ Бѣлградскаго лѣса и указывалъ, что въ этомъ случаѣ Константинополь останется безъ прѣсной воды. Онъ не указывалъ, что турки могли пользоваться богатыми источниками прѣсной воды на азиатскомъ берегу и, какъ кажется, у насъ не было свѣдѣній о существованіи такихъ источниковъ. Между тѣмъ Мольтке, лично изучившій окрестности Константиноля, совершенно опредѣленно говоритъ, что близъ Скутари были весьма обширные источники прѣсной воды. Если эти источники дѣйствительно могли давать городу достаточное количество воды, то порча бѣлградскихъ водопроводовъ не могла имѣть существеннаго значенія.

Не лишнее отмѣтить, что за сообщенныя намъ свѣдѣнія Схина просилъ значительной награды, указывая, что «Николай Суццо былъ удостоенъ въ 1821 году пожизненнаго пенсіона въ 6000 р. за представленный имъ маршрутъ» ¹⁾). Между тѣмъ Схина, переселившись въ Россію, получалъ уже отъ нашего правительства по

²⁾ Арх. канц. военнаго министерства № 456, письмо штабсъ-ротмистра Пфеллера графу Чернышеву 17 мая 1829 г. изъ Кишинева. Тоже письмо имѣется въ В. У. А. № 2767.

³⁾ Архивъ канцеляріи военнаго министерства № 455, гр. Дибичъ гр. Чернышеву 12 сентября 1829 года.

¹⁾ Тотъ же архивъ № 45, графъ Чернышевъ графу Дибичу 17 августа 1829 года.

175 руб. въ мѣсяцъ содержанія, хотя «особенныхъ услугъ онъ не оказалъ¹⁾), тѣмъ не менѣ Схинѣ было Высочайше повелѣно дать подарокъ въ 1000 рублей²⁾).

Въ продовольственныхъ припасахъ столица не могла ощущать недостатка, пока турки еще господствовали въ Мраморномъ морѣ. Плодородные берега этого чудеснаго внутренняго моря питали многочисленныя стада и въ изобиліи производили хлѣбъ, оливки, вино и плоды, а благословенныя поля Бруссы имѣли непрерывающееся сообщеніе со столицей черезъ гавань Муданіи. Море съ своей стороны доставляло неисчерпаемый запасъ превосходнѣйшей рыбы. Многіе сотни тысячъ тумакъ (palamide), вылавливаемые во время прохода ихъ изъ Босфора, уже достаточно обезпечивали столицу отъ дѣйствительнаго голода. Даже въ случаѣ появленія непріятельскаго флота въ Гелеспонтѣ, почти невозможно было-бы прервать сообщенія Константинополя съ Скутари и лишить столицу средствъ, доставляемыхъ изъ Азіи. Ширина Босфора между этими городами не превышаетъ 1850 шаговъ и имъ вполне командуеъ возвышенный берегъ серала, а широкія набережныя и площадь въ Гюльхане способствовали расположенію батарей. Турки, воодушевленные нѣкогда силою и энергіей одного человѣка (генерала Себастіани), выставили здѣсь въ нѣсколько дней сотни орудій, которыя воспрепятствовали-бы любому флоту стать на якорѣ между Константинополемъ и Скутари, или даже временно прервать между ними сообщеніе.

Слѣдовательно, для полнаго обложенія Константинополя требовалось присутствіе одной арміи въ Европѣ, другой въ Азіи и флотъ въ Мраморномъ морѣ. Для осуществленія послѣдняго условія нужно было предварительно уничтожить турецкій флотъ и затѣмъ еще исполнить прорывъ черезъ одинъ изъ двухъ доступовъ, ведущихъ къ столицѣ—Дарданеллы или Босфоръ.

Описаніе Дарданеллъ. Какъ извѣстно, Дарданеллы образуютъ проливъ въ 4 мили длиною; ширина этого пролива у южнаго входа (между такъ называемыми новыми замками), доходитъ до полумили: затѣмъ онъ суживается до 1980 шаговъ, между древними замками, и снова расширяется до 2830 шаговъ у Нагары (древній Абидосъ). Оборона пролива была основана главнѣйшимъ

¹⁾ Архивъ канцеляріи военнаго министра, Дибичъ Чернышову 12 сентября 1829 г.

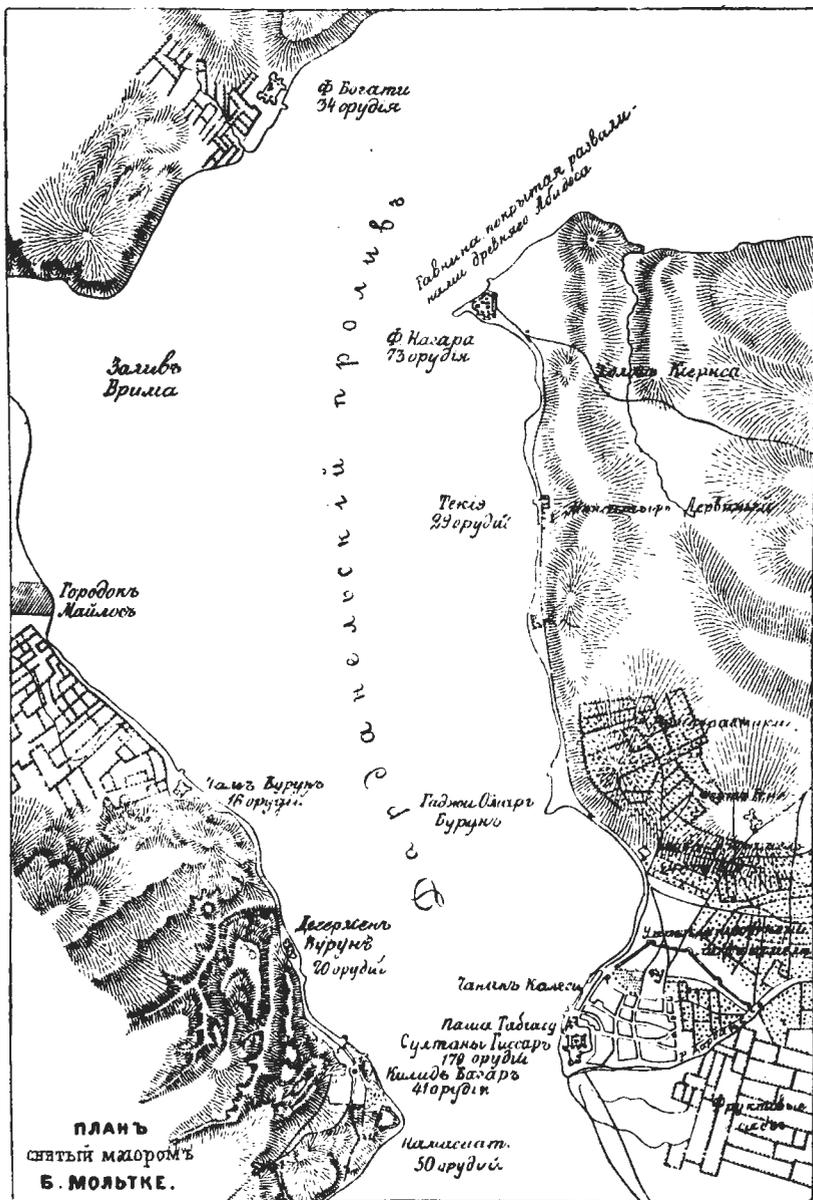
²⁾ Архивъ канцеляріи военнаго министерства, помѣтка гр. Чернышева на отзывѣ Нессельроде къ Чернышову отъ 28 октября 1829 г.

образомъ на батареяхъ, расположенныхъ на протяженіи 8000 шаговъ отъ Султанъ-Гисара до Нагоры, а вновь построенные замки имѣли собственно только цѣлью воспрепятствовать непріятельскому флоту стать на якорѣ внутри пролива.

Хотя Дарданеллы были вооружены 585 орудіями, по большей части большаго калибра, но не подлежитъ сомнѣнію, что всякій сколько нибудь значительный флотъ могъ имѣть на своей сторонѣ превосходство въ числѣ орудій. Къ тому-же слѣдуетъ замѣтить, что судно, которое при хорошемъ вѣтрѣ двигается со скоростью четырехъ нѣмецкихъ миль въ часъ, останется въ сферѣ дѣйствія береговой батареи только около 6 минутъ ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя терять изъ виду, что условія, при которыхъ дѣйствуютъ морская и сухопутная артилерія, весьма различны и несравненно благопріятнѣе въ отношеніи послѣдней. Ядро, выпущенное судномъ, въ худшемъ случаѣ убьетъ нѣсколько человѣкъ и подобьетъ орудіе, между тѣмъ какъ выстрѣлъ, сдѣланный съ сухопутной батареи, можетъ обратить деревянное судно въ состояніе, неспособное къ бою. Прислуга, орудія и боевые припасы несравненно болѣе обезпечены, находясь позади бруствера, чѣмъ за стѣнками деревяннаго корабля. Брустверь берегового укрѣпленія представляетъ для непріятели невысокую цѣль и самая небольшая качка судна можетъ уже на столько измѣнить прицѣлъ его орудій, что залпъ цѣлаго борта можетъ ударить слишкомъ высоко или слишкомъ низко.

Напротивъ того, орудія сухопутныхъ батарей занимаютъ неподвижное положеніе и поэтому артиллеристы могутъ спокойно прицѣливаться, имѣя предъ собою цѣль 30 фут. высотой и повсюду уязвимую, хотя и подвижную стѣну, въ 30 футовъ высотой и въ 200 шаговъ длиною. Ядра, попадающія слишкомъ низко, могутъ еще дѣйствовать рикошетомъ: тѣ же, которыя направлены слишкомъ высоко, причиняютъ разрушенія мачтамъ, парусамъ и реямъ. Обстоятельства благопріятствовали-бы еще болѣе сухопутной оборонѣ Дарданеллъ, если-бы (за исключеніемъ Эски-Гиссарлика и нѣсколькихъ орудій на батареяхъ) всѣ орудія не стрѣляли à fleur d'eau. Батареи, расположенныя на высотѣ отъ 20 до 30 фут., были обезпечены отъ дѣйствія рикошетнаго огня на водѣ и должны были опасаться только прицѣльнаго огня судовъ, причемъ вообще сомнительно, чтобы онѣ подверглись пораженію. За-

¹⁾ Все это касается тогдашняго паруснаго флота.



тѣмъ укрѣпленія Дарданельскаго пролива отличались тѣмъ недостаткомъ, что всѣ бруствера, равно какъ и платформы были построены изъ камня.

Разность калибровъ также существеннымъ образомъ вліяла на оборону. Между тѣмъ какъ на судахъ имѣлись орудія, не превосходящія 23 фунт. калибра, въ Дарданельскихъ батареяхъ встрѣчались:

44-хъ фунт. бронзовыхъ орудій	—	108
60-ти »	»	19
121-го »	»	30

Затѣмъ имѣлось еще 63 бронзовыхъ орудія, такъ называемыя *Kemerliks*, стрѣлявшія каменными ядрами, вѣсомъ до 1570 фун. Эти исполинскія орудія имѣли калибръ до 28 дюйм.; въ камеру ихъ возможно было влѣзть человѣку. Они не имѣли лафетовъ и лежали на землѣ на дубовыхъ колодахъ, упираясь казенною частью въ толстыя стѣны для предотвращенія отдачи. Зарядъ простирался до одного центнера пороха.

Воспламенение значительнаго заряда орудія происходило съ такою медленностью, что большое количество пороха выбрасывалось обыкновенно передъ дуломъ орудія. При выстрѣлѣ раздавался сильный, но глухой ударъ, который дѣйствовалъ далеко не такъ непріятно на ухо, какъ выстрѣлъ изъ 18-ти фунт. орудія въ казематахъ; при стрѣльбѣ легко было слѣдить глазомъ за полетомъ ядра, почернѣвшаго отъ пороха; нерѣдко оно разбивалось на два или на нѣсколько кусковъ. Ударяясь въ воду, ядро подымало огромный водяной столбъ и снарядъ, выпущенный на европейскомъ материкѣ, рикошетируя по водяной поверхности, медленно катился затѣмъ по азіатскому берегу.

Такимъ образомъ, исполинскія орудія эти отличались тѣмъ недостаткомъ, что могли стрѣлять только по извѣстному, опредѣленному направленію, причемъ заряжаніе ихъ требовало много времени. Но взамѣнъ этихъ неудобствъ, одно ядро, попавшее въ цѣль, причиняло громадное разрушеніе.

Когда въ 1807 году Дуквортъ (*Duckwort*) прошелъ черезъ Дарданельскій проливъ, возвращаясь отъ Принцевыхъ острововъ, всѣ оборонительныя мѣры находились въ самомъ жалкомъ состояніи; тѣмъ не менѣе флотъ его потерпѣлъ весьма чувствительныя поврежденія, въ особенности отъ огня большихъ орудій (*Kemerliks*). Гранитное ядро, вѣсомъ въ 800 фунтовъ, при поперечникѣ въ

2 фута и 4 дюйма, пробило, къ великому удивленію моряковъ, шканцы корабля «Actove» и, разрушивъ эту массу плотничныхъ сооруженій, медленно покатилося по палубѣ. Другое ядро оторвало руль «Republik» и убило и ранило 24 человекъ. У «Windham» снесена была гротъ-мачта, а у 110-ти пушечнаго «Rogal George» одно ядро разбило въ такой степени носовую часть, что этому кораблю угрожала неминуемая гибель и онъ былъ спасенъ только цѣною неслыханныхъ усилій.

Для уясненія обстоятельствъ, при которыхъ совершился въ 1807 году прорывъ англійскаго флота черезъ Дарданеллы необходимо нѣсколько припомнить этотъ любопытный эпизодъ изъ исторіи Оттоманскоѣ имперіи.

Въ 1807 году, благодаря участію Россіи въ коалиціонной войнѣ противъ Франціи, Англія поддерживала Императора Александра въ борьбѣ его съ Турціей. Вслѣдствіе непримиримой вражды британскаго кабинета съ Наполеономъ, у насъ оказался на востокъ неожиданный союзникъ и флотъ адмирала Дукворта долженъ былъ угрожать Константинополю совмѣстно съ эскадрою адмирала Сенявина. Но, не дождавшись прибытія русскаго адмирала, англійскій флотъ 7-го (19) февраля въ составѣ 7-ми линейныхъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ и 4 мелкихъ судовъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ и плохимъ состояніемъ дарданельскихъ укрѣпленій, благополучно прошелъ на всѣхъ парусахъ черезъ проливъ, уничтоживъ почти всѣ турецкія суда въ Дарданеллахъ (1 линейный корабль, 3 фрегата и 4 корвета; только одному фрегату удалось пробиться въ Константинополь) и 8-го (20) февраля подъ стѣнами турецкой столицы впервые явился непріятельскій флотъ.

Дуквортъ сталъ на якорь у Принцевыхъ острововъ. Находившійся на флотѣ англійскій посланникъ Арбутнотъ (Arbutnoth) потребовалъ удаленія французскаго посла изъ Константинополя, возобновленія союза съ Россією и Англією, свободнаго прохода черезъ Босфоръ и Дарданеллы для русскихъ военныхъ судовъ и наконецъ сдачи дарданельскихъ замковъ, угрожая въ противномъ случаѣ обратить оттоманскую столицу въ пепель.

Но англичане не воспользовались смятеніемъ и ужасомъ, обаявшими диванъ и жителей, для открытія тотчасъ же рѣшительныхъ дѣйствій противъ Константинополя; они предпочли вступить въ дипломатическую переписку, которую турки съ неизмѣннымъ искусствомъ всегда умѣли затягивать до безконечности. Спасителемъ турокъ явился французскій посолъ и, благодаря энергиче-

скому вмѣшательству генерала Себастиани, Порты воздержалась отъ всякихъ уступокъ въ пользу требованій, предъявленныхъ англичанами.

Между тѣмъ подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ береговяя батареи быстро воздвигались близъ Топханэ и серая; въ то же время, въ тылу прорвавшася англійскаго флота, дарданельскія укрѣпленія приводились въ оборонительное состояніе. Пять дней спустя послѣ появленія адмирала Дукворта, выставлено было для обороны Константинополя на европейскомъ и азіатскомъ берегахъ: 917 орудій и 196 мортиръ самыхъ разнообразныхъ калибровъ.

Вскорѣ британскій посланникъ утратилъ уже всякую возможность извлечь какія-либо выгоды изъ военнаго подвига, совершеннаго адмираломъ Дуквортомъ. 17-го февраля (1-го марта) флотъ снялся съ якоря у Принцевыхъ острововъ и 18-го февраля (2-го марта) снова прошелъ черезъ Дарданеллы, подъ огнемъ турецкихъ батарей. На этотъ разъ англичане заплатили за вторичный прорывъ потерю одного корвета и сильнымъ поврежденіемъ остальныхъ судовъ флота.

Англичане понесли въ этомъ предпріятіи слѣдующія потери: при входѣ въ Дарданеллы 38 убитыхъ и 100 раненыхъ, при выходѣ 197 убитыхъ и 412 раненыхъ. Итого 747 человекъ.

Этотъ случай указываетъ на трудности форсированія Дарданеллъ. При прорывѣ черезъ Дарданеллы является еще затрудненіе отъ почти непрерывнаго господства сѣвернаго вѣтра въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Купеческія суда часто поджидали отъ 4-хъ до 6-ти недѣль наступленія южнаго вѣтра, который къ тому же долженъ еще дуть съ достаточною силою, чтобы суда могли поборотъ быстрое теченіе въ проливѣ, неизмѣнно направляющееся къ Эгейскому морю.

Поэтому флотъ, направляющійся изъ Средиземнаго моря, никогда не можетъ рассчитывать на своевременное появленіе передъ Константинополемъ. Онъ прибудетъ нѣсколькими недѣлями ранѣе или позже, что въ обоихъ случаяхъ для него одинаково неудобно. При благопріятномъ и сильномъ вѣтрѣ, суда должны предпочтительно держаться правѣе и пройти въ непосредственной близости отъ Султанъ-Гиссара. Придерживаясь этого направленія, суда удаляются на возможно большое разстояніе отъ 111 орудій, выставленныхъ на европейскомъ берегу у Килидь-Богара и подвергаются *только въ продолженіе одной минуты огню 197 орудій*, сосре-

доточенныхъ на азіатскомъ берегу у Гиссара. Остается, конечно, вопросомъ, не погибнетъ-ли судно въ продолженіе этой одной минуты?

Можно возразить, что всѣ упомянутыя затрудненія легко обойти, предпринявъ съ корпусомъ войскъ высадку, которую всего удобнѣе выполнить на азіатскомъ берегу, пользуясь обеспеченнымъ рейдомъ между Тенедосомъ и материкомъ. Большая часть дарданельскихъ батарей были закрыты съ горжи только слабыми стѣнами и были подвержены командованію ближайшей мѣстности. Но это обстоятельство не замѣчалось во всѣхъ укрѣпленіяхъ, а именно на азіатскомъ берегу Кумъ-Кале и Султанъ-Гиссаръ не были подвержены командованію мѣстности. Оба форта имѣли стѣны вышиною въ 40 фут., при толщинѣ въ 10 фут. Внутренность Султанъ-Гиссара была снабжена еще донжономъ въ 70 фут. высоты; онъ образовалъ собою какъ бы одну сплошную каменную массу; на платформѣ его могли быть размѣщены 28 орудій. Въ подобныхъ же условіяхъ находился замокъ Килидъ-Богаръ на европейскомъ берегу, имѣвшій своеобразное начертаніе. При подобной профили, замокъ, даже и подверженный командованію, не могъ быть взятъ нечаяннымъ нападеніемъ. Къ тому же въ Султанъ-Гиссарѣ и Килидъ-Богарѣ и непосредственно вблизи ихъ, въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива, были сосредоточены 290 орудій, въ числѣ коихъ состояло 45 орудій, стрѣлявшихъ каменными снарядами (Kemerliks); одинаково трудно было проплыть мимо этихъ орудій, или же захватить ихъ съ сухого пути.

Нельзя утверждать, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, что невозможно было форсировать проходъ черезъ Дарданеллы. Опытъ 1807 года уже доказалъ противное и, при полной безопасности и нерѣшительности противника, всякое отчаянное предпріятіе являлось дѣломъ исполнимымъ. Но мы имѣли только цѣлью указать на затрудненія, сопряженныя съ прорывомъ, и о которыхъ нерѣдко судили слишкомъ легко.

Описаніе Босфора. Что касается до другаго водяного пути, ведущаго къ турецкой столицѣ, а именно Босфора, то здѣсь стихійныя условія оказывались союзникомъ флота, шедшаго изъ Чернаго моря. Почти не прекращающійся въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ сѣверный вѣтеръ и сила теченія, неизмѣнно направленная къ югу, со скоростью почти полумили въ часъ, приведуть, безъ сомнѣнія, флотъ къ стѣнамъ Константинополя; затѣмъ остается рѣшить другой вопросъ: въ какомъ видѣ придутъ къ столицѣ суда, прошедшія черезъ Босфоръ?

Босфоръ имѣеть 4 мили длины, а ширина его, среднимъ числомъ, на половину менѣе Дарданеллъ; онъ имѣеть къ тому же извилистое направленіе и въ 1829 году былъ вооруженъ 392 орудіями. Многоэтажныя батареи, расположенныя у входа въ проливъ, близъ европейскаго и азіатскаго маяковъ, были удалены одна отъ другой на полмили; но уже между замками Карибдже и Попрасъ проливъ суживался до половины своей ширины. Форты были построены изъ мягкаго зеленаго песчаника и имѣли трехъ-ярусную оборону. Противъ атаки съ сухого пути они были обезпечны двумя отдѣльными казематированными круглыми башнями, занимавшими высоты.

Вблизи этихъ батарей были расположены: на европейскомъ берегу (*à fleur d'eau*) Буюкъ-Лиманъ, а на Азіатскомъ материкѣ Филь-Бурну, который былъ какъ бы прилѣпленъ къ высокому скалистому берегу. Оба форта были построены въ 1794 году французскимъ инженеромъ Мунье (*Mouppier*). Но главная оборонительная сила Босфора была основана на перекрестномъ огнѣ четырехъ большихъ фортовъ: Румели-Кавакъ, Анатоли-Кавакъ, Телли-Табія и Маджіаръ-Калесси. Въ мѣстѣ суженія Босфора, отъ 1497 до 1245 шаговъ, 166 орудій большаго калибра были размѣщены такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать сосредоточенно, поддерживая другъ друга перекрестнымъ огнемъ. Проходящему здѣсь судну приходилось вступить въ бой съ одною изъ этихъ батарей, въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, подвергаясь въ то же время продольному огню съ прочихъ укрѣпленій, Маджіаръ-Калесси занималъ въ этомъ отношеніи особенно выгодное расположеніе; независимо отъ 60 орудій, дѣйствовавшихъ здѣсь *à fleur d'eau*, возможно было расположить еще второй ярусъ обороны на площадкѣ, имѣвшей отъ 30 до 40 фут. превышенія. Развалины генуэзскаго замка, способнаго къ оборонѣ, обезпечивали фортъ отъ нечаяннаго нападенія съ сухого пути. Ниже этого мѣста ширина Босфора снова увеличивалась и здѣсь встрѣчались только небольшія батареи на европейскомъ берегу. Вообще только одна сѣверная часть Босфора была приспособлена къ оборонѣ, такъ какъ далѣе тянулись почти непрерывною цѣпью Константинопольскія предмѣстья на протяженіи почти трехъ миль, вдоль живописныхъ береговъ пролива.

Высоты, между которыми извивается Босфоръ, на подобіе широкой рѣки, имѣютъ со стороны Чернаго моря до 800 фут. превышенія. Онѣ понижаются по мѣрѣ приближенія къ Мраморному морю, круто, мѣстами почти отвѣсно, спускаясь къ проливу. По-

добное очертаніе мѣстности подвергало береговья батареи, въ большинствѣ случаевъ, дѣйствию съ командующихъ высотъ, способствуя атакѣ съ сухопутной стороны, несмотря на редюиты, расположенныя въ горжахъ. Высадка для этой цѣли на азіатскомъ берегу корпуса войскъ была сопряжена съ немалыми затрудненіями, по мѣстнымъ свойствамъ прибрежья, состоявшаго главнымъ образомъ изъ отвѣсныхъ базальтовыхъ стѣнъ. На европейскомъ берегу ближайшій заливъ Килии оборонялся четырехугольнымъ фортомъ съ малыми бастіонами и каменной одеждой, высотой въ 20 футовъ, но, благодаря низменному песчаному берегу, простиравшемуся оттуда до озера Деркоса, высадка могла быть всюду произведена при содѣйствіи плоскодонныхъ судовъ.

Однако, чтобы открыть подобнымъ средствомъ для флота Босфоръ, необходимо было произвести высадку на обоихъ берегахъ пролива; батареи же каждаго берега въ отдѣльности были достаточно сильны для загражденія прохода. затѣмъ необходимо было принять въ соображеніе непосредственную близость столицы, гдѣ турецкое правительство, по всей вѣроятности, всегда могло имѣть въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ человекъ, которые оказали-бы противодѣйствіе подобному предпріятію.

Кромѣ того, два древніе замка, Румели-Гиссаръ и Анатоли-Гиссаръ, могли служить удобнымъ мѣстомъ для расположенія двухъ большихъ батарей; оба замка были построены турками, вслѣдъ за взятіемъ Константинополя, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, гдѣ берега пролива отстоятъ одинъ отъ другаго на 958 шаговъ. Замки не могли быть взяты нечаяннымъ нападеніемъ съ горжи; въ особенности Румели-Гиссаръ на европейскомъ берегу былъ вполне обезпеченъ отъ подобнаго покушенія, благодаря стѣнамъ, высотой въ 40 фут., и исполинскимъ башнямъ. Паденіе мѣстности внутри ограды было столь круто, что ничего не могло быть обнаружено съ позади лежавшихъ командующихъ высотъ. Наконецъ, оконечность серая и высокая, открытая площадь Гюльхане дозволяли выставить сотни орудій, которыя, занимая совершенно обезпеченное расположеніе, господствовали надъ проливомъ между Константинополемъ и Скутари, гдѣ ширина прохода не превышала ширины Дарданелль въ самомъ узкомъ мѣстѣ.

Заключеніе о военномъ значеніи Константинополя. Въ такомъ видѣ представлялось сухопутное и морское положеніе Византіи, расположенной въ двухъ частяхъ свѣта, между двумя морями и намѣченной природою служить столицею стараго свѣта.

Мы преднамѣренно остановились нѣсколько долѣе на военномъ значеніи этого города, существенно повліявшаго на образъ дѣйствій графа Дибича; въ каждой новой войнѣ, которая разыграется въ этихъ странахъ, Константинополь будетъ играть первенствующую роль. Недаромъ же въ продолженіе многихъ лѣтъ Восточная Римская имперія ограничивалась городской чертой Константинополя. Вообще города съ населеніемъ въ полмиліона людей трудно покорить силою оружія, но они чаще падаютъ по своей собственной винѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Константинополѣ, со времени истребленія янычаръ, могущественная партія выжидала благоприятнаго случая, чтобы водрузить знамя мятежа. Переходъ русскихъ черезъ Балканы, считавшійся до тѣхъ поръ невозможнымъ, поставилъ турецкое правительство въ затруднительное положеніе и подготовилъ настроеніе умовъ къ взрыву. Но султанъ Махмудъ предупредилъ янычаръ. Хозревъ-паша, будучи неподржаемымъ начальникомъ полиціи для турецкой столицы, напалъ уже давно на слѣдъ заговорщиковъ; начался кровавый судъ, въ которомъ его вовсе не беспокоила казнь нѣсколькихъ сотъ невинныхъ людей, лишь бы только не спаслись виновные. Такимъ образомъ, неудовольствіе хотя и не было отстранено, но на время подавлено. Но если что-либо могло примирить между собою враждующія партіи, то это было появленіе русской арміи подъ стѣнами столицы, которая уже въ продолженіе четырехъ столѣтій не видѣла предъ собой непріятеля. Къ тому же недовольные мусульмане желали возстановленія стараго порядка или безпорядка, но никакъ не желали господства невѣрныхъ. Они съ удовольствіемъ замѣчали затруднительное положеніе Порты, но сознавали, что паденіе ея повлечетъ за собою ихъ собственную гибель. Греческое и армянское населеніе жило большею частью по ту сторону гавани, въ самомъ-же Константинополѣ число ихъ составляло едва четвертую часть городскихъ жителей; продолжительное рабство приучило ихъ къ повиновенію, вслѣдствіе чего они способны были принять сторону побѣдителя только послѣ совершеннаго окончанія борьбы между русскими и турками. Хотя они искренно желали открытія переговоровъ и заключенія мира въ ущербъ Портѣ, но отнюдь не желали подвергать Константинополь опасностямъ приступа, за который они заплатили бы болѣе прочихъ. Съ высоты башенъ и столичныхъ мечетей возможно было бы пересчитать непріятельскіе штыки на равнинѣ Даудъ-паши и малочисленность ихъ побудила бы даже самага роб-

каго жителя подняться на стѣны и защищать все, что ему дорого, противъ горсти враговъ. Если, наконецъ, мы примемъ во вниманіе, что при оборонѣ дунайскихъ крѣпостей, Варны, а также и Шумлы, рядомъ съ регулярными войсками всегда сражались вооруженные жители, если мы припомнимъ, что весьма часто гарнизоны этихъ крѣпостей состояли, главнымъ образомъ, изъ вооруженныхъ жителей, а между тѣмъ нѣкоторые изъ крѣпостей оборонялись весьма *упорно* (Силистрія), другія попали въ наши руки *отчасти случайно* (Тульча, Исакча, Варна), а нѣкоторыя нами были *вовсе не взяты* (Шумла), то нельзя не сдѣлать вывода, что Дибичъ былъ правъ, когда считалъ, что съ 25,000 человекъ, которыми онъ могъ располагать, *нельзя было штурмовать укрѣпленный городъ, въ которомъ жило 600,000 мусульманъ* ¹⁾.

Къ этому надо прибавить, что турки могли сосредоточить для обороны Константинополя отъ 23 до 30 тыс. человекъ регулярныхъ и иррегулярныхъ войскъ ²⁾.

Что же касается до вопроса, могъ ли графъ Дибичъ рассчитывать на содѣйствіе флота, крейсировавшаго въ Черномъ морѣ и въ Архипелагѣ, то, на основаніи всего вышесказаннаго, слѣдуетъ замѣтить, что, въ крайнемъ случаѣ, если русскій флотъ прошелъ бы черезъ одинъ изъ проливовъ, то, по всей вѣроятности, англійскій флотъ адмирала Малькольма послѣдовалъ-бы за нимъ въ Мраморное море и соединился бы съ турецкимъ флотомъ, стоявшимъ на якорѣ въ Босфорѣ.

И такъ, для того, чтобы взять Константинополь, *Дибичу нужно было занять сильными отрядами Дарданеллы, сбить турокъ съ крѣпкихъ позицій, которыя они могли оборонять между Адрианополемъ и Константинополемъ, форсировать двумя эскадрами Дарданеллы и Босфоръ и штурмовать Константинополь.*

Быть можетъ, все это увѣнчалось бы успѣхомъ, но едва ли можно утвердительно отвѣтить на поставленный нами вопросъ: *могъ ли Дибичъ рассчитывать на успешный исходъ операций противъ Константинополя въ половинѣ августа 1829 г.?* Съ другой стороны, конечно, соблазнительно было бы воспользоваться всѣми выгодами, которыя мы приобрѣли бы, занявъ Босфоръ и

¹⁾ Всеподаннѣйшее письмо Дибича отъ 13 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 541).

²⁾ Вѣдомость о турецкихъ силахъ, доставленная ген.-маіоромъ Бергомъ въ февралѣ 1830 г. (изъ бумагъ ген.-маіора Берга).

Дарданеллы; тогда вѣроятно оправдалась бы справедливость извѣстнаго изреченія: *beati possidentes* ¹⁾).

Отношеніе западно-европейскихъ посланниковъ въ Константинополь къ мирнымъ переговорамъ.

Какъ мы уже знаемъ, 17 августа прибыли въ Адрианополь уполномоченные султана для веденія переговоровъ о мирѣ. Одновременно съ этимъ Дибичъ вошелъ въ сношеніе съ французскимъ и англійскимъ посланниками въ Константинополь и съ прусскимъ генераломъ Мюффлингомъ, посланнымъ своимъ правительствомъ въ Константинополь.

Султанъ все еще не хотѣлъ признавать силу русскихъ и истощеніе собственныхъ средствъ, не смотря на убѣжденія окружающихъ сановниковъ и находившихся въ Константинополь дипломатовъ. Правда, большинство турецкихъ сановниковъ несравненно болѣе опасались возстанія въ столицѣ, во время котораго они могли потерять свое положеніе и поплатиться своими головами, чѣмъ заключенія невыгоднаго для Турціи мира.

Дипломаты также усердно работали въ пользу Дибича въ то время, когда онъ занялъ Адрианополь и началъ выдвигать часть своей арміи къ Константинополю. Какъ представители своихъ державъ, они, конечно, преслѣдовали цѣли, которыя не имѣли ничего общаго съ интересами Турціи.

Но для нихъ было весьма важно прекращеніе войны, которая въ продолженіи уже двухъ лѣтъ угрожала европейскому миру.

Попытку, вмѣшаться въ наши переговоры съ Портой, иностранные дипломаты сдѣлали еще тогда, когда войска наши наступали къ Адрианополю. На другой же день по занятіи Адрианополя, къ Дибичу прибылъ посланный отъ генерала Мюффлинга прусскаго генеральнаго штаба поручикъ Клеръ, съ письмами отъ Мюффлинга, англійскаго посланника Гордона и французскаго посланника Гильемино. Въ этихъ письмахъ сообщалось, что Порта рѣшила прислать уполномоченныхъ съ предложеніями, въ основѣ которыхъ лежитъ нота графа Нессельроде, но пропущено было условіе о вознагражденіи нашего правительства, о которомъ вовсе не упоминалось, а относительно вознагражденія нашей торговли турки предлагали снести послѣ съ Константинополемъ.

Донося объ этомъ государю, Дибичъ писалъ: «считаю долгомъ прежде всего сказать Вашему Величеству, что, придерживаясь смысла данныхъ мнѣ инструкцій, буду, на сколько возможно, са-

¹⁾ На возможность такого оборота намекаетъ Valentini (der Turckenkrieg, § 163) и впоследствии въ 1878 г. на тоже указывалъ Бисмаркъ.

мымъ вѣжливымъ образомъ избѣгать всякаго посторонняго вмѣшательства, несогласнаго съ приказаніями Вашего Императорскаго Величества. Я уже просилъ и снова буду просить, чтобы намъ прислали турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ по всѣмъ пунктамъ, изложеннымъ въ нотѣ графа Нессельроде и неуклонно буду слѣдовать инструкціямъ, если не получу новыхъ ¹⁾».

17 августа вмѣстѣ съ турецкими уполномоченными прибыли въ главную квартиру нашей арміи прусскій маіоръ Кистеръ съ письмомъ отъ генерала Мюффлинга, въ которомъ онъ увѣдомлялъ Дибича, что Кистеръ участвовалъ въ засѣданіи дивана вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ посланниками и можетъ сообщить Дибичу интересныя подробности объ этомъ засѣданіи.

Маіоръ сообщилъ Дибичу, что турки, встревоженные извѣстіемъ о прекращеніи переговоровъ между визиремъ и генераломъ Красовскимъ ²⁾, а еще болѣе взятіемъ Адріанополя, обратились къ французскому и англійскому посланникамъ и къ генералу Мюффлингу съ просьбою присутствовать на засѣданіяхъ дивана. Мюффлингъ, вслѣдствіе болѣзни, послалъ вмѣсто себя маіора Кистера. Прежде всего дипломаты посовѣтывали туркамъ немедленно послать уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ, а также обсудить вопросъ о вознагражденіи и подчиниться русскимъ требованіямъ. Затѣмъ, какъ писалъ Дибичъ императору Николаю, «имъ кажется совѣтывали положиться на великодушіе Вашего Величества относительно этого пункта, что довольно ловко со стороны иностранныхъ посланниковъ, но что повліяетъ весьма мало на мой образъ дѣйствій ³⁾».

Кистеръ, разговаривая съ Дибичемъ о земляхъ, которыя бы мы желали получить въ Азіи, сказалъ ему, что въ случаѣ, если мы пожелаемъ Ахалцыхъ, то это можетъ повести за собою большія затрудненія, потому что турки дорожатъ этимъ владѣніемъ, на которое они смотрятъ какъ на одно изъ самыхъ древнихъ своихъ наслѣдій и какъ на ключъ своихъ владѣній въ Азіи. Кистеръ прибавилъ, что и англичане будутъ съ завистью смотрѣть на это пріобрѣтеніе, что сэръ Гордонъ даже сказалъ, что наше требованіе Ахалцыха выходитъ изъ границъ великодушія, котораго они ожидали

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 августа 1829 года (второе въ этотъ день).

²⁾ Эти переговоры происходили подъ Шумлой.

³⁾ Письмо Дибича императору Николаю отъ 17 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 516).

отъ императора Николая, такъ какъ эта крѣпость служила бы намъ для наступательныхъ дѣйствій и занятіе ея указывало бы на предположенія объ увеличеніи земельныхъ приобрѣтеній въ будущемъ.

На эти заявленія Дибичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сообщить иностраннымъ дипломатамъ данныхъ ему инструкцій и что если мы просили объ уступкѣ Ахалцыха, то единственно для того, чтобы упрочить миръ тѣмъ, что мы лишимъ турокъ всякаго сообщенія съ кавказскими горами; далѣе Дибичъ говорилъ, «что онъ не позволитъ себѣ стѣсняться чьими бы то ни было мнѣніями и что онъ будетъ строго исполнять данныя ему инструкціи, какъ подобаешь вѣрному и исправному воину» ¹⁾).

Тогда Кистеръ высказалъ мысль, что, можетъ быть, мы удовольствуемся тѣмъ, что сроемъ укрѣпленія Ахалцыха. На это Дибичъ сказалъ ему, что онъ недостаточно знакомъ съ мѣстностью, чтобы судить объ этомъ, и что, наконецъ, это можетъ быть рѣшено только императоромъ Николаемъ.

Наконецъ, Кистеръ обратился къ предмету, который, повидимому, и составлялъ цѣль его миссіи, а именно онъ просилъ Дибича какъ можно скорѣе заключить миръ, если можно, то въ 2 или 3 дня и не приближать наши войска слишкомъ близко къ Константинополю, потому что наступленіе это можетъ вызвать революцію и заставляетъ опасаться паденія султана и имперіи. На такое заявленіе Дибичъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ возможнымъ остановить наступленіе нашихъ войскъ, направленныхъ къ Люле-Бургасу, но что если онъ замѣтитъ малѣйшее колебаніе въ уполномоченныхъ, то двинется рѣшительно впередъ и тогда послѣдствія этого рѣшенія будутъ въ рукахъ Божіихъ и не подлежатъ отвѣтственности русскаго главнокомандующаго. Къ этому Дибичъ прибавилъ, что онъ не будетъ затягивать переговоровъ и напротивъ будетъ стараться ихъ ускорить. Въ доказательство этого, Дибичъ заявилъ, что начнетъ переговоры, не дожидаясь пріѣзда двухъ уполномоченныхъ, назначенныхъ государемъ, а именно графа Палена и графа Орлова.

Замѣтимъ, что въ тотъ же день, когда въ Адрианополь прибыли турецкіе уполномоченные, Дибичъ получилъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Бургасъ графа Ѳ. Палена; тѣмъ не менѣе, онъ рѣшилъ немедленно начать переговоры и назначилъ съ этой цѣлью командующаго 18-ю пѣхотною дивизіею князя Горчакова (старшаго) и дѣйствительнаго

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича 17 августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 года, стр. 546).

статскаго совѣтника Фонтонна. а Чевкина назначилъ для веденія протоколовъ.

Это рѣшеніе доказываетъ самымъ очевиднымъ образомъ насколько Дибичъ торопился окончить военныя дѣйствія; эта торопливость становится еще болѣе очевидною, если принять во вниманіе то обстоятельство, что Дибичу уже было извѣстно о пріѣздѣ Палена въ Бургась и что слѣдовательно черезъ нѣсколько дней уполномоченные, назначенные Государемъ, уже должны были пріѣхать въ Адрианополь ¹⁾. Наконецъ, необходимо имѣть въ виду, что Дибичу трудно было самому руководить мирными переговорами, а поэтому безусловно можно сказать, что если бы онъ не жаждалъ скорѣйшаго окончанія военныхъ дѣйствій, то предпочелъ бы ожидать пріѣзда лицъ, непосредственно назначенныхъ Государемъ для веденія переговоровъ.

Намѣреніе приступить къ переговорамъ, не ожидая пріѣзда нашихъ уполномоченныхъ, Дибичъ выразилъ тотчасъ послѣ занятія Адрианополя. «Мнѣ было бы весьма желательно, писалъ онъ 9-го августа Императору Николаю, чтобы наши уполномоченные прибыли какъ можно скорѣе. Фонтонъ, который заслуживаетъ полного довѣрія за его усердіе и искусство, достойныя величайшихъ похвалъ, будетъ руководить пока переговорами съ турецкими уполномоченными, если только они пріѣдутъ раньше».

Насколько Дибичу затруднительно было лично заниматься непривычнымъ для него дѣломъ по дипломатической части, видно, между прочимъ, изъ того, что онъ самъ вынужденъ былъ *«тщательно перечитывать депеши и въ особенности хорошенько сообразить отвѣтъ»*, какъ онъ писалъ Государю 9-го августа. Къ тому же Фонтонъ былъ боленъ, такъ что Дибичу пришлось много дѣлать самому. «Весь день наполненъ у меня дѣлами, писалъ онъ Государю 17-го августа, для которыхъ недостаетъ необходимаго навыка и которымъ я долженъ однако посвятить все мое вниманіе, несмотря на полное довѣріе къ Фонтону».

Изъ заявленій посланниковъ въ Константинополь и изъ словъ Кистера, который являлся какъ бы уполномоченнымъ отъ Мюффлинга, Гордона и Гильемино, можно было сдѣлать заключеніе, что они весьма желали задержать наступленіе нашихъ войскъ, очевидно считая, что Турція больше не можетъ намъ сопротивляться. Такимъ образомъ, посредничество ихъ въ сущности приводило къ ограниченію нашихъ успѣховъ.

¹⁾ Паленъ пріѣхалъ 19-го, а Орловъ въ ночь на 20-е августа.

Но если Дибичъ изъ этихъ заявленій еще не вынесъ убѣжденія въ возможности занять Константинополь, то черезъ нѣсколько времени у него уже были такія данныя, которыя должны бы были его убѣдить въ такой возможности.

30-го августа онъ писалъ Императору Николаю ¹⁾: «послѣ всего того, что мнѣ писалъ и говорилъ прусскій посоль, приглашенный Портою для ускоренія заключенія мира, и кромѣ того изъ чтенія памятнаго документа, подписаннаго сэромъ Р. Гордономъ и графомъ Гильемино, содержащаго заявленіе Порты, подтвержденное гг. послами, что движеніе Вашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положить конецъ *существованію* Оттоманской имперіи—все это кажется мнѣ не только славнымъ памятникомъ вашего оружія, Государь, но и самую прочною гарантіею для мира, ибо никто не станетъ дѣлать подобныхъ заявленій, если осталась еще надежда на исходъ боя».

Итакъ, 30-го августа, когда миръ еще не былъ подписанъ, когда былъ перерывъ въ переговорахъ и когда войска наши, согласно заявленію Дибича, могли продолжать наступленіе, ему было ясно, что у турокъ «не осталось надежды на исходъ боя».

Такимъ образомъ, становится не совсѣмъ понятнымъ, почему Дибичъ не дѣйствовалъ съ большей рѣшительностью и не попытался занять Константинополь въ это время. Такое рѣшеніе было бы тѣмъ болѣе основательнымъ, что изъ дѣйствій иностранныхъ дипломатовъ было ясно, что они только хотятъ задержать насъ и положить предѣлъ нашимъ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Такое впечатлѣніе вынесъ и Императоръ Николай изъ сообщеній англійскаго правительства. «Полученныя извѣстія изъ Лондона, писалъ онъ Дибичу 1-го сентября ²⁾, положительно подтверждаютъ, что англійское министерство совершенно поражено успѣхами нашего оружія до такой степени, что Абердинъ сказалъ нашимъ: «ради Бога, не обходитесь съ нами *по Дибичевски* и пощадите нашу честь». Они видятъ и *не опасаются болѣе* паденія Оттоманской имперіи и *нашего владычества* въ Константинополь, словомъ, это полное торжество».

10-го сентября Государь писалъ Дибичу: «новости изъ Лондона и Парижа очень утѣшительны тѣмъ, что вполне предоставляютъ намъ окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ» ³⁾.

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича 30-го августа 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 556).

²⁾ Императоръ Николай Дибичу (13) сентября 1829 г., Елагинъ островъ («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 555).

³⁾ Императоръ Николай Дибичу 10 сентября 1829 г. Александрія. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г.) стр. 561

Наконецъ, Орловъ писалъ Дибичу изъ Константинополя въ исходѣ 1829 г.: «чѣмъ болѣе я знакоплюсь съ положеніемъ вещей здѣсь, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что занятіе вашимъ сіятельствомъ Константинополя имѣло бы тотъ же результатъ, что и занятіе Адрианополя; все осталось бы въ полномъ порядкѣ и только одно-турецкое правительство пало бы и что не было бы измѣненія христіанъ. Опасенія посланниковъ и дѣйствительныя причины его были ни что иное, какъ желаніе остановить побѣдоносныя войска Его Величества» ¹⁾).

Изъ этого видно, что западно-европейскіе дипломаты считали, что турецкія силы болѣе не могли уже сопротивляться нашей арміи, которую они считали въ 60,000 человекъ и что необходимо было подъ видомъ посредничества задержать наступленіе Дибича. Итакъ, если въ половинѣ августа у Дибича не могло быть много надежды на успѣхъ операцій противъ Константинополя, то въ концѣ этого мѣсяца взглядъ его на этотъ вопросъ долженъ былъ измѣниться въ томъ смыслѣ, что успѣхъ операцій становился возможнымъ. Тогда вновь возникаетъ вопросъ, почему же Дибичъ не рѣшился взять Константинополя въ концѣ августа, когда турки, какъ разъ въ это время, начали затягивать переговоры, съ очевидной цѣлью выиграть время.

Мы полагаемъ, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть слѣдующій: это объясняется, во-первыхъ, нежеланіемъ испортить результаты всего похода, этимъ, все же, рискованнымъ предпріятіемъ; во-вторыхъ, вмѣшательствомъ пословъ, обѣщавшихъ побудить Порту согласиться на наши условія безъ новыхъ осложненій и въ третьихъ—извѣстнымъ Дибичу взглядомъ Императора Николая на занятіе Константинополя: *Государь не желалъ занятія этого города, но допускалъ это въ крайнемъ случаѣ, если нельзя иначе заставить турокъ подписать миръ*. Отсюда вытекала условность приказанія Государя, а у Дибича не хватило характера взять на себя отвѣтственность при рѣшеніи этого вопроса. Какъ Государь смотрѣлъ на занятіе Константинополя, это лучше всего видно изъ письма его къ Дибичу отъ 1-го сентября. «Перейдемъ къ случайностямъ, осуществленіе которыхъ я, молю Бога не допустить! Это видѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ слѣдовательно вызвать исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній, на слу-

¹⁾ Письмо Орлова Дибичу, изъ Константинополя (Н. Шильдеръ, переводъ Мольтке, ч. 2-я, стр. 303, примѣчаніе).

чай если дѣйствительно дошло бы до этого. При неуспѣшности переговоровъ, *вы должны* немедленно двинуться къ Константинополю обезпечивъ себя со стороны Дарданеллъ; не обращайтесь вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе уравновѣшиваются вашею нравственною силою. Овладевъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ, вы положительно откажетесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было*» ¹⁾).

Итакъ, двинуться къ Константинополю и брать его можно было только въ случаѣ *«неуспѣшности переговоровъ»*.

Между тѣмъ, Дибичъ очень хорошо понималъ, что, если бы онъ, въ случаѣ *«неуспѣшности переговоровъ»*, двинулся впередъ, то быть можетъ, такое движеніе не столько устрасило бы турокъ, сколько заставило бы ихъ упорнѣе защищаться и тогда пришлось бы штурмовать Константинополь, т. е. *предпринять операцію, которую онъ считалъ неисполнимой для арміи въ томъ составѣ, въ какомъ она была осенью 1829 г.*

Пріемъ Дибичемъ турецкихъ уполномоченныхъ.

Дибичъ принялъ турецкихъ уполномоченныхъ 17-го августа, на другой же день по ихъ прибытіи. Свиданіе это было весьма дружественное и уполномоченные заявили, что они имѣютъ полномочія отъ самаго султана.

Донося Государю объ этомъ свиданіи, Дибичъ писалъ, что турецкіе уполномоченные «сознаютъ великодушіе Вашего Императорскаго Величества и, кажется, самъ султанъ вѣрится въ него и хочетъ измѣнить неумѣстный образъ дѣйствій Порты послѣ предложеній, сдѣланныхъ въ Шумлѣ, вызванный недоразумѣніями между подчиненными.

«Дефтедаръ и-Кази-Аскеръ—оба имѣютъ полномочія отъ самаго султана и Кистеръ говоритъ, что въ инструкціяхъ, данныхъ имъ рейсомъ-ефенди, онъ видѣлъ одинъ пунктъ, уполномочивающій ихъ уступить всѣмъ нашимъ требованіямъ. Въ такомъ случаѣ можно рассчитывать на ускоренный ходъ переговоровъ; но я не хочу еще предаваться слишкомъ смѣлымъ надеждамъ. Во всякомъ случаѣ, весьма много вѣроятія, что мы заключимъ прочный и славный миръ».

¹⁾ Императоръ Николай Дибичу 1-го сентября 1829 г., Елагинъ островъ («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 554).

Въ письмѣ отъ 24-го августа Дибичъ сообщалъ Государю до-
полнительныя свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ ¹⁾).

Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ, что турецкіе уполномоченные «обнаруживали желаніе спѣшить, насколько возможно, заключеніемъ мира: желаніе—вполнѣ соотвѣтствующее нашимъ собственнымъ намѣреніямъ. Я счелъ долгомъ, во избѣжаніе потери времени, дать имъ немедленно аудіенцію и затѣмъ открыть конференцію, а за отсутствіемъ графовъ Орлова и Палена, назначить князя Горчакова 2-го и Фонтонна, какъ моихъ делегатовъ, и Чевкина для составленія протоколовъ. На аудіенціи, лишенной всякаго излишняго этикета, я поставилъ себѣ задачу выяснитъ имъ: какъ сильно желаніе мира было постоянно поддерживаемо Вашимъ Величествомъ; сколько разъ были даны въ этомъ смыслѣ неоспоримыя доказательства, такъ что даже въ настоящее время я остановилъ движеніе нашихъ войскъ; какъ велика умѣренность условий, предлагаемыхъ нынѣ Портѣ, при обстоятельствахъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ; если настоящее положеніе Порты затруднительно, то въ этомъ она можетъ винить только саму себя, потому что она отклонила, такъ сказать, неприличнымъ образомъ, сближеніе, которое было предложено ей послѣ Кулевчи; что, наконецъ, султанъ, казалось, начиналъ убѣждаться въ великодушныхъ намѣреніяхъ Вашего Величества; что послѣдующія событія несомнѣнно укрѣпятъ въ немъ это мнѣніе и докажутъ ему, что онъ не найдетъ лучшаго и болѣе искренняго союзника, чѣмъ Ваше Величество. Затѣмъ я выяснилъ вкратцѣ главные пункты нашихъ предложеній, съ которыми, кажется, турки согласились, за исключеніемъ статьи о вознагражденіяхъ. Этою статьею Дефтердаръ, который со стороны турокъ одинъ поддерживалъ пренія, казалось, былъ приведенъ въ недоумѣніе и молчалъ, обдумывая вѣроятно свой отвѣтъ, между тѣмъ какъ Кази-Аскеръ, заговоривъ въ первый и послѣдній разъ, возразилъ, что, при помощи Божіей, все устроится къ лучшему. Разстались мы весьма любезно и турки остались въ восхищеніи отъ сдѣланнаго имъ пріема.

«Я велѣлъ немедленно приготовить проектъ трактата и представить его турецкимъ уполномоченнымъ, чтобы они могли ознакомиться съ нимъ и предварительно рассмотреть его до открытія конференціи.

«Я велѣлъ помѣстить въ проектъ maximum нашихъ требова-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 24-го августа 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь 1879 г., стр. 547).

ній, за исключеніемъ статьи, относящейся къ азіятскимъ пашалыкамъ, согласованной съ нотою гр. Нессельроде отъ 18-го іюля; а именно въ ней требовалась уступка Ахалцыха, Ахалкалаки и Ахцера, не упоминая о пашалыкѣ. Цифра вознагражденія за ущербы торговли была рѣшительно опредѣлена въ 1½ миліона голландскихъ дукатовъ, а военныя издержки въ 10 миліоновъ.

«Я пригласилъ къ себѣ уполномоченныхъ, чтобы лично передать имъ проектъ трактата и такимъ образомъ начать переговоры. Они поблагодарили меня за ускореніе дѣла, но совершенно справедливо пожелали познакомиться съ проектомъ у себя, простились и, казалось, продолжали быть въ восторгѣ».

Такимъ образомъ, 17-го августа было приступлено къ переговорамъ и, повидимому, съ обѣихъ сторонъ было желаніе довести это дѣло поскорѣе до конца.

Дибичъ предполагалъ 18-го августа продолжать переговоры, но въ это время пріѣхалъ гр. Паленъ, а въ слѣдующую ночь (20-го августа) гр. Орловъ съ канцеляріею. Съ этихъ поръ явилась возможность вести переговоры при посредствѣ лицъ, непосредственно назначенныхъ для этого Государемъ, а потому Дибичъ немедленно отозвалъ князя Горчакова, Фонтонна и Чевкина.

21-го августа главнокомандующій подписалъ полномочія графовъ Орлова и Палена и въ тотъ же день состоялось первое засѣданіе.

Первое засѣданіе о мирныхъ переговорахъ. На первомъ засѣданіи уполномоченныхъ обѣихъ державъ, происходившемъ 21-го августа, было обсуждено нѣсколько вопросовъ. Вопросъ о нейтралитетѣ острововъ при устьяхъ Дуная возбудилъ живѣйшій споръ, вѣроятно, вслѣдствіе незнакомства турецкихъ уполномоченныхъ съ мѣстностью. Пунктъ о Молдавіи и Валахіи былъ принятъ турками легко, причемъ выяснилось, что они, повидимому, не смотрятъ болѣе на княжества, какъ на свою собственность и безъ всякаго затрудненія согласились на полную уступку ихъ. Равнымъ образомъ не возникло никакихъ затрудненій относительно уступки мѣстъ, требуемыхъ нами въ Азіи; точно также легко пришли къ соглашенію и относительно статей, касавшихся убытковъ торговли и условленныхъ за это вознагражденій.

Наконецъ, дошли до статьи о вознагражденіи за военныя издержки. Турецкіе уполномоченные замѣтили, что они не могутъ представить себѣ возможности уплаты большой суммы, въ виду крайней бѣдности и финансоваго разстройства Порты, извѣстнаго

всему свѣту, такъ какъ она уже нѣсколько лѣтъ не получаетъ своихъ главныхъ доходовъ.

Имъ отвѣчали, что это обязательство, какъ бы оно трудно ни было, должно быть выполнено, чтобы вознаградить Россію за убытки, понесенные въ войнѣ, противной ея мирнымъ намѣреніямъ, что можно прибѣгнуть къ какому-нибудь соглашенію для облегченія этого бремени, которое позволило бы разсрочить этотъ платежъ на нѣсколько лѣтъ. На этомъ закончилось первое засѣданіе.

Второе засѣданіе. 22-го августа, послѣ обѣда, было второе засѣданіе.

Пренія начались съ вопроса о военномъ вознагражденіи. Турецкіе уполномоченные возобновили свои вчерашніе доводы, говоря, что они не знаютъ, какъ разрѣшить эту задачу и находятся внѣ всякой возможности принять это условіе. Тогда имъ отвѣтили, что они имѣютъ неограниченныя полномочія отъ султана. Въ свою очередь турки возразили на это, что хотя они дѣйствительно снабжены достаточными полномочіями, но, говоря по совѣсти, не могутъ принять статью, которую, по ихъ убѣжденію, султанъ не въ состояніи будетъ выполнить. Поэтому они просили десятидневную отсрочку, чтобы получить новыя инструкціи отъ своего повелителя.

Тогда наши уполномоченные обратили вниманіе турокъ на то, что согласіе на уплату вознагражденій составляетъ необходимую принадлежность мирнаго договора, но чтобы облегчить тягость этого условія, мы соглашались разложить уплату на равныя части, срокомъ даже на 10 лѣтъ, причемъ залогомъ за выполненіе этого условія должно было служить занятіе Силистріи и двухъ княжествъ, доходы съ которыхъ должны были служить процентами съ уплачиваемой суммы. Тогда турецкіе уполномоченные опять стали просить объ отсрочкѣ для полученія новыхъ инструкцій и въ тоже время предложили полную уступку участка территоріи, которая равнялась бы части или всему вознагражденію.

На это Дибичъ отвѣтилъ, что онъ не имѣетъ никакихъ приказаній отъ Государя на принятіе какой-либо территоріи, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, перечисленныхъ въ трактатѣ; что онъ ничего не можетъ рѣшить своей властью и долженъ испросить приказаній у Государя; что во всякомъ случаѣ сдѣланное турками предложеніе можетъ быть принято русскимъ главнокомандующимъ только при условіи, если оно будетъ исходить отъ султана, какъ бы по его личному почину. Эту формальность Дибичъ считалъ необхо-

димой, въ виду того, что *Императоръ Николай объявилъ всенародно, что онъ не ищетъ земельныхъ приобретений.*

Тогда турки заявили, что имъ по этому вопросу также необходимо получить инструкціи отъ султана.

Въ виду такого упорства уполномоченныхъ, Дибичъ далъ имъ десятидневный срокъ для полученія новыхъ инструкцій, но въ то же время объявилъ имъ, что наступленіе нашихъ войскъ, въ теченіе этого времени, будетъ продолжаться и уже продолжается и когда уполномоченные поспѣшили просить Дибича остановить наши войска, то онъ настоялъ на своемъ и отказалъ въ этой просьбѣ. Однако онъ объявилъ пашамъ, что «не желаетъ нарушить покой столицы и поэтому до полученія отвѣта отъ султана онъ не выдвинетъ нашихъ войскъ далѣе Силивріи. Турки съ признательностью приняли это обѣщаніе ¹⁾».

Такимъ образомъ, переговоры были прерваны на 10 дней и Дибичъ счелъ нужнымъ двинуть войска впередъ.

На донесеніе Дибича отъ 24-го августа о ходѣ мирныхъ переговоровъ, Императоръ Николай отвѣчалъ въ весьма рѣшительномъ тонѣ. Государь писалъ ²⁾: «хотя взявшись за перо, чтобы отвѣтить на ваше письмо отъ 24-го августа, я долженъ полагать, что все кончено или же въ противномъ случаѣ вы находитесь въ Константинополѣ, но на всякій случай я хочу, любезный другъ, коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ, подлежащихъ ратификаціи.

«Вполнѣ одобряю вашъ способъ дѣйствія и двухъ вашихъ помощниковъ въ переговорахъ; еще больше хвалю ваше заявленіе и предпріятыя передвиженія войскъ, съ цѣлью доказать, что не намѣрены остановиться; но не согласенъ занять княжества какъ гарантію на 10 лѣтъ! Это заставляетъ насъ выйти изъ своей роли, показываетъ, что мы хотимъ измѣнить своему слову и ищемъ предлога, чтобы не очищать княжества, а навсегда оставить ихъ за собою; кромѣ того занятіе этихъ провинцій будетъ весьма тягостно и въ денежномъ отношеніи и, что того хуже, для людей.

«Я же хочу, чтобы вмѣсто княжествъ вы удержали *прибрежные* пункты отъ залива Бургаса до Кюстенджи и *предмостное укрѣпленіе* въ Сатуновѣ. Силистрія должна остаться за нами до окончательной уплаты торговыхъ убытковъ, равно какъ и княже-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо гр. Дибича отъ 24-го августа 1829 г. (Древн. и Новая Россія, декабрь 1879 г., сор. 550).

²⁾ Императоръ Николай—Дибичу. 10-го сентября 1829 г. Александрія (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 560 и 561).

ства, и затѣмъ должны быть очищены. Если вамъ не удалось добиться уступки Карса, что я считалъ для насъ болѣе полезнымъ, то сохраните этотъ пунктъ, какъ залогъ, вмѣсто княжествъ. Соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ о неудобствѣ территориальнаго увеличенія въ Азіи, но Карсъ и Ахалцыхъ съ Батумомъ намъ необходимы, чтобы укрѣпить правую сторону нашихъ владѣній, слишкомъ открытую для турокъ. Сія уступка могла бы даже замѣнить часть денежнаго вознагражденія, какъ значится въ проектѣ, и удобнѣе для насъ, чѣмъ все остальное».

Всѣ эти указанія Императора уже не могли быть исполнены, ибо миръ уже былъ подписанъ 2-го сентября.

Продолженіе военныхъ дѣйствій. 25-го августа началось наступленіе нашихъ войскъ на Константинополь. Графъ Паленъ выдвинулся со 2-мъ корпусомъ до Киркилисы; онъ прибылъ 25-го августа въ Визу и выслалъ авангардъ въ Сарай. Отсюда онъ открылъ сообщеніе съ Черноморскимъ флотомъ, занявшимъ между тѣмъ Мидію и показывавшимся передъ входомъ въ Босфоръ, въ которомъ турецкій флотъ продолжалъ въ бездѣйствіи стоять на якорѣ ¹⁾).

На разсвѣтѣ 22-го августа выступилъ изъ Адрианополя 4-й Бугскій уланскій полкъ съ 4-мя орудіями конной роты № 27 въ Эносъ ²⁾). За этимъ отрядомъ слѣдовалъ генераль Сиверсъ съ Курляндскимъ и Смоленскимъ уланскими полками, каждый съ двумя конными орудіями № 28 роты. Населеніе повсюду встрѣчало наши войска дружелюбно, турки выдавали оружіе, а христіане умоляли о защитѣ.

Толпа конницы, подъ начальствомъ сына Салоникскаго паши, силою около 1,500 человекъ, была разсѣяна генераломъ Сиверсомъ. 26-го августа наши войска подошли къ Эносу и на другой день аянь сдалъ эту крѣпость на капитуляцію; 54 пушки составляли трофеи этого дѣла открывшаго для арміи сообщеніе съ Средиземнымъ моремъ.

Въ центрѣ, генераль Ротъ наступалъ съ 6-мъ корпусомъ по большой константинопольской дорогѣ; 26-го августа онъ достигъ Эски-Бабы, а 27-го августа занялъ Люле-Бургасъ; авангардъ его занялъ Кариштиранъ и выслалъ разъѣзды въ Чорлу и Родосто.

Въ резервѣ оставался 7-й корпусъ, занимавшій Адрианополь.

Такимъ образомъ, передовыя части нашей арміи растянулись на протяженіи около 200 верстъ, упираясь правымъ флангомъ на

¹⁾ Еще ранѣе, 17-го августа, адмиралъ Грейгъ занялъ Инаду и Самаково.

²⁾ В У. А. № 2708 (А.), рапортъ Дибича 30-го августа 1829 г. № 2837.

Эносъ, на берегу Эгейскаго моря, а лѣвымъ—на Мидію на берегу Чернаго моря.

Въ этомъ положеніи Дибичъ приказалъ войскамъ остановиться, такъ какъ 30-го августа, съ прїѣздомъ прусскаго посланника Ройера, явилась надежда на скорое заключеніе мира ¹⁾. Однако, войскамъ 7-го пѣх. корпуса приказано было 31-го августа выступить къ Люле-Бургасу; но 31-го же августа движеніе это по приказанію Дибича было отмѣнено ²⁾.

Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Турціи спокойствіе еще не совершенно было восстановлено.

Такъ, когда генералъ Шереметевъ съ Курляндскимъ уланскимъ полкомъ и двумя конными орудіями № 28 роты подошелъ 5-го сентября къ Демотикѣ, которую онъ долженъ былъ занять, то былъ встрѣченъ вооруженными жителями, не хотѣвшими впускать его въ городъ. Но такъ какъ генералъ Шереметевъ уже зналъ, что 2-го сентября былъ заключенъ миръ, то не счелъ себя вправѣ дѣйствовать силою и донесъ о случившемся главнокомандующему.

Тогда изъ Адрианополя было выслано двѣ бригады 16-й дивизіи съ одной батареей и одной легкой ротами, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Сухозанета, командированнаго по Высочайшему повелѣнію въ дѣйствующую армію. По прибытіи этихъ войскъ въ Демотику жители были приведены къ покорности и городъ былъ нами занятъ.

Между тѣмъ и на западѣ начались осложненія. Здѣсь появился Скордскій паша съ значительнымъ отрядомъ. Болѣе подробно о дѣйствіяхъ его мы скажемъ въ особой главѣ—дѣйствія отряда генералъ-адъютанта Киселева, а здѣсь упомянемъ только о томъ, что навстрѣчу этому пашѣ, наступавшему отъ Софіи черезъ Филиппополь на Адрианополь, Дибичъ приказалъ выдвинуться генералу Ридигеру съ его корпусомъ, который занялъ Мустафа-паша. Затѣмъ Кесе-Мерлидъ-паша, находившійся въ Хаскиоѣ (между Адрианополемъ и Филиппополемъ) пытался пройти черезъ Демотику въ Узунъ-Кюпрю, который тоже находился въ районѣ, занятомъ нашими войсками будто бы для расположенія на зимнихъ квартирахъ; наконецъ въ Силивріи собрались турецкія войска и между прочимъ туда прибыли изъ Константинополя четыре полка, высланные сул-

¹⁾ Всенеподданнѣйшее Дибича письмо отъ 30-го августа 1829 г. (Древняя и Новая Россія декабрь 1879 г., стр. 556).

²⁾ В. У. А. № 2864, историч. журналъ дѣйств. 7 пѣх. корпуса.
очеркъ похода.

таномъ; эти войска намѣревались пройти въ Родосто черезъ линію нашихъ передовыхъ постовъ.

Въ виду этого, Дибичъ приказалъ выдвинуть войска въ Хаскію и Силиврїи и 14-го сентября приказалъ объявить пашамъ, что онъ, наконецъ, вынужденъ будетъ прибѣгнуть къ оружію. Наблюденіе за дѣйствіями Скодрскаго паши и дѣйствія противъ него были возложены на отрядъ ген.-адъют. Киселева ¹⁾).

17-го сентября уполномоченные Порты объявили о полученіи ими изъ Константинополя ратификаціи мирнаго договора и 19-го сентября генераль Ридигеръ вернулся съ своимъ корпусомъ къ Адрианополю, а 20-го сентября прибыла туда же большая часть войскъ изъ Демотики, гдѣ былъ оставленъ только небольшой отрядъ.

Возобновленіе переговоровъ. 23-го августа изъ Адрианополя уѣхалъ курьеръ, посланный турецкими уполномоченными въ Константинополь, за новыми инструкціями. Когда въ Константинополь дошло извѣстіе о наступленіи нашихъ войскъ, то Порта рѣшила вновь обратиться къ посредничеству иностранныхъ дипломатовъ. Рейсъ-ефенди пригласилъ французскаго и англійскаго пословъ и прусскаго посланника Ройера на совѣщаніе. Они единогласно совѣтовали Портѣ подписать скорѣе миръ. Тогда турки просили, чтобы одинъ изъ пословъ отправился въ нашу главную квартиру для заявленія, отъ лица Порты, о согласіи ея на всѣ условія и съ просьбой о прекращеніи дальнѣйшаго наступленія нашихъ войскъ на Константинополь. Но послы уклонились отъ этого, считая, что они не имѣютъ права дѣйствовать въ качествѣ личныхъ посредниковъ.

Тогда турецкіе министры, поддержанные французскимъ и англійскимъ послами, настоятельно убѣждали прусскаго посланника взять на себя эту обязанность и такимъ образомъ докончить дѣло, начатое генераломъ Мюффлингомъ, который 24-го августа уже уѣхалъ изъ Константинополя. Ройеръ также уклонялся отъ этого порученія, такъ какъ цѣль послышки генерала Мюффлинга заключалась только въ облегченіи обѣимъ сторонамъ начала мирныхъ переговоровъ. Тогда султанъ письменно просилъ прусскаго посланника отправиться въ нашу главную квартиру и Ройеръ вынужденъ былъ наконецъ согласиться, тѣмъ болѣе, что къ просьбѣ султана вновь присоединились французскій и англійскій послан-

¹⁾ Дибичъ Киселеву 15-го сентября 1829 г., № 3005. (Изъ бумагъ гр. Киселева).



Эски-Сарай, главная квартира русской армии.

ники и вручили ему письма ихъ къ Дибичу. 28-го августа Ройеръ отправился въ Родосто и оттуда поѣхалъ верхомъ въ Адрианополь, куда прибылъ 30-го августа. Ройеръ немедленно былъ принятъ Дибичемъ и вручилъ ему, документъ, подписанный англійскимъ посланникомъ Гордономъ и французскимъ графомъ Гильемино, содержащій заявленіе Порты, подтвержденное послами, что движеніе нашихъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ существованію Оттоманской имперіи ¹⁾).

Это посредничество прусскаго посланника увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. По донесенію Дибича Императору Николаю «заключенію мира много способствовало отправленіе генерала Мюффлинга въ Константинополь; его сдержанная и дружественная дѣятельность, равно какъ усилія г. Ройера, продолжавшаго съ успѣхомъ то, что было начато генераломъ; они дали въ Константинополѣ ясное и истинное понятіе относительно нашихъ намѣреній съ самаго начала переговоровъ; слѣдуя затѣмъ приказаніямъ и заявленіямъ Вашего Величества, мы были въ состояніи ускорить окончаніе нашихъ сдѣлокъ ²⁾»).

Такимъ образомъ, 30 августа выяснилась возможность заключить миръ и Дибичъ донесъ Императору Николаю, что въ этотъ день онъ можетъ *«возвѣститъ увѣренность въ заключеніи славнаго мира»*.

Какъ мы видѣли раньше, въ этотъ день у нашего главнокомандующаго составилось, на основаніи точныхъ данныхъ, твердое убѣжденіе, *что движеніе нашихъ побѣдоносныхъ войскъ на Константинополь положитъ конецъ существованію Оттоманской имперіи»*, но, несмотря на такое убѣжденіе *«онъ счелъ нужнымъ оотановить движеніе генерала Рота и графа Палена»*. Въ это время 6-й корпусъ находился въ Люле-Бургасѣ, занявъ Кариштиранъ и Чорлу, а 2-й корпусъ занималъ Визу, имѣя авангардъ въ Сараѣ ³⁾).

Подписаніе мира. Наконецъ 2-го сентября послѣ обѣда въ Адрианополѣ, въ одной изъ залъ Эски-Сарая, былъ подписанъ адрианопольскій трактатъ ⁴⁾).

Донося объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ, что «нѣтъ сомнѣнія ратификація трактата будетъ немедленно доставлена Портою ⁴⁾»).

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 30-го августа 1829 г.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 30 августа 1829 г. (Др. и Нов. Россія, декабрь 1879 г., стр. 556).

³⁾ См. приложение № 23.

⁴⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича 3 сентября 1829 г.. Адрианополь (Древ. и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 556).

Но въ этомъ отношеніи нашъ главнокомандующій ошибся и прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ турки ратификовали этотъ трактатъ.

Содержаніе адрианопольскаго трактата. Сущность адрианопольскаго трактата заключалась въ слѣдующемъ:

Россія приобрѣтала все острова, находившіеся въ дельтѣ Дуная, но правый берегъ рѣки оставался по прежнему во владѣніи турокъ, причемъ на островахъ этихъ не разрѣшалось возводить укрѣпленій. Въ Азіи мы приобрѣтали Анапу, Ахалцыхъ и Ахалкилаки, а также часть территоріи близъ этихъ пунктовъ.

Отдѣльнымъ актомъ было постановлено, что Молдавія и Валахія составятъ вассальныя княжества съ собственнымъ управленіемъ и съ обязательствомъ платить Турціи дань; границей между княжествами и Турціей долженъ былъ служить Дунай, причемъ турки должны были сдать все города и крѣпости на лѣвомъ берегу этой рѣки. Въ предѣлахъ княжества не могъ жить ни одинъ мусульманинъ, за исключеніемъ купцовъ. Порта обязалась возвратить Сербіи шесть округовъ, отъ нея отторгнутыхъ, и навсегда обезпечить спокойствіе и благосостояніе сербскаго народа. Она обязалась очистить сербскую территорію въ продолженіе 18 мѣсяцевъ (за исключеніемъ мусульманъ, бывшихъ въ Бѣлградѣ и Новой Орсовѣ). Христіанскому населенію Сербіи были обезпечены свобода вѣроисповѣданія, народное и независимое управленіе, безопасность личности и свобода торговли.

Далѣе Турція предоставила русскимъ подданнымъ полную свободу торговли въ своихъ земляхъ и полную свободу плаванія по Черному морю. Босфоръ и Дарданеллы должны были быть открыты купеческимъ судамъ всехъ націй. Вознагражденіе за убытки, причиненные нашей торговлѣ было опредѣлено въ полтора милліона голландскихъ червонцевъ, съ обязательствомъ уплатить ихъ въ полтора года.

Что касается до вознагражденія за военные расходы, то рѣшено было, что Порта заплатитъ сумму денегъ, *«какая опредѣлена будетъ съ общаго согласія»*.

Какъ мы знаемъ, вопросъ о денежномъ вознагражденіи встрѣтилъ со стороны турокъ наибольшія возраженія и вызвалъ перерывъ въ переговорахъ. Турки ссылались на свою бѣдность и невозможность принять такое условіе, которое имъ не по силамъ будетъ исполнить. И дѣйствительно тотчасъ-же по подписаніи трактата уже встрѣтились затрудненія въ уплатѣ установленнаго вознагражденія.

Донося государю о подписаніи трактата, Дибичъ писалъ, «что турецкіе уполномоченные заявили, что въ настоящее время правительство ихъ рѣшительно не имѣетъ денегъ», поэтому просить уплатить въ первый мѣсяць 100,000 и остальные въ теченіе слѣдующихъ шести мѣсяцевъ. Что же касается до вознагражденія за военныя издержки, то турки обязуются уплачивать его такъ, какъ это будетъ благоугодно Вашему Величеству».

«До окончанія уплаты контрибуціи наши войска займутъ княжества и Силистрію; они останутся также въ сѣверной части Румелии, между Балканами и горами Странджи, до апрѣля мѣсяца 1830 г., а въ Болгаріи до 1 сентября того-же года. Я полагаю, что это составляетъ необходимое условіе въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи и особенно султана»¹⁾.

Наконецъ адрианопольскимъ трактатомъ Порты признала постановленія лондонскаго договора 24 іюня (6 іюля) 1827 г. и протокола 10 (22) марта 1829 г. относительно будущей участи Греціи; немедленно по размѣнѣ ратификацій адрианопольскаго договора Порты должна была назначить уполномоченныхъ для соглашенія съ полномочными отъ русскаго, французскаго и англійскаго правительствъ для приведенія въ исполненіе постановленія лондонскаго договора и протокола 10 марта 1829 г.

Признаніе со стороны Турціи независимости Греціи было важнѣе всякой территоріальной уступки. Какъ бы ни были стѣснены границы новаго греческаго государства, но уже одно существованіе его служило примѣромъ, увѣнчавшагося успѣхомъ возстанія, для сотни тысячъ грековъ, разсѣянныхъ по другимъ областямъ Турціи. Всѣ недовольные христіанскіе подданные султана могли теперь надѣяться найти помощь извнѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что турецкій флотъ пополнялся главнымъ образомъ изъ жителей Морей и Цикладовъ. Такимъ образомъ, послѣ утраты этихъ областей турецкій флотъ лишился этого источника своего комплектованія.

Такова сущность содержанія адрианопольскаго договора и достигнутыхъ нами успѣховъ.

Не лишнее отмѣтить, что адрианопольскій трактатъ былъ объявленъ во всеобщее свѣдѣніе только въ концѣ ноября; такимъ образомъ, общее содержаніе трактата и подробности не были извѣстны въ Европѣ до этого времени; приблизительно было извѣст-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 3 сентября 1829 г. (Др. и Нов. Россія декабрь 1879 г., стр., 557).

но содержаніе только главныхъ статей, въ особенности тѣхъ которыя Порты вынуждены были принять несмотря на ея сопротивленіе. Но о заключеніи отдѣльнаго акта о княжествахъ европейскимъ державамъ извѣстно не было ¹⁾).

Изъ статей договора невольно обращаетъ на себя вниманіе статья о вознагражденіи. Наши уполномоченные особенно настаивали на этомъ вознагражденіи, хотя очень хорошо знали затруднительное финансовое положеніе Порты и легко могли предвидѣть, что уплата условленныхъ суммъ будетъ затруднительна и вызоветъ недоразумѣнія, проволокки и пр.

Правда, что неуплата контрибуціи давала намъ право оккупации и Дибичъ, какъ мы видѣли, писалъ государю 3 сентября «что это составляетъ необходимое условіе, въ виду непрочнаго положенія Оттоманской имперіи и особенно самого султана». Изъ всего этого легко сдѣлать выводъ, что самая настойчивость наша относительно вознагражденія была основана главнымъ образомъ на желаніи имѣть предлогъ для вмѣшательства въ турецкія дѣла; такое предположеніе тѣмъ болѣе основательно, что размѣръ вознагражденія не могъ имѣть для насъ особеннаго значенія, въ виду незначительности суммы.

Но что наше правительство не имѣло такихъ замаскированныхъ намѣреній, это видно изъ письма императора Николая Дибичу отъ 10 сентября ²⁾).

«Изъ письма вашего Чернышеву усматриваю, что вы полагаете во всякомъ случаѣ зимовать съ войсками по ту сторону Балканъ. Я прекрасно понимаю основанія, которыя васъ къ сему побуждаютъ; но было-бы хорошо однако возвратить все, что признано будетъ возможнымъ. Это составило-бы большую экономію и они ³⁾ могли-бы возвращаться на судахъ флота, покрайней мѣрѣ, часть».

Понятно, что еслибы государь желалъ имѣть предлогъ для вмѣшательства въ турецкія дѣла, то онъ не совѣтывалъ-бы своему главнокомандующему уменьшить число нашихъ войскъ за Балканами.

Черезъ два дня, 12 сентября, государь писалъ Дибичу: «теперь, любезный другъ, я снова самымъ положительнымъ образомъ тре-

¹⁾ Paul Lacroix, Histoire de Nicolas I, t. IV. p. 375.

²⁾ Императоръ Николай—Дибичу 10 сентября 1829 г., Александрія (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г.).

³⁾ Т. е. войска.

бую отъ васъ, чтобы допустить занятіе княжествъ въ видѣ гарантіи отнюдь не дальше, чѣмъ на одинъ годъ. Бога ради, займитесь возвращеніемъ возможно большаго количества войскъ, оставивъ себѣ только крайне необходимое число. Прикажите также Гейдену, чтобы онъ половину своей эскадры отправилъ на зимовку во Франію¹⁾.

Въ письмѣ отъ 22 сентября государь вновь писалъ Дибичу: «старайтесь возвращать войска, мною требуемая: ежели обстоятельства даже снова переменятся, то всегда можно будетъ васъ своевременно усилить»²⁾.

Эти строки служатъ еще разъ неоспоримымъ доказательствомъ, что Императоръ Николай не преслѣдовалъ никакихъ тайныхъ намѣреній относительно вмѣшательства въ турецкія дѣла и нисколько не думалъ о томъ, чтобы воспользоваться «непрочнымъ положеніемъ Оттоманской имперіи и самаго султана», какъ это думалъ сдѣлать Дибичъ.

Условіями адрианопольскаго трактата государь остался чрезвычайно доволенъ. Получивъ утромъ 11 сентября письмо Дибича отъ 30 августа, въ которомъ была выражена «увѣренность въ заключеніи славнаго мира, государь писалъ Дибичу 12 сентября: «любезный другъ, не могу иначе начать мое посланіе, какъ поблагодаривъ Бога, сказать вамъ bravo, bravo и bravo. Мой отвѣтъ—Св. Георгій первой степени, который вамъ посылаю; вы его вполне заслужили! Теперь еще разъ искренно благодарю за вашъ образъ дѣйствій, столь-же твердый и искусный, сколь благородный и умѣренный. Положеніе ваше достойно главнокомандующаго русской арміи, стоящей у вратъ Константинополя. Въ военномъ отношеніи оно баснословно и воображеніемъ едва можно себѣ его представить: правый флангъ, опирающійся на флотъ посланный изъ Кронштадта, лѣвый—на севастопольскій флотъ; прусскій посланникъ, являющійся въ вашу главную квартиру и приносящій мольбы султана и свидѣтельство о гибели, подписанное посланниками Франціи и Англій. Послѣ этого остается только сказать: Великъ Богъ Русскій и спасибо Забалканскому».

Когда-же государь получилъ извѣстіе о заключеніи мира, то онъ писалъ Дибичу 22 сентября:

¹⁾ Императоръ Николай—Дибичу, 12 сентября 1829 г. Александія (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 561).

²⁾ Императоръ Николай—Дибичу, 22 сентября 1829 г., Петербургъ (Древн. и Новая Россія, 1879 г., стр. 567).

«Возблагодаривъ Всемогущаго на Марсовомъ полѣ, среди войскъ и огромной толпы, обращаюсь къ вамъ, любезный другъ, съ душевной благодарностью за счастливый конецъ, увѣнчавшій вашу блестящую кампанію.

«Адріанопольскій миръ—самый славный изъ когда-либо заключенныхъ, и вы съумѣли придать ему характеръ, приличный миру, заключенному послѣ такой войны; наша умѣренность закроетъ рты всѣмъ нашимъ клеветникамъ, а насъ самихъ миритъ съ совѣстью. Еще разъ спасибо. на всю жизнь. Чинъ фельдмаршала пожалованный вамъ сегодня, принадлежитъ вамъ по праву»¹⁾).

Хотя Россія по Адріанопольскому трактату получила немного, но Турція потеряла очень много. Отъ нея фактически были отторгнуты Греція, Сербія и княжества; срытіе крѣпостей лѣваго берега Дуная ослабляло оборонительное значеніе этой рѣки; далѣе война стоила Турціи большихъ средствъ и ей нелегко было оправиться послѣ всѣхъ перенесенныхъ потрясеній. Наконецъ однимъ изъ самыхъ непріятныхъ результатовъ войны, было уничтоженіе новой арміи; война съ Россіей погубила вновь сформированную турецкую армію, обученную съ такимъ трудомъ; но что несравненно было плачевнѣе — она уронила значеніе этой реформы въ глазахъ мусульманъ. Если-бы Турція могла пользоваться миромъ въ продолженіе десяти лѣтъ послѣ уничтоженія янычаръ, то военное созданіе султана Махмуда могло бы до нѣкоторой степени окрѣпнуть. Но Россія предупредила всѣ его намѣренія; она задушила военную реформу въ самомъ зародышѣ и надолго поколебала военное могущество Турціи.

Подписывая адріанопольскій трактатъ, султанъ тѣмъ самымъ признавалъ подорваннымъ стремленіе всей своей жизни. Для проведенія реформы пролиты были потоки крови, уничтожены древнія учрежденія и святыя обычаи родины, поколеблены вѣрованія и гордость народа. А между тѣмъ судъ Божій осудилъ начинанія султана. Если принять все это во вниманіе, то станетъ понятнымъ почему несчастный повелитель правовѣрныхъ проливалъ слезы, подписывая адріанопольскій трактатъ и, сраженный горемъ, заперся на нѣсколько недѣль въ своемъ дворцѣ, въ Терапіи.

Турки медлятъ ратифицировать договоръ. И такъ, адріанопольскій договоръ былъ подписанъ 2 сентября и Дибичъ, донося объ этомъ государю, писалъ Его Величеству, 3 сентября, что «нѣтъ

¹⁾ Императоръ Николай—Дибичу 22 сентября 1829 г., Петербургъ (Древняя и Новая Россія, декабрь 1872 г., стр. 566).

сомнѣнія, что ратификація трактата будетъ немедленно доставлена Портою».

Но надежда нашего главнокомандующаго на скорую ратификацію мира турецкимъ правительствомъ не оправдалась и прошло не мало времени, прежде чѣмъ Порта дала свою ратификацію.

Начались обычныя въ такихъ случаяхъ проволочки подъ разными предлогами, уклончивые отвѣты, ссылка на то, что уполномоченные не имѣютъ достаточныхъ инструкцій и т. д.

Все это заставило Дибича быть очень на сторожѣ и принять мѣры, на случай отказа турокъ отъ ратификаціи договора. Изъ числа этихъ мѣръ нельзя не отмѣтить слѣдующее приказаніе Дибича, данное имъ Красовскому 15 сентября¹⁾:

«Утвержденіе султаномъ мира, здѣсь заключеннаго и подписаннаго его полномочными, не подлежитъ почти никакому сомнѣнію и по послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Константинополя, ратификація должна быть выслана въ главную квартиру мою въ самомъ непродолжительномъ времени; не менѣе того предусмотрительность заставляетъ не упускать изъ виду возможности возобновленія по какому-либо непредвидимому случаю военныхъ дѣйствій и, желая не пренебречь ни однимъ обстоятельствомъ, могущимъ споспѣшествовать пользамъ нашимъ, я обратилъ особенное вниманіе на извѣстія, сообщенныя мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ о сношеніяхъ, въ которыя пытались взойти съ вами Великій визирь и Гуссейнъ-паша, о неудовольствіяхъ, которыя они питаютъ и о опасностяхъ, внушаемыхъ имъ будущей судьбою.

«Въ слѣдствіе сего я поручаю Вашему Превосходительству отобрать тайнымъ образомъ и со всею возможною осторожностью, отъ сихъ двухъ турецкихъ военно-начальниковъ обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія о будущихъ ихъ намѣреніяхъ, особливо въ предположеніи возгоранія вновь войны, едва прекратившейся между Россією и Турцією.

«Сколь-же полезны могутъ быть сіи свѣдѣнія, я долгомъ считаю замѣтить Вашему Превосходительству, что нѣтъ нужды входить вамъ въ непосредственное сношеніе съ великимъ визиремъ и Гуссейнъ-пашею и что еще менѣе было-бы благоразумно принять на насъ какія либо положительныя обязательства.

«Ваше Превосходительство почувствуете сами истину сего. Ваша проницательность укажетъ Вамъ на средства достигнуть желаемой цѣли, не подавая и повода симъ турецкимъ военно-начальникамъ

¹⁾ Государственный Архивъ, № 703, графъ Дибичъ ген. Красовскому, 15 сентября 1829 г. изъ Адрианополя.

предполагать, что мы имѣемъ какіе либо виды на ихъ будущее содѣйствіе, а мудрость, которою запечатлѣны всѣ ваши дѣйствія, служить мнѣ порукою, что тайна сихъ переговоровъ не только будетъ свято сохранена, но что вы не упустите ни одной мѣры необходимой осторожности при сношеніяхъ сего рода».

18 сентября Дибичъ писалъ императору Николаю о ходѣ переговоровъ, «что наконецъ вчера турецкіе уполномоченные заявили официально нашимъ, что къ нимъ прибыла отъ ихъ правительства ратификація и что вообще они начинаютъ обнаруживать большое усердіе для выполненія установленныхъ мирныхъ условий, безъ чего они должны ясно предвидѣть, что имъ не уступать ни одной пяди земли.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ я очень опасуюсь, чтобы певыносимая медленность турокъ не заставила-бы ихъ еще надѣлать глупостей, что, къ великому неудовольствію нашему, замедлитъ выступленіе войскъ, столь нуждающихся въ продолжительномъ отдыхѣ»¹⁾).

Несмотря однако на всѣ усилія съ нашей стороны, не смотря на угрозы, а отчасти и уступки, переговоры о ратификаціи мирнаго договора шли крайне медленно. Казалось, что турки раскаявались въ томъ, что заключили миръ съ Россіею, когда, быть можетъ еще можно было продолжать войну.

24 сентября Дибичъ писалъ императору Николаю²⁾, «что дипломатическія дѣла идутъ довольно успѣшно, хотя съ нестерпимою медленностью, свойственною вообще оттоманамъ, при веденіи своихъ дѣлъ. Эта особенность была весьма полезна намъ въ военное время, но становится весьма непріятною при мирныхъ сношеніяхъ, когда нужно требовать съ ихъ стороны выполненія данныхъ обѣщаній. Тѣмъ не менѣе я льщу себя надеждою, что иногда при помощи угрозъ, иногда оказывая имъ маленькія одолженія, оставаясь однако всегда вѣрнымъ буквѣ трактата, мы окончимъ все дѣло дружелюбнымъ образомъ; особенно, если Ваше Императорское Величество удостоите принять посольство Галиль-паши, о которомъ они, какъ кажется, очень озабочены и въ принятіи котораго я не вижу никакого неудобства. Говорятъ, что онъ человѣкъ очень обыкновенный, обладающій, однако, хорошими манерами и даже немного знающій французскій языкъ. То обстоятельство, что онъ недавно сдѣлался зятемъ султана, возвышаетъ его въ политическомъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 18 сентября 1829 года, Адрианополь (Древняя и Нов. Россія, декабрь 1859 г., стр. 565).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 24 сентября 1829 года. Адрианополь (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 568).

отношеніи: до этого времени онъ былъ извѣстенъ, какъ одинъ изъ первыхъ дѣятелей по сформированію регулярныхъ войскъ, но главнымъ образомъ, какъ усыновленный любимецъ Хозрева-паши, единственнаго челоуѣка, отличающагося своими выдающимися качествами въ Константинополь и удостоеннаго полнаго довѣрія султана, благодаря какъ твердости и усердію, выказанными противъ разныхъ заговорщиковъ, такъ и прозорливости, съ которой онъ совѣтовалъ не начинать войны съ Россіей, хотя онъ, какъ говорятъ, къ намъ не расположенъ».

Намѣреніе турецкаго правительства послать къ русскому государю особаго посла не особенно понравилось императору Николаю, который 13 октября писалъ Дибичу¹⁾, что онъ «дозволяетъ допустить пріѣздъ турецкаго посла только въ крайнемъ случаѣ и что это можетъ состояться только тогда, если окажется невозможнымъ поступить иначе, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ здѣсь для того, чтобы просить, какъ Хозревъ-мирза, о смягченіи условій, и безъ того достаточно мягкихъ».

Въ письмѣ отъ 3 октября Дибичъ вновь убѣдительно просилъ Государя принять посольство Галиль-паши. «Я осмѣливаюсь просить Ваше Императорское Величество, писалъ Дибичъ²⁾, не отказать султану Махмуду въ томъ удовольствіи, которое доставило-бы ему посольство его зятя къ Вашему Императорскому Величеству. Для его самолюбія и для благихъ намѣреній, которыя онъ связываетъ съ этимъ посольствомъ, отказъ причинилъ-бы ему, по моему мнѣнію, кровную обиду; издержки Порты для этой цѣли могли-бы быть щедрозаграждены прощеніемъ 6 миліоновъ дукатовъ; наконецъ, Ваше Величество, я осмѣливаюсь просить объ этомъ съ тою полною откровенностью, которую Вы внушили мнѣ съ 1 января 1826 года и которая съ каждымъ днемъ увеличивалась, благодаря Вашей безграничной милости, — откажитесь съ достойнымъ Васъ милосердіемъ отъ униженія побѣжденнаго врага, уничтоженіемъ флота, что умалить и уронить его въ глазахъ подданныхъ, между тѣмъ какъ вы можете создать флотъ въ два года, безъ особенно большихъ издержекъ. Столь великодушный даръ можетъ только возбудить благодарность самихъ оттомановъ, которыхъ вы поддерживаете тѣмъ самымъ на ихъ колеблющемся престолѣ».

¹⁾ Императоръ Николай—Дибичу. 13 октября 1829 г., Петербургъ (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 578).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича, отъ 3 октября 1829 г., Адрианополь, въ полночь (Древн. и Нов. Россія, декабрь 1879 г., стр. 575).

Черезъ пять дней, 8 октября, Дибичъ доносилъ государю о ходѣ переговоровъ и вновь настаивалъ на приѣмѣ турецкаго посла.

«Кажется, писалъ Дибичъ¹⁾, что диванъ рѣшился, наконецъ, нѣсколько поспѣшить выполнениемъ своихъ обязательствъ и что наши твердыя и основанныя на буквѣ трактата деклараціи, открыли, наконецъ, глаза этимъ неподвижнымъ людямъ. Утверждаютъ, однако, что султанъ, довольный разказами Ахмедъ-бея о томъ, что онъ, слышалъ и видѣлъ здѣсь, а можетъ быть менѣе удовлетворенный духомъ, царствующимъ среди албанцевъ, самъ продиктовалъ ноту дивана къ турецкимъ уполномоченнымъ, которые выражаютъ большое довѣріе нашей честности. Это важный шагъ и я рассчитываю очень, что Орловъ можетъ окончить или, по крайней мѣрѣ, направить это дѣло; но, чтобы выиграть его, я снова умоляю Ваше Величество, не отказывать въ приѣмѣ Галиль-паша, который своимъ вліяніемъ на Хозревъ-пашу и даже на самого султана, можетъ сдѣлаться весьма полезнымъ орудіемъ для нашихъ интересовъ въ Константинополѣ, оставаясь въ тоже время вѣрнымъ слугою своему государю».

«Такъ какъ первые 100,000 дукатовъ находятся уже въ дорогѣ и, вѣроятно, уже въ нашемъ районѣ и такъ какъ для Сербіи издавъ гатишерафъ, то полагаю, что мнѣ скоро представится возможность оставить Адрианополь, ибо надѣюсь, что турки не замедлятъ сдать Журжево, когда великій визирь (человѣкъ, который, несмотря на свою храбрость, стоитъ ниже всякой посредственности и которому уже двѣ недѣли тому назадъ султанъ велѣлъ сдать эту крѣпость) получитъ отъ турецкихъ уполномоченныхъ весьма убѣдительныя заявленія и особенно послѣ настойчивыхъ декларацій, которыя ему предложитъ Красовскій и извѣстій, что албанскія надежды, которыя онъ возлагалъ на Мустафу—пашу, уменьшились уже на двѣ трети, такъ какъ войска его разбѣжались, чтобы возвратиться домой, какъ только они замѣтили, что ихъ паша былъ вынужденъ остановиться».

Отвѣчая на это письмо, Государь писалъ Дибичу 29 октября²⁾: «предложеніе принять Галиль-пашу совершенно основательно, также какъ и способъ вести переговоры съ турками, дабы достигъ желаемыхъ нами перемѣнъ. Но весьма необходимо стараться, по возможности привести все къ окончанію *у васъ*, или черезъ Орлова, а если дѣло коснется важныхъ перемѣнъ—черезъ Галиль-пашу;

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 8 октября 1829 г., Адрианополь (Др. и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 576).

²⁾ Императоръ Николай Дибичу, 29 октября 1829 г., С.-Петербургъ (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 582).



Молебствие въ Адрианополь по случаю заключенія мира.

Богу извѣстно, къ чему все это привести насъ можетъ. Сущность дѣла требуетъ, чтобы, ничего не портя, стараться какъ можно скорѣе окончить. Любезнѣйшій сэръ Артуръ дѣйствуетъ позорнѣе, чѣмъ когда либо; будучи обмануть Полиньякомъ, на котораго онъ разсчитывалъ, онъ взбѣшенъ на него. Всетаки у насъ впереди восемь мѣсяцевъ, впродолженіе которыхъ онъ не можетъ предпринять ничего серьезнаго, въ случаѣ если ему придетъ фантазія, что считаю возможнымъ, ежели не воспрепятствуютъ ему затрудненія въ парламентѣ».

Дѣло о посылкѣ Галиль-паши посломъ въ Россію получило совершенно неожиданный для насъ оборотъ. Мы уже видѣли, что императоръ Николай соглашался принять Галиль-пашу только въ такомъ случаѣ, если рѣшительно нельзя будетъ придти къ соглашенію на утвержденіе Портою Адрианопольскаго договора. Затѣмъ государь выразилъ желаніе, чтобы до отправленія этого посольства султанъ принялъ гр. Орлова, которому поручено было добиться согласія султана на всѣ условія договора; при такихъ условіяхъ посольство Галиль-паши должно было имѣть исключительно характеръ акта вѣжливости и избавляло государя и наше правительство отъ веденія переговоровъ съ нимъ, что должно было привести только къ затягиванію дѣла. Между тѣмъ, Порта распорядилась иначе и 31 октября Дибичъ писалъ государю,¹⁾ что онъ получилъ депеши отъ прусскаго посланника Ройера, «содержавшія неожиданное извѣстіе о томъ, что, несмотря на все то, что Дибичъ велѣлъ передать Портѣ о миссіи Галиль-паши, и послѣ того, какъ она извѣстила, что будетъ ожидать пріѣзда графа Орлова, она вдругъ постановила въ полномъ собраніи дивана, немедленно отправить Галиль-пашу въ Одессу и что онъ садится уже на корабль; при этомъ Галиль-паша былъ облеченъ званіемъ чрезвычайнаго посла въ отвѣтъ на назначеніе гр. Орлова».

«Очень жаль, писалъ Дибичъ, что генералъ Мюффлингъ возбудилъ это дѣло и посоветовалъ отправить посольство, не спросивъ насъ; я могу только хвалить твердость, съ которою Ройеръ говорилъ въ этомъ случаѣ; но такъ какъ, весьма вѣроятно, что султанъ не обратилъ вниманія на его протестъ, и Галиль-паша, можетъ быть, уже уѣхалъ, то я тороплюсь предупредить гр. Воронцова курьеромъ

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 31 октября 1829 г., Адрианополь (Древняя и Новая Россія, декабрь 1879 г., стр. 583).

о ходѣ этого дѣла, чтобы онъ задержалъ этихъ господъ приличнымъ образомъ *въ карантинѣ*, что дастъ возможность снабдить его необходимыми инструкціями относительно дальнѣйшаго хода дѣла, соотвѣтственно съ указаніями Вашего Императорскаго Величества».

«Если тѣмъ временемъ господа эти не встрѣтятъ пріема, который, какъ говорятъ, готовятъ Орлову, то это произойдетъ по ихъ собственной винѣ. Что касается требованій и просьбъ, которыя можетъ представить Галль-паша, то мнѣ кажется, что можно бы внушить ему, во время его пребыванія въ карантинѣ, что рѣшеніе ихъ будетъ всецѣло зависеть отъ успѣха переговоровъ съ турками, которые возложены на гр. Орлова, причѣмъ не сообщать ему ничего относительно ихъ содержанія. Въ то же время мы приложимъ всевозможныя старанія, чтобы узнать данныя ему инструкціи и сообщить ихъ вице-канцлеру».

Ратификація мира. Наконецъ 16 октября состоялась ратификація адрианопольскаго договора съ турецкой стороны.

Въ этотъ-же день въ Адрианополѣ, во дворцѣ Эски-Сарай, гдѣ жилъ нашъ главнокомандующій, былъ совершенъ торжественный размѣнъ ратификацій мирнаго договора въ присутствіи генераловъ и офицеровъ дѣйствующей арміи. ¹⁾ 18 октября Дибичъ послалъ турецкія ратификаціи адрианопольскаго договора императору Николаю съ полковникомъ Будбергомъ. Въ тотъ-же день Дибичъ писалъ государю: «теперь я ожидаю каждый день извѣстія о занятіи Журжева, ибо полагаю, что великій визирь не въ состояніи попрежнему замедлять дѣла, хотя я этого всетаки опасаюсь, вслѣдствіе личныхъ связей визиря съ Скодрскимъ пашею, послѣ заявленій покорности послѣдняго и новаго султанскаго фирмана, который я поддержалъ своею весьма рѣшительною деклараціею, состоящею въ томъ, что отрядъ генерала Киселева (который сильно затрудняетъ сообщенія турокъ съ Шумлою и подвозъ продовольствія) не покинетъ Габрова, а я Адрианополя, пока не получитъ извѣстіе о сдачѣ Журжева. Послѣ этой сдачи, генералы Гейсмаръ, Киселевъ и Красовскій прикажутъ начать отступленіе за Дунай, причѣмъ послѣдній останется съ 10-ю и 11-ю дивизіями и одною гусарскою бригадою между Балканами и Дунаемъ, преимущественно въ Варнѣ и Силистріи, занявъ казаками линію отъ Ченги и Енпбазара къ Тур-

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ источникахъ указано, что обменъ ратификацій состоялся 17 октября; это опровергается письмомъ Дибича отъ 16 октября къ императору Николаю (В. 4. А. № 2895 А), отд. 2 всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 15 и 16 октября 1829 г., изъ Адрианополя, въ которомъ сказано, что обменъ ратификацій состоялся 16 октября, а въ письмѣ къ Чернышеву 16 октября (В. 4. А. № 4445) Дибичъ писалъ: «завтра будетъ обменъ ратификацій».

тукаю. Я самъ оставлю Адрианополь, чтобы расположить войска на зимнія квартиры, оберегая съ помощью казаковъ полукругъ, начиная съ Ченги, Доброля, Казана, Эски-Загры, Енаджели, Буюкъ-Дербента и кончая Василико и Ахтиобаломъ.

«Тотчасъ по занятіи Журжева, графъ Орловъ отправится въ Константинополь, чтобы исполнить возложенное на него Вашимъ Величествомъ порученіе и начать переговоры относительно возможныхъ перемѣнъ для гарантій и военнаго вознагражденія».

Такимъ образомъ, со стороны турокъ осталось неисполненнымъ только одно важное условіе—это очищеніе Журжево.

Сдача Журжен. Наконецъ, 4 ноября Дибичъ получилъ письмо отъ великаго визиря съ извѣщеніемъ генерала Лашкарева о сдачѣ 30 октября¹⁾ нашимъ войскамъ однихъ воротъ и двухъ бастіоновъ Журжи и о быстротѣ, съ которой турки стараются очистить ее.

Донося объ этомъ Государю, Дибичъ писалъ, что войска уже направлены на зимнія квартиры и что въ Адрианополѣ осталось только двѣ бригады 16-й пѣх. дивизіи, съ которыми Главнокомандующій рѣшилъ выступить изъ Адрианополя 8 ноября, ровно черезъ три мѣсяца послѣ занятія этого города.

Главную квартиру Дибичъ рѣшилъ перенести въ Бургасъ.

Въ тотъ-же день долженъ былъ выѣхать въ Константинополь гр. Орловъ для врученія султану собственноручнаго письма Императора Николая²⁾.

Выступленіе Дибича изъ Адрианополя. Наканунѣ выступленія изъ Адрианополя, Дибичъ послалъ каймакаму-пашѣ значительную сумму денегъ для раздачи бѣднымъ. На другой день явились къ главнокомандующему почетнѣйшіе жители Адрианополя, съ выраженіемъ благодарности за великодушное отношеніе русскихъ войскъ къ жителямъ и въ тоже время они сдѣлали заявленіе о бѣдственномъ положеніи многихъ семействъ; это побудило графа Дибича выдать новое пособіе.

При самомъ выѣздѣ изъ Адрианополя, Дибичъ сказалъ генералу Михайловскому - Данилевскому, исправлявшему должность дежурнаго генерала арміи: «надобно проститься съ заломъ, гдѣ былъ подписанъ миръ».

¹⁾ В. У. А. № 2708 (А) Дибичъ — графу Чернышеву 6 ноября 1829 года изъ Адрианополя.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6 ноября 1829 года, Адрианополь (Д).

Они вошли вдвоемъ въ эту залу и Дибичъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, послѣ минутнаго размышленія сказалъ: «путешественники долго будутъ приходить сюда». На это Михайловскій - Данилевскій отвѣтилъ, что «зала и весь Эски - Сарай разрушатся, но останется исторія».

«Я очень желалъ, сказалъ Дибичъ, подписать миръ 30 августа, въ день, издавна празднуемый Россіею, но переговоры не были доведены до конца и я заключилъ миръ 2 сентября, также день памятный, когда за 17 лѣтъ передъ симъ Кутузовъ уступилъ Москву.

«Какая огромная перемѣна съ тѣхъ поръ въ нашемъ положеніи! Тогда мы отдавали Москву, а теперь въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Константинополя!»

Уходя изъ залы, Дибичъ приказалъ снять со стѣны и взять въ воспоминаніе одну изъ многочисленныхъ досокъ съ изреченіями изъ Корана.

На этой доскѣ было написано золотыми буквами:

«Все въ міръ суета» ¹⁾.

Посольство гр. Орлова въ Константинополь. Мы упомянули выше, что послѣ отъѣзда Дибича изъ Адрианополя, гр. Орловъ отправился въ Константинополь для врученія султану письма Императора Николая.

23 ноября назначена была султаномъ аудіенція русскому послу въ Рамизъ—Чифтликъ. Какъ извѣстно, это были огромныя казармы на сѣверо-западной окраинѣ города, близъ деревни Топчиларъ; при этихъ же казармахъ былъ султанскій кіоскъ, гдѣ въ это время жилъ султанъ.

Въ 9 часовъ утра гр. Орловъ поѣхалъ въ Рамизъ — Чифтликъ въ сопровожденіи статскаго совѣтника Франкини, въ качествѣ переводчика, и двухъ офицеровъ—генеральнаго штаба кап. Коцебу и Павлоградскаго гусарскаго полка поручика Бахметева; весь конвой русскаго посла состоялъ всего изъ двухъ нижнихъ чиновъ — одного гусара и одного казака.

По прибытіи въ Рамизъ — Чифтликъ, Орловъ былъ встрѣченъ адъютантомъ султана, Авай-беемъ, который дожидался его у главнаго входа. Выстроившіеся близъ дороги солдаты отдали русскому

¹⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, стр. 196—197.

послу воинскую честь; офицеры разных чиновъ и всякаго оружія тѣснились по пути. Войдя въ комнату Селигдаръ — Аги (султанскаго меченосца), графъ напелъ тамъ Рейсъ-ефенди. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Рейсъ-ефенди объявилъ, что Порта сочла обязанностью оказать всякое содѣйствіе больнымъ русскимъ воинамъ, оставленнымъ въ Адрианополѣ и предоставила въ наше распоряженіе казармы, въ которыхъ помѣщенъ госпиталь. Графъ Орловъ отвѣчалъ, что Государю Императору будетъ весьма пріятно видѣть свое желаніе предупрежденнымъ. Въ это время прибылъ флигель-адъютантъ султана Ахметъ-бей просить русскаго посла къ его Величеству. Тогда Рейсъ-ефенди ввелъ гр. Орлова въ пріемную залу, гдѣ на тронѣ сидѣлъ падишахъ. Гр. Орловъ, поклонясь султану по европейски, передалъ ему письмо государя.

Когда султанъ принялъ письмо, тогда Орловъ сказалъ, что Государь Императоръ приказалъ ему засвидѣтельствовать желаніе Его Величества о вѣчномъ продолженіи мира, заключеннаго въ Адрианополѣ; къ этому Орловъ прибавилъ, что, по возстановленіи мира между обѣими народами, Государь Императоръ желаетъ вступить съ султаномъ въ сношенія личной пріязни, основанной на взаимной довѣренности и что такое дружественное намѣреніе составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей настоящаго посольства.

Султанъ отвѣчалъ черезъ Рейсъ-ефенди, что онъ съ благодарностью принимаетъ письмо Государя Императора и выраженные въ немъ дружественныя чувства, что по заключеніи мира онъ не перестанетъ заботиться о сохраненіи его и что строжайшее исполненіе всѣхъ условій Адрианопольскаго трактата будетъ предметомъ искреннѣйшихъ его стараній

Въ отвѣтъ на рѣчь султана, Орловъ высказалъ, какія счастливыя послѣдствія должно ожидать для обоихъ народовъ отъ личной пріязни между Государями, на что султанъ отвѣчалъ, что далъ русскому Императору лучшее доказательство своего расположенія отправленіемъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посольства.

Графъ Орловъ, убѣдивъ султана, что Государю Императору будетъ весьма пріятно назначеніе Галиль-паши, принесъ султану благодарность за отличный пріемъ, оказанный ему въ турецкихъ предѣлахъ и особенно въ Рамизъ-Чифтликѣ среди регулярныхъ войскъ, созданныхъ султаномъ, такъ сказать, дѣтей его.

Это упоминаніе весьма польстило султану; въ началѣ аудіенціи онъ былъ важенъ и угрюмъ, но мало по малу оживился и вступилъ въ разговоръ съ Орловымъ безъ помощи Рейсъ-ефенди.

Пользуясь этимъ, Орловъ вновь упомянулъ о регулярныхъ турецкихъ войскахъ, хвалилъ ихъ хорошую выправку и быстрые успѣхи въ военномъ искусствѣ; султанъ, видимо, съ удовольствіемъ принялъ этотъ лестный отзывъ.

На этомъ аудіенція окончилась; она продолжалась около часа. По выходѣ изъ тронной залы, Орловъ вернулся въ комнату Селигдаръ-аги, куда его проводилъ Рейсъ-ефенди. Мустафа-бей, секретарь султана, и почти всѣ генераль-адъютанты его. Здѣсь Рейсъ-ефенди объявилъ о желаніи султана, чтобы гр. Орловъ принялъ одну изъ лошадей султана, уже осѣдланную, которую его величество дарить русскому послу, въ знакъ своего особеннаго благоволенія къ нему.

Около полудня Орловъ выѣхалъ изъ Рамизъ-Чифтлика, причемъ ему были отданы такія же почести, какъ при приѣздѣ ¹⁾.

Пріемомъ гр. Орлова мы остались очень довольны. «Пріемъ гр. Орлова превзошелъ наши надежды», писалъ Дибичъ Императору Николаю ²⁾. Султанъ обѣщалъ добросовѣстнымъ образомъ соблюдать мирный договоръ, увѣрялъ, что мы впредь будемъ довольны Рейсъ-ефендіемъ, который былъ извѣстенъ своей враждебностью къ Россіи; затѣмъ фирманъ объ амнистіи христіанъ, въ которомъ было сказано, что амнистія дается имъ вслѣдствіе заключенія адрианопольскаго мира и приказаніе о поддержаніи порядка въ уступленныхъ намъ въ Адрианополѣ зданіяхъ для госпиталей, — все это были обстоятельства весьма для насъ пріятныя.

Манифестъ объ окончаніи войны. О заключеніи мира съ Турціей было возвѣщено во всеобщее свѣдѣніе слѣдующимъ Высочайшимъ манифестомъ:

«Промысломъ Всевышняго трактатъ вѣчнаго мира съ Турецкою имперію заключенъ и подписанъ обоюдными полномочными въ Адрианополѣ, во 2 день сентября.

«Всею свѣту извѣстно, что единая необходимость принудила насъ извлечь мечъ противу Порты. Въ семъ священномъ подвигѣ на защиту правъ Имперіи Нашей, любезные подданные, движимые постоянно пламеннымъ усердіемъ къ Престолу и Отечеству, ревностно жертвовали трудами и достояніемъ. Богъ благословилъ наше предпріятіе. Мужественное Россійское воинство явило новые

1) Лукьяновичъ, ч. 1-я, стр. 206—210.

2) В. У. А. № 2895 (А), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6 декабря 1829 г., изъ Бургаса.

опыты истиннаго геройства въ Европѣ и Азіи, на сушѣ и на моряхъ; оно преодолевало и трудности, природою положенныя, и жестокое противоборство отчаянныхъ враговъ. Быстро переходя отъ побѣды къ побѣдѣ, оно перенеслось черезъ горы Саганлукскія, проникло за Балканы и остановилось у самыхъ вратъ Константинополя. Но мирнымъ и незлобивымъ обывателямъ оно оказывало пощаду, челоуѣколюбіе и кротость.

«И во дни брани и славы, чуждаясь духа приобрѣтенія и расширенія владѣній Россійскихъ, мы не переставали преклонять Порту къ возстановленію взаимнаго согласія. По даннымъ отъ Насъ повелѣніямъ, военачальники съ каждою побѣдою предлагали миръ и дружество. Все было тщетно. Уже по приближеніи войскъ къ Константинополю султанъ поведеніемъ Нашимъ убѣдился, что не разрушенія его владычества мы ищемъ, а выполненія трактатовъ; тогда постигнувъ искренность Нашихъ намѣреній, простеръ онъ длани для принятія мира, неоднократно Портѣ предложеннаго.

«Миръ сей доставилъ Россіи плоды изобильные, существенные. Кровь воиновъ ея искуплена важными для Имперіи Нашей выгодами.

«Дарданеллы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Безопасность Россійскихъ предѣловъ, особенно съ Азіятской стороны, совершенно ограждена присоединеніемъ къ Имперіи Нашей крѣпостей: Анапы, Ахалскихъ, Ацхура и Ахалкалаки. Прежніе трактаты съ Портою признаны ею въ полной ихъ силѣ. Вознагражденіе убытковъ, отъ войны понесенныхъ и тѣхъ, кои подданнымъ Нашимъ причинены, обеспечено.

Заразѣ, нерѣдко угрожавшей южному краю Россіи, положены сугубыя преграды—учрежденіемъ по обоюдному соглашенію карантинной линіи на Дунаѣ. Благотворное вниманіе обращено и на судьбу единовѣрныхъ намъ народовъ, Портѣ Оттоманской подвластныхъ; преимущества княжествъ Молдавіи и Валахіи утверждены и благосостояніе ихъ упрочено и возвышено.

«Права, сербамъ дарованныя по Бухаресткому договору и Аккерманскою конвенціею подтвержденныя, оставались въ бездѣйствіи; нынѣ и сіи трактаты исполнятся неукоснительно. Политическое бытіе Греціи, опредѣленное Россіею, совокупно съ союзными державами, Англіею и Франціею, признано Портою безусловно.

«Таковыя суть основанія, на коихъ остановленъ миръ, положившій упорной войнѣ вожденный конецъ».

Западно-европейскія державы не оказали намъ никакого сопротивленія и признали адрианопольскій трактатъ, заключенный при содѣйствіи ихъ пословъ въ Константинополѣ.

«Отчаяніе и ярость Веллингтона и Меттерниха по случаю заключенія нами славнаго мира, писалъ Чернышевъ Дибичу, доказываетъ, насколько этотъ миръ дѣйствительно выгоденъ для Россіи и до какой степени образъ дѣйствій прямой, твердый и законный стоитъ выше интригъ и двуличія; газеты не шадятъ болѣе этихъ господъ и разоблачаютъ ихъ вѣроломство и глупость; но они заслужили только то, чего стоятъ, и ихъ ярость, какъ бы она ни была сильна, будетъ, тѣмъ не менѣе, безсильна ¹⁾».

Великій Князь Константинъ Павловичъ, который съ самага начала войны 1828—29 г.г., не сочувствовалъ этой войнѣ, по окончаніи ея писалъ ²⁾: «эта война, столь же неполитическая и несвоевременная, какъ и предосудительная для легитимности.

«Эта война лишь дѣло либерализма и поэтому столь превозносятся тѣми, которые ему покровительствуютъ и мнѣніи которыхъ (горжусь тѣмъ), я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ когда либо. По слабому моему разумѣнію не съ востока можемъ мы ожидать зла, но съ запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей».

Награды за войну. Государь щедро наградилъ участниковъ похода. Во главѣ ихъ стоялъ Дибичъ.

За Кулевчу онъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени; за покореніе Силистріи назначенъ шефомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, за переходъ черезъ Балканы получилъ титулъ *Забалканскаго*, за занятіе Адрианополя награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея Первозваннаго и при заключеніи мира получилъ орденъ Св. Георгія 1 степени, а 22-го сентября былъ пожалованъ фельдмаршаломъ и, кромѣ того, получилъ миллионъ рублей ³⁾.

Начальникъ штаба арміи, баронъ Толь, былъ возведенъ въ графское достоинство, получилъ ордена Св. Георгія 2-й степени и

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышеву къ Дибичу отъ 30-го октября 1829 г.

²⁾ Русскій Архивъ 1870 г., стр. 425, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ Вильгельму Николаевичу Оливъ, 20-го августа (1 сентября) 1829 г., Франкфуртъ-на-Майнѣ.

³⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу 22-го сентября 1829 г. изъ С.-Петербурга.

Св. Владиміра 1-й степени, назначенъ шефомъ 20-го егерскаго полка, въ которомъ служилъ, и получилъ 300,000 рублей.

Корпусные командиры получили слѣдующія награды:

2-го корпуса, гр. Палень 1-й—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и алмазами украшенные знаки ордена Св. Александра Невскаго; сверхъ того, онъ былъ назначенъ шефомъ Сумскаго гусарскаго полка.

3-го корпуса, генераль Красовскій—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и орденъ Св. Александра Невскаго.

6-го корпуса, генераль Ротъ—орденъ Св. Георгія 2-й степени и Св. Владиміра 1-й степени.

7-го корпуса, генераль Ридигеръ—орденъ Св. Владиміра 1-й степени и алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго.

4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генер.-адъютантъ Киселевъ—орденъ Св. Александра Невскаго.

Генераль-квартирмейстеръ арміи, ген.-маіоръ Бергъ, и дежурный генераль Обручевъ получили ордена Св. Владиміра 2-й степени.

Адмираль Грейгъ былъ награжденъ вензелемъ Его Величества на эполеты, а контръ-адмираль, графъ Гейденъ, произведенъ въ вице-адмиралы.

Управлявшій во время войны военнымъ министерствомъ, ген.-адъютантъ гр. Чернышевъ, получилъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени и 300,000 рублей.

Всѣмъ генераламъ и офицерамъ арміи и флота, участвовавшимъ въ войнѣ 1828—29 г.г., было повелѣно носить медаль на лентѣ Св. Георгія. Медаль эта была установлена Высочайшимъ приказомъ отъ 1-го октября 1829 г.

«Благоволеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрыли себя незаблемою новою славою и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный!

«Въ двухъ странахъ свѣта неумолкно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный, упорный врагъ сокрушенъ повсюду и пала передъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь его, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей.

«Смѣлою стопою переносились вы черезъ хребты горъ непроходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя принудили его къ торжественному признанію, что мужеству вашему противустать онъ не въ силахъ. Столько же отличили вы себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣж-

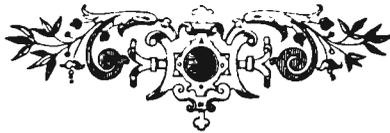
денными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей. Вы истинно достойны имени Русскихъ воиновъ.

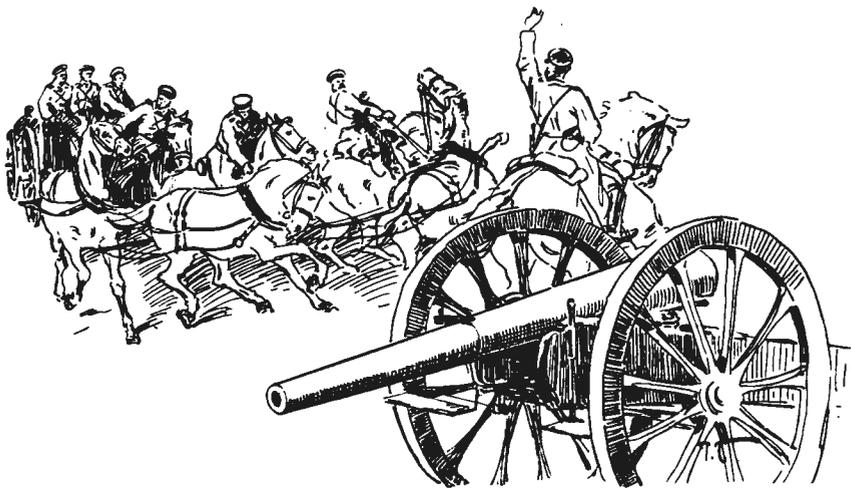
«Въ ознаменованіе толикихъ заслугъ вашихъ Престолу и Отечеству, повелѣваю носить всѣмъ участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противу турковъ въ 1828 и 1829 годахъ установленную мною особую медаль за Турецкую войну, на лентѣ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія».

Сверхъ того, всѣ генералы, штабъ и оберъ-офицеры, классные чиновники и священники, участвовавшіе въ войнѣ, получили годовой окладъ жалованья.

Нессельроде получилъ Андреевскую ленту, а Канкринъ былъ сдѣланъ графомъ.

Государь не забылъ и тѣхъ, кто оказалъ намъ услуги за границей; онъ послалъ князя Трубецкого въ Берлинъ, чтобы поблагодарить прусскаго короля, своего августѣйшаго шурина, за оказанную намъ поддержку при сношеніяхъ съ европейскими кабинетами и за содѣйствіе при заключеніи мира, оказанное намъ прусскимъ посланникомъ въ Константинополь и въ особенности генераломъ Мюфплингомъ; Государь послалъ королю въ даръ, въ знакъ сердечной дружбы, шесть лучшихъ пушекъ, взятыхъ нами у турокъ, а генералу Мюфплингу пожаловалъ орденъ Св. Владиміра 1-й степени.





ГЛАВА 6.

Дѣйствія подѣ Шумлюю.

(съ 24 юля до конца похода).

Выступление отряда Красовскаго изъ Енибазара къ Шумлѣ 24 юля.— Дѣло у Мачинскаго редута 25 юля.— Дѣйствія авангарда кн. Горчакова 25 и 26 юля.— Усиленная развѣдка турецкой позиціи между д. Чингелъ и д. Труджею 27 юля.— Дѣйствія авангарда кн. Горчакова у Демиркюя 27 юля.— Дѣло у Мачинскаго редута 28 юля.— Движеніе Красовскаго къ Кадыкюю 4 августа.— Сосредоточеніе всего корпуса у Мадерды 5 августа.— Очищеніе Праводъ нашими войсками 11 августа.— Поиски на эскистамбульскую и разградскую дороги 14 августа.— Извѣстіе о занятіи Адрианополя.— Свиданіе съ визиремъ 16 августа; переговоры о перемиріи.— Свиданіе съ Гуссейномъ 18 августа и прекращеніе переговоровъ.— Мнѣніе визира о переговорахъ.— Начало осадныхъ работъ 18 августа и ходъ ихъ до 25 августа.— Поискъ кн. Мадатова.— Двѣ атаки турокъ 25 августа.— Вылазка турокъ 29 августа.— Свиданіе Красовскаго съ Гуссейномъ 1 сентября.— Поискъ ген.-м. Муравьева 2 сентября.— Планъ атаки Шумлы Красовскаго.— Извѣстіе о заключеніи мира.— Смерть и похороны кн. Мадатова.— Молебствіе и парадъ 8 сентября.— Возвращеніе турками нашихъ плѣнныхъ.— Письмо гр. Чернышева Красовскому отъ 28 августа 1829 г.— Ученъе турецкихъ войскъ 11 сентября.— Положеніе нашихъ войскъ подѣ Шумлюю въ концѣ сентября и въ октябрѣ.

Выступление отряда Красовскаго изъ Енибазара къ Шумлѣ 24 юля. Мы оставили отрядъ ген. Красовскаго подѣ Енибазаромъ. 24 юля, вслѣдствіе полученнаго отъ Дибича приказанія¹⁾ Красовскій двинулся къ Шумлѣ съ 20-ю баталіонами, 3-й гусарской дивизіей, 1-й бригадой Бугской уланской дивизіи, съ 9-мъ Оренбургскимъ казачьимъ

¹⁾ Толь—Красовскому 21 юля № 2342 (В. У. А. № 2770, рап. Красовскаго Дибичу 22 юля 1829 г. № 1016).

полкомъ и съ полкомъ подполковника Борисова. Цѣль этого движенія заключалась въ томъ, чтобы пройти черезъ Мадерду и стать между Мурашемъ и Чифтликомъ, или въ окрестностяхъ Эскистамбула, чтобы быть въ готовности встрѣтить непріятеля отступающаго отъ Чалыкавака къ Шумлѣ.

Съ этими войсками Красовскій прибылъ къ Мадердѣ, гдѣ сталъ на ночлегъ¹⁾.

Въ Енибазарѣ были оставлены для прикрытія вагенбурга и лагеря Кременчугскій пѣхотный полкъ и 3-я легкая рота 9-й артилерійской бригады. Такъ какъ въ Енибазарѣ не осталось конницы, то на разсвѣтъ 25-го іюля былъ отправленъ изъ Мадерды въ Енибазаръ гусарскій гр. Витгенштейна полкъ.

Дѣло у Мачинскаго редута 25 іюля. Въ тотъ же день, 25 іюля, всѣ остальные войска подъ начальствомъ Красовскаго двинулись изъ Мадерды къ Марашу. Движеніе это исполнялось согласно предписанія Дибича и было въ связи съ дѣйствіями нашихъ войскъ, направленныхъ къ Чалыкаваку. Въ этотъ день, по сообщенію Дибича, предполагалась атака на Чалыкавакъ со стороны Ченчи и Доброля; кромѣ того, это движеніе имѣло цѣлью не позволить туркамъ пройти изъ Шумлы за Балканы. Въ виду этого, авангардъ отряда генерала Красовскаго долженъ былъ идти черезъ Касаплы и Марашъ къ Эскистамбулу и далѣе къ Джумаю. Такимъ образомъ, хотя движеніе отряда Красовскаго было флагновымъ по отношенію къ туркамъ, занимавшимъ Шумлу, но оно было совершенно «*въ одной общей колоннѣ*»²⁾, не выдвигая никакихъ мѣръ охраненія къ сторонѣ Шумлы. Этимъ воспользовались турки и атаковали наши войска на походѣ. А именно, когда голова колонны была у Мараша, а хвостъ ея проходилъ черезъ Касаплу, тогда визирь съ значительнымъ числомъ конницы, не менѣе 3,000 чел., поддерживаемой нѣсколькими баталіонами регулярной пѣхоты, быстро двинулся отъ Мачинскаго укрѣпленія (Мачинъ-табія) по направленію на хвостъ нашей колонны. Въ это время авангардъ колонны подъ начальствомъ начальника штаба 3-го корпуса, г.-м. князя Горчакова, (5 бат., гусарскій принца Оранскаго полкъ, 9-й Оренбургскій казачій полкъ и конная № 6 рота) уже перешелъ за Марашемъ Камчикъ и продолжалъ движеніе къ Эскистамбулу.

¹⁾ См. планъ окрестностей Шумлы, приложенный ко II части нашего труда и два плана Шумлы при III ч.

²⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго 1829 г., дѣйствія 25 іюля.

Замѣтивъ наступленіе турокъ, Красовскій послалъ приказаніе, чтобы войска «*построились въ боевой порядокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ они были расположены*»¹⁾), кромѣ авангарда, который уже находился за Камчиномъ.

Уже изъ этого одного распоряженія видно, что для отраженія турокъ не было принято никакихъ мѣръ охраненія на флангѣ колонны, со стороны Шумлы. Очевидно, что перестроеніе длинной колонны, растянувшейся отъ Касаплы до Мараша на протяженіи около 4 верстъ, не могло быть исполнено скоро, а между тѣмъ, визирь наступалъ быстро.

Пока войска строились для боя, ген. Красовскій взялъ баталіонъ 21 егерскаго полка, дивизіонъ Ахтырскаго гусарскаго полка и два орудія легкой № 3 роты 11-й артилерійской бригады и двинулся съ этими частями на ближайшія высоты по направленію къ Мачинскому укрѣпленію. Эта быстрая и рѣшительная контръ-атака увѣнчалась временнымъ успѣхомъ — картечь нашихъ орудій и атака Ахтырскаго дивизіона удержали первый натискъ турокъ. Вслѣдъ затѣмъ прибыли 1-я бригада Бугскихъ уланъ и 8 батарейныхъ орудій 9-й арт. бригады. Благодаря этимъ подкрѣпленіямъ, турки были опрокинуты и отступили къ Мачинскому укрѣпленію.

Отъ Мачинскаго укрѣпленія турки потянулись къ дер. Труджѣ. Замѣтивъ это, ген. Красовскій приказалъ начальнику авангарда князю Горчакову, слѣдить за этимъ движеніемъ турокъ, а бригаду Бугскихъ уланъ выслалъ на рысяхъ къ Мачинскому редуту, чтобы не позволить непріятелю вернуться къ нему; вслѣдъ за уланами былъ посланъ 22-й егерскій полкъ. Тогда турки бросились назадъ къ редуту, но только небольшая часть конницы едва успѣла проскакать подъ нашимъ картечнымъ огнемъ, а прочіе были разсѣяны и бросились бѣжать на гору между Мачинскимъ редутомъ и д. Труджею. 22-й егерскій полкъ преслѣдовалъ турокъ, но прекратилъ преслѣдованіе не доходя дер. Чингелъ; такимъ образомъ, непріятель скрылся отъ преслѣдовавшихъ.

Потери турокъ были довольно значительныя: по показанію плѣнныхъ до 500 чел. убитыхъ и раненыхъ и 50 чел. плѣнныхъ.

Съ нашей стороны потеря заключалась изъ двухъ убитыхъ и 18 раненыхъ нижнихъ чиновъ; сверхъ того были ранены Ахтырскаго гусарскаго полка корнетъ Дитмаръ и Бугскаго уланскаго

¹⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-м. Красовскаго 1829 г.

полка корнетъ Романовскій и легко контуженъ въ ногу ген. Красовскій.

Когда дѣло кончилось, ген. Красовскій приказалъ авангарду продолжать движеніе къ Эскистамбулу, съ тѣмъ, чтобы оттуда двинуться къ Джумаю и Османъ-Базару или, по обстоятельствамъ, къ Чалыкаваку; главныя же силы стали на ночлегъ на берегу Камчика пройдя Марашъ.

Такимъ образомъ, Красовскій обошелъ Шумлу съ восточной стороны и ничѣмъ не прикрывалъ своихъ сообщеній съ Енибазаромъ, гдѣ остались его обозы. Это обстоятельство, очевидно, возбуждало опасеніе съ нашей стороны и по этому на другой день, т. е. 26-го іюля въ 8 часовъ утра, главныя силы корпуса заняли позицію между рѣчками Стража и Баклуджа, *«дабы, какъ сказано въ историческомъ журналѣ, отвлечь вниманіе непріятеля отъ Эскистамбула, а также прикрыть лагерь при Енибазарѣ»*; впереди главныхъ силъ былъ выдвинутъ Троицкій пѣхотный полкъ съ батарейной ротой 8-й артилерійской бригады, которые заняли прошлогодніе редуты № 3 и 4.

Турки выдвинули противъ этихъ редутовъ конницу, которая послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ съ нашей стороны, отступила и болѣе турки въ этотъ день не появлялись.

На ночь главныя силы стали на прежній бивакъ на Камчикѣ, пройдя Марашъ; турки ничего не предприняли во время этого движенія.

Дѣйствія авангарда Утромъ 27 іюля было получено донесеніе
кн. Горчакова 25 и 26 отъ кн. Горчакова о томъ, что онъ 25 іюля
іюля. достигъ Эскистамбула, откуда послалъ сильныя развѣзды къ Демиркюю, гдѣ непріятеля не было замѣчено, а обнаружены только слѣды движенія его и слѣды костровъ по направленію къ Казану. 26-го іюля кн. Горчаковъ пробылъ цѣлый день около Джумаю, посылалъ оттуда развѣзды во все стороны, но нигдѣ непріятеля не замѣтилъ.

Усиленная развѣдка Въ тотъ же день, 27 іюля, ген. Красов-
позиціи турокъ между скій вновь выдвинулъ главныя силы своего
д. Чингель и д. Труд- корпуса съ бивака на Камчикѣ, у Мараша, къ
жею 27 іюля. Мачинскому укрѣпленію, гдѣ занялъ позицію, примыкая лѣвымъ флангомъ къ эскистамбульской дорогѣ съ цѣлью прикрыть этими войсками развѣдку, которую онъ рѣшилъ произвести между д. Чингель и д. Труджею.

Оставивъ войска на этой позиціи, Красовскій взялъ три баталіона, дивизионъ гусарь и часть казаковъ и съ этими войсками объѣхалъ по самой подошвѣ горы все пространство между этими двумя деревнями; во время этой развѣдки онъ нашель, что два ущелья въ горахъ, бывшія на этомъ пространствѣ, были сильно заняты турками. А такъ какъ турки выслали противъ развѣдочнаго отряда пѣхоту и конницу въ значительномъ числѣ, то Красовскій приказалъ войскамъ вернуться на мѣсто прежняго бивака.

На 28 іюля ген. Красовскій предполагалъ приказать Горчакову отвести авангардъ назадъ на соединеніе съ главными силами и всему корпусу расположиться на ночлегъ у Мадерды, а потомъ возвратиться въ Енибазаръ.

Дѣйствіе авангарда Когда ген. Красовскій вечеромъ 27 іюля
кн. Горчакова у Демир-кюя 27 іюля. вернулся на бивакъ у Мараша, то здѣсь онъ получилъ донесеніе отъ князя Горчакова о дѣйствіяхъ его отряда въ ущельи Камчика, не доходя Демиркюя. Получивъ извѣстіе, что нѣсколько сотъ турокъ занимаютъ это ущелье, Горчаковъ двинулся туда 27 іюля съ двумя баталіонами Тамбовскаго и 18 егерскаго полковъ съ намѣреніемъ произвести усиленную развѣдку. Для этой развѣдки кн. Горчаковъ назначилъ 100 охотниковъ и двѣ роты, которые попали подъ сильный перекрестный огонь турокъ и вынуждены были отступить, потерявъ 36 нижнихъ чиновъ убитыми и 92 ранеными; сверхъ того, былъ смертельно раненъ Тамбовскаго пѣх. полка подпоручикъ Добровольскій (умеръ на другой день), адъютантъ кн. Горчакова 18 егерскаго полка штабсъ-капитанъ Клейгельсъ, Тамбовскаго полка штабсъ-капитаны Ганичъ и Черногубовъ и 18 егерскаго полка прапорщикъ Колоровъ; начальникъ авангарда, кн. Горчаковъ, получилъ сильную контузію пулею въ правую руку.

Въ тотъ же день, 27 іюля, прибылъ изъ Енибазара адъютантъ ген.-лейт. князя Мадатова съ письмомъ отъ великаго визиря на имя Дибича, доставленнымъ на наши аванпосты при Енибазарѣ. Турецкій офицеръ, который привезъ это письмо, просилъ передать ген. Красовскому, что содержаніе этого письма заключаетъ въ себѣ «непріятное для всѣхъ насъ обстоятельство». Письмо это тотчасъ же было послано Дибичу и получено имъ 29 іюля во время наступленія къ Сливно.

Дѣло у Мачинскаго редута 28 іюля. Предположенное на 28 іюля движеніе къ Енибазару Красовскому не удалось привести въ исполненіе, такъ какъ турки перешли въ наступленіе. Въ

этотъ день, въ 8 час. утра, непріятельская пѣхота и конница въ большихъ массахъ заняли позицію на высотахъ передъ Мачинскимъ редутомъ; въ это же время конный отрядъ двинулся къ Касаплы, а передовыя конныя части приблизились къ нашимъ аванпостамъ и завязали съ ними перестрѣлку. Впослѣдствіи мы узнали отъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, что турки рѣшили перейти въ наступленіе по совѣту Гуссейна-паши, который 26 іюля прибылъ въ Шумлу изъ Рущука. Онъ предложилъ визирю воспользоваться тогдашнимъ раздѣленіемъ нашихъ войскъ на три части—при Енибазарѣ, Марашѣ и Экистамбулѣ, и папастъ въ ночь на 28 іюля на отрядъ, бывшій у Мараша; но турки рѣшили нападеніе это пропзвести днемъ.

Главныя силы ген. Красовскаго утромъ 28 іюля стояли лагеремъ между Марашемъ и Камчикомъ на мѣстности, закрытой отъ непріятели возвышенностью, на которой расположенъ Марашъ, и лѣсомъ. Здѣсь находилось 14 бат., 1-я бригада 3-й гусарской дивизіи, 1-я бригада Бугскихъ уланъ и казачій полкъ; на сторожевыхъ постахъ къ сторонѣ д. Чингель и Мачинскаго редута стояли казаки. Получивъ донесеніе о наступленіи турокъ, Красовскій приказалъ гусарской и уланской бригадамъ съ конной артилеріей стать въ закрытомъ мѣстѣ за Марашемъ, а казакамъ, бывшимъ на передовыхъ постахъ, отступать туда же.

Когда казаки начали отступать, то турки послѣдовали за ними и двинулись отъ Мачинскаго редута къ Марашу въ числѣ около 7000 пѣхоты съ 8-ю полевыми орудіями и пятью тысячами конницы. Когда массы ихъ уже начали приближаться къ Марашу, тогда Красовскій выдвинулъ на высоту двѣ бригады конницы съ 8-ю батарейными орудіями и двумя легкими конными орудіями, а за ними двинулъ 8 баталіоновъ и двѣ батарейныхъ роты; остальные 6 баталіоновъ и артилерія остались у Камчика. Ставъ во главѣ конницы, Красовскій повелъ ее рысью на встрѣчу турокъ, которые начали отступать, но, подпустивъ насъ на половину пушечнаго выстрѣла, открыли огонь изъ полевыхъ орудій. Тогда Красовскій приказалъ вызвать обѣ конныя роты. Едва орудія наши успѣли выпустить по два выстрѣла, какъ турки, снявъ орудія съ позиціи, начали поспѣшно отступать къ Мачинскому редуту, а частью прямо въ гору. Тогда войска наши начали энергическое преслѣдованіе: конница и конная артилерія помчались за противникомъ въ карьеръ, пѣхота быстро наступала за кавалеріей, двигаясь большею частью бѣгомъ, конно-батарейная № 19 рота и батарейная рота

9-й арт. бригады снялись съ передковъ и открыли убійственный огонь. Наконецъ, отступление турокъ превратилось въ безпорядочное бѣгство.

По показанію плѣнныхъ и возвращеннаго намъ изъ плѣна, изъ Шумлы, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитана Дюгамеля (взятаго въ плѣнъ 5 мая при Эски-Арнаутларѣ)¹⁾, неудача турокъ въ этомъ нападеніи на наши войска была полная и, послѣ дѣла, визирь приказалъ казнить двухъ миралаевъ (бригадныхъ командировъ) и трехъ албанскихъ старшинъ и кромѣ того разжаловалъ въ рядовые одного полковника и одного маіора.

Турки потеряли въ этомъ дѣлѣ около 1000 чел. Наша потеря состояла изъ 4 убитыхъ, 38 раненыхъ и 2 контуженныхъ нижнихъ чиновъ; сверхъ того, ранены Ахтырскаго гусарскаго полка корнеты Помажевскій и Буржинскій, 1-го Бугскаго уланскаго полка подпоручикъ Ремли и корнетъ Шокинъ и контуженъ Ахтырскаго гусарскаго полка поручикъ Дика; особенность раненій въ этомъ дѣлѣ та, что всѣ были ранены саблями и пиками.

Когда остатки бѣгущихъ турокъ скрылись за Мачинскимъ редутомъ и разсѣялись по горамъ, тогда Красовскій приказалъ войскамъ отойти на бивакъ къ Камчику, куда прибылъ и кн. Горчаковъ съ авангардомъ; въ тотъ же вечеръ войска перешли къ Магердѣ, а къ разсвѣту 30 іюля прибыли въ Енибазаръ.

Во время этихъ передвиженій турки насъ не беспокоили.

Донося объ этомъ дѣлѣ государю, Дибичъ назвалъ Красовскаго «слишкомъ смѣлымъ генераломъ²⁾».

Движеніе Красовскаго Въ ночь на 4 августа ген. Красовскій къ Кадыкію двинулся со всѣмъ корпусомъ къ Кадыкію, куда и прибылъ къ 5 часамъ утра 4 августа.

Весь лагерь былъ оставленъ у Енибазара подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 21 егерскаго полка, 4 орудій 3 легкой роты 11-й артиллерійской бригады и по десяти человекъ отъ роты и эскадрона со всего корпуса.

Занявъ Кадыкію, Красовскій выѣхалъ впередъ съ небольшимъ конвоемъ для осмотра мѣстности и непріятельскаго расположенія. Этотъ осмотръ привелъ его къ убѣжденію, что подступы къ Шумлѣ

¹⁾ Отправляя Дюгамеля, визирь поручилъ передать Красовскому, что онъ съ удовольствіемъ отпускаетъ его безъ разпѣна.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 г. изъ Адрианополя (у Шильдера, переводъ Мольтке, приложения къ ч. 2-й, гл. 4-й, стр. 253.

со стороны Дормуса (Дормуша) ¹⁾ гораздо болѣе затруднительны, чѣмъ можно было предполагать, такъ какъ всѣ склоны высотъ и проходы между ними обстрѣливались сильнымъ огнемъ съ батарей. Утромъ же посланы были разъѣзды и отрядъ конницы, изъ которыхъ самый сильный былъ посланъ къ Разграду; по возвращеніи этихъ разъѣздовъ выяснилось, что непріятеля они нигдѣ не замѣтили, и тогда весь отрядъ двинулся къ Мадердѣ, куда и прибылъ въ тотъ же день къ девяти часамъ вечера; непріятель насъ при этомъ движеніи не тревожилъ.

Сосредоточеніе всего 5-го августа къ войскамъ, стоявшимъ у *корпуса въ Мадердѣ*. Мадерды, присоединились всѣ обозы, оставленные въ Енибазарѣ.

Съ этого дня войска стали у Мадерды (впереді ея) съ цѣлью слѣдить за движеніями непріятеля изъ Шумлы къ Балканамъ.

Войска расположились слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 8-я пѣхотная дивизія, въ центрѣ три артилерійскія роты, на лѣвомъ флангѣ 9-я пѣхотная дивизія, имѣя во второй линіи Черниговскій пѣхотный полкъ и 4 орудія легкой № 3 роты 11-й артилерійской бригады; вся конница стала за 8-ю дивизію.

Ставъ ближе къ Шумлѣ, войска наши имѣли возможность болѣе тщательно слѣдить за турками, нападать на фуражировъ, выславшихся изъ крѣпости, захватывать плѣнныхъ, посылать разъѣзды вокругъ Шумлы и пр.

«Вообще надобно замѣтить, сказано въ историческомъ журналѣ ²⁾, что со времени перехода наблюдательнаго корпуса отъ Енибазара къ Мадердѣ и по мѣрѣ того, какъ непріятель былъ болѣе и болѣе тѣснимъ нашими войсками около крѣпости, духъ въ турецкихъ войскахъ замѣтнымъ образомъ сталъ упадать, побѣги съ каждымъ днемъ увеличивались, такъ что во время бывшаго сего числа ³⁾ дѣла девять человекъ изъ регулярной турецкой кавалеріи, пользуясь общимъ смятеніемъ, у нихъ происшедшимъ, и будучи въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста сраженія, перебѣжали къ намъ съ оружіемъ и лошадьми».

Такимъ образомъ, мы убѣдились въ пользѣ держать наблюдательный отрядъ поближе къ Шумлѣ, но къ сожалѣнію, сдѣлали это

¹⁾ Или подступы къ позиціи Трубецкаго, какъ называлъ ее Дибичъ въ письмѣ государю отъ 9 авг. 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго 1829 г., о дѣйствіяхъ 8 августа.

³⁾ т. е. 8 августа.

слишкомъ поздно, когда походъ уже кончался и послѣ того, какъ туркамъ удалось выслать изъ Шумлы значительную часть войскъ для поддержки отрядовъ, дѣйствовавшихъ противъ насъ по южную сторону Балканъ.

Очищеніе Праводъ 11-го августа. Пока происходили всѣ эти дѣйствія подъ Шумлой, произошла перемѣна и въ расположеніи войскъ въ Праводахъ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ всѣ укрѣпленія были нами разрушены, то Дибичъ приказалъ часть Праводскаго гарнизона, а именно Полоцкій пѣхотный полкъ, перевести черезъ Кеприкію въ Еникію, а другую часть (3-ю бригаду 10-й пѣх. дивизіи, два орудія легкой № 2 роты 18-й арт. бригады, одну роту 7-го піонернаго баталіона и часть донскаго казачьяго Александрина полка) перевести въ Ченги, куда эти войска прибыли 12 августа, выступивъ изъ Праводъ 11 августа.

Перемѣщеніе этихъ войскъ было сдѣлано съ цѣлью наблюдать за горными тропинками между Ченги и Чалыковакомъ, чтобы узнать, не двинетъ-ли непріятель по этимъ тропинкамъ войска изъ Шумлы къ Карнабату и вообще въ тылъ нашимъ войскамъ, находившимся за Балканами.

Поиски на экистамбульскую и разградскую дороги 14 августа.

Желая затруднить подвозъ къ Шумлѣ пасаговъ со стороны Балканъ и Разграда, Красовскій рѣшилъ произвести въ ночь на 14 августа два полка на экистамбульскую и разградскую дороги; для этого было назначено два отряда—на экистамбульскую дорогу отрядъ флигель-адъютанта полковника Плаутина, состоявшій изъ гусарскаго принца Оранскаго полка и казачьяго подполковника Борисова полка, а другой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Арсеньева, состоялъ изъ гусарскаго графа Витгенштейна полка и 9-го Оренбургскаго казачьяго полка и долженъ былъ дѣйствовать на разградской дорогѣ. Отряды эти стали въ ночь на 14 августа въ закрытыхъ мѣстахъ на упомянутыхъ дорогахъ, а для поддержанія ихъ и отвлеченія вниманія и силъ турокъ, Красовскій выступилъ со всемъ корпусомъ 14 августа изъ лагеря при Мадердѣ и расположился нѣсколько далѣе пушечнаго выстрѣла отъ передовыхъ непріятельскихъ укрѣпленій въ слѣдующемъ порядкѣ: главныя силы—между рѣчками Стражею и Буланлыкомъ. Такое выдвиженіе всего корпуса къ Шумлѣ имѣло еще и другую цѣль, а именно сдѣлать осмотръ мѣстности, откуда предположено было начать осаду Шумлы.

Между тѣмъ, конные отряды, расположившіеся въ засадѣ, на-

нали на обозы, которые слѣдовали въ Шумлу по эскистамбульской и разградской дорогамъ и захватили ихъ, а затѣмъ напали на фуражировъ и на команды людей, уходившихъ изъ Шумлы; подводы съ запасами были уничтожены на мѣстѣ, такъ какъ невозможно было ихъ увезти по дурнымъ дорогамъ, а въ лагерь были приведены 170 плѣнныхъ и 220 штукъ рогатаго скота.

Пока все это происходило, турки заняли позицію противъ той, которую занимали войска корпуса Красовскаго и послали сильные отряды на эскистамбульскую и разградскую дороги; но эти войска двинулись по назначенію въ то время, когда наши отряды уже присоединились къ корпусу. Когда у насъ замѣчено было движеніе турецкаго коннаго отряда на разградскую дорогу, то противъ него была послана 1-я бригада Бугскихъ уланъ съ полубатареею конно-батарейной № 19 роты; послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ турецкая колонна отступила въ крѣпость. Послѣ этого весь корпусъ пошелъ обратно къ Мадердѣ, а турки ушли въ крѣпость, когда войска наши отошли за Буланлыкъ.

Извѣстіе о занятіи Адрианополя. Въ тотъ же день, 14 августа, передъ черней зарей, было получено изъ главной квартиры арміи извѣстіе о занятіи Адрианополя. Тогда на другой день утромъ была совершена литургія и послѣ нея отслужено благодарственное молебствіе, а по окончаніи его всѣ войска проходили церемоніальнымъ маршемъ.

Свиданіе съ визиремъ; переговоры о перемиріи. Въ этотъ же день Красовскій послалъ визірю письмо, въ которомъ увѣдомилъ его о занятіи Адрианополя и предлагалъ ему личное свиданіе, причемъ предоставлялъ визірю назначить время и мѣсто свиданія.

Въ томъ же письмѣ Красовскій писалъ визірю, что по случаю такого радостнаго событія, какъ занятіе Адрианополя, онъ отпускаетъ на волю всѣхъ плѣнныхъ турокъ, взятыхъ въ теченіе послѣднихъ дней и просилъ визіря отпустить русскихъ, находившихся въ плѣну въ Шумлѣ.

Необходимо отмѣтить, что первая попытка начать мирные переговоры была сдѣлана со стороны турокъ. Мы уже знаемъ, что 29 іюля во время наступленія къ Сливно было получено Дибичемъ письмо отъ великаго визіря отъ 27 іюля съ предложеніемъ о заключеніи перемирія.

Не получая отвѣта на это письмо, визірь пожелалъ видѣться съ кн. Мадатовымъ, который, съ разрѣшенія Красовскаго, имѣлъ

съ визиремъ свиданіе 1 августа подъ Шумлой ¹⁾). Начавъ свиданіе выраженіемъ особеннаго удовольствія своего, «познакомиться съ своимъ землякомъ», визирь спрашивалъ, скоро ли онъ получитъ отвѣтъ на свое письмо къ Дибичу. Общее заключеніе, которое можно было сдѣлать изъ этого свиданія, состояло въ томъ, что визирь очень желалъ скорѣе заключить перемиріе.

6 августа Дибичъ писалъ Красовскому: «Если визирь обнаружитъ желаніе прекратить военныя дѣйствія, тогда уполномочиваю я Ваше Превосходительство заключить таковое перемиріе на кондиціяхъ въ запискѣ, при семъ прилагаемой, и относящейся только до войскъ и арміи, командованію моему на сухомъ пути въ Европѣ вѣрренныхъ» ²⁾).

Условія эти были слѣдующія:

«1) Сдача Шумлы, Рушука, Журжи, Видина со всѣми ихъ матеріалами.

«2) Сдача Шумлы должна совершиться въ 24 часа и войска, тамъ находящіяся, должны были отправиться въ Тырново.

«3) Сдача другихъ вышеупомянутыхъ крѣпостей будетъ распредѣлена по срокамъ.

«4) Перемиріе будетъ продолжаться только 3 недѣли, въ теченіе коихъ переговоры о мирѣ будутъ производиться со всевозможною дѣятельностью».

Вотъ условія, которыя Красовскій долженъ былъ предъявить визирю, но Дибичъ разрѣшалъ ему не настаивать на сдачѣ Рушука и Видина и ограничиться только сдачею Шумлы и Журжи ³⁾).

Визирь отвѣчалъ Красовскому въ тотъ же день, 15 августа, письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Я получилъ письмо Вашего Превосходительства, которымъ увѣдомляете о дѣлахъ Адрианополя, объ отпускѣ Вами плѣнныхъ и предлагаете возвратить русскихъ, находящихся въ Шумлѣ, и назначить свиданіе съ Вашимъ Превосходительствомъ. Наши плѣнные прибыли, — я же буду имѣть въ виду возвращеніе русскихъ плѣнныхъ; приличіе не дозволяетъ мнѣ отказать отъ свиданія съ Вами.

«Успѣхи и побѣды происходятъ отъ воли Всемогущаго и, безъ сомнѣнія, не зависятъ отъ смертныхъ; съ помощью Божіею переговоры о мирѣ уже начались съ министрами блистательной Порты, въ коихъ принимаютъ участіе посланники французскій и англійскій, въ Константинополѣ находящіяся, а также генералъ, прибывшій отъ двора прусскаго ⁴⁾, и есть надежда, что оныя скоро кончатся къ общему спокойствію.

¹⁾ В. У. А. № 2770, Красовскій Дибичу 1 авг. 1829 г. № 1069.

²⁾ В. У. А. № 2770, Дибичъ Красовскому 6 авг. 1829 г. № 2591.

³⁾ В. У. А. № 2770, Толь Красовскому 6 авг. 1829 г. № 2592.

⁴⁾ Это былъ ген. Мюфлингъ.

«Кромѣ того, посланы курьерами офицеры отъ посланниковъ къ дворамъ англійскому, французскому и російскому и въ главную квартиру вашей арміи.

«Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ повелѣніе отъ султана о назначеніи съ моей стороны чиновниковъ для переговоровъ о статьяхъ мира, которые мною уже и посланы съ полномочіями.

«Надѣюсь, что, съ помощью Божіею, надняхъ послѣдуетъ заключеніе мира, коего послѣдствія будутъ благодѣтельны. По симъ причинамъ военныя дѣйствія должны прекратиться и дружество должно замѣнить вражду.

«Относительно же дружескаго свиданія нашего, я прошу Ваше Превосходительство самихъ опредѣлить мѣсто и время для онаго ¹⁾».

Свиданіе Красовскаго съ визиремъ состоялось на другой же день, 16 августа, у фонтана, находившагося близъ редута № 3, гдѣ было приготовлено нѣсколько палатокъ.

Къ часу дня на мѣсто свиданія прибылъ генераль Красовскій въ сопровожденіи кн. Мадатова, кн. Горчакова и небольшой свиты, состоявшей изъ офицеровъ генеральнаго штаба и адъютантовъ.

Конвой состоялъ изъ ординарцевъ и вѣстовыхъ гусарскихъ полковъ и сотни казаковъ, которые были оставлены въ нѣкоторомъ отдаленіи.

Ко времени прибытія ген. Красовскаго, у палатки находились старшіе чины свиты визиря и ожидали его, выстроясь пѣшкомъ у входа въ палатку, а черезъ нѣсколько минутъ прибылъ визирь со свитой, состоявшей изъ 200 пашей и офицеровъ, конныхъ и пѣшихъ.

Прибывъ на мѣсто свиданія, визирь пригласилъ ген. Красовскаго съ его свитою въ одну изъ палатокъ, гдѣ были предложены кофе и трубки. Послѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ привѣтствій, вся свита перешла въ другія палатки и между начальникомъ нашего отряда и визиремъ начались переговоры.

Красовскій предъявилъ визирю полученныя имъ отъ главнокомандующаго условія перемирія, причемъ потребовалъ сдачи только Шумлы и Журжева ²⁾.

Но верховный визирь рѣшительно отвергнулъ такія условія и предлагалъ заключить перемиріе до окончанія мирныхъ пере-

¹⁾ В. У. А. № 2872, истор. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго 1829 г.

²⁾ «Въ историч. журналѣ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ген.-маіора Красовскаго 1829 г.» сказано, что Красовскій потребовалъ сдачи только Шумлы, а визирь писалъ 18 августа, что Красовскій требовалъ сдачи Шумлы и Журжева.

говоровъ, которые, по его мнѣнію, должны были вскорѣ кончиться.

Въ отвѣтъ на это, Красовскій указалъ визиру на общее положеніе дѣлъ на театрѣ войны, на быстрые успѣхи нашего оружія, на то, что въ Константинополѣ весьма мало войскъ, что покореніе этого города, вѣроятно, будетъ исполнено также легко, какъ и занятіе Адрианополя; далѣе Красовскій указалъ на общее сочувствіе къ намъ жителей, которые встрѣчаютъ войска наши съ хлѣбомъ и солью, и что при такихъ условіяхъ намъ легко вести войну; затѣмъ онъ далъ почувствовать визиру, что намъ извѣстна слабость Шумлы и въ заключеніе онъ обратилъ вниманіе визиря на то, что онъ долженъ рѣшиться на заключеніе перемирія на предложенныхъ нами условіяхъ, ради спасенія Константинополя и султана.

На это визирь возражалъ, что сдача Шумлы вовсе не нужна, такъ какъ миръ, безъ сомнѣнія, будетъ подписанъ черезъ нѣсколько дней. Но когда Красовскій объявилъ визиру, что главнокомандующій и во время мирныхъ переговоровъ не прекратитъ военныхъ дѣйствій, что тѣ условія, которыя могутъ быть приняты въ Адрианополѣ, измѣнятся въ Константинополѣ и что онъ не можетъ измѣнить предписанныхъ ему главнокомандующимъ условій, то визирь, подумавши, просилъ дать ему время на размышленіе и, взявъ у Красовскаго письменныя условія, обѣщалъ на другой день къ вечеру прислать отвѣтъ, съ тѣмъ, чтобы послѣзавтра утромъ имѣть новое свиданіе и рѣшительно кончить такое важное дѣло, чего онъ не можетъ сдѣлать собственной властью безъ совѣщанія съ «важными лицами». Красовскій согласился на такую отсрочку, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ еще начать осадныхъ работъ, такъ какъ осадная артилерія и запасный паркъ только вечеромъ 16 августа прибыли къ Мадердѣ вмѣстѣ съ саперною ротою и дивизиономъ уланъ и должны были выдержать карантинъ въ теченіе «нѣ котораго испытательнаго термина».

Свиданіе съ Гуссейномъ . 17 августа было получено отъ визиря 18 августа и прекраще- письмо, въ которомъ онъ предлагалъ Красовскому свиданіе на слѣдующій день, на томъ же мѣстѣ и въ тотъ же часъ, причемъ на совѣщаніи этомъ долженъ былъ находиться кромѣ визиря и Гуссейнъ-паша.
ніе переговоровъ.

На другой день, 18 августа, въ полдень ген. Красовскій прибылъ на мѣсто свиданія; его сопровождали кн. Мадатовъ, кн. Горчаковъ, офицеры генеральнаго штаба, адъютанты и многочислен-

ный конвой, состоявший из гусаръ и уланъ (по 10 человекъ отъ каждаго полка) и сотни казаковъ.

Гуссейнъ-паша уже находился въ палаткѣ, окруженный большою свитой; когда Красовскій прибылъ къ палаткѣ, Гуссейнъ вышелъ изъ нея и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу нашему генералу. Свита и зрители, тѣснившіеся у палатки, тотчасъ были удалены и начались переговоры.

Гуссейнъ передалъ Красовскому извиненіе визиря, который не могъ прибыть на свиданіе, вслѣдствіе болѣзни. На самомъ дѣлѣ визирь находился въ той же палаткѣ за перегородкой и слышалъ весь разговоръ, какъ онъ самъ объ этомъ говорилъ Красовскому, послѣ заключенія мира.

Начавъ переговоры, Гуссейнъ весьма пріятнымъ и ловкимъ образомъ объявилъ Красовскому, что, такъ какъ визирь послалъ полномочныхъ къ Дибичу, то онъ не можетъ приступить къ заключенію перемирія, пока не получитъ отъ нихъ извѣстій.

Вслѣдствіе такого отзыва, Красовскій прекратилъ переговоры и свиданіе вскорѣ кончилось.

Изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ становится яснымъ, что визирь предлагалъ начать переговоры о перемирії только въ расчетѣ на выигрышъ времени, такъ какъ онъ предполагалъ, что съ началомъ переговоровъ русскіе прекратятъ военныя дѣйствія. Но когда онъ узналъ, что военныя дѣйствія не будутъ прекращены во время веденія мирныхъ переговоровъ, что перемиріе можетъ быть заключено только на три недѣли и лишь при условіи сдачи Шумлы и Журжева, то онъ отказался отъ веденія переговоровъ о перемирії, подъ предлогомъ, что онъ послалъ къ Дибичу уполномоченныхъ.

Эти уполномоченные дѣйствительно были посланы визиремъ еще въ первыхъ числахъ августа и Дибичъ получилъ отъ нихъ письмо изъ Тырнова съ извѣщеніемъ, что они назначены великимъ визиромъ для веденія мирныхъ переговоровъ; Дибичъ получилъ это письмо 9 августа въ Адрианополѣ, куда и пригласилъ ихъ пріѣхать. Но эти уполномоченные не прибыли въ нашу главную квартиру, а 17 августа прибыли другіе прямо отъ султана¹⁾.

Въ тотъ же день, когда состоялось второе свиданіе, т. е. 18 августа, визирь сообщилъ подробности о переговорахъ, веден-

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9 и 17 августа 1829 г. (Древняя и новая Россія, 1879 г., декабрь, стр. 539 и 545.

ныхъ съ Красовскимъ на первомъ свиданіи 16 августа Тагиръ-ефенди ¹⁾).

Сообщивъ объ условіяхъ, предложенныхъ Красовскимъ, визирь пишетъ далѣе: «я удивляюсь, что названный генераль, подъ видомъ доброжелательства, настаивалъ на исполненіи этого предложенія, между тѣмъ какъ вы мнѣ не сообщаете ничего по этому вопросу, хотя вы уже должны быть въ Адрианополѣ и очень хорошо знаете, на какихъ условіяхъ было рѣшено въ Константинополѣ начать мирные переговоры съ Россіей.

«Положеніе вещей здѣсь и обстоятельства въ столицѣ не должны никомъ образомъ ускользнуть отъ вашей проницательности.

«Быть можетъ, генераль Красовскій старается усыпить меня съ намѣреніемъ облегчить положеніе его начальника ²⁾ и заслужить его похвалу. Въ виду этого я приглашаю васъ сообщить мнѣ, какъ можно скорѣе, выгодно или невыгодно принять предложенныя мнѣ условія и въ тоже время сообщить мнѣ, какимъ образомъ можно устроить это дѣло, чтобы не пришлось мнѣ совершить что либо пагубное для нашей вѣры и имперіи».

Изъ этого письма ясно видно, что 18 августа визирь совершенно не былъ ориентированъ относительно общаго положенія Турціи и совершенно не зналъ видовъ своего правительства.

Вотъ почему онъ послѣ свиданія 16 августа отложилъ переговоры на два дня, а затѣмъ совершенно отказался продолжать ихъ.

Начало осадныхъ работъ 18 августа. Тотчасъ послѣ свиданія 18 августа Красовскій вернулся къ войскамъ, расположеннымъ у Мадерды и немедленно двинулъ ихъ къ Шумлѣ; черезъ часъ войска заняли позицію, примыкая правымъ флангомъ къ рѣчкѣ Баклунджи, а лѣвымъ къ рѣчкѣ Страджѣ.

На этой позиціи расположилось: пѣхоты 10,564 чел., конницы 5023, артилеріи 1982, піонеръ 385 и лошадей строевыхъ 5037 и нестроевыхъ 1940; всего 17,954 человекъ.

Всего: 18 баталіоновъ, 38 пѣш. ор., 22 эск. 10 с., 16 к. ор., 1 піон. б. и 30 осад. ор. ³⁾).

¹⁾ В. У. А. № 2770, lettre du grandvezire á Choumla au Kehay Bey Tahir—Effendi á Andrinople 18 Août 1829. (18—30 августа).

²⁾ Т. е. Дибича.

³⁾ Подробное описаніе войскъ см. приложеніе № 24 (изъ историч. журн. Краевского 29 г.).

Сверхъ того, при Мадердѣ были оставлены баталіонъ 18 Егерскаго полка и одно орудіе легкой № 3 роты 11-й артилерійской бригады въ кругломъ редутѣ, устроенномъ для прикрытія излишнихъ тяжестей и матеріаловъ, приготовленныхъ для осады Шумлы.

Такъ какъ все было готово къ тому, чтобы начать осадныя работы, то къ нимъ приступлено было немедленно. Именно, въ ночь на 19 августа былъ заложенъ редутъ № 1 на 8 орудій въ 250 саженьяхъ отъ непріятельскаго укрѣпленія Узунъ-канлы-табія (что значитъ — длинная, кровавая батарея), построеннаго противъ нашего прошлогодняго редута № 12; отъ редута № 1 былъ выведенъ влѣво, до рѣчки Баклунджи, ложементъ. Эта работа была произведена на столько быстро и успѣшно, что къ разсвѣту въ редутѣ уже были введены два легкихъ орудія и люди имѣли въ немъ уже достаточное закрытіе отъ выстрѣловъ, несмотря на то, что ночная работа производилась подъ непріятельскимъ огнемъ.

Цѣлью предстоявшихъ осадныхъ работъ ген. Красовскій поставилъ занятіе трехъ передовыхъ турецкихъ укрѣпленій: Узунъ-канлы - табія, Мюхордаръ - табія и Селиктаръ - табія. Занятіе перваго изъ этихъ укрѣпленій было весьма важно, такъ какъ, имѣя его въ своихъ рукахъ, мы могли дѣйствовать по самой Шумлѣ и по огромному лагерю, который находился внутри ея.

Въ послѣдующее время, до почти на 21 августа, мы продолжали осадныя работы, развивали старыя и возводили новыя укрѣпленія.

Такъ, днемъ 19 августа была начата вправо отъ редута № 1 траншея, а въ ночь на 20 августа она была построена на длину въ 500 шаговъ, глубиною въ 4 фут. и шириною въ 6 фут., а при оконченности этой траншеи была заложена батарея № II на 8 ор. Отъ этой батареи была проведена новая траншея въ 32 шага длины и на концѣ ея заложенъ редутъ № V.

20 августа въ 170 шагахъ отъ редута № I заложена кессель-батарея; ночью на 21 число окончена батарея № IV и въ ней прорѣзаны амбразуры на 6 осадныхъ и 4 батарейныхъ орудія; въ редутѣ № V тоже прорѣзаны амбразуры; кессель-батарея № II окончена и заложена таковая же № III.

Такъ какъ мы узнали отъ переметчиковъ, что турки собрали значительныя силы позади Узунъ-канлы-табія и намѣреваются на разсвѣтѣ атаковать насъ, то по приказанію Красовскаго ровно въ полночь на 21 августа были пущены сигнальныя ракеты и про-

изведены два фальшивыхъ нападенія казаками на турецкія укрѣпленія; тогда турки открыли сильный огонь изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій для отбитія предполагаемаго ими штурма, но сами не перешли въ наступленіе.

Тревогами такого рода мы не ограничились, а рѣшили тревожить турокъ и въ окрестностяхъ Шумлы. Съ этой цѣлью въ ночь на 20 августа былъ высланъ отрядъ, состоявшій изъ гусарскаго гр. Витгенштейна полка съ казаками, подъ начальствомъ полковника Арсеньева, для поиска по направленію къ разградской дорогѣ; отрядъ обошелъ деревни Кадыкіой, Дерекіой, Узунларъ и Чумурлу и на другой день вернулся въ лагерь; у д. Кадыкіой отрядъ встрѣтилъ двѣ партіи турокъ, которыя тотчасъ скрылись за свои укрѣпленія.

21 августа былъ произведенъ другой поискъ по направленію къ экистамбульской дорогѣ; въ этомъ поискѣ участвовалъ уланскій полкъ и казачій подъ начальствомъ генераль-маіора Пашкова; этотъ поискъ также способствовалъ тому, чтобы заставить турокъ опасаться за свои сообщенія и стѣснить ихъ въ Шумлѣ.

Въ теченіе трехъ дней, 19, 20 и 21 августа, осадныя работы производились подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, несмотря на который потери наши за эти 3 дня были не особенно велики; мы потеряли ранеными — 2 офицеровъ и контуженными — 4 офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито 11, ранено 28 и контужено 19 человекъ.

Въ ночь на 22 августа правѣ батареи № III былъ сдѣланъ выходъ изъ параллели, а также были прорѣзаны и замаскированы остальные амбразуры. Въ эту же ночь возведенныя нами укрѣпленія были вооружены слѣдующимъ образомъ:

Редуть № I—единороговъ пудовыхъ— 2	
пушекъ 24 фунт.	— 4
легкихъ орудій	— 2
	<hr/>
	8.
Кессель-батарея № II—мортиръ 2-хъ пудовыхъ—3	
Кессель-батар. № III—мортиръ 2-хъ пудовыхъ—3	
Батарея № IV—единороговъ пудовыхъ—2	
пушекъ 18 фунтов.	— 2
батарейныхъ орудій	— 4
	<hr/>
	14.
Редуть № V — пушекъ 18 фунтов.— 2	
легкое орудіе	— 1
	<hr/>
	3.
	<hr/>
Всего	25 орудій.

22 августа было отслужено молебствие и въ концѣ его произведена салютаціонная пальба¹⁾, послѣ которой тотчасъ же былъ открытъ сильный огонь по непріятельскимъ тремъ редутамъ (Узунъ-канлы, Мюхордаръ и Селиктаръ). Эта неожиданная канонада, повидимому, произвела у турокъ большое смятеніе; они отвѣчали намъ огнемъ изъ всѣхъ своихъ укрѣпленій, но замѣтно было, что огонь съ Узунъ-канлы-табія вскорѣ ослабѣлъ и нѣсколько орудій на немъ совершенно замолчали.

Огонь съ нашей стороны продолжался въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и подъ покровительствомъ этой канонады мы произвели цѣлый рядъ работъ. А именно, днемъ 22 августа между батареями № III и № IV былъ сдѣланъ плацдармъ; въ кессель-батареяхъ № II и № III было вырыто по второму погребу и батарея № IV совершенно окончена; сверхъ того, производилась починка поврежденных, сдѣланныхъ непріятельскими снарядами.

Въ ночь на 23 августа вправо отъ кессель-батареи № III была выведена изъ параллели траншея впередъ болѣе нежели на половинное разстояніе отъ редута Узунъ-канлы-табія; отъ конца этой траншеи проведенъ зигзагъ, длиною въ 60 сажень, и на концѣ его заложена батарея № VI на 8 осадныхъ и 2 батарейныхъ орудій.

Для прикрытія этихъ работъ былъ назначенъ Тамбовскій пѣхотный полкъ, который вытѣснилъ турокъ штыками изъ ложементовъ, находившихся впереди Узунъ-канлы-табія.

Все это пришлось сдѣлать въ темную ночь, во время которой непрерывно шелъ проливной дождь.

Днемъ 23 августа на батареѣ № VI были сдѣланы помѣщенія для орудій и подступы, выведенные къ этой батарее изъ первой траншеи, были уширены.

Въ теченіе 22 и 23 августа наши потери состояли изъ одного раненаго офицера и одного контуженнаго; нижнихъ чиновъ убито 6, ранено 19 и контужено 14 человекъ.

Въ послѣдующее время до ночи на 25 августа батарея № VI была приведена въ окончательно готовый видъ и при ней устроена кессель-батарея № VII.

Въ ночь на 25 августа во всѣхъ построенныхъ нами укрѣпленіяхъ артилерія была перемѣщена такимъ образомъ, что къ 25 орудіямъ, которыя уже были въ этихъ укрѣпленіяхъ, было прибавлено еще 3 орудія, въ батарею № VI было перемѣщено: еди-

¹⁾ По случаю дня коронаціи Имп. Николая I.

ноговъ пудовыхъ—3, пушекъ 24 фунт.—3, пушекъ 18 фунт.—3, и въ кессель—батарею № VII поставлено $\frac{1}{2}$ пудовыхъ мортиръ 4, а въ редутъ № I число орудій убавлено съ 8 на 5; въ батареѣ № IV убавлено 6 орудій (осталось только 2) и въ редутъ № V вмѣсто 3 оставлено 2 орудія.

Съ разсвѣтомъ 25 августа былъ открытъ огонь изъ всѣхъ орудій батареи № VI и огонь этотъ былъ такъ удаченъ, что въ теченіе дня были сбиты всѣ орудія въ передовомъ фасѣ Узунъ-канлы-табія и подъ вечеръ непріятель ограничивался огнемъ изъ укрѣпленій Селиктаръ и Султанъ-табія; въ тоже время замѣтно было, что турки дѣятельно работали надъ удлиненіемъ Узунъ-канлы-табія влѣво, а на заднемъ фасѣ этого редута поставили 7 орудій большаго калибра и нѣсколько мортиръ.

Поискъ кн. Мадатова. Ночью на 25 августа ген. Красовскій выслалъ конный отрядъ для поисковъ въ тылу у непріятеля и съ цѣлью мѣшать подвозу припасовъ въ Шумлу изъ Тырнова и Джумая. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 2-й бригады 3-й гусарской дивизіи (полки гр. Витгенштейна и принца Оранскаго), двухъ эскадроновъ 1-го Бугскаго уланскаго полка и 6-ти орудій конной № 6 роты, подъ начальствомъ кн. Мадатова; всего въ отрядѣ было 10 эскадроновъ и 6 конныхъ орудій, силою около 2000 человекъ.

Обойдя Шумлу съ сѣвера, Мадатовъ прибылъ 26 августа къ дер. Ютукларъ на дорогѣ изъ Шумлы въ Рущукъ; здѣсь онъ узналъ отъ жителей, что по дорогамъ изъ Рущука и Разграда никакихъ подвозовъ продовольствія въ Шумлу не бываетъ, но что подвозъ припасовъ производится по дорогѣ изъ Тырнова черезъ Джумай. Тогда Мадатовъ перешелъ, 27 августа, на эту дорогу и сталъ у д. Кесекіой (Кюсакіой); вскорѣ замѣченъ былъ обозъ, который тянулся къ Шумлѣ, и противъ него была выдвинута партія, которая разсѣяла прикрытіе и захватила до 100 подводъ съ сухарями и ячменемъ. Узнавъ отъ болгаръ и плѣнныхъ турокъ, что по дорогѣ сзади шель еще обозъ, Мадатовъ выслалъ противъ него одинъ эскадронъ гусаръ, который нашель на дорогѣ множество брошенныхъ подводъ съ припасами, которые и были уничтожены.

Въ тоже время другой эскадронъ былъ отправленъ въ Джумай, гдѣ жители встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью и тотчасъ-же послали къ Мадатову депутатовъ для выраженія покорности.

По показанію депутатовъ подвозъ съ юга черезъ Джумай въ Шумлу прекратился съ тѣхъ поръ, какъ войска наши перешли черезъ Балканы.

29 августа Мадатовъ выступилъ обратно и вернулся въ лагерь нашихъ войскъ 31 августа, вновь обойдя Шумлу съ сѣверной же стороны.

Во время этого поиска мы имѣли еще разъ возможность убѣдиться, какъ дружелюбно къ намъ относилось мѣстное населеніе; жители охотно предлагали намъ разнаго рода припасы за самую дешевую цѣну и заявляли, что они будутъ привозить припасы въ въ нашъ лагерь.

Результатомъ поиска кн. Мадатова былъ захватъ нѣсколькихъ сотъ подводъ, уничтоженіе значительнаго числа ихъ, за невозможностью увезти въ лагерь, и наконецъ мы захватили около сотни плѣнныхъ и привели 50 лошадей и 400 головъ рогатаго скота.

День атаки турокъ 25 августа. Въ теченіе 25 августа на батарее № VI было подбито турками 4 осадныхъ орудія, а въ этотъ день вечеромъ, при заходѣ солнца, непріятельскою бомбою былъ разрушенъ на той же батарее погребокъ, въ которомъ находилось отъ 60 до 70 зарядовъ; тогда послѣдовалъ довольно сильный взрывъ, который, сверхъ ожиданія, не причинилъ намъ значительнаго вреда и потерь.

Тотчасъ послѣ взрыва турки двинулись въ атаку нѣсколькими колоннами, но были отбиты картечнымъ и ружейнымъ огнемъ.

На ночь ген. Красовскій приказалъ добавить къ шести баталіонамъ, находившимся въ траншеяхъ, еще два баталіона и принять всѣ мѣры предосторожности, на случай повторенія непріятельской атаки.

Ночью такое нападеніе дѣйствительно и произошло.

Турки двинулись въ атаку на нашу позицію большими массами; но, когда они прошли только около половины разстоянія до нашихъ укрѣпленій, тогда у насъ былъ открытъ убійственный огонь и вслѣдъ затѣмъ войска наши двинулись въ контръ-атаку. Непритель былъ опрокинутъ и началъ быстро отступать подъ натискомъ нашей нѣхоты; при этомъ Тамбовскій полкъ и одинъ баталіонъ Троицкаго полка на плечахъ непріятели ворвались въ передовой турецкій редутъ, вооруженный 12-ю орудіями. Эта лихая, рѣшительная атака была произведена подъ начальствомъ полковника Желтовскаго и майора Римскаго-Горсакова. Однако, частямъ этимъ не удалось удержаться въ редутѣ; турки перешли въ энергичную контръ-атаку и значительными силами атаковали редутъ, занятый Тамбовцами и Троицкимъ баталіономъ; тогда въ редутѣ, среди глубокой темноты, произошла кровопролитная схватка, во время ко-

торой были убиты командиръ Тамбовскаго полка, полковникъ Желтовскій, и командующій Троицкимъ полкомъ, маіоръ Римскій-Корсаковъ. Не получивъ подкрѣпленій, войска наши вынуждены были отойти назадъ и возвратились въ траншеи, причемъ непріятель ихъ не преслѣдовалъ.

Потери наши были слѣдующія: убиты командиръ Тамбовскаго полка, полковникъ Желтовскій, и командующій Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ, маіоръ Римскій-Корсаковъ, того же полка поручикъ Зубатовъ и 103 нижнихъ чиновъ; ранены — начальникъ 9-й пѣх. дивизіи, ген.-лейтенантъ Бартоломей, Троицкаго пѣх. полка капитанъ Тимоченко и подпоручики Петровъ и Жаковскій; Тамбовскаго пѣх. полка—подпоручики Кустъ-Кисловичъ, Корольковъ, Калита и прапорщикъ Марковъ и 139 нижнихъ чиновъ. Контуженъ былъ командиръ 18 Егерскаго полка, полковникъ Домети. Затѣмъ при отступленіи нами было оставлено на мѣстѣ 24 раненыхъ нижнихъ чина; такимъ образомъ, вся потеря наша состояла изъ 12 офицеровъ и 266 нижнихъ чиновъ.

Съ разсвѣтомъ 26 августа, турки открыли сильный огонь по нашимъ укрѣпленіямъ и производили его до полудня 26 августа, когда, по предложенію сераскира Гуссейна—паши, военныя дѣйствія были прекращены на 3 часа для уборки убитыхъ и раненыхъ, оставшихся съ обѣихъ сторонъ между нашими и турецкими укрѣпленіями.

Вылазка турокъ 29 августа.

28 августа визирь получилъ извѣстіе о движеніи отряда Мадатова на Тырновскую дорогу; въ виду этого онъ рѣшилъ атаковать наши войска, оставшіяся подъ Шумлой. (Планъ окр. кр. Шумлы).

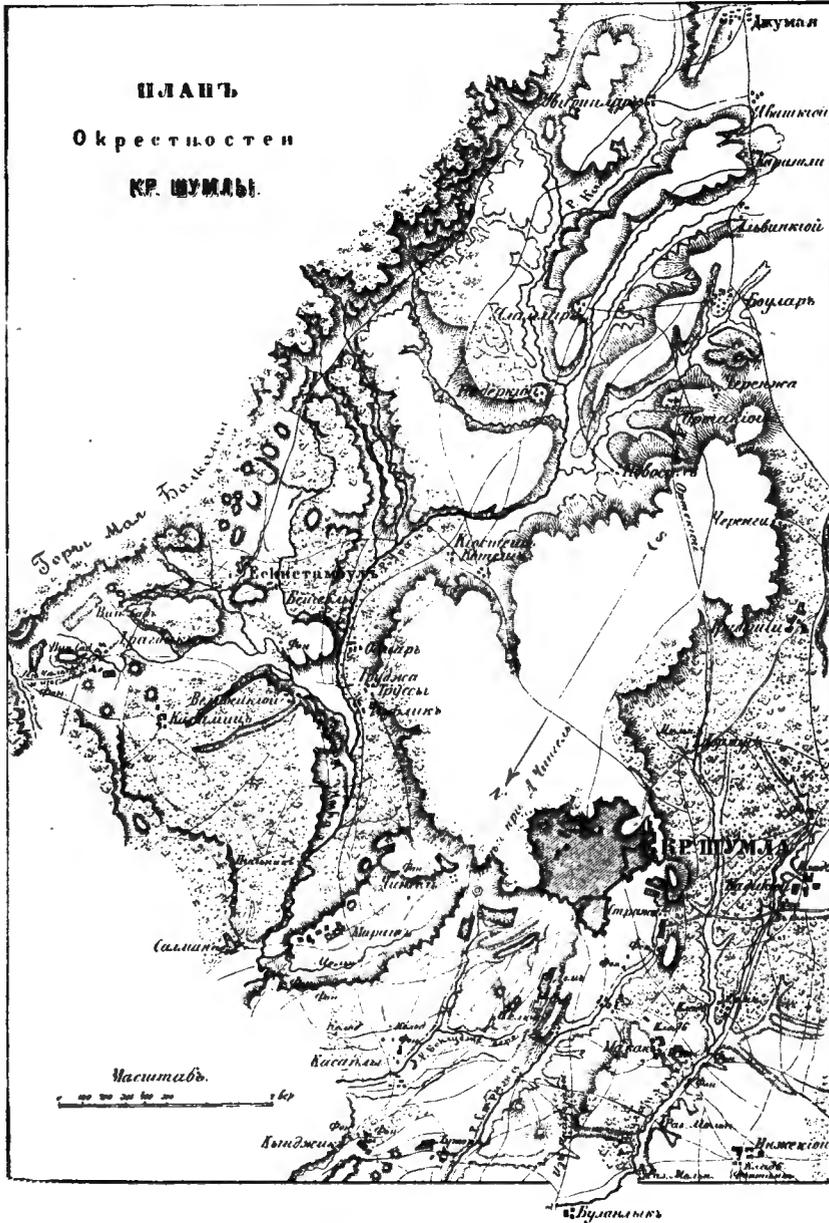
29 августа онъ выступилъ изъ Шумлы съ 7-ю баталіонами, 8-ю полевыми орудіями и 4000 человекъ конницы и быстро двинулся къ курганамъ, которые находились между рѣчкой Страджею и р. Буланлыкомъ.

Движеніе это было замѣчено у насъ въ самомъ началѣ и тотчасъ же генераль Красовскій принялъ мѣры для противодѣйствія.

Такъ какъ турки наступали въ обходъ нашего праваго фланга, то Красовскій приказалъ поставить на высоты, близъ р. Страджи, вправо отъ нашихъ траншей, 17 егерскій полкъ и 4 орудія.

Затѣмъ самъ Красовскій выступилъ изъ лагеря съ 1-ю и 2-ю бригадами 8-й пѣхотной дивизіи, съ 8-ю легкими пѣшими орудіями, съ 1-ю бригадою 3-й гусарской дивизіи, со 2-мъ Бугскимъ уланскимъ полкомъ съ 8-ю конно-батарейными и двумя легкими

конными орудіями (всего: 8 бат., 8 п. ор., 12 эскадр. и 10 кон. оруд.).



Замѣтивъ наступленіе этихъ войскъ, визирь приказалъ своимъ войскамъ строиться въ боевой порядокъ около кургановъ ¹⁾ и

¹⁾ Это было то мѣсто, гдѣ въ 1828 г. стояла наша главная квартира.

открыть огонь изъ орудій. Между тѣмъ, войска наши взяли направленіе на правый флангъ турокъ, съ цѣлью отрѣзать ихъ отъ Шумлы и отбросить къ р. Буланлыку. Дѣло разыгралось очень быстро: какъ только наша артилерія открыла огонь и обозначилось направленіе наступленія нашихъ войскъ, какъ турки, не принимая атаки: обратились въ бѣгство, поспѣшно увозя свои орудія къ укрѣпленію, гдѣ въ предыдущемъ году былъ нашъ редутъ № 5 (сѣверо-восточнѣе д. Страджи). Тогда войска наши бросились преслѣдовать турокъ, которые бѣжали за свои укрѣпленія.

Потери наши были слѣдующія: раненъ Александрійскаго гусарскаго полка ротмистръ Фитингофъ и 10 нижнихъ чиновъ и убито 2 нижнихъ чина.

Турки потеряли значительно больше насъ.

Между тѣмъ, осадныя работы наши постепенно усовершенствовались настолько, что къ 31-му августа достаточно было ихъ занимать только тремя баталіонами, которые при помощи этихъ укрѣпленій вполнѣ были въ состояніи отразить значительно большія силы.

Турки также усилили свою позицію у Узунъ-канлы-табія и къ 28-му августа имѣли здѣсь уже 24 орудія противъ нашихъ 28-ми, изъ числа коихъ они сбили 4 осадныхъ орудія; такимъ образомъ, артилерія обѣихъ сторонъ была въ одинаковомъ количествѣ.

Что касается до общаго числа войскъ, которыми мы располагали подъ Шумлою въ началѣ сентября, то оно осталось почти безъ измѣненія противъ того, что у насъ было 18-го августа. при началѣ осадныхъ работъ. А именно, пѣхоты мы имѣли 10,388 чел. (меньше на 176 чел.), конницы 5,012 (меньше на 11 чел.), артиллеріи 1650 чел. (меньше на 342 чел.), піонеръ, саперъ и осаднаго инженернаго парка 483 (больше на 98 чел.), всего 17,533 чел., меньше на 421 чел.

Такое незначительное уменьшеніе объясняется тѣмъ, что къ войскамъ подъ Шумлу прибылъ 15-й егерскій полкъ, одинъ баталіонъ 18-го егерскаго полка, 2-я минерная рота сапернаго баталіона, два эскадрона 1-го Бугскаго уланскаго полка, 4-й уральскій полкъ и еще нѣкоторыя мелкія части; всего въ началѣ сентября у Красовскаго было: 21 б., 37 п. ор. 30 осадн. ор., 24 эск., 20 к. ор., 3 каз. полка и 1 піонерный баталіонъ ¹⁾).

¹⁾ Подробное росписаніе войскъ къ 1-му сентября 1829 г. подъ Шумлою см. прилож. № 25.

Свиданіе Красовскаго 1-го сентября Гуссейнъ извѣстилъ Красовскаго, что по порученію верховнаго визиря онъ проситъ свиданія съ начальникомъ нашего отряда ¹⁾).

Предложеніе это было принято и на свиданіе съ Красовскимъ прибыли Гуссейнъ-паша и Нашидъ-бей, главный чиновникъ по дипломатической части при визирѣ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, сдѣланныхъ отъ имени визиря Гуссейнъ изложилъ Красовскому слѣдующее. Во-первыхъ, онъ объявилъ ему, что визирь не получаетъ никакихъ извѣстій изъ-за Балканъ и находится въ совершенномъ невѣдѣніи относительно того, что тамъ происходитъ, что онъ не знаетъ ничего о ходѣ мирныхъ переговоровъ и проситъ Красовскаго дать ему по этому вопросу необходимыя свѣдѣнія.

Красовскій отвѣчалъ, что, насколько ему извѣстно, переговоры продолжаются съ уполномоченными, которыхъ прислалъ султанъ и что въ скоромъ времени или будетъ подписанъ миръ, или Константинополь будетъ въ нашихъ рукахъ. Затѣмъ Красовскій передалъ Гуссейну какія мѣста были въ то время заняты нашими войсками, какъ въ Европейской, такъ и въ Азіатской Турціи. Гуссейнъ отвѣчалъ на это, что онъ не сомнѣвается въ дальнѣйшихъ успѣхахъ съ нашей стороны, *«ибо мы побѣдили народъ и войско болѣе великодушіемъ, нежели оружіемъ»*. Потомъ, вздохнувъ, онъ сказалъ: «султанъ прогнѣвался на меня за Рущукъ, но было время въ теченіе нынѣшней кампаніи, когда я могъ быть полезнѣе; еслибы мнѣ поручили оборону Балканъ, то хотя они и были бы пройдены, но не съ такой легкостью, какъ это случилось».

Затѣмъ Гуссейнъ спросилъ, какія же наши требованія? На это Красовскій отвѣчалъ, что хотя ему и неизвѣстны наши требованія, но что доказанное на опытѣ великодушіе нашего государя можетъ убѣдить турокъ, что Его Величество не желаетъ унижить ни достоинства, ни чести турецкой Имперіи. Къ этому Красовскій прибавилъ, что онъ самъ заслужилъ похвалу Государя за хорошее обращеніе съ силистрійскими жителями и съ гарнизономъ этой крѣпости, что Государь благодарилъ его за это столько же, какъ и за взятіе Силистріи и что Государь приказалъ отпустить въ отечество многія семейства, бывшія въ плѣну.

¹⁾ У Лукьяновича (ч. 4-я. стр. 121) ошибочно сказано, что свиданіе состоялось 4-го сентября.

На это Гуссейнъ и Нашидь-бей отвѣчали, что Богъ даруетъ успѣхи нашему оружію за такіе великодушныя поступки.

Нашидь-бей во время разговора намекнулъ, что визирь считаетъ весьма опаснымъ и критическимъ свое положеніе въ случаѣ, если Константинополь будетъ занятъ до заключенія мира. Въ отвѣтъ на этотъ намекъ, Красовскій обратилъ вниманіе Гуссейна на то, что въ этомъ случаѣ визирь и онъ могутъ оказать важную услугу султану и отечеству, если примутъ предложенныя Дибичемъ условія перемирія прежде, чѣмъ Константинополь будетъ занятъ нашими войсками. Подумавъ нѣкоторое время, Гуссейнъ отвѣчалъ: «вы говорите съ нами искренно и откровенно, я вамъ вѣрю вполне и соглашаюсь съ вами, что намъ нужно хорошенько подумать объ этомъ, на что я постараюсь обратить вниманіе визиря».

На это Красовскій отвѣчалъ, что мы обязаны поступать искренно и откровенно, слѣдуя волѣ и правиламъ нашего великаго Государа, который всѣми дѣлами доказываетъ свѣту, что онъ ничего не скрываетъ, поступая во всѣхъ случаяхъ справедливо. Гуссейнъ-паша почти не далъ договорить Красовскому, поспѣшно схватилъ его за руку и съ жаромъ сказалъ: «мы вашего Императора обожаемъ и боготворимъ!»

Свиданіе закончилось выраженіемъ взаимныхъ добрыхъ чувствъ и въ самомъ концѣ Гуссейнъ, шутя, сказалъ, что онъ въ дѣлахъ съ нами лишился лучшихъ своихъ лошадей и что тѣ, которыя остались у него, терпятъ большой недостатокъ въ сѣнѣ; на это Красовскій отвѣчалъ, что лично Гуссейну онъ готовъ служить всѣмъ и предложилъ прислать къ намъ подводы за сѣномъ.

Поискъ г.-м. Муравьеви 2-го сентября Красовскій приказалъ 2-го сентября. отправить на тырновскую дорогу, въ тѣ же мѣста, гдѣ дѣйствовалъ отрядъ кн. Мадатова, новый отрядъ, состоявшій изъ Александрійскаго гусарскаго полка и 200 казаковъ, подъ начальствомъ г.-м. Муравьева.

Отрядъ этотъ отбилъ у непріятеля болѣе 160 повозокъ съ продовольствіемъ и взялъ въ плѣнъ около 130 человекъ, но такъ какъ на развѣтѣ 5-го сентября Красовскій получилъ извѣстіе о заключеніи мира, то тотчасъ приказалъ Муравьеву вернуться въ лагерь; вслѣдствіе этого поискъ былъ прекращенъ и отрядъ Муравьева въ ночь на 7-е сентября вернулся къ корпусу.

Планъ атаки Шумлы Красовскаго. Въ то время когда Дибичъ шелъ на Адриано-поль, онъ предписалъ Киселеву дѣйствовать наступательно изъ Валахїи противъ Скодрскаго паши Му-стафы, который угрожалъ двинуться со стороны Софіи и Адриано-поля ¹⁾). Но Киселевъ нашелъ невозможнымъ исполнить это приказаніе вслѣдствіе трудности переправы черезъ Дунай у Рахова и предложилъ Дибичу двинуть войска изъ Валахїи, черезъ Силл-стрію на соединеніе съ корпусомъ Красовскаго подъ Шумлой ²⁾).

Дибичъ одобрилъ подобное предположеніе и предписалъ Киселеву идти на соединеніе съ Красовскимъ и поступить подъ его начальство ³⁾).

«По всѣмъ извѣстіямъ, писалъ Дибичъ Киселеву, крѣпость Шумла находится въ затруднительномъ положеніи; приближеніе и дѣйствіе ваше приведетъ ее въ самое крайнее и она, безъ сомнѣнія, покорится нашему оружію. Усиленіе войскъ нашихъ съ сей стороны имѣетъ еще и ту важную цѣль, чтобы воспретить пашѣ Скодрскому подать помощь сей крѣпости». (Сх. № 1).

Это распоряженіе Дибичъ сообщилъ и Красовскому, который рѣшилъ произвести усиленную развѣдку шумлинской позиціи со стороны Джумая, чтобы въ этомъ направленіи повести атаку по прибытіи отряда Киселева; направленіе это Красовскій выбралъ потому, что считалъ турецкія силы на этомъ мѣстѣ слабѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ и рассчитывалъ, что здѣсь турки не могутъ оказать такого сильнаго сопротивленія. Атаку предполагалось произвести на разсвѣтѣ и придать ей характеръ нечаяннаго нападенія ⁴⁾).

Съ этой цѣлью 3-го сентября, въ 2 часа утра, изъ лагеря выступилъ отрядъ подъ личнымъ начальствомъ Красовскаго, состоявшій изъ Ахтырскаго гусарскаго полка, 2-го Бугскаго уланскаго полка и двухъ орудій конной № 6-й роты.

Съ этимъ отрядомъ Красовскій произвелъ развѣдку мѣстности между разградской и джумайской дорогами; здѣсь были встрѣчены въ разныхъ мѣстахъ непріятельскіе отряды, которые были разсѣяны, причѣмъ нами взято въ плѣнъ болѣе 100 человекъ.

Осмотрѣвъ пространство между разградкой и джумайской дорогами и подступы къ Шумлѣ со стороны Джумая, Красовскій

¹⁾ Дибичъ Киселеву 3-го августа 1829 г. № 2558.

²⁾ Киселевъ Дибичу 13-го августа 1829 г. № 989.

³⁾ Дибичъ Киселеву 29-го августа 1829 г. № 2822.

⁴⁾ В. У. А. № 2858, Красовскій гр. Чернышеву 10-го сентября 1829 г.

приказалъ этому конному отряду остановиться у Чамурлу, въ ожиданіи приказанія о нападеніи на Шумлу, что должно было произойти по прибытіи отряда Киселева.

Между тѣмъ, Киселевъ не могъ прибыть ранѣе какъ недѣли черезъ двѣ (отъ Рахова черезъ Силистрію до Шумлы — около 400 верствъ). Такимъ образомъ, усиленная развѣдка была произведена слишкомъ заблаговременно, и, конечно, результатами ея нельзя было воспользоваться черезъ двѣ недѣли.

Схема № 1.



Планъ, котораго рѣшилъ держаться Красовскій, заключался въ слѣдующемъ.

Онъ предполагалъ атаковать шумлинскій укрѣпленный лагерь одновременно съ четырехъ сторонъ; а именно, съ 9-й пѣхотной дивизіей, 3-й гусарской дивизіей, 2-мъ Бугскимъ уланскимъ полкамъ и 9-мъ Оренбургскимъ казачьимъ, всего 11 б., 20 эск., 5 с. и 30 орудій, атаковать Шумлу со стороны джумайской дороги; съ

двумя бригадами 8-й пѣхотной дивизіи (8 батал.) ¹⁾ пройти ложиною между Мачинскимъ и Султанскимъ укрѣпленіями и здѣсь ворваться въ укрѣпленный ретраншаментъ; третью атаку вести на Дормусъ и, наконецъ, четвертую на Узунъ-канлы-табія; для производства послѣднихъ двухъ атакъ у Красовскаго было только два баталіона, да онъ могъ рассчитывать на отрядъ Киселева, съ которымъ должно было прибыть 12 б., 36 ор., 16 эск. и 2 казачьихъ полка ²⁾).

По поводу этого плана атаки Шумлы въ историческомъ журналѣ дѣйствій нашихъ войскъ подъ этой крѣпостью сказано, что *«нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что дѣйствіе сіе, произведенное съ должнымъ порядкомъ и рѣшительною быстротою, доставило бы въ наши руки Шумлу безъ большого кровопролитія»*.

Но согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ совершенно невозможно.

Войска были раздѣлены на четыре колонны: первая—11 б., вторая—8 б., третья и четвертая вмѣстѣ—14 б. Первая должна была атаковать со стороны Джумая, вторая между Мачинскимъ и Султанскимъ редутами, третья—Узунъ-канлы-табію и четвертая—Дормусъ.

Разстоянія между колоннами слѣдующія: между первой и второй—не менѣе 16 верстъ; между второй и третьей—около трехъ верстъ; между третьей и четвертой—не менѣе 15 верстъ и между четвертой и первой—не менѣе 20 верстъ.

Такимъ образомъ, *на протяженіи не менѣе 50 верстъ предполагалось вести четыре одновременныхъ ночныхъ атаки*.

Мѣстность между колоннами была очень пересѣченная, а турки занимали центральное положеніе. Силы наши не превосходили бы 25 тысячъ человекъ (у Красовскаго около 17,000 чел. и у Киселева около 8,000 чел.); силы турокъ *не были извѣстны даже приблизительно* и въ концѣ августа мы имѣли данныя, по которымъ у турокъ въ Шумлѣ было то 40,000 чел., то 35,000 человекъ ³⁾).

¹⁾ Въ письмахъ гр. Чернышеву отъ 10 сентября 1829 г. (В У. А. № 2858) Красовскій писалъ, что въ этомъ направленіи онъ предполагалъ двинуть только одну бригаду, а въ истор. журн. сказано—двѣ бригады.

²⁾ Киселевъ Дибичу 13 авг. 1829 г. № 989.

³⁾ В. У. А. № 2872. историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ г.-л. Красовскаго 1829 г., см. свѣдѣнія отъ 25-го и 31-го августа.

Въ письмѣ отъ 10-го сентября Красовскій донесъ Дибичу, «что по всѣмъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, мною собраннымъ, и по завѣренію самаго верховнаго визиря и Гуссейна, въ Шумлѣ понынѣ находится войскъ регулярныхъ и иррегулярныхъ на продовольствіи 40,000, а дѣйствительно подъ ружьемъ кавалеріи до 6,000, пѣхоты 20,000 человекъ, въ истинѣ чего я не сомнѣваюсь по личному моему замѣчанію».

Такъ какъ даже съ прибытіемъ отряда Киселева, у Красовскаго могло быть только около 25,000 человекъ, то становится непонятнымъ, какъ онъ могъ разсчитывать на успѣхъ штурма Шумлы съ четырехъ сторонъ, какъ о томъ мы уже говорили выше.

Въ тотъ же день, когда онъ донесъ Дибичу, что въ Шумлѣ, «*по всѣмъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ*» находится 40,000 человекъ, изъ коихъ подъ ружьемъ 20,000 пѣхоты и 6,000 конницы», «*въ истинѣ чего онъ не сомнѣвался по личному своему замѣчанію*», въ тотъ же день онъ писалъ Чернышеву, въ отвѣтъ на его письмо отъ 28-го августа, о своемъ планѣ атаки Шумлы съ четырехъ сторонъ, причемъ относительно этого плана выразился такъ: «*распоряженіе сіе, безъ сомнѣнія, увѣнчалось бы совершеннымъ успѣхомъ, безъ потери времени и пролитія крови*»¹⁾.

Надо думать, что при такихъ условіяхъ и при сложности плана, онъ едва ли бы удался.

Извѣстіе о заключеніи мира. 5-го сентября ночью Красовскій вернулся съ успѣшной развѣдки на позицію подъ Шумлу и здѣсь узналъ о кончинѣ кн. Мадатова, умершаго отъ чихотки 4-го сентября. Вскорѣ послѣ этого прибылъ изъ главной квартиры арміи курьеръ съ извѣщеніемъ отъ Дибича о заключеніи мира; Красовскій тотчасъ же послалъ въ Шумлу къ визирю статскаго совѣтника Пизани съ этимъ извѣщеніемъ и съ предупрежденіемъ, что съ разсвѣтомъ Красовскій самъ пріѣдетъ въ Шумлу.

Какъ только разсвѣло, Красовскій поѣхалъ въ Шумлу въ сопровожденіи большой свиты, чтобы лично извѣстить объ этомъ важномъ событіи визиря.

За версту отъ города Красовскаго встрѣтили офицеры, посланные визиремъ для сопровожденія его къ ставкѣ визиря. Визирь принялъ начальника нашего отряда въ великолѣпномъ шатрѣ,

¹⁾ В. У. А. № 2858, письмо Красовскаго гр. Чернышеву отъ 10-го сентября 1829 г.

убранномъ лучшими коврами и уставленномъ парчевыми диванами. По сторонамъ палатки было выстроено по баталіону регулярной пѣхоты и хоръ весьма неискusstныхъ музыкантовъ; вокругъ палатки была огромная толпа народа и свита обоихъ пашей.

Визирь и Гуссейнъ встрѣтили Красовскаго очень дружелюбно и не скрывали своей радости по поводу извѣстія о заключеніи мира. Во время свиданія черезъ полчаса, послѣ начала его, визирь получилъ тоже извѣстіе отъ турецкихъ полномочныхъ изъ Адрианополя. Свиданіе продолжалось около часа и обѣ стороны разстались, увѣряя другъ друга во взаимномъ уваженіи.

По возвращеніи въ лагерь, Красовскій разослалъ по всѣмъ подчиненнымъ ему войскамъ приказъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Похороны князя Мадатова. По соглашенію Красовскаго съ визиремъ, погребеніе тѣла Мадатова должно было состояться въ Шумлѣ въ греческомъ монастырѣ.

Похороны состоялись 6-го сентября въ 4 часа дня; для сопровожденія тѣла были назначены одинъ баталіонъ, по дивизиону отъ каждаго полка 3-й гусарской дивизіи, которой командовалъ покойный, и 4 конныхъ орудія; всѣ генералы отряда и множество офицеровъ участвовали въ этой печальной церемоніи. Войска проводили тѣло до султанскаго редута, гдѣ отдали послѣднюю воинскую почесть, а при дальнѣйшемъ шествіи погребальной процессіи за гробомъ шелъ только взводъ гусаръ принца Оранскаго полка съ хоромъ музыки, который провожалъ тѣло до кладбища, а впереди тѣла шло духовенство съ пѣвчими.

Улицы, по которымъ проходила процессія, были полны народомъ, съ любопытствомъ смотрѣвшимъ на невиданное имъ зрѣлище.

У монастыря тѣло было встрѣчено болгарскимъ епископомъ и греческимъ духовенствомъ и предано землѣ ¹⁾.

Молебствіе и парадъ 8-го сентября. 8-го сентября на равнинѣ между султанскимъ редутомъ и рѣчкою Баклуджею было совершено молебствіе по случаю заключенія мира; въ строю находилось 18 бат., 24 эскадрона, 2 казачьихъ полка и 55 пѣшихъ и конныхъ орудій.

¹⁾ Впослѣдствіи тѣло Мадатова было перевезено въ Александро-Невскую лавру въ Петербургѣ.

Послѣ молебствія и салютационной пальбы, къ нашимъ войскамъ прибылъ визирь въ сопровожденіи Гуссейна-паши и свиты въ 1,500 человекъ. По приближеніи визиря къ лѣвому флангу нашихъ войскъ, ген. Красовскій принялъ его съ отданіемъ ему чести, какъ слѣдовало главнокомандующему дружественной державы.

Послѣ встрѣчи войска прошли мимо визиря два раза церемониальнымъ маршемъ, а затѣмъ построились въ боевой порядокъ, фронтомъ къ крѣпости.

Чтобы показать визирю нѣкоторыя движенія въ боевомъ порядкѣ, Красовскій вызвалъ изъ третьей линіи передъ первую егерскую бригаду 9-й пѣхотной дивизіи съ 4-мя легкими орудіями и двумя казачьими полками; войска эти сдѣлали нѣсколько построений и совершили отступательное движеніе. Послѣ этого всѣ войска пошли въ лагерь съ музыкой и пѣснями.

Во время этого ученья присутствовала огромная толпа жителей Шумлы. Народъ живо интересовался невиданнымъ имъ зрѣлищемъ и турецкимъ полицейскимъ стоило большихъ усилій удерживать его на мѣстѣ. Но такъ какъ толпа плохо слушалась полиціи и даже заслонила отъ визиря войска, то визирь выхватилъ у кого-то изъ рукъ трость и началъ бить ею всѣхъ безъ разбора.

Уѣзжая, визирь выразилъ Красовскому благодарность за доставленное удовольствіе.

9-го сентября визирь, Гуссейнъ и важнѣйшіе паши и офицеры снова прибыли въ нашъ лагерь и присутствовали на ученіи одного баталіона Пензенскаго полка, гусарскаго принца Оранскаго полка и конно-батарейной роты № 19 въ 8-ми-орудійномъ составѣ.

Ученье было исключительно линейное и было произведено «съ столь великою правильностію и точностію, что трудно вѣрить, чтобы послѣ двухъ-лѣтней войны могло сохраниться до такой степени полное», какъ сказано въ историческомъ журналѣ дѣйствій нашихъ войскъ подъ Шумлой. Уже изъ этихъ строкъ видно, что очевидно въ тѣ времена считали вполне естественнымъ, чтобы войска во время войны могли забыть ученья мирнаго времени. Да оно и понятно, ибо ученья эти не имѣли ничего общаго съ подготовкой войскъ къ бою, да еще притомъ въ тѣ времена было убѣжденіе, *«что война портитъ войска, ибо на войнѣ ослабляется знаніе устава»*.

Возвращеніе изъ Шумлы нашихъ плѣнныхъ. 10-го сентября къ намъ были возвращены захваченные у насъ въ разное время турками въ плѣнъ 63 человекъ, въ томъ числѣ было 9 раненыхъ.

Припомнимъ, что Красовскій отпустилъ турецкихъ плѣнныхъ 14-го августа и тогда же просилъ визиря отпустить нашихъ; но тогда визирь даже не поблагодарилъ Красовскаго, а только увѣдомилъ его, что «плѣнные прибыли—я же буду имѣть въ виду возвращеніе русскихъ». Прошелъ цѣлый мѣсяць, прежде чѣмъ визирь рѣшился отпустить нашихъ плѣнныхъ, и не сдѣлалъ этого даже 5-го сентября, когда имъ было получено извѣстіе о заключеніи мира.

Трудно понять, какимъ образомъ Красовскій могъ оказывать различныя любезности туркамъ, показывать имъ наши войска и угощать ихъ въ то время, какъ наши плѣнные томились въ Шумлѣ.

Письмо гр. Чернышева 10-го сентября Красовскій получилъ *Красовскому отъ 28-го августа 1829 г.* письмо управляющаго главнымъ штабомъ гр. Чернышева отъ 28-го августа. О полученіи этого письма Красовскій въ тотъ же день сообщилъ Дибичу, такъ какъ содержаніе его должно было очень заинтересовать главнокомандующаго.

«Управляющій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества, ген.-адъют. графъ Чернышевъ, по волѣ Государя Императора, отнесся ко мнѣ письмомъ отъ 28-го августа, дабы я, по случаю отдаленія Вашего сіятельства, извѣщалъ прямо отъ себя частными письмами обо всемъ, что будетъ случаться по военнымъ дѣйствіямъ интереснаго подъ Шумлою, для доклада Его Величеству.

«Вслѣдствіе чего, такъ какъ дѣла военныя уже кончились, я отвѣчалъ прилагаемымъ письмомъ, оканчивая симъ дальнѣйшую переписку по сему предмету» ¹⁾).

Извѣстіе это должно было не только заинтересовать, но и сильно обезпокоить Дибича. Припомнимъ, что въ запискѣ, поданной имъ государю изъ Яссы отъ 10-го декабря 1828 г., онъ, между прочимъ, считалъ необходимымъ для правильнаго рѣшенія вопроса объ управленіи арміей и для поддержанія авторитета главнокомандующаго «положить общимъ и твердымъ правиломъ, чтобы никому изъ лицъ арміи не давать прямыхъ Высочайшихъ повелѣній, а еще менѣе доносить отъ сихъ лицъ Государю Императору или начальнику главнаго штаба Его Величества, исключая только тѣхъ частей войскъ, кои вовсе отдѣлены отъ арміи» ²⁾).

¹⁾ В. У. А. № 2858, письмо Красовскаго Дибичу отъ 10-го сентября 1829

²⁾ Н. Глиноецкій. «Исторія русскаго генеральнаго штаба», т. 2. стр. 35.

Отрядъ Красовскаго нельзя было считать *«вовсе отдѣленнымъ отъ арміи»* и во всякомъ случаѣ операціи подъ Шумлой къ концу войны уже не представляли такого интереса, чтобы нарушать *«общее и твердое правило»*.

Причина этого распоряженія была другая. Какъ мы уже излагали въ своемъ мѣстѣ, Государь сильно беспокоился, долго не получая извѣстій изъ дѣйствующей арміи отъ Дибича; отъ 11-го до 28-го августа не было получено отъ главнокомандующаго ни одного донесенія. Тогда государь приказалъ Чернышеву предложить Киселеву и Красовскому частными письмами сообщать, что дѣлается въ ихъ отрядахъ ¹⁾. Государь опасался, что турки прервали сообщенія Дибича, который находился въ это время въ Адриано-полѣ, такъ далеко отъ Дуная и былъ отдѣленъ линіей Балканскихъ горъ.

Какъ мы уже знаемъ, Дибичъ рѣшительно протестовалъ противъ такого распоряженія ²⁾, но оно и не имѣло никакъ послѣдствій, такъ какъ Государь приказалъ отмѣнить это распоряженіе ³⁾.

Ученье турецкихъ войскъ 11-го сентября. По предложенію верховнаго визиря генералъ Красовскій, много генераловъ и большая часть офицеровъ 3-го корпуса присутствовали 11-го сентября на ученьи турецкихъ войскъ.

Сначала было произведено ученье двумъ баталіонамъ регулярной пѣхоты. «Два баталіона пѣхоты, говоритъ очевидецъ этого ученья ⁴⁾, и при каждомъ изъ оныхъ по два легкихъ орудія, возмыва людьми на лямкахъ, производили поочередно почти всѣ построенія баталіоннаго ученья, въ продолженіи коего можно было замѣтить, что всѣ движенія дѣланы были правильно и безъ ошибокъ, но съ большою мѣшкватостью. Стрѣльба же какъ изъ ружей, такъ и изъ орудій производилась весьма хорошо и съ довольнымъ проворствомъ.

«Послѣ сего ученья иррегулярная кавалерія дели показывала на коняхъ искусство въ метаніи на скаку жерита и дѣйствительно,

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 28-го августа 1829 г. изъ Царскаго Села.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву отъ 12-го сентября 1829 г. изъ Адрианополя.

³⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 27-го сентября 1829 г. СПб.

⁴⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подъ начальствомъ ген.-лейт. Красовскаго 1829 г.

надо отдать полную справедливость ловкости и увертливости сихъ отчаянныхъ всадниковъ.

«Верховный визирь, въ намѣреніи показать особенный знакъ своего добраго къ намъ расположенія, принялъ личное участіе въ семь ристалищъ и, будучи самъ извѣстнымъ наѣзникомъ, показалъ примѣрную ловкость и искусство, предводительствуя одною изъ противныхъ партій».

*Положеніе нашихъ
войскъ подѣ Шумлою
въ концѣ сентября и
въ октябрѣ.*

Вторую половину сентября войска 3-го корпуса провели на томъ же мѣстѣ подѣ Шумлою. Въ это время мы продолжали обмѣниваться визитами съ турками, давали другъ другу обѣды, причеиъ турки, бывая у насъ, забывали строгіе заветы своего пророка и при звукахъ музыки, находили особенно пріятнымъ шампанское, которое мы, для приличія, называли старымъ шербетомъ.

Ген. Красовскій и наши офицеры, особенно офицеры генеральнаго штаба, старались почаще бывать въ Шумлѣ и принимать турокъ.

Цѣль при этомъ преслѣдовалась особая.

«Предметомъ сихъ частыхъ посѣщеній съ нашей стороны, пишетъ участник¹⁾, было желаніе, познакомившись потѣснѣе и войдя въ довѣренность, проникнуть на горы, дабы обозрѣть въ подробности оныя и укрѣпленія, на нихъ расположенныя, чего послѣ многихъ стараній и подѣ различными предлогами и удалось достигнуть.

«Исполненіе сего возложено было генераломъ Красовскимъ на командующаго Тамбовскимъ пѣхотнымъ полкомъ подполковника Гулевича и генеральнаго штаба капитана Ладыженскаго, которые, употребляя всѣ старанія принаравливаясь къ новымъ своимъ знакомцамъ и приобретаючи дружбу начальниковъ регулярныхъ войскъ, находившихся съ вѣренными имъ частями въ разныхъ отдѣльныхъ мѣстахъ крѣпости, наконецъ успѣли по дружбѣ быть на горахъ и даже повторяя посѣщенія свои сколь можно чаще и сколько позволяло токомъ приличіе, дабы не навлечь подозрѣнія, ввели туда нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, а именно штабсъ-капитана Бергенгейма, прапорщика Зубова и 22 Егерскаго полка подпоручика Шауфуса.

¹⁾ В. У. А. № 2872, историч. журналъ войскъ, состоящихъ подѣ начальствомъ г.-л. Красовскаго 1829 г., конецъ рукописи.

«Какковыя поѣздки доставили имъ возможность снять весьма вѣрный планъ сей важной по мѣстности крѣпости съ нагорными ея окрестностями, куда ни одинъ европеецъ не былъ до сего времени допускаемъ».

Инициатива сбора свѣдѣній о Шумлѣ, подобнымъ образомъ, исходила изъ главной квартиры нашей арміи.

«По важности пункта крѣпости Шумлы, писалъ Толь Красовскому 9 сентября¹⁾, весьма бы нужно было имѣть о положеніи этой крѣпости, укрѣпленій ея, ближайшихъ окрестностей и дорогъ, ведущихъ къ оной, сколь можно обстоятельныя свѣдѣнія. Настоящія отношенія наши съ турками и самое расположеніе и довѣренность, выграниныя Вами у верховнаго визиря, Гуссейна — паши и другихъ первыхъ чиновниковъ Шумлы, кажется, подаютъ къ тому удобный случай.

«Можетъ быть, испрося позволеніе офицерамъ командуемаго Вами корпуса, по случаю мира бывать въ городѣ, какъ для удовлетворенія любопытства видѣть эту знаменитую, по мнѣнію турокъ, крѣпость, такъ и для разныхъ покупокъ, можно каждый день командировать двухъ офицеровъ генеральнаго штаба и двухъ инженерныхъ, которые, со вниманіемъ разсмотрѣвъ порученныя имъ части, по возвращеніи въ лагерь могутъ наносить эти части на бумагу».

Далѣе указывались нѣкоторыя подробности исполненія, которыя, впрочемъ, были предоставлены генералу Красовскому. Наконецъ, ему была дана задача снять планъ Шумлы съ окрестностями.

«Исполненіемъ сего, писалъ Толь, была бы оказана важна услуга правительству, ибо таковой планъ могъ бы сдѣлать большую разность и доставить значительный успѣхъ въ будущихъ войнахъ, если бы таковыя возникли между Россією и Турцією».

Состояніе нашихъ войскъ подъ Шумлою, въ концѣ осады ея и затѣмъ во время стоянки подъ этой крѣпостью до выступленія на замнія квартиры, было въ общемъ удовлетворительное.

Въ августѣ увеличились случаи заболѣванія лихорадкою, но въ началѣ сентября число больныхъ ежедневно уменьшалось, а разительныхъ болѣзней въ отрядѣ Красовскаго не было.

¹⁾ В. У. А. № 2794, Толь Красовскому 9 сентября 1829 года. № 1713. изъ Адрианополя.

Стоянка на мѣстѣ, хорошее продовольствіе, хорошее настроеніе духа по случаю окончанія войны—все это способствовало тому, что люди были бодры и здоровы лошади въ такомъ тѣлѣ, что лучше желать невозможно, а одежда въ превосходной степени. Такъ писалъ Красовскій 10 сентября гр. Чернышеву, зная, что письмо его будетъ доложено государю ¹⁾).



¹⁾ В. У. А. № 2858, письмо Красовскаго графу Чернышеву 10 сентября 1829 г.



Г Л А В А 7.

Дѣйствія отряда генераль-адъютанта Киселева.

Назначеніе генераль-адъютанта Киселева командовать войсками на лѣвомъ берегу Дуная.—Предположеніе Киселева о дѣйствіяхъ его отряда.—Замѣчанія Дибича на предположеніе Киселева.—Приказъ по арміи о назначеніи Киселева.—Инструкція Дибича Киселеву.—Составъ отряда Киселева.—Задача данная отряду Киселева.—Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ.

Дѣйствія въ Большой Валахіи.

Дѣйствія подъ Журжею.—Предположеніе о взятіи Журжи.—Отказъ Дибича осаждать Журжу и Рушукъ.—О дѣйствіяхъ подъ Турно, Кале и Никоподемъ: дѣйствія подъ Турно и Кале; нападеніе на турецкій лагерь при устьѣ р. Осъмы; нападеніе турокъ на Турно и Кале; срытіе Турно; проектъ взятія Никополя; рѣшеніе не атаковать эту крѣпость.

Дѣйствія въ Малой Валахіи.

Составъ и расположеніе отряда генераль-адъютанта Гейсмара.—Задача отряда Гейсмара.—Слухи о наступленіи Скордскаго паши.—Отношеніе Гейсмара и Киселева къ этимъ слухамъ.—Проектъ Киселева о наступательныхъ дѣйствіяхъ.—Согласіе Дибича на наступательныя дѣйствія отряда Киселева за Дунаемъ.—Взятіе Рахова (Орсова) 28-го мая 1829 года.—Предположеніе Гейсмара объ отступленіи изъ Рахова.—Рѣшительное приказаніе Дибича не очищать Рахова.—Отступленіе Гейсмара изъ Рахова.—Неудовольствіе Дибича по поводу очищенія Рахова и приказаніе дѣйствовать наступательно.—Донесеніе Дибича государю о дѣйствіяхъ Гейсмара.

Переходъ на правый берегъ Дуная.

Предписаніе Дибича Киселеву.—Затрудненія, встрѣченныя Киселевымъ при исполненіи предписанія Дибича дѣйствовать наступательно на правомъ берегу Дуная.—Проектъ Киселева для наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ.—Предположеніе Гейсмара о дѣйствіяхъ за Дунаемъ.—Приказаніе Дибича не переходить Дунай.—Рѣшеніе Киселева дѣйствовать наступательно. — Вторичное приказаніе Дибича не переходить Дунай. — Киселевъ приказываетъ Гейсмару занять Врацу.—Занятіе Врацы 2-го сентября 1829 года.—Дибичъ одобряетъ рѣшеніе Киселева дѣйствовать наступательно за Дунаемъ.—Извѣстіе о подписаніи мира.—Дѣйствія Скордрскаго паша.—Сосредоточеніе турокъ у Хаскоя и Силивриа.—Дибичъ приказываетъ Киселеву идти въ Габрову.—Походъ къ Габрову.—Занятіе Габрова и Шинки.—Возвращеніе Киселева на лѣвый берегъ Дуная.—Дѣйствія отряда Гейсмара. — Переходъ черезъ Балканы.—Занятіе Софіи.—Возвращеніе отряда Гейсмара на лѣвый берегъ Дуная.

Назначеніе генераль-адъютанта Киселева командовать войсками на лѣвомъ берегу Дуная. Высочайшимъ приказомъ отъ 9-го февраля 1829 года начальникъ штаба 2-й арміи, генераль-адъютантъ Киселевъ, былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.

Увольняя генераль-адъютанта Киселева отъ должности начальника штаба дѣйствующей арміи, Государь предоставилъ ему выборъ между 3-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ резервнымъ кавалерійскими корпусами и Киселевъ самъ выбралъ послѣдній корпусъ, который давалъ ему отдѣльное командованіе въ Молдавіи и Валахіи ¹⁾.

Получивъ извѣстіе о томъ, что назначеніе это состоялось, Киселевъ подалъ 17-го декабря Дибичу докладную записку, въ которой писалъ, что, такъ какъ «съ назначеніемъ моимъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и по изъявленному намѣренію какъ Его Императорскаго Величества, такъ и вашего сіятельства назначить меня командующимъ всѣми войсками на лѣвой сторонѣ Дуная, я нахожу нужнымъ объяснить здѣсь мысли мои собственно для вашего сіятельства и просить о принятіи оныхъ съ благосклоннымъ снисхожденіемъ ²⁾».

Въ этой запискѣ Киселевъ прежде всего просилъ подчинить ему отрядъ генераль-адъютанта Гейсмара, который былъ расположенъ въ Малой Валахіи, такъ чтобы на лѣвомъ берегу Дуная было полное объединеніе власти и чтобы всѣ «войска, остающіяся въ княжествахъ, подчинялись *начальнику войскъ на лѣвомъ берегу Дуная*». Затѣмъ онъ просилъ дать ему инструкцію, «которая на

¹⁾ Письмо Дибича Киселеву отъ 18-го октября 1829 года изъ Адрианополя (Заблочной-Десятовскій, I, 322).

²⁾ Докладная записка Киселева отъ 17-го февраля 1829 г. изъ Яссы (копія у насъ, въ числѣ бумагъ ген.-адъют. Киселева, любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе Н. К. Шилдеромъ).

все время служить должна руководством дѣйствій *начальника войскъ лѣваго берега*».

«Мнѣ кажется, писалъ Киселевъ далѣе, что цѣль сія ¹⁾ состоять можетъ въ охраненіи лѣваго берега отъ непріятельскихъ покушеній и въ употребленіи усилій для овладѣнія крѣпостей и укрѣпленныхъ мѣстъ Дуная».

2-го апрѣля Дибичъ выѣхалъ изъ Яссы и направился черезъ Галацъ въ Черноводы къ отряду генерала Красовскаго, который долженъ былъ выступить къ Силистріи. По приказанію Дибича Киселевъ прибылъ въ Галацъ для полученія инструкцій отъ него.

«Я послѣ-завтра выѣзжаю въ Галацъ, писалъ Киселевъ 31-го марта Закревскому ²⁾, куда главнокомандующій прибыть долженъ 8-го или 10-го числа; отсюда я ѣду къ своему назначенію; онъ мнѣ приказалъ его тутъ дожидаться для полученія послѣднихъ инструкцій и принятія отъ графа Палена начальства въ Валахін и противу Журжи. Точка сія теперь важна потому, что турки другой переправы и другого тетъ-де-пона не имѣютъ и что всѣ усилія будутъ изъ Никопольскаго санджака обращены на мой корпусъ, который состоитъ изъ 16-ти эскадроновъ конныхъ егерей и двухъ полковъ казачьихъ ³⁾. Если способы дозволятъ, то осенью общають мнѣ дать таковыя для Журжи или Рущука, что было бы выгоднѣе. Сверхъ того, главнокомандующій намѣренъ, какъ увѣдомляетъ онъ меня въ своемъ письмѣ, *дать мнѣ мноія и важныя порученія*, которыя я приму съ удовольствіемъ и буду, по мѣрѣ возможности, исполнять и всегда съ истиннымъ и безусловнымъ усердіемъ».

Предположенія Киселева о дѣйствіяхъ его отряда. Въ ожиданіи пріѣзда Дибича въ Галацъ, Киселевъ составилъ докладную записку для представленія главнокомандующему ⁴⁾.

«По соображеніи обстоятельствъ можно полагать, что обязанность отряда Большой Валахін на первый случай заключаться будетъ въ наблюденіи крѣпости Журжи и пространства Дуная отъ Зимницы до Туртукая».

Журжа, лежащая на лѣвомъ берегу рѣки въ 60-ти верстахъ отъ Букареста, составляетъ нынѣ единственную точку для пере-

¹⁾ Т. е. цѣль отряда на лѣвомъ берегу Дуная.

²⁾ Заблудкій-Десятовскій, 1, 298. письмо Киселева Закревскому отъ 31-го марта 1829 г изъ Одессы.

³⁾ Это были не всѣ войска Киселева, но, повидимому, въ это время онъ не считывалъ, чтобы ему былъ подчиненъ и отрядъ ген.-адъют. Гейсмара, стоявшій въ Малой Валахін.

⁴⁾ Докладная записка ген.-адъют. Киселева отъ 7-го апрѣля 1829 года № 3, въ Галацѣ (копія у насъ).

правы непріятельскихъ силъ всего *Никопольскаго санджака*, а потому и требуетъ пристального и твердаго наблюденія».

Затѣмъ Киселевъ считалъ также важными переправы у Зимницы и Туртукая и считалъ необходимымъ, устроить у этихъ пунктовъ по одному реду на баталіонъ, а также батареи. Далѣе Киселевъ считалъ нужнымъ значительно усилить ввѣренный ему отрядъ и передвинуть отрядъ генераль-адъютанта Гейсмара къ Ольгѣ, для совокупнаго дѣйствія и для того, чтобы онъ ближе былъ къ войскамъ, занимавшимъ Большую Валахію, гдѣ наступательныя дѣйствія турокъ изъ-за Дуная болѣе вѣроятны. Наконецъ, Киселевъ считалъ нужнымъ, сдѣлать «безпрерывно поиски на правый берегъ Дуная для наблюденія за непріятелемъ и для дѣйствія противу подвозовъ къ Руцуку и Журжи». Для этого онъ считалъ нужнымъ, увеличить число казаковъ въ его отрядѣ и сформировать 1500 конныхъ пандуровъ.

Замѣчанія Дибича на предположеніе Киселева.

Записка Киселева была представлена Дибичу, по пріѣздѣ его въ Галацъ, и онъ сдѣлалъ на поляхъ ея свои замѣчанія. Такъ, относительно укрѣплѣній Зимницы и Туртукая онъ полагалъ «сіи батареи ненужными и вредными, ибо они воспрепятствуютъ подвижности войскъ».

По вопросу объ усиленіи отряда, Дибичъ далъ уклончивый отвѣтъ, суть котораго въ томъ, что на усиленіе рассчитывать нельзя. Противъ мѣста, гдѣ Киселевъ говорилъ о необходимости сформировать 1500 конныхъ пандуровъ, Дибичъ написалъ: «пандуръ формировать по возможности исподоволь». Относительно передвиженія отряда ген.-адют. Гейсмара къ Ольгѣ, Дибичъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «главныя силы отряда ген.-адют. Гейсмара могутъ быть въ Краіовѣ, съ сильнымъ авангардомъ въ Калафатѣ и кавалерійскимъ резервомъ въ Каракулѣ. Кале срыть и въ Турно имѣть баталіонъ и 100 казаковъ. Силы взаимнаго подкрѣпленія должны зависѣть отъ силъ непріятеля, которымъ во всякомъ случаѣ идти на встрѣчу и дѣйствовать наступательно».

Приказъ по арміи о назначеніи Киселева.

9-го апрѣля Дибичъ прибылъ въ Галацъ и 12-го отдалъ приказъ по арміи: «по случаю предстоящаго выступленія генерала-отъ-кавалеріи генераль-адъютанта графа Палена съ ввѣренными ему войсками за Дунай ¹⁾, всѣ войска, оставшіяся на лѣвой сторонѣ сей рѣки, поручаются въ команду командующаго 4-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ,

¹⁾ Палень пошелъ въ Болгарію на соединеніе съ армією.

генераль-лейтенанта Киселева, исключая войскъ, находящихся въ Каларашѣ, Браиловѣ и Галацѣ, коимъ относиться прямо въ главный штабъ арміи, впредь до повелѣнія» ¹⁾).

О своемъ новомъ назначеніи Киселевъ 11-го апрѣля писалъ Закревскому ²⁾. «На меня возлагають болѣе хлопотъ, чѣмъ я могъ ожидать: всѣ войска, къ защитѣ верхняго Дуная предназначенныя, подчиняются мнѣ и хотя взаимное дѣйствіе съ Гейсмаромъ довольно затруднительно по отдаленному расположенію нашихъ отрядовъ, но какъ цѣль наша заключается въ совокупности употребленія войскъ нашихъ, то и слѣдуетъ цѣли сей достигать всевозможными способами. По полученіи инструкціи, я отправляюсь въ Бухарестъ, а потомъ въ лагерь противу Журжи, отколь вылазки дѣлаются почти ежедневныя и при коихъ я желаю познакомиться съ своими и чужими, дабы узнать, чего отъ тѣхъ и другихъ ожидать можно».

Инструкція Дибича Киселеву. Инструкція, о которой писалъ Киселевъ Закревскому, была дана ему Дибичемъ въ Галацѣ прежде, чѣмъ они разстались ³⁾).

Прежде всего въ этой инструкціи точно опредѣлено, что всѣ войска, находившіяся на лѣвомъ берегу Дуная, въ томъ числѣ и отрядъ ген.-адъют. Гейсмара, подчиняются ген.-адъют. Киселеву и только войска, находившіяся въ Каларашѣ, Браиловѣ и Галацѣ, были изъяты изъ этого подчиненія и подчинялись прямо Главнокомандующему.

Такимъ образомъ, на лѣвомъ берегу Дуная было установлено столь важное единовластіе; что же касается войскъ, расположенныхъ въ Каларашѣ, то они принимали участіе въ осадѣ Силистріи, а потому совершенно естественно было, что они подчинялись не Киселеву, а Главнокомандующему, который находился при осадномъ отрядѣ; гарнизоны же Браилова и Галаца были потому подчинены Главнокомандующему, что они находились на коммуникаціонной линіи арміи.

¹⁾ Приказъ 2-й арміи № 254 апрѣля 12-го дня 1829 года. Въ подлинномъ приказѣ, который у насъ, Киселевъ названъ не генераль-адъютантомъ, а генераль-лейтенантомъ.

²⁾ Заблоцкій-Десятовскій, I, 299.

³⁾ Современная копія съ этой инструкціи имѣется у насъ въ особомъ дѣлѣ изъ бумагъ ген.-ад. Киселева: «важнѣйшая переписка по войскамъ, на лѣвой сторонѣ Дуная расположеннымъ, по наступательному корпусу праваго фланга арміи и по отряду, на г. Габровѣ дѣйствовавшему съ 19-го апрѣля по 22 ноября 1829 года». Выдержка изъ этой инструкціи имѣется у Заблоцкаго-Десятовскаго, I. 301. Полная копія инструкціи см. прил. № 26.

Составъ отряда Войска, назначенныя подъ начальство Киселева, были слѣдующія 1).

Отрядъ Гейсмара въ Малой Валахи.

17-я пѣхотная дивизія	12 бат.
17-я артилерійская бригада	36 ор. ²⁾
1-я драгунская дивизія	16 эск.
Конная рота № 20	12 ор. ³⁾
Три казачьихъ полка	3 каз. п.
Донская конно-артилерійская рота № 2 .	8 ор.

12 б., 36 п. ор., 16 эск., 3 каз. п., 20 кон. ор.

Силою: пѣхоты	9968 чел.
конницы	2656 „
казаковъ	1422 „

Сверхъ того, пандуровъ 2640 чел. пѣхоты и 264 чел. конницы.

Отрядъ между Журжею и Букарестомъ.

(подъ непосредственнымъ начальствомъ Киселева).

4-я пѣхотная дивизія	12 бат.
1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи . . .	4 бат.
1-й баталіонъ 18-го егерскаго полка . .	1 бат.
4-я артилерійская бригада	24 ор.
1-я конно-егерская дивизія	16 эск.
Конная рота № 22	8 ор.
2 казачьихъ полка	2 каз. п.
Конно-піонерный эскадронъ	1 эск.

17 б., 24 п. ор. 16 эск., 2 каз. п., 8 кон. ор., 1 эск. піон.

Силою: пѣхоты	14000 чел.
конницы	2408 „
казаковъ	656 „
конно-піонеръ	259 „

Сверхъ того, резервные баталіоны 16-й пѣхотной дивизіи, находившіеся въ Яссахъ и «состоявшіе на особомъ основаніи». Это «*особое основаніе*» замѣчалось въ томъ, какъ писалъ Дибичъ въ инструкціи, данной Киселеву, «что воля государя императора есть, чтобы резервные баталіоны 16-й пѣхотной дивизіи, отнюдь не употребляемы были противу непріятели, а потому постоянное свое квартированіе должны имѣть въ городѣ Яссахъ».

Итакъ эти баталіоны были резервомъ, которымъ можно было воспользоваться только съ высочайшаго разрѣшенія.

Всего, слѣдовательно, у Киселева было на лѣвомъ берегу Дуная:

¹⁾ Подробное росписаніе этихъ войскъ съ личнымъ составомъ начальниковъ см. приложение № 27 (изъ отдѣльнаго тома переписки о дѣйствіяхъ войскъ Киселева въ 19-го апрѣля по 22-е ноября 1829 года).

²⁾ Эта бригада въ строевомъ рапортѣ показана по 12 орудій въ ротахъ.

³⁾ Въ этой ротѣ по строевому рапорту 12 орудій.

29 б., 60 пѣш. ор., 32 эск., 5 каз. п., 28 кон. ор., 1 эск. піон.

Относительно численности этихъ частей Киселевъ доносилъ Дибичу въ запискѣ отъ 7-го апрѣля, что усиленіе его отряда «тѣмъ паче необходимо, что пѣхотные полки малосильные, а кавалерійскіе можно почитать совершенно новаго сформированія».

Сопоставляя нѣсколько источниковъ, мы можемъ опредѣлить силу отряда Киселева въ половинѣ апрѣля 1829 г. такимъ образомъ:

пѣхоты	около 20000 чел.
5 казачьихъ полковъ	„ 1978 „
конницы	„ 5064 „

Всего около 27,000 чел.	

Задача, данная отряду Киселева. Задача, предстоявшая отряду Киселева, была очерчена въ инструкціи Дибича слѣдующимъ образомъ. «Наблюденіе по Дунаю отъ австрійской границы до крѣпости Турно (сей пунктъ включительно) возлагается на отрядъ ген.-адъют. Гейсмара; отъ Турно, продолжая внизъ по Дунаю до впаденія рѣки Аржиса, отряду, прямому вашему командованію ввѣренному, съ тѣмъ, чтобы одинъ баталіонъ Архангелогородскаго полка находился на лѣвомъ берегу Аржиса, при Фунденяхъ, а другой на томъ же берегу при устьѣ сей рѣки. Сіе положеніе можетъ измѣниться, смотря по движеніямъ непріятели, и потому предоставляется совершенно распоряженію Вашего Превосходительства; вслѣдствіе чего, соображаясь съ обстоятельствами, можете усилить отрядъ, въ Валахіи расположенный, войсками отъ ген.-ад. Гейсмара, и въ обратномъ положеніи дѣль послать къ нему часть войскъ на подкрѣпленіе или даже, въ случаѣ сильнаго наступленія весьма превосходнаго непріятели, соединивъ большую часть обоихъ отрядовъ, идти рѣшительно на встрѣчу и пораженіе онаго, не открывая однако непріятелю возможность сдѣлать поискъ на Букарестъ. Въ отношеніи крѣпости Журжи нѣтъ надобности облагать оную, но занять позицію такъ, чтобы всякій поискъ непріятели изъ сей крѣпости былъ бы немедленно уничтоженъ быстрымъ и рѣшительнымъ на него нападеніемъ».

Далѣе въ инструкціи было указаніе, что продовольствованіе отряда г.-ад. Гейсмара «совершенно предоставлено его собственному попеченію», а продовольствованіе прочихъ войскъ возлагалось на Киселева, при содѣйствіи главноуправляющаго продовольственной частью арміи сенатора Абакумова и полномочнаго предсѣдателя дивановъ ген -лейт. Желтухина ¹⁾).

¹⁾ Бывшаго Кіевского военнаго губернатора.

Затѣмъ въ инструкціи было указаніе, что всѣ войска, поступившія подъ начальство Киселева, должны были представлять донесенія ему, «*а отнюдь не въ главный штабъ арміи*».

Пріѣздъ Киселева въ Бухарестъ. Получивъ отъ Дибича инструкцію и личныя указанія, Киселевъ выѣхалъ изъ Галаца 16-го апрѣля и 18-го пріѣхалъ въ Бухарестъ. Здѣсь онъ принялъ отъ графа Палена его штабъ и дѣла, осмотрѣлъ войска и 25-го апрѣля уѣхалъ въ лагерь при Даѣ, близъ Журжи.

Здѣсь онъ получилъ предписаніе Дибича отъ 1-го мая объ общемъ распредѣленіи войскъ на семь театровъ военныхъ дѣйствій. Согласно этого распредѣленія войска, расположенныя на лѣвомъ берегу Дуная, составляли правый флангъ арміи подъ начальствомъ Киселева, при центрѣ находился самъ главнокомандующій, а лѣвый флангъ составляли войска подъ начальствомъ генерала Рота, расположенныя въ юго-восточной части Болгаріи ¹⁾.

Дѣйствія подъ Журжею. Значеніе турецкой крѣпости въ Журжѣ состояло въ томъ, что она прикрывала сообщеніе черезъ Дунай съ Рущукомъ.

Владѣя такимъ образомъ вполне обезпеченною съ обоихъ береговъ переправою черезъ Дунай, турки могли предпринимать здѣсь наступательныя предпріятія на лѣвый берегъ Дуная, угрожать Бухаресту и нарушать спокойствіе въ княжествахъ, находившихся подъ нашимъ покровительствомъ. Въ инструкціи, данной Дибичемъ Киселеву, относительно Журжи было сказано, какъ мы видѣли, такъ: «въ отношеніи крѣпости Журжи нѣтъ надобности облагать оную, но занять позицію такъ, что бы всякій поискъ непріятеля изъ сей крѣпости былъ бы немедленно уничтоженъ быстрымъ и рѣшительнымъ нападеніемъ».

Поэтому Киселевъ считалъ необходимымъ, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы помѣшать наступательнымъ затѣямъ турокъ подъ Журжею.

А между тѣмъ, турки дѣлали частыя вылазки изъ Журжи; одна вылазка была 23-го апрѣля, незадолго до пріѣзда Киселева, а другая 2-го мая, вскорѣ послѣ его пріѣзда. Затѣмъ вылазки были произведены 29-го мая и 19-го іюня. Вслѣдствіе этого Киселевъ далъ инструкцію, какъ должны были дѣйствовать наши войска въ случаѣ вылазки турокъ изъ Журжи въ значительныхъ силахъ ²⁾.

¹⁾ Предписаніе Дибича Киселеву отъ 1-го мая 1829 года № 1388, изъ Черноводъ.

²⁾ Предписаніе Киселева генераль-маіору Лашкареву (командующему 4-й пѣхотной дивизіей) отъ 2-го іюня 1829 г. № 643.

Всѣ упомянутыя вылазки турокъ были отражены нашими войсками успѣшно. вмѣстѣ съ тѣмъ Киселевъ принялъ рядъ мѣръ къ улучшенію хозяйственнаго положенія ввѣренныхъ ему войскъ. Онъ подробно осмотрѣлъ лагерь при Даѣ и прискалъ для него болѣе удобное мѣсто; предписалъ мѣры къ содержанію лагеря въ порядкѣ; найдя лазареты въ беспорядкѣ, онъ сдѣлалъ распоряженія къ устраненію этихъ беспорядковъ и съ наступленіемъ жаровъ предписалъ необходимыя для солдатъ гигиеническія мѣры.

Какое вниманіе Киселевъ обращалъ на все, что могло служить къ облегченію солдата, видно, между прочимъ, изъ его приказа отъ 21-го іюля 1829 года. «Въ уваженіе высшей цѣны, по коей пріобрѣтается здѣсь мѣлъ и дабы не удручать людей излишнимъ трудами и издержками, предписываю по всѣмъ войскамъ, въ командѣ моей состоящимъ, портупей, перевязи и всѣ вообще лосиные ремни смывать и имѣть небѣльными впредь до особаго приказанія» ¹⁾. Нужно было имѣть много храбрости, чтобы въ тѣ времена рѣшиться на отдачу такого приказа, даже и въ военное время.

Предположеніе о взятіи Журжи. Въ инструкціи, данной Киселеву, Дибичъ не только не считалъ нужнымъ брать Журжу, но считалъ, что даже «нѣтъ надобности облагать оную, но занять позицію такъ, чтобы всякій помыскъ непріятеля изъ сей крѣпости былъ бы немедленно уничтожаемъ быстрымъ и рѣшительнымъ на него нападеніемъ».

Тѣмъ не менѣе, Киселевъ представилъ главнокомандующему свои соображенія о взятіи Журжи и Рущука.

Планъ осады Журжи и Рущука былъ составленъ инженеръ-подполковникомъ Баумеромъ. Киселевъ представилъ Дибичу этотъ планъ съ своей докладной запиской при рапортѣ отъ 17-го іюня 1829 года ²⁾.

Въ рапортѣ этомъ онъ прежде всего указываетъ на то, что хотя взятіе Журжи и Рущука «выходитъ изъ округа дѣйствій отряда мнѣ ввѣреннаго», но что онъ считаетъ нужнымъ, представить планъ взятія этихъ крѣпостей «на начальническое благоусмотрѣніе» главнокомандующаго.

Въ запискѣ, представленной при планѣ, Киселевъ указывалъ,

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, I, 302.

²⁾ В. У. А. № 2805, рапортъ Киселева Дибичу отъ 17-го іюня 1829 года № 620 изъ лагеря при Журжѣ. При этомъ рапортѣ записка Киселева отъ 15-го іюня 1829 года № 612 и планъ, составленный инженеръ-подполковникомъ Баумеромъ.

что овладѣть Журжею *внезапнымъ нападеніемъ* невозможно, а потому необходимо приступить къ *регулярной осадѣ*.

По всѣмъ имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ въ Журжѣ и Рущукѣ турки имѣли до 22,000 челов. войска и вооруженныхъ жителей и защита обѣихъ крѣпостей противъ прошлаго года была усовершенствована.

Всего, по мнѣнію Киселева, нужно было имѣть для осады Журжи и обложенія Рущука до 30,000 челов. и успѣхъ могъ быть только при условіи одновременныхъ дѣйствій противъ обѣихъ крѣпостей съ прекращеніемъ сообщенія между ними черезъ Дунай.

Въ виду этого, Киселевъ считалъ необходимымъ, придать къ войскамъ, уже бывшимъ подъ его начальствомъ, еще 8 полковъ пѣхоты, 2 полка конницы и 2 полка казаковъ, флотилію на Дунаѣ, мость черезъ эту рѣку и осадную артилерію.

Отказъ Дибича осаж- Въ отвѣтъ на этотъ проектъ Дибичъ отвѣ-
дать Журжѣ и Ру- чалъ полнымъ отказомъ въ предписаніи отъ
щукѣ. 5-го іюля ¹⁾.

«Получивъ при рапортѣ Вашего Превосходительства отъ 17-го іюня за № 620, писалъ Дибичъ, проектъ осады крѣпости Журжи и обложенія крѣпости Рущука, составленный по приказанію Вашему инженеръ-подполковникомъ Баумеромъ, и докладную Вашу по сему предмету записку, нахожу нужнымъ сообщить вамъ, что въ особенности касательно обложенія Рущука, я вовсе не согласенъ съ мнѣніемъ Вашего Превосходительства, во-первыхъ потому, что, дѣйствуя съ главными силами ввѣренной мнѣ арміи на лѣвомъ флангѣ, по принятой мною цѣли сей кампаніи, не могу въ тоже время принять рѣшительныхъ мѣръ и на другомъ флангѣ, а ограничиваюсь только удержаніемъ Валахій, охраненіе коей и предоставлено совершенно Вашему благоусмотрѣнію; и во-вторыхъ потому, что для обложенія Рущука должно имѣть весьма значительный корпусъ, каковаго отдѣлить на сей предметъ отъ арміи нѣтъ возможности, и въ особенности, если принять въ соображеніе, что сверхъ бригаднаго отряда должно бы еще имѣть наблюдательный, ибо какъ извѣстно изъ свѣдѣній, имѣющихся въ главномъ штабѣ арміи паша Скордрскій обратилъ силы свои, равно какъ и войска изъ Ниссы къ Дунаю, не болѣе, однако же, 12,000 челов.»

Что касается до осады Журжи, то Дибичъ полагалъ, что она можетъ быть произведена и безъ обложенія Рущука по только

¹⁾ Предписаніе Дибича Киселеву 1829 года № 2092. изъ лагеря при Шумлѣ.

«впослѣдствіи буде обстоятельства допустятъ сію мѣру». Для этой цѣли Дибичъ разрѣшилъ Киселеву сосредоточить къ Журжѣ 4 бригады пѣхоты, 2 бригады конницы, 2 казачьихъ полка и взять осадную артилерію изъ Силистріи. «Впрочемъ, писалъ Дибичъ въ концѣ своего предписанія еще разъ повторяю Вашему Превосходительству, что до рѣшительнаго повелѣнія приступить къ формальной осадѣ Журжи (что совершенно зависитъ отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ), преимущественно главною цѣлью дѣйствій Вашихъ должно быть охраненіе княжествъ и наблюденіе за движеніями непріятели по правую сторону Дуная».

Затѣмъ Дибичъ разрѣшилъ «распорядиться заготовленіемъ осадныхъ матеріаловъ, дабы въ случаѣ, когда встрѣтится въ томъ надобность, имѣть все сіе подъ рукою».

Опираясь на это указаніе Дибича, Киселевъ сталъ дѣятельно готовиться къ осадѣ Журжи. 26-го іюля онъ донесъ Дибичу ¹⁾, что «дабы въ случаѣ, когда встрѣтится въ томъ надобность, имѣть все сіе подъ рукою».

Опираясь на это указаніе Дибича, Киселевъ сталъ дѣятельно готовиться къ осадѣ Журжи. 26-го іюля онъ донесъ Дибичу ¹⁾, что «дабы въ случаѣ востребованія, имѣть для осады крѣпости Журжи все для сего нужное подъ рукою, я предписалъ генераль-маіорамъ Дитерихсу 2-му и Руперту и контръ-адмиралу Паттаіоти дѣятельнѣйшимъ образомъ заняться надлежащимъ исправленіемъ и пополненіемъ всего по флоту, артилерійской и инженерной части и поручилъ командиру сапернаго баталіона, полковнику Каппелю, сдѣлавъ подробное обозрѣніе крѣпости, составить проектъ осады оной и смѣту необходимыхъ для сего матеріаловъ, къ заготовленію коихъ нынѣ же приступаютъ».

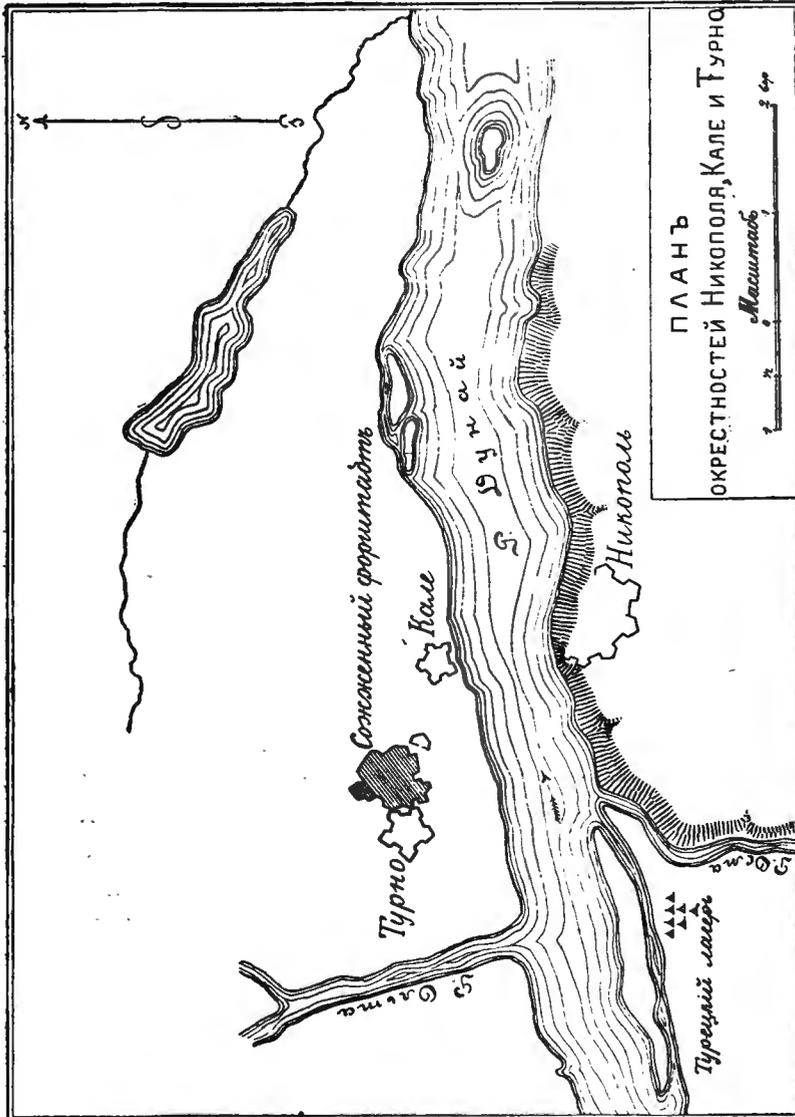
Это представленіе Киселева, отправленное 26-го іюля, было получено Дибичемъ въ то время, когда онъ находился въ походѣ на Адрианополь; затѣмъ событія приняли такое направленіе, что уже не было надобности приступать къ осадѣ Журжи.

О дѣйствіяхъ подѣ Турно, Кале и Никоподемъ.

Дѣйствія подѣ Турно и Кале. На лѣвомъ берегу Дуная, противъ Никополя было два укрѣпленія бастионнаго начертанія, занятыя нашими войсками: это были Турно и Кале. Здѣсь расположенъ былъ Екатеринбургскій пѣхотный полкъ подѣ начальствомъ полковника Говорова. (Планъ окр. Никополя).

¹⁾ Рапортъ Киселева главнокомандующему отъ 26-го іюля 1829 года № 904.

Такъ какъ Кале было расположено настолько близко къ Никополю, что турки могли бомбардировать его изъ этой крѣпости, то Дибичъ предписалъ Киселеву скрыть Кале, «чтобы не подвергать



гарнизона бомбардированію ¹⁾». Но прежде чѣмъ скрыть Кале, слѣдовало усилить укрѣпленіе въ Турно, тѣмъ болѣе, что въ этой крѣ-

¹⁾ Отношеніе Киселева Гейсмару отъ 14-го іюня 1829 года № 608.

пости сильны были сѣверные полигоны, а не обращенные къ Дунаю ¹⁾).

Въ виду этого Киселевъ предписалъ Гейсмару принять мѣры къ усиленію Турно и между прочимъ приказалъ построить при устьѣ Ольты редутъ на 100 человѣкъ и 6 орудій такимъ образомъ, чтобы изъ одного фаса можно было дѣйствовать вверхъ по теченію этой рѣки и изъ третьяго—обстрѣливать устье рѣки Осьмы.

Послѣ исполненія всѣхъ этихъ работъ слѣдовало, оставить въ Турно только одинъ баталіонъ, а другой расположить въ нѣсколькихъ верстахъ вверхъ на р. Ольтѣ, и баталіоны эти почаше смѣнять въ виду весьма нездоровой мѣстности, гдѣ находилось Турно.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого распоряженія Киселевъ нѣсколько измѣнилъ его, а именно. онъ призналъ необходимымъ, «хотя г. главнокомандующій предписалъ срыть крѣпость Кале», не срывать въ Кале «куртину съ двумя бастіонами, обращенными къ Дунаю».

Эту часть укрѣпленія слѣдовало вооружить артилеріей большого калибра для того, чтобы отсюда можно было бомбардировать Никополь.

Это распоряженіе Киселева было въ связи съ его намѣреніемъ атаковать Никополь, причемъ «обращенный къ Дунаю полигонъ, огнемъ своимъ будетъ содѣйствовать атакѣ на Никополь».

Къ 26-му іюля всѣ работы по срытію Кале были исполнены, а «обращенный къ Никополю полигонъ былъ оставленъ, въ видѣ батареи, дабы городъ сей имѣть подѣ нашими выстрѣлами». По полученіи донесеній объ этомъ, Дибичъ выразилъ Киселеву «свою признательность за скорое и точное исполненіе повелѣнія».

Слѣдя за положеніемъ турокъ въ Никополѣ, Киселевъ выработалъ планъ о нападеніи на эту крѣпость.

15-го іюля онъ писалъ Гейсмару ²⁾, «что прежнія свѣдѣнія о малочисленности Никопольскаго гарнизона не перестаютъ до меня доходить, почему я полагаю бы возможнымъ, воспользоваться для нападенія хотя на отдѣльный лагерь, на р. Осьмѣ расположенный, что кажется можно было бы поручить командующему въ Турнѣ полковнику Говорову».

На основаніи этого Гейсмаръ «предписалъ полковнику Говорову воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для нападенія на отдѣльный лагерь на р. Осьмѣ».

¹⁾ Отношеніе Киселева Гейсмару отъ 14-го мая 1829 года № 466.

²⁾ Отношеніе Киселева Гейсмару отъ 15-го іюля 1829 г. № 800.

Въ это время, т. е. 19-го іюля, гарнизонъ въ Турно былъ усиленъ 7-мъ баталіономъ пандуровъ.

Нападеніе на турецкій лагерь при устьѣ р. Осьмы. Нападеніе на турецкій лагерь при устьѣ Осьмы было произведено по распоряженію полковника Говорова въ ночь на 31-е іюля командой охотниковъ въ 160 чел. Оно удалось вполнѣ: лагерь былъ разрушенъ и 400 человекъ турокъ, которые его защищали, были разсѣяны, а частью перебиты. Окончивъ этотъ поискъ, наши охотники благополучно вернулись съ потерей нѣсколькихъ человекъ въ Турно.

Нападеніе турокъ на Кале и Турно. Въ ночь на 1-е августа мы замѣтили приготовленія турокъ къ переправѣ на лѣвый берегъ Дуная. Тогда полковникъ Говоровъ приказалъ перевести изъ Кале въ Турно всю артилерію; четыре орудія были перевезены, а пятое не удалось увезти до утра 1-го августа и тогда его оставили въ Кале, но заклепали. Между тѣмъ, турки въ числѣ около 2000 человекъ переправились черезъ Дунай, захватили батарею въ Кале и открыли сильный огонь по Турно, дѣйствуя, между прочимъ, и изъ нашего орудія, которое расклепали. Затѣмъ турки перешли въ наступленіе, окружили нашъ отрядъ въ Турнѣ, разорили окрестныя деревни и только прибытіе генерала Штегмана съ 3-й бригадой 4-й пѣхотной дивизіи изъ Магуры и стойкость отряда Говорова, заставили турокъ отступитъ, въ ночь съ 3-го на 4-е августа, на правый берегъ Дуная.

Потеря наша состояла изъ одного офицера и 160 нижнихъ чиновъ, убитыхъ и раненыхъ; сверхъ того, турки взяли въ плѣнъ 1 офицера и 23 нижнихъ чина.

Это дѣло вызвало оживленную переписку между Киселевымъ и Гейсмаромъ, которая приняла чрезвычайно рѣзкій характеръ.

Гейсмаръ писалъ Киселеву 7-го августа ¹⁾, «что причиною покушенія турокъ изъ Никополя противъ Турно и послѣдствій онаго, единственно поискъ нашъ на отдѣльный лагерь ихъ при р. Осьмѣ, предписанный вашимъ превосходительствомъ 15-го іюля». Затѣмъ въ отвѣтъ на приказаніе Киселева усилить гарнизонъ въ Турнѣ, чтобы не могло повториться подобное же нападеніе турокъ, Гейсмаръ отвѣчалъ, что ему крайне трудно это сдѣлать, ибо онъ ежеминутно ждетъ перехода на лѣвый берегъ Дуная около Видина наши Скордракаго съ 55 тысячами человекъ. Этотъ наша Скордрскій былъ *bête noire* для Гейсмара; онъ постоянно ожидалъ его по-

¹⁾ Рапортъ Гейсмара Киселеву отъ 7-го августа 1829 года № 1109.

явленія, опасался, что онъ «*наводнитъ*» Валахію своими полчищами и что для отраженія этого паши онъ имѣеть слишкомъ мало войска и не можетъ выдѣлить для усиленія гарнизона Турно болѣе, какъ двѣ роты Екатеринбургскаго полка.

На это заявленіе Киселевъ рѣзко отвѣтилъ 11-го августа ¹⁾, что «причины непріятельскихъ набѣговъ и моихъ распоряженій къ изысканіямъ и объясненіямъ не подлежатъ». Затѣмъ онъ вторично предписывалъ усилить гарнизонъ въ Турнѣ еще двумя эскадронами и двумя орудіями.

Киселевъ считалъ, какъ мы уже знаемъ, необходимымъ, имѣть въ Кале батарею (бывшую куртину) противъ Никополя, а Гейсмаръ былъ съ этимъ распоряженіемъ совершенно несогласенъ и писалъ Киселеву, что если бы ему было предоставлено распорядиться обороной Турно, то онъ никогда бы не сохранилъ ни бесполезной куртины противъ Накополя, ни редута ²⁾, а ограничился бы одною крѣпостью Турно, для которой нынѣшній гарнизонъ былъ бы совершенно достаточенъ ³⁾».

На это Киселевъ рѣзко отвѣтилъ, что «не касаясь до постороннихъ разсужденій, скажу токмо, что всѣ распоряженія, до защиты Турно относящіяся, зависели и зависятъ отъ Васъ, но что полагая должнымъ сохранить полигонъ кр. Кале, обращенный къ Дунаю, я повторяю симъ предписанія мои ⁴⁾».

Препритательство между Киселевымъ и Гейсмаромъ продолжалось въ теченіи всего августа, колкости сыпались съ обѣихъ сторонъ и одна сторона сваливала на другую неудачу, постигшую отрядъ полковника Говорова при Турно.

Положеніе этого полковника, въ виду такихъ отношеній между двумя его старшими начальниками, было тоже весьма непріятное. Гейсмаръ находилъ, что Говоровъ выказалъ полную нераспорядительность въ дѣлахъ 1—4 августа и что онъ главный виновникъ неудачи (разумѣется послѣ Киселева); въ виду этого Гейсмаръ приказалъ произвести слѣдствіе ⁵⁾. Киселевъ напротивъ находилъ, что полковникъ Говоровъ дѣйствовалъ отлично ⁶⁾. Въ концѣ концовъ однако Киселевъ, представляя отличившихся къ наградамъ,

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 11-го августа 1829 года № 980.

²⁾ Т. е. редута при устьѣ Осемы.

³⁾ Рапортъ Гейсмара 12-го августа 1829 года № 983.

⁴⁾ Киселевъ Гейсмару 12-го августа 1829 г. № 983.

⁵⁾ Гейсмаръ Киселеву 9-го августа 1829 г. № 1124.

⁶⁾ Киселевъ Гейсмару 12-го августа 1829 г. № 983.

донесъ Дибичу, что полковникъ Говоровъ къ наградѣ не представляется, въ виду того, что при нападеніи турокъ на батарею у Кале утрачена одна пушка ¹⁾).

Срытіе Турно. Наконецъ, все это дѣло кончилось тѣмъ, что Дибичъ приказалъ срыть кр. Турно, что и было окончено 3-го октября; крѣпость сія, доносилъ Киселевъ Дибичу 9-го октября, срыта до основанія, а цитадель и каменные строенія разрушены посредствомъ мишь ²⁾».

Проектъ взятія Никополя. Имѣя свѣдѣнія, что гарнизонъ Никополя состоялъ большею частью изъ вооруженныхъ жителей, а также получая неоднократно свѣдѣнія «о состояніи и духѣ гарнизона», Киселевъ считалъ «не только желательнымъ, но и должнымъ воспользоваться представляющеюся удобностію овладѣть сею крѣпостію».

Для исполненія этого намѣренія онъ предписалъ атаковать Никополь съ двухъ сторонъ: со стороны лѣваго берега и со стороны Рахова.

Для этой цѣли онъ считалъ достаточнымъ, сосредоточить всего 10 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и сильную полевую и осадную артилерію.

Онъ предполагалъ поставить у Кале 40 орудій и подъ огнемъ ихъ переправить 6 баталіоновъ черезъ Дунай, въ то время, какъ генераль адъютантъ Гейсмаръ поведетъ атаку на другомъ берегу съ 4-мя баталіонами и конницей.

Предположеніе свое онъ сообщилъ Гейсмару ³⁾ и просилъ его прислать въ устье Ольты всѣ свободныя суда, какія онъ имѣлъ въ Раховѣ. Для обезпеченія движенія Гейсмара на пространствѣ отъ Рахова до Никополя, Киселевъ считалъ достаточнымъ, 6 баталіоновъ и 8 эскадроновъ, которые должны были удерживать непріятеля, еслибы онъ двинулся со стороны Видина на Калафать или Рахово; въ случаѣ же сильнаго нападенія со стороны Видина, онъ считалъ, что Гейсмаръ успеетъ вернуться въ Рахово, такъ какъ отъ Никополя туда всего два перехода (собственно тутъ было около 80 верстъ).

¹⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 23-го сентября 1829 г. № 1136; между тѣмъ Дибичъ уже сообщилъ Чернышеву для доклада Государю, что покушеніе турокъ на Турно было „обращено въ ничто твердостію и распорядительностію полковника Говорова“. (В. У. А. № 2891, письмо Дибича Чернышеву отъ 22-го августа № 2765, изъ Адрианополя.)

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 9-го октября 1829 г. № 1190.

³⁾ Киселевъ Гейсмару 26-го іюня 1829 г. № 671.

Систовскій гарнизонъ Киселевъ считалъ недостаточно сильнымъ, чтобы помѣшать нашей атакѣ на Никополь, а изъ Рушчука Гуссейнъ-паша могъ выслать только до 2000 человекъ конницы, «которая 90 верстъ ¹⁾ не иначе совершить можетъ, какъ въ три марша, т. е. послѣ поиска нашего».

Въ этихъ расчетахъ Киселевъ не совсѣмъ точенъ: онъ считаетъ, что пѣхота Гейсмара можетъ пройти *въ два перехода 80 верстъ*, отдѣлявшія Никополь отъ Рахова, а для турецкой кавалеріи онъ считалъ нужнымъ *три перехода для прохожденія 100 верстъ* бывшихъ между Рушчукомъ и Никоподемъ.

Въ заключеніе Киселевъ писалъ Гейсмару: «все сіе мнѣ даетъ надежду, что ускоря нападеніе на Никополь, мы овладѣемъ точною, которая для предбудущихъ дѣйствій измѣнитъ наше положеніе праваго фланга и представитъ возможность дѣйствовать наступательно въ кругу, намъ предназначенномъ. По всѣмъ симъ уваженіямъ, я не только надѣюсь, но увѣренъ, что получу отъ Вашего Превосходительства скорый и удовлетворительный отзывъ и что мѣшательства и препятствія отклонены будутъ столь извѣстнымъ мнѣ стремленіемъ Вашимъ ко всему общеплезному».

Однако отвѣтъ Гейсмара былъ совсѣмъ иного характера; онъ совершенно иначе смотрѣлъ на атаку Никополя, чѣмъ Киселевъ. Во-первыхъ, какъ мы уже указывали, Гейсмаръ чрезвычайно опасался паши Скодрскаго, затѣмъ онъ нашелъ и другія препятствія. Поэтому, отвѣчая Киселеву ²⁾, что онъ «съ обычною ревностью и усердіемъ ничего не пропуститъ, что возможетъ способствовать къ желаемому успѣху», онъ въ тоже время указывалъ на причины, по которымъ онъ не можетъ «предпринять поискъ противъ Никополя».

Это было невозможно, во-первыхъ, «по случаю близкаго уже прибытія паши Скодрскаго и намѣренія его до меня нынѣ еще дошедшаго, атаковать въ одно время въ превосходнѣйшихъ силахъ Раховъ и переправиться подъ Калафатомъ въ Малую Валахію»; во-вторыхъ невозможность оставить Раховскій мостъ, притомъ же «ненадежный», подъ прикрытіемъ двухъ баталіоновъ; въ-третьихъ у Гейсмара не имѣлось вовсе свободныхъ судовъ для отправки ихъ въ устье Ольты, ибо всѣ суда пошли на постройку Раховскаго моста. Наконецъ, этотъ мостъ начали наводить только 30-го іюня, «но восколько дней оный будетъ оконченъ и съ должною-ли проч-

¹⁾ Собственно тутъ около 100 верстъ.

²⁾ Рапортъ Гейсмара Киселеву отъ 30-го іюня 1829 г.

постью, отвѣчать не могу, не имѣя ни одного понтоннаго офицера, сіе дѣло знающаго».

Какъ ни хотѣлось Киселеву захватить Никополь, однако же съ этими доводами Гейсмара онъ согласился и 4-го іюля увѣдомилъ его, что «предположеніе относительно овладѣнія Никополемъ содѣлывается неисполнимымъ, хотя извѣстія изъ сей крѣпости получаемыя, вновь подтверждены сюда прибывшими переметчиками и возвратившимися оттуда лазутчиками ¹⁾».

Дѣйствія въ Малой Валахїи.

Составъ и расположе- Въ Малой Валахїи былъ расположенъ
ніе отряда генерала отрядъ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гейсмара.
Гейсмара.

Въ составъ этого отряда, въ половинѣ апрѣля 1829 года, входили слѣдующія войска.

17-я пѣхотная дивизія	12 бат.
17-я артилерійская бригада	36 ор.
1-я драгунская дивизія	16 эск.
Конная рота № 20	12 ор.
Три казачьихъ полка	3 к. п.
Донская конно-артилерійская рота № 2	8 ор.

12 б., 36 п. ор., 16 эск., 3 каз. п., 20 кон. ор.

Сверхъ того пандуровъ 2640 чел. пѣшихъ и 264 чел. конныхъ.

Силою: пѣхоты	9968 чел.
конницы	2656 »
казаковъ	1422 »
пандуровъ	3104 »

17150 ч. и 56 ор.

Войска эти къ 19-му апрѣля были расположены слѣдующимъ образомъ:

- Крайова:* отрядный штабъ, штабъ 17-й пѣхотной дивизіи, штабъ 1-й драгунской дивизіи.
- Турно и Кале:* Екатеринбургскій пѣхотный полкъ.
- Чарой:* 2-й баталіонъ Тобольскаго пѣхотнаго полка.
2-й баталіонъ 33-го егерскаго полка.
№ 1 п № 2 роты 17-й артилерійской бригады.
2 орудія № 3 роты 17-й артилерійской бригады.
Каргопольскій драгунскій полкъ.
- 1-й баталіонъ Тобольскаго полка наблюдалъ пространство отъ с. Дессы (Деаса) до р. Жіо (Жіуль).
- Чернецъ:* 2 ор. № 3 роты 17 артилерійской бригады.
1-й дивизионъ Московскаго драгунскаго полка.

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 1-го іюля 1829 г. № 711.

- Извора:* 1-й баталіонъ Томскаго пѣхотнаго полка.
2-й баталіонъ Томскаго полка занималъ пространство на берегу Дуная отъ с. Гирла до Фонтенобашъ. Колыванскій пѣхотный полкъ былъ на постахъ въ с. Чернецъ, Сальцъ и Изроръ.
- Загорча:* 1-й баталіонъ 33-го егерскаго полка.
- Противъ Рахова:* 1-й баталіонъ 34-го егерскаго полка.
4 ор. № 3-й роты 17-й артилерійской бригады.
2-й дивизіонъ Московскаго драгунскаго полка.
Казачій полкъ Тацына ¹⁾.
- Излазъ:* 2-й баталіонъ 34-го егерскаго полка.
- Бранковени:* конная рота № 20.
- Коллобашъ:* 1-й конно-піонерный эскадронъ ²⁾.

Затѣмъ 2-я бригада 1-й драгунской дивизіи (Кинбурнскій и Новороссійскій полки) находилась въ слѣдованіи въ с. Каракуль.

Казачій полкъ генералъ-маіора Бегидова содержалъ разъѣзды по Дунаю отъ Сальчи въ с. Врате, Гирле, Пристолъ, Груфъ до Гогащъ.

Казачій полкъ подполковника Золотарева содержалъ разъѣзды отъ Калафата внизъ по теченію Дуная до с. Дессы и вверхъ до Магловита.

Задача отряда Гейсмара. Согласно инструкціи, данной Дибичемъ Киселеву въ половинѣ апрѣля въ Галацѣ, отрядъ Гейсмара назначался для «наблюденія по Дунаю отъ австрійской границы до кр. Турно включительно».

Далѣе въ инструкціи было сказано, что «соображаясь съ обстоятельствами, Вы можете усилить отрядъ въ Валахіи ³⁾» расположенный, войсками отъ генералъ-адъютанта Гейсмара и въ обратномъ положеніи дѣлать послать къ нему часть войскъ на подкрѣпленіе» или наконецъ даже соединить оба отряда; однимъ словомъ, инструкція разрѣшала Киселеву, «смотря по движеніямъ непріятели», совершенно измѣнять расположеніе войскъ на лѣвомъ берегу Дуная.

И такъ, казалось бы, не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что генералъ-адъютантъ Гейсмаръ безусловно долженъ былъ подчиняться Киселеву; одно только обезпеченіе его отряда продовольствіемъ было возложено на него. Между тѣмъ какъ на самомъ

¹⁾ Полкъ этотъ вполнѣ, повидимому, уже не входилъ въ составъ отряда Гейсмара; но крайней мѣрѣ, фамилія полковника Тацына болѣе въ источникахъ не упоминается.

²⁾ По нѣкоторымъ даннымъ конно-піонерный эскадронъ не входилъ въ составъ отряда Гейсмара, но эти данныя неточныя, ибо эскадронъ этотъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ отряда Гейсмара.

³⁾ Т. е. Большой Валахіи.

дѣлѣ, отношенія ихъ сложились совершенно иначе; правда, Гейсмаръ, обращаясь къ Киселеву, писалъ ему не иначе какъ рапорты и въ нихъ не разъ указывалъ, что онъ исполнить безпрекословно всѣ приказанія Киселева, но на дѣлѣ было совершенно иное. Мы уже видѣли какія между ними были отношенія по поводу событій подъ Турно, но еще болѣе обостренныя отношенія установились между ними по поводу дѣйствій нашихъ войскъ въ Малой Валахii.

Служи о наступленii Мы уже указывали, что Гейсмаръ сильно *Скодрскаго паши.* опасался наступленія паши Скодрскаго и считалъ, что главная задача его отряда—это обороняться противъ полчищъ этого паши. На этомъ основанii онъ считалъ нужнымъ, держать свои войска какъ можно ближе къ Видину и противодѣйствовать всякимъ операціямъ въ иномъ направленiи.

Какъ извѣстно Мустафа, паша Скодрскiй ¹⁾, не принялъ участiя въ войнѣ противъ русскихъ въ 1828 году. Но уже въ концѣ зимы 1829 года мы имѣли свѣдѣнiя о наступательныхъ затѣяхъ этого паши. Именно князь Милошъ Обреновичъ въ письмѣ на имя ген.-адъютанта Гейсмара отъ 15-го февраля увѣдомилъ его о томъ, что у Скодрскаго паши 90,000 войска, которое къ 1 мая прибудетъ къ Видину.

Получивъ вновь письмо отъ князя Милоша Обреновича, Гейсмаръ донесъ Киселеву 9-го мая 1829 года ²⁾, что если уменьшить число войскъ паши Скодрскаго на половину, то все же у него будетъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ Видина, до 60,000 человекъ ³⁾.

Въ виду этого онъ считалъ свой отрядъ недостаточно сильнымъ и просилъ дать ему Екатеринбургскiй пѣхотный полкъ, занимавшiй Турно и Кале и бывшiй въ полномъ боевомъ составѣ.

Киселевъ на такую просьбу отвѣчалъ отказомъ ⁴⁾, такъ какъ и въ Большой Валахii войскъ было немного.

Относительно опасности, угрожавшей отряду Гейсмара со стороны паши Скодрскаго, Киселевъ держался другого взгляда чѣмъ Гейсмаръ.

«Трудно полагать, писалъ онъ, чтобы паша Скодрскiй могъ прибыть къ Видину прежде 1-го iюня и чтобы всѣ силы исключительно направлены были на сiю крѣпость, гдѣ продовольствовать столь большую армию было бы невозможно.

¹⁾ Въ Албанii.

²⁾ Рапортъ Гейсмара Киселеву отъ 9-го мая 1829 года № 117.

³⁾ Въ дѣйствительности у Скодрскаго паши было отъ 30 до 40000 человекъ (собственноручная вѣдомость г. м. Герга).

⁴⁾ Киселевъ Гейсмару 12 мая 1829 года № 461.

«Не полагаю также, чтобъ переправа сей арміи черезъ Дунай могла исполниться безъ затрудненія и чтобы турки, до устройства мостоваго укрѣпленія, рѣшились двинуться во внутрь края; сверхъ сего, до города Краіова имъ нужно сдѣлать четыре марша ¹⁾ и потому полагаю, что во все сіе время къ сей точкѣ не только девять баталіоновъ пѣхоты и дивизія кавалеріи приступить могутъ, но и отрядъ Большой Валахія, не имѣющій уже при таковыхъ обстоятельствахъ опасенія отъ движенія непріятели изъ кр. Руцука и Журжи, можетъ направить главную часть войскъ своихъ въ Малую Валахію и оными уравнять взаимныя силы и содѣйствовать возвращенію отступнаго движенія непріятели къ Дунаю».

Для обезпеченія быстроты марша войскъ изъ Большой Валахія на помощь отряду Гейсмара, Киселевъ считалъ нужнымъ устроить мосты черезъ рѣки Веде, Ольгу и Жіо на линіи отъ Даи черезъ Магуру, Мавродинъ и Чагарча къ Чорою.

Въ своемъ отвѣтѣ Киселеву, Гейсмаръ писалъ 15-го мая ²⁾, что Скордскій паша можетъ прибыть къ Видину прежде 1-го іюня, что армія его найдетъ въ Видинѣ много продовольствія, такъ какъ туда имѣется свободный подвозъ по Дунаю изъ Австріи, что именно въ виду этого паша и направляется со всѣми силами къ этому городу и что наконецъ онъ можетъ сосредоточить не девять баталіоновъ и 4 полка конницы, а только 7 баталіоновъ и 3 полка конницы, ибо нельзя безъ вредныхъ послѣдствій оставить Калафатъ, Чернецъ и устье Жіо противъ Рахова, требующихъ каждый по баталіону, а одинъ кавалерійскій полкъ долженъ остаться противъ Рахова въ готовности дѣйствовать на дистанціи между онымъ и крѣпостью Турно.

Въ концѣ этого рапорта Гейсмаръ сдѣлалъ попытку отдѣлаться отъ Киселева, хотя бы при помощи чумы. Пользуясь тѣмъ, что Киселевъ писалъ Гейсмару 12-го мая о томъ, что въ Большой Валахія есть заразительныя болѣзни, Гейсмаръ возбудилъ вопросъ о необходимости изолировать войска въ Малой Валахія (т. е. его отрядъ) отъ войскъ, занимавшихъ Большую Валахію.

«По усиливающейся заразительной болѣзни въ Большой Валахія, писалъ онъ Киселеву, я обязываюсь представить на благоуваженіе Вашего Превосходительства не настоятъ ли необходимость для предохраненія Малой Валахія и войскъ въ оной расположенныхъ учредить для сообщеній два только пункта, одинъ чрезъ

¹⁾ Отъ Калафата до Краіова—около 80 верстъ.

²⁾ Рапортъ Гейсмара Киселеву 15-го мая 1829 года № 133.

мость въ Ипотешти—общій, гдѣ можно въ с. Бранковени учредить 8-ми дневный карантинъ, и другой военный въ Чиленяхъ, гдѣ поставленный караулъ изъ гарнизона Турно подчинить всѣ проходящія войска медицинскому осмотру». «Предосторожность сія кажется мнѣ нужною», писалъ Гейсмаръ въ концѣ своего рапорта¹⁾.

Но Киселевъ не согласился съ такимъ предложеніемъ и находилъ, что «устроеніе карантина отѣнно затруднитъ какъ военныя, такъ и гражданскія сношенія»²⁾.

Проектъ Киселева о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Съ своей стороны и Киселевъ сдѣлалъ попытку ослабить отрядъ Гейсмара и успѣлъ, на его счетъ, войска, бывшія въ Большой Валахіи подъ его непосредственнымъ начальствомъ. Какъ мы знаемъ изъ инструкціи Дибича, Киселевъ самъ имѣлъ право это сдѣлать, если бы «по движеніямъ непріятели или обстоятельствомъ» это было нужно. Но онъ предпочелъ обратиться по этому дѣлу къ власти главнокомандующаго и 5-го мая писалъ Толю³⁾, «что какъ по прежнимъ, такъ и по новѣйшимъ извѣщеніямъ, предметъ всѣхъ непріятельскихъ успѣй состоитъ въ дѣйствіи на правый флангъ и тылъ арміи».

А именно Киселевъ считалъ, что Гуссейинъ-паша, занимавшій Рушукъ, перейдетъ съ значительными силами черезъ Дунай у Журжи и двинется въ Большую Валахію и на Букарестъ; для противодѣйствія же этому наступленію Киселевъ имѣлъ при Даѣ до 6000 пѣхоты, 2000 конницы, 600 казаковъ и 28 орудій.

Сверхъ того, въ Букарестѣ была бригада пѣхоты, въ Ольтеницѣ полкъ пѣхоты и 4 орудія и въ Зимницѣ 2 эскадрона, но эти силы Киселевъ считалъ недостаточными для отраженія турокъ.

Между тѣмъ, писалъ онъ далѣе, «отрядъ въ Малой Валахіи расположенный, по послѣднему донесенію состоитъ изъ 18000 человекъ, которые отчасти вѣроятно предназначены были къ открытію дѣйствій за Дунаемъ, но есть-ли обстоятельства не дозволяютъ привести къ исполненію сіе предположеніе, то я не открывая прямой для насъ пользы симъ войскомъ (которое Малая Валахія и прокормить не можетъ), упорно защищать западную часть сей провинціи, тогда какъ главный городъ княжества и находящій флангъ нашего военного основанія угрожаемы силами превосходными».

¹⁾ Гейсмаръ Киселеву 15-го мая 1829 г. № 133.

²⁾ Киселевъ Гейсмару 17-го мая 1829 г. № 474.

³⁾ Рапортъ Киселева Толю отъ 5-го мая 1829 г. № 431.

Въ виду этого, Киселевъ считалъ болѣе выгоднымъ, или переправить черезъ Дунай бѣльшую часть отряда ген.-адъютанта Гейсмара» для дѣйствій по направленію къ Плевнѣ и на пространствѣ между Никополемъ и Видиньмъ» или составить изъ этихъ войскъ летучій отрядъ въ 4000 человекъ и расположить его при Чолонешти или Мавродинѣ; тогда этотъ отрядъ игралъ бы роль подвижнаго резерва и могъ бы «въ два или три марша подкрѣпить отрядъ при Даѣ, отразить всякое покушеніе черезъ Зимницу, подкрѣпить гарнизонъ Турно и усилить защиту Крайовы».

«Впрочемъ, писалъ въ концѣ рапорта Киселевъ, какъ всѣ частныя соображенія подчиняются общимъ политическимъ преднамѣреніямъ и дѣйствіямъ главной арміи, то осмѣливаюсь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, доведя о семъ до свѣдѣнія господина главнокомандующаго, испросить приказанія Его Сіятельства, для надлежащаго руководства».

Цѣли своей, съ которой писалъ свой рапортъ Киселевъ, онъ не достигъ и получилъ на него довольно колкій отвѣтъ Толя.

«Весьма невѣроятно, писалъ Толь 8-го мая ¹⁾, чтобы предметъ всѣхъ непріятельскихъ усилій состоялъ въ намѣреніи дѣйствовать на правый флангъ и тылъ арміи, ибо главныя силы, конечно, соединятся подъ командою главнаго начальника, т. е. визиря, который находится въ Шумлѣ».

Далѣе Толь писалъ: «касательно отряда ген.-адъют. бар. Гейсмара, то господинъ главнокомандующій арміею изволилъ замѣтить, что въ Малой Валахіи войска усилены именно потому, что тамъ удобнѣе достать въ большемъ количествѣ продовольствіе, что, какъ полагаетъ его сіятельство, должно быть вашему превосходительству извѣстно по случаю бытности вашей начальникомъ главнаго штаба арміи; расположить значительную часть войскъ сихъ въ Большой Валахіи его сіятельство не видитъ надобности, ни возможности содержать тамъ ихъ, гдѣ, по донесеніямъ отъ 1-го апрѣля, оныхъ и такъ уже находится подъ начальствомъ вашимъ до 16000 человекъ».

Такимъ образомъ, Киселевъ получилъ полный отказъ въ попыткѣ ослабить отрядъ Гейсмара и усилить на его счетъ войска, занимавшія Большую Валахію. Причина, по которой Киселевъ считалъ нужнымъ уменьшить силу отряда въ Малой Валахіи, именно невозможность прокормить ихъ тамъ, совершенно не была

¹⁾ Толь Киселеву 8-го мая 1829 года № 1455.

признана Дибичемъ, который напротивъ считалъ, что тамъ удобнѣе достать *«въ большемъ количествѣ продовольствіе»*. Передавая такое рѣшеніе Дибича, Толь не удержался, чтобы не уколоть Киселева, и писалъ ему, что возможность достать въ Малой Валахін продовольствіе *«въ большемъ количествѣ»*, должна быть извѣстна Киселеву, какъ бывшему начальнику штаба арміи.

Насколько ненормальны были отношенія Гейсмара къ Киселеву и на сколько самъ главнокомандующій не считалъ Гейсмара безусловно подчиненнымъ Киселеву, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго мѣста отвѣта Толя Киселеву: «что касается до дѣйствій ген.-адъют. бар. Гейсмара во флангъ и тылъ непріятелю, еслибы онъ вышелъ изъ Журжи, то ему о семъ уже приказано; господинъ главнокомандующій арміи разрѣшаетъ повторить сіе приказаніе». Судя по этому пункту, можно думать, что Гейсмаръ не былъ подчиненъ Киселеву и что Киселевъ долженъ былъ испрашивать разрѣшеніе главнокомандующаго, если бы онъ желалъ привлечь отрядъ Гейсмара для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ. Между тѣмъ, согласно инструкціи того же Дибича, Гейсмаръ былъ безусловно подчиненъ Киселеву и, мало того, инструкція разъясняла и этотъ частный случай, о которомъ писалъ Толь, разумѣется, въ томъ смыслѣ, что Киселевъ *«можетъ усилить отрядъ, въ Валахін расположенный, войсками отъ генераль-адъютанта Гейсмара»*¹⁾.

Согласіе Дибича на наступательныя дѣйствія отряда Киселева за Дунаемъ. Но на одинъ изъ возбужденныхъ вопросовъ Киселевъ получилъ благоприятный отвѣтъ—это на вопросъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ на правомъ берегу Дуная.

По этому вопросу Толь писалъ слѣдующее: «Его сіятельство не воспрещаетъ экспедицію за Дунай, напротивъ, одобряетъ оную, если бы представился удобный случай нанести непріятелю какой важный ударъ, замѣчая только, что для сего должно имѣть прежде мость или надежную переправу и всегда быть увѣреннымъ въ безпрепятственномъ возвращеніи войскъ и въ возможности успѣть имъ къ содѣйствію вашему превосходительству. Диверсіи же, демонстраціи и набѣги малыми отрядами, его сіятельство считаетъ вредными дѣйствіями для большого корпуса и принадлежащими болѣе партизанамъ».

Получивъ этотъ отвѣтъ, Киселевъ тотчасъ же сообщилъ содер-

¹⁾ Инструкція Дибича (см. прил. № 26).

жаніе его Гейсмару и просиль представить ему соображеніе о дѣйствіяхъ за Дунаемъ ¹⁾.

Гейсмаръ отвѣчалъ Киселеву 13-го мая ²⁾, что онъ еще въ мартѣ того же года высказывалъ графу Палену ту же мысль, о необходимости дѣйствовать наступательно на правомъ берегу Дуная и что предпріятіе это «и теперь въ исполненіи возможно и весьма выгодно», но что для этого необходимо усилить его отрядъ цѣлой пѣхотной дивизіей. Тогда Гейсмаръ предполагалъ переправиться черезъ Дунай, занять Рахово и навести въ этомъ мѣстѣ мостъ черезъ Дунай.

Киселевъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ выдѣлить изъ своего отряда такихъ значительныхъ силъ, такъ какъ у него останется тогда менѣе 2000 чел., которыхъ совершенно недостаточно для прикрытія Букареста. Въ то же время Киселевъ писалъ Гейсмару, что онъ считаетъ «весьма желательнымъ, воспользуясь неприбытіемъ еще албанскихъ войскъ, овладѣть Раховымъ, изготовивъ мѣсто сіе какъ важнѣйшее средство къ прекращенію плаванія по Дунаю между Видинымъ и Никоподемъ» ³⁾. При этомъ всѣ распоряженія по производству поиска на Раховѣ, Киселевъ всецѣло предоставлялъ Гейсмару. Получивъ эту задачу, Гейсмаръ занялся подготовкой къ ней и 20-го мая донесъ Киселеву, что онъ «оканчиваетъ нужное для сего приготовленіе и надѣется съ Божьею помощію скоро о послѣдствіи доставить удовлетворительное донесеніе» ⁴⁾.

Взятіе Рахова (Орсова) Какъ мы уже знаемъ, на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Рахова, у д. Орошаны (Орошани) былъ расположенъ отрядъ, состоявшій изъ перваго баталіона 34 егерскаго полка, 4 орудій № 3 роты 17-й артилерійской бригады, втораго дивизіона Московскаго драгунскаго полка и казачій полкъ Тацына. (См. планъ Рахова).

Рѣшивъ захватить Рахово, ген.-адъют. Гейсмаръ приказалъ собрать у Орошаны еще слѣдующія части: Томскій пѣхотный полкъ и по баталіону Кольванскаго и Тобольскаго полковъ, 8 орудій № 1 роты 17-й артилерійской бригады, первый дивизіонъ Московскаго драгунскаго полка, 1-й конно-піонерный эскадронъ, сотню казачьяго подполковника Попова полка и конно-артилерійскую № 20

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 11-го мая 1829 года № 453.

²⁾ Гейсмаръ Киселеву 13-го мая 1829 года № 129.

³⁾ Киселевъ Гейсмару 15-го мая 1829 года № 469.

⁴⁾ Гейсмаръ Киселеву 20-го мая 1829 г. № 158.

роту. Слѣдовательно, противъ Рахова было сосредоточено 5 б., 12 п. ор., 4 эск., 5 с., 8 к. ор. и 1 эск. конно-піонеръ.

Изъ числа этихъ войскъ собственно для взятія Рахова былъ назначенъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ и. д. начальника штаба отряда генерала Гейсмара, Новороссійскаго драгунскаго полка полковника Граббе; этотъ отрядъ состоялъ изъ 1-го баталіона 34 егерскаго полка и 200 охотниковъ, вызванныхъ изъ всѣхъ



остальныхъ пѣхотныхъ частей; егерями командовалъ полковникъ Гавриленковъ, а охотниками флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Толстой. Для подъема отряда полк. Граббе спустилъ по р. Жіо изъ Краіовы 80 лодокъ и паромовъ; у д. Орошаны на эти суда сѣли егеря и охотники и поплыли къ устью Жіо, а остальные войска, подъ начальствомъ Гейсмара, двинулись туда же сухимъ путемъ и съ разсвѣтомъ 28-го мая были уже на мѣстѣ.

Мѣстность, на которой разыгралось дѣло при Раховѣ, имѣла

слѣдующія свойства. Противниковъ раздѣлялъ Дунай, ширина котораго противъ устья р. Жію была около 320 саженой.

Выше Рахова Дунай былъ нѣсколько шире, а версты двѣ ниже—ширина его доходила до версты. Лѣвые берега Дуная и Жію были совершенно открытые, такъ что приближеніе нашихъ войскъ не могло быть произведено скрытно; на правомъ берегу Жію, у устья этой рѣки, былъ лѣсъ.

Правый берегъ Дуная значительно командовалъ лѣвымъ и состоялъ изъ группъ высотъ съ обрывистыми скатами и глубокими оврагами между ними; на этихъ высотахъ, отступя отъ Дуная, примѣрно сажень на 100—150, начинались постройки города, который растянулся вдоль рѣки, примѣрно версты на полторы; ширина города была не болѣе полуверсты.

На прибережной крутой высотѣ, противъ самаго устья Жію, турки имѣли батарею, а на высотѣ къ югу отъ города, господствовавшей надъ нимъ, было три редута; наконецъ, на южной окраинѣ города, сѣвернѣе этихъ трехъ редутовъ, была цитадель, состоявшая изъ четырехугольнаго укрѣпленія, длиною около 100 саж. и шириною около 50 саж.

Гарнизонъ города состоялъ, примѣрно, изъ 1000 чел. пѣхоты, около 500 чел. конницы и 5 орудій; сверхъ того, у берега стояли канонерки, вооруженныя фальконетами.

На разсвѣтъ 28-го мая 22 орудія, поставленныя на лѣвомъ берегу Дуная у устья Жію, открыли огонь по городу и береговой батарее. Въ то же время, около 3-хъ часовъ утра, лодки, на которыхъ находился отрядъ полковника Граббе, вышли изъ устья Жію и быстро поплыли къ правому берегу Дуная. Теченіемъ лодки были отнесены внизъ и высадка могла быть произведена приблизительно противъ середины города въ разстояніи около 600—700 шаговъ отъ цитадели. Первыми пристали лодки, на которыхъ находились полковникъ Граббе и флигель-адъютантъ, полковникъ графъ Толстой, и 4 лодки съ охотниками. Охотники быстро взбѣжали на берегъ и бросились на турокъ, не ожидая прибытія слѣдующихъ лодокъ. Когда егеря высадились на берегъ, полковникъ Граббе повелъ ихъ противъ города и въ немъ завязалась борьба, продолжавшаяся четыре часа.

Наконецъ, егеря штурмомъ взяли редутъ, ближайшій къ цитадели. Турки, упорно оборонявшіе городъ и укрѣпленія, укрылись въ цитадель, гдѣ папа съ гарнизономъ успѣлъ запереться въ домахъ и мечетяхъ.

Между тѣмъ, лодки успѣли вернуться къ устью Жію и принять 2-й баталіонъ Тобольскаго полка, подъ начальствомъ полковника Лемана; генераль-адъютантъ Гейсмаръ приказалъ ему пристать къ правому берегу выше береговой батареи, взять ее штурмомъ и идти на соединеніе съ колонной полковника Граббе. Полковникъ Леманъ взялъ батарею стремительной атакой, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ.

Между тѣмъ, Граббе двинулся противъ цитадели, по которой войска наши производили усиленную пальбу; тогда паша вышелъ изъ цитадели и безусловно сдался полковнику Граббе съ гарнизономъ въ 500 чел.

Одна изъ турецкихъ канонерокъ была атакована нами на лодкахъ и взята съ орудіемъ.

Дѣло окончилось во второмъ часу дня.

Трофеи наши состояли изъ 500 человѣкъ, въ томъ числѣ двухъ-бунчужный паша Гуссейнъ, 5 орудій и 5 знаменъ.

Мы потеряли убитыми 3 офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ и ранеными 11 офицеровъ и 175 нижнихъ чиновъ.

Въ числѣ раненыхъ были полковникъ Граббе и флигель-адъютантъ графъ Толстой.

Петери турокъ были весьма значительны—они потеряли 500 плѣнныхъ, а остальные были убиты или ранены и только около 500 чел. конницы успѣли спастись бѣгствомъ.

Предположеніе Гейс- Въ тотъ же день Гейсмаръ донесъ Кисе-
мара объ отступленіи леву о взятіи Рахова и въ концѣ рапорта
изъ Рахова. писалъ: «чтобы воспользоваться сею побѣдою совершенно необходимо доставить мнѣ возможность удерживать Рахово, умноженіемъ силъ моихъ ¹⁾».

Изъ этихъ строкъ видно, что въ душу побѣдителя закралось сомнѣніе въ возможности удержаться въ завоеванномъ мѣстѣ; мы уже знаемъ, что Гейсмаръ не счелъ возможнымъ атаковать Рахово съ такими силами, которыя у него были; но когда Дибичъ выразилъ согласіе на наступательныя дѣйствія на правомъ берегу Дуная и когда Киселевъ далъ эту задачу Гейсмару, то онъ привелъ ее въ исполненіе. Отмѣтимъ, что, сосредоточивъ противъ Рахова 5 бат., Гейсмаръ послалъ для атаки города только одинъ баталіонъ и 200 охотниковъ и поддержалъ ихъ только однимъ баталіономъ, несмотря на упорное сопротивленіе турокъ. Такимъ обра-

¹⁾ Рапортъ Гейсмара Киселеву 28-го мая 1828 года № 72.

зомъ, не развивъ всѣхъ своихъ силъ, онъ, несмотря на успѣхъ, все же считалъ, что у него ихъ мало.

На заявленіе о необходимости подкрѣпленія, Киселевъ отвѣчалъ Гейсмару 30-го мая ¹⁾ отказомъ. «Я не только возможности къ тому не имѣю, писалъ онъ, но вслѣдствіе воли господина главнокомандующаго, сообщенной вамъ отъ 28-го сего мѣсяца, самъ ожидаю изъ Малой Валахій усиленія войскъ, предназначенныхъ къ защитѣ Букареста, которое нынѣ отъ прибытія въ кр. Рущукъ новыхъ подкрѣпленій содѣлывается болѣе и болѣе необходимымъ». Опѣнивая результатъ занятія Рахова, Киселевъ въ тотъ же день, 30-го мая, писалъ Гейсмару: «обращаясь теперь къ послѣдствіямъ, которыя изъ блестящаго подвига сего извлечь слѣдуетъ, я нахожу, что важнѣйшія состоятъ въ прекращеніи плаванія непріятельскихъ судовъ ниже Видина и возможности, имѣя укрѣпленную точку на правомъ берегу Дуная, дѣлать поиски во внутрь края для затрудненія сношеній санджака Видинскаго съ Никопольскимъ» ¹⁾).

И дѣйствительно, изъ захваченныхъ въ Рахово турецкихъ бумагъ, было видно, что въ Австріи было законтрактовано хлѣба въ количествѣ 12 миліоновъ окъ и тамъ же закуплены ружья, причемъ все это должно было быть сплавлено по Дунаю въ Рущукъ ²⁾).

На другой день послѣ занятія Рахова, Гейсмаръ повторилъ свою просьбу о подкрѣпленіи, указывая, «какъ важно для насъ удержаніе Раховскаго пункта, что вмѣстѣ съ необходимостью охранять съ отрядомъ, мнѣ вѣреннымъ, Малую Валахію, для меня всегда будетъ чрезвычайно затруднительно» ³⁾).

Такимъ образомъ, между Киселевымъ и Гейсмаромъ завязалась длинная переписка, продолжавшаяся весь іюнь и почти до конца іюля. Гейсмаръ сообщая о доходившихъ до него слухахъ о наступленіи Скодрскаго паши съ значительными силами къ Видину и о намѣреніи турокъ переправиться на лѣвый берегъ Дуная, находилъ свое положеніе въ Раховѣ затруднительнымъ и просилъ подкрѣпленія.

Киселевъ же не находилъ ни надобности въ такомъ подкрѣпленіи, ни возможности къ тому, такъ какъ самъ имѣлъ недостаточныя силы для удержанія турокъ, еслибъ они двинулись изъ Рущука на Букарестъ. 18-го іюня Гейсмаръ доносилъ Киселеву, что,

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 30-го мая 1829 года № 533.

²⁾ Киселевъ Дибичу 31-го мая 1829 года № 537.

³⁾ Гейсмаръ Киселеву 29-го мая 1829 года № 182.

по слухамъ, наша Скордскій имѣеть до 60,000 человекъ и что онъ намѣренъ, «оставивъ въ совершенномъ покоѣ войска наши, близъ Рахова расположенныя, направить всѣ силы на Валахію» съ цѣлію овладѣть ею. «Представляя свѣдѣнія сіи на усмотрѣніе вашего превосходительства, я долгомъ поставлю покорнѣйше просить рѣшительнаго разрѣшенія оставаться ли мнѣ въ Раховѣ, или переправиться въ Малую Валахію» ¹⁾).

На это Киселевъ отвѣтилъ, что оставить Рахово можно только въ томъ случаѣ, если турки дѣйствительно произведутъ «*сильное нападеніе на Малую Валахію*», но никакъ не вслѣдствіе слуховъ о приближеніи пашы ²⁾).

4-го іюля Киселевъ донесъ Дибичу, что слухи о наступленіи Скордскаго пашы «не подтверждены достовѣрнымъ образомъ» и что онъ не видитъ достаточныхъ причинъ усилвать отрядъ Гейсмара, тѣмъ болѣе, что у него имѣется до 16,000 чел. Но еслибъ турки дѣйствительно переправились въ значительныхъ силахъ черезъ Дунай и стали тѣснить Гейсмара, то Киселевъ рѣшилъ идти къ нему на помощь, оставивъ часть отряда для прикрытія Букареста ³⁾).

6-го іюля былъ наведенъ у Рахова мостъ, но 10-го іюля сильно поврежденъ бурей; поврежденія эти исправить не удалось, но изъ остатковъ моста были устроены паромы, такъ что сообщеніе черезъ Дунай поддерживалось хорошо ⁴⁾); Рахово занято было нами весьма прочно; съ конца іюня въ немъ находилось два полка пѣхоты, 14 орудій, два драгунскихъ полка и два казачьихъ полка, подъ начальствомъ генерала Пригоры ⁵⁾). Такимъ образомъ, мы стали твердою ногою на правомъ берегу Дуная, какъ этого и желалъ главнокомандующій. Естественно, что поэтому Дибичъ никакъ не могъ одобрить предположеніе Гейсмара объ оставленіи Рахова; напротивъ, онъ соглашался съ мнѣніемъ Киселева и увѣдомилъ его, что у Скордскаго пашы всего только 12,000 чел. ⁶⁾). Наконецъ, 13-го іюля Толь передалъ Киселеву относительно отряда Гейсмара приказаніе Дибича въ слѣдующихъ рѣшительныхъ выраженіяхъ ⁷⁾): «касательно испрашиваемаго подкрѣпленія гене-

1) Гейсмаръ Киселеву 18-го іюня № 205.

2) Киселевъ Гейсмару 20-го іюня № 612.

3) Рапортъ Киселева Дибичу 4-го іюля 1829 года № 710.

4) Рапортъ Гейсмара Киселеву 12-го іюля 1829 года № 235.

5) Гейсмаръ Киселеву 23-го іюля 1829 года № 889.

6) Киселевъ Гейсмару 12-го іюля 1829 года № 235.

7) Толь Киселеву 13-го іюля 1829 года № 2212.

раль-адъютантомъ Гейсмаромъ господинъ главнокомандующій приказать изволилъ, чтобы Вы не подкрѣпляли сего генерала, иначе какъ только въ томъ случаѣ, когда предвидится нанести непріятелю рѣшительный ударъ и то съ тѣмъ, чтобы Ваше Превосходительство тотчасъ послѣ того возвратились къ Журжи. Посему предпишите генераль-адъютанту барону Гейсмару, чтобы онъ отнюдь не имѣлъ въ виду закрывать всей Малой Валахіи, но, напротивъ, чтобы впустилъ непріятеля въ оную и тогда, соединивъ всѣ силы свои, старался бы разбить его, на что у него имѣются достаточныя средства, ибо съ 15,000 соединеннаго войска можно всегда разбить 30 или 40,000 турокъ. При семъ нахожу нужнымъ сообщить Вашему Превосходительству, что, по самымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, у Скордскаго паши имѣется только до 12,000 человекъ войска».

19-го и 20-го іюля Гейсмаръ донесъ Киселеву, что паша Скордскій прибылъ 10-го іюля къ Видину и что, по несомнѣннымъ извѣстіямъ, турки произведутъ наступленіе на Рахово, чтобы отвлечь наше вниманіе отъ Малой Валахіи. «Усматривая изъ письма ко мнѣ господина главнокомандующаго, писалъ Гейсмаръ 20-го іюля, что его сіятельство указываетъ содержаніе Малой Валахіи, какъ главную цѣль вѣрпнаго мнѣ отряда, не занимаясь прочнымъ основаніемъ онаго въ Болгаріи, я почитаю удержаніе за нами Рахова нынѣ дѣломъ не первой важности и потому полагаю бы оставить Раховъ, чтобы усилить войска въ Малой Валахіи» ¹⁾.

Письмо Дибича очевидно было понято Гейсмаромъ не такъ, какъ слѣдуетъ. «О прочномъ основаніи въ Болгаріи» для отряда Киселева, Дибичъ никогда и не думалъ, но неоднократно указывалъ на необходимость *сохранить твердую ногу на правомъ берегу Дуная* ²⁾, чтобы прекратить сплавъ припасовъ въ Рущукъ и имѣть возможность дѣйствовать въ Болгаріи наступательно.

22-го іюля Киселевъ отвѣчалъ Гейсмару, что «онъ никакъ не согласенъ на оставленіе Рахова, ибо если непріятель атакуетъ Рахово и въ то же время переправится черезъ Дунай для дѣйствія на Малую Валахію, то такое раздробленіе силъ будетъ имѣть пагубнѣйшее вліяніе на него, чѣмъ на насъ, потому что для атаки Раховскихъ укрѣпленій требуется въ шесть или восемь разъ большее число войскъ, чѣмъ гарнизонъ, въ сихъ укрѣпленіяхъ находящійся; и при всемъ томъ таковыя нападенія турокъ, при многочисленно-

¹⁾ Гейсмаръ Киселеву 19-го и 20-го іюля 1829 года № 256 и 257.

²⁾ Дибичъ Киселеву 5-го іюля № 2091.

очеркъ похода.

сти нашей артилеріи, не взирая на превосходство силъ, всегда почти бывають безуспѣшны»¹⁾).

Въ концѣ этого же отзыва Киселевъ писалъ: «впрочемъ, сообщая все сіе какъ личное мое мнѣніе, я подчиняю оное намѣреніямъ, которыя заключаются въ упоминаемомъ Вами письмѣ господина главнокомандующаго и тѣмъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, которыя Ваше Превосходительство лично усмотрите».

Изъ этихъ строкъ видно, что Киселеву было неизвѣстно содержаніе письма Дибича Гейсмару и еще разъ подтверждается, что главнокомандующій считалъ возможнымъ давать Гейсмару указанія помимо его прямого начальника, Киселева. Этимъ можно объяснить и тонъ заключительныхъ строкъ предписанія Киселева Гейсмару.

Но, какъ мы увидимъ впоследствии, Киселеву пришлось раскаяться въ томъ, что онъ далъ Гейсмару не категорическое приказаніе не оставлять Рахова, а уклончивый отвѣтъ, который развѣзывалъ Гейсмару руки.

Отступленіе Гейсмара Прежде чѣмъ это предписаніе дошло
изъ Рахова. до Гейсмара, онъ уже принялъ рѣшеніе—
оставить Рахово, о чемъ 21-го іюля донесъ Киселеву,

«Получилъ сейчасъ съ нарочнымъ курьеромъ изъ Чернеца донесеніе подполковника Барсукова, что турки завтра, т. е. 22-го числа сего мѣсяца, намѣреваются переправиться на лѣвый берегъ Дуная изъ Видина, Прахова, Флорентина и Кладова, для чего во всѣхъ сихъ крѣпостяхъ дѣлають большія приготовленія для переправы, и какъ сіи самыя извѣстія подтверждаются письмами, полученными мною нынѣ же отъ агента моего, находящагося въ Кладовѣ, то я, не ожидая отвѣта на рапортъ мой отъ 20-го числа № 257²⁾, рѣшилъ предписать вывести войска изъ Рахова немедленно, уничтоживъ по возможности какъ самый городъ, такъ и существующія въ ономъ укрѣпленія и оставивъ только при устьѣ Жію баталіонъ Екатеринбургскаго полка съ 9-ю турецкими орудіями, для препятствованія свободному плаванію судовъ по Дунаю, и донеской казачій Поповъ 11-го полкъ на пространствѣ между Жію и Ольтою, для неослабнаго наблюденія за движеніями непріятели и отраженія малыхъ его набѣговъ. Остальные три баталіона пѣхоты изъ Рахова съ 8-ю орудіями легкой артилеріи присоединятся къ войскамъ, нынѣ въ Бырзѣ располагающимся, съ которыми я буду дѣйствовать, сообразуясь съ преднамѣреніями и движеніями непріятели.

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 22-го іюля 1829 года №854.

²⁾ Приведень выше.

«Спѣшу донести Вашему Превосходительству о семъ распоряженіи моемъ, вынужденномъ настоящимъ положеніемъ дѣль и совершенною необходимостію».

На это неожиданное донесеніе Киселевъ отвѣтилъ Гейсмару 23-го іюля весьма колко ¹⁾.

«Представивъ господину Главнокомандующему подлинныя рапорты Вашего Превосходительства № 257 ²⁾ и 260 ³⁾ и хотя дальнѣйшее по сему предмету изложеніе моего заключенія нахожу нынѣ совершенно излишнимъ, однакоже по важности послѣдствій, отъ открытія судоходства произойти могущихъ и особенно при скопленіи у Видина столь значительнаго числа доселѣ неразгруженныхъ транспортовъ, я полагаю необходимымъ, батарею у рѣки Жію усилить, редутъ при Турнѣ вооружить, лодки, на Жію и Ольтѣ находящіяся, также вооружить, на имѣющихся плашкаутахъ испорченнаго моста устроить плавучія батареи и словомъ всѣ усилія употребить, дабы не допустить сплавъ судовъ, изъ Австріи и Сербіи пришедшихъ.

«За сямъ мнѣ остается просить Ваше Превосходительство дѣйствовать по сему предмету по собственному Вашему усмотрѣнію и безъ всякаго моего соучастія».

Такимъ образомъ, Киселевъ окончательно отрекался отъ Гейсмара.

Принявъ рѣшеніе очистить Рахово, Гейсмаръ приказалъ срывать укрѣпленія и выводить войска; къ полудню 22-го іюля городъ былъ совершенно очищенъ, всѣ укрѣпленія срыты до основанія и войска переправлены на лѣвый берегъ Дуная.

Неудовольствіе Дибича по поводу очищенія Рахова и приказаніе дѣйствовать наступательно.

На донесеніе Киселева объ очищеніи Рахова, Дибичъ отвѣчалъ ему 13-го августа изъ Адріанополя въ весьма рѣзкомъ тонѣ ⁴⁾.

«Изъ рапорта Вашего Превосходительства отъ 26-го іюля № 901 и приложенныхъ при ономъ бумагъ, къ крайнему моему удивленію, узналъ я, что ген.-адъютантъ баронъ Гейсмаръ, не дождавшись разрѣшенія Вашего на представленіе его за № 257 объ оставленіи Рахова, предписалъ вывести войска изъ сего города немедленно, уничтоживъ, по возможности, какъ самый городъ, такъ и существующія въ ономъ укрѣпленія, и что вы не токмо за таковой

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 23-го іюля № 874.

²⁾ отъ 20-го іюля.

³⁾ отъ 21-го іюля.

⁴⁾ Дибичъ Киселеву 13-го августа 1829 г. № 2678 изъ Адріанополя.

поступокъ, произведенный единственно по основанному на однихъ только слухахъ опасенію въ покушеніи турокъ на Малую Валахію, не сдѣлали, какъ начальникъ, надлежащаго взысканія, но написали генераль-адъютанту барону Гейсмару предписаніе въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто вы отрекаетесь отъ начальства надъ нимъ. Будучи увѣренъ, что никто, облакаемый Высочайшею довѣренностію начальствомъ, не можетъ отказаться отъ полного исполненія, я съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ сіе поставить на видъ Вашему Превосходительству и поручаю объявить ген.-адъютанту барону Гейсмару, что онъ за своевольное оставленіе города Рахова подлежать будетъ неминуемой отвѣтственности по мѣрѣ вреда, который отъ сего произойти можетъ, тѣмъ болѣе, что всѣ письма князя Милоша должны бы доказать ничтожество способовъ наши Скордскаго.

«За симъ предлагаю Вашему Превосходительству, согласно предписанія моего отъ 3-го числа настоящаго мѣсяца за № 2678 ¹⁾, съ вѣренными вамъ войсками перейти изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе и немедленно переправиться черезъ Дунай, ежели нельзя уже при Раховѣ, то въ другомъ удобномъ сему пунктѣ».

Замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Киселеву, Дибичъ ограничился и 20-го августа написалъ Гейсмару, что, узнавъ объ оставленіи Рахова и о томъ, что Гейсмаръ отказался поддержать Турно, «я не узнаю въ Васъ того, котораго отличному мужеству и благоразумной рѣшительности принадлежитъ блистательная побѣда при Боелешти. Но полагая, что таковое, болѣе нежели осторожное, дѣйствіе Ваше, произошло единственно по излишней довѣренности вашей къ агентамъ Вашимъ, предлагаю Вамъ впредь на нихъ не полагаться, но, вѣря правдивности силъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, какъ основанной на любви къ Богу и отечеству, бить непріятеля вездѣ, гдѣ только онъ осмѣлится противостать Вамъ» ¹⁾.

Донесеніе Дибича государю о дѣйствіяхъ Гейсмара.

Адрианополя ²⁾).

О дѣйствіяхъ нашихъ въ Малой Валахіи и о поступкѣ Гейсмара Дибичъ донесъ государю въ письмѣ отъ 9-го августа пзъ

¹⁾ Въ этомъ предписаніи Дибичъ, увѣдомивъ Киселева, что онъ надѣется 8-го августа быть въ Адрианополѣ, приказывалъ ему перейти въ наступленіе и разбить Скордскаго пашу. Объ этомъ приказаніи будетъ сказано подробнѣе ниже.

²⁾ Дибичъ Гейсмару 20-го августа 1829 г. № 2764. Копія съ этого предписанія была послана Дибичемъ Чернышеву для доклада государю (В. І. А. № 2891, письмо Дибича Чернышеву отъ 22-го августа 1829 года № 2765, изъ Адрианополя).

³⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 9-го августа 1829 г. (Шильдеръ, ч. 2-я, приложение, стр. 252).

«Новости отъ ген. Киселева, писалъ Дибичъ, менѣ утѣшительны, чѣмъ прежде. Генераль Гейсмаръ, охваченный, Богъ знаетъ почему, какими-то неосновательными опасеніями въ виду возможныхъ дѣйствій со стороны Скордскаго паши, перешелъ опять Дунай, вмѣсто того, чтобы двинуться противъ этого паши къ Видину, разбить и уничтожить его жалкія войска, какъ онъ самъ сознавался въ этомъ брату князя Милоша, который сообщилъ объ этомъ генералу Гейсмару.

«Этотъ генераль, отличный на полѣ битвы, къ несчастію интриганъ и плохой подчиненный. Я съумѣю принять мѣры, которыя разрѣшаетъ мнѣ довѣріе Вашего Величества и которыя, если только этого не потребуеть долгъ службы, не оскорбятъ генерала, оказавшаго дѣйствительныя услуги. Я приказалъ ген. Киселеву снова перейти Дунай, чтобы разбить Скордрійскаго пашу, оставивъ двѣ пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады передъ Журжевымъ».

Итакъ, неправильныя дисциплинарныя отношенія, допущенныя Дибичемъ при формированіи отрядовъ, занимавшихъ лѣвый берегъ Дуная, т. е. допущеніе со стороны Гейсмара поползновеній не подчиняться Киселеву, привели, въ концѣ концовъ, къ тому, что онъ совершенно пересталъ исполнять приказанія своего начальника, который, съ другой стороны, тоже былъ неправъ, ибо, такъ сказать, умылъ руки, отказавшись давать Гейсмару приказанія послѣ оставленія имъ Рахова.

Переходъ на правый берегъ Дуная. Предписаніе Дибича Киселеву. 3-го августа, находясь на походѣ къ Адрианополю, Дибичъ предписалъ Киселеву перейти на правый берегъ Дуная и начать наступательныя дѣйствія противъ Скордскаго паши.

«Успѣхи оружія нашего, писалъ Дибичъ ¹⁾, распространились почти до вратъ Адрианополя, куда, съ Божіею помощію, надѣюсь прибыть 8-го сего мѣсяца. Страхъ, наведенный на непріятели, столь великъ, что онъ нигдѣ не въ состояніи держаться противу насъ и, при первомъ нашемъ появленіи, бѣжить, не оглядываясь. Новый опытъ сему показалъ онъ 31-го минувшаго іюля при Сливнѣ, гдѣ корпусъ въ 10,000 чел. въ весьма короткое время былъ нами разбитъ совершенно; вся имѣвшаяся при немъ артилерія изъ 9-ти пушекъ состоявшая, 6 знаменъ, большіе военные и продовольственныя запасы и 300 чел. плѣнныхъ достались въ руки побѣдителей.

«Симъ ударомъ пресѣченъ непріятели, исключая Габровской дефилеи, всѣ прямыя сообщенія между Константинополемъ и Дунаемъ. Бездѣйствіе нашихъ дунайскихъ крѣпостей, а равномѣрно и Скордска-

¹⁾ Дибичъ Киселеву 3-го августа 1829 года № 2558.

го, суть слѣдствія нашихъ успѣховъ, распространившихъ громъ оружія нашего и на нихъ.

«Гуссейнъ-паша Рушукскій, отозванный въ Шумлу, испыталъ уже ударъ отъ ген.-лейтенанта Красовскаго, въ сраженіи 28-го числа подъ Шумлою, гдѣ непріятель потерялъ до 1000 убитыми и ранеными.

«Желая воспользоваться еще болѣе благопріятными сими обстоятельствами, я нахожу необходимымъ, чтобы Ваше Превосходительство съ главною частью вѣренныхъ Вамъ войскъ изъ оборонительнаго положенія немедленно перешли въ наступательное и для того къ исполненію предписываю слѣдующее:

«1) Въ крѣпости Силистріи оставить только 3-ю бригаду 8-й пѣхотной дивизіи съ ея артилерією, двѣ роты сапернаго баталіона, все прочее инженерное и артилерійское вѣдомство и два казачьихъ полка Каргина и Карпова.

«2) 1-ю бригаду 11-й пѣхотной дивизіи съ ея артилерією присоединить къ отряду подъ Журжею.

«3) Подъ Журжею оставить въ командѣ ген.-маіора Лашкарева вышеупомянутую бригаду 11-й пѣхотной дивизіи, 12-ю бригаду 4-й пѣхотной дивизіи, 1-ю бригаду 1-й конно-егерской дивизіи, артилеріи: батарейную роту № 1-го 11-й артилерійской бригады, легкую № 2-го роту 4-й артилерійской бригады и конно-артилер. № 22 и два казачьихъ полка.

«4) Въ Малой Валахін, подъ командою ген.-маіора Пригоры, вторую бригаду 17-й пѣхотной дивизіи, — Екатеринбургскій пѣхотный полкъ (изъ котораго одинъ баталіонъ оставить въ Турнѣ до того времени, пока сія крѣпость совершенно не будетъ уничтожена, а другой баталіонъ перевести въ Краіово), 1-ю бригаду 1-й драгунской дивизіи и всѣхъ пандуровъ, артилеріи: легкую № 2 роту 17-й артилерійской бригады, четыре орудія конной № 20 и два казачьихъ полка.

«5) Приступить немедленно къ срытію крѣпости Турно взрывами, а артилерію перевести въ Букарестъ.

«6) Со всѣми прочими войсками и ген.-адъютантомъ Гейсмаромъ имѣете Вы переправиться черезъ Дунай при Раховѣ, гдѣ учредите на первый случай вашъ главный магазинъ и постоянную переправу. Войска, которыя къ наступательнымъ дѣйствіямъ назначаются, суть слѣдующія:

4-й пѣхотной дивизіи.

Архангелогородскій полкъ	2 б.
Вологодскій полкъ	2 »
7-й Егерскій полкъ	2 »
8-й Егерскій полкъ	2 »

4-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 рота 8 ор.
Легкая № 3 8 »

17-й артиллерійской бригады.

Батарейная № 1 рота 12 ор.
Легкая № 3-го рота 12 »

Кавалеріи.

Нѣжинскій конно-егерскій полкъ 4 эск.¹⁾
Дерптскій » » » 4 »
Билбурнскій драгунскій полкъ 4 »
Новоросійскій » » 4 »
Конная донская № 2 рота 12 ор
Конно-артиллерійская № 20 рота 8 »
Одинъ казачій полкъ.

Весь отрядъ волонтеровъ полковника Липранди.

«Что и составитъ въ дѣйствующемъ корпусѣ 14 бат., 16 эск., 40 орудій и 20 орудій конной артилер., одинъ казачій полкъ и весь отрядъ волонтеровъ полковника Липранди.

«Первыя ваши дѣйствія должны стремиться къ тому, чтобы, какъ можно скорѣе, атаковать и разбить пану Скодрскаго и разсѣять его корпусъ.

«Волонтеровъ полковника Липранди употребите для прикрытія лѣваго Вашего фланга, направивъ ихъ къ горамъ на сообщеніе непріятели и къ сторонѣ Ниссы. Потомъ обратитесь къ крѣпостямъ Никополю, Систову и прочимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ по правому берегу Дуная и, по мѣрѣ занятія ихъ, тотчасъ приступать къ совершенному ихъ уничтоженію взрывами, найденнымъ въ крѣпостяхъ порохомъ.

«Если же найдете какой либо изъ завладѣнныхъ пунктовъ удобнѣе, нежели Раховъ, для основанія вашихъ дѣйствій, тогда, уничтоживъ сіе послѣднее мѣсто, устройте ваши магазейны и постоянную переправу въ новоопредѣленномъ вами пунктѣ.

«Главные мои виды состоятъ въ томъ, чтобы сколь можно менѣе имѣть мѣсть, требующихъ гарнизоны, а болѣе войскъ въ полѣ, дабы быстрыми движеніями повсюду и неожиданно атаковать непріятели съ увѣреніемъ несомнѣннаго успѣха.

«По приведеніи сколь возможно послѣднѣе всего приписаннаго выше въ исполненіе, Ваше Превосходательство не замедлите мнѣ донести тотчасъ по переправѣ вашей черезъ Дунай.

«Если обстоятельства требуютъ нѣкоторой перемѣны въ назначеніи той или другой бригады, то сіе предоставляю я собственно вашему соображенію, лишь бы число баталіоновъ, эскадроновъ, артиллерій-

¹⁾ 2-я бригада 1-й драгунской дивизіи.

скихъ ротъ и казачьихъ полковъ было бѣ, по возможности, согласно моего назначенія.

«При семъ нахожу нужнымъ присовокупить Вашему Превосходительству къ исполненію, что, несмотря на возлагаемое на Васъ порученіе, Вы остаетесь командующимъ войскъ, на лѣвомъ берегу Дуная расположенныхъ и начальникомъ Силистрійскаго пункта; а потому все, какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи по внутреннему устройству, не иначе должно быть приводимо въ дѣйствіе какъ по Вашимъ распоряженіямъ и сообразно со всѣми прежде данными Вамъ отъ меня на сей конецъ предписаніями».

Такова была новая задача, возложенная на Киселева; цѣль предстоявшихъ отряду его дѣйствій была очерчена вполне ясно и опредѣленно, но въ тоже время главнокомандующій испещрилъ свою инструкцію множествомъ подробностей, съ указаніемъ гдѣ и какимъ частямъ войскъ слѣдовало быть; сознавая, что такія подробности могутъ стѣснить начальника отряда, Дибичъ разрѣшилъ ему сдѣлать *«нѣкоторыя перемѣны, лишь бы число баталіоновъ, эскадроновъ, артиллерійскихъ ротъ и казачьихъ полковъ, было по его назначенію»*; впрочемъ, и это было предоставлено Киселеву исполнить только *«по возможности»*; такимъ образомъ, эти разрѣшенія собственно отмѣняли ранѣе сдѣланныя мелочныя распоряженія, а потому послѣднія являлись тѣмъ болѣе излишними.

Если принять во вниманіе, что, давая эту инструкцію, Дибичъ находился на походѣ къ Адрианополю, въ разстояніи около 500 верстъ отъ Киселева (считая черезъ Силистрію), что онъ не могъ навѣрное знать, когда Киселевъ получитъ его инструкцію, что вниманіе Дибича было отвлечено важными событіями, которыя должны были произойти подъ Адрианополемъ, и наконецъ, что у Киселева обстоятельства могли измѣниться,—то становится совершенно непонятнымъ, почему нужно было Дибичу давать Киселеву такого рода инструкцію, напоминающую тѣ злополучные документы, которые въ свое время получалъ Витгенштейнъ, въ особенности въ періодъ *«пріготовленія 2-й арміи къ походу»*.

Какъ мы видѣли, Дибичъ предписалъ Киселеву, что *«первыя его дѣйствія должны стремиться къ тому, чтобы какъ можно скорѣе атаковать и разбить нашу Скодрскаго и разсѣять его корпусъ»*. Еще зимою и раннею весною 1829 года, мы имѣли свѣдѣнія о возможности появленія на театрѣ войны войскъ этого наши; но онъ не принялъ участія въ борьбѣ, разыгравшейся въ Болгаріи, и опоздалъ явиться для защиты Балканъ и Адрианополя.

На неоднократныя приглашенія султана, онъ, подъ разными предлогами, отвѣчалъ уклончиво и сохранилъ нетронутыми свои вооруженныя силы, пока русскіе не разбили и не разсѣяли всѣ вновь сформированныя войска его повелителя; но онъ оказался подъ рукою, когда невѣрные стали угрожать столицѣ имперіи. Мустафа-паша былъ старый янычаръ и ярый врагъ преобразованій султана Махмуда; онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ въ возставшими босняками. Ослабленіе военнаго могущества Порты было для него выгодно, но онъ, повидимому, не желалъ ниспроверженія оттоманскаго владычества въ Турціи. И когда мы, занявъ Адрианополь, двинулись далѣе къ Царьграду, онъ явился на флангъ нашей арміи съ 40,000 челобѣкъ ¹⁾).

Такимъ образомъ, Мустафа-паша занялъ угрожающее для насъ положеніе и намъ необходимо было принять мѣры для противодействія. Задача эта была возложена на генераль-адъютанта Киселева.

Но исполненіе этой задачи въ началѣ оказалось нѣсколько затруднительнымъ.

Черезъ три дня послѣ отправки Киселеву предписанія о наступательныхъ дѣйствіяхъ, Дибичъ писалъ ему 6-го августа, что онъ уполномочилъ генерала Красовскаго заключить перемиріе на три недѣли съ великимъ визиремъ и что, какъ только Киселевъ узнаетъ о замедленіи этого перемирія, такъ онъ долженъ былъ «прекратить тотчасъ военныя дѣйствія на всѣхъ пунктахъ, а до полученія онаго увѣдомленія наступать со всею возможною дѣятельностію и быстротою ²⁾». Но послѣднее оказалось, по мнѣнію Киселева, совсѣмъ неисполнимымъ.

Затрудненія, встрѣченныя Киселевымъ при исполненіи предписанія Дибича дѣйствовать наступательно на правомъ берегу Дуная. И дѣйствительно, при исполненіи предписанія Дибича встрѣтилось нѣсколько препятствій. Во-первыхъ, оно было получено Киселевымъ только въ ночь на 13-е августа, т. е. черезъ 10 дней послѣ отправленія. Во-вторыхъ, оказалось множество препятствій, вслѣдствіе которыхъ Киселевъ считалъ невозможнымъ «исполненіе съ восторгомъ полученнаго повелѣнія Вашего Сіятельства ³⁾».

Мы знаемъ, что Киселевъ еще гораздо раньше предлагалъ начать наступательныя дѣйствія за Дунаемъ; поэтому нѣтъ никакого

¹⁾ Мольтке, переводъ Шильдера, ч. 2-я, стр. 182—183.

²⁾ В. У. А. № 2770, Дибичъ Киселеву 6-го августа 1829 г. № 2593.

³⁾ Рапортъ Киселева Дибичу отъ 13-го августа 1829 г. № 989.

сомнѣнія, что онъ дѣйствительно «сѣ восторгомъ» исполнилъ бы приказаніе Дибича. Но при тогдашнихъ обстоятельствахъ, онъ считалъ приказаніе начать наступательныя дѣйствія неисполнимымъ.

Первое препятствіе заключалось въ томъ, что у Рахова мы не имѣли моста, который былъ разрушенъ, а якоря утеряны; затѣмъ турки заняли Рахово сильнымъ отрядомъ, а потому Киселевъ считалъ, что «*по разрушеніи моста, мы переправы не имѣемъ и вскорѣ исполнить таковую не можемъ*».

Второе препятствіе заключалось въ затруднительности продовольствованія войскъ въ Малой Валахіи.

«Полномочный предсѣдатель дивановъ генераль Желтухинъ, по затрудненію продовольствія въ Малой Валахіи, писалъ Киселеву, запрашивалъ меня, не можно-ли уменьшить число расположенныхъ тамъ людей и лошадей, тогда какъ начальникъ отряда ¹⁾ непрерывными рапортами доносилъ мнѣ, что съ 1-го августа онъ остается безъ надежнаго продовольствія и что подвозы малозначущи и медлительны въ слѣдованіи своемъ, что онъ опасается вскорѣ остаться совершенно безъ довольствія». Припомнимъ, что Киселевъ еще въ началѣ мая указывалъ на недостатокъ продовольствія въ Малой Валахіи для отряда Гейсмара [«который Малая Валахія и прокормить не можетъ» ²⁾], но получилъ, отъ имени Дибича, колкій отвѣтъ Толя, что «въ Малой Валахіи войска усилены именно потому, что тамъ удобнѣе достать въ большемъ количествѣ продовольствія, что, какъ полагаетъ Его Сіятельство, должно быть Вашему Превосходительству извѣстно по случаю бытности Вашей начальникомъ главнаго штаба арміи» ³⁾).

Между тѣмъ, къ осени справедливость мнѣнія Киселева подтвердилась донесеніями Желтухина и Гейсмара.

Далѣе Киселевъ считалъ невозможнымъ начать наступательныя дѣйствія съ войсками въ ихъ наличномъ, слабомъ, составѣ, до прибытія резервовъ, которые ожидались въ концѣ августа.

«До прибытія же сихъ резервовъ, писалъ Киселевъ, при настоящемъ необыкновенномъ уменьшеніи числительнаго состава войскъ, всякое движеніе было бы неуспѣшно, ибо не только полки строятся въ одинъ баталіонъ, но и артилерійскія роты, полнымъ числомъ орудій дѣйствовать не могутъ».

¹⁾ Т. е. генераль-адъютантъ Гейсмаръ.

²⁾ Киселевъ Толю 5-го мая 1829 года № 431.

³⁾ Толя Киселеву 8-го мая 1829 года № 1455.

А между тѣмъ, какъ мы видѣли, Дибичъ въ точности рассчиталъ, гдѣ и какіе полки и артилерійскія роты должны были дѣйствовать и сколько въ каждой изъ ротъ должно быть орудій.

Затѣмъ Дибичъ считалъ необходимымъ, чтобы Киселевъ остался начальникомъ войскъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная и взялъ съ собою за Дунай Гейсмара, а Киселевъ считалъ, что лучше въ его отсутствіе оставить въ Большой и Малой Валахіи Гейсмара, съ которымъ, онъ очевидно, болѣе не хотѣлъ имѣть дѣла.

Что касается до срытія крѣпости Турно, то Киселевъ доносилъ, «что для сего не имѣется достаточно пороха» и полагалъ, что какъ только это укрѣпленіе будетъ срыто, то «турки немедленно займутъ пространство, на коемъ находилась кр. Кале для устройства головнаго укрѣпленія, которое по узкости въ семь мѣстъ рѣки, находится будетъ подъ защитою крѣпости ¹⁾ и дастъ имъ удобнѣйшую и вѣрнѣйшую переправу черезъ Дунай».

Наконецъ и относительно употребленія отряда волонтеровъ Липранди, которому Дибичъ указалъ въ своемъ предписаніи даже мѣсто, гдѣ ему дѣйствовать, встрѣтились затрудненія.

«Волонтеровъ полковника Липранди, писалъ Киселевъ, я не включилъ въ общее росписаніе ²⁾, ибо не имѣю еще точнаго понятія о лучшей пользѣ, которую извлечъ можно при сохраненіи ихъ въ лѣсахъ Силистрійскихъ или же при наступательномъ корпусѣ».

Проектъ Киселева для наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ. Считаая неисполнимымъ тотчасъ же начать наступательныя дѣйствія за Дунаемъ и не-возможнымъ совершить вновь переправу у Рахова, Киселевъ составилъ собственный планъ наступательныхъ дѣйствій, о которомъ донесъ Дибичу въ томъ же рапортѣ отъ 13-го августа.

Онъ предполагалъ въ началѣ сентября перейти Дунай въ Силистрію съ 12-ю баталіонами, 16 эскадр., двумя казачьими полками и 36 орудіями, «пойти черезъ Разградъ къ Шумлѣ для дѣйствій противъ нея или для прикрытія праваго фланга арміи, но не теряя сообщенія съ корпусомъ генераль-лейтенанта Красовскаго, чрезъ коего и довольствіе войскъ отъ Дуная и моря имѣеть учредиться».

Давъ Дибичу такой отвѣтъ, Киселевъ, тѣмъ не менѣе, принялъ мѣры къ выясненію вопроса о томъ на сколько возможно исполнить переходъ черезъ Дунай, если бы онъ получилъ отъ Дибича подтвержденіе его приказанія. Съ этой цѣлью онъ запросилъ

¹⁾ Т. е. Неаполя.

²⁾ Т. е. росписаніе войскъ, приложенное къ его рапорту отъ 13-го августа.

Гейсмара, можетъ-ли быть наведенъ мостъ у Рахова къ 1-му сентября и можно-ли собрать въ Малой Валахїи мѣсячную пропорцію хлѣба и фуража для 8-ми пѣхотныхъ полковъ, 3-хъ бригадъ конницы и двухъ казачьихъ полковъ ¹⁾).

Предположеніе Гейсмара о дѣйствіяхъ за Дунай Гейсмаръ отвѣчалъ, что переправиться черезъ Дунай можно только въ Раховѣ, но *Дунаемъ* что къ 1-му сентября устроить мостъ невозможно, а мѣсячную пропорцію продовольствія для указаннаго числа войскъ, до урожая кукурузы, приобрести затруднительно ²⁾).

Черезъ два дня, т. е. 20-го августа, Гейсмаръ донесъ Киселеву ³⁾, «что въ Цырбѣ распространилась молва, будто бы наша Скордскій получилъ повелѣніе слѣдовать съ войсками къ Адрианополю, близъ коего успѣхи русскихъ присутствіе его дѣлали необходимымъ».

«Доносъ о семъ Вашему Превосходительству, писалъ Гейсмаръ, вмѣняя себѣ въ обязанность присовокупить, что въ случаѣ подтвержденія извѣстій о движеніи войскъ пашы Скордскаго къ Адрианополю, нахожу нужнымъ перейти съ войсками, въ Бырзѣ ⁴⁾ располагающимися, къ устью Жіо, противъ Рахова и полагаю, что единственнымъ средствомъ удержать нашу Скордскаго и отвлечь его отъ дѣйствій противъ главной арміи, будетъ, переправившись черезъ Дунай, идти изъ Рахова по слѣдамъ его или дѣйствіями на правомъ берегу остановить его стремленіе».

Такимъ образомъ Гейсмаръ высказался за рѣшительный образъ дѣйствій противъ Скордскаго пашы въ случаѣ, если бы онъ двинулся къ Адрианополю для угрозы нашей арміи, находившейся въ это время подъ этимъ городомъ.

Предложеніе Гейсмара собрать часть своего отряда у устья Жіо, было вполне одобрено Киселевымъ, такъ какъ это движеніе послужило бы началомъ наступательныхъ дѣйствій, предписанныхъ главнокомандующимъ, для исполненія котораго Киселевъ ожидалъ «дополнительное повелѣніе Его Сіятельства» ⁵⁾).

Это одобреніе и вѣроятно и другія обстоятельства побудили Гейсмара высказаться за наступательныя дѣйствія противъ пашы Скордскаго еще болѣе рѣшительнымъ образомъ, чѣмъ это было

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 15-го августа 1829 года № 995.

²⁾ Гейсмаръ Киселеву 18-го августа 1829 года № 281.

³⁾ Гейсмаръ Киселеву 20-го августа 1829 года № 285.

⁴⁾ Брза.

⁵⁾ Киселевъ Гейсмару 22-го августа 1829 г. № 1020

имъ сдѣлано въ рапортѣ отъ 20-го августа; мало того, онъ перешелъ отъ словъ къ дѣлу и 22-го августа выступилъ съ 6-ю баталіонами, кавалеріей и артилеріей изъ Бирки въ Бырзу (Брзу) и оттуда предполагалъ прибыть 24-го августа черезъ Садову въ Орашаны (Орашани), «въ которыхъ буду ожидать повелѣнія Вашего Превосходительства или, переправившись чрезъ Дунай, занять Рахово или, что благоугодно будетъ Вамъ приказать мнѣ исполнить», писалъ онъ Киселеву 22-го августа ¹⁾).

Такимъ образомъ, Гейсмаръ по собственному почину принялъ рѣшеніе выдвинуться къ устью р. Жію.

Въ тотъ же день, 22-го августа, Гейсмаръ вторично писалъ Киселеву, увѣдомляя его, что турки навѣрное выступили къ Адрианополю. «18-го августа, писалъ Гейсмаръ ²⁾ выступила изъ подъ Видина только часть войскъ Скодрскихъ, самъ же паша Скодрскій съ главными силами выступилъ 21-го числа сего мѣсяца.

«Все сіе войско слѣдуетъ къ Адрианополю для дѣйствія противъ главной арміи нашей. Изъ сего уже достовѣрнаго свѣдѣнія заключить можно, что паша Видинскій, съ остающимися въ распоряженіи его войсками большихъ предпріятій противъ Малой Валахій дѣлать уже не въ состояніи, а посему я и полагаю, что непремѣнно нужно дѣйствовать наступательно на правомъ берегу Дуная; охраненіе Малой Валахій было бы достаточно обезпечиваемо и новыми войсками изъ резервовъ, при небольшомъ числѣ старыхъ солдатъ».

24-го августа онъ писалъ Киселеву ³⁾ относительно устройства моста у Рахова: «мое мнѣніе, что мостъ не нуженъ или что крайней мѣрѣ необходимости въ ономъ нѣтъ, а 26-ти паромовъ и 22-хъ лодокъ, отъ моста оставшихся, и двухъ большихъ турецкихъ лодокъ, достаточно для довольно скорой переправы войскъ». Далѣе онъ писалъ: «относительно свѣдѣній о Раховѣ, находя овладѣніе онымъ безъ малѣйшаго отлагательства нужнымъ, какимъ бы числомъ оный не былъ занятъ, завтрашняго числа на разсвѣтѣ, надѣюсь съ помощію Божіею донести Вашему Превосходительству объ успѣхѣ сего предпріятія».

Такимъ образомъ, рѣшительность Гейсмара шла crescendo и онъ рѣшился, по собственному почину, захватить то самое Рахово, которое онъ мѣсяць тому назадъ очистилъ только потому, что

¹⁾ Гейсмаръ Киселеву 22-го августа 1829 г. № 1208.

²⁾ „ „ „ „ „ № 1211.

³⁾ „ „ „ 24-го „ „ № 291.

были слухи о наступленіи пашы Скодрскаго; теперь же онъ рѣшается захватить Рахово и идти на этого самаго пашу.

Далѣе, въ томъ же рапортѣ отъ 24-го августа, онъ пишетъ Киселеву: «изъяснивъ уже мое мнѣніе касательно установленія постоянной переправы, долгомъ почитаю присовокупить, что наступательное движеніе вслѣдъ за пашей Скодрскимъ должно произведено быть безъ малѣйшаго замедленія и ежели войска, Вашимъ Превосходительствомъ для сего назначенныя, не могутъ въ само-скорѣйшемъ времени быть собраны, то я съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ могъ бы сейчасъ выступить, составляя авангардъ Вашего Превосходительства, для преслѣдованія непріятели на маршѣ его къ Адрианополю, иначе паша Скодрскій можетъ выиграть слишкомъ много маршей и прибытіемъ своимъ затруднить нашу главную армію въ дѣйствіяхъ».

Изъ этихъ строкъ видно, что Гейсмаръ хотѣлъ явиться спасителемъ нашей арміи отъ пашы Скодрскаго, угрожавшаго флангу и тылу ея. Объяснить эту неожиданную прыть Гейсмара, кажется, можно только тѣмъ, что онъ, узнавъ о желаніи Дибича, чтобы отрядъ Киселева дѣйствовалъ рѣшительно и, зная, что Киселевъ не считалъ удобнымъ ранѣе начала сентября начать наступательныя дѣйствія, рѣшился выступить съ самыми энергичными проектами—въ угоду Дибичу и въ пику Киселеву. Такимъ образомъ, онъ подтвердилъ ту атестацію, которую объ немъ Дибичъ далъ императору Николаю, а именно, что Гейсмаръ «интриганъ и плохой подчиненный»¹⁾.

Приказаніе Дибича не пересодить Дунай. Между тѣмъ, событія въ Адрианополѣ приняли рѣшительный оборотъ въ нашу сторону и Дибичъ нашелъ нужнымъ приостановить предполагавшіяся наступательныя дѣйствія Киселева.

16-го августа главнокомандующій писалъ Киселеву: «полномочные турецкіе прибыли въ главную квартиру мою для заключенія мира, а потому, не желая распространяться болѣе завоеваніями по правому берегу Дуная, я предписываю Вашему Превосходительству приостановиться движеніемъ вашимъ черезъ Дунай, въ предписаніи моемъ 2558 означенномъ, и ограничиться, впредь до другого предписанія, по прежнему, одними дѣйствіями по лѣвому берегу Дуная²⁾».

¹⁾ Дибичъ Киселеву 16-го августа 1829 г. № 2700.

²⁾ Гейсмаръ Киселеву 18-го августа 1829 года № 281.

*Рѣшеніе Киселева двѣ-
ствовать наступат-
тельно.*

Это предписаніе было получено Киселевымъ 22-го августа и онъ немедленно сообщилъ его Гейсмару; но чрезъ два дня, 24-го августа, онъ, тѣмъ не менѣе, принялъ рѣшеніе — начать наступательныя дѣйствія.

На такое рѣшеніе очевидно повліяли донесенія Гейсмара отъ 20 и 22-го августа. Изъ нихъ ясно было видно желаніе Гейсмара вырваться изъ подъ начальства Киселева и сорвать дешевые лавры за Дунаемъ. Еще 18-го августа онъ считалъ затруднительнымъ начать наступательныя дѣйствія, а уже 20-го августа онъ представляетъ проектъ о наступленіи за Дунай. Съ другой стороны Киселевъ, *не считавшій возможнымъ наступать за Дунай* 13-го августа, когда того желалъ Дибичъ, *24-го числа считаетъ необходимымъ идти за Дунай.*

«Хотя господинъ главнокомандующій, писалъ, Киселевъ¹⁾, отъ 16-го сего мѣсяца предписать мнѣ изволилъ пріостановить впредь до дальнѣйшихъ повелѣній движеніе за Дунай, а съ другой стороны немѣнне постоянной переправы и провіантскаго склада при гор. Раховѣ, не дозволяетъ быстрымъ движеніемъ и съ достаточными силами успѣть настигнуть пашу Скордскаго, отъ Арчары²⁾ 21-го числа уже выступившаго, но, тѣмъ не менѣе, я предлагаю Вашему Превосходительству занять Раховъ, который, по дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, турками оставленъ, и употребить всѣ усилія для возстановленія моста, ибо, не имѣя твердой переправы, значительными силами перейти Дунай не слѣдуетъ.

«Еже-ли же, какъ я себя ласкаю надеждою, усиленіями вашими мостъ на Дунаѣ въ самоскорѣйшемъ времени возстановленъ будетъ, то немедленно выполнится начертаніе г. главнокомандующаго переходомъ назначенныхъ для сего войскъ чрезъ Дунай при Раховѣ, къ чему уже всѣ распоряженія совершаются и что по медленному дѣйствію турокъ съ успѣхомъ исполниться можетъ, ибо если паша Скордскій рѣшится слѣдовать къ Адрианополю, что подлежитъ еще сомнѣнію, то движеніемъ на Софію мы отрѣзываемъ ему сообщенія; если же онъ въ Софій остановится, то предназначенныя силы къ наступательному дѣйствію будутъ достаточны: для несомнѣннаго пораженія его.

«Изъ всего явствуетъ, что установленіе моста при Раховѣ есть главное условіе для дѣйствій оконечностію праваго фланга; въ противномъ же случаѣ, я полагаю предупредить слѣдованіе наши

¹⁾ Киселевъ Гейсмару 21-го августа № 1025.

²⁾ Тоже Акчаръ (Аріеръ-Паланка).

Скодрскаго къ Адрианополю движеніемъ изъ Силистріи на Габрово и Филиппополь.

«Ожидая завтрашняго числа возвращенія адъютанта моего съ рѣшительнымъ повелѣніемъ г. главнокомандующаго о дѣйствіяхъ праваго фланга арміи и какъ съ тѣмъ вмѣстѣ должно подтвердиться или измѣниться предписаніе Его Сіятельства, касательно пріостановленія наступательныхъ дѣйствій, то съ полученіемъ сихъ ожидаемыхъ и при настоящихъ обстоятельствахъ весьма важныхъ начертаній, я на случай дѣйствія чрезъ Рахово лично прибуду къ сему мѣсту для совѣщанія съ Вашимъ Превосходительствомъ о составѣ войскъ и начальствѣ, которыя, за удаленіемъ нашимъ, нужно будетъ оставить на лѣвомъ берегу Дуная».

Такимъ образомъ, Киселевъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно за Дунаемъ, хотя главнокомандующій уже предписалъ ему не дѣлать этого. Рѣшеніе *«лично прибыть въ Рахово»*, ясно указываетъ на желаніе не позволить Гейсмару дѣйствовать одному, какъ онъ это предполагалъ, и не дать ему возможности пожать дешевыя лавры за Дунаемъ.

Вторичное приказаніе Дибича не переходитъ Дунай. Между тѣмъ, 25-го августа, на другой же день какъ Киселевъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно, онъ получилъ подтвержденіе главнокомандующаго «ограничиться единственно обороною Большой и Малой Валахій» ¹⁾. Однако, Киселевъ рѣшился не исполнять этого приказанія главнокомандующаго.

Рѣшеніе Киселева идти за Дунай. При рапортѣ 24-го августа Гейсмаръ доложилъ Киселеву письмо князя Милоша, подтверждавшаго о движеніи Скодрскаго паши ²⁾.

Такимъ образомъ, къ одному и тому же дню, 26-го августа, Киселевъ *получилъ свѣдѣнія, окончателно убѣдившія его въ движеніи этого паши, и вторичное приказаніе Дибича не переходитъ въ наступленіе за Дунай.*

Но измѣнившаяся обстановка, желаніе не позволить Гейсмару одному пожать лавры за Дунаемъ и понятное желаніе принять участіе, хотя бы подъ конецъ войны, въ наступательныхъ дѣйствіяхъ нашей арміи, все это побудило Киселева принять рѣшеніе, вопреки приказанія главнокомандующаго. Честолюбіе его въ теченіе всего похода 1829 года ни разу не было удовлетворено и онъ чувствовалъ это сильно.

¹⁾ Толь Киселеву 19-го августа 1829 года № 2732.

²⁾ Гейсмаръ Киселеву 24-го августа 1829 года № 291.

«Съ удовольствіемъ—не скрою, что и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира», писалъ онъ 13-го сентября Желтухину ¹⁾).

26-го августа Киселевъ писалъ Гейсмару ²⁾): «движеніе паши Скодрскаго подтверждается письмомъ князя Милоша, сейчасъ при отношеніи Вашего Превосходительства за № 291 ³⁾ полученнымъ, даетъ мнѣ право и даже поставляетъ въ обязанность преступить повторительное повелѣніе г. главнокомандующаго отъ 19-го августа, вчерашняго числа мною полученное, въ коемъ его сіятельство, подтверждая прежнія приказанія, воспрещаетъ по случаю открытія мирныхъ переговоровъ съ уполномоченными Оттоманской Порты, всякое дальнѣйшее движеніе и дѣйствіе на правомъ берегу Дуная; но какъ слѣдованіе и направленіе албанскихъ войскъ измѣняетъ настоящія обстоятельства, то переправа чрезъ Дунай назначенныхъ къ тому г. главнокомандующимъ войскъ, содѣлывается необходимой и я, повторяя симъ отзывъ мой за № 1025 ⁴⁾), присовокупляю, что немедленно войска при Большой Валахіи двинутся къ Рахову и что, по исполненіи надлежащихъ здѣсь распоряженій, я лично прибуду къ сей переправѣ для совмѣстнаго принятія съ Вашимъ Превосходительствомъ дальнѣйшихъ мѣръ и общихъ по сему распоряженій».

Это вторичное указаніе на желаніе Киселева имѣть личное свиданіе съ Гейсмаромъ, до начала наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ, служитъ новымъ доказательствомъ желанія, чтобы Гейсмаръ не ушелъ изъ подъ власти Киселева; что же касается до приказанія двинуть войска къ Рахову, то оно въ сущности было уже излишнимъ, ибо Гейсмаръ еще 24-го августа донесъ Киселеву, что онъ надѣется 25-го августа, на разсвѣтъ, взять Рахово; а такъ какъ приказаніе это было дано въ отвѣтъ на это донесеніе Гейсмара, то нельзя не вывести заключенія, что, отдавая это приказаніе, Киселевъ хотѣлъ только, чтобы занятіе Рахова произошло не только по личному почину Гейсмара, *но по желанію самого Киселева.*

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, т. I, стр. 313, письмо П. О. Желтухину отъ 13-го сентября 1829 года изъ д. Демьяно.

²⁾ Киселевъ Гейсмару 26-го августа 1829 года № 1026.

³⁾ Гейсмаръ Киселеву 24-го августа 1829 г. № 291.

⁴⁾ Отъ 24-го августа 1829 года.

26-го же августа Киселевъ донесъ главнокомандующему о своемъ рѣшеніи начать наступательныя дѣйствія на правомъ берегу Дуная ¹⁾.

Операціи эти начались еще 24-го августа; въ этотъ день Гейсмаръ занялъ Рахово и вслѣдъ затѣмъ выдвинулъ въ д. Борованъ, по дорогѣ къ Врацѣ, авангардъ подъ начальствомъ генераль-маіора Граббе, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ (34-го егерскаго и Кольванскаго полковъ), 6-ти легкихъ орудій, дивизіона Московскаго драгунскаго полка, донскаго Золотарева 4-го полка и 60 конно-піонеръ ²⁾.

Въ такомъ положеніи Гейсмаръ рѣшилъ ожидать приказаній Киселева.

Въ это время Киселевъ былъ еще въ Букарестѣ, а 28-го августа прибылъ въ Рахово, осмотрѣлъ войска, нашелъ ихъ въ отличномъ состояніи, что приписывалъ заботливости Гейсмара, и объявилъ объ этомъ въ приказѣ отъ 31-го августа.

Въ Раховѣ было получено извѣстіе отъ князя Милоша о заявленномъ ему желаніи Скодрскаго паша, что онъ, вынужденный повелѣніями султана слѣдовать къ Адрианополю, желалъ бы, чтобы Гейсмаръ, переправясь черезъ Дунай, подавалъ бы видъ, что онъ дѣйствуетъ противъ паша, что дало бы пашѣ предлогъ остановиться въ Софіи ³⁾.

Киселевъ приказываетъ Гейсмару занять Врацу. Но Киселевъ, не довѣряя подобнымъ увѣреніямъ Мустафы-паша, не только не остановилъ движеніе войскъ, но, составивъ авангардъ изъ 4 бат., 8 эск. драгунъ, одного казачьяго полка и 30 орудій, приказалъ Гейсмару занять 3-го сентября съ этимъ авангардомъ Врацу и наблюдать оттуда за дѣйствіями Мустафы-паша ⁴⁾.

Въ то же время главныя силы отряда собирались въ Раховѣ, откуда Киселевъ предполагалъ выступить съ ними 7-го сентября.

Авангардъ выступилъ изъ Рахова 31-го августа. Въ составъ его, подъ начальствомъ Гейсмара, входили слѣдующія части:

Томскій пѣхотный полкъ	2 бат. (1427 ч.)
Кольванскаго пѣх. полка	1 бат. (608 ч.)
34-го егерскаго полка	1 бат. (599 ч.)
№ 1 рота 17-й артил. бригады . . .	12 ор. (212 ч.)
№ 3 " " " " " " " " " " " "	86 ор. (64 ч.)

¹⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 26-го августа 1829 г. № 1032.

²⁾ Гейсмаръ Киселеву 28-го августа 1829 г. № 296.

³⁾ Гейсмаръ Киселеву 26-го августа 1829 г. № 296.

⁴⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 29-го августа 1829 г. № 1044.

Московского драгунскаго полка . 2 эск. (307 ч.)
Новороссійскій " " . 4 эск. (559 ч.).
Казачій Золотарева 4-го полкъ . . 5 сот. (414 ч.).
Казачьяго Попова 2-го полка. . . 3 сот. (308 ч.).
Конная № 20 рота 12 ор. (225 ч.).

4 б., 18 п. ор., 6 эск., 8 сот., 12 кон. орудій ¹⁾.
Силою: 2,634 ч. пѣхоты и 1,588 ч. конницы, всего 4,222 ч. и 30 ор.

Занятіе Враць. 2-го сентября авангардъ подошелъ къ г. Враць и занялъ его безпрепятственно; аянь съ 500 вооруженными турками удалился въ ущелье, по направленію къ Софіи, и занялъ укрѣпленіе въ горахъ въ 2-хъ верстахъ отъ Враць; турки оставили въ городѣ до 2,000 четвертей ячменя и пшеницы. Жители встрѣтили войска наши съ непритворною радостью, имѣя во главѣ епископа съ духовенствомъ ²⁾. 4-го сентября турки очистили укрѣпленіе, которое они заняли въ 2-хъ верстахъ отъ города, и отступили далѣе въ горы.

Въ это время Киселевъ съ главными силами своего отряда еще находился въ Раховѣ, гдѣ онъ получилъ 5-го сентября предписаніе Дибича съ согласіемъ на его предположеніе, представленное 13-го августа, а именно о движеніи черезъ Силистрію къ Шумлѣ ³⁾.

Дибичъ одобряетъ рѣшеніе Киселева дѣйствовать наступательно за Дунаемъ. Дибичъ совершенно одобрялъ это предположеніе и предписывалъ Киселеву идти къ Шумлѣ на соединеніе съ отрядомъ Красовскаго и поступить подъ его начальство.

«По всѣмъ извѣстіямъ, писалъ Дибичъ, крѣпость Шумла находится въ затруднительномъ положеніи; приближеніе и дѣйствіе Ваше приведетъ ее въ самое крайнее и она, безъ сомнѣнія, покорится нашему оружію. Усиленіе войскъ нашихъ съ сей стороны имѣетъ еще и ту важную цѣль, чтобы воспретить пашѣ Скодрскому подать помощь сей крѣпости, ибо сей паша съ войскомъ своимъ, по приказанію визиря, находится нынѣ въ Софіи, въ числѣ 15 или 20 т. человекъ. Если бы Скодрскій паша получилъ повелѣніе вмѣсто Шумлы идти къ Адрианополю, въ тылъ нашей арміи, тогда ввѣренный Вамъ корпусъ чрезъ Джумай, Эскистамбуль. Ча-

¹⁾ Составъ авангарда Гейсмара показанъ весьма различно въ разныхъ источникахъ; мы взяли данныя о составѣ силъ изъ рапорта Киселева Дибичу отъ 7-го сентября 1829 г. № 1094, какъ самыя точныя и наиболѣе вѣрныя.

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу отъ 4-го сентября 1829 г. № 1075.

³⁾ Дибичъ Киселеву 29-го августа 1829 г. № 2822.

Слѣдовательно, всего у Киселева было для дѣйствій противъ Скорскаго пашы: 12 бат., 34 пѣш. ор., 18 эскад., 11 сотенъ и 22 конныхъ орудія.

Силою: 7,381 чел. пѣхоты, 3,513 чел. конницы и 56 орудій ¹⁾.

Остальныя войска были оставлены въ Малой и Большой Валахїи и въ Силистріи.

А именно:

Въ Большой Валахїи: 8 б., 16 п. ор., 10 эск., 10 сот., 8 кон. ор.

Въ Малой Валахїи: 7 б., 30 п. ор., 10 эск., 7 сот. и 7 бат. пандуръ.

Въ Силистріи: 5 б., 16 пѣш. ор., 5 сотенъ.

Итакъ, для наступленія за Дунаемъ было назначено:

12 б., 34 п. ор., 18 эск., 11 сот., 22 кон. ор.

И для охраненія тыла арміи на лѣвомъ берегу Дуная было назначено:

20 б., 62 пѣш. ор., 20 эск., 22 с., 8 кон. ор. и 7 баталіоновъ пандуровъ.

Слѣдовательно, для наступленія было назначено нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ всего отряда ²⁾.

Въ день взятія Врацы, 2-го сентября, какъ извѣстно, въ Адрианоуполѣ былъ подписанъ миръ. Увѣдомля объ этомъ Киселева, Дибичъ писалъ ему: «вслѣдствіе сего имѣете прекратить всѣ военныя дѣйствія и если часть войскъ, съ которыми предполагали Вы перейти за Дунай, уже перешла, то имѣете оставаться въ томъ положенїи, въ каковомъ находитесь будете при полученїи сего повелѣнїя.

«Когда же получите увѣдомленіе о ратификаціи подписаннаго мира, тогда перейдите на лѣвый берегъ Дуная и расположите войска въ Малой и Большой Валахїи, въ удобныхъ и здоровыхъ, по усмотрѣнїю Вашему, лагеряхъ» ³⁾.

5-го сентября Толь увѣдомилъ Киселева, что главнокомандующій совершенно одобрилъ его рѣшеніе дѣйствовать наступательно и изъявлялъ ему «совершенную признательность за благоразумное распоряженіе, которымъ онъ совершенно достигъ желаемой цѣли: войска, состоящія подъ его командою, не только прикрыли наши сообщенія отъ корпуса непріятельскихъ войскъ, подъ начальствомъ

¹⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 7-го сентября 1829 г. № 1094.

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 2-го сентября 1829 г. № 1064.

³⁾ Дибичъ Киселеву 2-го сентября 1829 г. № 2853.

наши Скодрскаго находящихся, но могли поражениемъ сего неприятеля доставить новое торжество побѣдоносному оружію російскому»¹⁾).

На послѣднія слова едва ли можно смотрѣть иначе, какъ на ехидный намекъ Толя на то, что у Киселева дѣло не дошло до столкновения съ турками и что онъ не увѣнчалъ свои дѣйствія лаврами побѣдителя.

Извѣстіе о подписаніи Предписаніе Дибича отъ 2-го сентября съ
мира. извѣстіемъ о подписаніи мира, Киселевъ получилъ 11-го сентября при выступленіи главныхъ силъ его отряда изъ Врацы; авангардъ его въ это время занималъ д. Новачени (Новачинъ). Получивъ это извѣстіе, Киселевъ приказалъ войскамъ расположиться слѣдующимъ образомъ: главныя силы—Враца, авангардъ—Реберково, а аванпосты—у Новачени. О подписаніи мира онъ сообщилъ пашамъ Скодрскому, Видинскому и Никопольскому²⁾).

Недостатокъ сѣна и ячменя въ окрестностяхъ Врацы и Реберкова и надежда на то, что мирный договоръ будетъ ратификованъ «со дня на день», какъ писалъ Толь, побудили Киселева отправить конно-егерскую бригаду въ Рахово, а драгунскую бригаду въ д. Огодани (Огодень)³⁾).

Дѣйствія Скодрскаго Между тѣмъ оказалось, что паша Скодр-
паши. скій не прекратилъ своихъ дѣйствій и выдвинулъ изъ Софіи, уже послѣ подписанія мира, часть своего отряда въ числѣ около 1,800 чел., къ Филиппополю. Такое движеніе Мустафы могло быть опаснымъ не только для нашей арміи, но и для султана, такъ какъ трудно было выяснить, съ какой, собственно, цѣлью идетъ Мустафа—желаетъ ли онъ дѣйствіями на нашемъ флангѣ подать помощь Турціи и явиться ея спасителемъ, или же онъ явился для дѣлежа наслѣдства? Явившись послѣднимъ на театрѣ военныхъ дѣйствій съ многочисленнымъ, нетронутымъ и отличнымъ по составу войскомъ, онъ могъ, безъ сомнѣнія, дать другой оборотъ кампаніи, но война была уже окончена. Своими колебаніями и своей несвоевременной остановкой въ Софіи, не-

¹⁾ Толь Киселеву 5-го сентября 1829 г. № 2920.

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 11-го сентября 1829 года № 1097.

³⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 14-го сентября 1829 года № 1113.

согласной съ полученными приказаніями султана, онъ поступилъ предательски относительно своего повелителя. Теперь же, когда наступленіе его могло быть болѣе опасно, чѣмъ полезно для султана, онъ продолжалъ движеніе по направленію къ Константинополю; на неоднократныя приказанія падишаха отвести войско назадъ, Мустафа отвѣчалъ, что онъ не располагаетъ необходимыми деньгами для увольненія своихъ людей ¹⁾).

О двусмысленномъ поведеніи Мустафы-паши мы имѣли свѣдѣнія отъ князя Милоша, который, между прочимъ, передавалъ Киселеву просьбу Скодрскаго паши перейти противъ него въ наступленіе только для вида, чтобы имѣть предлогъ не исполнить приказаніе султана и не идти для выручки Турціи. Далѣе, принимая въ Филиппополѣ адъютанта Киселева, штабсъ-капитана Коноплина, Мустафа показавъ, что онъ не прочь войти въ соглашеніе съ русскими. Донося объ этомъ Дибичу, Киселевъ писалъ, что Коноплинъ Мустафой «неоднократно запрашивается былъ, не имѣетъ ли какихъ либо особенныхъ порученій отъ Вашего Сіятельства и что при разговорѣ его замѣтно было ожиданіе тайныхъ сообщеній, каковое обстоятельство, имѣвъ сношеніе съ разглашаемыми слухами и увѣдомленіями князя Милоша, я не излишнимъ почелъ довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства» ²⁾).

Чтобы остановить наступленіе Скодрскаго паши, между прочимъ, мы прибѣгли и къ хитрости. Такъ, ему было доставлено письмо, будто бы написанное секретаремъ князя Милоша Цвѣтко-Раіовичемъ къ князю ³⁾: «здѣсь не имѣемъ никакихъ важныхъ происшествій, было сказано въ этомъ письмѣ; объ одномъ только Сіятельство Ваше не пропускаю, что крѣпость Рущукъ совсѣмъ уже осаждена, ниже имѣетъ надежды больше времени противоборствовать оружію Россійскому; въ Малой Валахіи никакихъ движеній не замѣчается. Войско, находящееся въ городѣ Раховѣ, укрѣпилось, изрывъ всѣ холмы и поставивъ множество батарей, мостъ готовится днемъ и пощю и чрезъ теченіе трехъ дней будетъ уже готовъ. Множество мунициіи приходитъ ежедневно изъ Россіи; ожидается 5-й корпусъ для подкрѣпленія сего отряда; за нѣсколько дней и сіе сбудется. И по сему генераль-адъютантъ ба-

¹⁾ Мольке, переводъ Н. Шильдера, 2 ч., стр. 208.

²⁾ Киселевъ Дибичу 26-го сентября 1829 г. № 1161.

³⁾ В. У. А. № 2767, копія съ выдуманнаго письма Цвѣтко-Раіовича секретаря княжескаго къ Милошу Обреновичу, сообщеннаго паши Скодрскому.

ронъ Гейсмаръ, будучи подкрѣпленъ, съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстнаго пашу Скодра ожидаетъ и желаетъ видѣть его, 'только я увѣренъ, что и сему судьба предстоитъ, постигшая великаго визиря при Кулевчѣ».

Когда Дибичъ узналъ о выступленіи албанцевъ изъ Софіи, онъ послалъ Мустафѣ-пашѣ депешу, въ которой увѣдомлялъ его о подписаніи мира и требовалъ, чтобы авангардъ Мустафы оставался въ Филиппополѣ, а главныя силы—въ Софіи. Въ противномъ случаѣ Дибичъ грозилъ, что отрядъ Киселева двинется противъ паша ¹⁾.

Эта депеша была послана Дибичемъ Мустафѣ съ штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Коцебу, съ которымъ отправились и турецкіе курьеры отъ уполномоченныхъ Порты, которые везли вторичное увѣдомленіе Скодрскому пашѣ о подписаніи мира.

Въ тотъ же день, 9-го сентября, Дибичъ послалъ Киселеву копію съ депеши, посланной имъ Мустафѣ-пашѣ, и предписаніе о дѣйствіяхъ противъ него, «буде паша сей двинется изъ Софіи по направленію къ Адрианополю», тогда Киселевъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ усиленными переходами и объявить ему, что дальнѣйшій походъ Мустафы вынудитъ его дѣйствовать противъ него. Между тѣмъ, пока шли переговоры и производилась переписка, Мустафа выдвинулся со всѣми силами къ Филиппополю; но тутъ онъ далъ Коцебу обѣщаніе далѣе не двигаться ²⁾.

19-го сентября Киселевъ донесъ Дибичу, что Мустафа-паша обѣщалъ прекратить наступленіе свое при Филиппополѣ, а потому отрядъ Киселева не могъ воспользоваться разрѣшеніемъ дѣйствовать наступательно и остается при Врацѣ ³⁾.

Въ это время отрядъ Киселева былъ расположенъ такъ: пѣхота при Врацѣ, конница у Рахова и при устьѣ Жіо, авангардъ при Берковацѣ, а аванпосты при Новочени. Причина, по которой конница стояла значительно сзади пѣхоты, заключалась въ томъ, что за Дунаемъ она не могла найти достаточно зерноваго фуража ⁴⁾.

¹⁾ Деша Дибича Мустафѣ-пашѣ отъ 9-го сентября 1829 года (приложена къ предписанію Дибича Киселеву отъ 9-го сентября 1829 года № 2960).

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 16-го сентября 1829 года № 1116.

³⁾ Киселевъ Дибичу 19-го сентября 1829 года № 1135.

⁴⁾ Тамъ же.

Въ этомъ расположеніи Киселевъ рѣшилъ ожидать новыхъ приказаній Дибича, «возвратиться въ Валахію или слѣдовать къ Софіи, или же присоединиться къ арміи чрезъ Ловчу и Габрово, гдѣ продовольственные способы, полагаю, болѣе сбереженными, чѣмъ на софійской дорогѣ», т. е. по дорогѣ отъ Софіи на Филиппополь и Адрианополь.

Къ 19-му сентября Киселевъ получилъ увѣдомленіе отъ Никопольскаго, Видинскаго и Софійскаго пашей, что они приняли предложенную имъ демаркаціонную линію; но «отъ паши Скодрскаго на письмо, посланное съ штабсъ-капитаномъ Коноплинымъ, отвѣта еще не было получено». Дѣло въ томъ, что Коноплинъ нашель Мустафу уже въ Филиппополѣ, гдѣ онъ принялъ Коноплина (адъютанта Киселева) «отлично ласково» ¹⁾.

Сосредоточеніе турокъ Между тѣмъ, оказывалось, что не одинъ у Хаскія и Силиври. Скодрскій паша угрожалъ нашей арміи, несмотря на подписаніе мира; такъ, Кесе-Мехмедъ-паша, находившійся въ Хаскіюфъ (между Филиппополеиъ и Адрианополемъ), пытался пройти черезъ городъ Демотику, занятый нашими войсками, въ Узунъ-Кюпрю, находившійся тоже въ нашемъ районѣ, будто бы для расположенія на зимнихъ квартирахъ. Далѣе, въ Силиври собирались турецкія войска и, между прочимъ, туда прибыли изъ Константинополя четыре полка, высланные султаномъ; эти войска намѣревались пройти въ Родосто черезъ линію нашихъ передовыхъ постовъ.

Въ виду этого, Дибичъ предписалъ выдвинуть войска къ Хаскіюю и къ Силиври и приказалъ объявить туркамъ, что онъ, наконецъ, вынужденъ будетъ приблизиться къ оружію.

«Всѣ сіи обстоятельства, писалъ Дибичъ Киселеву, сколь не желаю я сохранить дружескія отношенія, могутъ наконецъ вынудить меня принять мѣры рѣшительныя и поднять вновь оружіе; а сколь важно въ такомъ случаѣ самое наистрожайшее наблюденіе за движеніемъ паши Скодрскаго, Ваше Превосходительство сами можете быть убѣждены выгодною, для насъ изъ того произойти имѣющею. Вслѣдствіе сего, подтверждая Вамъ къ непремѣнному исполненію все, что въ придписаніи моемъ за № 2960 отъ 9-го сентября изложено, присовокупляю, что если бы паша Скодрскій, не желая встрѣтиться съ войсками російскими, оставилъ Адрианопольскую дорогу, принялъ

¹⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 26-го сентября 1829 года № 1161.

отъ Филиппополя другое направленіе и пошелъ южнѣе, или бы принужденъ къ тому былъ вашимъ корпусомъ, то предписываю Вамъ, не теряя времени, оставя его, идти къ Адрианополю на соединеніе съ главными нашими силами ¹⁾».

Такимъ образомъ, въ началѣ второй половины сентября, положеніе Дибича, занимавшаго съ слабыми силами Адрианополь и выдвинувшаго часть арміи къ Константинополю, становилось затруднительнымъ, вслѣдствіе обнаружившагося броженія въ разныхъ частяхъ Турціи и затягиванія Портою ратификаціи мирнаго договора.

Дибичъ приказываетъ Наконецъ, послѣднее состоялось и 19-го
Киселеву идти въ Га- сентября Дибичъ писалъ Киселеву: «нынѣ
брово. хотя полученъ въ Адрианополѣ трактатъ ра-

тификованный султаномъ Махмудомъ, но поелику, во-первыхъ, по оному армія Россійская имѣетъ оставаться въ настоящемъ положеніи и занимать Адрианополь до выполненія нѣкоторыхъ главныхъ пунктовъ и именно: касательно Сербіи, касательно уничтоженія крѣпости Журжи и въ ожиданіи заплаты Портою значительной суммы; во-вторыхъ, находя, что уже въ направленіи отъ Рахова нѣтъ надобности въ сильномъ корпусѣ, то предписываю Вашему Превосходительству съ 6-ю баталіонами пѣхоты, 8-ю эскадронами кавалеріи, 16-ю орудіями пѣшей и 8-ю орудіями конной артиллеріи и съ казачьимъ полкомъ двинуться къ Габрову ²⁾».

При этомъ Дибичъ указалъ Киселеву, какъ поступить, если бы мѣстные начальники турецкихъ войскъ заявили, что миръ уже заключенъ и что имъ непонятно по какой причинѣ двигаются наши войска; въ этомъ случаѣ Киселевъ долженъ былъ отвѣчать, «что онъ идетъ на соединеніе съ главнымъ корпусомъ, находящимся подъ Шумлою, дабы вмѣстѣ съ ними возвратиться въ Россію».

Отряду Гейсмара Дибичъ приказалъ оставаться на тѣхъ же мѣстахъ и обезпечить переправу у Рахова.

23-го сентября Дибичъ, повторяя прежнее свое предписаніе о движеніи Киселева къ Габрову, писалъ ему, что «движеніе это ни мало не воспрепятствуетъ назначенію генераль-адъютанта барона Гейсмара» и что если Гейсмаръ «точно удостовѣрится, что Му-

¹⁾ Дибичъ Киселеву 15-го сентября 1829 г. № 3005.

²⁾ Дибичъ Киселеву 19-го сентября 1829 г. № 3043.

стафа-паша выступилъ изъ Филиппополя къ Адрианополю, то онъ долженъ быстрымъ движеніемъ стараться настигнуть арьергардъ турецкихъ войскъ и безпрестанно беспокоить оный. Главною же цѣлію должно быть занятіе дефилей чрезъ Балканы, дабы тѣмъ пресѣчь пашѣ Скордскому отступленіе на Софію ¹⁾».

Походъ къ Габрову. Исполняя приказаніе главнокомандующаго, Киселевъ выступилъ 27-го сентября изъ Врацы и двинулся къ Габрову черезъ Плевну, Ловчу и Сельви, такъ какъ кратчайшій путь былъ слишкомъ неудобенъ для движенія.

Отрядъ Киселева состоялъ изъ слѣдующихъ частей.

Архангелогородскій полкъ	1 бат. (493 ч.).
Вологодскій	1 бат. (557 ч.).
7-й егерскій	1 бат. (541 ч.).
8-й	1 бат. (528 ч.).
Тобольскій	2 бат. (1014 ч.).
	6 бат. (3133 ч.) ²⁾ .

№ 1 рота 4-й артил. брпг.	6 ор. (121 ч.) ³⁾ .
№ 3	6 ор. (74 ч.).
2-я бригада 1-й конно-егерской дивизіи (Нѣжинскій и Дерптскій) полки)	8 эск. (970 ч.).
Казачьяго Рыковского полка	3 сот. (310 ч.).
„ Попова 11-го „	3 сот. (208 ч.).
Конная донская № 2 рота	8 ор. (142 ч.).
Конно-піонеръ	$\frac{1}{2}$ эск.

6 бат., 12 п. ор., 8 эск., 6 сот., 8 кон. ор.

Силою: пѣхоты — 3133 чел., конницы — 1488 чел., 20 ор., $\frac{1}{2}$ эск. конно-піонеръ.

Продовольствія отрядъ имѣлъ съ собою на 12 дней, а зерноваго фуража на 14 дней, между тѣмъ какъ Дибичъ предписалъ имѣть его на 20 дней. Покупка припасовъ отъ жителей оказалась очень затруднительной, такъ какъ «болгары и вообще христіане съ объявленіемъ о заключенномъ мирѣ (видя возможность подпасть снова подъ владычество турецкое), совершенно перемѣнили прежнее усердіе свое къ намъ. пзъ страха навлечь на себя гоненіе своихъ грозныхъ властителей», писалъ Киселевъ Дибичу ⁴⁾.

¹⁾ Дибичъ Киселеву 23-го сентября 1829 года № 3070.

²⁾ Полки 1-й бригады 4-й пѣхотной дивизіи потеряли такъ много больных, что Киселевъ вынужденъ былъ переформировать ихъ въ одинъ баталіонъ (Киселевъ Дибичу 26-го сентября 1829 г. № 1159).

³⁾ По комплекту людей Киселевъ отделилъ отъ пѣшихъ артиллерійскихъ ротъ по 2 орудія, а отъ конной роты 4 орудія и отправилъ ихъ въ Валахію.

⁴⁾ Киселевъ Дибичу 26-го сентября 1829 года № 1159.

Не имѣя полнаго запаса на 20 дней, Киселевъ приказалъ войскамъ выдавать «*уменьшенную дачу сугарей*», такъ что *12-тидневнаго запаса должно было хватить на 20 дней* ¹⁾».

Занятіе Габрови и Шипки. 6-го октября Киселевъ прибылъ съ отрядомъ въ Габрово и немедленно отправилъ авангардъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Граббе, занять проходъ у Шипки, а черезъ нѣсколько дней и дер. Шейнова.

Во время движенія отряда, продолжавшагося 10 дней (всего пройдено около 200 верстъ), болѣзненность среди людей была настолько велика, что Киселевъ вынужденъ былъ, за недостаткомъ людей, отправить послѣ перехода черезъ Осьму, еще по 2 орудія отъ каждой изъ пѣшихъ ротъ въ Валахію; съ пути же были отправлены въ Валахію больные, но, по приходѣ въ Габрово, ихъ все же имѣлось при отрядѣ до 250 человекъ.

Когда Киселевъ занялъ Габрово, то онъ узналъ, что черезъ этотъ городъ и Шипкинскій проходъ ежедневно проходили изъ Шумлы отъ 100 до 500 чел.; это доказывало, что блокада Шумлы войсками Красовскаго далеко не была полною ²⁾).

Въ Габровѣ Киселевъ узналъ, что въ Шумлѣ осталось не болѣе 8,000 чел., что Скодрскій паша все еще стоитъ въ Филиппополѣ, что у него около 13,000 чел. и что онъ уже началъ распускать свое войско.

18-го октября Дибичъ послалъ Киселеву предписаніе, въ которомъ благодарилъ его за всѣ его распоряженія и предписывалъ ему не оставлять Габрово и Шипку до полученія извѣстія о сдачѣ турками Журжи ³⁾).

Между тѣмъ, положеніе отряда Киселева было нелегкое; наступила ненастная осенняя погода, число больныхъ быстро увеличилось и къ 22-му октября ихъ уже состояло на лицо 687 чел.; продовольствіе отряда было затруднительно, такъ какъ подвозъ изъ Рахова былъ невозможенъ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и большого разстоянія, а кратчайшія переправы черезъ Дунай (у Никополя, Систова и Руцукъ) находились въ рукахъ у турокъ. Покупка же запасовъ на мѣстѣ, по недостатку ихъ, была весьма затруднительна.

¹⁾ Киселевъ Дибичу 1-го октября 1829 года № 1172.

²⁾ Киселевъ Дибичу 9-го октября 1829 г. № 1191.

³⁾ Дибичъ Киселеву 18-го октября 1829 г. № 3289.

Возвращение отряда Киселева на левый берег Дуная. Наконец, 31-го октября было получено извѣстіе о сдачѣ Журжи и 2-го ноября началось выступленіе войскъ къ Систову, но только 11-го ноября окончилась переправа ихъ черезъ Дунай.

Дѣйствія отряда Киселева на правомъ берегу Дуная составили какъ бы отдѣльный эпизодъ войны и принесли свою долю пользы для операцій нашей арміи. Но для честолюбія начальника этого отряда недоставало блеска побѣдъ, котораго, естественно, желалъ и ожидалъ Киселевъ.

Вотъ что онъ писалъ бывшему тогда полномочному предсѣдателю дивановъ генералу Желтухину: «съ удовольствіемъ—не скрою, но и съ огорченіемъ—получилъ я извѣстіе о заключеніи мира. Казаки мои были въ двухъ маршахъ отъ Софіи и чрезъ три дня я занялъ бы сей замѣчательный и для насъ важный городъ.

Признайтесь, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что, при всемъ патріотизмѣ, позволительно сѣтовать на судьбу, которая послѣ преодоленія многихъ и многихъ затрудненій, не допустила воспользоваться справедливымъ воздаяніемъ, котораго я вправѣ былъ ожидать. Но дѣлать нечего, покоряюсь той волѣ, которая нами располагаетъ и уже не гоняюсь за счастіемъ, котораго достигнуть не могу.

«Я уже былъ въ горахъ и въ краѣ прелестномъ, болгары насъ встрѣчали пріятелями и большая часть турокъ оставалась въ домахъ своихъ или возвращалась домой и все исполнялось по желаемому. Какъ вдругъ блистательный миръ опечалилъ весь безъ изъятія корпусъ. Паша Скодрскій съ 10 т. выбирался уже изъ Софіи и мнѣ оставалось бы подобрать хвостъ его и приспѣть въ Адрианополь¹⁾».

Но Киселева уже ждала другая дѣятельность—онъ былъ назначенъ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ въ княжествахъ, а честь занятія Софіи выпала на долю другого генерала—Гейсмара.

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, I, 313, письмо Киселева П. Ѳ. Желтухину изъ Демьяно, 13-го сентября 1829 г.

Дѣйствія отряда Гейсмара.

Уходя изъ Врацы въ Габрово, Киселевъ распорядился, чтобы Гейсмаръ съ 4 бат., 8 эск. драгунъ и казачьимъ полкомъ Золотарева выступилъ изъ Врацы 2-го или 3-го октября и двинулся къ Софіи; два баталіона Екатеринбургскаго полка должны были догнать отрядъ Гейсмара въ горахъ, слѣдую изъ Турно и Рахова ¹⁾).

Отмѣтимъ, что со времени выхода изъ Врацы, Киселевъ не получилъ отъ Гейсмара ни одного донесенія, несмотря на то, что онъ былъ прямымъ его начальникомъ ²⁾).

Движеніе отряда Гейсмара было вызвано, какъ извѣстно, дѣйствіями Мустафы-паши и было основано на предписаніи Дибича Киселеву отъ 23-го сентября, въ которомъ было сказано, что, если Гейсмаръ «точно удостовѣрится, что Мустафа паша Скордскій, выступилъ изъ Фитипополя къ Адрианополю, то я предписываю, чтобы онъ быстрымъ движеніемъ старался бы настигнуть аріергардъ турецкихъ войскъ и безпрестанно безпокоилъ оный ³⁾»).

Это приказаніе было отдано Дибичемъ въ виду того, что Мустафа, продолжалъ свое наступленіе къ Адрианополю и въ половинѣ сентября выдвинулъ свой авангардъ до Хаскіюя, что между Филиппополемъ и Адрианополемъ.

Тогда генераль Ридигеръ успѣшно двинулся съ 7-мъ корпусомъ въ д. Мустафу-пашу, а генераль Шереметевъ выступилъ съ уланскою бригадою въ Демотику, такъ какъ можно было опасаться, что паша Скордскій намѣренъ овладѣть этимъ городомъ. Но такъ какъ въ Адрианополѣ было очень мало войскъ, то 29-го сентября оба эти отряда вернулись въ Адрианополь.

А между тѣмъ, въ это время Мустафа-паша двинулся къ Филипполю съ главными силами, силою до 30,000 человекъ, и сообщилъ Дибичу, что въ слѣдующую субботу, 28-го сентября (10-го октября), онъ придетъ въ Адрианополь для занятія зимнихъ квартиръ ⁴⁾. Тогда Дибичъ приказалъ Гейсмару дѣйствовать наступа-

²⁾ Киселевъ Дибичу 1-го октября 1829 г. № 1172.

³⁾ Рапорты Киселева Дибичу 9-го октября 1829 г. № 1191 и отъ 22-го октября 1829 г. № 1219.

⁴⁾ Дибичъ Киселеву 23-го сентября 1829 г. № 3070.

¹⁾ Мольтке, переводъ Н. Шильдера. ч. 2-я, стр. 209.

тельно противъ Мустафа-паши и, главнымъ образомъ, не позволить ему вернуться въ Софію ¹⁾).

Переходъ черезъ Балканы отряда Гейсмара. Когда наконецъ выяснилось, что паша продолжаетъ свой маршъ на Филиппополь и намѣревается, повидимому, идти на Адрианополь, тогда Гейсмаръ двинулся по направленію къ Софіи. Въ Балканахъ, у Арнаутъ-Калесси, онъ встрѣтилъ 6-го (18) октября турокъ и албанцевъ, занимавшихъ укрѣпленную позицію, въ числѣ до 1.700 чел. съ тремя орудіями. Генераль Гейсмаръ потребовалъ безпрепятственнаго пропуска своего отряда, объявивъ, что не имѣетъ никакихъ непріязненныхъ намѣреній; турки соглашались пропустить нашъ отрядъ, но албанцы были противъ этого. Переговоры не привели ни къ чему и непріятель открылъ огонь по нашему парламентеру и по нашимъ войскамъ; тогда Гейсмаръ рѣшился атаковать турокъ. Три роты Колыванскаго полка заняли позицію противъ фронта укрѣпленія, а баталіонъ 34-го егерскаго полка обошелъ укрѣпленіе съ тыла по тропинкѣ, которую непріятель считалъ непроходимой ²⁾).

Бой продолжался до вечера и возобновился на слѣдующее утро. Дѣло окончилось пораженіемъ непріятеля; турки и албанцы, не выдержавъ нашей атаки, бѣжали и бросили три полевыхъ орудія и обозы. Мы потеряли одного офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ ранеными.

Гейсмаръ приказалъ непріятеля не преслѣдовать и позволилъ турецкимъ обозамъ догнать ихъ войска; даже отбитыя у турокъ орудія были возвращены имъ по приказанію Дибича, такъ какъ они были взяты уже послѣ заключенія мира ³⁾).

Въ то же время Дибичъ приказалъ Гейсмару вернуться во Врацу, такъ какъ въ это время Мустафа-паша уже прекратилъ свои враждебныя дѣйствія. Но приказаніе это пришло къ Гейсмару въ то время, когда онъ уже былъ въ Софіи, гдѣ паша и жители приняли его дружелюбно.

²⁾ Лукьяновичъ, ч. 4-я, стр. 173.

³⁾ В. У. А. № 2708 (А) всеноданный рапортъ Дибича отъ 16-го октября 1829 г. № 3279.

⁴⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеноданныйшее письмо Дибича отъ 15-го и 16-го октября 1829 г. изъ Адрианополя.

Занятіе Софіи. Въ Софіи Гейсмаръ получилъ благодарность Дибича за удачныя дѣйствія и приказаніе вернуться во Врацу, гдѣ оставаться до тѣхъ поръ, пока турки не очистятъ Журжево ¹⁾).

Возвращеніе отряда Гейсмара на лѣвый берегъ Дуная. Когда въ началѣ ноября было получено объ этомъ извѣстіе, тогда Гейсмаръ выступилъ изъ Врацы и двинулся къ Рахову, гдѣ конница и большая часть артилеріи его отряда перешли черезъ Дунай 7-го ноября, а пѣхота—14-го ноября. Перейдя Дунай, войска расположились на зимнихъ квартирахъ въ Валахіи ²⁾).



¹⁾ В. У. А. № 2708 (а) всеподданнѣйшій рапортъ Дибича отъ 16-го октября 1829 г. № 3279.

²⁾ Рапортъ Киселева Дибичу 21-го ноября 1829 г. № 1306.



ГЛАВА 8.

Санитарное состояніе нашей арміи за время похода 1829 г. Краткій очеркъ продовольственной части во время похода 1829 года. Окупація Румелии и Болгарии. Предположенія о возможности новой войны. Возвращеніе нашихъ войскъ въ Россію. Вступленіе гвардіи въ Петербургъ. Посольство Галиль-паши въ Петербургъ. Возобновленіе дружественныхъ отношеній между Россіей и Турціей.

Санитарное состояніе нашей арміи за время похода 1829 г.

Какъ мы видѣли раньше, не легко было нашимъ войскамъ перенести зиму 1828—29 годовъ. Но ее ожидали еще новыя испытанія и несчастья. Всю зиму чума держалась въ Гирсовѣ, но съ 10-го февраля она прекратилась; послѣ этого прошло благополучно около 50-ти дней и можно было думать, что она уже кончилась, какъ вдругъ 30-го марта она появилась вновь. Тогда въ Гирсовѣ былъ учрежденъ карантинъ и черезъ этотъ пунктъ былъ воспрещенъ проѣздъ; но такъ какъ здѣсь была переправа черезъ Дунай, то Дибичъ приказалъ съ 10-го апрѣля возобновить переправу, но выдерживать проходящія войска въ карантинѣ въ теченіе четырехъ дней. Въ началѣ мая чума появилась въ Черноводахъ, Бабадагѣ, Кюстенджи, Мангалии, Базарджикѣ, Коварнѣ и въ Варнѣ. Въ послѣднемъ пунктѣ чума была особенно сильна, а кромѣ нея войска страдали и отъ другихъ болѣзней; тѣсное размѣщеніе войскъ, смрадъ отъ множества труповъ и дурная пища породили цынгу и злокачественныя лихорадки. Въ началѣ іюня число больныхъ, поступавшихъ ежедневно въ госпиталь, простиралось отъ 50 до 80 человекъ; затѣмъ число больныхъ, принимавшихся въ Варнен-

скій госпиталь, доходило до тысячи человекъ въ день; до 14-го августа было принято всего 5509 человекъ, изъ коихъ умерло 3959 человекъ, т. е. почти 72^о/_о. Въ одинъ день, именно 13-го августа, умерло 300 человекъ. Изъ числа 41 врача, заразилось 28 и изъ нихъ умерло 20; кромѣ того, умерло значительное число аптекарей, фельдшеровъ и госпитальной прислуги. Во второй половинѣ іюля въ этомъ госпиталѣ былъ только одинъ врачъ Салмоновичъ, который одинъ остался въ живыхъ и принужденъ былъ исполнять также обязанности и аптекаря¹⁾).

Въ началѣ іюля изъ числа 300 врачей, бывшихъ въ арміи, двѣсти уже умерли, а оставшіеся сто не долго пережили ихъ²⁾).

Подобная громадная потеря врачей была особенно чувствительна потому, что ихъ приходилось замѣнять, большей частью, молодыми людьми, не имѣвшими опытности.

Трупы умершихъ складывались на подобіе бревенъ и увозились изъ госпиталя цѣлыми повозками. Вообще, видъ Варненскаго чумнаго госпиталя представлялъ ужасающее зрѣлище. Больные метались среди умирающихъ и труповъ, подъ палящими лучами солнца, изнемогая отъ жары. Но не всѣ больные находили вѣчное упокоеніе въ этомъ госпиталѣ: вдоль всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Варну, встрѣчались умирающіе и трупы людей. Въ половинѣ августа 1829 г. Варна представляла самое плачевное зрѣлище, такъ какъ въ ней не было ни одного жителя; ворота городскія были заперты и всѣ дома стояли пустыми, по причинѣ свирѣпствовавшей чумы. Въ крѣпость никого не впускали; бывали дни, когда по триста человекъ дѣлались жертвами заразы; 10-я пѣхотная дивизія, которая была расположена въ Варнѣ, почти вся погибла отъ чумы; ни въ одномъ полку не находилось болѣе полтора человека, а въ Витебскомъ пѣхотномъ полку осталось только 97 человекъ³⁾).

И въ другихъ мѣстахъ было не лучше; напримѣръ Бранловъ совершенно опустѣлъ, даже почта была выведена изъ города, чтобы проѣзжавшіе не имѣли сообщенія съ нимъ. Въ іюнѣ здѣсь было 1200 чумныхъ больныхъ, изъ числа которыхъ умерло 774. Почти всѣ врачи и чиновники въ Бранловѣ пали жертвами эпидеміи. Въ Слободзеѣ все управленіе госпиталя было на рукахъ одного унтеръ-офицера. Чума проникла также въ Бессарабію. На сколько затруднительна была борьба съ заразой, видно, между

¹⁾ Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица, Русскій Арх., 1878 г. № 4, стр. 421.

²⁾ Воспоминанія доктора Зейдлица, Русскій Архивъ, 1878. № 4, стр. 427.

³⁾ Михайловскій—Данилевскій. Русская Старина, 1893 г., іюль.

прочимъ, изъ слѣдующаго факта: въ половинѣ іюня начальникъ Праводскаго отряда ген. Купреяновъ донесъ начальнику штаба арміи, что «по случаю умертвія должностныхъ по госпиталю лицъ, дѣлопроизводство по оному въ крайнемъ безпорядкѣ и совершенно остановилось, такъ что и свѣдѣнія объ умершихъ имѣть невозможно». Въ то же время онъ донесъ, что смотритель госпиталя, «изъ боязни заразы», отказался отъ исполненія своихъ обязанностей. Канцелярщина и отсутствіе частной инициативы дали себя почувствовать и въ санитарныхъ дѣлахъ. Такъ, въ Праводахъ было до 1000 предметовъ амуниціи, которую командиръ 3-го корпуса приказалъ уничтожить, какъ «явно сомнительную и опасную», но Купреяновъ не рѣшился исполнить этого приказанія, такъ какъ предписаніемъ начальника главнаго штаба арміи велѣно было съ зараженныхъ людей сжигать одну только одежду, которая, по заключенію его, ген. Купреянова, должна заключаться въ мягкихъ вещахъ, то онъ въ нерѣшимости, слѣдуетъ-ли предать огню сумы, перевязи, кивера, ремни и ранцы¹⁾. Послѣ разбора этого дѣла было приказано ранцы сжечь, а остальные вещи очистить. Эти полумѣры должны были привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ было замѣчено, что зараза гнѣздилась въ амуниціи, остававшейся отъ умершихъ людей; такъ было въ Варнѣ, гдѣ зараза распространилась вслѣдствіе раздачи амуниціи, принадлежавшей умершимъ людямъ 16-ой пѣхотной дивизіи²⁾.

Однако, несмотря на такое распространеніе чумы, главныя силы нашей арміи почти удалось охранить отъ нея, что было чрезвычайно важно, такъ какъ весь успѣхъ кампаніи зависѣлъ отъ обезпеченія главныхъ силъ арміи отъ этой заразы. Съ цѣлью предохранить главныя силы арміи отъ чумы былъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ. При главной квартирѣ арміи былъ учрежденъ особый комитетъ, для прекращенія чумной заразы; въ этотъ комитетъ поступали всѣ донесенія о санитарномъ состояніи арміи и въ ней рѣшались вопросы о принятіи мѣръ къ улучшенію здоровья войскъ. Въ тылу арміи протянули кордонную цѣпь; войска и транспорты, шедшіе къ арміи, задерживались въ карантинѣ; части,

¹⁾ Выписка изъ журнала комитета, учрежденнаго при главной квартирѣ арміи для прекращенія заразы, состоявшагося 23 іюля 1829 года № 33 (изъ бумагъ ген. Купреянова).

²⁾ Мольтке (перевод. Н. Шильдеръ, ч. 2-я стр. 231 и записка о чумной заразѣ въ Варнѣ въ 1829 г. Воен. Сбор. 15 февраля 1853 г.).

въ которыхъ появлялись отдѣльные случаи заболѣванія, отдѣлялись отъ другихъ и пр. Однако зараза всетаки проникла въ ряды войскъ, но не имѣла большой силы, такъ что вообще санитарное состояніе главныхъ силъ арміи было удовлетворительное; войска эти больше страдали отъ лихорадокъ и кроваваго поноса.

Когда начался переходъ черезъ Балканы, то всѣ больные, находившіеся при арміи подъ Шумлой, были перевезены въ Бальчикъ.

Войска, проходившія черезъ подозрительныя мѣста, какъ напримѣръ Девно, Гебеджи и др., должны были двигаться черезъ кордонную цѣпь, для обезпеченія ихъ отъ сообщенія съ зараженными частями войскъ. На Камчикѣ и въ гаваняхъ Бургасскаго залива былъ устроенъ строгій карантинъ. Однако, эти карантинныя мѣры едвали могли принести особую пользу, такъ какъ иногда онѣ обращались въ пустую формальность; вотъ какъ описываетъ докторъ Зейдлицъ пропускъ черезъ карантинъ, устроенный въ Енибазарѣ ¹⁾.

«На полѣ передъ селомъ находилось до 500 повозокъ въ ожиданіи осмотра и очищенія; нныя стояли уже болѣе недѣли (вѣроятно отъ того, что не могли уплатить необходимой для ускоренія этого процесса суммы), другія пропускались безъ малѣйшаго замедленія. Мы надѣялись, что насъ не задержатъ, но такъ какъ уже было поздно, то мы рѣшились переночевать въ полѣ. На другой день мы явились въ карантинъ; насъ обкурили, какъ обыкновенно, дымомъ зажженного павоза и пропустили дальше». Этимъ все и окончилось, хотя Зейдлицъ ѣхалъ изъ зараженныхъ чумой мѣстъ.

Другой очевидецъ такъ описываетъ, какъ его пропустили черезъ кордонную цѣпь; онъ ѣхалъ въ половинѣ августа изъ Варны въ Бургасъ: «Подъ вечеръ я отправился къ рѣкѣ Камчику. На первой стаціи меня, людей моихъ и вещи мои окуривалъ какой-то пьяный лѣкарь». Этимъ все и ограничилось, хотя проѣзжіи ѣхалъ изъ Варны, гдѣ страшно свирѣпствовала чума ²⁾.

Передъ самымъ переходомъ черезъ Балканы шли проливные дожди, размывшіе и безъ того крайне дурныя дороги, для исправленія которыхъ пришлось наряжать огромныя команды рабочихъ. Такъ наприм. въ колонѣ ген. Ридигера было наряжено 4000 ра-

¹⁾ Русскій Архивъ, 1878. 4, Воспомнанія доктора К. К. Зейдлица, стр. 423—424.

²⁾ А. П. Михайловскій—Дашлевскій, Русская Старина, июль 1893.

бочихъ для разработки дороги при движеніи къ Камчику. Все это очень неблагоприятно отразилось на состояніи людей; начиная съ первыхъ же переходовъ большое число ихъ уже не выдерживало трудностей похода. По прибытіи въ Девно (пройдя отъ Шумлы всего только 50—60 верстъ), число больныхъ дошло до 400; они страдали поносомъ, желчною лихорадкою и цынгою. Люди обезспливали и многіе изъ нихъ, ради облегченія, бросали десятидневный запасъ сухарей и крупы.

По мѣрѣ подъема въ горы, ряды постепенно рѣдѣли и въ Джеванъ—Чифтликѣ пришлось устроить госпиталь въ шалашахъ изъ вѣтвей, въ которомъ вскорѣ было уже до 600 больныхъ.

Подъемъ духа, вслѣдствіе успѣшнаго перехода черезъ Балканы и успѣшныхъ дѣлъ у южной подошвы ихъ, надежда на скорое окончаніе войны, лучшій климатъ и питаніе—все это временно улучшило санитарное состояніе войскъ, но не надолго.

Нечистота въ захваченныхъ городахъ и деревняхъ, зловоніе отъ труповъ, страшная жара днемъ и ночныя движенія, скоро подорвали силы людей; чумы не было, но въ войскахъ начали свирѣпствовать лихорадки и поносъ, такъ ослаблявшіе людей, что они едва держались на ногахъ. Въ то же время начали распространяться горячки съ бредомъ и ежедневно сотни солдатъ покидали ряды арміи. Госпитали, устроенные на южной сторонѣ Балканъ, наполнялись такъ быстро, что для больныхъ не доставало мѣста, одежды и бѣлья: въ теченіе іюля вновь заболѣло 19,000 человекъ, а всего въ это время въ арміи было около 40,000 больныхъ¹⁾. На сколько рѣдѣли ряды нѣкоторыхъ частей войскъ видно между прочимъ, изъ того, что въ концѣ іюля въ 3-й бригадѣ 4-ой пѣхотной дивизіи было отправлено въ госпиталь болѣе 1500 человекъ, а 31-го іюля въ 8-мъ Егерскомъ полку подъ ружьемъ было только 360 человекъ, между которыми не было ни одного, который имѣлъ-бы здоровый цвѣтъ лица. Съ перваго августа опять начались жары и болѣзненность стала увеличиваться; люди падали какъ мухи въ осенній день. Въ Костромскомъ полку считалось по списку полторы тысячи человекъ, а по строевой запискѣ отъ перваго августа подъ ружьемъ могло быть только 450 человекъ.

Тѣ войска, которыя стояли вдоль береговъ Дуная, сильно страдали какъ отъ жары, такъ и отъ лихорадокъ, особенно свирѣп-

¹⁾ Мольтке, (переводъ Н. Шильдера, ч. 2, стр. 235).

ствовавшихъ на болотистыхъ берегахъ Дуная. Весь июль стояла нестерпимая жара и термометръ нерѣдко поднимался въ тѣни до 40°: это до такой степени дѣйствовало на солдатъ, что напримѣръ въ бригадѣ ген. Михайловскаго-Данилевскаго ежедневно заболѣвало по 60 человѣкъ, а въ одинъ день заболѣвшихъ было 100. Полки этой бригады, не бывшіе въ сраженіи и имѣвшіе весною по полторы тысячи человѣкъ, въ концѣ іюля состояли съ небольшимъ изъ 300 человѣкъ, да и тѣ блѣдные, какъ тѣни, едва бродили по лагерю. «Мы истощили всѣ наши средства, говорить участникъ похода ¹⁾, чтобы поставить преграду сему бѣдствію, осматривали ежедневно балаганы и палатки солдатскіе, пробовали ихъ кушаніе, зажигали навозные костры для очищенія воздуха, прекращали всякаго рода ученія: наконецъ, полковые командиры купали на свой счетъ въ Букарестѣ лѣкарство, — но все было тщетно. Къ тому же упущенія по медицинской части непростительныя, напримѣръ при моей бригадѣ только одинъ докторъ и хотя труднобольные отправляются въ Букарестъ, но за всѣмъ тѣмъ бываетъ въ полковыхъ лазаретахъ до 50 больныхъ, коихъ долженъ врачевать одинъ только цирюльникъ. Ежели вычестъ время, которое сей медикъ посвящаетъ больнымъ офицерамъ, посѣщая каждого въ своей палаткѣ, то спрашивается, сколько времени ему оставалось для пользованія нижнихъ чиновъ, особенно если примемъ въ уваженіе, что за неимѣніемъ аптекаря. онъ-же долженъ былъ составлять и лѣкарства».

«Къ болѣзнямъ присоединились побѣги, говорить Михайловскій-Данилевскій, которые хотя и не были значительны, однако-же умножили непріятность нашего положенія». Вообще внутренній порядокъ въ войскахъ началъ расшатываться. Въ этомъ отношеніи характерно содержаніе слѣдующаго приказа по арміи ²⁾. «Донскаго казачьяго подполковника Ступачевскаго полка урядникъ Сердоблицевъ, казаки Аверьяновъ, Подскребалинъ, Куркинъ и Каклеевъ, находившіеся въ командѣ того-же полка Хорунжаго Попова, взявъ въ плѣнъ четырехъ турокъ, шедшихъ по собственнымъ дѣламъ въ Базараджикъ, представили оныхъ въ главную квартиру не только не обобравъ, но и не коснулись находящихся при нихъ собственныхъ денегъ, каковыхъ оказалось 103 лева. За такой безкорыстный поступокъ означеннаго урядника и каза-

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, Русская Старина, июль 1893 г.

²⁾ Приказъ 2 арміи, 10 августа 1828 г. № 339.

ковъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ, выдать имъ вдвое противъ того, сколько у плѣнныхъ турокъ находилось денегъ, а Хоружему Попову объявить Высочайшее благоволеніе».

«Такимъ образомъ, эту щедрую награду казаки получили только за то, что они, какъ сказано въ приказѣ, *«не обобрали»* плѣнныхъ турокъ.

Какъ мы уже сказали, въ главныхъ силахъ арміи, когда она перешла Балканы, чумы еще не было, но она подвигалась съ сѣвера, подобно грозной тучѣ, которую старались задержать на Камчикѣ, гдѣ карантинныя больницы наполнились подозрительными больными ¹⁾.

Между тѣмъ, началось наступленіе на Адрианополь. Оно происходило при страшной жарѣ, производилось все время по ночамъ и требовало большихъ усилій со стороны войскъ. Во время этихъ переходовъ пала половина обозныхъ лошадей; въ Буюкѣ—Дербентѣ былъ открытъ госпиталь, въ которомъ къ 6-му августу было больше 1000 больныхъ, страдавшихъ большею частью перемежающейся лихорадкой. Множество людей умирало во время пути и армія при этомъ побѣдномъ движеніи устилала путь свои трупами людей и лошадей ²⁾.

Наконецъ, появились и признаки чумы; это было въ Камчатскомъ полку, который прибылъ изъ Сизополя; однако, благодаря оцѣленію или другимъ условіямъ, но зараза скоро прекратилась. Тотчасъ, послѣ занятія Адрианополя, Дибичъ донесъ государю, что «болѣзни, распространяющіяся въ войскахъ, сдѣлаютъ то, что пѣхотную дивизію можно будетъ считать только въ 5000 человекъ, включая сюда и резервы» ³⁾.

Въ Адрианополѣ былъ устроенъ госпиталь, въ которомъ къ 17 августа было 1616 больныхъ, къ 27 августа ихъ было уже 3666, а къ первому сентябрю—4641 человекъ.

Адрианопольскій госпиталь былъ устроенъ во вновь выстроенной султаномъ Махмудомъ казармѣ; это было огромное двухъэтажное зданіе, съ большимъ числомъ оконъ, съ большими кухнями и мраморными банями.

Оно было расположено на западной окраинѣ города и было окружено лугами, рощами и садами.

¹⁾ Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица, Русскій Архивъ, 1878, 4, стр. 435.

²⁾ Воспоминанія доктора К. К. Зейдлица, Русскій Архивъ, 1878, 4, стр. 435.

³⁾ Всеподданнѣйшая записка Дибича отъ 13-го августа 1829 г. (Др. и Нов. Россіи, декабря 1879 г., стр. 541).

Но этотъ госпиталь не удалось обставить съ достаточнымъ удобствомъ и въ немъ чувствовался недостатокъ въ предметахъ первѣйшей необходимости; такъ на примѣръ, отсутствіе сѣна и соломы препятствовало устроить для больныхъ подстилку на деревянныхъ нарахъ казармъ и ее пришлось замѣнить разрѣзанными на куски турецкими палатками: вмѣсто подушекъ употреблялись ранцы, а вмѣсто одѣяль—шинели.

Бѣлья почти совсѣмъ не было, такъ какъ, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и чумы, распространявшейся среди погонщиковъ, транспортъ съ бѣльемъ на 2000 человекъ прибылъ изъ Ахиоло въ Адрианополь только въ декабрѣ.

Въ большей части оконъ не было стеколъ и ни одна дверь не запиралась плотно. Эти условія стали особенно изнурительны, когда началась холодная погода. Весь октябрь стояла отвратительная, сырая, холодная погода и больные ужасно страдали въ нетопленныхъ комнатахъ; при двухъ и даже четырехъ градусахъ тепла, они мерзли какъ мухи осенью. Не лучше было положеніе и здоровыхъ, на бивакахъ; тамъ отъ постоянныхъ дождей, почва превратилась въ болото и никакія подстилки не могли защитить людей отъ сырости. Невозможность обсушиться и вымыться въ банѣ была самымъ большимъ лишеніемъ для нашихъ солдатъ.

Люди не снимали сапогъ ни днемъ, ни ночью, а когда 16-го октября доктора сдѣлали осмотръ ногъ, то они были поражены тѣмъ, что увидѣли—у людей на пальцахъ ногъ была гангрена и это не у одного или двухъ, а у двадцати, и такъ было каждый день. Тоже самое явленіе повторилось и съ больными въ госпиталь¹⁾.

Къ несчастью, у насъ былъ недостатокъ и медикаментовъ; такъ не хватало хинина и изъ экономіи больнымъ не давали его при третьемъ и четвертомъ пароксизмѣ, *«потому что это стоитъ нѣсколько рублей»*, какъ сказано въ письмѣ Дибяча Чернышеву 2).

Самое большое зло составляли отхожія мѣста, которыя, по турецкому обычаю, были приспособлены только къ сидѣнію на корточкахъ и совершенно не годились для больныхъ, которые едва держались на ногахъ. Отхожія мѣста эти были разбросаны по всему зданію; всего ихъ было 32, считая тѣхъ, которыя были при офицерскихъ компатахъ. Этими отхожими мѣстами должны были пользоваться ежедневно около 5000 больныхъ, изъ которыхъ половина

¹⁾ Воспоминанія доктора Зейдлица, 1878. 5, стр. 92.

²⁾ В. У. А. № 4415, письмо Дибяча Чернышеву 13-25 августа 1829 г. изъ Адрианополя.

страдала кровавымъ поносомъ; а такъ какъ трубы для стока нечистотъ были засорены, то по всему зданію распространялось ужасное зловоніе, несмотря на то, что 50 рабочихъ были постоянно заняты уборкой нечистотъ.

Не въ одномъ Адрианополѣ было такое ужасное санитарное состояніе войскъ; такъ напримѣръ, въ Бургасѣ въ сентябрѣ было 2000 больныхъ, изъ числа которыхъ было 6 чумныхъ; въ октябрѣ изъ 2117 больныхъ уже было 53 чумныхъ, а въ ноябрѣ чумные составляли треть всего числа больныхъ.

8-го октября Дибичъ писалъ Государю, «что къ несчастью обнаружались нѣкоторые симптомы заразы въ Айдосѣ и даже въ Бургасѣ. Нужны власть и военная сила, чтобы подавить ее въ самомъ зародышѣ, и всѣ предписанныя мѣры будутъ имѣть значеніе только при ихъ содѣйствіи» ¹⁾.

17-го октября въ Адрианопольскомъ госпиталѣ былъ первый случай чумы и вскорѣ зараза распространилась съ такой быстротой, что изъ 300 больничныхъ покоевъ ни одинъ не былъ пощажень.

Когда войска наши выступили, изъ Адрианополя, то въ немъ пришлось оставить 6000 больныхъ подъ охраной одного баталіона 36-го егерскаго полка съ двумя орудіями легкой № 3-й роты 18-й артилерійской бригады, такъ какъ вывести ихъ было рѣшительно невозможно. «Перевозка значительнаго числа больныхъ въ такое время года, писалъ Дибичъ государю 18-го октября ²⁾, когда начинаются дожди, имѣетъ огромныя неудобства и по плачевнымъ примѣрамъ прошлаго года ознаменуется страшной смертностью; съ другой стороны, мы не знаемъ, куда помѣщать больныхъ, въ виду настоятельныхъ просьбъ князя Воронцова не посылать ихъ къ нему морскимъ путемъ; но весною, съ марта мѣсяца, придется начать эту перевозку моремъ и, конечно, было бы весьма полезно, воспользоваться для этой цѣли частью нашего флота».

Къ концу декабря чума достигла въ Адрианополѣ полнѣйшей силы; ежедневно умирало отъ 50 до 70 человекъ и только въ мартѣ 1830 г. болѣзнь прекратилась. Всего изъ оставшихся въ въ Адрианополѣ 6000 человекъ умерло 5200 человекъ ³⁾. Чума

¹⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 8-го октября 1829 г. Адрианополь (Др. и Нов. Россіи, дек. 1879 г. стр. 576).

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 18-го октября 1829 г., Адрианополь (Др. и Нов. Россіи, дек. 1879 г., стр. 581).

³⁾ Мольтге (переводъ Н. Шидлера. ч. 2 и стр. 239) и Воспомнанія Зейдлица Русскій Архивъ. 1878 г. 5, стр. 93.

свирѣпствовала также въ войскахъ, стоявшихъ на зимнихъ квартирахъ у южной подошвы Балканъ; отъ нея не избавился ни одинъ лазаретъ и даже въ главной квартирѣ арміи были чумные больные.

Но бѣдствія нашихъ войскъ не окончились съ окончаніемъ оккупации: войска много перестрадали и во время обратнаго похода въ Россію, въ особенности 2-й пѣхотный корпусъ; нѣкоторые пѣхотные полки 6-й и 8-й дивизій, возвращавшіеся въ маѣ 1830 г. въ Россію, по своему составу равнялись ротѣ, а въ Капорскомъ пѣхотномъ полку осталось всего только 130 человекъ ¹⁾.

Въ какомъ положеніи находился 2-й корпусъ при возвращеніи въ Россію видно изъ слѣдующаго донесенія Дибича государю. «Весь 2-й корпусъ находится уже въ походѣ, писалъ онъ 18-го октября ²⁾, за исключеніемъ 4-й пѣхотной дивизіи, которая выступила тотчасъ послѣ занятія Журжева; надѣюсь, что весь корпусъ прибудетъ въ декабрѣ къ окрестностямъ Тульчина, но осмѣливаюсь просить Ваше Величество расположить его тамъ на зимнія квартиры до мая мѣсяца; зимній походъ и внезапная перемѣна климата можетъ имѣть пагубныя послѣдствія и совершенно уничтожить уже столь слабые кадры храбрецовъ, назначенныхъ для того, чтобы вдохнуть въ ихъ молодыхъ товарищей чувства долга и усердія, которыя они выказали и унаслѣдовали въ свою очередь отъ слабыхъ остатковъ участниковъ предшествовавшей войны». Замѣтимъ, что во второмъ корпусѣ еще до начала обратнаго похода въ Россію было всего только 7000 человекъ ³⁾.

При возвращеніи войскъ въ Россію они могли занести на родину и чумную заразу; въ виду этого, были приняты мѣры къ дезинфицированію войскъ, которыя должны были выдержать на границѣ карантинъ въ 21 день. На строгое соблюденіе карантинныхъ мѣръ обратилъ особое вниманіе Императоръ Николай.

«Во время возвращенія войскъ, писалъ онъ Дибичу, необходимо обратить самое строгое, добросовѣстное вниманіе, на то, чтобы не занести чумы. Васъ лично обязываю отнестись къ этому со всевозможною строгостью и самому подавать примѣръ» ⁴⁾. Однако же, чумная зараза была занесена въ Россію; Одессу пришлось оцѣпить и 24-го октября 1829 г. гр. Воронцовъ былъ на-

¹⁾ Затеръ, ч. 1-я стр. 127.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 18-го октября 1829 г., изъ Адрианополя (Эр. и Нов. Россія дек. 1879 г., стр. 581).

³⁾ В. У. А. № 2895 (а). всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 3-го октября 1829 г. изъ Адрианополя.

⁴⁾ Императоръ Николай Дибичу 12 сентября 1829 г.

значенъ для объединенія всѣхъ мѣръ по огражденію имперіи отъ распространившейся чумы съ юга. «Ввѣряя Вамъ, писалъ Императоръ Николай, охраненіе государства отъ чумной заразы, Я вполне ожидаю успѣха» ¹⁾).

Положеніе тѣхъ войскъ, которыя остались въ Болгаріи, было не лучше. «Число больныхъ не уменьшается, писалъ Дибичъ 17-го ноября Чернышеву ²⁾, и вновь заболѣвшіе замѣняютъ умершихъ, причѣмъ почти пѣтъ выздоравливающихъ».

Въ теченіе 1829 г., начиная съ 1-го апрѣля, въ однихъ только госпиталяхъ въ обоихъ княжествахъ и въ Силистріи движеніе больныхъ было слѣдующее ³⁾:

Къ 1-му апрѣля состояло больныхъ . . .	5,018 чел.
Прибыло больныхъ до конца года . . .	79,227 "
Выздоровѣло	47,804 "
Умерло	23,825 "
Выведено	5,457 "
Къ концу года осталось	7,159 "

Вся потеря арміи за 1829 и 1830 гг. была такая:

Умерло отъ болѣзней при войскахъ . . .	17,590 чел.
" " " въ госпиталяхъ . . .	79,132 "

Всего . . . 96,722 чел.

Въ томъ числѣ офицеровъ и классовыхъ чиновъ—1351 человекъ.

Убито въ сраженіяхъ 2,857 чел.

Слѣдовательно, потеря отъ болѣзней была почти въ 34 раза больше, чѣмъ отъ сраженій.

Въ плѣнъ взято 464 чел.

Вся потеря 99043 человекъ. т. е. около 100,000 человекъ.

Потеря турокъ въ походѣ 1829 г. была слѣдующая ⁴⁾:

Убито и умерло отъ ранъ	29500—39500
Умерло отъ болѣзней	108500—134500

Всего . . 138000—174000 чел.

Трудно опредѣлить точную цифру всѣхъ больныхъ, но она была колоссальна; достаточно сказать, что за мартъ, апрѣль, май, іюнь и іюль въ однихъ только госпиталяхъ было 81,214 больныхъ ⁵⁾, а въ декабрѣ числилось больныхъ 93,665 человекъ ⁶⁾.

Въ особенности много было больныхъ лихорадкою. По показанію доктора Зейдлица ⁷⁾ во всей арміи было, можетъ быть, только

¹⁾ В. У. А. № 2798, Высочайшій рескриптъ гр. Воронцову 27 октября 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву отъ 17 ноября 1829 г. изъ Бургаса.

³⁾ Подлинная вѣдомость того времени, за подписью надворнаго совѣтника Сильванскаго изъ бумагъ Н. К. Шильдера.

⁴⁾ Собственноручная вѣдомость г.-м. Берга (изъ бумагъ его).

⁵⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я стр. 241.

⁶⁾ Затлеръ, ч. 1-я стр. 126.

⁷⁾ Воспоминаніе доктора Зейдлица, Русскій Архивъ, 1878, 5 стр. 91.

500 человекъ, избѣжавшихъ этой болѣзни. Вслѣдствіе усиленной заболѣваемости офицеровъ и чиновниковъ многіе отдѣлы полевого штаба не могли работать какъ слѣдуетъ; такъ напримѣръ, полевой аудиторіатъ существовалъ только по одному названію, такъ какъ начиная съ предсѣдателя, всѣ члены и аудиторы были больны; полевой почтамтъ былъ еще въ большемъ разстройствѣ; всѣ начальники почты были больны; вслѣдствіе этого цѣлыя палатки были завалены письмами и посылками, которыхъ некому было разобрать и разослать ¹⁾). Такова была ужасающая санитарная обстановка, въ которой находились наши войска. Невольно является вопросъ, можно ли было лучше обставить армію въ санитарномъ отношеніи? Мы видѣли, что во время приготовленія арміи къ походу было много неурядицъ по медицинской части; мы видѣли, какъ неумѣстная экономія неблагоприятно отразилась на снабженіи арміи всѣмъ необходимымъ, въ томъ числѣ госпитальными вещами и медикаментами; но со времени назначенія Дибича главнокомандующимъ были приняты мѣры къ лучшему снабженію арміи всѣмъ для нея необходимымъ; однако-же, далеко не все необходимое было сдѣлано. Кто въ этомъ былъ виноватъ? Приведемъ по этому поводу мнѣніе Мольтке, котораго никакъ уже нельзя заподозрить въ излишнемъ сочувствіи къ намъ.

«Подобныя ненормальныя условія, говорить онъ ²⁾, нельзя было предусмотрѣть; они превзошли предѣлы возможнаго расчета; трудно даже представить себѣ наступательно дѣйствующую армію, бѣдшая половина которой лежитъ въ госпиталяхъ. Упреки, которые дѣлаются въ этомъ отношеніи высшему управленію арміи, кажутся намъ несправедливыми. Спрашивается, какимъ образомъ въ подобной странѣ, при наступательной войнѣ, вести съ собою средства для ухода за 40,000 больныхъ и призрѣнія ихъ, и осуществить карантинныя оцѣпленія, вызванныя появленіемъ чумы?»

Когда мы приступаемъ къ оцѣнкѣ дѣйствій войскъ и ихъ предводителей, то нельзя упускать изъ вида обстоятельствъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Эти то обстоятельства и поставили наши войска и ихъ вождя въ исключительное положеніе и несмотря на такія условія, войска продолжали бодро исполнять тяжелую работу, выпавшую на ихъ долю.

«Что касается до русскаго солдата, говорить Мольтке, то онъ

¹⁾ А. И. Михайловскій-Данилевскій, Русская Старина, іюль 1893 г.

²⁾ Мольтке (переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я стр. 241).

является столь же стойкимъ въ перенесеніи трудовъ, усилій, лишений и страданій, какъ и неустрашимъ среди опасности.

«На долю же графа Забалканскаго выпала участь бороться еще съ тайными противниками, независимо отъ вооруженнаго врага.

«Должно признать въ главнокомандующемъ необыкновенную силу воли, чтобы среди борьбы съ такими ужасающими бѣдствіями не терять изъ виду великую цѣль, которая могла быть достигнута, придерживаясь неизмѣнно рѣшительнаго и быстрого образа дѣйствій.

«По нашему мнѣнію, исторія можетъ произвести о дѣйствіяхъ Дибича въ турецкой войнѣ слѣдующій приговоръ: располагая слабыми силами, онъ предпринималъ только то, что представлялось безусловно необходимымъ для достиженія цѣли войны.

«Онъ приступилъ къ осадѣ крѣпости и одержалъ въ открытомъ полѣ побѣду, которая открыла ему доступъ въ сердце непріятельской монархіи. Онъ очутился здѣсь съ однимъ призракомъ арміи, но ему предшествовала слава непобѣдимости. Россія обязана счастливымъ исходомъ войны смѣлому и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумному образу дѣйствій, графа Дибича».

*Краткій очеркъ про-
довольствованія нашей
арміи во время похода
1829 года.*

Походъ 1829 года начался въ исходѣ апрѣля, такъ какъ ранѣе нельзя было начать военныхъ дѣйствій по недостатку подножнаго корма. Зима была продолжительная и еще въ концѣ февраля всѣ поля были покрыты весьма глубокимъ снѣгомъ, особенно около береговъ Дуная и даже въ Болгаріи; въ мартѣ началось половодье и дороги въ княжествахъ такъ испортились, что всѣ перевозки остановились. Послѣ энергичныхъ мѣръ, принятыхъ Дибичемъ, по обезпеченію войскъ продовольствіемъ, удалось эту часть настолько привести въ порядокъ, что къ половинѣ мая уже было собрано болѣе, чѣмъ на три мѣсяца припасовъ на 100000 человекъ въ Болгаріи ¹⁾.

Съ переходомъ черезъ Дунай вновь сформированный подвижной магазинъ былъ распредѣленъ слѣдующимъ образомъ: 2000 подводъ употреблялись въ княжествахъ въ добавокъ къ тѣмъ 3200 подводамъ, которыя были тамъ собраны.

6600 подводъ были раздѣлены по этапамъ въ Болгаріи, а 5200 подводъ и 2000 верблюдовъ составляли резервъ и назначались для

¹⁾ В. У. А. № 2895, (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6 мая 1829 г. изъ подъ Свиштрин.

доставки продовольствія при переходѣ черезъ Балканы и во время слѣдованія по Румелии.

Когда армія заняла Мисемврию (11-го іюля), туда прибыло значительное число судовъ съ припасами и кромѣ того, въ Мисемврии были захвачены запасы.

14-го іюля заняты Айдось, гдѣ найдено значительное количество сухарей и соли; 21-го іюля наши войска заняли Ямболъ, гдѣ нашли 39,000 пудовъ сухарей, а 8-го августа заняли Адрианополь, гдѣ тоже найдено было значительное количество продовольственныхъ запасовъ.

Такимъ образомъ, за Балканами войска наши главнымъ образомъ питались на счетъ захваченныхъ у турокъ запасовъ ¹⁾.

О к ю п а ц і я.

6-го ноября Дибичъ донесъ Государю:

„вчерашняго числа я получилъ отъ генераль-маіора Лашкарева, находившагося съ отрядомъ предъ кр. Журжею, донесеніе, что вслѣдствіе мирнаго трактата приступлено къ сдачѣ и приему сей крѣпости 30 октября и въ тотъ же день войсками Вашего Императорскаго Величества заняты одни ворота и два бастиона. Къ сему ген.-маіоръ Лашкаревъ присовокупляетъ, что Ахметъ-паша, начальствовавшій въ Журжѣ, общааетъ совершенно очистить крѣпость и городъ ранѣе срока, мною на сей предметъ назначеннаго.

„Симъ выполнено со стороны турецкаго правительства послѣднее изъ тѣхъ условій, до исполненія коихъ войска Вашего Императорскаго Величества не должны были очищать Адрианополь; вслѣдствіе чего и по наступившему позднему осеннему времени, я предписываю всѣмъ войскамъ, кои еще не были размѣщены по зимнимъ квартирамъ, выступить на оныя; самъ же я съ главною моею квартирою выступаю изъ Адрианополя 8 числа сего мѣсяца и прибуду въ Бургасъ 13-го числа.

„Въ Адрианополь, по невозможности перевезти трудно больныхъ, остается съ полнымъ согласіемъ турецкаго правительства временный госпиталь и при ономъ 2-й баталіонъ 36-го Егерскаго полка подъ начальствомъ генераль-маіора Калена.

„Имѣю счастье всеподданнѣйше донести о семъ Вашему Императорскому Величеству“ ²⁾.

Въ тотъ же день Дибичъ послалъ государю, кромѣ этого донесенія, еще письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ о сдачѣ Журжи, что ³⁾ «сдача этой крѣпости, которая даже не была осаж-

¹⁾ Совершенно такое же явленіе наблюдалось во время войны 1877—78 гг.

²⁾ В. У. А. № 2708 (А), всеподданнѣйшій рапортъ Дибича отъ 6-го ноября 1829 г. № 3406, изъ Адрианополя.

³⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 6-го ноября 1829 г. изъ Адрианополя.

дена, и гати-шерифъ султана, касающійся Сербіи и который повелѣваетъ отдать сербамъ округа, ими требуемые, составятъ эпоху въ исторіи Оттоманской имперіи, такъ какъ, на сколько мнѣ извѣстно, это первый случай, что турки обходятъ законъ Магомета, запрещающій сдавать крѣпость безъ обороны».

Въ томъ же письмѣ Дибичъ писалъ государю, что сдача Журжи тѣмъ болѣе кстати, что «очень дурная погода дѣлаетъ крайне необходимымъ вступленіе войскъ на зимнія квартиры».

Такимъ образомъ, въ началѣ ноября явилась возможность очистить Адрианополь, дурныя санитарныя условія котораго похитили такъ много жертвъ изъ нашей арміи. Дибичъ настолько торопился очистить этотъ городъ, что началъ выводить изъ него войска еще до сдачи Журжи, такъ что къ 8-му ноября въ Адрианополѣ оставалось только двѣ бригады 16-й пѣхотной дивизіи.

Для расположенія на зимнія квартиры, Дибичъ выбралъ раіонъ, ближайшій къ Черному морю, гдѣ легче было обезпечить войска продовольствіемъ, которое подвозилось къ арміи моремъ; этимъ же путемъ можно было организовать отправленіе въ Россію больныхъ, а также и тѣхъ частей войскъ, которыя должны были вернуться на родину.

Раіонъ, занятый нашими войсками, былъ слѣдующій: на сѣверѣ мы занимали княжества, затѣмъ демаркаціонная линія шла отъ Туртукая по направленію на Афлотарь, Каургу, Казлуджиларь, Енибазарь, Марковчу, Ченге, Чалькавакъ, Назань, Чикелева (у Старо-рѣки), на Чирково, Ени-Загру, оттуда пѣсколько южиѣ Ямболя на Ескиполось къ св. Стефану, что на берегу Чернаго моря.

Положеніе нашихъ войскъ при запятіи зимнихъ квартиръ было весьма неудовлетворительное. Даже трудно было совершить необходимыя передвиженія для занятія квартиръ, вслѣдствіе дурной погоды и испортившихся дорогъ.

«Мы прибыли 14 числа въ Бургась, писалъ Дибичъ государю 16 ноября ¹⁾, послѣ чрезвычайно-труднаго перехода по узкимъ и страшно испорченнымъ дождями дорогамъ, пролегающимъ черезъ горы Стражи. Погода отвратительная, но къ счастью послѣднія эшелоны войскъ займутъ квартиры уже завтра; однако, походъ 2-го корпуса меня беспокоитъ ²⁾, тѣмъ болѣе, что гр. Палень заболѣлъ

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 16 ноября 1829 г. изъ Бургаса.

²⁾ Этотъ корпусъ возвращается въ Россію сухимъ путемъ.

и остался въ Варѣ, а его начальникъ штаба лежитъ больнои въ Бургасѣ.

«Дурная погода чрезвычайно затрудняетъ перевозку припасовъ, а между тѣмъ, у насъ очень мало сѣна.

«Къ счастью, значительное число селеній хорошо сохранилось и находится въ такомъ же состояннн какъ въ мирное время, несмотря на всѣ марши и контръ-марши нашихъ войскъ, что мнѣ доставило лично удовольствіе во время перехода въ Бургасѣ».

Санитарное состояніе арміи послѣ очищенія Адрианополя было весьма неудовлетворительное. Болѣзни не уменьшались, лихорадки продолжались и поносы чаще оканчивались смертью. Погода установилась холодная и переменная—то шелъ дождь, то—снѣгъ.

Войска, шедшія въ Россію и расходившіяся по зимнимъ квартирамъ, сильно страдали во время этихъ передвиженій, въ особенности отъ дурныхъ дорогъ.

«Зима здѣсь суровая и дороги отвратительны, писалъ Дибичъ государю 30 ноября ¹⁾. 8-я и 9-я дивизіи были вынуждены оставить почти всѣ свои обозы въ Козлуджи и Базарджикѣ, чтобы не испортить остатка лошадей, которыя понесли большія потери въ концѣ октября и въ началѣ текущаго мѣсяца». На сколько тяжело было двигаться войскамъ, видно, между прочимъ, изъ такого факта: 2-я гусарская дивизія во время перехода 7-го ноября въ Базарджикъ потеряла замерзшими 38 человекъ и 184 лошади ²⁾ и такихъ случаевъ было не мало.

Допоса объ этомъ государю, Дибичъ писалъ 24 ноября ³⁾, что онъ приметъ мѣры по устройству войскъ и надѣется достигнуть этого, «но, что меня приводитъ въ отчаяніе, писалъ онъ, это общій безпорядокъ и въ особенности бездѣтельность старшихъ начальниковъ».

Въ общемъ Дибичъ былъ очень недоволенъ безпорядками во 2-мъ и 3-мъ корпусахъ «Я очень недоволенъ тѣмъ, какъ 2-й и 3-й корпуса совершили походъ для занятія зимнихъ квартиръ. Надо будетъ много вниманія и въ теченіе весны надо будетъ много работать, чтобы собрать всѣ обозы и присоединить ихъ къ войскамъ; во всякомъ случаѣ придется задержать дальнѣйшее движеніе войскъ ⁴⁾».

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2. всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 30-го ноября 1829 г. изъ Бургаса.

²⁾ и ³⁾ В. У. А. № 2708 (а) всеподданнѣйшій рапортъ Дибича отъ 24 ноября 1829 г. изъ Бургаса.

⁴⁾ Архивъ Канц. Воен. Министерства № 428, письмо Дибича Чернышеву отъ 6 декабря 1829 г. изъ Бургаса.

Въ письмѣ отъ 14-го ноября Дибичъ писалъ государю, что онъ получилъ очень любезное письмо отъ великаго визиря, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что ему приказано перейти изъ Шумлы въ Адрианополь и просилъ разрѣшенія, какъ это ему уже обѣщали Дибичъ, пройти съ войсками черезъ районъ нашего квартирнаго расположенія. Дибичъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы турки шли эшелонами, силою не болѣе 2000 человекъ, черезъ Карнабатъ и Ямболъ въ Адрианополь.

Вмѣстѣ съ тѣмъ визирь просилъ Дибича поручить кому нибудь попку у мѣстныхъ жителей продовольственныхъ припасовъ для турецкихъ войскъ на счетъ визиря; турки просили объ этомъ насъ, чтобы избѣжать столкновений съ жителями. Дибичъ рѣшилъ исполнить эту просьбу визиря и вмѣсто уплаты денегъ предложилъ ему уплатить расходы, которые мы производили въ Адрианополѣ на содержаніе оставшихся тамъ нашихъ больныхъ. Впослѣдствіи визирь отказался отъ намѣренія идти съ войсками черезъ Ямболъ и направился черезъ Тырново и Габрово ¹⁾). Такимъ образомъ, отношенія наши къ туркамъ во время оккупации были самыя лучшія, но нельзя того-же сказать про англичанъ.

Въ письмѣ государю отъ 16-го ноября Дибичъ писалъ, «что если къ несчастью можно было бы предвидѣть серьезное нарушеніе соглашенія 6-го іюля ²⁾), то надо поторопиться принять заблаговременно всѣ необходимыя мѣры». На это государь отвѣчалъ 27-го ноября.

«Неожиданное прибытіе Галиль-наши дѣйствительно несвоевременно, но если въ этомъ дѣлѣ есть заднія мысли или если это есть результаты англійской интриги, *надъ ними и тресись*. Мы сьумѣемъ противодѣйствовать ихъ вѣроломству и сведемъ на нѣтъ милые расчеты нашихъ мплыхъ друзей, *прошу не прогнѣваться* ³⁾).

Обстоятельство, которое чрезвычайно было неприятно государю, это было плаваніе англійскаго фрегата «Blonde» въ Черномъ морѣ и участіе англичанъ въ посылкѣ Галиль-паши въ Петербургъ, подъ видомъ посольства для возстановленія дружескихъ отношеній между Россіей и Турціей, но, повидимому, съ цѣлью добиться

1) В. У. А. № 2895 (а), отд. 2. всепод. письмо Дибича отъ 24-го ноября 1829 г. изъ Бургаса,

2) Т. е. лондонскаго трактата 6-го іюля (24 іюля) 1827 г.

3) В. У. А. № 2895 (б), отд. 2. письмо Императора Николая Дибичу отъ 27 ноября 1829 г., изъ С.-Петербурга. Подчеркнутые слова написаны по русски; все письмо написано рукою В. Ф. Адлерберга.

отъ государя уступокъ по исполненію условій адрианопольскаго договора. Относительно плаванія англійскаго фрегата, государь писалъ Дибичу 27-го ноября: «я узналъ, что вы были тоже раздражены появленіемъ англійскаго фрегата въ Черномъ морѣ, какъ и я; это еще одна выходка нашихъ лондонскихъ друзей. Мое раздраженіе было такъ велико, что я чуть-чуть не схватилъ вновь лихорадку».

Въ письмѣ отъ 24 декабря Дибичъ выражаетъ надежду, «что Англія не можетъ желать войны и что Порта должна знать ничтожество своихъ средствъ и всю опасность, которой подверглось бы самое существованіе Турціи не только въ Европѣ, но даже въ Азіи и Африкѣ».

Къ Австріи мы по прежнему продолжали относиться подозрительно и приняли мѣры, чтобы слѣдить за распоряженіями австрійскаго правительства. Съ этой цѣлью на австрійской границѣ было организовано наблюденіе, порученное особымъ лицамъ, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи агентовъ, шпионовъ и пр. Такъ на молдавскую границу былъ назначенъ полковникъ Липранди, на границу Большой Валахіи—«проживающей по болѣзни въ Бухарестѣ старшій адъютантъ главнаго штаба арміи гвардіи капитанъ Норовъ, который, находясь цѣлое лѣто на водахъ въ Мегадіи по связямъ въ тѣхъ мѣстахъ сдѣланныхъ, въ состояніи выполнить сіе лучше другихъ» и наконецъ на границѣ малой Валахіи было предписано ген. Гейсмару поручить наблюденіе одному изъ его агентовъ¹⁾.

Отъ этихъ лицъ и посылавшихся ими агентовъ получалось множество свѣдѣній, которыя сводились къ тому, что Австрія, какъ будто, готовитъ значительныя войска, но всѣ эти свѣдѣнія въ сущности были невѣрныя, такъ какъ Австрія и не думала воевать съ нами.

Въ началѣ декабря обнаружилось одно обстоятельство, которое могло быть для насъ весьма неприятнымъ и могло привести къ осложненіямъ. А именно, паша Скодрскій намѣренъ былъ расположиться на квартирахъ въ окрестностяхъ Адрианополя; когда Дибичъ узналъ объ этомъ, онъ принялъ рядъ мѣръ, чтобы не допустить такого сосѣдства.

«Изъ сношеній съ Мустафою-пашею Скодрскимъ, писалъ онъ

¹⁾ В. У. А. № 2767, ген.-адъют. Киселевъ гр. Толю 6-го сентября 1829 г. № 1088. изъ Рахова.

государю 5-го декабря¹⁾), видя, что онъ имѣеть назначеніе расположиться на зимовыя квартиры съ командуемымъ имъ корпусомъ въ Адрианополѣ и окрестностяхъ и усматривая, что столь близкое къ району нашихъ войскъ расположеніе турецкихъ ирегулярныхъ войскъ, едва покоряющихся своему начальству, можетъ въ продолженіе зимы быть источникомъ многихъ безпорядковъ на демаркаціонной линіи и въ въ особенности вреднымъ для нашего госпиталя въ Адрианополѣ учрежденнаго, я далъ замѣтить турецкому правительству, что несравненно удобнѣе въ большомъ городѣ имѣть войска регулярныя, въ коихъ дисциплина доведена уже до нѣкоторой степени дѣйствительности.

Правительство турецкое согласилось съ симъ замѣчаніемъ и въ Адрианополѣ, въ отмѣну прежнихъ распоряженій, назначены для зимованія регулярныя войска, бывшія въ крѣпости Шумлѣ».

Вслѣдствіе этого войска изъ Шумлы направились въ Адрианополѣ черезъ Тырново, Габрово и Эски-Загру, внѣ района расположенія нашихъ войскъ, и только самъ визирь съ 1734 человекъ прошелъ изъ Шумлы черезъ этотъ районъ; при этомъ какъ визирю, такъ и Гуссейну-пашѣ Дибичъ приказалъ отдавать подобающія имъ воинскія почести, причемъ, по приказанію Дибича, нами были заготовлены для турокъ необходимыя имъ припасы, за поставку которыхъ турки должны были оплатить содержаніе нашего госпиталя въ Адрианополѣ; зерновой фуражъ приказано было отпускать туркамъ бесплатно.

Предположенія относи- Въ виду того, что Англія и Австрія, *тельно возможности* повидимому, вели себя весьма двусмысленно *новой войны.* но по отношенію къ намъ, а также вслѣдствіе того, что переговоры о Греціи еще не были окончены, можно было ожидать осложненія политическихъ обстоятельствъ и это весьма беспокоило Дибича. Положеніе его, въ случаѣ новой войны, было весьма затруднительное, такъ какъ армія была сильно ослаблена, а часть войскъ уже ушла за Дунай. Эти условія заставляли Дибича обдумывать вопросъ о томъ, что ему дѣлать въ случаѣ новой войны съ турками.

24 декабря Дибичъ писалъ государю²⁾), что онъ считаетъ нужнымъ изложить нѣкоторыя мысли «о возможности новой войны:

¹⁾ В. У. А. № 2708, (А), всеподаннѣйшій рапортъ Дибича отъ 5-го декабря 1829 г. изъ Бургаса.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 24 декабря 1829 г. изъ Бургаса.

если Ваше Величество ихъ одобрите или сдѣлаете въ нихъ какія либо измѣненія, или даже измѣните все, я позволяю себѣ просить возможно скорѣе Вашихъ приказаній, такъ какъ можетъ быть, вслѣдствіе переговоровъ Орлова или вслѣдствіе какого нибудь революціоннаго движенія мнѣ придется принять подготовительныя мѣры и я выигрываю цѣлый мѣсяць, если буду знать основную мысль плана кампаніи. Получивъ въ маѣ по 400 человекъ на пѣхотный полкъ, я надѣюсь, съ помощью Божіею, исполнить безъ особенныхъ затрудненій одинъ изъ двухъ предложенныхъ плановъ и я даже надѣюсь это сдѣлать, если получу вдвое меньше подкрѣпленіе, но съ условіемъ, чтобы остальные резервы прибыли въ теченіи лѣта. Но самое главное, это не откладывать начала похода далѣе первыхъ чиселъ мая, такъ какъ главные удары слѣдуетъ нанести до сбора урожая, чтобы онъ достался намъ. Не воспользовавшись этими запасами, нельзя идти съ значительными силами далѣе Адрианополя, такъ какъ гавани Иніады и Мидіи очень неудобны и опасны въ санитарномъ отношеніи, а подвозъ изъ Архипелага ненадеженъ и чрезвычайно дорогъ».

Соображенія Дибича о новой кампаніи были имъ изложены въ особой запискѣ¹⁾.

Въ этой запискѣ Дибичъ дѣлалъ два предположенія: «1) разрывъ съ Турціей и появленіе англійскаго флота, союзнаго съ Портой; 2) разрывъ съ Турціей, но англійскаго флота въ Черномъ морѣ нѣтъ и наша армія, какъ и прежде, можетъ пользоваться подвозомъ припасовъ по Черному морю».

«Я не буду говорить, пишетъ Дибичъ, объ Австріи, такъ какъ я думаю, что ее можно будетъ удержать такими-же соображеніями, вслѣдствіе которыхъ она до сихъ поръ держалась нейтралитета и что не будетъ невозможнымъ склонить эту великую державу къ союзу съ нами».

Появленію англійскаго флота въ Черномъ морѣ Дибичъ не придавалъ особеннаго значенія и считалъ, что это обстоятельство заставитъ насъ только въ значительной степени сократить подвозъ припасовъ моремъ; затѣмъ онъ считалъ, что англичане не въ состояніи серьезно угрожать черноморскому побережью и что для охраны этихъ береговъ достаточно будетъ имѣть резервы, распо-

¹⁾ В. У. А. № 5323, записка гр. Дибича отъ 22 декабря 1829 г. въ Бургаѣ. (въ письмѣ гр. Чернышева отъ 18 января упомянуто, что записка Дибича—отъ 24 декабря, это вѣроятно по тому, что Дибичъ писалъ въ письмѣ отъ 21-го, что онъ посылаетъ записку о будущей войнѣ).

женные по нашей южной границѣ, и нѣкотораго числа войскъ для охраны болгарскаго побережья.

Вслѣдствіе затруднительности подвоза припасовъ моремъ, всеенныя дѣйствія, по мнѣнію Дибича, придется вести не такъ быстро, но это обстоятельство онъ не считалъ такимъ важнымъ, лишь бы наши дѣйствія отличались *опредѣленностью* и *последовательностью* и тогда *побѣда несомнѣнно увѣнчаетъ наши успѣхи*.

Во второмъ случаѣ, если мы будемъ владѣть Чернымъ моремъ, то кампанія будетъ короткая, рѣшительная и блистательная, и не потребуеъ особыхъ усилій, «если только она будетъ хорошо подготовлена и ведена».

Планъ войны, по мнѣнію Дибича, долженъ былъ заключаться въ слѣдующемъ. Прежде всего слѣдовало обложить Шумлу и Рушукъ и взять первую крѣпость штурмомъ; затѣмъ идти съ частью арміи на Адрианополь, занявъ который, захватить Дарданеллы, организовать подвозъ припасовъ и подготовиться къ наступленію на Константинополь; эту операцію начать послѣ взятія штурмомъ Рушукъ. Если англичане будутъ оказывать Турціи помощь своимъ флотомъ, то Дибичъ считалъ операцію противъ Константинополя на столько затруднительной, что она могла быть исполнена только въ слѣдующемъ году. Если-же въ Черномъ морѣ англичанъ не будетъ, то Дибичъ считалъ возможнымъ, появиться подъ Константинополемъ около 20-го іюня, причемъ со стороны Босфора долженъ былъ дѣйствовать нашъ черноморскій флотъ.

Въ заключеніи записки Дибичъ указывалъ на важность разрѣшенія вопроса о судьбѣ подвластныхъ Турціи христіанъ. Онъ считалъ безусловно необходимымъ въ самомъ началѣ войны вооружить всѣхъ турецкихъ христіанъ; затѣмъ въ томъ случаѣ, если Англія будетъ въ союзѣ съ Турціей, онъ полагалъ, что намъ трудно будетъ овладѣть Константинополемъ, но что мы навѣрное займемъ всю Болгарію и большую часть Румеліи; въ этомъ случаѣ Дибичъ считалъ необходимымъ, по окончаніи войны не отдавать Турціи ни Болгаріи, ни Сербіи.

Въ томъ-же случаѣ, если Англія не будетъ въ союзѣ съ Турціей, Дибичъ считалъ необходимымъ, окончательно изгнать турокъ изъ Европы.

На эту записку, по приказанію государя, Дибичу отвѣчалъ Чернышевъ ¹⁾.

¹⁾ В. У. А. № 5323, письмо Чернышова Дибичу отъ 18-го января 1830 г. изъ С.-Петербурга.

«Его Величество, писалъ Чернышевъ, обратилъ на записку фельдмаршала графа Дибича Забалканскаго отъ 22 декабря 1829 года изъ Бургаса все вниманіе, котораго заслуживаетъ важность предмета».

Государь полагаетъ, что если будетъ новая война, все равно съ одной ли Турціей или съ Турціей и Англійей, то *очевидно, что этотъ новый разрывъ заставитъ Россію прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для рѣшенія жизненнаго для нея вопроса. Тогда существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ стало бы дѣломъ сомнительнымъ».*

Относительно будущей войны Государь дѣлалъ три предположенія.

Первое, если бы неизбежность войны возникла только осенью 1830 года, когда уже всѣ войска наши перейдутъ Дунай, тогда слѣдовало немедленно занять Варну и Гирсово.

Второе, если бы неизбежность войны выяснилась въ серединѣ лѣта, то взять Шумлу, если это не трудно будетъ сдѣлать, и затѣмъ занять нѣкоторые пункты на Дунаѣ.

Наконецъ, если неизбежность войны выяснится весной, то рѣшительно наступать на Константинополь и въ то же время занять Галлиполи.

Согласно первымъ двумъ предположеніямъ, дѣйствія 1830 года могли имѣть только второстепенное значеніе и главныя операціи пришлось бы исполнить въ слѣдующемъ году; что же касается послѣдняго предположенія, то Государь надѣялся, что взятіе Константинополя удастся исполнить въ продолженіи одной кампаніи, т. е. въ 1830 году.

По этому же вопросу Государь писалъ Дибичу 17-го января 1830 г. ¹⁾. «Я пригласилъ Толстого, Толя, Чернышева, Меньшикова и Нессельроде и прочитавъ съ ними вашу военно-политическую записку, мы всѣ пришли къ заключенію, что возможность новаго разрыва неправдоподобна; но на случай войны, если бы она оказалась неизбежной, я приказалъ составить записку, которая является точнымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ моего убѣжденія и которая послужитъ для васъ инструкціей.

«Три предположенія, въ ней значащіяся, единственныя, которыя можно допустить въ настоящее время.

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо императора Николая Дибичу отъ 17-го (29-го) янв. 1830 г., изъ С.-Петербурга.

«Мы должны теперь принять всѣ мѣры къ тому, чтобы окупационныя войска и даже часть 3-го корпуса были приведены въ такое состояніе, чтобы могли двигаться и дѣйствовать какъ только въ этомъ явится надобность.

«Кампанія должна быть короткая, оживленная, рѣшительная и прямо къ цѣли, т. е. нужно отрѣзать Константинополь отъ Европы, захвативъ Дарданеллы, прежде чѣмъ какая либо непріятельская сила тамъ не появилась.

«Само собою разумѣется, что я прикажу 2-му корпусу занять княжества для замѣны тѣхъ войскъ, которыя вы выведете оттуда, а флотъ будетъ блокировать Босфоръ».

Послѣдующія событія показали, что ожиданіе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ было неправдоподобно. И дѣйствительно, послѣ двухлѣтней войны Турція была такъ ослаблена, что не могла и помышлять о новомъ походѣ.

Достаточно сказать, что во всей европейской Турціи султанъ имѣлъ въ февралѣ 1830 г. только отъ 46,000 до 57,000 человекъ войска, а съ такими силами онъ, конечно, не могъ рѣшиться на новую войну съ Россіей ¹⁾.

Продолжительная окупация послѣ двухлѣтней войны, конечно, была весьма непріятна для тѣхъ, кто долженъ былъ оставаться въ Турціи, но съ другой стороны необходимо было имѣть въ рукахъ надежные залого, чтобы турки въ точности исполняли условія мирнаго договора.

Дибичъ предполагалъ разрѣшить этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Въ письмѣ къ Государю отъ 24-го декабря онъ по этому поводу писалъ такъ ²⁾: «есть еще вопросъ, по которому я осмѣливаюсь просить приказаній Вашего Императорскаго Величества и въ тоже время представляю мое почтительное мнѣніе, чтобы имѣть возможность принять соотвѣтствующія мѣры. Если турки не уплатятъ къ 16-му апрѣля 400,000 дукатовъ вознагражденія убытка въ торговлѣ, то слѣдуетъ ли очистить Румелію или нѣтъ? Въ виду огромныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ продолжительнымъ пребываніемъ всей арміи, а также въ виду великодушныхъ и миролюбивыхъ намѣреній Вашего Величества, я думаю, что слѣдуетъ подать голосъ за очищеніе, но полагаю, что слѣдуетъ въ видѣ залога

¹⁾ Цифры взяты изъ собственноручно составленной вѣдомости турецкихъ войскъ г.-м. Бергомъ (изъ бумагъ г.-м. Берга).

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всепод. письмо Дибича отъ 24-го декабря 1829 г., изъ Бургаса.

удержать Карсъ съ однимъ округомъ, который слѣдуетъ удерживать до тѣхъ поръ, пока вопросъ о Греціи и Сербіи не будетъ рѣшенъ окончательно. Если бы переговоры, о которыхъ я пишу Нессельроде, не удались, то все-таки можно было бы объявить Портѣ и европейскимъ державамъ, что Ваше Императорское Величество повелѣли очистить Румелію, чтобы доказать Ваше великодушіе и дать Портѣ большую возможность исполнить ея обязательства и что по той же причинѣ Вы прикажете Вашимъ войскамъ очистить и княжества и отдать дань этого края Портѣ, какъ только будетъ уплочено вознагражденіе за торговыя убытки, сохранивъ какъ залогъ Силистрію, часть Добруджи до Кюстенджи и Карсъ съ однимъ округомъ.

«Увѣряю Васъ, Государь, что если обстоятельства позволятъ сохранить Молдавію до Серета, взаимѣнъ двухъ или трехъ милліоновъ дукатовъ, то это мнѣ кажется чрезвычайно выгоднымъ, но разумѣется, что такое предложеніе должно послѣдовать со стороны турокъ, которые еще въ Адрианополѣ говорили объ уступкѣ Молдавіи».

Въ это время вопросъ о Греціи уже былъ рѣшенъ и Чернышевъ писалъ Дибичу 10-го декабря ¹⁾: «Острый вопросъ о Греціи, наконецъ, оконченъ; хотя ея территорію нѣсколько и ограничили, сравнительно съ тѣмъ, какъ это было установлено протоколомъ 22-го марта ²⁾, но за то она получила полную независимость; не знаю, понравится ли вамъ выборъ принца Леопольда ³⁾; полагають, что лучше нельзя было поступить».

Возвращеніе нашихъ войскъ въ Россію. Въ концѣ апрѣля 1830 г. главная квартира арміи выступила изъ Бургаса въ Тульчинъ и всѣ оставшіяся на правомъ берегу Дуная войска были подчинены командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, генералу отъ инфантерій Роту.

Войска эти были слѣдующія: 7-я, 12-я, 16-я, 17-я ⁴⁾, 18-я и 19-я пѣхотныя дивизіи съ артилеріей, 5-й саперный баталіонъ, 3-й резервный саперный баталіонъ, 2-я бригада 4-й уланской дивизіи съ донской № 1 ротой, 5-я уланская дивизія ⁵⁾ съ конно-артиле-

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 10-го декабря 1829 г.

²⁾ Т. е. 10-го (22-го) марта 1829 г. протоколъ конференціи въ Лондонѣ.

³⁾ Т. е. принца Леопольда Саксенъ-Кобургскій.

⁴⁾ Эта дивизія оставалась въ княжествахъ у Киселева.

⁵⁾ 5-я уланская дивизія—это была прежняя 4-я уланская, а 2-я бригада 4-й уланской дивизіи состояла изъ 3-го и 4-го уланскихъ полковъ.

рійской ротой № 9 и 8 казачьихъ полковъ (Александрина, Андреянова, Чернушкина, Золотарева 2-го, Кутейникова, 9-й Оренбургскій и 5-й и 6-й Черноморскіе).

Затѣмъ при этихъ войскахъ состояли осадный инженерный паркъ, военнорабочія, гарнизонныя и инвалидныя команды, черноморская эскадра и дунайская флотилія ¹⁾).

Войска, оставшіяся въ Болгаріи, должны были постепенно очищать ее, по мѣрѣ уплаты турками контрибуціи; изъ числа этихъ войскъ предполагалось отправить моремъ въ Крымъ 12-ю пѣхотную дивизію и 12-ю артилерійскую бригаду, за исключеніемъ лошадей ея, которыя должны были идти въ Россію сухимъ путемъ.

Сдавая командованіе войсками, расположенными на правомъ берегу Дуная, Роту, Дибичъ далъ ему инструкцію. Въ этой инструкціи, между прочимъ, такъ очерчены отношенія нашихъ войскъ къ занятому краю ²⁾).

«Управленіе сими областями должно имѣть единственную цѣлью сохраненіе порядка и тишины въ народѣ, не дѣлая отнюдь никакихъ сборовъ и не обременяя жителей излишними повинностями и никакими налогами.

«По дружелюбнымъ нынѣ отношеніямъ нашимъ съ Портою я поручаю Вашему Высокопревосходительству въ особенности имѣть всегда въ предметъ болѣе и болѣе утверждать доброе расположеніе турецкаго народа къ войскамъ Россійской арміи и довѣренность правительства ко всѣмъ мѣрамъ нашего военного начальства: каковое доброе расположеніе возстановлено и поддерживалось доселѣ съ такимъ успѣхомъ. Сохраненіе какъ христіанъ, такъ и турокъ отъ частыхъ обидъ, какъ равно и недопущеніе ихъ къ поступкамъ, могущимъ возбудить мщеніе, должны быть соблюдаемы со всѣмъ безпристрастіемъ и справедливостью».

Далѣе въ инструкціи даны были указанія по уничтоженію всѣхъ занятыхъ нами въ Болгаріи крѣпостей, кромѣ Силистріи, въ которой, напротивъ, предполагалось произвести цѣлый рядъ работъ, «дабы чрезъ то сколь возможно болѣе усилить и обезпечить пунктъ сей, что тѣмъ болѣе необходимо, что крѣпость сія, какъ весьма возможно, долгое еще время останется въ рукахъ нашихъ». Кромѣ этого предписанія Дибичъ далъ Роту *«дополнительную*

¹⁾ В. У. А. № 2899, приказъ по арміи, 23-го апрѣля 1830 г., въ Бургасѣ и предписаніе Роту отъ 23-го апрѣля 1830 г., № 435.

²⁾ В. У. А. № 2899, предписаніе Дибича Роту отъ 23-го апрѣля 1829 года, № 435.

инструкцію», содержаніе которой настолько замѣчательно, что мы считаемъ нужнымъ привести ее цѣликомъ ¹⁾).

«Въ дополненіе къ общимъ инструкціямъ, даннымъ Вашему Высокопревосходительству, нужнымъ считаю пресокупить еще нѣкоторыя объясненія на счетъ отношеній, въ которыхъ Вы будете находиться, въ качествѣ Главнаго Начальника Россійскихъ войскъ, остающихся въ Румеліи и Булгаріи, съ Турецкимъ Правительствомъ и Императорско-Россійскимъ посольствомъ, пребывающимъ въ Константинополѣ.

«Адріанопольскій трактатъ положилъ конецъ всѣмъ распрямъ и недоумѣніямъ, существовавшимъ между Россією и Турцією.

«Онъ упрочилъ права наши въ сей Имперіи и доставилъ вознагражденіе за убытки, понесенные правительствомъ и подданными Россійскими. Слѣдственно, ничего намъ болѣе не остается отъ Порты Оттоманской, какъ ненарушимаго исполненія сего мирнаго договора.

«Турецкое Правительство до сихъ поръ старалось доказать, что оно ни мало не имѣетъ намѣренія уклоняться отъ сей обязанности.

«Съ нашей стороны же, мы прилагали всевозможное попеченіе вселить въ немъ вѣру въ благорасположеніе Его Императорскаго Величества. Мы усилили въ томъ совершенно и легко было доказать, что великодушный Монархъ, удержавшій напоръ своего оружія, когда оно уже не могло встрѣтить никакихъ препятствій, и предохранившій чрезъ сіе Оттоманскую державу отъ совершеннаго низверженія, не можетъ искать по заключеніи мира напраснаго ея униженія, а напротивъ желаетъ утверждать по возможности ея благосостояніе.

«Изъ общаго обзора Ваше Высокопревосходительство можетъ легко заключить, что сношенія наши съ Портою Оттоманскою совершенно дружественны и основаны на взаимной довѣренности.

«Я оказывалъ постоянную готовность не только исполнять, но даже предупреждать, ея справедливыя желанія; объясненія мои носили отпечатокъ доброжелательства, требованія я изъяснялъ съ твердостью, основываясь на права положительныя, но не показывая ни малѣйшаго сомнѣнія въ готовности исполнить оныя; угрозы содѣлывались чрезъ то совершенно ненужными и я даже избѣгалъ случаевъ напоминать о могуществѣ нашемъ.

¹⁾ В. У. А. № 714, дополнительная инструкция ген. Роту 23-го апрѣля 1829 г. № 555, въ Бургаѣ.

«Лучшее обхожденіе мое съ турецкими чиновниками, пріѣзжающими въ главную квартиру мою, было сколько возможно пріѣтливо и ласково.

«Вообще, я имѣлъ цѣлью изгладить послѣдніе слѣды народной ненависти и соперничества. Я старался снисхожденіемъ, умѣренностью, уваженіемъ къ законамъ и обычаямъ народнымъ заставить прежнихъ враговъ нашихъ простить намъ униженіе, въ которое привели ихъ блестящіе успѣхи оружія Россійскаго.

«Дѣйствуя такимъ образомъ, я руководился не только собственнымъ убѣжденіемъ, но исполнялъ въ точности извѣстные мнѣ политическіе виды Его Императорскаго Величества, и потому увѣренъ, что и Вы, Милостивый Государь, не приминете слѣдовать тѣмъ же правиламъ.

«Сношенія Ваши съ турецкимъ Правительствомъ могутъ быть двоякаго рода: или относиться прямо къ военной части и управленію краемъ, или имѣть прикосновенность къ общимъ государственнымъ дѣламъ.

«Въ первомъ случаѣ Вы будете сноситься съ Верховнымъ Визиремъ, особливо доколѣ вы будете оставаться въ Румелии. Ему поручена отъ своего Государя вся исполнительная часть.

«На основаніи трактата войска наши должны выведены быть за Балканы 16-го мая. Сего исполнить съ точностью не предстоитъ возможности.

«Порта Оттоманская, заплативъ мѣсяцемъ впередъ суммы, долженствовавшія составить второй взносъ вознагражденія за коммерческіе убытки, я съ своей стороны желалъ возвратить сколь возможно скорѣе Румелию подъ владычество султана.

«Но дурное состояніе дорогъ и недостатокъ подножнаго корма замедлили движеніе арміи. Выступленіе войскъ началось въ началѣ апрѣля и къ 25-му сего же мѣсяца болѣе трехъ четвертей занимаемаго пространства нашими зимними квартирами по сію сторону Балканъ будетъ очищено. Я сообщилъ Верховному Визиру описаніе демаркаціонной линіи нашей въ сіе число. Но предоставляю однакожь Вашему Высокопревосходительству по вашему благоусмотрѣнію стѣснить сію линію сколь можно болѣе.

«Если къ тому будутъ предстоять удобства, то вы не оставите довести ваши распоряженія до свѣдѣнія турецкаго военнаго начальства. Вообще для сохраненія порядка, по мѣрѣ оставленія нашими войсками городовъ и селеній, вы прикажете сдавать оныя турецкимъ чиновникамъ, которые уже и прибыли въ многія мѣста.

«Верховный визирь равно предувѣдомленъ, что провіантскіе магазны съ необходимою стражею, оставите въ приморскихъ городахъ, покуда будетъ предстоять возможность нагрузить на корабли оставшіеся хлѣбныя запасы; я желалъ бы, однакоже, чтобы отправленіе оныхъ не замедлилось.

«Для перевоза въ Бургась вещей, принадлежащихъ Адриано-польскому госпиталю и воинскому отряду, при немъ находившемуся, я просилъ великаго визиря сдѣлать нарядъ и снабдить насъ нужными подводами. Я ни мало не сомнѣваюсь въ исполненіи сей просьбы.

«По прибытіи каждаго транспорта изъ Адрианополя, Вы благово-лите, по Вашему усмотрѣнію, вознаградить хозяевъ сихъ подводъ; по объясненію съ ними или съ турецкимъ приставомъ, вы можете отпустить имъ, взамѣнъ денегъ, зерноваго хлѣба, муки и сухарей.

«Переселеніе болгаръ составляло одинъ изъ предметовъ переписки моей съ турецкимъ правительствомъ. Объявленное султаномъ всепрощеніе исполнится свято, сколько возможно, и потому я стараюсь убѣжденіями удержать Христіанъ, турецкихъ подданныхъ, не покидать своей родины.

«На сей же конецъ назначенъ консулъ въ городъ Сливну; ему поручено успокоить умы и пецись о благосостояніи остающихся болгаръ.

«Совершенно же запретить выдачу билетовъ на выходъ въ Россію я почиталъ себя не вправѣ, ибо XIII статьею мирнаго доровора всѣмъ подданнымъ обѣихъ державъ дозволено въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ переселиться куда пожелаютъ. Не только не слѣдуетъ побуждать христіанъ, жителей Турціи, переходить въ Россію, но дозволеніе на сіе переселеніе должно даваемо быть съ крайнею осторожностью.

«Для переписки Вашей съ верховнымъ визиремъ и въ качествѣ драгомана, остается при Вашемъ Высокопревосходительствѣ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ коллежскій асессоръ Батіановъ.

«Въ дѣлахъ, болѣе близкихъ, или для доставленія свѣдѣній турецкому правительству, вы благоволите обращаться къ посланнику нашему въ Константинополь тайному совѣтнику Рибопьеру, не оставя однакожъ увѣдомленіемъ его о постоянномъ выступленіи войскъ и о главномъ содержаніи переписки Вашей съ верховнымъ визиремъ.

«Съ своей стороны, посланникъ нашъ не примнетъ извѣщать

Васъ объ общемъ положеніи дѣлъ, о благосостояніи края, особенно же въ отношеніи къ народному здоровью.

«Подобныя же свѣдѣнія равно будутъ вамъ доставлены коллежскимъ асесоромъ Ващенко, назначеннымъ, по Высочайшей волѣ, консуломъ въ Румелію.

«На основаніи адрианопольскаго трактата, занятіе Булгаріи нашими войсками продолжится еще шесть мѣсяцевъ, если Порты не заплатитъ прежде сего срока условленнаго третьяго денежнаго взноса.

«Императорское министерство или по порученію онаго посланникъ нашъ, извѣститъ Ваше Высокопревосходительство о семь платежѣ, а военное начальство не оставитъ васъ тогда же снабдить нужными предписаніями о выводѣ нашихъ войскъ».

Получивъ эту инструкцію, императоръ Николай писалъ Дибичу: «я не могу скрыть отъ Васъ моего убѣжденія и опасенія, что Ротъ рѣшительно не годится для такого поста, тѣмъ болѣе, что я думаю, что произойдетъ столкновение съ Киселевымъ; характеръ Рота таковъ, что его всѣ терпѣть не могутъ (*qu'il est généralement détesté*). Поэтому предлагаю Вамъ дать ему отпускъ на неограниченное время съ сохраненіемъ всего содержанія и подчинить 5-й корпусъ Киселеву, прибавивъ къ его теперешнему титулу—командующій войсками въ турецкихъ областяхъ ¹⁾».

Съ 12-го мая районъ расположенія нашихъ войскъ былъ значительно уменьшенъ, а именно, демаркаціонная линія была направлена отъ берега Чернаго моря, отъ устья р. Церу (между Василико и Бургасомъ), на Руссо-Кастро, Надырь-Дербентъ, Ченге, Леникіой (на Камчикѣ) и на Гассанбейли (сѣвернѣе Леникіоя).

Такое измѣненіе демаркаціонной линіи было сдѣлано по просьбѣ турецкаго правительства, а для насъ оно было выгодно, такъ какъ легче было содержать линію, для занятія которой нужно было всего два казачьихъ полка ²⁾).

«Государь Императоръ, писалъ Дибичъ ³⁾, принимая въ уваженіе, что послѣ очищенія Булгаріи, которое имѣетъ послѣдовать будущею осенью немедленно по заплатѣ турками суммы за освобожденіе сей земли, по трактату слѣдующія, княжества Молдавія

¹⁾ В. У. А. № 4445, письмо Императора Николая Дибичу отъ 19-го апрѣля 1-го мая) 1830 г., С.-Петербургъ.

²⁾ В. У. А. № 2896, рапортъ Рота Дибичу отъ 17-го мая 1830 г. № 21 изъ Ахіяло.

³⁾ В. У. А. № 2899, Дибичъ Роту 4-го іюня 1830 г. № 1551.

и Валахія и крѣпость Силистрія останутся еще на нѣкоторое время занятыми нашими войсками, Высочайше повелѣтъ соизволилъ 17-ю пѣхотную дивизію, отдѣливъ отъ ввѣреннаго Вамъ корпуса, подчинить полномочному предсѣдателю дивановъ тѣхъ княжествъ, генераль-адъютанту Киселеву; равнобѣрно подчинить генералу крѣпость Силистрію съ находящимися при оной двумя казачьими полками и 3-ю эскадру дунайской флотиліи».

Въ началѣ іюня турецкое правительство нашло возможнымъ. уплатить намъ раньше срока третій взносъ контрибуціи, между тѣмъ какъ мы предполагали получить эти деньги только въ октябрѣ.

Но зато турки просили и объ очищеніи нами всей мѣстности на правомъ берегу Дуная, кромѣ Силистріи, тотчасъ же, какъ только деньги будутъ доставлены въ нашу главную квартиру. Такое предложеніе было для насъ весьма неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что мы еще не успѣли разрушить Варну и Кюстенджи.

Тогда генераль Ротъ запросилъ Дибича, какъ ему быть, и далъ нашему посланнику въ Константинополь Рибопьеру уклончивый отвѣтъ, чтобы выиграть время.

Вотъ, что онъ писалъ Рибопьеру ¹⁾.

«На почтеннѣйшій отзывъ Вашего Высокопревосходительства за № 412 честь имѣю отвѣтствовать, что въ инструкціи, данной мнѣ при оставленіи господиномъ главнокомандующимъ сего края, хотя изъяснено, что на основаніи трактата занятіе нашими войсками Булгаріи продолжится до уплаты турецкимъ правительствомъ условленнаго третьяго денежнаго взноса, но какъ о времени сей уплаты заблаговременно не было извѣстно и она предполагалась около половины октября, то на всякій случай я долженъ предварительно испросить по сему предмету разрѣшеніе, о чемъ и довожу нынѣ же до свѣдѣнія господина главнокомандующаго съ нарочнымъ курьеромъ. Между тѣмъ обязываюсь предъувѣдомить Васъ милостивый государь, что по случаю нахождения здѣсь множества еще артилеріи, артилерійскихъ и продовольственныхъ запасовъ, должно все сіе перевезть частію моремъ, а частію на подводахъ подвижнаго магазейна, то, по моему исчисленію, приведеніе сего къ окончанію можетъ послѣдовать только въ исходѣ августа мѣсяца; такъ что, если флоту будетъ благоприятствовать погода къ разнымъ перевозкамъ, то окончательная переправа войскъ черезъ Дунай можетъ быть произведена около половины сентября мѣсяца.

¹⁾ В. У. А. № 2999. отзывъ Рота Рибопьеру отъ 12-го іюня 1830 г. № 1671.

Присовокупляя увѣдомленіе, что въ войскахъ нашихъ и между жителями въ краѣ, нами занимаемомъ, относительно состоянія здоровья совершенно благополучно, — имѣю честь быть и проч.».

Въ тоже время Ротъ писалъ Дибичу, объясняя ему положеніе, въ которомъ онъ оказался, вслѣдствіе преждевременной уплаты турками контрибуціи¹⁾).

«Полномочный нашъ министръ въ Константинополѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ Рибопьеръ, съ нарочнымъ фельдъегерскимъ офицеромъ извѣстилъ меня отъ 2-го іюля, что Порта, будучи готова уплатить согласно 5 пункта заключенной въ С.-Петербургѣ конвенціи, условленную сумму денегъ, желаетъ знать, выступятъ-ли немедленно войска, занимающія сей край, послѣ доставленія денегъ въ корпусную мою квартиру. Причемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Рибопьеръ проситъ меня непременно извѣстить его съ тѣмъ же офицеромъ, можетъ-ли быть приведено то въ дѣйствіе по уплатѣ суммы, и въ какое именно время, равно сколько потребно времени на очищеніе края отъ войскъ между Балканами и Дунаемъ, исключая крѣпость Силистрію.

«Довода о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, имѣю честь представить списокъ съ отзыва моего по сему господину Рибопьеру, и донести, что хотя главнѣйшее обстоятельство, препятствующее немедленному выстуplenію войскъ, по уплатѣ денегъ, заключается въ необходимомъ времени для срытія крѣпостей Варны и Кюстенджи; но какъ мнѣ не дано знать, въ правѣ-ли я извѣстить о семъ предметѣ нашего полномочнаго министра тѣмъ болѣе, что хотя отзывъ мой посланъ къ нему съ фельдъегерскимъ офицеромъ, однакожь нельзя быть совершенно увѣреннымъ на безопасность дорогъ и чтобъ по какимъ либо случаямъ не достался оной прежде въ руки турецкаго правительства, то я ограничился опредѣлить ему время, необходимое для занятія сего края подъ видомъ вывоза разныхъ складовъ и тяжестей.

«Время сіе разсчитано такъ, что въ теченіи онаго разрушеніе крѣпостей Варны и Кюстенджи совершенно можетъ быть окончено даже недѣле раньше, когда послѣдуетъ на то соизволеніе Вашего Сіятельства, равно могутъ быть перевезены и остальные склады».

Дибичъ вполне одобрилъ распоряженіе Рота, предписалъ ускорить разрушеніе Варны и Кюстенджи и сдѣлать подготовительныя

¹⁾ В У. А. № 2899, Рапортъ—Дибичу 12 іюля 1830 г. № 1672.

распоряженія къ выступленію войскъ, если на это послѣдуетъ Высочайшее повелѣніе ¹⁾).

Въ то же время Дибичъ вошелъ съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ очищеніи Болгаріи и писалъ по этому поводу Чернышеву ²⁾).

«Поспѣшая препроводить къ Вашему Сіятельству списки съ донесенія ко мнѣ генерала-отъ-инфантеріи Рота за № 1672 и съ его отзыва къ полномочному министру нашему въ Константинополь дѣйствительному тайному совѣтнику Рибопьеру за № 1671, имѣю честь покорнѣйшее просить довести оныя до свѣдѣнія Государя Императора и испросить Высочайшаго Его Императорскаго Величества по изложенному въ сихъ бумагахъ предмету разрѣшенія. Обстоятельство сіе весьма для насъ благоприятно и важно, ибо даетъ возможность раньше вывести войска наши изъ Болгаріи и выдержать карантинны до наступленія ненастнаго времени, что сохранить корпусъ сей отъ непріятныхъ послѣдствій, неразлучныхъ при движеніи войскъ въ позднее осеннее время,—посему я теперь-же предписалъ генералу отъ инфантеріи Роту сдѣлать предварительно всѣ нужныя распоряженія, дабы по полученіи Высочайшаго разрѣшенія и доставленія турецкимъ правительствомъ условенной суммы денегъ въ крѣпость Варну, тотчасъ могъ приступить къ исполненію съ тѣмъ, что если-бы въ складахъ и осталась часть запасовъ нашихъ не вывезенными, то сіе не должно остановить выводъ войскъ, ибо оныя могутъ быть перевезены на судахъ нѣсколько позже или проданы турецкому правительству, если пожелаетъ.

«О чемъ я вмѣстѣ съ симъ увѣдомилъ и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Рибопьера.—Прося покорно все сіе довести до свѣдѣнія Государя Императора, обязываюсь присовокупить, что на счетъ разрушенія крѣпостей Варны и Кюстенджи я уже предписалъ генералу-отъ-инфантеріи Роту приступить теперь-же къ исполненію.—О имѣющемъ послѣдовать Высочайшемъ разрѣшеніи покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство прямо увѣдомить генерала отъ инфантеріи Рота съ нарочнымъ, а также генерала-отъ-артилеріи барона Левенштерна для свѣдѣнія по интендантскому управленію».

Государь, получивъ донесеніе о предложеніи турокъ сдѣлать третій взносъ контрибуціи ранѣе срока, согласился на выступле-

¹⁾ В. У. А. № 2899, Дибичъ—Роту, 17 іюля 1830 г. № 625, изъ Тульчнна.

²⁾ В. У. А. № 2899, Дибичъ—Чернышеву, 18 іюня 1830 г. № 632, изъ Тульчнна.

ніе войскъ 5 корпуса изъ Болгаріи ранѣе предполагавшагося времени и приказалъ ихъ размѣстить въ Молдавіи и Валахіи ¹⁾.

Такимъ образомъ, осенью 1830 г. послѣднія части нашихъ войскъ очистили Болгарію и перешли въ княжества.

Вступленіе гвардіи въ Петербургъ. Возвращавшіяся на родину войска торжественно вступали въ мѣсто своихъ стоянокъ. Въ Петербургѣ первое торжественное вступленіе войскъ состоялось 20 января; это были Преображенскій и Московскій полки и Л. Гв. 1-я артилерійская бригада. Государь выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу въ сопровожденіи принца Альберта Прусскаго и многочисленной свиты, къ которой присоединились послы Франціи и Австріи и полномочные министры Даніи и ГанOVERA. Императрица Александра Ѳеодоровна и великій князь наслѣдникъ Александръ Николаевичъ тоже присутствовали на встрѣчѣ войскъ.

Государь самъ сталъ во главѣ этихъ храбрыхъ полковъ, принимавшихъ такое видное участіе въ походѣ, и лично ввелъ ихъ въ столицу.

Лишенія, которыя солдаты перенесли за время похода, запечатлѣлись на ихъ исхудалыхъ лицахъ, сильно загорѣвшихъ подъ лучами восточнаго солнца. На многихъ лицахъ были знаменательные шрамы, но ни въ одеждѣ, ни въ осанкѣ людей не замѣтно было слѣдовъ утомительнаго похода, совершеннаго войсками на огромномъ пространствѣ между Турціею и Петербургомъ.

«Гвардія вернулась въ превосходномъ состояніи (*dans un état admirable*)» писалъ государь Дибичу ²⁾.

Вступленіе войскъ совершилось среди восторженныхъ кликовъ народа; все населеніе Петербурга вышло на встрѣчу войскамъ и приняло ихъ съ единодушнымъ восторгомъ и радостью. Въ день вступленія Государь принялъ отъ коллежскаго совѣтника Павла Демидова въ даръ полмиліона рублей, пожертвованныхъ имъ въ комитетъ раненыхъ для вдовъ и сиротъ солдатъ, участвовавшихъ въ переходѣ черезъ Балканы.

Остальные полки гвардіи прибывали въ послѣдующіе дни и были встрѣчаемы съ тѣмъ же почетомъ и радостью.

Послѣднія гвардейскія части вступили въ Петербургъ 9 февраля и черезъ три дня государь далъ обѣдъ въ честь всѣхъ гене-

¹⁾ В. У. А. № 2899, гр. Чернышевъ—генералу барону Левенштерну, 31 июня 1830 года № 1444, изъ С.-Петербурга.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Императора Николая Дибичу отъ 1 (13) февраля 1830 г. изъ С.-Петербурга.

раловъ и офицеровъ гвардіи, участвовавшихъ въ турецкомъ походѣ.

Повольство Галиль-паша въ Петербургъ. 25-го января прибыло въ Петербургъ чрезвычайное посольство султана съ Галиль-пашею во главѣ; вторымъ посланникомъ былъ Неджибъ-Сулейманъ-ефенди.

Во время проѣзда по Россіи турецкіе послы были вездѣ встрѣчаемы съ почетомъ и имъ были оказаны многіе знаки вниманія; и въ Петербургѣ они были встрѣчены съ подобающимъ званію ихъ почетомъ и вниманіемъ.

28 января была назначена торжественная аудіенція въ Георгіевскомъ залѣ зимняго дворца. Государь и Императрица заняли мѣста впереди послѣдней ступени трона, окруженные Императорскою фамиліей, среди которой былъ и принцъ Альбертъ Прусскій; въ залѣ находился государственный совѣтъ, сенатъ, представители арміи и флота, придворные и дипломатическій корпусъ.

Когда всѣ заняли мѣста, посольство было введено въ залу; впереди шелъ Галиль-паша, неся кредитивныя грамоты султана, за нимъ шли остальные чины посольства, которые несли богатые подарки Государю, Императрицѣ и наслѣднику. При входѣ въ залу оба посла сдѣлали первый поклонъ; второй они сдѣлали, дойдя до половины залы, а подойдя къ Государю, поклонились ему въ третій разъ; свита пословъ остановилась пройдя половину залы.

Галиль-паша, обращаясь къ Государю, произнесъ рѣчь на турецкомъ языкѣ, въ которой онъ отъ имени султана выразилъ радость своего повелителя по поводу возстановленія дружественныхъ отношеній съ Россіей.

Окончивъ рѣчь, Галиль-паша вручилъ Государю кредитивную грамоту, которую Императоръ передалъ Нессельроде и приказалъ ему отвѣчать послу. Нессельроде отвѣчая, по русски, высказалъ въ своей рѣчи, что Государь съ удовольствіемъ выслушалъ выраженіе чувствъ султана и надѣется, что между двумя державами установится прочный миръ, основанный на условіяхъ Адрианопольскаго трактата.

Рѣчи Галиль-паша и Нессельроде, тотчасъ по ихъ произнесеніи, были переведены первая на русскій, а вторая на турецкій языки.

По окончаніи рѣчи Нессельроде, Государь перешелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ Галиль-паша представилъ ему членовъ посольства.

Тѣмъ временемъ Императрица, предшествуемая придворными и сопровождаемая дамами, перешла въ малую тронную залу, гдѣ остановилась у послѣдней ступени трона.

Здѣсь Галиль-паша былъ представленъ Ея Величеству; онъ поднесъ подарокъ и представилъ государынѣ членовъ посольства.

Послѣ этого послы съ должнымъ церемоніаломъ были отведены домой.

Кромѣ торжественной аудіенціи Императоръ Николай принялъ турецкихъ пословъ въ частной аудіенціи, причемъ присутствовали только Фонтонъ. Государь, *съ обычной своей откровенностью*, высказалъ посламъ свои требованія и приказалъ имъ вручить эти требованія письменно на другой же день.

Во время этой аудіенціи послы увѣряли Императора, что султанъ твердо рѣшился исполнить условія Адрианопольскаго договора ¹⁾.

Когда султанъ получилъ извѣстіе о милостивомъ приѣмѣ Галиль-паши Императоромъ Николаемъ, онъ тотчасъ принялъ нашего посланника Рибоьера, который послѣ своего прибытія въ Константинополь еще не былъ принятъ султаномъ. Приѣмъ произошелъ при обстоянствѣ очень скромной, но носилъ весьма дружественный характеръ. Такимъ образомъ, дипломатическія отношенія между Россіей и Турціей были возобновлены ²⁾.

Главной цѣлью посольства Галиль-паши было добиться отмены уплаты контрибуціи за военныя издержки; Государь приказалъ объявить посламъ, что онъ не согласится на уменьшеніе вознагражденія въ пользу русскихъ подданныхъ ни на копѣйку; относительно же вознагражденія за военныя издержки, Государь изъявилъ согласіе на веденіе переговоровъ по этому вопросу. Нельзя не отмѣтить, что турецкіе послы начали переговоры съ весьма скромнаго и сдержаннаго заявленія; о такомъ началѣ переговоровъ Императоръ Николай писалъ Дибичу: «заявивъ, что дѣло не касается пересмотра Адрианопольскаго трактата, а единственно облегченія нѣкоторыхъ его условій, они сказали, что относительно вознагражденій они вполне полагаются на мою снисходительность (*équité*), что съ ихъ стороны довольно ловко (*ce qui n'est pas maladroit*).

¹⁾ В. У. А. № 4445, письмо Императора Николая Дибичу отъ 1 (13) февраля 1830 г. изъ С.-Петербурга.

²⁾ Paul Lacroix, Histoire de Nicolas I. t. IV; p. 468.

«Мы предъявили имъ ультиматумъ, при помощи котораго надѣямы вынудить съ ихъ стороны заявленія, что они намъ дадутъ взаимно вознагражденія» ¹⁾).

Пока происходили переговоры въ Петербургѣ съ Галиль-пашею, въ Константинополѣ шли переговоры Орлова съ турецкимъ правительствомъ; благодаря твердости и искусству Орлова ему удалось добиться со стороны турецкаго правительства исполненія всѣхъ условій Адрианопольскаго трактата.

Въ Петербургѣ переговоры тянулись цѣлыхъ три мѣсяца, причемъ Галиль-паша предъявилъ претензію почти противъ всѣхъ статей Адрианопольскаго договора; а именно, турки были противъ уступки территоріи въ Малой Азіи, противъ разрушенія Журжева, противъ преимуществъ, предоставленныхъ русской торговлѣ на Босфорѣ, противъ вознагражденія за военныя издержки и противъ вознагражденія русскихъ подданныхъ. Но наше правительство настаивало на исполненіи всѣхъ условій договора, за исключеніемъ вопроса о деньгахъ; Государь почти отказался отъ уплаты вознагражденія за военныя издержки, такъ какъ согласился разсрочить уплату его на очень долгій срокъ; но зато онъ требовалъ, чтобы вознагражденіе, слѣдующее его подданнымъ, было уплачено безусловно.

Однако, Государь согласился на уступку и по этому пункту и въ началѣ мая Нессельроде объявилъ посламъ, что Государь приказалъ сбавить на 300,000 дукатовъ вознагражденіе въ пользу его подданныхъ. Такимъ образомъ, туркамъ оставалось уплатить только 100,000 дукатовъ, которые они должны были внести въ концѣ апрѣля.

Послы были очень довольны такимъ оборотомъ дѣла и 27 апрѣля были приняты Государемъ въ прощальной аудіенціи въ Аничковскомъ дворцѣ.

Въ концѣ аудіенціи Государь сказалъ посламъ:

«скажите отъ меня вашему повелителю, что онъ всегда можетъ разсчитывать на мою дружбу и помощь, если ему угодно будетъ всегда помнить, что часть его подданныхъ—христиане и что я—покровитель церкви православной» ²⁾).



¹⁾ З. У. А. № 4115, письмо Императора Николая Диончу отъ 27 февралѣ (11 марта) 1830 г. изъ С.-Петербурга.

²⁾ Paul Lacroix, Histoire de Nicolas I, t. V, p. 11. Лакруа говоритъ, что конечно эти слова были сказаны дезъ предварительнаго соглашенія съ вице-канцлеромъ, т. е. Нессельроде.



Г Л А В А 9.

Общее заключеніе.

Подготовка успѣха войны 1828—1829 г.г. въ политическомъ отношеніи.—Оцѣнка работъ по подготовкѣ дѣйствующей арміи къ походу.—Роль центральныхъ военныхъ управленій въ работахъ по приведенію арміи на военное положеніе.—Роль главнокомандующаго и штаба 2-й арміи въ работахъ по подготовкѣ ея къ походу.—Организація управленія армій въ 1828 году и въ 1829 году.—Сравненіе положенія гр. Витгенштейна и гр. Дибича, какъ главнокомандующихъ.—Разработка плана войны для похода 1828 г.—Разработка плана войны для похода 1829 г.—Оцѣнка плана похода 1829 г.—Сравненіе характера подготовительныхъ работъ къ походу 1828 г. и къ походу 1829 г.—Значеніе общаго направленія обученія войскъ до войны 1828—1829 г.г. и оцѣнка дѣйствій нашихъ войскъ во время этой войны.—Оцѣнка

дѣйствій нашей арміи во время похода 1828 года.—Оцѣнка дѣйствій нашей арміи во время похода 1829 г.—Заключеніе о дѣйствіяхъ подъ Силистріею.—Оцѣнка Кулевчинской операціи.—Заключеніе о переходѣ черезъ Балканы.—Положеніе обѣихъ сторонъ послѣ перехода черезъ Балканы.—Наступленіе на Адрианополь.—Наступленіе къ Константинополю.—Жертвы и результаты войны.—Значеніе войны 1828—1829 г.г. для нашихъ послѣдующихъ войнъ съ Турціей.—Паралель между походами 1828—1829 г.г. и походомъ 1877—1878 г.г.—Заключеніе.

Подготовка успѣха войны 1828—1829 г.г. въ политическомъ отношеніи.

Подготовка успѣха войны въ политическомъ отношеніи есть условіе первостепенной важности. Неблагопріятная политическая обстановка нерѣдко можетъ парализовать и мудрыя распоряженія главнокомандующаго и блистательные подвиги войскъ: а иногда вся работа продолжительнаго похода не приводитъ ни къ какому осязательному результату, только потому,

что успѣхъ похода не былъ надлежащимъ образомъ подготовленъ въ политическомъ отношеніи, т. е. походъ происходилъ при такихъ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ, что, въ концѣ концовъ, побѣдитель оказался лишеннымъ всѣхъ плодовъ своихъ усилій.

Ислѣдованіе условій политической обстановки, при которой началась война 1828—1829 г.г., приводитъ къ несомнѣнному выводу, что она была начата при политическихъ обстоятельствахъ, весьма неблагопріятныхъ.

Ближайшихъ поводовъ къ этой войнѣ было два—несоблюденіе Турціей трактатовъ, заключенныхъ съ Россіей, и греческое возстаніе. Продолжительные дипломатическіе переговоры, которые мы вели съ Турціей и Европой по этимъ вопросамъ, не привели ни къ какому опредѣленному результату.

Отказъ Императора Александра оказать помощь возставшимъ грекамъ привелъ къ тому, что они обратились за помощью къ Англіи и поручили себя ей покровительству. *«Въ волненіяхъ Пелопонеса я усмотрѣлъ признаки революціи, говорилъ Императоръ Александръ, и я воздержался»*. *«Россія, говорилъ въ то же время Каннингъ, покидаетъ свое историческое мѣсто на востокъ, Англія—должна занять его»*. Вслѣдствіе этого, Англія признала грековъ воюющей стороною и открыто стала на ихъ сторону.

Вслѣдъ за Англіей и Франція начала дѣйствовать рѣшительнымъ образомъ въ восточномъ вопросѣ. Между тѣмъ и въ Россіи, со времени воцаренія Императора Николая I, послѣдовала перемѣна въ отношеніи къ греческому возстанію. Вступивъ на престолъ, Императоръ Николай рѣшилъ въ вопросѣ о греческомъ возстаніи дѣйствовать сообща съ Англіей и Франціей, а вопросъ о несоблюденіи Портой трактатовъ, заключенныхъ съ Россіей, разрѣшить самостоятельно, не допуская въ этомъ вопросѣ никакого посторонняго вмѣшательства. Конечно, мы предпочли бы и греческій вопросъ разрѣшить безъ участія западно-европейскихъ державъ, такъ, чтобы за свое освобожденіе Греція была обязана исключительно намъ; но благопріятное время для такого образа дѣйствій уже было упущено и надо считать, что наша дипломатія достигла уже не малаго успѣха, если ей удалось не допустить Англію и Францію разрѣшить греческій вопросъ безъ нашего участія, что было бы для насъ обстоятельствомъ, чрезвычайно неблагопріятнымъ въ виду нашихъ историческихъ задачъ на ближнемъ востокѣ и религіозно-племенныхъ отношеній къ христіанамъ Балканскаго полуострова. Такимъ образомъ, хотя намъ не удалось

устранить Англию и Францію отъ активнаго вмѣшательства въ дѣла на востокѣ, но за то мы достигли другаго результата—не смотря на различіе нашихъ интересовъ на востокѣ съ интересами этихъ двухъ державъ, онѣ все же явились нашими союзницами, конечно, главнымъ образомъ, потому, что въ свою очередь не хотѣли дать Россіи совершеннаго простора въ восточныхъ дѣлахъ. Итакъ, это былъ союзъ неискренній и союзники, такъ сказать, держали за пазухой камень, который при случаѣ, былъ бы пущенъ въ насъ.

Отправляя нашу эскадру въ Средиземное море для совмѣстныхъ дѣйствій съ англійскимъ флотомъ, мы въ тоже время вынуждены были дать начальнику этой эскадры указанія, что ему дѣлать, если бы англійскій флотъ изъ нашего союзника превратился въ нашего противника.

Еще менѣе были выяснены наши отношенія къ Австріи. Держава эта, въ силу своего географическаго положенія, могла явиться весьма опаснымъ противникомъ нашимъ, еслибы она двинула свои войска во флангъ и тылъ нашей арміи, при ея наступленіи изъ Бессарабіи черезъ княжества за Дунай и далѣе на югъ. И чѣмъ далѣе ушла бы наша армія въ южномъ направленіи, тѣмъ такія дѣйствія австрійской арміи были бы для насъ опаснѣе. Отношенія къ Австріи были до такой степени мало выяснены, *что одно время мы считали возможнымъ встрѣтить австрійскія войска въ княжествахъ*; затѣмъ мы не рѣшались сосредоточивать нашу армію ближе къ Дунаю и нижнему Пруту, а считали нужнымъ держать ее поближе къ верхнему Днѣстру, чтобы двинуть ее туда, куда обстоятельства потребуютъ, т. е. или въ Австрію, или въ Турцію.

Дѣло дошло до предположенія съ нашей стороны, что, быть можетъ, *знамена наши будутъ развѣваться въ Вѣнѣ раньше, чѣмъ въ столицѣ оттомановъ* и наконецъ, у насъ были приняты мѣры къ формированію арміи, назначенной для дѣйствій противъ Австріи. Отношенія къ Пруссіи были лучше, но мы и ее подозрѣвали, что она готовитъ войска противъ насъ.

Между тѣмъ, въ сущности мы не имѣли безусловныхъ данныхъ думать, что дѣйствительно западно-европейскія державы выступятъ противъ насъ и будутъ противодѣйствовать нашимъ успѣхамъ въ Турціи. Такая невыясненность политической обстановки была какъ передъ походомъ 1828 г., такъ и передъ походомъ 1829 г. Даже до начала послѣдняго похода политическая обстановка казалась менѣе благоприятной, чѣмъ передъ походомъ предъидущаго года.

Въ конфиденціальной депешѣ отъ 26-го октября 1828 г. Нессельроде писалъ по этому поводу нашему посланнику въ Берлинѣ: «въ февралѣ текущаго года я могъ *гарантировать* Государю, что ему придется сражаться только съ одной Турціей, между тѣмъ какъ относительно похода 1829 г. я въ состояніи высказать по этому вопросу однѣ только *надежды*».

Нельзя не отмѣтить, что хотя въ *февраль 1828 г.* Нессельроде считалъ возможнымъ *гарантировать* Государю, что будемъ имѣть противъ себя только Турцію, но въ томъ же *февралѣ, именно 20-го числа*, Дибичъ писалъ главнокомандующему 2-й арміи, «что все еще не выяснено, при какой политической обстановкѣ произойдетъ война съ Турціей», вслѣдствіе чего рѣшено было ограничиться занятіемъ только княжествъ «до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не примутъ положительный оборотъ, могущій рѣшить движеніе наше за Дунай ¹⁾».

Въ противномъ случаѣ, писалъ Дибичъ, «*планъ войны приметъ совсѣмъ другой видъ*» и вмѣсто войны съ Турціей мы двинулись бы на Австрію ²⁾.

Изъ этого видно, что министръ иностранныхъ дѣлъ и начальникъ главнаго штаба Его Величества въ февралѣ 1828 г. совершенно различно оцѣнивали политическую обстановку. Въ мартѣ 1828 г. отношенія наши къ Австріи такъ обострились, что послѣдовало Высочайшее повелѣніе о формированіи арміи противъ этой державы. О повелѣніи этомъ Дибичъ писалъ Цесаревичу Константину Павловичу: «по настоящему положенію дѣлъ нашихъ съ Австріей, Государю Императору благоугодно, чтобы Ваше Императорское Высочество изволили приступить нынѣ же къ учрежденію противъ сей державы обсервационной арміи подъ предводительствомъ Вашего Высочества ³⁾».

Какъ же могъ, въ это-же время, Нессельроде *гарантировать* Государю, что ему придется имѣть дѣло съ одной Турціей и какимъ образомъ могъ Нессельроде писать это еще въ октябрѣ 1828 г.?

Итакъ, мы начали походъ 1828 г., какъ казалось тогда, при политической обстановкѣ, чрезвычайно для насъ неблагопріятной.

¹⁾ В. У. А. № 2563 и 2579, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 20-го февраля 1828 г. № 559.

²⁾ В. У. А. № 2563, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 31-го декабря 1827 г. № 267.

³⁾ В. У. А. № 1181 (а).

Но предполагавшееся враждебное отношеніе къ намъ западно-европейскихъ державъ, въ сущности, ни въ чемъ не проявилось. Европа внимательно слѣдила за ходомъ военныхъ дѣйствій, дипломаты сопровождали Государя на самый театръ войны, но никто не вмѣшался въ нашу борьбу съ Турціей.

Это обстоятельство, впрочемъ, легко объяснить тѣмъ, что военныя дѣйствія шли для насъ неудачно и окончились поздней осенью 1828 г., причемъ въ сущности мы почти ничего не достигли. Такимъ образомъ, западно-европейскимъ державамъ не было и надобности выступать противъ насъ; напротивъ неудачный исходъ похода 1828 г. вызвалъ съ ихъ стороны преувеличенныя надежды, что послѣдующая кампанія также не будетъ болѣе удачной для насъ. Какъ мы уже говорили, политическая обстановка передъ походомъ 1829 г. казалась намъ еще болѣе неблагоприятной, но и на этотъ разъ со стороны западно-европейскихъ державъ не послѣдовало вмѣшательства въ борьбу нашу съ Турціей и только тогда, когда войска наши уже были въ виду Константинополя, тогда Англія, Франція и Пруссія вмѣшались въ дѣло, но вмѣшательство это произошло въ формѣ посредничества между нами и турками и притомъ посредничества, которое, по правдѣ сказать, было столь же выгодно для насъ, какъ и для турокъ.

Посредничество Пруссіи было не только выгоднымъ для насъ, но оно было вызвано нами-же, ибо посылка ген. Мюффлинга въ Константинополь состоялась по личному желанію Императора Николая, еще въ самомъ началѣ похода 1829 года, когда не было ни Кулевчи, ни покоренія Силистріи, ни перехода черезъ Балканы. Это показываетъ, что въ самомъ началѣ похода мы не прочь были заключить миръ на условіяхъ, очевидно, самыхъ скромныхъ.

Но затѣмъ, когда послѣ ряда блестящихъ успѣховъ, наша армія появилась въ виду Константинополя, мы все же не только не прочь были поскорѣе заключить миръ, но прямо жаждали поскорѣе окончить войну, разумѣется на условіяхъ, уже болѣе выгодныхъ для насъ.

Итакъ, вмѣшательство Англіи, Франціи и Пруссіи въ концѣ похода 1829 г. дало намъ возможность ускорить заключеніе мира. Слѣдовательно, мы никакъ не можемъ считать, чтобы эти державы вели себя враждебно по отношенію къ намъ.

Еще менѣе активную роль играла Австрія; она рѣшительно ничѣмъ не напомнила о своемъ существованіи ни во время похода 1828 г., ни во время похода 1829 г., а между тѣмъ, мы ее считали

наиболѣе опаснымъ врагомъ и одно время грозили, что если она будетъ противодѣйствовать намъ, то знамена наши прежде чѣмъ появятся въ столицѣ оттомановъ, *будутъ развѣваться въ столицу австрійской имперіи.*

Итакъ, до войны настроеніе западно-европейскихъ державъ казалось намъ крайне враждебнымъ, а въ дѣйствительности этого вовсе не оказалось. Въ результатѣ—политическая обстановка ни передъ войной, ни въ теченіе войны, продолжавшейся полтора года, не была разъяснена нами въ надлежащей степени и изъ числа нашихъ дипломатовъ одинъ только Поццо-ди Борго вполне ясно предвидѣлъ то, что случилось. Еще въ 1824 году онъ выразился, что если бы Россія вмѣсто переговоровъ обратилась къ дѣйствіямъ, то *«энергическая мѣра эта вовсе не потревожила-бы обще-европейскаго спокойствія».*

Какія-же могли быть причины, что мы своевременно не выяснили условій политической обстановки? Намъ кажется, что эти причины были слѣдующія: 1) недостаточное знакомство съ современнымъ положеніемъ западно-европейскихъ державъ; 2) непониманіе задачъ и цѣлей, которыя онѣ дѣйствительно преслѣдовали и 3) чрезмѣрная подозрительность съ нашей стороны, заставлявшая насъ видѣть враговъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было. Однимъ словомъ, нельзя не сказать, *что мы начали, вели и кончили войну, не имѣя яснаго представленія о современной политической обстановкѣ.*

Оцѣнка работъ по подготовкѣ дѣйствующей арміи къ походу. Приведеніе арміи на военное положеніе въ тѣ времена не представляло такой сложной и спѣшной работы, какъ теперь. Вслѣдствіе продолжительныхъ сроковъ службы личный составъ частей, при приведеніи ихъ на военное положеніе, оставался безъ измѣненія и такимъ образомъ отпадала обширная и сложная работа по призыву подъ знамена запасныхъ. Правда, для пополненія резервныхъ войскъ производился наборъ рекрутъ, но работа эта происходила при тѣхъ-же самыхъ условіяхъ, какъ и въ мирное время и во всякомъ случаѣ не имѣла характера поспѣшности. Другое условіе, которое въ значительной степени облегчало работу по приведенію арміи на военное положеніе, это возможность производства всѣхъ этихъ работъ не съ такой поспѣшностью, какъ это стало необходимымъ теперь. Конечно, условіе *времени* имѣло и тогда такое-же значеніе, какъ и теперь; но отсутствіе ускоренныхъ способовъ сообщенія и передачи распоряженій вело

къ тому, что приведеніе арміи на военное положеніе и сосредоточеніе ея къ границѣ, при всемъ желаніи, не могло быть исполнено очень быстро съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, что касается собственно до 2-й арміи, которая была назначена для похода въ Турцію, то вопросъ о приведеніи ея на военное положеніе много облегчался тѣмъ обстоятельствомъ, что она уже была расположена на границѣ, въ Бессарабіи, въ непосредственной близости нижняго теченія Дуная и княжествъ, которыя предполагалось занять въ самомъ началѣ похода, а также и Добруджи, которую рѣшено было занять, тотчасъ послѣ переправы черезъ Дунай; наконецъ, самая переправа черезъ эту рѣку должна была произойти на томъ участкѣ ея, близъ котораго наша армія стояла и въ мирное время.

Такимъ образомъ, вопросъ о приведеніи дѣйствующей арміи на военное положеніе, въ сущности, сводился къ приведенію въ готовность ея матеріальной части, обозовъ, парковъ и всѣхъ военно-хозяйственныхъ и военно-административныхъ учреждений.

При должномъ благоустройствѣ этихъ учреждений въ мирное время, при заблаговременной разработкѣ порядковъ снабженія ихъ всѣмъ тѣмъ, чего имъ не хватало до штатовъ военнаго времени, при должной самостоятельности начальства 2-й арміи по разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ и при возможности тратить, безъ излишней и неумѣстной экономіи, необходимыя для всего этого средства, всѣ эти вопросы разрѣшались въ сущности очень просто. Оно бы такъ и было, если бы дѣло было такъ поставлено; но, къ сожалѣнію, всѣ эти вопросы были на практикѣ разрѣшены весьма нецѣлесообразнымъ образомъ.

При изложеніи работъ по приведенію 2-й арміи на военное положеніе, мы весьма подробно остановились на этомъ отдѣлѣ. Мы сдѣлали это на томъ основаніи, что, по нашему глубокому убѣжденію, состояніе арміи до похода, порядокъ приведенія ея на военное положеніе и снабженія ея всѣмъ необходимымъ, имѣютъ для успѣха похода, по крайней мѣрѣ, такое-же важное значеніе, какъ и искусное направленіе ея стратегическихъ и тактическихъ операцій. Мало того, ошибки, сдѣланныя при употребленіи войскъ въ бою, могутъ быть искуплены доблестнымъ поведеніемъ ихъ, между тѣмъ какъ ошибки, сдѣланныя въ области подготовки арміи къ походу, не могутъ быть вполнѣ поправлены во время войны. Такъ, неудовлетворительность личнаго состава,

неудовлетворительное состояніе ружей въ пѣхотѣ, недостатокъ шанцеваго инструмента, недостаточное снабженіе войскъ продовольственными припасами, недостатокъ медицинскихъ средствъ, неудовлетворительное состояніе обозной части, недостатокъ предметовъ обмундированія, все это, конечно, были такіе пробѣлы и упущенія, которые не могли быть уравниваемы ни искусными стратегическими соображеніями начальниковъ, ни умѣлымъ вожденіемъ войскъ въ бой, ни даже блистательнымъ поведеніемъ ихъ въ бояхъ.

Правда, что, благодаря нравственнымъ силамъ, человекъ можетъ бороться съ самыми неблагоприятными условіями, можетъ одолѣть самыя, повидимому, неодолимыя преграды, можетъ выйти побѣдителемъ изъ самыхъ, казалось-бы, невозможныхъ положеній, но всему есть и предѣлы. Мы, русскіе, поставлены въ этомъ отношеніи въ самыя счастливыя условія, ибо *силой духа и силой тѣла природа надѣлила насъ щедрымъ образомъ* и для русскихъ солдатъ мало есть невозможнаго; однако, слѣдуетъ помнить, что *для героевъ есть невозможное* и что лучшій брилліантъ нуждается въ тщательной обработкѣ.

Работы по приведенію арміи на военное положеніе производились одновременно въ Петербургѣ, въ центральныхъ военныхъ управленіяхъ, и въ Тульчинѣ, въ штабѣ 2-й арміи.

Роль центральныхъ военныхъ управленій въ работахъ по приведенію арміи на военное положеніе.

Трудъ по приведенію дѣйствующей арміи на военное положеніе былъ распределенъ чрезвычайно нераціонально. Если бы центральная военная власть оставила за собою право общаго руководства работами, если бы она ограничилась указаніемъ цѣли, которую армія должна была достигнуть, и затѣмъ регулировала-бы дѣятельность главнокомандующаго и его штаба, предоставивъ армейскому начальству должную самостоятельность въ разработкѣ необходимыхъ данныхъ и частныхъ, то, конечно, противъ такой организаціи работъ ничего нельзя было-бы возразить. Но на дѣлѣ было совершенно не то. Центральная военная власть, главнымъ образомъ, въ лицѣ начальника главнаго штаба Его Величества Дибича, вмѣшивалась рѣшительно во всѣ мелочи и чрезвычайно стѣсняла дѣятельность главнокомандующаго, такъ что самостоятельность этого послѣдняго была совершенно парализована. Стремленіе центральной власти входить во всѣ подробности исполненія, держать всѣ нити въ своихъ рукахъ было такъ велико, что главнокомандующій не могъ самостоятельно разрѣшить ни одного, даже мелкаго вопроса.

Такъ напримѣръ, когда послѣ продолжительной переписки главнокомандующій всетаки не получилъ разрѣшенія на постройку крытыхъ помѣщеній для храненія муки и когда путемъ опыта выяснилась возможность хорошо сохранять муку въ бочкахъ, то на ходатайство гр. Витгенштейна примѣнить этотъ способъ, за успѣхъ котораго онъ ручался, онъ получилъ отказъ съ указаніемъ, что дѣло это предварительно будетъ рассмотрѣно генераль-провіантмейстеромъ арміи и военнымъ совѣтомъ.

Стремленіе центральной военной власти все держать въ своихъ рукахъ иногда приводило къ тому, что главнокомандующій вынуждаемъ былъ не исполнять даже Высочайшія повелѣнія, такъ какъ, по полученіи ихъ на мѣстѣ, вслѣдствіе измѣнившихся условій, они оказывались неисполнимыми.

Иногда такія отступленія вызывались тѣмъ обстоятельствомъ, что въ высшихъ военныхъ управленіяхъ дѣйствительное положеніе арміи не было достаточно извѣстно; такъ какъ по отчетамъ было одно, а на самомъ дѣлѣ совсѣмъ другое. Такъ по вопросу о состояніи обозовъ подвижныхъ парковъ въ Петербургѣ имѣлись свѣдѣнія въ артилерійскомъ департаментѣ и въ штабѣ генераль-фельдцейхмейстера, что обозы эти находятся въ полной исправности, а на дѣлѣ было не такъ и обстоятельство это обнаружилось только въ концѣ 1827 г., т. е. *черезъ полтора года* послѣ того, какъ состоялось Высочайшее повелѣніе о приведеніи 2-й арміи на военное положеніе *и только за четыре мѣсяца* до объявленія войны. Къ этому надо прибавить, что время выступленія арміи въ походъ не могло быть опредѣлено въ точности, а между тѣмъ, въ виду политической обстановки, армія могла быть двинута за границу внезапно.

Затѣмъ въ такомъ-же положеніи оказался вопросъ о состояніи ружей въ пѣхотѣ, которыя пришлось замѣнить годными почти передъ самымъ выступленіемъ въ походъ въ значительномъ числѣ; также было и съ запасами пороха, котораго какъ выяснилось осенью 1827 г. не хватало въ значительномъ количествѣ, а сфабриковать его къ веснѣ 1828 г. оказалось невозможнымъ, такъ какъ заводы наши, безъ переустройства, не могли исполнить такую работу.

Далѣе тоже было и съ вопросомъ о состояніи нашихъ крѣпостей на турецкой границѣ, про которыя Дибичъ писалъ, что онѣ *«по состоянію своему не могутъ равняться съ первоклассными»* а Императоръ Николай, зачеркнувъ эти слова, написалъ, что крѣпости эти по своему состоянію *«совершенно ничтожны»*.

Въ своемъ мѣстѣ мы указали еще на многіе подобныя же примѣры. Главная причина такого ненормальнаго положенія дѣлъ заключалась въ томъ, что ближайшее начальство было лишено должной самостоятельности и потому не чувствовало отвѣтственности въ должной степени, а также въ томъ, что управленіе дѣлами было слишкомъ централизовано, и наконецъ въ томъ, что у каждаго дѣла стояло слишкомъ много лицъ, которыя въ большинствѣ случаевъ ограничивались веденіемъ сложной и обширной переписки.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ надо еще отнести и *недовѣріе* высшей военной власти къ своимъ подчиненнымъ. Недовѣріе это сказывалось рѣшительно во всемъ; оно проявлялось въ письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ, имъ было вызвано учрежденіе особой *военной полиціи* для паблюденія за тѣмъ, чѣмъ занимаются начальники и офицеры, и наконецъ вслѣдствіе этого недовѣрія были возможны такія распоряженія, какъ командировки молодыхъ офицеровъ для провѣрки того, какъ командуютъ своими частями корпусные командиры и *насколько состояніе вътрѣнныхъ имъ войскъ соответствовало тѣмъ донесеніямъ, которыя они представляли по командѣ.*

При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о правильныхъ отношеніяхъ къ службѣ и этимъ-же объясняются и многіе пробѣлы въ дѣлѣ подготовки войскъ.

Затѣмъ, черезъ всѣ вопросы о подготовкѣ дѣйствующей арміи къ походу красной ниткой проходитъ стремленіе какъ можно меньше истратить на это дѣло денегъ. Отчасти такое стремленіе зависѣло отъ того, что, хотя мы начали готовиться къ войнѣ въ маѣ 1826 г., но твердаго рѣшенія воевать у насъ не было и всѣ работы по приготовленію арміи къ походу находились въ зависимости отъ условій политической обстановки. Какъ только появлялись признаки улучшенія дипломатическихъ отношеній, такъ тотчасъ же отдавались распоряженія пріостановиться въ исполненіи уже разрѣшенныхъ расходовъ; такъ, на примѣръ, отмѣнялась покупка провіанта, заготовленіе сухарей, чтобы они отъ времени не испортились: предписывалось повременить покупкой лошадей подъ артилерію, даже осадную, которая была намъ необходима при самомъ началѣ похода, такъ какъ походъ долженъ былъ начаться съ осады Браилова; отмѣнялось передвиженіе войскъ къ границѣ, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ и т. д.

Множество предметовъ, необходимыхъ войскамъ, приказано

было завести только *при самомъ выступленіи въ походъ* или только тогда, когда послѣдуетъ повелѣніе *перейти границу* и все это обусловливалось желаніемъ не производить излишнихъ расходовъ. Наконецъ, стремленіе экономить выразилось яркимъ образомъ во мнѣніи министра финансовъ Ганкрина, который писалъ, «*что чѣмъ дешевле воевать, тѣмъ болѣе возвысится могущество Россіи* ¹⁾); также мысль была выражена и Нессельроде, который *настаивалъ на томъ, чтобы вооруженія стоили дешевле, «дабы не пришлось впоследствии требовать съ турокъ слишкомъ большого вознагражденія при заключеніи мира»* ²⁾).

Въ общемъ можно сказать, что при подготовкѣ арміи къ походу стремились не къ тому, чтобы *развить наибольшее напряженіе силъ для достиженія цѣли войны*, а къ тому, чтобы истратить какъ можно меньше денегъ. А между тѣмъ, продолжительный опытъ войнъ уже достаточно указалъ, что такая бережливость *совершенно нецѣлесообразна* и въ справедливости этого положенія намъ пришлось еще разъ убѣдиться горькимъ опытомъ похода 1828 г.

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ, такъ дурно вліявшимъ на ходъ работъ по подготовкѣ дѣйствующей арміи къ походу, нужно еще прибавить и личные отношенія между лицами, стоявшими во главѣ центрального военного управленія и начальствомъ дѣйствующей арміи.

Главнoкомандующій арміей, гр. Витгенштейнъ, не пользовался въ Петербургѣ должнымъ авторитетомъ; отношенія между Дибичемъ и Киселевымъ, начальникомъ главнаго штаба арміи, были не особенно хороши, а отношенія между Толемъ и Киселевымъ были крайне обострены; эти условія приводили къ тому, что всѣ ходатайства и представленія, исходившія изъ штаба 2-й арміи, встрѣчали въ Петербургѣ крайне неблагопріятный пріемъ. Но если бы даже устранить всѣ перечисленные нами неблагопріятныя условія, то все же оставалось одно условіе, котораго никакъ устранить было невозможно—это дальность разстоянія между Петербургомъ и Тульчиномъ. При разстояніи въ 1,500 верстъ между главнымъ штабомъ Его Величества и главнымъ штабомъ 2-й арміи и при отсутствіи ускоренныхъ способовъ сообщеній и сношеній, управ-

¹⁾ В. У. А. № 2589, письмо ген. Ганкрина гр. Дибичу отъ 9-го февраля 1828 г. № 2291.

²⁾ Молтке (переводъ Н. Шилдера, ч. 1-я, гл. 13-я, стр. 343) и Военныя бѣсѣды штаба войскъ гвардіи, вып. V, стр. 238, статья А. Терехова.

леніе арміей изъ Петербурга и руководство всѣми мелочами исполненія было совершенно невозможно. Но такъ какъ такой порядокъ управленія все же примѣнялся на дѣлѣ, то это приводило къ увеличенію и усложненію переписки до огромныхъ размѣровъ, что въ свою очередь имѣло ту дурную сторону, что развлекало вниманіе и не позволяло сосредоточиться на важнѣйшемъ.

Роль главнокомандующаго и штаба 2-й арміи въ работахъ по подготовкѣ ея къ походу.

При такомъ отношеніи центральной военной власти къ дѣлу подготовки дѣйствующей арміи къ походу роль главнокомандующаго арміей умялялась до чрезвычайной степени и на долю его оставалось немного плодотворной дѣятельности. Творческой работы при такихъ условіяхъ быть не могло, а когда она проявлялась, то не только не встрѣчала сочувствія и поддержки въ Петербургѣ, но получала тамъ отпоръ. Правда, надо сказать, что и главнокомандующій 2-й арміи далеко не соответствовали своему положенію. Герой войны 1812 года и войнъ 1813 и 1814 годовъ, Витгенштейнъ, хотя и пользовался репутаціей боевого генерала, но у него далеко не было всѣхъ необходимыхъ данныхъ для исправленія должности главнокомандующаго какъ въ мирное, такъ и въ военное время; характера онъ былъ несамостоятельнаго, но довѣрчиваго и благороднаго; былъ добръ и вспыльчивъ. Въ Петербургѣ его не столько цѣнили и дорожили имъ, сколько терпѣли изъ уваженія къ его бывшей боевой дѣятельности. Положеніе его было настолько нетвердымъ, что Киселевъ считалъ возможнымъ и необходимымъ ходатайствовать за своего начальника; такъ, когда въ 1819 г. Витгенштейнъ поѣхалъ въ Петербургъ, то Киселевъ писалъ туда: «если не честность его нужна и услуги, то нужно Государю сохранить въ своей арміи имя Витгенштейна, для арміи пріятное. Затѣмъ не должно забыть и 12-й годъ, и бѣдность его, и 8 человекъ дѣтей,—небрежность, съ которою обходились и обходятся со старикомъ; онъ все сіе чувствуетъ и боится за всѣмъ тѣмъ быть вынужденнымъ оставить службу, которая ему и дѣтямъ его необходима»¹⁾).

При такомъ положеніи главнокомандующаго и при такомъ отношеніи къ нему высшаго начальства, онъ не могъ пользоваться въ арміи должнымъ значеніемъ и вліяніемъ. Все это, разумѣется, отражалось и на характерѣ его отношеній къ ходу работъ по под-

¹⁾ Заблоцкій-Десятовскій, т. I, стр. 112, письмо Киселева Закревскому отъ 14-го августа 1819 г.

готовкѣ арміи къ походу. При такихъ условіяхъ особое значеніе пріобрѣталъ начальникъ штаба арміи. И дѣйствительно, обстоятельства сложились такъ, что генераль-адъютантъ Киселевъ былъ фактическимъ главнокомандующимъ арміи; это *неписанное* условіе признавалось всѣми—и въ Петербургѣ, и въ арміи. Изъ Петербурга Киселевъ иногда получалъ распоряженія помимо своего непосредственнаго начальника; тонъ отношеній высшей военной власти былъ таковъ, что не допускалъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ сущности Киселевъ былъ главнокомандующимъ 2-й арміи, а Витгенштейнъ только носилъ это званіе. Нерѣдко Киселевъ получалъ Высочайшую благодарность за различныя работы его по благоустройству 2-й арміи, причемъ характеръ этихъ благодарностей былъ такого рода, что давалъ право получавшему ихъ чувствовать, что на него смотрятъ, какъ на фактическаго главнокомандующаго 2-й арміи. Такъ, напримѣръ, 28-го августа 1827 г. Дибичъ писалъ Киселеву, что «Государь Императоръ усмотрѣлъ съ удовольствіемъ, какія Вами сдѣланы распоряженія и, одобряя вполнѣ основательныя предположенія Ваши, въ докладныхъ запискахъ изложенныя, Высочайше таковыя утвердить соизволимъ»¹⁾.

Къ счастью для дѣла. Киселевъ, по свойствамъ своего характера, нисколько не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ и былъ незамѣнимымъ помощникомъ для главнокомандующаго. Но, въ виду вмѣшательства высшаго военнаго начальства во всѣ мелочи распоряженій по подготовкѣ арміи къ походу, значеніе дѣятельности Киселева значительно умалялось. Дѣятельность его, главнымъ образомъ, сводилась къ представленію въ Петербургъ обширныхъ отвѣтовъ на многочисленные запросы и предположенія, сыпавшіеся оттуда. Но тамъ, гдѣ Киселеву не мѣшали, онъ работалъ и много, и съ пользой. Такъ, онъ много сдѣлалъ, чтобы смягчить отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ, въ особенности къ нижнимъ чинамъ; не мало было сдѣлано для улучшенія продовольствія арміи и вообще хозяйственнаго благоустройства ея; имъ сдѣлано не мало для усовершенствованія тактической подготовки войскъ, обремененныхъ въ то время занятіями *по фронтовой части*; онъ организовалъ сборъ свѣдѣній о противникѣ и вообще сдѣлалъ не мало для подготовки арміи и, конечно, сдѣлалъ бы гораздо больше, если бы не встрѣчалъ затрудненія и даже противо-

¹⁾ В. У. А. № 2580, письмо Дибича Киселеву отъ 28-го августа 1827 года, № 118.

дѣйствіе въ Петербургѣ. Таково было положеніе главнокомандующаго и начальника штаба арміи въ мирное время, но оно стало еще затруднительнѣе съ началомъ похода.

Организація управленія арміей въ 1828 году и въ 1829 году. Управление арміей во время похода 1828 года было ввѣрено гр. Витгенштейну, но при арміи находились Императоръ Николай, начальникъ главнаго штаба Его Величества Дибичъ съ этимъ штабомъ, Императорская главная квартира и дипломатическій корпусъ. Присутствіе всѣхъ этихъ лицъ не могло не стѣснять главнокомандующаго и вредно отражалось на его дѣятельности. Въ особенности стѣснительно было для главнокомандующаго присутствіе при арміи Государя; Его Величество войсками не командовалъ, но, находясь на театрѣ войны, невольно вліялъ на ходъ соображеній и распоряженій главнокомандующаго. Вотъ какъ очерчиваетъ Михайловскій-Данилевскій положеніе Витгенштейна во время похода 1828 г. «Графъ Витгенштейнъ съ самаго начала похода увидѣлъ, что онъ находится въ непріятномъ положеніи по причинѣ присутствія Императора, который, какъ монархъ, распоряжался самъ, посредствомъ своего начальника штаба Дибича; сначала совѣтовались съ графомъ Витгенштейномъ, а послѣ ему только стали давать свѣдѣнія о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ. Сіе положеніе до того огорчало фельдмаршала, что онъ нѣсколько разъ говаривалъ въ сердцахъ, когда къ нему пріѣзжали за приказаніями, что онъ ничѣмъ не командуетъ. Такимъ образомъ, это продолжалось во весь походъ, а когда взяли Варну, онъ послалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго» ¹⁾).

Такое ненормальное положеніе главнокомандующаго было сознано Государемъ, который, по окончаніи похода 1828 г., говорилъ Орлову: «при мнѣ все идетъ худо, я болѣе въ армію не поѣду».

По возвращеніи изъ Варны въ Петербургъ, Государь благосклонно принялъ записку генераль-адъютанта Васильчикова, который съ прямодушіемъ стараго война и съ безпощадной откровенностью высказалъ Государю, что одною изъ главныхъ причинъ неудачи похода 28 года было неправильное положеніе главнокомандующаго. «Я начну съ указанія главнѣйшей ошибки, писалъ Васильчиковъ ²⁾), состоящей въ назначеніи фельдмаршала главнокомандующимъ арміи, когда Императоръ командуетъ ею лично; не-

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій, Русская Старина, іюль, 1893 г., стр. 356.

²⁾ В. У. А. № 4445, ч. 1-я, отд. 2-й, Appendu sur la campagne de l'armée 1828.

избѣжное при семъ столкновение властей не можетъ принести пользы дѣлу; новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ; дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и заслуженный, онъ не захочетъ играть роль подобія главнокомандующаго; если же, напротивъ того, выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который позволить съ собою все дѣлать, я не вижу пользы отъ его назначенія. Напрасно мнѣ скажутъ, что Государь не можетъ самъ войти въ частности администраціи арміи и что именно для этого необходимо присутствіе главнокомандующаго. На подобное возраженіе я долженъ дать тотъ же отвѣтъ, что даровитый человѣкъ не пожелаетъ ограничиться исполненіемъ обязанностей интенданта арміи, и что человѣкъ неспособный не въ состояніи управлять ею, но приведетъ къ дезорганизации. Предположивъ даже, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столько же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновение двухъ властей—главнокомандующаго и начальника штаба Его Величества, стѣснить и затруднить его работу; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказаніе главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба Его Величества; онъ будетъ терять время на пустые переговоры, дѣла будутъ накапливаться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности и слѣдствіемъ всего этого явится беспорядокъ. Я имѣлъ случай убѣдиться положительнымъ образомъ въ вѣрности того, что я здѣсь утверждаю, и поэтому я не опасаюсь возраженій. Итакъ, принимая за исходную точку убѣжденіе, что централизація и единство власти есть одно изъ главнѣйшихъ условій существованія хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если Государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое только затрудняетъ движеніе машины».

Императоръ Николай вполне согласился съ мнѣніемъ Васильчикова: оно, какъ мы излагали въ своемъ мѣстѣ, было заслушано въ засѣданіи особаго комитета 19-го ноября 1828 года и, такъ какъ оно вполне согласовалось съ убѣжденіемъ, которое Государь самъ вынесъ изъ участія въ походѣ 1828 г., то при организациіи высшаго управленія арміи на время похода 1829 г. были приняты другія, вполне раціональныя основанія.

Въ этомъ походѣ во главѣ дѣйствующей арміи былъ поставленъ гр. Дибичъ и Государь при арміи уже не находился. Дибичъ пользовался полнымъ довѣріемъ Государя, зналъ обстановку, въ

которой находилась Россія, онъ хорошо зналъ намѣренія Императора Николая, однимъ словомъ, былъ хорошо ориентированъ относительно той обстановки, въ которой ему предстояло дѣйствовать. Относительно же управления арміей и веденія военныхъ дѣйствій, Дибичъ пользовался полной самостоятельностью, которая регулировалась только Высочайше утвержденнымъ планомъ войны, составленнымъ Дибичемъ же, и указаніями, которыя онъ получалъ отъ Государя во время войны. Указанія эти отнюдь не касались частныхъ исполненій, кромѣ немногихъ случаевъ и притомъ по совершенно второстепеннымъ вопросамъ. Указанія, которыя Императоръ Николай давалъ Дибичу, имѣли характеръ совѣтовъ, напоминая въ этомъ отношеніи извѣстныя письма Императора Петра къ Огильви въ періодъ гродненской операціи. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 12-го марта 1829 года, Государь выражалъ большое удовольствіе по поводу занятія Сизополя и считалъ *«необходимымъ и крайне важнымъ»* ¹⁾ утвердиться въ Бургаскомъ заливѣ, напримѣръ, у Миземврии, чтобы дѣйствовать оттуда въ тылъ и во флангъ тѣмъ турецкимъ войскамъ, которыя будутъ сопротивляться переходу нашей арміи черезъ Балканы. «Но все это, писалъ Государь, только мысли, которыя я Вамъ передаю, *но не приказанія*» (подчеркнуто Императоромъ).

Когда Дибичъ нашель, что невыгодно послать въ Бургасскій заливъ значительный отрядъ, чтобы не ослаблять армію, и считалъ, что достаточно прочно утвердиться въ Сизополѣ, то Государь приказалъ Чернышеву, управлявшему въ то время военнымъ министерствомъ, увѣдомить Дибича, что «Его Величество вполнѣ предоставляет Вамъ поступать какъ Вы признаете за лучшее и если при первомъ извѣстіи о занятіи Сизополя Государь приказалъ мнѣ написать Вамъ относительно употребленія 7-й дивизіи, *то это было сдѣлано только какъ сообщеніе мысли, которую Его Величество вполнѣ подчиняетъ Вашимъ собственнымъ соображеніямъ и рѣшеніямъ* ²⁾».

При такомъ положеніи новаго главнокомандующаго и при такомъ отношеніи къ нему Государя, онъ имѣлъ полную возможность дѣйствовать вполнѣ самостоятельно; такимъ образомъ, во время похода 1829 г. вопросъ о высшемъ управленіи арміей былъ

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, письмо Императора Николая Дибичу отъ 12-го марта 1829 г. изъ С.-Петербурга.

²⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 19 марта 1829 г.; подчеркнуто нами.

разрѣшенъ вполнѣ рационально и приходится жалѣть только о томъ, что безъ горькаго урока похода 1828 г., быть можетъ, вопросъ этотъ не былъ бы разрѣшенъ подобнымъ же образомъ.

Что касается до замѣщенія должности начальника штаба арміи, то, какъ мы выяснили въ своемъ мѣстѣ, назначеніе Толя состоялось по личному желанію Государя, но не по выбору главнокомандующаго: однако, это обстоятельство не имѣло никакихъ неблагоприятныхъ послѣдствій и въ теченіе всего похода между главнокомандующимъ и начальникомъ штаба царило полное согласіе и *они жили дружно, какъ родные братья* ¹⁾.

Итакъ, организація высшаго командованія дѣйствующей арміи во время похода 1829 года была разрѣшена вполнѣ рационально.

Сравненіе положенія Если сравнить положеніе двухъ главнокомандующихъ, Витгенштейна въ 1828 году *и гр. Витгенштейна и гр. Дибича, какъ главно-* и Дибича въ 1829 году, то окажется, что по-
командующихъ. положеніе Дибича было несравненно легче. Значеніе Витгенштейна было совершенно ничтожное, онъ въ сущности вовсе не пользовался правами главнокомандующаго и только несъ отвѣтственность по этому званію, причемъ, надо сказать, что современники обвиняли его во всѣхъ нашихъ неудачахъ 1828 года и рѣшительно не отдавали ему справедливости въ томъ, что было безусловно хорошо. Распоряженія дѣлались помимо Витгенштейна, а при неудачѣ въ главной квартирѣ съ досадою говорили—*«mais que fait donc le maréchal!»*

Положеніе Дибича было совсѣмъ иное; ему не только никто не навязывалъ рѣшеній, но при немъ никто не позволялъ себѣ отдавать помимо его распоряженій по арміи и, наконецъ, онъ добился того, что всѣ сношенія шли только черезъ него. Въ запискѣ, поданной имъ Государю изъ Яссы отъ 10-го декабря 1828 г., онъ, между прочимъ, просилъ *«положить общимъ и твердымъ правиломъ, чтобы никому изъ лицъ арміи не давать прямыхъ Высочайшихъ повелѣній, а еще менѣе доносить отъ сихъ лицъ прямо Государю Императору или начальнику главнаго штаба Его Величества, исключая только тѣхъ частей войскъ, кои вовсе отдѣлены отъ арміи»* ²⁾.

За все время похода 1829 г. Государь только разъ обратился помимо Дибича къ двумъ его подчиненнымъ—къ Киселеву и Кра-

¹⁾ Отзывъ ген.-м. Берга (Н. Глиноецкій, исторія русскаго генеральнаго штаба, т. II, стр. 36).

²⁾ Н. Глиноецкій, исторія русскаго генеральнаго штаба. т. II, стр. 35.

совскому, и это обращеніе въ значительной степени оправдывается тѣмъ весьма тревожнымъ настроеніемъ, въ которомъ находился Государь въ виду того, что онъ въ теченіе 17 дней (съ 11 до 28 августа) не получалъ извѣстій отъ Дибича. Это было въ то время, когда Дибичъ находился въ Адрианополѣ и Государь, такъ долго не получая отъ него донесеній, сильно безпокоился за положеніе нашихъ войскъ, ушедшихъ за Балканы. Тогда Красовскому и Киселеву было предложено писать *частныя письма* гр. Чернышеву о томъ, что дѣлается въ ихъ отрядахъ.

Дибичъ былъ крайне недоволенъ такимъ распоряженіемъ, несмотря на то, что Чернышевъ сообщилъ ему о желаніи Государя въ самой предупредительной формѣ¹⁾; онъ отвѣчалъ Чернышеву, что рѣшительно не допустилъ бы такого нарушенія принципа подчиненности. «Единственное дѣйствительное средство, писалъ Дибичъ, избѣгать вредныхъ послѣдствій подобныхъ отношеній, это испросить у Государя, какъ милость, отдать приказаніе этимъ корпуснымъ командирамъ, чтобы они посылали мнѣ копии съ ихъ писемъ и чтобы Вы не иначе отвѣчали имъ, какъ черезъ меня, *не обращая* вниманія на потерю времени, что не составляетъ ничего, сравнительно, съ нарушеніемъ принципа»²⁾. Когда это письмо Дибича было доложено Императору Николаю, то онъ приказалъ отмѣнить свое распоряженіе и въ тоже время сообщить Дибичу «что Его Величество совершенно раздѣляетъ его мнѣніе относительно неумѣстности и даже опасности переписки его подчиненныхъ непосредственно съ главнымъ штабомъ Его Величества и что Его Величество никогда бы не нарушилъ этого принципа безъ той чрезвычайной причины, которая заключалась въ неполученіи извѣстій отъ главнокомандующаго въ теченіе 17 дней³⁾». Это былъ единственный случай, когда принципъ подчиненности былъ нарушенъ, да притомъ же несущественнымъ образомъ, и Дибичъ получилъ блистательное подтвержденіе полного довѣрія Государя, причемъ распоряженіе свое Государь тотчасъ же отмѣнилъ и сдѣлалъ это въ самой предупредительной формѣ.

Что касается личныхъ отношеній Императора къ главнокомандующимъ, то и тутъ была большая разница между Витгенштей-

¹⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 28 августа 1829 г. изъ Царскаго Села.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву отъ 12 сентября 1829 г. изъ Адрианополя.

³⁾ В. У. А. № 961, письмо Чернышева Дибичу отъ 27 сентября 1829 г. изъ С.-Петербурга.

номъ и Дибичемъ. Мы уже видѣли, что еще въ 1819 году Киселевъ писалъ, что съ Витгенштейномъ «*обходились и обходятся небрежно*»; почти тоже было и во время похода 1828 года. Совсѣмъ иначе было въ 1829 году. Относительно Дибича было сдѣлано все, чтобы облегчить его работу и поддержать его нравственныя силы при исполненіи нелегкой задачи, на него возложенной. Какъ сердечно Императоръ Николай относился къ Дибичу, видно изъ cadaго письма Государя къ нему.

Каждое письмо начиналось благодарностью за полученные Государемъ донесенія о ходѣ военныхъ дѣйствій: въ каждомъ письмѣ выражается довѣріе къ распорядительности Дибича, каждое оканчивается необыкновенно милостивыми выраженіями, ласковыми словами и добрыми пожеланіями, которыя Государь выражалъ какъ отъ своего имени, такъ и имени Императрицы. «Моя жена вамъ кланяется», писалъ Императоръ въ каждомъ письмѣ; «да благословить васъ Богъ и да поможетъ онъ вамъ»; «прощайте, дорогой другъ мой, вѣрьте искренности моей дружбы, вашъ на всю жизнь Николай»—вотъ тѣ выраженія, которыми Государь всегда оканчивалъ свои письма къ Дибичу.

Понятно, что такое теплое, сердечное отношеніе къ главнокомандующему должно было производить на него самое благотворное впечатлѣніе; оно должно было поддерживать его увѣренность въ довѣріе Государя, что было такъ важно для успѣха военныхъ дѣйствій.

Совсѣмъ не въ такихъ условіяхъ, какъ мы видѣли, приходилось работать Витгенштейну.

Разработка плана войны для похода 1828 года. Записки о войнѣ съ Турціей составлялись у насъ разными лицами еще задолго до войны 1828—1829 г.г. Такъ напримѣръ, генераль Канкринъ еще въ 1819 году составилъ записку о войнѣ съ Турціей ¹⁾, а въ 1821 г. записку о войнѣ съ Турціей составилъ Дибичъ ²⁾. Но собственно разработка плановъ войны съ Турціей началась съ весны 1826 г., когда нашимъ правительствомъ было принято рѣшеніе добиться отъ Порты исполненія нарушенныхъ ею трактатовъ, даже силою оружія.

Въ маѣ мѣсяцѣ этого года начальникъ главнаго штаба Его Величества, баронъ Дибичъ, сообщилъ главнокомандующему 2-й

¹⁾ Арх. Канц. военнаго министерства, № 426. Mémoire secret sur l'expulsion des turcs de l'Europe.

²⁾ В. У. А. № 198, отд. 4, собственноручная записка Дибича отъ 7-го іюля 1821 г. «о дѣйствіяхъ прогнву турокъ».

арміи, гр. Витгенштейну, «*планъ дѣйствій Россійскихъ войскъ противу Турціи* ¹⁾». Съ этого времени началась кипучая дѣятельность главнаго штаба Его Величества и главнаго штаба 2-й арміи по разработкѣ плана войны. Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Тульчинѣ составлялся цѣлый рядъ «*общихъ предположеній для дѣйствій арміи въ предбудущей кампаніи*», причемъ общій характеръ этихъ работъ можно опредѣлить двумя условіями.

1) Планъ войны составлялся *не главнокомандующимъ, который долженъ былъ привести его въ исполненіе*, а въ главномъ штабѣ Его Величества; штабу дѣйствующей арміи было предоставлено право представлять свои *соображенія* и дѣлать *частныя замѣненія*; тѣ же планы, которые были составлены въ этомъ штабѣ, не удостоивались утвержденія и въ сущности только увеличивали переписку.

2) При составленіи плана войны *не было принято твердаго рѣшенія, чего именно слѣдовало достигнуть, какаѣ цѣли войны и даже съ кѣмъ мы будемъ воевать*. Происходило это отъ того, что до самаго начала похода не была выяснена политическая обстановка, при которой онъ могъ произойти. Намъ даже не было ясно, съ кѣмъ собственно мы будемъ воевать—съ одной-ли Турціей или также съ Австріей. Вслѣдствіе этого, всѣ важнѣйшіе вопросы,—опредѣленіе силы арміи, сосредоточеніе ея на границѣ, выборъ операціоннаго направленія—все это не могло быть рѣшено, пока не было рѣшено, съ кѣмъ мы будемъ воевать. Затѣмъ мы сильно надѣялись, что для понужденія Турціи къ исполненію нашихъ требованій, достаточно будетъ привести на военное положеніе 2-ю армію и приблизить ее къ границѣ съ княжествами. Далѣе вслѣдствіе опасенія, что турки внезапно вторгнутся черезъ Журжево въ княжества и вслѣдствіе желанія защитить Молдавію и Валахію отъ этого вторженія, мы одно время предполагали *только занять княжества и удержать ихъ какъ залогъ, пока турки не исполнятъ нашихъ требованій*. Затѣмъ явилось предположеніе о необходимости занятія части Добруджи до Траянова вала для того, чтобы прикрыть сообщенія нашей арміи, занявшей княжества. Дальнѣйшее наступленіе за Дунаемъ считалось нами неумѣстнымъ, такъ какъ удаляло бы насъ отъ австрійской границы, куда наша армія должна была двинуться, если бы выяснились открыто враждебныя отношенія австрійцевъ къ намъ. Въ виду

¹⁾ В. У. А. № 2592 и № 2591.

возможности, что австрійскія войска войдутъ въ княжества раньше нашей арміи, главнокомандующему было предписано тотчасъ, по полученіи этого извѣстія, вступить въ княжества, хотя бы армія еще не была готова къ походу.

Въ отвѣтъ на такое приказаніе, Витгенштейнъ просилъ доложить Государю, «что не поставивъ армію на военное положеніе, не можно съ надлежащимъ порядкомъ и предожиданнымъ успѣхомъ перейти границу и занять двѣ обширныя провинціи, особенно же тогда, какъ турки съ отмѣнною дѣятельностью въ послѣдніе два мѣсяца поставили дунайскую линію въ надлежащее оборонительное состояніе, непрерывно понинѣ усиливаемое, и когда политическія отношенія наши съ австрійскимъ правительствомъ вовсе еще не достовѣрны и могутъ насъ поставить въ весьма затруднительное положеніе ¹⁾». Такая невыясненность обстановки вызвала со стороны гр. Витгенштейна справедливое замѣчаніе, что онъ предпочиталъ бы видѣть австрійскую армію, соединившуюся съ турецкой, нежели имѣть ее у себя на флангѣ и въ тылу ²⁾. Наконецъ, вопросъ до такой степени усложнился, что 31-го декабря Дибичъ писалъ Витгенштейну относительно возможнаго участія Австріи въ войнѣ, что «она не можетъ не чувствовать, что рѣшаясь препятствовать развѣваться знаменамъ нашимъ въ столицѣ оттомановъ, тѣмъ самымъ подвергается опасности увидѣть оныя въ собственной своей столицѣ. Но, если бы, несмотря на то, сверхъ всякаго чаянія, она показала намъ свою непріязненность, тогда планъ войны восприметъ совсѣмъ другой видъ. Мы тогда должны будемъ, прежде нежели перейти за Дунай, направить главныя дѣйствія наши противъ Австріи ³⁾».

Итакъ, если принять во вниманіе всѣ условія, при которыхъ разрабатывался планъ войны противъ Турціи, то станетъ понятнымъ, что дѣло это было чрезвычайно усложнено и не могло обѣщать хорошаго результата.

Относительно основнй идеи плана войны съ Турціей у насъ было два воззрѣнія. По одному считалось необходимымъ, вести войну, постепенно овладѣвая всѣми дунайскими крѣпостями, за-

¹⁾ В. У. А. № 2574, отношеніе Витгенштейна Дибичу отъ 26-го ноября 1827 г. № 729.

²⁾ В. У. А. № 2563, отношеніе Витгенштейна Дибичу отъ 20-го декабря 1827 г. № 668.

³⁾ В. У. А. № 2563, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 31-го декабря 1827 г. № 267.

тѣмъ, по утверженіи на Дунаѣ, дѣйствовать противъ Шумлы и Варны и только послѣ этого идти за Балканы, причемъ сторонники такого образа дѣйствій считали послѣднюю операцію едва-ли исполнимою. Представители другаго возрѣнія на войну нашу съ Турціей считали, что напротивъ слѣдуетъ придать войнѣ самый рѣшительный характеръ, не распространяться по Дунаю отъ устья этой рѣки далѣе Рущука, вообще не переходить за линію Рущукъ и Шумла, а сосредоточенными силами наступать за Балканы, перейдя ихъ на участкѣ между Шумлой и Чернымъ моремъ, и далѣе идти на Константинополь, гдѣ только и могла быть рѣшена участь войны.

Вліятельнымъ представителемъ такого возрѣнія былъ Дибичъ, обработавшій эту мысль въ запискѣ, составленной имъ 7-го іюля 1821 года. Но когда въ 1828 году пришлось составлять планъ войны противъ Турціи, вслѣдствіе уже принятаго нами рѣшенія понудить ее силою оружія согласиться на наши требованія, то Дибичъ, въ виду сложности политической обстановки и неопредѣленности цѣли, которую мы рѣшили преслѣдовать, по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны, не могъ или быть можетъ не хотѣлъ дать плану войны необходимую ясность.

Въ принципѣ Дибичъ продолжалъ держаться того же взгляда на войну съ Турціей, который имъ былъ выраженъ въ запискѣ отъ 7-го іюля 1821 г. Когда генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, генераль-адъютантъ Сухтеленъ, представилъ свой планъ, въ которомъ не считалъ возможнымъ двинуть армию далѣе линіи Варна—Праводы—Шумла, хотя и дѣлалъ предположеніе, что армія затѣмъ пойдетъ черезъ Балканы, то Дибичъ испестрилъ записку Сухтелена самыми рѣшительными замѣчаніями, какъ напримѣръ, *«нужно идти впередъ»*, *«останавливаться незачѣмъ»* и т. д. ¹⁾.

Цѣлый рядъ записокъ о войнѣ съ Турціей составилъ начальникъ штаба 2-й арміи Киселевъ. Такъ въ запискѣ, составленной 4-го августа 1826 г. въ Москвѣ, во время коронаціи Императора Николая²⁾, Киселевъ указывалъ на необходимость немедленно, въ сентябрѣ того же года, двинуть войска въ княжества, «чтобы захватить средства Молдавіи и Валахіи и лишить турокъ возможно-

¹⁾ В. У. А. № 2514 (А), записка гр. Сухтелена 27-го сентября 1826 г. Москва.

²⁾ Арх. Канц. военнаго министерства, № 395, записка ген.-адъют. Киселева Москва. 4-го августа 1826 г. (на франц. языкѣ).

сти воспользоваться этими средствами для снабженія ихъ дунайскихъ крѣпостей, что приведетъ къ ослабленію защиты ихъ».

Тамъ же, въ Москвѣ, 24-го августа того же года, Киселевъ представилъ новую записку о войнѣ съ Турціей. Записка эта заключала въ себѣ разработанный планъ похода. Въ этой запискѣ Киселевъ предлагалъ совершить весною 1827 г. переправу черезъ нижній Дунай, близъ Тульчи и Исакчи и затѣмъ наступать къ восточному участку Балканскихъ горъ, перейти здѣсь Балканы и наступать далѣе къ Константинополю, пользуясь при всѣхъ этихъ операціяхъ содѣйствіемъ флота, который долженъ былъ подвозить къ арміи припасы и облегчить дѣйствія противъ Константинополя высадкой у Килии ¹⁾.

Въ проектѣ Киселева были подробно разработаны вопросы объ устройствѣ тыла, продовольствованія арміи, медицинской части, сбора свѣдѣній о неприятелѣ и пр.

Затѣмъ осенью 1826 г. Киселевъ представилъ еще одну записку, составленную въ отвѣтъ на «планъ дѣйствій Россійскихъ войскъ противу Турціи», который въ маѣ того-же года былъ присланъ Дибичемъ Витгенштейну ²⁾.

Въ этой запискѣ заключалось предположеніе занять только княжества и часть Болгаріи до Траянова вала.

Такимъ образомъ, предположенія о войнѣ съ Турціей, которыя были составлены осенью 1826 г. заключали въ себѣ двѣ идеи—по одной считалось достаточнымъ занять только княжества, по другой—считали нужнымъ идти за Дунай и придать походу самый рѣшительный характеръ.

Къ этому надо прибавить, что въ тѣ времена мы считали безусловно невозможнымъ вести войну въ Болгаріи зимою и полагали что военныя дѣйствія могутъ начаться только весною, *съ появленіемъ подножнаго корма*.

Въ виду этого, осенью 1826 г. предполагалось возможнымъ занять только княжества, а походъ за Дунаемъ начать весною слѣдующаго года.

Между тѣмъ, осенью 1826 г. намъ удалось заключить Аккерманскую конвенцію, которая была для насъ чрезвычайно выгодна; затѣмъ въ теченіе всей зимы и весны 1827 г. продолжались дипло-

¹⁾ В. У. А. № 2592. «изложеніе нѣкоторыхъ мыслей, относящихся до войны противъ турокъ», ген.-адъют. Киселева.

²⁾ В. У. А. № 2501 (А). рапортъ Киселева Дибичу отъ 22 сентября 1826 г. № 195.

матическіе переговоры, въ результатѣ которыхъ выяснилось, что Порты не исполнить условій этой конвенціи; но такъ какъ въ это время у насъ была война съ Персіей, а съ Англіей и Франціей мы заключили Лондонскій протоколъ, по которому три союзныя державы рѣшили послать свои флоты въ Архипелагъ, то весною 1827 года походъ противъ Турціи не былъ начатъ и продолжались подготовительныя работы. Въ августѣ 1827 г. у насъ было принято рѣшеніе приблизить войска 2-й арміи къ нижнему Дунаю, подъ предлогомъ необходимости усилить кордонъ на нашей границѣ противъ чумы; это былъ только предлогъ для передвиженія войскъ, но «истинная цѣль оныхъ есть заблаговременное приготовленіе къ дѣйствіямъ наступательнымъ, если обстоятельства того требуютъ»¹⁾.

Цѣлью дѣйствій для арміи въ этомъ случаѣ было поставлено занятіе княжествъ, обложеніе Браилова, «а если время и обстоятельства позволятъ и Журжева»; затѣмъ часть войскъ должна была занять нижній Дунай, стараясь овладѣть крѣпостью Исакчи, «буде къ тому будетъ особенная удобность».

Въ такомъ расположеніи армія должна была оставаться всю зиму, такъ какъ дальнѣйшее наступленіе за Дунаемъ считалось возможнымъ только *съ появленіемъ подножнаго корма*.

24 августа 1827 г. Дибичъ прислалъ главнокомандующему новое *общее предположеніе для дѣйствій 2-й арміи*²⁾. Согласно этому новому предположенію первоначальною цѣлью движенія арміи было поставлено занятіе Молдавіи и Валахіи; затѣмъ предполагалось произвести высадку съ дивизіей пѣхоты у Варны или въ Бургасскомъ заливѣ, а далѣе шло изложеніе различныхъ частныхъ, такъ напримѣръ очень подробно были изложены условія производства этой высадки безъ указанія, съ какой цѣлью она дѣлается, *также не была указана и общая цѣль войны*.

На это общее предположеніе главнокомандующій отвѣчалъ Дибичу, что «росписаніе войскъ на корпуса или отряды, заготовленіе продовольствія и военныхъ снарядовъ, равно какъ и многія другія частныя соображенія зависятъ отъ *общей цѣли войны*, которая, не бывъ мнѣ извѣстна, не дозволяетъ опредѣлительно судить о частностяхъ оной. Не менѣе того, въ намѣреніи удовлетворить

¹⁾ В. У. А. № 2595 (А), письмо Дибича Витгенштейну отъ 7 августа 1827 г. № 279.

²⁾ В. У. А. № 2592 (А), рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 24 августа 1827 года № 335.

желанію Вашему, я предположу, что общая цѣль войны съ Турціей долженствуетъ состоять въ томъ, чтобы *заставить оттоманскую Порту согласиться на предложенія ей сдѣланныя, безъ всякаго посторонняго содѣйствія или препятствія*, а для сего война въ отдаленныхъ провинціяхъ недостаточна и медлительная система, коей прежде слѣдовали, принята быть не можетъ. Напротивъ того, надобно быстро перенести театръ военныхъ дѣйствій въ Румелію, овладѣть Цареградомъ или подъ стѣнами его подписать выгодный миръ»¹⁾.

Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе, Дибичъ писалъ главнокомандующему 15 ноября 1827²⁾, что «если турки принудятъ насъ перейти за Прутъ, то сіе первое движеніе наше отнюдь еще на должно вести къ быстрому перенесенію войны за Дунай, чего мы всемѣрно должны избѣгать, сколько по политическимъ видамъ, столько и по собственному Его Величества желанію, коего главная цѣль состоитъ не въ исканіи завоеваній, но единственно въ достиженіи предположеннаго склоненія Порты на сдѣланныя ей отъ союзныхъ державъ предположенія. Посему первое наше движеніе за Прутъ долженствуетъ ограничиться только занятіемъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и сохранить оныя отъ разоренія турокъ, съ одной стороны для того, чтобы имѣя оныя у себя, тѣмъ надежнѣе можно было вести переговоры съ непріятелемъ, а съ другой, что сіи княжества могутъ служить основаніемъ для запасовъ нашихъ».

Итакъ, въ ноябрѣ 1827 г., несмотря на то, что мы готовились къ войнѣ уже въ теченіе полутора лѣтъ (съ мая 1826 г.), несмотря на то, что уже было получено извѣстіе о Наваринской битвѣ, правительство наше все-таки не теряло надежды на успѣшный исходъ переговоровъ и потому на занятіе княжествъ смотрѣло только, какъ *на приобрѣтеніе залога*, который заставилъ бы турокъ быть уступчивѣе. Къ рапорту Дибича былъ приложенъ Высочайше утвержденный планъ войны, согласно которому армія должна была занять княжества; но занятіе это, какъ сказано въ планѣ, «не есть еще объявленіе войны, а составляетъ нашъ залогъ при будущихъ переговорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ служить намъ основаніемъ для учрежденія нашихъ запасовъ съ открытіемъ весны, когда неудача переговоровъ принудитъ къ дальнѣйшему наступленію».

¹⁾ В. У. А. № 2592 (А), отношеніе Витгенштейна Дибичу отъ 31-го октября 1827 г. № 598, изъ Тульчина.

²⁾ В. У. А. № 2578 и № 2592 (А), рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 15 ноября 1827 г. № 515.

Это дальнѣйшее наступленіе раздѣлялось въ планѣ на три періода. «Въ первомъ періодѣ лѣвый флангъ овладѣтъ Кюстенджи и Коварною, дабы обезпечить морской подвозъ и обложить Варну. Главныя силы подступаютъ къ Балканамъ и овладѣвають Шумлою. Резервныя войска, занимая княжества и часть Булгаріи, занимаются блокадою и осадою дунайскихъ крѣпостей постепенно и открываютъ сообщеніе съ сербами».

«Во второмъ періодѣ посылается экспедиція для овладѣнія Бургасомъ; главныя силы переходятъ черезъ Балканы и овладѣють Адрианополемъ, Киркилиссами и Видою. Мидія занимается и укрѣпляется для морскихъ подвозовъ. Часть резервныхъ войскъ, когда минуетъ надобность въ занятіи Молдавіи и Валахіи, занимаетъ Балканы».

«Въ третьемъ періодѣ главныя силы, поддержанныя со стороны моря всѣмъ флотомъ, подступаютъ къ Константинополю. Резервныя же войска прикрываютъ сообщенія ихъ въ Булгаріи и Румеліи».

Этотъ планъ ставилъ широкую задачу главнокомандующему и не стѣснялъ его мелочностью указаній. Но менѣе чѣмъ черезъ полтора мѣсяца, именно 25-го декабря 1827 г. былъ Высочайше утвержденъ новый планъ войны ¹⁾, который по идеѣ былъ одинаковъ съ планомъ, утвержденнымъ 15-го ноября. Различіе заключалось только въ томъ, что въ новомъ планѣ было множество указаній на разныя мелочи исполненія, въ родѣ, напримѣръ, того, гдѣ и какая часть войскъ должна дѣйствовать и пр.; нѣкоторыя подробности поразительны по своей мелочности: такъ, въ планѣ было сказано, «въ Балканахъ можетъ соединиться съ главными силами часть гвардіи», причѣмъ относительно гвардейской кавалеріи было сказано, что ее будетъ $16\frac{1}{3}$ эскадроновъ.

Но и это предположеніе было не послѣднимъ; 20-го февраля 1828 г. главнокомандующему было послано новое Высочайше утвержденное предположеніе ²⁾. Причина, по которой послѣдовало новое измѣненіе, заключалась въ томъ, что *все еще не было выяснено, при какой политической обстановкѣ произойдетъ война съ Турціей*, т. е. какъ къ ней отнесутся западно-европейскія

¹⁾ В. У. А. № 2563, письмо Дибича Витгенштейну отъ 31-го декабря 1827 г. № 267 и при немъ общее предположеніе. Высочайше утвержденное 25-го декабря 1827 года.

²⁾ В. У. А. № 2563 и № 2579, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 20 февраля 1828 г. № 559.

державы, особенно Австрія; вслѣдствіе этого, рѣшено было ограничиться занятіемъ княжествъ, чтобы имѣть въ нихъ, а также на Днѣстръ возможно больше войскъ «до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не примутъ положительный оборотъ, могущій рѣшить движеніе наше за Дунай».

Наконецъ, 22-го марта 1828 г., т. е. за три недѣли до объявленія войны, послѣдовало окончательное распоряженіе о дѣйствіяхъ арміи. А именно, въ этотъ день Дибичъ писалъ главнокомандующему, «что политическія отношенія наши требовали преимущественнѣе: сперва занятія княжествъ, а потомъ перехода Дуная. Нынѣ же, какъ политическія обстоятельства пришли въ большую ясность, то Государь Императоръ соизволилъ утвердить нижеслѣдующія предначертанія» ¹⁾.

Предначертанія эти заключались въ томъ, что 6-й корпусъ долженъ былъ занять Бухарестъ, 7-й корпусъ осадить Браиловъ, а 3-й корпусъ перейти Дунай близъ Измаила, дѣйствовать противъ Тульчи, Исакчи и Мачина и занять Бабадагъ. Въ планѣ этомъ предполагалось, что къ 1-му іюня Браиловъ будетъ взятъ и что къ этому времени 3-й и 7-й корпуса будутъ сосредоточены у Траянова вала. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ арміи ничего сказано не было, равно какъ не указана была и общая цѣль войны. За то въ планѣ этомъ имѣлось множество мелочныхъ подробностей; такъ, напримѣръ, былъ по днямъ указанъ переходъ войскъ черезъ Прутъ, было сказано, что «осадная артилерія приходитъ къ Браилову 29-го апрѣля и начинается осада въ тотъ же день» и пр., хотя, очевидно, нельзя было надѣяться, что эти расчеты оправдаются.

Итакъ, относительно разработки плана похода 1828 г. слѣдуетъ сказать: 1) что планъ этотъ разрабатывался очень долгое время, въ теченіе двухъ лѣтъ; 2) что во время этой разработки вслѣдствіе невыяснившейся обстановки, происходили постоянныя перемѣны въ планѣ войны; 3) что планъ войны разрабатывался въ Петербургѣ въ сущности безъ участія главнокомандующаго, которому разрѣшалось дѣлать частныя измѣненія и представлять свои соображенія, что собственно было одной формальностью; 4) что, въ силу установившихся отношеній между главнымъ штабомъ Его Величества и главнокомандующимъ, присылавшіяся сему послѣднему общія предположенія, обращались въ предписанія, и 5) что, въ концѣ концовъ арміи была поставлена весьма неопре-

¹⁾ В. У. А. № 2563 и № 2579, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 22 марта 1829 г., № 875.

дѣленная задача, сводившаяся къ окупаціи княжествъ и Добруджи до Траянова вала.

Если сравнить такой планъ съ планомъ, Высочайше утвержденнымъ 15 ноября 1827 г., то приходишь къ заключенію совершенно невыгодному къ плану утвержденному 22 марта. Въ планѣ 15-го ноября ставилась широкая задача и цѣлью войны былъ Константинополь, въ планѣ 22 марта дѣло ограничивалось занятіемъ княжествъ и Добруджи до Траянова вала.

По поводу такого плана нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Витгенштейна, *«что война въ отдаленныхъ провинціяхъ недостаточна и что медлительная система принята быть не можетъ»*.

Разработка плана войны для похода 1829 года. Тотчасъ по окончаніи похода 1828 г. началось составленіе предположеній для похода слѣдующаго года.

По прибытіи изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ, Императоръ Николай приступилъ въ письмахъ къ Дибичу, который остался на театрѣ войны, къ обсужденію условій будущаго похода.

Относительно плана этого похода Государь полагалъ полезнымъ не переходить Балканы и признавалъ достаточнымъ удерживать за собою то, что было покорено во время похода 1828 г. и постепенно занять линію Дуная. *«Этотъ планъ кампаніи, писалъ Государь, докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаешь благоразумнымъ и осторожнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который не можетъ привести насъ къ болѣе значительнымъ результатамъ¹⁾»*.

Нѣтъ сомнѣнія, что такое осторожное рѣшеніе относительно плана будущаго похода было принято Государемъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ только что окончившагося, неудачнаго похода, въ которомъ Императоръ принималъ личное участіе. Такое рѣшеніе станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе огромныя жертвы, которыя мы понесли во время похода 1828 года и малые результаты, нами достигнутые; если къ этому прибавить сильное разочарованіе, которые мы должны были испытать послѣ неудачнаго похода, начатаго съ самыми свѣтлыми надеждами на быстрый и рѣшительный успѣхъ, и если, наконецъ, принять въ расчетъ огромную отвѣтственность, которую мы брали на себя, начиная новый

¹⁾ В. У. А. № 2895 (А), письмо Императора Николая I Дибичу отъ 10-го ноября 1828 года.

походъ рѣшительнымъ образомъ. Государь не только предполагалъ держаться осторожнаго образа дѣйствій въ будущемъ походѣ, но питалъ надежду, что можетъ быть, дѣло обойдется и безъ новой войны; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ Дибичу отъ 16 октября онъ высказывалъ свои соображенія о будущемъ походѣ на тотъ случай, «если нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи ¹⁾».

Но рѣшеніе Государя было не окончательное. Когда Императоръ вернулся въ Петербургъ, генераль-адъютантъ Васильчиковъ представилъ Его Величеству записку ²⁾, въ которой, съ безпощадной откровенностью, высказалъ Государю свое мнѣніе о причинахъ нашихъ неудачъ во время похода 1828 года.

Государь, благосклонно отнесясь къ запискѣ генераль-адъютанта Васильчикова, собралъ 19 ноября 1828 г. подъ своимъ предсѣдательствомъ комитетъ, въ который были приглашены графъ В. Б. Кочубей, графъ Чернышевъ и генераль-адъютанты Толь и Васильчиковъ.

Въ этомъ комитетѣ рѣшено было совершить переходъ черезъ Балканы и «воспользоваться терроромъ, вызваннымъ подобнымъ событіемъ въ Константинополѣ, чтобы открыто предложить или предписать миръ, или же приготовить новое, еще болѣе грозное, наступленіе».

Для исполненія такого плана рѣшено было назначить не болѣе 110,000—120,000 человекъ.

Относительно силы арміи въ комитетѣ мнѣнія раздѣлились; «нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили желаніе довести численность войскъ нашихъ для будущей кампаніи до 200,000 чел. или по меньшей мѣрѣ до 170,000 чел., заявляя что съ меньшими силами трудно предпринять какія либо рѣшительныя дѣйствія».

Но Государь, «признавая несомнѣнность выгодъ, могущихъ произойти отъ требуемаго увеличенія арміи, замѣтилъ, что (отстраняя политическія соображенія) опытъ, пріобрѣтенный въ истекшей кампаніи, равно какъ знакомство съ мѣстностью, гдѣ этимъ войскамъ предстоитъ дѣйствовать, достаточно доказалъ не только громадныя затрудненія, но даже почти совершенную невозможность кормить и продовольствовать столь значительныя силы на правомъ

¹⁾ В. У. А. № 2895 (А), письма Императора Николая I Дибичу отъ 16 октября 1828 г. изъ Могилева, на пути изъ дѣйствующей арміи въ Петербургъ.

²⁾ В. У. А. № 4445, ч. 1-я, отд. 2-й, *Apperçu sur la campagne de l'année 1828.*

берегу Дуная; притомъ для снаряженія всѣмъ необходимымъ даже и того числа войскъ, которое предназначено къ дѣйствию, придется употребить громадныя усилія и прибѣгать къ совершенно исключительнымъ мѣрамъ».

Такимъ образомъ, рѣшили, что армія будетъ силою не болѣе 120,000 чел., а за основную идею похода приняли положеніе, *«что только смѣлые и неожиданныя удары могутъ поражать народъ, подобный туркамъ»*.

Въ виду этого дѣйствія нашихъ войскъ должны были получить рѣшительное направленіе, т. е. рѣшено было отнюдь не ограничиваться покореніемъ дунайскихъ крѣпостей, а идти за Балканы и тамъ, въ виду Царьграда или въ самомъ Царьградѣ, предписать Турціи миръ ¹⁾.

Пока происходило обсужденіе вопроса о планѣ будущаго похода въ Петербургѣ, тѣмъ же вопросомъ занимался и Дибичъ въ Яссахъ. Дѣломъ этимъ Дибичъ занимался давно. Еще въ 1819 году онъ велъ переписку съ Киселевымъ о дѣйствіяхъ противъ турокъ и между прочимъ очень интересовался вопросомъ о проходимости Балканъ. Въ 1821 году, какъ мы уже говорили, онъ составилъ записку о войнѣ съ Турціей, въ которой указывалъ на необходимость вести войну самымъ рѣшительнымъ образомъ и цѣлью дѣйствій поставить Константинополь ²⁾. «Уже одни политическія обстоятельства заставляютъ желать, писалъ Дибичъ, чтобы мы овладѣли Царьградомъ, прежде всякой другой державы».

Для исполненія этого плана Дибичъ считалъ необходимымъ, имѣть пять пѣхотныхъ корпусовъ и одинъ кавалерійскій; походъ начать 1 марта; занять княжества, обложить Браиловъ и переправить часть арміи черезъ Дунай между Измаиломъ и Галацомъ. 10 апрѣля переправить черезъ Дунай главныя силы арміи, обложить Силистрію и Русчукъ, и начать осаду Варны при содѣйствіи флота. Затѣмъ взять и обложить Шумлу и идти черезъ Балканы тремя колоннами на Сливно, Карнабатъ и Факи. Далѣе слѣдовалъ походъ на Адрианополь и, послѣ взятія его, наступленіе главныхъ силъ къ Константинополю, а отдѣльнаго отряда для занятія Дарданелль. Черноморскій флотъ долженъ былъ помочь дѣйствіямъ арміи противъ Царьграда, а грузинскій корпусъ долженъ былъ дѣйствовать въ Малой Азіи и отвлекать часть турецкихъ силъ.

¹⁾ В. У. А. № 4445, Mémoire sur les discussions du 19 Novembre 1829.

²⁾ В. У. А. № 198, отд. 4, записка Дибича отъ 7-го іюля 1821 г.

Вотъ какое предположеніе для похода составилъ Дибичъ еще въ 1821 году; но осенью 1828 года онъ уже не держался такого взгляда.

26 октября этого года Дибичъ составилъ записку о войнѣ съ Турціей, въ которой онъ говорилъ, что въ основаніе плана войны могутъ лечь двѣ идеи.

1) Наступать вдоль берега Чернаго моря съ цѣлью занять Бургасъ и сильно тамъ укрѣпиться; затѣмъ обстоятельства укажутъ, что дѣлать дальше; къ сѣверу отъ Балканъ взять Силистрію и наблюдать за Шумлой.

2) Наступать вверхъ вдоль Дуная и соединиться съ сербами ¹⁾).

Выполненіе первой идеи Дибичъ считалъ рискованнымъ, въ особенности онъ считалъ таковымъ предпріятіе по ту сторону Балканъ; выполненіе второй идеи Дибичъ считалъ менѣе рискованнымъ; цѣль войны, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ достигалась съ меньшими усиліями и войска не удалялись отъ австрійской границы, «*что было далеко не лишнее*».

Изъ этого уже видно, что Дибичъ держался совсѣмъ не того взгляда на характеръ военныхъ дѣйствій противъ Турціи, какой былъ высказанъ имъ въ запискѣ 1821 г.; кромѣ того, вмѣсто одного, опредѣленнаго рѣшенія, изложеннаго Дибичемъ въ этой запискѣ, онъ предлагаетъ два плана дѣйствій, причемъ оба эти плана отличаются излишней осторожностью и доказываютъ, что авторъ ихъ колеблется и не знаетъ, что собственно нужно дѣлать. Колебанія эти, какъ мы увидимъ далѣе, имѣли особое основаніе и были въ связи съ мнѣніемъ, высказаннымъ Императоромъ Николаемъ о будущемъ походѣ, тотчасъ послѣ окончанія кампаніи 1828 года. Отмѣтимъ только, что записка Дибича отъ 27 октября есть прямой отвѣтъ на письмо Государя отъ 16 октября изъ Могилева, изъ котораго Дибичъ могъ видѣть, что Государь не сочувствуетъ рѣшительному образу дѣйствій въ будущемъ походѣ и даже надѣется, что, быть можетъ, войны не будетъ.

Получивъ письмо Государя отъ 10 ноября, въ которомъ онъ вполне опредѣленно говорилъ, что *считалъ полезнымъ не переходить Балканы* и вообще военныя дѣйствія во время похода 1829 г. *вести самымъ осторожнымъ образомъ*, Дибичъ не только не возражалъ Государю, но одобрялъ всѣ предположенія относительно обреченія арміи на атаку Дунайской оборонительной линіи.

¹⁾ В. У. А. № 5324 и Арх. Канц. военнаго министерства № 215'23, записка Дибича «sur la campagne de 1829» отъ 26 октября 1828 г.

Очевидно, что это было сдѣлано съ единственной цѣлью, чтобы не противорѣчить Государю и вопреки собственнаго убѣжденія, которое выразилось, и въ запискѣ 1821 г., и при составленіи плана похода 1828 г., и въ представленномъ Дибичемъ окончательномъ планѣ войны 1829 г., какъ мы это увидимъ далѣе.

Притворяясь, что онъ вполне соглашается съ мнѣніемъ Государя, Дибичъ все-таки позволялъ себѣ сдѣлать попытку придать походу 1829 г. хотя нѣсколько рѣшительный характеръ: а именно, онъ предлагалъ овладѣть во что бы то ни стало Шумлой при помощи штурма. Но, зная, что Государь рѣшительно высказался въ пользу осторожныхъ дѣйствій, Дибичъ старался замаскировать свои намѣренія чрезвычайно страннымъ образомъ и о штурмѣ Шумлы писалъ Государю въ слѣдующихъ выраженіяхъ: *«это вполне оборонительное и даже въ нѣкоторой степени наступательное движеніе главныхъ силъ доказало бы самымъ яснымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и принятую систему дѣйствій»* ¹⁾.

Въ тотъ же день 25-го ноября 1828 г. Дибичъ представилъ Государю записку, въ которой, также замаскировывая свои намѣренія, онъ съ большою осторожностью вновь говорилъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ, излагая свое мнѣніе такъ, какъ будто дѣло идетъ объ оборонѣ.

Говоря о дѣйствіяхъ арміи въ предбудущей кампаніи, Дибичъ писалъ: *«дѣйствія сіи направлять преимущественнѣе для распространенія базиса нашего по теченію Дуная, сохраняя къ сторонѣ Балканъ положеніе оборонительное въ мѣстахъ нами уже покоренныхъ, дѣлая, по возможности, въ Румелію частыя экспедиціи; наиболѣе же десанты съ флотомъ вмѣстѣ»*. Это выраженіе—*«сохраняя къ сторонѣ Балканъ положеніе оборонительное»*, собственно означало сосредоточеніе двухъ корпусовъ въ Варнѣ и занятіе Камчика тремя дивизіями пѣхоты, которыя *«въ семъ положеніи ожидаютъ какого-либо наступательнаго движенія турокъ, дабы соединенными силами напасть на нихъ»*. Очевидно, что при такомъ расположеніи всегда можно было найти предлогъ къ переходу въ наступленіе; слѣдовательно, *«положеніе оборонительное»* было ничто иное, какъ замаскированіе истинныхъ намѣреній Дибича.

¹⁾ В. У. А. № 4445, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 25-го ноября 1828 г. изъ Ясы; подчеркнуто нами.

Но и на этомъ Дибичъ не останавливался и разбиралъ тотъ случай, если бы турки не двинулись съ мѣста. «Но если бы такого наступленія не послѣдовало, писалъ онъ, то съ одной дивизіей слѣдовало сдѣлать высадку въ Бургасъ, а тремя дивизіями поддержать сей десантъ движеніемъ въ Балканы за Камчикъ» ¹⁾).

Такимъ образомъ, постепенно и осторожно Дибичъ увлекаетъ читателя своей записки далѣе, къ югу; *начавъ съ Дуная, онъ кончаетъ движеніемъ въ Балканы*, начавъ съ обороны, онъ кончаетъ наступленіемъ. Для этихъ дѣйствій Дибичъ предлагалъ назначить два корпуса, т. е. половину арміи. Изъ этихъ данныхъ видно, что Дибичъ въ запискѣ отъ 26-го октября колебался между двумя планами и считалъ движеніе за Балканы рискованнымъ, а въ запискѣ отъ 25-го ноября онъ высказываетъ въ осторожной формѣ предположеніе о возможности дѣйствій за Балканами, но не далѣе Бургаса. Изъ этого видно, что Дибичъ все еще скрывалъ отъ Государя тотъ планъ, который онъ лелѣялъ еще въ 1819 году и выразилъ въ запискѣ 1821 года. Все это происходило потому, что Дибичъ, по свойствамъ своего характера, гибкаго и неискренняго, не считалъ возможнымъ высказать Государю свое мнѣніе съ должной откровенностью, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Васильчиковъ, и на что Государь имѣлъ полное право рассчитывать, оказывая Дибичу полное довѣріе и высказывая ему свои взгляды съ полной откровенностью; но Дибичъ отвѣчалъ на это Государю не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало. А казалось бы, что то положеніе, которое занималъ Дибичъ, и то особенное довѣріе, которое ему оказывалъ Государь, давали ему *право* и налагали на него *обязанность* быть въ свою очередь откровеннымъ съ Государемъ или, по крайней мѣрѣ, искреннимъ.

Дѣло въ томъ, что Дибичъ не зналъ при составленіи упомянутыхъ нами записокъ, что въ Петербургѣ въ это время произошелъ переворотъ во мнѣніяхъ и что тамъ принято было рѣшеніе дать походу самый энергическій характеръ; этимъ однимъ объясняется то обстоятельство, что онъ въ своихъ проектахъ писалъ о томъ, чему вовсе не сочувствовалъ. Невѣдѣніе Дибича о рѣшеніи, принятомъ въ Петербургѣ, продолжалось еще до половины декабря,

¹⁾ Арх. канц. военнаго министерства, № 404, всеподданнѣйшая записка Дибича отъ 25-го ноября 1828 г.

что видно изъ его записки, составленной 11-го декабря ¹⁾, въ которой онъ говорилъ о будущемъ походѣ въ такомъ духѣ, какъ будто уже рѣшено не идти далѣе Балканъ, а затѣмъ говорилъ о подготовкѣ зимнихъ квартиръ на зиму 29—30 годовъ въ мѣстности *сѣвернѣе Балканъ*; вообще записка эта была составлена подъ вліяніемъ письма Императора Николая отъ 10-го ноября 1828 г., о которомъ мы говорили выше.

Какъ человекъ гибкій, Дибичъ до поры до времени скрывалъ свои намѣренія даже отъ Государя, но когда онъ узналъ о рѣшеніи, принятомъ въ Петербургѣ, то представилъ записку, въ которой изложилъ въ сущности тоже самое, что имъ было высказано въ запискѣ 1821 г., хотя не въ такой рѣшительной формѣ ²⁾. Записка эта была слѣдующаго содержанія.

Оцѣнка плана похода 1829 г. «Главный предметъ дѣйствій будущей кампаніи, писалъ Дибичъ, состоитъ въ томъ, чтобы овладѣть Силистріею, какъ твердымъ пунктомъ переправы на среднемъ Дунаѣ и Журжею съ Тырновымъ ³⁾ для совершеннаго очищенія и прикрытія обоихъ княжествъ; потомъ значительными силами проникнуть черезъ Балканы и овладѣть Айдосомъ и всѣми укрѣпленными мѣстами на Бургаскомъ заливѣ. Взятіе Шумлы, столь полезное по вліянію, которое оно должно произвести, будетъ зависѣть отъ того, какъ она занимаема будетъ непріателемъ, но не полагается необходимымъ для окончанія кампаніи. Равномѣрно въ случаѣ рѣшительнаго успѣха, можно и должно распространить наше наступленіе за Балканы до Факи и Карнабата и вдоль берега Чернаго моря, хотя бы до самой Инады съ истребленіемъ Сумаковскихъ заводовъ. Со стороны верхняго Дуная полагается только взять Журжу и Турно и дѣйствовать оборонительно въ Малой Валахін».

Вотъ сущность плана, составленнаго Дибичемъ 8 января 1829 года. Въ этомъ планѣ нѣтъ уже и рѣчи о *«преимущественномъ распространеніи базиса нашего по Дунаю»*; дѣйствія не только у Бургасскаго залива, но и далѣе за Балканами, уже не считаются *рискованными* и хотя въ немъ нѣтъ той рѣшительности, какъ въ запискѣ 1821 г., но все же армія получаетъ широкую задачу, вмѣсто *медлительной войны, въ отдаленныхъ провинціяхъ*.

¹⁾ В. У. А. № 2577, рапортъ Дибича Витгенштейну отъ 12-го декабря 1828 г. № 2734, изъ Яссы, съ приложеніемъ записки отъ 11-го декабря того же года.

²⁾ В. У. А. № 5324, записка гр. Дибича отъ 8-го января 1829 г., о кампаніи 1829 г.

³⁾ Т. е. Турно, противъ Никополя.

Въ запискѣ отъ 8 января подробно излагаются соображенія о дѣйствіяхъ различныхъ частей арміи, а также и Черноморскаго флота и предусмотрѣны возможныя стратегическія комбинаціи. Особый интересъ представляетъ одинъ пунктъ этой записки, изъ котораго видно, что возможность наступательнаго движенія нашихъ войскъ изъ—подъ Силистріи, приведшаго къ Кулевчинскому бою, была предвидѣна Дибичемъ еще 8 января. «Если непріятель, писалъ Дибичъ, собираетъ свои силы въ Русчукъ или Шумлъ, то, продолжая осаду Силистріи съ великою дѣятельностью, приготовить все, дабы быстрымъ наступательнымъ движеніемъ напасть на какую-либо часть и преимущественно на Шумлу до соединенія ихъ».

Этого плана и держался Дибичъ въ 1829 г., нѣсколько видоизмѣнивъ его, сообразно обстоятельствамъ. Походъ начался осадой Силистріи, во время которой, узнавъ о движеніи визиря изъ Шумлы къ Праводамъ, Дибичъ двинулся противъ него и разбилъ его при Кулевчѣ; затѣмъ, заслонившись отъ Шумлы, онъ перешелъ Балканы и занялъ линію Бургасъ, Айдосъ, Карнабатъ и Сливно. Получивъ подкрѣпленія, онъ пошелъ на Адрианополь, а когда турки затагнули переговоры—онъ выдвинулся къ Константинополю. Весь походъ отъ обложенія Силистріи (5 мая) до занятія Адрианополя (8 августа) продолжался три мѣсяца, а до заключенія мира (2 сентября) прошелъ еще мѣсяцъ, всего 4 мѣсяца.

Что касается до силъ дѣйствующей арміи, то Дибичъ считалъ необходимымъ имѣть 4 пѣхотныхъ корпуса и 1 кавалерійскій. Но затѣмъ онъ нашелъ, что этого недостаточно и просилъ усилить армію резервными войсками. По этому вопросу онъ писалъ государю 24 марта¹⁾ что «обширность поприща дѣйствующею арміею занимаемаго, усилія предстоящія ей въ наступающую кампанію, не только къ разбитію силъ непріятельскихъ и овладѣнію новыми странами, но еще и къ охраненію мѣстъ уже занятыхъ, побуждаютъ обратить вниманіе на малочисленность войскъ дѣйствующихъ, въ сравненіи съ предназначенною имъ цѣлью и съ пространствомъ, охраненію ихъ порученнымъ».

Но государь рѣшительно не согласился съ необходимостью усилить дѣйствующую армію и отвѣчалъ Дибичу, что у него имѣется совершенно свободныхъ $7\frac{2}{3}$ дивизій пѣхоты и 4 дивизіи конницы и что въ августѣ онъ получитъ 60 резервныхъ баталіоновъ, силою не менѣе 36,000 чел.

¹⁾ В. У. А. № 4145, ч. 2-я, записка Дибича, отъ 24 марта 1829 г.

Какъ мы уже знаемъ, вопросъ о силѣ арміи былъ уже рѣшенъ въ комитетѣ 19 ноября 1828 г. и государь считалъ тогда невозможнымъ назначить болѣе 120,000 чел., какъ по политическимъ причинамъ, такъ и потому, что трудно было продовольствовать болѣе значительныя силы за Дунаемъ. Поэтому государь рѣшительно отказалъ Дибичу въ его просьбѣ объ усиленіи арміи и писалъ ему: «я не могу не найти страннымъ, что вы считаете ваши средства недостаточными; потрудитесь-же не возвращаться къ этому вопросу»¹⁾). Нельзя не замѣтить, что къ началу похода 1829 г. въ арміи было на лицо пѣхоты, кавалеріи регулярной и казаковъ, считая только строевыхъ, всего 75,000 чел., а съ артиллеристами, піонерами и всѣми нестроевыми численность арміи доходила до 145,000 чел.; но конечно для военныхъ дѣйствій имѣла значеніе только первая цифра. Однако, въ концѣ мая государь измѣнилъ свое рѣшеніе и приказалъ усилить дѣйствующую армію резервами, а получивъ извѣстіе о Кулевчинской побѣдѣ, государь приказалъ ускорить отправленіе этихъ резервовъ. Но они прибыли къ арміи только въ теченіе августа. *Такимъ образомъ, вмѣсто выступленія арміи сразу въ сильномъ составѣ, она получала подкрѣпленія постепенно.*

Проекты плановъ похода 1829 г., кромѣ Дибича, были составлены еще многими лицами; надъ этимъ вопросомъ работали Жоми-ни, Довре, гр. Виттъ, Киселевъ и др. Изъ числа этихъ работъ наибольшее значеніе должна-бы была имѣть работа Киселева, какъ начальника штаба арміи, но на самомъ дѣлѣ этого не было, ибо еще осенью 1828 г. было принято рѣшеніе уволить гр. Витгенштейна отъ должности главнокомандующаго и наиболѣе вѣроятнымъ кандидатомъ на должность главнокомандующаго оказался Дибичъ, при которомъ Киселевъ уже не остался-бы начальникомъ штаба.

Такимъ образомъ, планъ похода 1829 г., въ противность тому, что было въ 1828 г., былъ выработанъ *самимъ главнокомандующимъ и имъ-же приведенъ въ исполненіе.*

Особенность плановъ походовъ 1828 г. и 1829 г. состоитъ въ томъ, что въ нихъ *совершенно игнорируются силы непріятели и группировка ихъ на театръ войны.* Вопросы о численности нашей арміи, о сосредоточеніи ея на границѣ, о выборѣ предмета дѣйствій и операціонной линіи, были разработаны съ большей или

¹⁾ В. У. А. № 2895, (6) отд. 2, письмо императора Николая Дибичу отъ 3 апрѣля 1829 г. изъ С.-Петербурга.

меньшей обстоятельностью, но вопросъ о силахъ непріятеля отсутствовалъ или рѣчь шла только о томъ сопротивленіи, которое турки могли намъ оказать въ крѣпостяхъ, какъ будто сраженій въ открытомъ полѣ и быть не могло. Вообще свѣдѣнія о непріятельскихъ силахъ и о томъ, какъ непріятель будетъ дѣйствовать, совершенно не отличались даже приблизительной точностью, въ особенности передъ походомъ 1828 г. и во время его. Свѣдѣнія, которыя имѣлъ Дибичъ передъ началомъ похода 1829 г., были болѣе опредѣленны и довольно близки къ дѣйствительности. А именно, Дибичъ считалъ, что въ Силистріи, которая составляла первый предметъ дѣйствій нашей арміи, было около 15,000 чел. (что было совершенно вѣрно); въ Русчукъ—отъ 10 до 12,000 чел. (что также было довольно вѣрно); въ Шумлѣ—отъ 30 до 50,000 челов. (тамъ было около 40,000); далѣе Дибичъ считалъ, что на Камчаткѣ турки не имѣли много войска (что и было въ дѣйствительности); затѣмъ онъ считалъ, что турки имѣли въ Никополѣ отъ 10 до 12,000 чел. и столько-же между Разградомъ и Тырновымъ, причемъ здѣсь была большею частью конница: затѣмъ намъ не было извѣстно, сколько было войскъ у Адрианополя и Константинополя и вообще въ Румелии. То условіе, что главная масса турокъ была въ Шумлѣ, стало намъ извѣстно только передъ самымъ началомъ похода, но еще въ мартѣ мы были увѣрены, что главныя силы турокъ сосредоточены между Русукомъ и Виддиномъ. Затѣмъ мы полагали, что у Скорскаго наши было до 12,000 чел., что было совершенно невѣрно.

Во время похода Дибичъ имѣлъ еще менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о непріятелѣ, въ особенности послѣ перехода черезъ Балканы, когда онъ всюду ожидалъ встрѣтить сильное сопротивленіе (Айдось, Карнабатъ, Сливно), а между тѣмъ въ дѣйствительности силы турокъ въ этихъ мѣстахъ были невелики.

Сравненіе характера работъ къ походу 1828 г. и къ походу 1829 г.

Какъ мы уже знаемъ, длинный періодъ *подготовительныхъ работъ къ походу 1828 г.* отличался обширностью переписки, производившейся по всѣмъ вопросамъ подготовки арміи,

сложностью этой работы, вмѣшательствомъ высшихъ военныхъ управленій въ это дѣло, недовѣріемъ къ главнокомандующему и стремленіемъ какъ можно меньше истратить денегъ при приведеніи арміи на военное положеніе.

Послѣ похода 1828 г. тотчасъ же начались работы по подготовкѣ арміи къ новому походу, по исправленію всего испорчен-

наго во время только что окончившейся кампаніи и пополненію всѣхъ недостатковъ въ арміи. Эти работы продолжались до самаго выступленія арміи въ походъ весною 1829 г., т. е. до конца апрѣля. По характеру производства этихъ работъ, ихъ можно раздѣлить на два періода: до назначенія Дибича главнокомандующимъ (9-го февраля 1829 г.) и послѣ его назначенія.

Въ первомъ періодѣ работы производились Витгенштейномъ, но, такъ сказать, подъ руководствомъ Дибича, который оставался при арміи и, какъ начальникъ главнаго штаба Его Величества и довѣренное лицо Государя, имѣлъ большое вліяніе на дѣла и вмѣшивался во всѣ распоряженія главнокомандующаго. При такихъ условіяхъ главнокомандующій не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ всѣ знали и чувствовали, что дѣйствительнымъ главнокомандующимъ былъ Дибичъ.

Совсѣмъ иначе пошли дѣла съ назначеніемъ Дибича; съ этого времени всѣ распоряженія по подготовкѣ арміи производились по его приказанію и никто не вмѣшивался въ ходъ этихъ работъ.

Такое измѣненіе тотчасъ же сказалось на дѣлѣ, такъ какъ въ короткій промежутокъ времени между назначеніемъ Дибича (9-го февраля, вступилъ въ командованіе 16-го февраля) и началомъ похода (конецъ апрѣля), всего въ теченіе 2½ мѣсяцевъ, было сдѣлано больше, чѣмъ въ два года *приготовленія* 2-й арміи къ походу 1829 г. При этомъ нельзя не отмѣтить существенную особенность при производствѣ всѣхъ работъ передъ походомъ 1829 года. Это — отсутствіе излишняго, неумѣстнаго и крайне вреднаго стремленія истратить какъ можно меньше средствъ на подготовку арміи къ походу. Въ 1829 году мы уже не замѣчаемъ такой неумѣстной бережливости. Въ результатѣ, все, что можно было сдѣлать на деньги, было сдѣлано, и въ этомъ отношеніи армія была лучше подготовлена къ походу, чѣмъ весною 1828 года. Однако, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ, хотя многое было сдѣлано, но далеко не все, а нѣкоторые пробѣлы и не могли быть устранены, какъ на примѣръ недостатокъ личнаго состава начальниковъ и офицеровъ и неудовлетворительность тактическаго обученія войскъ.

Значеніе общаго направленія обученія войскъ до войны 1828—29 гг. и оцѣнка дѣйствій нашихъ войскъ во время этой войны.

Характеръ общаго направленія обученія войскъ до войны 1828—29 гг. можно опредѣлить такъ: *войска учили не тому, что они должны дѣлать на войнѣ.*

Понятно, что при такомъ характерѣ обученія войскъ невозможно было надѣяться, чтобы войска эти могли съ успѣхомъ дѣйствовать на войнѣ. Вся система обученія войскъ сводилась къ тому, какъ будто имѣли цѣлью создать бездушныхъ автоматовъ, способныхъ съ изумительной точностью продѣлывать въ манежахъ и на ровныхъ плацахъ различныя сложныя движенія и перестроенія. Отъ начальниковъ и офицеровъ ничего другого не требовалось, какъ знанія уставныхъ мелочей. Верхомъ совершенства обученія войскъ считалась стройность сомкнутыхъ движеній и безукоризненное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

Таковъ былъ общій духъ обученія войскъ, хотя въ программы занятій входило и обученіе *разсыпному строю, и обученіе цѣльной стрѣльбѣ* въ пѣхотѣ и артилеріи, и *производство маневровъ*; но всѣ эти послѣднія занятія не пользовались сочувствіемъ вышшаго начальства и на нихъ удѣлялось очень немного времени.

Если къ этому прибавить слабую подготовку офицеровъ въ тактическомъ отношеніи, то станетъ понятнымъ, что успѣхъ дѣйствій нашихъ войскъ, даже противъ турокъ, далеко не былъ обезпеченъ надлежащимъ образомъ. Помимо того, что обученіе нашихъ войскъ не соотвѣтствовало современнымъ боевымъ условіямъ, было еще одно обстоятельство, вслѣдствіе котораго намъ трудно было рассчитывать на успѣхъ дѣйствій именно противъ турокъ, несмотря на все несовершенство ихъ новой арміи, лишившейся всѣхъ старыхъ преимуществъ и не успѣвшей еще привыкнуть къ новымъ порядкамъ, введеннымъ султаномъ Махмудомъ, и болѣе чѣмъ на половину состоявшей изъ иррегулярныхъ полчищъ. Это обстоятельство заключалось въ томъ, что войска наши преимущественно обучались дѣйствіямъ густыми массами на ровныхъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ въ турецкомъ походѣ имъ предстояло дѣйствовать или противъ крѣпостей, или на мѣстности пересѣченной и гористой; въ обоихъ случаяхъ густыя массы и стройныя движенія были неумѣстны. Затѣмъ у насъ были выработаны особыя боевыя порядки противъ турокъ; въ видѣ большихъ каре, расположенныхъ шахматами; такой боевой порядокъ былъ выработанъ на основаніи опыта прежнихъ войнъ съ турками, но при этомъ было упущено изъ виду, что въ тѣ времена мы сражались съ турками въ равнинахъ придунайскихъ, между тѣмъ какъ въ новомъ походѣ намъ предстояло дѣйствовать въ болѣе пересѣченной и гористой мѣстности. Наконецъ, эти боевыя порядки были основаны на томъ, чтобы держаться противъ турокъ оборо-

нительно, а это въ предстоявшей войнѣ было совершенно неумѣстно, тѣмъ болѣе, что турки уже не имѣли той многочисленной и лихой конницы, которая ураганомъ бросалась на противника и заставляла его строиться въ каре. А между тѣмъ, у насъ составлялось множество проектовъ боевыхъ порядковъ противъ турокъ, основанныхъ на томъ, чтобы строить большія каре и держаться оборонительно. Всѣ эти проекты могутъ служить лишь прекраснымъ указаніемъ, какъ въ тѣ времена мало имѣли значеніе уроки недавняго прошлаго и какъ велико было увлеченіе къ массивованію войскъ, вмѣсто того, чтобы обучать ихъ разсыпному строю и дѣйствию небольшими колоннами, что неизбѣжно было необходимо на такой мѣстности, какъ сѣверо-восточная Болгарія и хребетъ Балканскихъ горъ. Эти неблагоприятныя условія, разумѣется, отразились на дѣйствіяхъ нашихъ войскъ во время похода. Дѣйствія 1828 года почти исключительно происходили подъ крѣпостями, на мѣстности большей частью пересѣченной; такъ въ особенности было подъ Варной; затѣмъ пѣхота производила обширныя фортификаціонныя работы (осада Браилова, Силистріи, Варны, редуты подъ Шумлой); при всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ ни каре, ни стройныя движенія не примѣнялись и не могли примѣняться. Горькимъ опытомъ похода 1828 г., который, впрочемъ, послужилъ для насъ благодѣтельнымъ урокомъ, убѣдились мы въ необходимости иначе поставить обученіе войскъ. И вотъ въ теченіе зимы 1828—29 гг. приказано было заниматься обученіемъ войскъ, *«въ особенности разсыпному строю и стрѣльбою въ цѣль»*.

Но, разумѣется, въ короткое время нельзя было и думать достигнуть сносныхъ результатовъ при той привычкѣ къ *фронтальной части*, которая господствовала въ нашихъ войскахъ съ 1796 года.

Недостатокъ обученія конницы развѣдывательной службѣ выразился во время войны тѣмъ, что мы очень рѣдко получали свѣдѣнія отъ нашихъ развѣздовъ и конныхъ отрядовъ; почти всѣ свѣдѣнія собирались шпионами, лазутчиками и, кромѣ того, доставлялись намъ поребѣжчиками; наконецъ и опросъ плѣнныхъ давалъ значительный матеріалъ. Такъ на примѣръ, хотя мы и имѣли свѣдѣнія о выступленіи визиря изъ Шумлы при его движеніи къ Эски-Арнаулару, но самое появленіе визиря передъ этой позиціей было для насъ неожиданнымъ, такъ что Дибичъ въ донесеніи государю высказалъ предположеніе, «что была нѣкоторая небрежность въ отправленіи сторожевой службы». Когда въ половинѣ мая турки

вторично перешли въ наступленіе и 17 числа появились передъ Праводами, то войска ихъ были замѣчены нашими развѣздами только тогда, когда они уже были *въ двухъ верстахъ отъ нашей позиціи*. Далѣе, о движеніи визиря изъ Шумлы противъ Праводъ Дибичъ имѣлъ свѣдѣнія только отъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и шпионовъ, а отъ кавалеріи нашей такихъ донесеній не имѣлъ, такъ что, уже выступивъ изъ-подъ Силистріи противъ визиря, онъ все еще сомнѣвался—не идетъ ли онъ въ пустую. Передъ Кулевчинскимъ боемъ конница наша также совершенно не выяснила положенія турокъ. Затѣмъ мы не обнаружили въ свое время прибытія Галиль-паши съ 10 тысячнымъ отрядомъ изъ Рущука въ Шумлу и не замѣтили выхода изъ Шумлы нѣсколькихъ значительныхъ отрядовъ, которые незамѣтно прошли Балканы и встрѣтили насъ у Айдоса и Сливны. Разъ установленное соприкосновеніе съ непріятелемъ поддерживалось не всегда: такъ, казаки въ отрядѣ Шереметева, оставленные для наблюденія за турецкими отрядами, занимавшими Ямболъ, отошли назадъ, прекративъ наблюденіе, а это привело къ тому, что мы въ теченіе двухъ дней не знали объ очищеніи Ямболя и узнали объ этомъ отъ болгаръ.

Употребленіе артилеріи на поляхъ сраженій не представляло ничего особеннаго, хотя мы имѣли гораздо больше полевыхъ орудій, чѣмъ турки, да притомъ-же наша матеріальная часть была гораздо лучше и артилерія наша отличалась большей подвижностью въ особенности сравнительно съ турецкой полевой артилеріей, которая большею частью возилась волами, а иногда орудія перетаскивались людьми при помощи лямокъ.

Итакъ, опытъ войны указалъ, что войска наши въ недостаточной степени были подготовлены къ боевой дѣятельности, что и понятно, *если принять во вниманіе, чему войска учились до войны.*

Оцѣнка дѣйствій нашей арміи во время похода 1828 года. Объявленіе войны со стороны Россіи послѣдовало 14 апрѣля, но походъ собственно начался только 27 мая, когда мы совершили переправу черезъ Дунай: до этого эпизода мы ограничились осадой Браилова (началась 30 апрѣля) и занятіемъ княжествъ; последнее, какъ мы уже знаемъ, вызывалось политическими соображеніями, но имѣло ту невыгоду, что задерживало ходъ дѣйствій на правомъ берегу Дуная и потребовало отдѣленія отъ арміи значительныхъ силъ. Для занятія княжествъ былъ назначенъ 6-й корпусъ, для осады Браилова—7-й, а 3-й предназначался для наступательныхъ дѣйствій за Дунаемъ.

Такимъ образомъ, походъ 1828 года, собственно, открылся двумя эпизодами—Сатуновскою переправою и взятіемъ Анапы. Къ Сатуновской переправѣ всѣ приготовленія были сдѣланы Дибичемъ, который, въ званіи начальника главнаго штаба Его Величества, прибылъ на Дунай ранѣе главной квартиры государя; при самой переправѣ главными распорядителями, кромѣ Дибича, были командиръ 3-го корпуса генералъ Рудзевичъ и начальникъ штаба дѣйствующей арміи Киселевъ; затѣмъ переправа эта произошла въ личномъ присутствіи государя.

Мѣстныя условія у Сатунова были такого рода, что казалось почти невозможнымъ совершить здѣсь переправу открытою силою. Доступъ къ лѣвому берегу Дуная былъ возможенъ только послѣ устройства гати, на что потребовалось нѣсколько недѣль и чего никакъ нельзя было скрыть отъ турокъ. Еще труднѣе было дебушированіе на правый берегъ, такъ какъ турки имѣли достаточно времени, чтобы укрѣпиться на командующихъ высотахъ этого берега. Наконецъ, трудно было рассчитывать, чтобы турки не оказали намъ сопротивленія, такъ какъ войска ихъ занимали выгодную позицію и могли опереться на крѣпость Исакчи.

Поэтому, на переправу у Сатунова нельзя не смотрѣть, какъ *на счастливо удавшееся отважное предпріятіе*.

Главными пунктами, около которыхъ происходили военныя дѣйствія, во время похода 1828 г., были Браиловъ, Варна и Шумла.

Къ осадѣ Браилова мы приступили 30 апрѣля и для этого отдѣлили 7-й корпусъ; если бы намъ удалось быстро овладѣть Браиловымъ, то 7-й корпусъ могъ-бы поддержать 3-й, а 6-й могъ-бы также перейти Дунай, если не весь, то большею частью силъ. Но Браиловъ держался и 3-му корпусу нельзя было начать наступленіе, а 6-й корпусъ не могъ перейти Дуная. Этимъ объясняется медленное наступленіе 3-го корпуса и необходимость направить половину 6-го корпуса кружнымъ движеніемъ черезъ Гирсово, для поддержки 3-го корпуса. Въ результатѣ оказалось, что по прошествіи десяти недѣль послѣ начала похода и пяти недѣль послѣ переправы черезъ Дунай, т. е. въ началѣ іюля, главныя силы, хотя и не имѣли дѣла съ непріателемъ, выдвинулись впередъ только къ Базарджику, выславъ авангардъ къ Козлуджи; а между тѣмъ, уже прошла почти половина времени, удобнаго для военныхъ дѣйствій.

Въ то же время оказалось, что главная масса арміи состояла всего только изъ 35,000 челов., съ которыми нельзя было начать никакого рѣшительнаго предпріятія; такимъ образомъ, вполнѣ выяснилась недостаточность силъ дѣйствующей арміи, что, впрочемъ, было признано еще и раньше, такъ какъ при самомъ переходѣ черезъ Прутъ назначили для усиленія арміи гвардейской корпусъ, а во время осады Браилова еще 2-й корпусъ; но подкрѣпленія эти могли прибыть нескоро.

Тогда явился вопросъ, куда направить главныя силы арміи? Такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, мы могли думать, что турки сосредоточили значительныя силы въ Шумлѣ, и такъ какъ приступить къ осадѣ Варны было невозможно, потому что флотъ еще не прибылъ изъ-подъ Анапы, то рѣшено было двинуться къ Шумлѣ противъ арміи сераскира. Такое направленіе главныхъ силъ нашей арміи можетъ съ перваго взгляда показаться рѣшительнымъ предпріятіемъ, которое имѣло цѣлью разгромить турокъ въ самомъ крѣпкомъ пунктѣ ихъ расположенія. Но на самомъ дѣлѣ вышло совсѣмъ не то. Турокъ не удалось выманить въ поле и разбить ихъ тамъ, а штурмовать съ 30—35 тысячами человѣкъ сильную крѣпость, въ которой было 40,000 турокъ, мы не рѣшились, тѣмъ болѣе, что примѣръ Браилова былъ у всѣхъ въ памяти. Начать осаду, не имѣя осадныхъ орудій, тоже было невозможно; для блокады крѣпости у насъ также не хватало войскъ, а потому, въ сущности, оставалось одно средство—отойти отъ Шумлы, ограничиться наблюденіемъ за нею и приступить къ осадѣ Варны.

Но отступить отъ Шумлы было крайне невыгодно въ нравственномъ отношеніи, да, кромѣ того, осада Варны также требовала большаго числа войскъ, котораго въ началѣ іюля у насъ не было, и содѣйствія флота и осадной артилеріи, которыхъ пока тоже не имѣлось. Всѣ эти соображенія привели къ рѣшенію военнаго совѣта, состоявшагося 7-го іюля въ Енибазарѣ—большею частью силъ обложить Шумлу, а отдѣльными отрядами Рота и Меньшикова осадить Силистрію и Варну. Такое назначеніе главныхъ силъ нашей арміи было крайне невыгодно; имѣя противъ себя сильную крѣпость, занятую болѣе значительными силами, чѣмъ тѣ, которыя мы имѣли, мы не могли дѣйствовать рѣшительно противъ Шумлы и даже не могли вполнѣ обложить ее; вслѣдствіе этого, наша армія заняла въ виду Шумлы оборонительную позицію, что было нецѣлесообразно, такъ какъ турки едва-ли рѣшились бы перейти въ наступленіе. Обложеніе Варны также было неполное, такъ какъ

съ южной стороны она оставалась не обложенной, по недостатку войскъ. до прибытія гвардіи, т. е. до конца августа. Наконецъ, обложеніе Силистріи было настолько неполное, что намъ даже не удалось воспрепятствовать входу въ крѣпость кавалеріи, присланной изъ Шумлы. Такимъ образомъ, въ продолженіе августа мѣсяца вся наша армія была раздѣлена на три отряда: подъ Шумлою, Силистріей и Варной; обложеніе всѣхъ этихъ крѣпостей было неполное, а для дѣйствій въ открытомъ полѣ у насъ вовсе не оставалось свободныхъ войскъ. Наконецъ и тылъ нашей арміи не былъ обезпеченъ надлежащимъ образомъ, такъ какъ мы опасались вторженія гарнизоновъ Виддина, Никополя и Русука въ княжества, куда еще не прибыли ожидавшіяся подкрѣпленія. Какъ извѣстно, въ половинѣ сентября турки перешли здѣсь въ наступленіе изъ Калафата, что привело къ дѣлу при Боселешти, въ которомъ мы одержали верхъ. Въ концѣ августа, съ прибытіемъ гвардіи къ Варнѣ, рѣшено было вести осаду этой крѣпости энергичнѣе и прежде всего завершить обложеніе ея съ южной стороны. Однако же, дѣйствія подъ Варной тянулись весь сентябрь, не принимая рѣшительнаго оборота. Если принять въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, то нельзя не считать, что въ теченіе августа и сентября наша армія находилась въ весьма невыгодномъ положеніи, которое могло бы обратиться въ критическое, еслибы мы имѣли болѣе дѣятельнаго и искуснаго противника. Наконецъ, 29-го сентября Варна сдалась; тогда 5-го октября была снята блокада Шумлы и войска изъ-подъ нея пошли частью къ Силистріи, а частью къ Варнѣ. Въ это время, съ половины сентября, подъ Силистрію начали прибывать части 2-го корпуса, но осадной артиллеріи все еще не было и потому къ осадѣ нельзя было приступить. Затѣмъ началась осень, затруднился подвозъ припасовъ, далѣе наступили холода, начался ледоходъ на Дунаѣ и 27-го октября войска наши ушли изъ-подъ Силистріи за Дунай.

Въ концѣ ноября военныя дѣйствія прекратились и войска стали на зимнихъ квартирахъ, имѣя два корпуса (6-й и 7-й) въ районѣ Варна—Базарджикъ, одинъ корпусъ (сводный) въ Добруджѣ и два корпуса (2-й и 3-й) въ Валахії.

Въ общемъ итогъ наши успѣхи въ 1828 году ограничились двумя большими крѣпостями — Браиловъ и Варна; за Дунаемъ мы владѣли лишь узкой полосой земли вдоль берега Чернаго моря отъ устья Дуная до Балканъ, шириною не болѣе 50-ти верстъ, и утвердились у подошвы Балканскаго хребта въ Варнѣ и Прав-

дахъ. Принимая во вниманіе слабость Турціи и силу Россіи вообще, число и качество турецкихъ и нашихъ войскъ, а также огромныя жертвы, нами понесенныя, и незначительные результаты нами достигнутыя, нельзя не согласиться съ Мольтке, «что трудно сказать, кто выигралъ кампанію 1828 г., или кто ее проигралъ: мы или турки».

Кампанія была неудовлетворительно подготовлена, начата съ недостаточными силами и слишкомъ поздно; продолжительные переговоры до войны дали туркамъ возможность подготовиться къ борьбѣ и наконецъ направленіе, данное главнымъ силамъ арміи, къ Шумлѣ, было такое, отъ котораго нельзя было ожидать хорошихъ результатовъ, такъ что въ общемъ приходится сказать, что неудачный исходъ похода 1828 г. зависѣлъ гораздо болѣе отъ неудовлетворительности подготовки арміи и стратегическихъ соображеній, чѣмъ отъ подробностей исполненія, тѣмъ болѣе, что многія ошибки были исправлены доблестнымъ поведеніемъ нашихъ войскъ, еще разъ доказавшихъ, какой они представляютъ превосходный боевой матеріалъ, но, конечно, нуждающійся въ соотвѣтствующей обработкѣ.

Событія и результаты похода 1828 г. должны были нанести сильный ударъ нашему самолюбію и оставалось только утѣшаться надеждою, что неудачи этого похода послужатъ благотѣльнымъ урокомъ для похода слѣдующаго года.

Оцѣнка дѣйствій нашей арміи во время похода 1829 года Значеніе предстоявшаго намъ въ 1829 г. похода для насъ было громадное, такъ какъ во время этого похода нужно было не только добиться отъ турокъ силою оружія исполненія нашихъ требованій, но нужно было еще и загладить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачами похода 1828 г., въ арміи, въ народѣ и за границей.

Согласно плану, составленнаго Дибичемъ и утвержденнаго Императоромъ Николаемъ, походъ долженъ былъ начаться осадой Силистріи, для чего рѣшено было сосредоточить значительныя силы, чтобы возможно скорѣе покончить съ этой крѣпостью. Дальнѣйшія дѣйствія должны были заключаться въ переходѣ черезъ Балканы и въ наступленіи далѣе, если обстоятельства того потребуютъ. Нельзя не отмѣтить, что успѣхъ исполненія этого плана отчасти былъ подготовленъ событіями похода предыдущаго года, такъ какъ, несмотря на вообще неудачный исходъ этого похода, армія частью силъ стояла у подошвы Балканъ—у Праводъ и

Варны и кромѣ того, намъ уже не нужно было переправляться черезъ Дунай. Затѣмъ занятіе Варны и Сизополя зимою доставило намъ значительныя выгоды, такъ какъ обезпечивало продовольствіе арміи по обѣ стороны Балканъ, при содѣйствіи Черноморскаго флота.

Походъ предполагалось начать въ первыхъ числахъ апрѣля; но, вслѣдствіе поздней зимы, неблагоприятной погоды, дурныхъ дорогъ, разлива Дуная и наконецъ потому, что мосты у Гирсова и Калараша не могли быть окончены ранѣе—пришлось отложить начало военныхъ дѣйствій до конца апрѣля. Впрочемъ, кромѣ этихъ причинъ, была и еще одна: Дибичъ твердо рѣшилъ не начинать похода до появленія подножнаго корма, который, вслѣдствіе долгой зимы, появился поздно.

Заключеніе о дѣйствіяхъ подѣ Силистріею. Рѣшеніе начать походъ осадой Силистріи обуславливалось тѣмъ соображеніемъ, чтобы имѣть на Дунаѣ прочную базу, затѣмъ, исполнѣ обезпеченную переправу, кромѣ переправы у Гирсова, а также обезпечить себя отъ дѣйствій силистрійскаго гарнизона во флангъ и тылъ нашимъ войскамъ при дальнѣйшемъ наступленіи ихъ къ югу. Донося Императору Николаю о покореніи Силистріи, Дибичъ писалъ: «это важное пріобрѣтеніе обезпечиваетъ намъ вторую операціонную линію и хорошую базу на Дунаѣ» ¹⁾.

Но, строго говоря, ради всего этого не стоило осаждать Силистрію, а достаточно было имѣть подѣ этой крѣпостью отрядъ настолько сильный, чтобы не выпустить гарнизона ея въ поле и прикрыть мостъ у Калараша. Такой образъ дѣйствій былъ тѣмъ болѣе возможенъ, что едва-ли можно было ожидать со стороны силистрійскаго гарнизона особенно значительныхъ наступательныхъ дѣйствій: мы сами считали, что въ Силистріи было не болѣе 15,000 чел., въ томъ числѣ около половины вооруженныхъ жителей, неспособныхъ къ дѣйствіямъ внѣ крѣпости, а такихъ силъ намъ опасаться не приходилось.

Между тѣмъ, къ 12-му мая мы сосредоточили подѣ Силистріею отъ 37 до 40,000 чел., т. е. половину всей арміи. Послѣдующія событія доказали, что въ этомъ мѣстѣ можно было имѣть значительно меньше войскъ; такъ, когда 24-го мая Дибичъ двинулся изъ-подѣ Силистріи противъ визиря, то онъ оставилъ подѣ этой

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 20-го іюня 1829 г. изъ-подѣ Шумлы.

крѣпостью 21,000 чел. пѣхоты, конницы, піонеръ и саперъ, подъ начальствомъ генерала Красовскаго, и этихъ силъ оказалось совершенно достаточно, чтобы не только удержать гарнизонъ Силистріи отъ наступленія, но и для того, чтобы довести осаду до конца.

Наконецъ, что касается до намѣренія взять Силистрію для того, чтобы устроить себѣ прочную базу на Дунай, то и для этого едва-ли было необходимо осаждать эту крѣпость, такъ какъ мы уже имѣли двѣ вполне обезпеченныя переправы—у Сатунова и Гирсова, да кромѣ того, широко могли пользоваться содѣйствіемъ нашего флота для подвоза всего необходимаго къ арміи въ болгарскіе порты Чернаго моря, откуда припасы легче было подвозить къ войскамъ, чѣмъ черезъ Силистрію; къ этому нужно еще добавить, что дорога изъ Силистріи къ Шумлѣ и Варнѣ легко подвергалась нападенію со стороны Разграда и Русука.

Такимъ образомъ, можно думать, что рѣшеніе начать походъ съ осады Силистріи было основано и на иныхъ соображеніяхъ; быть можетъ, это намѣреніе обусловливалось нравственными причинами, такъ какъ въ предыдущемъ году мы потерпѣли неудачу подъ этой крѣпостью, а потому весьма желательно было здѣсь же одержать и первый успѣхъ, столь важный на войнѣ; затѣмъ быть можетъ въ принятіи этого рѣшенія немалое значеніе имѣла и привычка наша считать, что сила сопротивленія турокъ главнымъ образомъ была сосредоточена въ ихъ крѣпостяхъ. Что такое соображеніе могло быть у Дибича, это доказывается его взглядомъ на Шумлу, которую ему очень хотѣлось взять, хотя она еще меньше нужна была намъ, чѣмъ Силистрія, такъ какъ послѣдняя намъ была необходима для устройства переправы черезъ Дунай, а Шумлу можно было смѣло обойти, оставивъ подъ нею наблюдательный отрядъ.

Между тѣмъ, Дибича, такъ сказать, тянуло къ Шумлѣ, несмотря на то, что онъ былъ сторонникомъ рѣшительнаго образа дѣйствій противъ турокъ. За это тяготѣніе къ Шумлѣ Дибичъ получилъ передъ началомъ похода замѣчаніе отъ Государя, который на запискѣ Дибича написалъ: «я къ удивленію вижу, что дѣло идетъ опять объ Шумлѣ, тогда какъ условлено было, тогда только дѣлать на нее покушеніе, когда бы генераль Ротъ нашелъ на то удобный случай; повторять прошлогоднихъ глупостей я не могу дозволить» ¹⁾).

¹⁾ В. У. А. № 4145. ч. 2-я, Высочайшая резолюція на запискѣ Дибича отъ 24-го марта 1829 г.

Затѣмъ Государь еще разъ писалъ Дибичу послѣ Кулевчинской побѣды о томъ, что не слѣдуетъ тратить средствъ и времени на дѣйствія противъ Шумлы, а нужно идти за Балканы.

«Обладаніе Шумлой, писалъ Государь, сопряжено съ выгодами, но не представляется крайне необходимымъ, между тѣмъ какъ, приготовленія къ переходу черезъ Балканы составляютъ цѣль, которую вамъ слѣдуетъ постоянно имѣть передъ глазами и къ которой должны быть направлены всѣ ваши усилія»¹⁾).

Послѣдующіе успѣхи убѣдили Дибича въ возможности не опасаться наступательныхъ дѣйствій со стороны гарнизоновъ турецкихъ крѣпостей, такъ что въ этомъ отношеніи онъ даже перешелъ границу осторожности. Такъ напримѣръ, онъ совершенно пренебрегъ Рущукомъ, не учредивъ даже наблюденія за этой крѣпостью, что дало возможность туркамъ совершенно незамѣтно для нашихъ войскъ провести отрядъ силою 10,000—12,000 чел. изъ Рущука въ Шумлу.

Обращаясь къ частностямъ дѣйствій нашихъ войскъ подъ Силистрію, слѣдуетъ отмѣтить, что крѣпость эта была покорена исключительно *лопатою и миной, а не артилеріей*, несмотря на то, что мы имѣли 408 орудій противъ 250 турецкихъ; но изъ числа этой многочисленной артилеріи мы употребили въ дѣло только весьма небольшое число, а именно на всѣхъ батареяхъ праваго берега Дуная дѣйствовало всего только 54 орудія, кромѣ небольшого числа орудій, дѣйствовавшихъ съ батареей лѣваго берега и съ флотиліи.

Оцѣнка Кулевчинской операции. Что касается до турокъ, то они начали походъ наступательнымъ движеніемъ изъ Шумлы противъ отряда генерала Рота, стоявшаго у Эски-Арнаутлара, что привело къ несовсѣмъ удачному для насъ дѣлу 5-го мая у этого пункта, хотя въ концѣ концовъ визирь былъ отбитъ и отступилъ въ Шумлу. Мы знаемъ, что возможность подобнаго наступательнаго движенія турокъ была предвидѣна Дибичемъ въ планѣ похода и событія доказали, что предположеніе Дибича оправдалось.

Вернувшись въ Шумлу, визирь вторично перешелъ въ наступленіе, двинулся 16-го и 17-го мая къ Праводамъ съ 40,000 чел. и осадилъ этотъ пунктъ; въ Шумлѣ было оставлено 12—15 тыс. чел. Собственно визирь хотѣлъ идти на выручку Силистріи и рѣ-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (6), письмо Императора Николая Дибичу 9-го (21) іюня 1829 г. изъ Варшавы.

шилъ двинуться туда черезъ Базарджикъ, направивъ въ то же время Гуссейнъ-пашу къ Разграду, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ сформировавшимся тамъ ополченіемъ и затѣмъ также идти къ Силистріи. Такой планъ былъ очень сложенъ и нецѣлесообразенъ, такъ какъ главная колонна турокъ выбрала почему-то не кратчайшую дорогу къ Силистріи, а болѣе кружную, да притомъ еще значительно удалялась отъ колонны Гуссейнъ-паши, который также дѣлалъ крюкъ, идя на Разградъ; итакъ вмѣсто сосредоточеннаго наступленія обѣими колоннами къ Силистріи, турки предприняли продолжительныя и сложныя движенія. Операція эта имъ совершенно не удалась: визирь застрялъ у Праводъ и простоялъ тутъ до полудня 29-го мая, а Гуссейнъ, узнавъ, что мы разогнали ополченіе въ Разградѣ, вернулся въ Руцукъ. Быть можетъ, что направляя Гуссейна на Разградъ, визирь рассчитывалъ, что движеніе Гуссейна удержитъ Дибича подъ Силистріей—пока самъ визирь разобьетъ сравнительно слабый отрядъ генерала Рота. Но для достиженія этой цѣли выгоднѣе было направить Гуссейна прямо изъ Руцука къ Силистріи, причемъ его дѣйствія могли бы быть согласованы съ дѣйствіями силистрійскаго гарнизона.

Такимъ образомъ, попытка турокъ взять въ началѣ похода инициативу въ свои руки совершенно не удалась. Узнавъ о движеніи визиря къ Праводамъ, Дибичъ рѣшился идти противъ него съ частью силъ, сосредоточенныхъ подъ Силистріей. Это рѣшеніе было принято, какъ мы видѣли, не безъ колебаній, происходившихъ отъ того, что Дибичъ имѣлъ свѣдѣнія о движеніи визиря только отъ шпионовъ, перебѣжчиковъ и изъ турецкихъ бумагъ, захваченныхъ въ Разградѣ, но не имѣлъ ни одного донесенія отъ нашей кошицы. Всѣ эти источники не были надежными, а письмо визиря къ Гуссейну, захваченное въ Разградѣ, могло быть написано нарочно для того, чтобы отвлечь Дибича отъ Силистріи.

Но 20-го мая, послѣ полудня, Дибичъ получилъ донесеніе Рота о томъ, что турки укрѣпились у Ясы-тепе и передъ Праводами: однако, вопросъ о томъ, съ какими силами выступилъ визирь изъ Шумлы, оставался открытымъ, а между тѣмъ, это-то и было необходимо знать, такъ какъ, если противъ Рота былъ небольшой турецкій отрядъ, то конечно изъ-за этого не стоило прерывать осаду Силистріи и самое движеніе теряло значеніе. Еще наканунѣ наступленія изъ-подъ Силистріи, т. е. 23-го мая, Дибичу еще не было ясно, стоитъ-ли идти на помощь Роту.

Однако, онъ все же рѣшился идти, донося Государю, что движеніе это «окажется мѣрою ошибочною, если Ротъ въ рапортахъ своихъ о движеніяхъ и вѣроятныхъ намѣреніяхъ визиря, смотрѣль на дѣло съ ложной точки зрѣнія; если же, напротивъ, положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ онъ описываетъ, то это можетъ повести къ рѣшительнымъ результатамъ, въ случаѣ принятія визиремъ сраженія; обстоятельства же слишкомъ благопріятны, чтобы упустить случай ими воспользоваться»¹⁾.

Выступивъ 24-го мая изъ-подъ Силистріи съ 18 т. человекъ пѣхоты и артилеріи и съ 88 орудіями, Дибичъ двинулся черезъ Каургу къ Таушанъ—Козлуджи, гдѣ узналъ, что визирь все еще стоитъ у Праводъ; тогда онъ направился черезъ Енибазаръ къ Мадердѣ (близъ Кулевчи), гдѣ и остановился вечеромъ 29-го мая, сдѣлавъ въ 6 дней около 120 вер., т. е. по 20 верстъ въ среднемъ ежедневно, по плохимъ дорогамъ и при сильной жарѣ.

Такимъ образомъ, Дибичъ сталъ между Шумлой и войсками визиря, преградивъ ему прямой путь для отступленія въ эту крѣпость.

Вечеромъ 29-го мая, наканунѣ Кулевчинскаго боя, положеніе противниковъ было слѣдующее.

Т у р к и:

- 1) Визирь, 40 тыс.—у Марковчи.
- 2) Вели-бей, 12—15 тыс.—въ Шумлѣ.

Р у с с к і е:

- 1) Дибичъ, 15 тыс.—близъ Кулевчи.
- 2) Ротъ, 15 тыс.—у Таушанъ-Козлуджи.
- 3) Купреяновъ, 6 тыс.—у Праводъ.

Итакъ, мы имѣли около 36 тыс. въ трехъ отрядахъ на протяженіи около 40 верстъ, а турки имѣли около 55 тыс. въ двухъ отрядахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на 25 верстъ.

Изъ этого видно, что вечеромъ 29-го мая едва-ли не самымъ опаснымъ было положеніе Дибича, который, хотя и обошелъ визиря, но самъ очутился между двухъ отрядовъ, изъ которыхъ одинъ занималъ Шумлу. Такое положеніе продолжалось и утромъ 30-го мая и только въ 11 час. утра, съ прибытіемъ Рота у Дибича оказалось подъ Кулевчей 30 тыс. человекъ.

Итакъ, быстро исполненное наступленіе изъ-подъ Силистріи не было завершено сосредоточеніемъ силъ у Кулевчи, что было

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 23-го мая 1829 г. изъ-подъ Силистріи.

возможно, такъ какъ Ротъ могъ быть притянутъ къ вечеру 29-го мая къ Кулевчѣ. Расположеніе нашихъ войскъ у Мадерды, близъ Кулевчи, въ тактическомъ отношеніи было весьма невыгодное, такъ какъ здѣсь собственно вовсе не было позиціи и турки, занимающая командующія высоты, были въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи. Но визирь вмѣсто того, чтобы рѣшительно атаковать вечеромъ 29-го мая слабый отрядъ Дибича, слабость котораго ему легко было обнаружить съ командующихъ высотъ, оставался въ полномъ бездѣйствіи, чѣмъ подтвердилъ отзывъ о немъ Мольтке, который говоритъ, «что визирь не былъ бы туркомъ, если бы не отложилъ на завтра то, что онъ могъ сдѣлать сегодня». Но если вечеромъ 29-го мая визирь не считалъ возможнымъ атаковать Дибича, то это было возможно утромъ 30-го мая, когда положеніе Дибича, до 11-ти часовъ, до прибытія Рота, было то же, что накануне, т. е. все еще было весьма опаснымъ, чего визирь не могъ не видѣть съ командующихъ высотъ, которыя онъ занималъ. И вмѣсто того, чтобы броситься на дорогу въ Шумлу, визирь направилъ свои усилія въ обратную сторону—онъ атаковалъ отрядъ генерала Левченки, который наступалъ отъ Праводъ, оттѣснилъ его и преслѣдовалъ по направленію къ Праводамъ, что было совершенно для турокъ бесполезно.

Такъ какъ турки занимали у Кулевчи командующія высоты, покрытыя при томъ же лѣсомъ, то намъ трудно было выяснитъ, сколько у визиря силъ, а также трудно было выяснитъ, по какому направленію войска его будутъ дебушировать изъ лѣса, черезъ Кулевчу или черезъ Калугре (Калугерцы), или быть можетъ они пойдутъ черезъ Чабань-кіой (Чабань-кьей). Изъ развѣдки, произведенной лично утромъ 30-го мая, Дибичъ вывелъ заключеніе, что на высотахъ у Кулевчи имѣется около 5,000 турокъ; тогда онъ приказалъ генералу Отрощенко атаковать ихъ съ авангардомъ, силою около 2¹/₂ т. человекъ, причемъ атаку эту пришлось вести снизу вверхъ, по открытымъ скатамъ и безъ поддержки резервовъ, находившихся отъ авангарда на значительномъ разстояніи, за глубокимъ, трудно проходимымъ оврагомъ. Атака нашего авангарда не удалась, турки обрушились на него и отбросили его съ большими потерями; тогда авангардъ былъ поддержанъ частью 2-го корпуса, а затѣмъ войска наши перешли въ наступленіе и турки начали отступать, а потомъ обратились въ поголовное бѣгство. Преслѣдованіе турокъ производилось по двумъ направленіямъ—къ Марковчѣ и къ Марашу, но не дало рѣшительныхъ результа-

товъ, главнымъ образомъ потому, что преслѣдованіе по направленію къ Марашу и далѣе къ Экистамбулу было ведено вяло и мы пропустили здѣсь турецкія войска, которыя, хотя и въ безпорядкѣ, но пробрались въ Шумлу.

Итакъ, побѣда при Кулевчѣ была полная, но эксплуатація ея была неполная, а потому въ общемъ она не имѣла рѣшительнаго результата. Атаковать Шумлу, пользуясь тѣмъ, что въ ней остался только небольшой отрядъ, мы также не рѣшились; идти черезъ Балканы тотчасъ, имѣя всего только около 30 т. человекъ, изъ которыхъ надо было оставить тысячь 10—15 подъ Шумлой, Дибичъ не рѣшился и войска наши остановились въ виду этой крѣпости, въ ожиданіи паденія Силистріи и прибытія нашихъ войскъ изъ подъ нея.

Вотъ что Дибичъ самъ говорилъ о своемъ положеніи послѣ Кулевчи: «съ 25-ю тысячами человекъ, которые у меня едва ли были послѣ этой побѣды ¹⁾, я не могъ, ни двинуться черезъ Балканы, оставивъ наблюдательный отрядъ подъ Шумлой, ни подниматься на шумлинскія высоты, не рискуя скомпрометировать себя въ мѣстахъ, гдѣ моя многочисленная артиллерія и моя хорошая и свѣжая кавалерія не могли имъ оказать никакой помощи» ²⁾.

И дѣйствительно, до паденія Силистріи болѣе чѣмъ рискованно было двинуться съ слабыми силами, которыя имѣлись у Дибича, черезъ Балканы, удлинить нашу операціонную линію и внести войну въ самое сердце непріятельской страны.

Такимъ образомъ, промедленіе въ ходѣ военныхъ дѣйствій зависѣло отъ численной слабости нашей арміи.

Заключеніе о переходѣ черезъ Балканы. Къ переходу черезъ Балканы Дибичъ рѣшилъ приступить только послѣ паденія Силистріи и прибытія подъ Шумлу отряда Красовскаго. 18-го іюня сдалась Силистрія, а черезъ недѣлю, 25-го іюня, началось выступленіе войскъ Красовскаго изъ-подъ этой крѣпости къ Шумлѣ на соединеніе съ войсками, бывшими подъ личнымъ начальствомъ Дибича; 27-го іюня изъ Силистріи выступилъ послѣдній эшелонъ. Войска эти не могли выступить ранѣе, такъ какъ необходимо было принять крѣпость, привести въ ясность все въ ней захваченное, организовать управленіе Силистріей и пр.; но, строго говоря, для

¹⁾ Собственно было немного болѣе, около 30,000 чел., если считать и Праводскій отрядъ.

²⁾ В. У. А. № 4445, письмо Дибича Чернышеву 26-го іюня 1829 г., изъ лагерь при Іеникіюфъ.

всего этого не слѣдовало оставлять въ Силистріи въ теченіе недѣли весь отрядъ; большая часть его могла бы выступить 20-го или 21-го, а самъ Красовскій могъ остаться въ Силистріи съ тѣми войсками, которыя должны были составить ея гарнизонъ; затѣмъ Красовскій легко могъ проѣхать въ одни сутки тѣ 100 верстѣ, которыя были между Силистріей и Шумлой, а войскамъ нужно было 3—4 дня, чтобы пройти это же разстояніе; такимъ образомъ, можно было бы ускорить прибытіе войскъ къ Шумлѣ на 5—7 дней, что было чрезвычайно важно, такъ какъ необходимо было воспользоваться впечатлѣніемъ, произведеннымъ на турокъ Кулевчинской побѣдой и паденіемъ Силистріи. Между тѣмъ, Красовскій не только не торопился выступить поскорѣе изъ Силистріи, но и движеніе къ Шумлѣ совершалъ весьма медленно; такъ правая колонна, которая шла черезъ Афлотаръ и Акаданаръ къ Секлюку (около 85 верстѣ) должна была пройти это разстояніе въ 4 сутокъ, т. е. дѣлала среднимъ числомъ въ день около 21 версты; лѣвая колонна шла черезъ Беюкъ-Кайнарджи и Каургу въ Козлуджу ¹⁾ (около 110 верстѣ) и должна была пройти это разстояніе въ 6 сутокъ, дѣлая ежедневно среднимъ числомъ около 18 верстѣ.

Дибичъ настолько сознавалъ необходимость поскорѣе начать переходъ черезъ Балканы, что послалъ Красовскому приказаніе дневокъ не дѣлать; вслѣдствіе такого приказанія, послѣдніе эшелоны прибыли подъ Шумлу между 29-мъ іюня и 2-мъ іюля, причемъ стали не у Секлюка и Козлуджи, а у Инжакіоя, т. е. верстѣ на 12—15 ближе къ Шумлѣ.

Еще до прибытія отряда генерала Красовскаго подъ Шумлу, по арміи было отдано общее распоряженіе о переходѣ черезъ Балканы; это распоряженіе называлось «общій обзоръ движенія войскъ при предназначенномъ переходѣ черезъ Балканы, какъ войскъ имѣющихъ слѣдовать за оныя, и тѣхъ, кои остаются по сю сторону Балканъ для наблюденія нашихъ сообщеній».

Общій обзоръ этотъ былъ изданъ въ видѣ вѣдомости съ указаніемъ маршрутовъ для слѣдованія войскъ по днямъ съ 30-го іюня до 8-го іюля включительно.

Войска были раздѣлены на четыре отряда: два изъ нихъ—колонны Рота и Ридигера, должны были переходить Балканы, третій—колонна Палена составляла резервъ и четвертый—Красовскаго, оставался подъ Шумлой для наблюденія за арміей визиря.

¹⁾ Эта Козлуджа находилась верстѣ на 10 сѣверо-западнѣе Енибазара.
очеркъ похода.

Предполагалось, что къ 8-му іюля колонна Рота дойдетъ до Монастыркіюя, колонна Ридигера—до Келелера, а резервъ Палена—до Еркеча. Къ 8-му іюля войска должны были сдѣлать: колонна Рота—около 150 верстъ въ 9 дней, ежедневно 16—17 в., колонна Ридигера—около 120 верстъ въ 6 дней, ежедневно около 20 верстъ. Выступленіе изъ-подъ Шумлы предполагалось организовать такимъ образомъ, чтобы войска выступали ночью; на мѣста выступающихъ вступали вновь прибывшія съ Красовскимъ части, а затѣмъ весь отрядъ Красовскаго долженъ былъ къ 5-му іюля, въ день предполагавшагося перехода черезъ Камчикъ, отойти въ Енибазаръ. Обращаясь къ оцѣнкѣ этихъ распоряженій, нельзя не сказать, что не слѣдовало отдавать распоряженій на 9 дней впередъ, такъ какъ очевидно было, что едва ли можно ручаться за ходъ военныхъ дѣйствій за такой долгій срокъ впередъ, тѣмъ болѣе, что мы не могли же рассчитывать навѣрное, что турки не окажутъ намъ сопротивленія. Во-вторыхъ, казалось бы болѣе цѣлесообразнымъ, не отводить отрядъ Красовскаго къ Енибазару, такъ какъ лучший способъ замаскировать движеніе нашихъ войскъ за Балканы—это оставить Красовскаго у Шумлы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ находился со времени ухода остальныхъ войскъ; тогда вниманіе турокъ ничѣмъ не было бы возбуждено, а при извѣстной ихъ пассивности, можно было рассчитывать, что они при такихъ условіяхъ останутся сидѣть въ Шумлѣ; во всякомъ случаѣ не было надобности предрѣшать день отступленія Красовскаго отъ Шумлы и лучше было сдѣлать это тогда, когда онъ не въ состояніи былъ бы держаться въ виду этой крѣпости. Затѣмъ относительно организациі движенія слѣдуетъ замѣтить, что колонна генерала Рота, выступивъ изъ подъ Шумлы 30-го іюня, приходила въ Девно 1-го іюля и должна была стоять въ этомъ мѣстѣ двое сутокъ, что очевидно вело къ замедленію перехода черезъ Балканы, между тѣмъ какъ нужно было идти какъ можно быстрѣе, разъ уже мы рѣшились на такое предпріятіе, успѣшное исполненіе котораго въ значительной степени зависѣло отъ внезапности и быстроты. Если бы еще остановка эта вызывалась какою-либо необходимостью, напримѣръ, производствомъ подготовительныхъ работъ по устройству переправы черезъ Камчикъ, или по разработкѣ дорогъ въ горахъ и т. п., но и этого не было, а согласно «общаго обзора» остановка была сдѣлана для того, чтобы въ Девно присоединить къ колоннѣ Рота нѣкоторыя части войскъ, которыя вполне могли это сдѣлать, не задерживая Рота, такъ какъ имъ слѣдовало

выступить на два дня раньше и своевременно прибыть въ Девно.

Силы, которыми располагалъ Дибичъ въ то время, когда онъ рѣшилъ идти за Балканы, состояли изъ 169¹/₂ б., 100 эск., 18 каз. полковъ, 2-хъ сотень, 2-хъ эскадроновъ жандармовъ, 1 эскадрона конно-піонеръ, 374 орудій и 3-хъ піонерныхъ баталіоновъ.

Изъ этого числа для перехода черезъ Балканы было назначено: 52 б., 24 эск., 8 каз. полковъ, 1 эск. жандармовъ, 148 орудій и 1³/₄ піонерн. бат.

Въ Сизополѣ уже находилось 8 б. и 8 орудій и назначено было перевезти туда же моремъ 12-ю пѣхотную дивизію, т. е. 12 баталіоновъ и 24 орудія.

Такимъ образомъ, всего за Балканами мы должны были имѣть 72 б., 24 эск., 8 каз. полковъ, 1 эск. жандармовъ, 180 орудій и 1³/₄ бат. піонеровъ, силою около 40 т. пѣхоты и 7 т. конницы, всего около 47 т. человекъ.

Итакъ, для дѣйствій за Балканами было назначено: пѣхоты — нѣсколько менѣе половины; регулярной конницы — одна четверть; казаковъ — нѣсколько менѣе половины; артилеріи — немного менѣе половины.

Количество конницы не было увеличено потому, что мы считали мѣстность въ горахъ неудобной для дѣйствія этого рода оружія,

Слѣдовательно, въ общемъ, изъ всего состава арміи *меньшая половина была назначена для дѣйствій за Балканами, а большая половина — для охраненія тыла и занятія княжествъ.*

Если принять во вниманіе обширность занятаго арміей пространства (отъ Сизополя до Краіовы около 350 в. и отъ Кюстенджи до Виддина около 450 в., считая по воздуху), то нельзя не сказать, что трудно было сосредоточить еще болѣе значительныя силы для такого рѣшительнаго предпріятія, какъ переходъ черезъ Балканы и дѣйствія за ними. Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что Дибичъ могъ рассчитывать на прибытіе къ арміи 36,000 человекъ пѣхоты, которые должны были усилить его за Балканами; но, къ сожалѣнію, эти подкрѣпленія не могли прибыть ранѣе 1-го августа, т. е. черезъ три недѣли послѣ того, когда войска наши, согласно предположенію Дибича, уже должны были окончить переходъ черезъ горы.

Что могли сдѣлать турки, чтобы противодѣйствовать переходу русской арміи черезъ Балканы? Хотя, какъ мы знаемъ изъ очерка Балканъ, горы эти сами по себѣ не представляли особыхъ затруд-

нений для перехода черезъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, при искусномъ размѣщеніи войскъ и при упорной оборонѣ ихъ, наше предпріятіе было бы не изъ легкихъ и когда мы рѣшались на переходъ черезъ Балканы, мы не могли рассчитывать на то слабое сопротивленіе, которое турки намъ въ дѣйствительности оказали.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣли, намъ казалось, что турки слабо занимаютъ горные проходы, но имѣютъ довольно значительный отрядъ близъ Бургаса.

Такимъ образомъ, была надежда, что особенно упорнаго сопротивленія въ горахъ мы не встрѣтимъ; но это была только надежда, а увѣренности быть не могло. Далѣе оставался совершенно открытымъ вопросъ, гдѣ находятся турецкіе резервы по ту сторону Балканъ и что турки съ ними сдѣлаютъ; они могли бы попытаться быстрымъ наступленіемъ напасть на наши войска при ихъ выходѣ изъ горъ и разбить ихъ по частямъ. Но для исполненія этого нужно было имѣть умѣло распоряжающихся начальниковъ и искусно маневрирующія войска, а этого-то у турокъ и не было.

Конечно, обстановка выясняется вполне только послѣ того, какъ событія уже совершились, но должно сказать, что Дибичъ представлялъ себѣ обстановку почти въ такомъ видѣ, какъ она была въ дѣйствительности.

25-го іюня онъ писалъ Государю ¹⁾: «съ 30-го числа начнутъ движеніе головныя части колонны Рота. Я останусь здѣсь съ Паленомъ, вѣроятно до 4-го, и если Богъ намъ поможетъ и если намъ удастся скрыть наше движеніе въ продолженіе двухъ дней, то я надѣюсь, что главныя затрудненія будутъ преодолены между 8-мъ и 10-мъ іюля».

Не малое затрудненіе могъ оказать Дибичу визирь, находившійся въ Шумлѣ; относительно дѣйствій его Дибичъ писалъ Государю въ другомъ письмѣ отъ того же 25-го іюня ²⁾: «если, противъ моего ожиданія, визирь двинется на генерала Красовскаго, тогда я пойду къ нему на помощь со вторымъ корпусомъ (Палень); если же, напротивъ, онъ поторопится также перейти черезъ Балканы, чтобы предупредить насъ, хотя бы въ Айдосѣ, тогда 2-й корпусъ, не задерживаясь, идетъ за колоннами Рота и Ридигера и я буду имѣть за Балканами около 40,000 чел., въ томъ числѣ 28,000 пѣхоты. Красовскій двинется къ Шумлѣ, чтобы по воз-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2. всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 25-го іюня 1829 г. изъ Еншикія (Инджакіюй), подъ Шумлой.

²⁾ Тамъ же.

возможности помѣшать движенію визиря черезъ Эскистамбуль или чтобы его понудить къ оставленію въ Шумлѣ значительныхъ силъ для защиты этого пункта. Таковы мои общія соображенія, но обстоятельства могутъ произвести въ нихъ значительныя измѣненія».

Оцѣнивая распоряженія Дибича для совершенія перехода черезъ Балканы, нельзя упустить изъ виду и нравственныхъ условій, въ которыхъ пришлось ему принять это рѣшеніе и привести его въ исполненіе; не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ тѣ времена многіе считали Балканы непроходимыми, что Дибичъ былъ первымъ изъ нашихъ полководцевъ, который рѣшился идти черезъ эти горы, и что нужно было не мало силы воли взять на себя отвѣтственность за исполненіе такого предпріятія, хотя бы многое указывало на легкость его.

Два иностранныхъ писателя, которыхъ нельзя заподозрить въ особенномъ сочувствіи къ намъ, говорятъ по этому поводу слѣдующее: «девять дней спустя послѣ выступленія отъ Шумлы, русская армія сосредоточилась въ Айдосѣ, на южномъ склонѣ Балканъ. Турки не защищали вовсе горныхъ проходовъ, а сопротивленіе, встрѣченное на Камчикѣ и на Надирѣ, было крайне слабое и безъ общей связи. Это обстоятельство нисколько не умаляетъ заслугъ графа Дибича. Когда русскій главнокомандующій рѣшился на смѣлое предпріятіе—проникнуть со слабою арміею въ самое сердце Оттоманской имперіи, нельзя было предвидѣть со стороны турокъ столь слабого сопротивленія» ¹⁾).

Валентини говоритъ о томъ же: «графъ Дибичъ ниспровергъ предполагавшуюся невозможность перехода черезъ Балканы. Его солдаты нашли пасущіяся стада и населенныя деревни тамъ, гдѣ предполагались пещеры съ драконами» ²⁾). Далѣе Валентини говоритъ, что наименованіе Забалканскій, полученное Дибичемъ, зависѣло не отъ одной только счастливой случайности ³⁾). Затѣмъ, одинъ изъ иностранныхъ авторовъ говоритъ ⁴⁾): «рѣшеніе перейти Балканы до того смѣло, что передъ этой смѣлостью забывается легкость самаго перехода. Принимая это рѣшеніе, Дибичъ зналъ, что въ тылу своемъ онъ оставляетъ главную турецкую армію, пре-

¹⁾ Мольтке, переводъ Н. Шильдера, ч. 2-я, стр. 213.

²⁾ Valentini, der Turkenkrieg, s. 151.

³⁾ Valentini, s. 154.

⁴⁾ Parallele zwischen dem Balkanübergang des Generals Gurko im Winter 1877—1878 und demjenigen des Generals Diebitsch im Sommer 1829.

восходившую числомъ его собственную; онъ зналъ, что по ту сторону горъ стоитъ албанскій паша съ 40,000 человекъ и что до 50,000 резервныхъ войскъ собраны у Константинополя. Рѣшаясь при такой обстановкѣ вторгнуться въ сердце турецкой имперіи Дибичъ не могъ предвидѣть сосливности обороны со стороны непріятеля; онъ не могъ надѣяться на то, что визирь подставитъ ему свою армію по частямъ, и что албанскій паша и константинопольскія войска едва проявятъ признаки жизни».

Въ это мнѣніе иностраннаго автора надо внести нѣкоторыя поправки, которыя нѣсколько измѣняютъ дѣло, но далеко не всеѣмъ. Дѣло въ томъ, что Дибичъ не считалъ визиря такимъ сильнымъ и, какъ мы видѣли, не придавалъ дѣйствіямъ его арміи такого большого значенія; затѣмъ албанскаго пашу, Мустафу, онъ не считалъ такимъ опаснымъ противникомъ и не имѣлъ свѣдѣній, что въ Константинополѣ собрано 50,000 резервныхъ войскъ, чего и не было на самомъ дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться съ авторомъ, что переходъ черезъ Балканы былъ шагомъ весьма рѣшительнымъ, который Дибичу не легко было предпринять.

Что касается до исполненія плана перехода черезъ Балканы, то можно сказать, что турки оказали намъ сопротивленіе только при переправѣ черезъ Камчикъ; самыя же горы и выходъ изъ нихъ они совершенно не защищали. И тѣмъ не менѣе, расчеты главнаго штаба арміи относительно движенія колоннъ, сдѣланные на 9 дней впередъ, не оправдались; переправа черезъ Камчикъ была произведена вмѣсто 5-го іюля въ ночь на 6-е (Ридигеръ) и въ ночь на 7-е (Ротъ) и войска достигли линіи Келелеръ и Монастыркойю только 10-го іюля, т. е. на два дня позже противъ предположенія.

Вслѣдствіе слабого сопротивленія непріятеля, главное затрудненіе, которое встрѣтили наши войска во время перехода черезъ Балканы, это—дурныя дороги и жара.

11-го іюля войска Рота и Ридигера стояли на линіи Миземврія и Алакарія (около 12 верстъ), а резервъ Палена былъ у Инжакіюя и Келелера верстахъ въ 10—20 отъ передовыхъ колоннъ: слѣдовательно, армія въ числѣ около 35,000 чел., занимала участокъ верстъ 12 по фронту и верстъ 10—20 въ глубину, опираясь своимъ лѣвымъ флангомъ на нашъ флотъ.

12-го іюля былъ занятъ Бургасъ и мы вошли въ связь съ отрядомъ генерала Понста, занимавшимъ Сизополь.

Такимъ образомъ, 12 іюля армія не только окончила переходъ черезъ Балканы, но и утвердилась на берегу Чернаго моря, имѣя

съ этого времени вполне обезпеченный подвозъ припасовъ морскимъ путемъ. Занявъ такое расположеніе, Дибичъ рѣшилъ тотчасъ же распространиться нѣсколько къ западу, а именно занять Айдосъ; занятіе этого пункта было важно потому, что онъ являлся узломъ дорогъ изъ Миземврип, Ахіолу, Бургаса, Руссо-Кастро, Карнабата, а главное дорогъ изъ Еникіоя и Кеприкіоя (оба на Камчикѣ) черезъ Ченге и Надыръ; этотъ послѣдній путь былъ для насъ важенъ потому, что по этому пути мы могли ближайшимъ образомъ войти въ связь съ отрядомъ Красовскаго.

Наступленіе къ Айдосу предписано было произвести съ большою осторожностью, *«съ тѣмъ, чтобы отнюдь не атаковать города Айдоса, буде непріятель тамъ въ силахъ находится»*.

Занять Айдосъ рѣшено была только въ томъ случаѣ, если непріятель тамъ будетъ *«въ слабыхъ силахъ»*. Такая осторожность объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находились тогда наши войска.

Цѣль, которую себѣ поставилъ Дибичъ — перейти Балканы, была достигнута и естественно, что главнокомандующій не хотѣлъ скомпрометировать уже достигнутыхъ результатовъ, тѣмъ болѣе, что обстановка была совершенно невыяснена. Послѣднее естественно вытекало изъ того, что армія не имѣла достаточно конницы (всего 24 э. и 8 каз. полк., силою около 6—8 т. чел.); этотъ недостатокъ оказался особенно ощутительнымъ въ то время, когда войска прошли горы и для конницы открылась обширное поле для дѣйствій. Какъ мы знаемъ, подъ Айдосомъ мы встрѣтили со стороны турокъ только весьма слабое сопротивленіе и городъ былъ занятъ 13 іюля одной колонной Ридигера. 16 іюля былъ занятъ Карнабатъ и въ тотъ же день Палень со 2 корпусомъ выступилъ изъ-подъ Айдоса и прошелъ черезъ Руссо-Кастро въ Карабунаръ, гдѣ остановился, выславъ авангардъ къ Факи (Урмуръ-Факи).

Такимъ образомъ, значительно расширился участокъ мѣстности, занятый нашими войсками у южной подошвы Балканъ. Казалось, что все благопріятствовало дальнѣйшему наступленію на Адрианополь, но Дибичъ не рѣшился на это движеніе до прибытія резервовъ, а также до прочнаго обезпеченія сообщеній черезъ горы съ отрядомъ Красовскаго.

Что-же дѣлали турки, пока мы переходили черезъ Балканы? Мы уже видѣли, что на Камчикѣ они оказали намъ слабое сопротивленіе: резервы, которые они имѣли близъ Бургаса. у Айдоса,

въ Миземвріи и Ахіолу, не поддержали отрядовъ, защищавшихъ Камчикъ и горные проходы, и наконецъ визирь ничѣмъ не проявилъ своего существованія въ Шумлѣ.

Выступление нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы совершенно не было обнаружено турками и 6-го іюля; въ тотъ день, когда войска наши уже переходили Камчикъ, визирь еще не сдѣлалъ ничего, чтобы помѣшать нашему движенію въ Балканы. Онъ никакъ не думалъ, что мы начали уже переходъ черезъ горы, а предпологалъ, что «дурная вода и чума, свирѣпствовавшая въ нашихъ войскахъ, принудили насъ къ отступленію отъ Шумлы и что наши главныя силы пошли къ Варнѣ и Праводамъ».

Когда-же онъ, около 8 іюля, узналъ о томъ, что войска наши переправились черезъ Камчикъ, то онъ сдѣлалъ попытку помѣшать намъ и съ этой цѣлью онъ выслалъ изъ Шумлы отрядъ въ 10—12 т. человекъ, который направилъ черезъ Ченгу; но вслѣдствіе кружности и трудности этого пути, этотъ отрядъ достигъ Бѣлова и Суджулука только 11 іюля и здѣсь узналъ, что наши войска уже прошли Балканы и находятся на берегахъ Бургасскаго залива; тогда этотъ отрядъ поспѣшно двинулся къ Айдосу, гдѣ мы его и разбили 13 іюля. Нельзя не отмѣтить, что о движеніи этого отряда во флангъ и тылъ нашимъ войскамъ мы узнали не отъ Красовскаго, который долженъ былъ слѣдить за Шумлой, а отъ плѣнныхъ и лазутчиковъ, только тогда, когда войска наши подходили къ Айдосу.

Положеніе обѣихъ сторонъ послѣ перехода черезъ Балканы. 16 іюля, черезъ 16 дней послѣ выступления нашихъ войскъ изъ-подъ Шумлы, мы занимали слѣдующее расположеніе: авангардъ—у Факи, въ 70 верстахъ отъ Адрианополя, 2-й корпусъ — у Карабунара, въ 85 верстахъ отъ Адрианополя и главныя силы—два корпуса у Айдоса, въ 120 верстахъ отъ Адрианополя. Армія имѣла два пути подвоза: черезъ горы и моремъ; она вступила въ край богатый, гдѣ жители встрѣтили насъ съ полнымъ сочувствіемъ; снабженіе войскъ продовольствіемъ и фуражемъ было вполне обеспечено, благодаря возможности удобно подвозить припасы, а также вслѣдствіе захвата большихъ турецкихъ складовъ въ Айдосѣ, Миземвріи, Бургасѣ и въ другихъ мѣстахъ. Затѣмъ въ нравственномъ отношеніи наступленіе наше на Адринополь казалось вполне подготовленнымъ тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое произвелъ на турокъ переходъ черезъ Балканы.

Съ другой стороны, были и такія условія, вслѣдствіе которыхъ слѣдовало повременить движеніемъ на Адрианополь. До прибытія 12-й пѣхотной дивизіи и резервовъ, у Дибича за Балканами едва было 35,000 чел.; для занятія завоеваннаго края и портовъ Чернаго моря, а также для обезпеченія нашихъ сообщеній черезъ горы, необходимо было отдѣлить довольно значительную часть войскъ и такимъ образомъ для наступленія на Адрианополь оставалось немного силъ.

Между тѣмъ удлиненіе нашей операціонной линіи, вторженіе арміи въ глубь страны и дѣйствія противъ древней столицы оттомановъ требовали значительнаго расхода силъ; рассчитывать же на то, что мы при дальнѣйшемъ наступленіи не встрѣтимъ упорнаго сопротивленія со стороны турокъ было невозможно. Самая легкость, съ которой одержаны были послѣдніе успѣхи наши, невольно возбуждали въ побѣдителяхъ сомнѣнія и опасенія за будущее. Слабое сопротивленіе, которое мы встрѣтили, можно было объяснить тѣмъ, что противъ насъ были только нестройныя толпы передовыхъ частей, застигнутыхъ врасплохъ, въ виду того, что турки считали Балканы непроходимыми. Но вѣдь за этими войсками могли находиться резервы; вѣдь было же извѣстно, что султанъ всю зиму энергически формировалъ войска, а съ этими войсками мы еще почти не имѣли дѣла. Затѣмъ въ Шумлѣ еще былъ визирь и онъ могъ явиться противъ насъ у южной подошвы Балканъ.

Итакъ, для наступленія пужны были подкрѣпленія, а въ скоромъ времени ихъ нельзя было получить, такъ какъ прибытіе резервныхъ баталіоновъ могло совершиться не ранѣе 10 августа; правда, что въ Сизополѣ ожидалось въ скоромъ времени прибытіе 12-й пѣхотной дивизіи, но это были войска молодая и, какъ писалъ императоръ Николай Дибичу, «они только могли замѣнить войска, составлявшія гарнизонъ Сизополя», т. е. 8 баталіоновъ и 8 орудій.

Вотъ какъ нашъ главнокомандующій представлялъ себѣ дальнѣйшія дѣйствія послѣ перехода черезъ Балканы. Въ письмѣ отъ 18 іюля Дибичъ писалъ государю о текущихъ событіяхъ и затѣмъ такъ говорилъ о своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ: «тѣмъ временемъ я подготовляю операцію противъ Адрианополя. Какъ только придутъ резервы, что надѣюсь состоится, согласно маршрутамъ, къ 10 августа, я тотчасъ же начну рѣшительное движеніе, сосредоточившись сначала къ Карабунару, куда 2-й корпусъ идетъ уже

сегодня и выдвигаетъ авангардъ къ Факи. Главныя силы я направлю, если обстоятельства не измѣнятся, на Кирклиссу, что, я надѣюсь, заставитъ противника—который, вѣроятно, отступить въ Адрианополь и постарается собрать тамъ всё остатки, а можетъ быть и гвардію султана—покинуть этотъ городъ, чтобы предупредить насъ въ Люле-Бургасѣ; если же онъ тамъ останется, тогда я надѣюсь дѣйствовать противъ него такъ, чтобы отрѣзать ему сообщеніе съ столицей».

Это намѣреніе Дибича—идти не на Адрианополь, а въ обходъ его, направляясь на сообщенія этого города съ Константинополемъ, встрѣтило полное сочувствіе государя, который въ письмѣ отъ 4 августа писалъ Дибичу: «ваша мысль, *разъ какъ вы не можете тотчасъ идти на Адрианополь*, мнѣ очень нравится; вы отнеситесь къ Адрианополю, какъ къ Шумлѣ и будете наступать прямо на Кирклиссу; это заставитъ турокъ или покинуть Адрианополь, чтобы прикрыть столицу, или, если они будутъ продолжать въ этомъ мѣстѣ сборъ войскъ, которыя они еще имѣютъ въ Видинѣ или на сѣверѣ, то можно думать, что они дадутъ вамъ сраженіе, которое, съ помощью Божіею, надѣюсь, будетъ второй Кулевчей»¹⁾.

25 іюля Дибичъ вновь доносилъ государю о своихъ предположеніяхъ относительно дальнѣйшихъ дѣйствій и сообщалъ, что по всѣмъ свѣдѣніямъ въ Адрианополѣ очень мало войскъ, «всего нѣсколько тысячъ бѣглецовъ, подъ начальствомъ двухъ пашей», что городъ очень слабо укрѣпленъ, что жители не хотятъ сражаться противъ русскихъ и т. д. Однимъ словомъ, обстановка указывала, что мы и подъ древней столицей оттомановъ не встрѣтимъ упорнаго сопротивленія. Но резервовъ все еще не было. «Головные резервные баталіоны, писалъ Дибичъ государю 25 іюля, запоздали прибытіемъ на 8 дней противъ маршрутовъ, первоначально присланныхъ мнѣ гр. Виттомъ; это весьма чувствительная задержка для моихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ я думалъ начать ихъ, какъ только придутъ резервы 7-го корпуса»²⁾.

Наконецъ въ запискѣ Дибича, приложенной къ письму государю отъ 25 іюля, онъ писалъ, что «по всѣмъ даннымъ о непріятелѣ, турецкихъ войскъ между нашимъ теперешнимъ расположеніемъ и Адрианополемъ нѣтъ. Слѣдовательно, все даетъ право ду-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (б), отд. 2, письмо Императора Николая I Дибичу отъ 4 августа 1829 г., изъ Александріи, близъ Петергофа.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), отд. 2, всеподданнѣйшее письмо Дибича отъ 25 іюля 1829 г., изъ Айдыса.

мать, что наступленіе наше приведетъ насъ къ самымъ стѣнамъ второй столицы Турціи и хотя завоеваніе этого города будетъ труднѣе. вслѣдствіе задержки, къ которой я былъ вынужденъ, но можно однако же надѣяться, что оно не будетъ намъ стоить очень большихъ жертвъ».

Итакъ, несмотря на полную, повидимому, возможность рассчитывать на легкій успѣхъ подъ Адрианополемъ, Дибичъ рѣшилъ идти туда только тогда, когда онъ получитъ подкрѣпленія. Тѣмъ временемъ войска наши исполнили нѣсколько предпріятій. Во первыхъ мы заняли городъ Ямболь, гдѣ оказался значительный отрядъ, высланный визиремъ изъ Шумлы, что опять-таки мы узнали не отъ генерала Красовскаго, наблюдавшаго за этой крѣпостью, а отъ плѣнныхъ и жителей; во вторыхъ, мы очистили отъ турокъ проходъ изъ Карнабата на Доброль и Чалыкавакъ, вслѣдствіе чего приобрѣли еще одинъ путь для сообщенія съ сѣверной Болгаріей и съ отрядомъ Красовскаго, и въ третьихъ, овладѣли городомъ Сливно, гдѣ турки имѣли значительный отрядъ, не менѣе 10,000 человекъ, опять-таки прибывшій изъ Шумлы и сначала занявшій Ямболь. Такимъ образомъ, мы постепенно разбили части арміи визиря, которыя онъ подставлялъ подъ наши удары.

Между тѣмъ, прошло двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ мы могли бы начать наступленіе къ Адрианополю изъ Айдоса; неприбытіе резервовъ задержало это наступленіе, а распространеніе наше къ западу, къ Сливнѣ, привело къ тому, что мы 31 іюля находились отъ Адрианополя почти въ такомъ же разстояніи, какъ и тогда, когда занимали Айдосъ, т. е. примѣрно въ разстояніи около 120 верстъ.

Наступленіе на Адрианополь. Выше мы указали, что 18 іюля Дибичъ предполагалъ идти въ обходъ Адрианополя, на Кирклиссу, а 25 іюля онъ рѣшилъ идти прямо къ этому пункту.

Очевидно, что такая перемѣна произошла потому, что Дибичъ получилъ свѣдѣнія о крайне слабомъ сопротивленіи, которое онъ могъ встрѣтить въ Адрианополѣ и вслѣдствіе этого онъ предпочелъ прямо идти на этотъ городъ, рассчитывая, что занятіе его произведетъ сильное впечатлѣніе на турокъ. Къ этому времени начали прибывать и резервы, хотя еще въ небольшомъ числѣ. Для наступленія на Адрианополь Дибичъ могъ назначить: 44 б., 138 ор., 40 эск. и 3 каз. полка. Силы эти были невелики, но, тѣмъ не менѣе, Дибичъ рѣшилъ идти впередъ, такъ какъ получены

были свѣдѣнія, что турки начали укрѣплять Адрианополь и сосредоточивать къ нему войска ¹⁾.

О своемъ рѣшеніи идти на Аноріанополь Дибичъ сообщалъ государю 1-го августа: «завтра я рассчитываю идти въ Ямболь, гдѣ я остановлюсь, чтобы взять часть сухарей, которые туркамъ угодно было намъ оставить. Черезъ 2 перехода я буду въ Буюкъ-Дербентъ, гдѣ я сосредоточу всѣ мои силы и всѣ резервы, прежде чѣмъ двинуться на Адрианополь» ²⁾.

За выдѣленіемъ частей для занятія Сливно и Ямболя Дибичъ могъ двинуть на Адрианополь 35 б., 110 ор., 40 эск. и 3 каз. полка, силою около 15,000 человекъ пѣхоты и 5¹/₂ т. конницы.

Войска эти выступили изъ Сливно 2 августа на Ямболь, гдѣ 3 августа была назначена дневка. 4 августа войска продолжали движеніе двумя колоннами, первая вдоль праваго берега Тунджи, а лѣвая черезъ Буюкъ-Дербентъ. На ночлегъ колонны стали: правая у Гассанъ-бейли, а лѣвая у Папаскюя, въ 25 верстахъ другъ отъ друга, причемъ между колоннами протекала Тунджа.

Движеніе это было крайне утомительно, вслѣдствіе дурной дороги и страшной жары: такъ колонна Ридигера выступила изъ Ямболя въ 5 ч. утра 4 августа, пришла въ Гассанъ-бейли только въ 10 ч. вечера, а уже въ 5 ч. утра 5 августа двинулась далѣе. Къ этому надо прибавить, что въ войскахъ значительно усилилась болѣзненность среди людей, а затѣмъ начался и падежъ лошадей. 5 августа вся армія двигалась вдоль лѣваго берега Тунджи, такъ что колонны сблизились и не были уже раздѣлены рѣкою, но зато дорога была ужаснаго качества, жара убійственная, фонтаны были испорчены турками и войска страдали гораздо больше, чѣмъ во время перехода черезъ Балканы. Выступленіе войскъ съ ночлега было назначено между часомъ и пятью часами утра и послѣ утомительнаго похода войска стали на ночлегъ между Кучукъ-Дербентомъ и Буюкъ-Дербентомъ. между тѣмъ какъ предполагалось сосредоточить всѣ силы у Буюкъ-Дербента. 6 августа войскамъ былъ данъ отдыхъ; въ этотъ день казаки произвели поискъ къ Адрианополю и дошли до Арнауткюя, въ пяти верстахъ отъ Адрианополя; во время этого поиска казаки встрѣтили отрядъ турецкой конницы, который они легко разсѣяли, и собрали свѣдѣнія о положеніи турокъ въ Адрианополь; изъ этихъ свѣдѣній выяснилось, что въ городѣ всего только 8—10 т. войскъ и столько-же

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 9 августа 1829 г.

²⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 1 августа 1829 г.

вооруженных жителей, что къ укрѣпленію города было приступлено въ недавнее время и что турки ожидаютъ значительныхъ подкрѣпленій. 7-го августа армія продолжала походъ на Адрианополь, причѣмъ шла черезъ Ханлы-Ениджи и Акбуларь въ двухъ колоннахъ, слѣдовавшихъ въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга

Еще издали передъ нашими войсками открылась чудная картина древней столицы Турціи, не издавшей русскихъ со временъ Святослава, а къ вечеру армія стала къ сѣверо-востоку отъ города въ разстояніи пяти верстъ отъ него, упираясь правымъ флангомъ въ Тунджу и доходя разъѣздами до дороги на Константинополь.

Главнoкомандующій тотчасъ-же выѣхалъ на развѣдку и теперь ему предстояло рѣшить вопросъ: атаковать-ли Адрианополь съ тѣми 19-ю тысячами и 110 орудіями, которыя были въ его распоряженіи? Положеніе арміи, зашедшей такъ далеко, было нелегкое: она удалилась отъ портовъ, откуда ей трудно было получать припасы, вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и разстройства обозной части. Для штурма или блокады города она была недостаточно сильна, а пребываніе арміи подъ Адрианополемъ въ бездѣйствіи, очевидно дало-бы возможность туркамъ опомниться и принять мѣры для противодѣйствія намъ, и быть можетъ, Мольтке правъ, когда говорить, что подъ Адрианополемъ нашу армію ожидали *«или конецъ войны, или начало ибелы»*.

Вернувшись съ развѣдки въ лагерь, Дибичъ рѣшилъ на другой-же день штурмовать Адрианополь, правильно разсудивъ, что въ его положеніи самое отважное рѣшеніе вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и самымъ цѣлесообразнымъ, *ибо онъ очутился въ такихъ условіяхъ, когда такъ называемое благоразуміе есть зачастую не болѣе какъ малодушіе, а безумная, повидимому, рѣшимость является самымъ разумнымъ и осторожнымъ поступкомъ*¹⁾.

Однако, вопросъ о занятіи Адрианополя разрѣшился самымъ счастливымъ для насъ образомъ; не успѣлъ Дибичъ вернуться послѣ развѣдки въ лагерь, какъ на передовые посты наши прибыли уполномоченные отъ пашей и городскихъ старшинъ для переговоровъ о сдачѣ Адрианополя. Всю ночь на 8 августа продолжались переговоры и когда утромъ наши войска двинулись впередъ, то турки сдали городъ, получивъ разрѣшеніе отправить обезоруженный гарнизонъ въ Демотику.

¹⁾ Драгомировъ, учебникъ тактики 1897 г.

Такимъ образомъ, 8-го августа, черезъ три мѣсяца послѣ начала похода, наша армія заняла древнюю столицу Турціи, гдѣ со времени Святослава не было русскихъ войскъ. Тотчасъ, по занятіи Адріанополя, Дибичъ получилъ извѣстіе, что турки уже послали уполномоченныхъ для веденія переговоровъ.

Въ тотъ-же день, какъ былъ занятъ Адріанополь, ген. Будбергъ съ полкомъ гусаръ и 4-мя орудіями занялъ Кирклиссу, а на другой день Люле-Бургасъ; отсюда Дибичъ приказалъ ему выдвинуться на Визу и Мидію, куда приказано было прибыть адмиралу Грейгу съ флотомъ; такимъ образомъ, открылась новая линія сообщенія арміи съ моремъ.

Люле-Бургасъ рѣшено было занять авангардомъ, а далѣе, къ востоку, выдвинуть только казаковъ; затѣмъ конный отрядъ долженъ былъ занять Эносъ и войти въ связь съ нашей средиземной эскадрой. Въ такомъ положеніи Дибичъ рѣшилъ ожидать прибытія резервовъ и заняться устройствомъ завоеваннаго края.

Наступленіе къ Константинополю. Занявъ Адріанополь, Дибичъ находился всего только въ 200 верстахъ отъ Константинополя, который онъ еще въ запискѣ, составленной имъ въ 1821 г., считалъ конечной цѣлью войны и писалъ, что *намъ слѣдуетъ овладѣть имъ раньше всякой другой державы*. Итакъ, на очередь сталъ вопросъ-идти-ли на Константинополь?

Въ день занятія Адріанополя обстановка, какъ это видно изъ писѣма Дибича государю, представлялась ему въ слѣдующемъ видѣ: «турецкой арміи между нами и Константинополемъ болѣе не существуетъ, армія подъ Шумлой есть ни что иначе, какъ мѣстный гарнизонъ, недостаточный для обороны; султанъ имѣетъ только 8 баталіоновъ въ Рамизъ-чифликъ (т. е. въ Константинополь); турки вездѣ выказываютъ недовольство султаномъ и довольны поведеніемъ нашихъ войскъ; наконецъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что тоже настроеніе господствуетъ и въ Константинополѣ»¹⁾.

Въ виду такой обстановки Дибичъ считалъ необходимымъ, вести переговоры съ турками *рѣшительно и на военный ладъ*, рассчитывая, что при такихъ условіяхъ турки будутъ очень сговорчивы.

Къ этому надо прибавить, что тотчасъ по занятіи Адріанополя, Дибичъ получилъ писѣма отъ ген. Мюффлинга, чрезвычайнаго посланника короля прусскаго и отъ посланниковъ Англіи—Гордона и Франціи—гр. Гильемино. Въ нихъ сообщалось о рѣшеніи Порты

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. писѣмо Дибича отъ 9 августа 1829 г. изъ Адріанополя (второе писѣмо въ этотъ день).

немедленно прислать уполномоченныхъ для веденія мирныхъ переговоровъ.

Это посредничество иностранныхъ дипломатовъ объясняется слѣдующимъ образомъ.

Мюффлингъ былъ посланъ въ Константинополь прусскимъ королемъ по просьбѣ императора Николая еще тогда, когда не было ни Кулевчи, ни перехода черезъ Балканы.

Что касается до посредничества французскаго и англійскаго посланниковъ, то оно вызывалось желаніемъ видѣть прекращеніе войны, уже въ теченіе двухъ лѣтъ угрожавшей общему спокойствію, а также желаніемъ остановить дальнѣйшіе наши успѣхи.

Надо имѣть при этомъ въ виду, что ни турки, ни европейскіе дипломаты не знали дѣйствительнаго положенія нашей арміи и предполагали, что у Дибича было около 60 т. человекъ; къ тому же въ это время имъ также не было извѣстно о приближеніи Скодрскаго паши.

Итакъ, нашему главнокомандующему предстояло рѣшить вопросъ—наступать-ли далѣе къ Константинополю или ограничиться тѣмъ, что уже сдѣлано и начать переговоры о мирѣ?

Силы, которыми располагалъ русскій главнокомандующій для наступленія на Константинополь, состояли 9 августа изъ 14 т. пѣхоты, 5,000 конницы и 110 ор., а всего у южной подошвы Балканъ мы имѣли не болѣе 35,000 чел., включая и прибывавшіе къ арміи резервы. Изъ этого числа необходимо было выдѣлить для занятія Адрианополя, портовъ и вообще завоеваннаго края за Балканами не менѣе 10,000 челов. и слѣдовательно, для наступленія къ Константинополю оставалось только 25,000 человекъ. Это число Дибичъ считалъ «совершенно достаточнымъ, чтобы дойти до Константинополя, ибо турецкой арміи болѣе не существуетъ.» «Но число это, писалъ онъ государю 13 августа ¹⁾), слишкомъ не достаточно, чтобы предпринять какія либо операціи противъ города, насчитывающаго 600,000 мусульманскаго населенія, или чтобы овладѣть европейскими замками на Босфорѣ. Можетъ случиться и такое благоприятное обстоятельство, что приближеніе нашихъ войскъ возбудитъ народъ противъ правительства и тѣмъ самымъ предоставитъ намъ городъ. Но вѣдь нельзя ни въ какомъ случаѣ рассчитывать на такіе случайные факты».

17-го августа Дибичъ писалъ Чернышеву: «я думаю не спѣшить съ военными дѣйствіями, чтобы окончить, если только воз-

¹⁾ В. У. А. № 2895 (а), всепод. письмо Дибича отъ 13 августа 1829 г.

можно, прочнымъ и почетнымъ миромъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могло бы послѣдовать немедленное крушеніе Оттоманской имперіи, или съ другой стороны оборона Константинополя, хотя и мало вѣроятная, заставила бы насъ вести третью кампанію, сопряженную съ новыми и сложными условіями» ¹⁾).

Итакъ, несмотря на убѣжденіе, что турецкой арміи болѣе не существуетъ, Дибичъ не рѣшился идти къ Константинополю, такъ какъ опасался или чрезвычайныхъ волненій въ этомъ городѣ, что могло бы затруднить веденіе переговоровъ, или упорнаго сопротивленія со стороны турокъ, которое ему, съ его средствами, было не по силамъ сломить.

Мы уже видѣли, что у Дибича не могло быть болѣе 25,000 человекъ для дѣйствій противъ Константинополя; въ это же время для арміи нашей наступили тяжелыя времена. Низменное положеніе Адрианополя, нестерпимая жара днемъ и холода ночью, проливные дожди, недостатокъ хорошаго продовольствія, все это крайне неблагоприятно отзывалось на войскахъ. Болѣзненность и смертность очень усилились и армія таяла на глазахъ своего главнокомандующаго. Нужно было слѣшить съ окончаніемъ кампаніи, тѣмъ болѣе, что съ запада появился новый противникъ, въ лицѣ Скордскаго паши.

Въ своемъ мѣстѣ мы старались выяснитъ вопросъ—могъ ли Дибичъ рассчитывать на успѣхъ дѣйствій противъ Константинополя, и пришли къ заключенію, что успѣхъ былъ болѣе чѣмъ сомнителенъ; если даже считать, что турецкой арміи не было, какъ думалъ Дибичъ, то все же городъ, защищенный стѣнами, могъ быть обороноспособенъ вооруженными жителями, а опытъ войны научилъ насъ не относиться пренебрежительно къ такому противнику, когда онъ сражается за стѣнами. Окружить Константинополь мы не могли, такъ какъ для этого надо было имѣть войска на азіатскомъ берегу и флоты въ Босфорѣ и Дарданелахъ.

Весьма вѣроятно, что вмѣстѣ съ нашимъ флотомъ въ Дарданелы вошелъ бы и англійскій и обстановка усложнилась бы еще болѣе

Далѣе возникалъ вопросъ, стоило ли брать Константинополь, если можно было заставить турокъ заключить выгодный для насъ миръ и безъ этого усилія съ нашей стороны?

Въ своемъ мѣстѣ мы старались выяснитъ, что Императоръ Ни-

¹⁾ В. У. А. № 4415, письмо Дибича Чернышеву отъ 17-го августа 1829 г., изъ Адрианополя.

колай вовсе не желалъ занимать Константинополя *для того, чтобы оставить его за Россіей*, но считалъ необходимымъ, *занять городъ, чтобы заставить турокъ принять наши условия*; слѣдовательно, Государь смотрѣлъ на занятіе Константинополя, какъ на *послѣдній рѣшающій ударъ*. Это мнѣніе Императора Николая лучше всего видно изъ письма его къ Дибичу отъ 1-го сентября ¹⁾: «Перейдемъ теперь къ *случайностямъ*, писалъ Государь, осуществленіе которыхъ я молю Бога не допустить! Это увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ, слѣдовательно, вызвать исчезновеніе Оттоманской Имперіи въ Европѣ. Однако, я не хочу васъ оставить безъ нѣкоторыхъ общихъ указаній, на случай, если дѣйствительно уже дошло бы до того. При неуспѣшности переговоровъ, *вы должны* немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданель; не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе чѣмъ уравниваются вашею нравственною силою. Овладевъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ вы откажетесь входить въ какіе бы то ни было переговоры, *какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было*. Тѣмъ болѣе вы не позволите никакому иностранному флоту войти въ Дарданелы, впредь до приказанія».

Это письмо, написанное 1-го сентября, не могло оказать вліянія на рѣшеніе Дибича въ періодъ веденія переговоровъ, такъ какъ 2-го сентября уже былъ заключенъ миръ. Но нѣтъ сомнѣнія, что при близости Дибича къ Императору Николаю и въ виду полного довѣрія, которымъ онъ пользовался, ему и до полученія этого письма было извѣстно, какъ смотрѣлъ Государь на вопросъ о занятіи Константинополя. И когда переговоры, открытые 20-го августа, начали затягиваться турками, то Дибичъ немедленно двинулъ войска впередъ и тѣмъ заставилъ турокъ ускорить подписаніе мирнаго договора.

Жертвы и результаты войны. Миръ былъ купленъ нами дорогой цѣной. За время похода 1829 г. (съ февраля 1829 г. до мая 1830 г.):

Умерло	96,722 чел.
Убито	2,857 »
	<hr/>
	99,579 чел.

т. е. вся потеря около 100,000 человекъ.

¹⁾ Императоръ Николай I Дибичу 1-го сентября 1829 г. («Древняя и Новая Россія», декабрь, 1879 г., стр. 553).

Заболѣваемость была огромная; трудно опредѣлить общую цифру больных; но, на примѣръ, *въ декабрь 1829 г. числилось больныхъ 93,665 челов.*

Потери турокъ за время похода 1829 г. были слѣдующія:

Умерло и убито: отъ 138,000 до 174,000 чел.

Какихъ результатовъ достигли обѣ стороны, принеся такія огромныя жертвы, не считая денежныхъ расходовъ казны и частныхъ лицъ, а также разоренія части турецкихъ областей, занятыхъ нашими войсками?

Россія, вѣрная данному слову, возвратила Портѣ всѣ завоеванныя земли, и Прутъ съ нижнимъ Дунаемъ по прежнему долженъ былъ составлять границу между нами и Турціей. Россія удержала только острова при устьяхъ Дуная и часть восточнаго побережья Чернаго моря отъ Кубани до поста Св. Николая, а также Ахалцихъ и Ахалкалаки. Греція стала независимымъ государствомъ, что было особенно тяжело признать туркамъ, которые въ грекахъ не могли не видѣть ничего другого, какъ бунтовщиковъ противъ ихъ законнаго государя; Сербія была объявлена вассальнымъ княжествомъ, причемъ Турція обязалась возвратить ей шесть округовъ; Молдавія и Валахія получили отдѣльное управленіе и турки обязывались срыть всѣ крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная; такимъ образомъ, Дунай почти терялъ значеніе оборонительной линіи, въ случаѣ новой войны съ Россіей.

Турецкая армія, только что сформированная, была уничтожена и реформы Махмуда окончательно потеряли значеніе въ глазахъ мусульманъ.

Итакъ, въ общемъ результатѣ, если Россія, вѣрная своему слову, и немного взяла у Турціи, за то Турція потеряла очень много.

Значеніе войны 1828—1829 годовъ для нашихъ послѣдующихъ войнъ съ Турціей. Война 1828—1829 гг. показала, что Турція далеко не находилась въ такомъ слабомъ состояніи, какъ это можно было думать, судя по положенію, въ которомъ она находилась до войны. Россіи нужно было два года, чтобы подготовиться къ турецкому походу и почти два года войны, чтобы заставить турокъ исполнить наши требованія. Война показала, что мы назначили слишкомъ слабыя силы, чтобы рѣшительно и быстро сломить сопротивление турокъ, а такъ какъ окончательная цѣль нашихъ войнъ на востокъ—занятіе проливовъ, не была достигнута и разрѣшеніе этого вопроса отлагалось до будущаго, то можно было надѣяться,

что опытъ войны 1828—1829 годовъ послужить для насъ благотѣльнымъ урокомъ въ будущемъ.

«Наученные опытомъ послѣднихъ войнъ, говорилъ Мольтке въ 1845 году, русскіе, вѣроятно, вторгнутся въ Болгарію съ значительными силами. Если армія при дѣйствительномъ боевомъ составѣ въ 120,000 человѣкъ перейдетъ Дунай въ Гирсовѣ, отдѣлить по 20,000 чел. для осады Силистріи и Варны, выставить 30,000 чел. для наблюденія за Шумлой, то весьма вѣроятно, что остальные 50,000 человѣкъ перейдутъ тотчасъ Балканы, основывая свои дѣйствія на гаваняхъ Чернаго моря. Но нельзя предполагать, чтобы Адрианополь вторично перешелъ безъ сопротивленія въ руки русскихъ; во всякомъ случаѣ, окончательное рѣшеніе вопроса еще разъ произойдетъ подъ тѣми древними стѣнами, которыя нѣкогда задержали паденіе восточной римской имперіи на сто лѣтъ» ¹⁾).

Паралель между походомъ 1828—1829 гг. и походомъ 1877—1878 гг. Для того, чтобы выяснить, насколько мы дѣйствительно воспользовались урокомъ войны 1828 — 1829 гг., проведемъ паралель между этимъ походомъ и походомъ 1877—1878 гг., когда нашей арміи вновь пришлось переправляться черезъ Дунай, переходить Балканы, брать Адрианополь и идти на Константинополь.

1) *Политическая обстановка* какъ передъ походомъ, такъ и во время его, въ обоихъ случаяхъ была почти одинаковая; наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи для насъ имѣла Австрія, которая въ силу своего географическаго положенія легко могла угрожать тылу нашей арміи; это обстоятельство стало особенно ощутительнымъ, когда армія наша продвинулась къ Константинополю и далеко ушла отъ своей базы; тогда Австріи легко было занять узкій промежутокъ между Карпатами и устьемъ Дуная и крайне затруднить сообщенія нашей арміи съ Россіей; послѣднее было болѣе ощутительнымъ въ 1877—1878 гг., такъ какъ мы не имѣли флота на Черномъ морѣ.

Англія въ обоихъ случаяхъ относилась къ намъ враждебно хотя въ 1828 — 1829 годахъ она не оказала Турціи такой поддержки (деньгами, оружіемъ), какъ это было въ 1877—1878 гг.

Франція въ обоихъ случаяхъ относилась къ восточному вопросу довольно безразлично, но все же въ 1828—29 годахъ она относилась къ намъ съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ въ 1877—1878 годахъ.

¹⁾ Мольтке, переводъ Н. Шильдера, ч. 2, стр. 222.

Въ 1828 году Пруссія не оказала намъ никакой поддержки, а въ 1829 году король обѣщалъ, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Австріи въ тылъ нашей арміи, двинуть свою армію противъ австрійской, чего въ 1878 году сдѣлано не было, а это-то и заставило бы Австрію быть гораздо сдержаннѣе. А между тѣмъ, такая услуга со стороны Пруссіи въ 1878 году была бы прямой оплатой за содѣйствіе, оказанное Россіей Пруссіи въ 1870 году. Чтобы это понять, достаточно себѣ представить, что случилось бы съ Пруссіей, если бы Россія позволила австрійской арміи идти на Берлинъ въ то время, когда прусская армія была подъ Парижемъ. Итакъ, политическая обстановка передъ походами 1828—1829 гг. и 1877—1878 годовъ и во время этихъ походовъ во многомъ было очень сходною, а во время послѣдняго похода она была даже менѣе благоприятной для насъ, въ виду болѣе враждебнаго отношенія къ намъ западно-европейскихъ державъ.

2) *Медлительность приведенія арміи на военное положеніе и значительный промежутокъ времени, прошедшій между началомъ подготовительныхъ мѣръ и объявленіемъ войны.*

Передъ походомъ 1828—1829 годовъ подготовка арміи къ нему началась съ апрѣля 1826 года, а война была объявлена 14-го апрѣля 1828 года, т. е. подготовка продолжалась два года. Передъ походомъ 1877—1878 годовъ мобилизація была объявлена 1-го ноября 1876 года, а война объявлена 12-го апрѣля 1877 года, т. е. почти черезъ полгода, а такой срокъ при современныхъ способахъ сообщенія можно считать относительно, пожалуй, даже болѣе длиннымъ, чѣмъ два года, при условіяхъ, бывшихъ въ 1828 году.

Итакъ, въ обонхъ случаяхъ мы собрали армію на границѣ Бессарабіи весьма заблаговременно, но долго не двигали ее за границу, что дало туркамъ возможность сравнительно хорошо подготовиться къ нашей встрѣчѣ, такъ что мы встрѣтили гораздо большее сопротивленіе, чѣмъ то, на которое рассчитывали и которое Турція несомнѣнно могла бы намъ оказать, если бы мы не дали ей время подготовиться къ борьбѣ съ нами.

3) *Весьма искусная организаторская дѣятельность турокъ передъ походомъ.* Въ обонхъ случаяхъ турки весьма умѣло воспользовались тѣмъ срокомъ, который мы имъ дали, чтобы подготовиться къ войнѣ, и если они не сдѣлали всего, то это вполне объясняется недостаточностью ихъ средствъ; однако они сдѣлали такъ много, что въ первомъ случаѣ мы могли сломить сопротивле-

ніе Турціи только послѣ двухлѣтняго похода, а во второмъ случаѣ послѣ похода, продолжавшагося 10 мѣсяцевъ (14-го апрѣля 1877 года—19-го февраля 1878 года).

4) *Недостаточность свѣдѣній о противникѣ передъ войной и во время ея.* Въ обоихъ случаяхъ мы не имѣли достаточныхъ свѣдѣній о противникѣ: въ 1828 году это выразилось главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что мы не имѣли достаточныхъ свѣдѣній объ общей числительности турецкой арміи, о расположеніи ся на театрѣ войны и въ нашихъ предположеніяхъ почти исключительно имѣли въ виду турецкія крѣпости, какъ бы считая, что въ нихъ главная сила обороны Турціи; въ 1829 году мы уже рѣшились дѣйствовать нѣсколько иначе—мы ищемъ армію противника и бьемъ ее при Кулевчѣ.

Наконецъ, въ 1877—78 годахъ недостаточность свѣдѣній о противникѣ выразилась, главнымъ образомъ, въ томъ, что мы не допускали возможности такого энергическаго формировація турецкихъ сидъ и такого сопротивленія ихъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ; слѣдовательно, *свойства противника не были нами изучены вполне.*

5) *Недостаточность силъ въ началѣ похода и постепенное усиленіе арміи.* Въ обоихъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ виду невыяснившейся политической обстановки и возможности вести войну не только противъ Турціи, но и на нашей западной или юго-западной границахъ (противъ Австріи), мы назначили для дѣйствій противъ Турціи недостаточныя силы. Затѣмъ, въ обоихъ случаяхъ послѣдовало *постепенное* усиленіе арміи, вмѣсто того, чтобы *сразу* двинуть достаточныя силы. Въ 1828 году походъ начался въ апрѣлѣ и въ это же время гвардія выступила изъ Петербурга, а потому могла прибыть на театръ войны только въ августѣ; 4-й резервный кавалерійскій корпусъ присоединился къ 3-му корпусу въ іюнѣ, а второй пѣхотный корпусъ началъ прибывать подъ Силистрію только въ половинѣ октября. Въ 1829 году резервы получили приказаніе идти на театръ войны въ началѣ іюня, но начали прибывать только въ теченіе августа. Наконецъ, въ 1877 году подкрѣпленія были вызваны въ іюлѣ и прибыли на театръ войны къ концу августа и въ теченіе сентября. Въ обоихъ случаяхъ въ числѣ подкрѣпленій была наша гвардія.

6) *Недостаточность ассимованныхъ на войну средствъ.* Мы подробно указали въ своемъ мѣстѣ, какъ у насъ излишне и неумѣстно экономили въ 1828 г. при подготовкѣ арміи къ походу;

тоже было и 1877—78 г.г., когда напимѣрь при самомъ началѣ похода въ казначействѣ полевого штаба почти не было звонкой монеты.

7) *Неудовлетворительность личнаго состава начальниковъ и офицеровъ.* Въ тактическомъ отношеніи, въ смыслѣ умѣнія водить войска въ бой, командный составъ нашей арміи въ обоихъ случаяхъ былъ не вполне удовлетворителенъ. Мы подробно изслѣдовали причины этого явленія по отношенію къ походу 1828—29 г.г., а относительно похода 1877—78 г.г. достаточно привести характеристику генерала Куропаткина, который пишетъ, что многіе начальники и офицеры не обладали инициативой и склонны были объяснять бездѣтельность заявленіемъ, *что они не получили приказаній.*

8) *Неправильная постановка цѣли войны.* Передъ походомъ 1828 г. цѣлью войны, въ концѣ концовъ, было поставлено *занятіе княжествъ*, а въ 1877 году—*занятіе стверной Болгаріи.*

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы считали, что это будетъ достаточной угрозой, чтобы заставить турокъ исполнить наши требованія, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы ошиблись. Ошибка 1828 г. была исправлена рѣшительнымъ наступленіемъ, исполненнымъ въ 1829 году, а ошибка 1877 года была исправлена рѣшительнымъ наступленіемъ нашей арміи послѣ паденія Плевны.

9) *Недостаточная самостоятельность нашего главнокомандующаго.* Въ 1828 году эта самостоятельность главнокомандующаго была доведена до крайней степени; ошибка эта была исправлена въ 1829 году, когда Дибичъ пользовался полной самостоятельностью въ предѣлахъ Высочайше утвержденного плана войны, Дибичемъ же составленного.

Въ началѣ похода 1877 года нашъ главнокомандующій также не пользовался должной самостоятельностью и только послѣ паденія Плевны онъ получилъ ее вполне, опять таки въ предѣлахъ Высочайше утвержденного плана, главнокомандующимъ же составленного.

10) *Вмѣшательство въ дѣйствія главнокомандующаго изъ Петербурга.* Такое вмѣшательство въ 1828 году достигло широкихъ размѣровъ главнымъ образомъ въ періодъ подготовки арміи до войны и по окончаніи похода до назначенія Дибича. Въ 1878 году такое вмѣшательство началось со времени окончанія перехода черезъ Балканы (половина января 1878 года) и продолжалось до апрѣля 1878 года, до смѣны главнокомандующаго.

Напротивъ, въ 1829 году такого вмѣшательства почти вовсе не было, какъ его не было и въ походѣ 1877—78 годовъ въ промежутокъ времени между паденіемъ Плевны и прибытіемъ турецкихъ уполномоченныхъ въ главную квартиру нашей арміи (конецъ ноября 1877 года—половина января 1878 года).

11) *Присутствіе Императора при арміи крайне стѣсняло главнокомандующаго.* Такъ было въ 1828 году въ теченіе всего похода этого года и также было въ 1877 году до паденія Плевны.

12) *Пока главнокомандующій былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ дѣла шли не успѣшно.* Такъ было въ 1828 году въ теченіе всего похода и въ 1877 года до паденія Плевны; какъ только главнокомандующему дали свободу дѣйствій (Дибичъ въ 1829 году и великій князь Николай Николаевичъ послѣ паденія Плевны), такъ дѣйствія арміи получили рѣшительный характеръ и въ оба эти періода войска сдѣлали то, что считалось *невозможнымъ*—они перешли Балканы: въ 1829 году при нестерпимомъ зноѣ, а въ 1877 году при морозахъ, метеляхъ и по снѣжнымъ сугробамъ.

13) *Когда наши войска заняли Андрианополь, турки постыжили заявить желаніе заключить миръ,* но затѣмъ при поддержкѣ западно-европейской дипломатіи они старались затянуть переговоры и въ обоихъ случаяхъ потребовалось рѣшительное наступленіе на Константинополь.

14) *Когда наша армія подошла къ Константинополю въ обоихъ случаяхъ западно-европейскія державы приняли мѣры остановить наше дальнѣйшее наступленіе,* причемъ въ 1829 году западно-европейскіе дипломаты старались спасти Турцію отъ окончательнаго разгрома, а въ 1878 году они, сверхъ того, старались объ умаленіи нашихъ пріобрѣтеній. Разница въ отношеніи къ результатамъ войны со стороны западно-европейскихъ державъ была та, что въ 1829 году они старались ускорить заключеніе мира между нами и Турціей, что для насъ, въ сущности, было выгодно и адрианопольскій договоръ признали вполнѣ, а въ 1878 году они затрудняли заключеніе мира, а затѣмъ приняли особыя мѣры, чтобы свести на нѣтъ достигнутые нами успѣхи.

15) *Вопросъ о занятіи Константинополя* въ 1829 году былъ поставленъ вполнѣ ясно: императоръ Николай не желалъ владѣть этимъ городомъ, но требовалъ, чтобы Дибичъ его занялъ для поужденія турокъ исполнить наши требованія. Тотъ же вопросъ въ 1878 году былъ поставленъ, насколько намъ извѣстно, неясно.

Намъ кажется, что постановка его была такая: когда наша армія могла занять Константинополь (январь—февраль)¹⁾, то это было *запрещено*, а когда этого *нельзя* было сдѣлать (мартъ—апрѣль)²⁾, то это было *предписано*.

Итакъ, можно сказать, что въ 1877—78 годахъ мы повторили многія ошибки, сдѣланныя нами за пятьдесятъ лѣтъ до того, въ 1828—29 годахъ, и что обстановка и условія, при которыхъ происходила война, въ обоихъ случаяхъ во многомъ была сходною.

Заключеніе. Въ окончательномъ выводѣ слѣдуетъ сказать, что въ военномъ отношеніи событія обоихъ походовъ, 1828—29 годовъ и 1877—78 годовъ, еще разъ убѣдили насъ въ *превосходныхъ качествахъ нашихъ войскъ*, но къ сожалѣнію убѣдили также и въ томъ, что *мы не всегда умѣло водили ихъ въ бой; въ политическомъ отношеніи* оба похода, несмотря на неполные результаты, все же были не малыми шагами по тому историческому пути, по которому *Россія идетъ уже тысячу лѣтъ* и наконецъ, въ *религиозно-племенномъ отношеніи* оба похода имѣли не малое значеніе, которое прекрасно выражено въ словахъ, сказанныхъ императоромъ Николаемъ посламъ турецкаго султана по окончаніи войны 1828—29 годовъ: «*скажите отъ меня вашему повелителю, что онъ всегда можетъ рассчитывать на мою дружбу и помощь, если ему всегда угодно будетъ помнить, что часть его подданныхъ—христіане и что я—покровитель церкви православной*».



¹⁾ Султанъ самъ предлагалъ занять сильнымъ отрядомъ нашихъ войскъ казармы въ Даутъ-паша, турецкихъ войскъ въ Константинополѣ почти не было и не было укрѣпленной позиціи подъ этимъ городомъ.

²⁾ У турокъ явилась подъ Константинополемъ армія въ 100,000 челов., они сильно укрѣпили позиціи подъ этимъ городомъ, а наша армія начала таять отъ болѣзней.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Росписание войск послѣ покоренія крѣпости Силистріи и раздѣленіе на колонны тѣхъ частей арміи, которыя предназначаются къ переходу чрезъ Балканы.

Корпусъ генерала отъ инфантеріи Рота составляетъ лѣвую колонну и состоитъ:

7-я пѣхотной дивизіи.

	Бат.	
Муромскій	1	НВ. Низовскій въ Варнѣ.
Нижегородскій.	2	
Симбирскій	2	
13-й егерскій.	2	
14-й »	2	

Артилерія.

Батарейная	№ 1	Оставить въ Девнѣ. НВ. Легкая № 3, сложа артилерію въ Варнѣ съ людьми и лошадыми, употреблена будетъ при горной артилеріи № 2.
Легкая	№ 2	

16-я пѣхотная дивизіи.

	Бат.
Селевгинскій	2
Якутскій.	2
Охотскій.	1
31-й егерскій.	1
32-й »	2

Артилерія.

Батарейная	№ 1	Оставить въ Девнѣ.
Легкая	№ 2	
»	№ 3	

4-я уланская дивизія.

	эск.
С.-Петербургскій	4
Харьковскій	4
Смоленскій	4
Курляндскій	4

Артилерія.

Конная № 28-го.
 Горной артилеріи № 1 изъ еднороговъ.
 6-го пионернаго баталіона—³/₄.
 28 повтоновъ. 7-го пионернаго баталіона.

Казачьи полки.

Ежова.
 Вакланова (бывшій Попова 1).

Итого въ сей колоннѣ 17 баталіоновъ пѣхоты, 16 эскадроновъ кавалеріи, 5 ротъ артилеріи (44 орудія), ³/₄ баталіона пионеры, 28 повтоновъ и 2 казачьихъ полка.

Корпусъ генерала Редигера составляетъ правую колонну и состоитъ:

18-я пѣхотная дивизія.

	Бат.	
Вятскій	2	НВ. Казанскій въ гарнизонѣ въ Базарджикѣ.
Уфимскій	2	
Пермскій	2	
35-й егерскій	2	
36-й »	2	

Артилерія.

Батарейная № 1. Легкой № 2 роты 4 орудія въ Базарджикѣ: 1 въ Праводахъ.

19-я пѣхотная дивизія.

	Бат.	
37-й Егерскій	2	НВ. Прочіе полки: Азовскій Днѣпровскій и Украинскій въ Сизополѣ и Одесскій (въ Зеберджи и Козлуджи временно) соединяются въ Девнѣ для прикрытія Вагенбурга.
38-й »	2	

Артилерія.

Батарейной № 1 ¹/₂ роты.
 Легкой № 2 ¹/₂ роты

По полуротѣ №№ 1 и 2 въ Сизополѣ — взять лошадей на полный комплектъ, чтобы въ Сизополѣ подпречь подъ другія полуроты.

Легкой № 3

Оставить въ укрѣпленіи при Кюприніюй.

Горной артилеріи № 2 пзъ пушекъ 7-го піонернаго баталіона $\frac{3}{4}$ 14 понтоновъ 7-го піонернаго баталіона.

Казачьи полки.

Черенушкина.

Ильина.

Золотарева 2-го.

Итого въ сей колоннѣ: 14 баталіоновъ пѣхоты, 5 ротъ артилеріи (44 орудія) $\frac{3}{4}$ баталіона піонеръ, 14 понтоновъ и 3 казачьихъ полка.

Резервъ изъ корпуса генерала графа Палена и состоитъ:

5-я пѣхотная дивизія.

	Бат
Бѣлозерскій	2
Олонецкій	2
Ладожскій	2
9-й егерскій	2
10-й »	2

НВ. Шлиссельбургскій временно въ Силистріи пока успѣеть обшиться.

Артилерія.

Батарейная	№ 1
Легкая	№ 2
»	№ 3

6-я пѣхотная дивизія.

	Бат.
Невскій	1
Софійскій	2
Нарвскій	2
Капорскій	2
11-й егерскій	1
12-й »	1

Артилерія.

Батарейная	№ 1
Легкая	№ 2
»	№ 3

Оставить въ Девнѣ.

3-й гусарской дивизіи.

1 бригада.

	эск.
Эрцъ-герцога Фердинанда	4
Павлоградскій	4
Конно-артилерійской № 3.	

Казачьи полки.

5-й Черноморский.
6-й »
Донская конно-артиллерийская № 1.
6-го пионер. батальона 1/4.

При главной квартире.

Дологина казачий полк
Жандармовъ 1 эск. НВ. Другой остается при Вагенбургѣ.

Итого въ резервѣ 21 батальонъ пѣх., 8 эскадроновъ кавалеріи, 7 ротъ артиллеріи (60 орудій), 1/4 батальона пионеръ, 3 казачьихъ полка и 1 эскадронъ жандармовъ.

По сію сторону Балкановъ, какъ наблюдательный корпусъ противъ Шумы, подъ командою генералъ-лейтенанта Красовскаго останется.

8-я пѣхотная дивизія.

	Бат.
Троицкій	2
Пензенскій	2
Тамбовскій	2
Саратовскій	2

НВ. 15-й и 16-й егерскіе остаются въ гарнизонѣ въ Силестріи и при нихъ легкая № 3 рота 8-й артиллерійской бригады.

Артиллерія.

Батареиная	1
Легкая	2

9-я пѣхотная дивизія.

	Бат.
Черниговскій	2
Полтавскій	2
Алексопольскій	2
Кременчурскій	2
17-й егерскій	2
18-й »	1

Другому батальону дано повѣрленіе слѣдовать изъ Фокшанъ на присоединеніе полка.

Артиллерія.

Батареиная	№ 1
Легкая	№ 2
»	№ 3

2-я гусарской дивизіи.

2-я бригада.

	Эск.
Елисаветградскій	4
Прикутскій	4
Конно-артиллерійскій № 4.	

3-я гусарская дивизія.

Ахтырскій 4
 Александрійскій 4
 Графа Витгенштейна 4
 Принца Оранскаго 4
 Конно-артилерійскій № 6.
 Конно-батарейная № 19.

Бугская уланская дивизія.

1-й Бугскій 4
 2-й » 4
 3-й » 6
 4-й » 6
 Конно-артилерійскій № 27.

Казачьи полки.

4-й Уральскій.
 9-й Оренбургскій.
 Борисова.

Карпова 4-го на военной дорогѣ черезъ Каургу къ Сплистрин.

Резервъ сего корпуса.

11-й пѣхотной дивизіи.

	Бат.	
21-й Егерскій	2	} Временно употребляются на сѣнокошеніе.
22-й »	2	
Легкая № 3 рота		} Въ слѣдованіи къ Козлуджи на присоединеніе къ егерской бригадѣ.

Итого подъ командою генераль-лейтенанта Красовскаго въ наблюдательномъ корпусѣ противъ Шумлы и резервъ сего корпуса: 23 бат. пѣхоты, 4 эскадрона кавалеріи, 10 ротъ артилеріи (80 орудій и 4 казачьихъ полка.

Сверхъ сего генераль-лейтенанту Красовскому подчиняются отряды въ командѣ генераль-маіора Купреянова состоящіе, а именно:

Въ Праводахъ.

Бат.

Полоцкаго пѣхотнаго полка . . . 2
 19-й Егерскій 2
 20-й » 2
 7-й пионерн. батал 1/4

Артилерія.

10-й артил. бригады легкой № 2
 18-й » » » № 2 Полурота № 2, 18-й артил. бриг. находится въ Базарджикѣ.
 19-й » » » № 3 Назначена состоять въ укрѣпленіи при Киопрікюй.

Казачьи полки.

сотни.
Александрина 3
Андреевна 2

Въ Девнѣ.

Въ прикрытіе главнаго вагенбурга переходящихъ войскъ за Балканы, располагаются при Девнѣ, назначаются:
Одесскаго полка 6 ротъ.

Легкія роты.

6-й бригады № 3
7-й » № 2
16-й » № 3

эск.
Мандармскаго полка. 1
Сотня казаковъ Александрина п.

Въ Гебедони.

Сотня казаковъ Александрина п.
Силистріійскій пунктъ подчиняется генераль-адъютанту Киселеву.
Въ гарнизонѣ Силистріи останется.

бат.
Архангелогородскій 2
Вологодскій 2
15-й егерскій 2
16-й » 2

Артилерія.

11-й артил. бригады легкая № 2
Саперный баталіонъ 1
3-й піонерный баталіонъ 1
Понтонное отдѣленіе 6-го піонернаго баталіона.
1, 3 и 4 отдѣл. осадной артил.
1 и 3 отдѣленія инженернаго парка.

Отряды волонтеровъ.

Цвѣтко Кондовича и Георгія Буюклъ.

Дунайская флотилія и на оной.

бат.
Брянскаго пѣх. полка 1
1 Черноморскій пѣшій казачій полкъ.

Мостъ при Силистріи Каларашскій, Браиловскій и Залацкій пункты также подчиняются генераль-адъютанту Киселеву.

У генераль-адъютанта Головина остаются въ командѣ всѣ гарнизоны:

- Въ Варнѣ.
- » Базарджикъ.
 - » Коварнѣ.
 - » Бальчикъ.
 - » Монгалии.
 - » Кистенджи.
 - » Гирсово.
 - » Мачинѣ.
- } 2-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи, одинъ баталіонъ
Брянскаго и два баталіона Орловскаго пѣхотныхъ
полковъ.
- » Исакчи.
 - » Тульчи.
- } Гарнизонъ въ сихъ пунктахъ не подчиняется гене-
раль-адъютанту Головину, ниже генераль-маіору Куз-
мину, состоитъ въ вѣдѣніи графа Витта.

Послѣдніе пять пунктовъ по отдаленности своей отъ Варны, состоятъ въ непосредственной командѣ генераль-маіора Кузьмина, который состоитъ какъ по гражданской, такъ и по военной части подъ начальствомъ генераль-адъютанта Головина.

Сизопольскій гарнизонъ, состоящій въ командѣ генераль-лейтенанта Понсета, и ожидаемая туда 12-я пѣхотная дивизія, подчиняются, впредь до повелѣнія, адмиралу Грейгу, который съ Черноморскимъ флотомъ имѣетъ пребываніе свое въ Форосскомъ заливѣ.

Послѣ сихъ общихъ распоряженій остается присовокупить, что прежнее начальство по правую сторону Дуная симъ прекращается и вообще гг. генералы: графъ Паленъ, Ротъ, адмиралъ Грейгъ, генераль-лейтенанты: Редигеръ, Головинъ, Красовскій и Киселевъ доносить о внутреннихъ имъ частяхъ войскъ и вообще по управленію края прямо господину главнокомандующему.

Подлинное подписалъ: генераль-адъютантъ *графъ Толъ.*

Вѣрно: гвардейскаго генеральнаго штаба,

штабсъ-капитанъ *Веймарнъ.*

№ 2.

Общій обзоръ движеній войскъ при назначен-
ныхъ слѣдовать за оныя и тѣхъ, кои остаются по

Корпусъ генерала Рота.	Корпусъ генераль-лейтенанта Редигера.
<p>Юня. 30-го. Въ Таушанъ-Козлуджи . 16</p>	<p>Бат. 16</p>
<p>Юли. 1-го. Девно 21</p>	
<p>2-го Ротахъ. { Въ продолженіе сихъ двухъ дней присоединяются къ колоннѣ 3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ легкою № 3-го роту № 5-й артил. бригады, и съ ротою пионеръ 6-го баталіона, 4-и уланская дивизіи съ конно-артил. № 2-го роту и тѣ изъ войскъ 7-й пѣхотной дивизіи кои назначены по росписанію.</p>	<p>Юли 3-го. Въ Марковчу 1</p>
<p>4-го. Беаджіоль 26</p>	<p>4-го. Въ Кадыкій 21</p>
<p><i>Примѣчаніе.</i> 28 понтоновъ и горная рота № 1 съ прикрытіемъ, слѣдуютъ по дорогѣ на Петрокій, а въ ночь съ 4-го на 5-е къ Камчику.</p>	<p>Въ Кадыкій присоединяются къ сей колоннѣ горная № 2 рота и 14 понтоновъ изъ Праводъ и два подвижныхъ моста изъ Енибазара по распоряженію генераль-лейтенанта Редигера.</p>
<p>5-го. Переходитъ черезъ Камчикъ и атака на Дервишкій. 3-я бригада 5-й пѣх. дивизіи съ легкою № 3-го роту 5-й бригады остается до прибытія корпуса графа Палена въ Дервишкій.</p>	<p>5-го. Переходитъ черезъ Камчикъ и Кюпрікій. Гдѣ устроивши тет-депонъ на два баталіона, оставляетъ, впредь до повелѣній 37-й и 38-й егерскіе полки съ легкою № 3-го роту 19-й артил. бригады.</p>
<p>6-го За Аспро и буде возможно до Козакій 17½</p>	<p>6-го. Въ Дервишкій правымъ берегомъ Камчика.</p>
<p>7-го. До Эмине или Палиобана. 20 По усмотрѣнію генераль отъ инфантеріи Рота на какой изъ сихъ пунктовъ дорога удобнѣе.</p>	<p>7-го. За Айваджикъ 20</p>
<p>8-го. До Монастыркій 16</p>	<p>8-го. До Келелеръ 20</p>
<p><i>Примѣчаніе.</i> Главная квартира арміи будетъ слѣдовать съ корпусомъ генерала Редигера.</p> <p style="text-align: right;">Подлинный подписалъ: Вѣрно: гвардейскаго генеральнаго штаба,</p>	

номъ переходѣ чрезъ Балканы, какъ войскъ имѣю-
щую сторону Балканъ для наблюденія нашихъ сообщеній.

Корпусъ генерала графа Палена.	Корпусъ генераль-лейтенанта Красовскаго.
	1-го. Приходитъ къ Шумлѣ 1-й эшелонъ.
	3-го. Приходитъ къ Шумлѣ 2-й эше- лонъ.
4-го іюля. Въ Янибазаръ . . . 12	
5-го. Въ Девно.	5-го. Весь корпусъ въ Янибазаръ.
6-го. Въ Беаджіоль.	
7-го. За Арнаутларъ.	
8-го. На Балканскомъ Эрекиѣ.	
генераль-адъютанта графа Палена. генераль-маіоръ <i>Бергъ</i> . штабсъ-капитанъ <i>Веймарнъ</i> .	

Приложение № 3.

В. У. А. № 2904 (А).

«Г. Главнокомандующий утвердить изволил».

(Помѣтка Г. А. Толя). № 35.

Диспозиція для слѣдованія главной кватиры арміи и 2-го пѣхотнаго корпуса изъ лагеря при Шумль до укрѣпленія при Девно.

1) Одна рота Ладожскаго пѣхотнаго полка съ маркитанскимъ базаромъ, выступаетъ 3-го іюля въ 9 часовъ вечера изъ лагеря и слѣдуетъ до Яни-базара. На другой день, т. е. 4-го іюля приходитъ къ Бѣлому фонтану, что при Эсетепе: 5-го дѣлаетъ растахъ въ семь мѣстъ и 6-го продолжаетъ слѣдованіе до укрѣпленія Девно, гдѣ располагается такимъ образомъ, какъ показано будетъ полковникомъ генеральнаго штаба Рокасовскимъ, обще съ начальникомъ большого Вагенбурга, полковникомъ Худинскимъ.

Примѣчаніе. Ротный командиръ обязанъ наблюдать за порядкомъ во время слѣдованія базара, согласно съ наставленіями, которыя онъ имѣетъ получить на сей предметъ отъ дежурнаго генерала арміи.

2) Одна рота Ладожскаго полка выступаетъ 3-го іюля въ 8 часовъ вечера изъ лагеря, съ обозомъ главной кватиры и съ тяжелымъ обозомъ 2-го пѣхотнаго корпуса и слѣдуетъ черезъ Яни-базаръ, Таушанъ-Козлуджи до Бѣлаго фонтана, гдѣ генеральнаго штаба полковникъ Энгольмъ покажетъ мѣсто для расположенія. 4-го іюля, оная рота, со своимъ обозомъ, идетъ до укрѣпленія при Девно, и располагается тамъ, гдѣ будетъ показано полковникомъ Рокасовскимъ.

Примѣчаніе. Въ главной кватиры остаются палаточныя ящики, фуры изъ управленія, генеральскіе экипажи и вьюки, а во 2-мъ корпусѣ, патронныя палаточныя ящики, генеральскіе экипажи, вьюки и сходно съ приказомъ по арміи за № аптечныя и лазаретныя фуры при дивизіяхъ. 3-го, 4-го іюля, въ 8 часовъ вечера, главная кватира арміи и 2-й корпусъ выступаютъ изъ лагеря въ Яни-базаръ, слѣдующимъ порядкомъ:

- | | | |
|---|---|------------------------------|
| Долотина казачій полкъ и рота 6-го пионернаго баталіона. | } | Выступаютъ въ 8 час. вечера. |
| Ладожскій полкъ (исключая 2-хъ ротъ) съ легкимъ своимъ обозомъ, остальной обозъ главной кватиры эскадронъ жандармовъ. | | |
| Остальной обозъ 2-го корпуса. | | |
| 6-я пѣхотная дивизія. | } | Въ 10 час. вечера. |
| 5-я дивизія съ ея артилеріею. | | |
| Лѣвымъ флангомъ батал. колоннъ къ атакѣ. | | |
| Ракетная рота. | } | Въ 11 час. вечера. |
| 6 орудій Донской конной роты № 1-го. | | |
| 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною № 3-го роткою. | | |
| 5-й и 6-й Черноморскіе казачьи полки. | | |

ПРИЛОЖЕНІЕ

Примѣчаніе. Оберъ-квартирмейстеръ 2-го корпуса съ нужнымъ числомъ офицеровъ и квартирмейстеровъ, предварительно избираетъ мѣсто для расположенія корпуса за Яни-базаромъ, а штабсъ-капитанъ Венцель для главной квартиры арміи, и для того отправляются еще днемъ ранѣе, дабы до вечера занять лагерь для войскъ сихъ.

4-го, 6-го іюля, пополудни, главная квартира и 2-го корпуса, слѣдуютъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, до укрѣпленія Девно.

Ген.-маіоръ Бергъ.

Приложеніе № 4.

В. У. А. № 2904 (А).

«Утверждаю».

№ 36.

Диспозиція для слѣдованія изъ лагеря при Шумлѣ 2-го пѣхотнаго корпуса и главной квартиры до укрѣпленія при Девно и 3-го пѣхотнаго корпуса къ Яни-базару.

1) Казенный и партикулярный обозъ главной квартиры и 2-го пѣхотнаго корпуса съ Маркитанскими обозами подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ладожскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ генераль-полицеймейстера полковника Добровольскаго, выступаютъ изъ лагеря 4-го іюля въ 8 часовъ пополудни по дорогѣ чрезъ Яни-базаръ до Бѣлаго фонтана, гдѣ на 5-е число располагаются на мѣстѣ, которое будетъ показано генеральнаго штаба полковникомъ Энгельмомъ; 5-го числа іюля, въ 4 часа пополудни, казенный и партикулярный обозы, подъ прикрытіемъ одной роты Ладожскаго полка, продолжаетъ слѣдованіе до укрѣпленія при Девно, гдѣ и располагается какъ показано будетъ генеральнаго штаба полковникомъ Рокасовскимъ; а маркитанты подъ прикрытіемъ другой роты, 5-го и 6-го имѣютъ растахъ у Бѣлаго фонтана, и 7-го слѣдуютъ къ укрѣпленію Девно гдѣ также принимаютъ мѣсто отъ полковника Рокасовскаго.

Примѣчаніе 1-е. Касательно порядка, который долженъ быть наблюдаемъ за обозами при слѣдованіи ихъ, дано будетъ наставленіе отъ дежурнаго генерала арміи.

Примѣчаніе 2-е. Въ главной квартирѣ остаются палаточные ящики, фуры изъ управленій, генеральскіе экипажи и вьюки, а во 2-мъ корпусѣ, патронные, палаточные ящики, генеральскіе экипажи, вьюки и сходно съ циркуляромъ отъ 2-го іюля, даннымъ аптечныя и лазаретныя фуры при дивизіяхъ.

2) Казенный и партикулярный обозъ 3-го пѣхотнаго корпуса, также и маркитанты по распоряженію корпуснаго командира имѣютъ выступить того же 4-го іюля въ 11 часовъ пополудни изъ лагеря при Шумлѣ къ Яни-базару.

3) 2-й пѣхотный корпусъ и главная квартира арміи изъ лагеря при Шумлѣ выступаютъ 5-го іюля до Д. Таушанъ-Козалуджи слѣдующимъ порядкомъ:

Долотина казачій полкъ. Рота 6-го піонернаго баталіона съ канатнымъ мостомъ. Ладожскій полкъ (исключая 2-хъ ротъ) съ легкимъ своимъ обозомъ. Остальной обозъ главной квартиры. Эскадронъ жандармовъ. Остальной обозъ 2-го корпуса.	}	Въ 8 час. вечера.
6-я пѣхотная дивизія. 5-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею.		
Ракетная рота. 6 орудій донской конной роты № 1. 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною № 3-го ротюю. 5-й и 6-й Черноморскіе казачьи полки.	}	Въ 10¼ час. вечера.

4) 3-й пѣхотный корпусъ 5-го іюля выступаетъ къ Яни-базару въ 11½ час. пополудни по особому распоряженію Корпуснаго командира, и слѣдуетъ по большей Яни-базарской дорогѣ, составляя арьергардъ.

Примѣчаніе. Оберъ-квартирмейстеры 2-го и 3-го корпусовъ съ нужнымъ числомъ офицеровъ и квартиргеровъ предварительно избираютъ мѣста для расположенія корпусовъ при Яни-базарѣ и Таушанъ-Козлуджи, а штабъ-капитанъ Венцель, для главной квартиры арміи, и для того отправляются еще днемъ дабы до вечера занять лагерь для войскъ сихъ.

5) 6-го іюля пополудни главная квартира 2-й корпусъ слѣдуютъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, до укрѣпленія Девно.

Въ должности генераль-квартирмейстера, ген.-маіоръ Бергъ.

Приложеніе № 5.

В. У. А. № 2904 (А).
«Г. Главнокомандующимъ утверждено».

Диспозиція на 7-е число іюля.

Лагерь при укрѣпленіи Девно 7-го іюля 1829 года.

Сегодня, т. е. 7-го іюля, главная квартира арміи и войска 2-го пѣхотнаго корпуса продолжаютъ слѣдованіе изъ Девно по направленію на Османжи (16 верстъ) слѣдующимъ порядкомъ:

- 1) 5-й и 6-й Черноморскіе конные полки.
- 2) Донская конно-артилерійская № 1 рота.
- 3) Главная квартира арміи, подъ прикрытіемъ баталіона Ладожскаго пѣхотнаго полка, эскадрона жандармовъ и Долотина казачьяго полка.

Выступаютъ въ 12 часъ пополудни.

- | | | |
|---|---|---|
| 4) Рота 6-го пионерного батальона. | } | Выступаютъ въ 1 ч. пополудни. |
| 5) Ракетная рота. | | |
| 6) 1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ батареею № 1 и легкой № 2 ротами 5-й артиллерійской бригады. | | |
| 7) 6-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею. | } | Выступаютъ въ 2 ч. пополудни. |
| 8) 1-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною № 3 ротой. | | |
| 9) Корпусная квартира 2-го пѣхотнаго корпуса. | } | Выступаютъ (равно какъ и арьергардъ) въ половинѣ 3-го часа пополудни. |
| 10) Находящійся при главной квартиры подвижной корпусный госпиталь. | | |
| 11) Арьергардъ колонны, состоящій изъ одного пѣхотнаго батальона коего назначеніе предоставляется корпусному командиру. | | |

11) Арьергардъ колонны, состоящій изъ одного пѣхотнаго батальона коего назначеніе предоставляется корпусному командиру.

Генераль-маіору Малиновскому поручается сдѣлать распоряженіе чтобы въ 11 часовъ пополудни отъ моста, что на рѣчкѣ Девнѣ, по обѣимъ сторонамъ дороги на Гебеджи, на пространствѣ одной версты выставлена была цѣпь изъ двухъ ротъ Ладожскаго пѣхотнаго полка, для предупрежденія всякаго сообщенія войскъ, выступающихъ изъ Девно съ частями, при Девно расположенными, по лѣвому берегу рѣки. При семъ должна быть соблюдена всевозможная осторожность и въ отношеніи упомянутыхъ двухъ ротъ Ладожскаго полка, кои имѣютъ остаться въ Девно, для отправленія этапной службы, впредь до того времени, пока Одесскій полкъ выйдетъ изъ всякаго сомнѣнія на счетъ заразительной болѣзни, и что остается на совершенной отвѣтственности командира сихъ двухъ ротъ Ладожскаго полка, въ которыхъ нынѣ никакихъ признаковъ заразы нѣтъ.

Остальныя двѣ роты Ладожскаго полка, изъ коихъ одна имѣетъ при-быть сегодня (т. е. 7-го числа) съ маркитантскимъ обозомъ въ Девно, должны быть направлены въ Гебеджи, гдѣ онѣ и имѣютъ содержать кан-рантинъ, по особому распоряженію дежурнаго генерала арміи, на томъ же основаніи, какъ и вышеупомянутыя роты Ладожскаго полка.

Въ должности генераль-квартирмейстера арміи г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 6.

В. У. А. № 2904 (А).

Диспозиція общаго движенія за Балканы.

Лагерь при Дервишъ-Кіюй-Дервишъ Джеванъ.

8-го іюля
1829 г.

Корпусъ генераль-лейтенанта Ридигера, составляющій правую ко-лонну арміи сегодня (т. е. 8-го числа) къ вечеру находится корпусомъ своимъ при рѣчкѣ Фундукли и авангардъ его въ Айваджикъ.

Корпусъ генерала Рота, составляющій лѣвую колонну, находится сего 8-го числа въ Аспро или далѣе, гдѣ застанетъ его сіе повелѣніе. Авангардъ его въ ст. Эракліи или далѣе.

Корпусъ генерала графа Палена на дорогѣ Варненской по лѣвому берегу р. Камчика. Главная квартира при Дервишкѣй.

Завтра, т. е. 9-го числа.

Колонна генераль-лейтенанта Ридигера идетъ до Айваджика, выдвигаетъ авангардъ свой до Эркечь, что на самой вершинѣ Балкана.

Колонна генераль-лейтенанта Рота идетъ въ Эраклю и посылаетъ два авангарда также на вершину Балкана, одинъ въ Палиобана (тоже Эскибана), а другой въ Еминѣ.

Корпусъ генерала графа Палена получить повелѣніе въ свое время; съ тѣмъ вмѣстѣ получить и главная квартира свое направленіе.

Генераль-лейтенантъ Ридигеръ, дойдя до Айваджика, посылаетъ сильную партію въ Кіопрікѣй.

Корпусъ генерала графа Палена, прибывъ на Камчикъ, тотчасъ посылаетъ правымъ берегомъ сильный разѣздъ въ Кіопрікѣй.

Оба сіи разѣзды должны, возвратясь къ своимъ корпусамъ, привести письменныя свидѣтельства, что они тамъ были.

Приложеніе № 7.

В. У. А. № 2904 (А).

Утверждаю.

**Диспозиція на 9-е іюля. Для слѣдованія 2-го пѣхотнаго корпуса и главной
квартиры арміи.**

Лагерь при Дервишъ Джеванъ

9-го іюля 1829 г.

5 й Черноморскій конный полкъ.

Горная рота № 2.

Донская конная рота № 1.

Долотина казачій полкъ.

Главная квартира арміи.

Эскадронъ жандармовъ

Баталіонъ Ладожскаго пѣхотнаго полка.

Въ 5 часовъ пополудни выступаютъ изъ Дервишкѣй и слѣдуютъ чрезъ Арнаутларъ до рѣчки Фундукли-дере.

Пионерная рота.

3-я и 1-я бригады 5-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артилеріею.

6-я пѣхотная дивизіи съ ея артилеріею.

Двѣ роты Кегорновыхъ мортиръ.

Въ арьергардъ назначается одинъ баталіонъ по усмотрѣнію корпуснаго командира.

Выступаютъ въ 5 час. пополудни изъ мѣста расположенія и слѣдуютъ по той же дорогѣ до р. Фундукли-дере. 3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи на маршѣ при Дервишъ - Джеванъ присоединяется къ своей дивизіи.

1-я бригада 2-й гусарской дивизии остается на своемъ мѣстѣ, но должна быть готова къ выступленію завтрашній день (т. е. 10-го числа утромъ. Нынѣшнею же ночью (съ 9-го на 10-е) посылаетъ разѣзды во все стороны и особенно вверхъ по правому берегу р. Камчика. Понтоны 7-го пѣхотнаго корпуса, оставшіеся при Дервишъ-Джеванѣ, должны быть перевезены къ Камчику на то мѣсто, гдѣ устроены чрезъ оный два моста.

Примѣчаніе. Мѣста для расположенія войскъ выступающихъ изъ лагеря при Дервишъ-Джеванѣ, назначаютъ полковникъ Рокасовскій и штабсъ-капитанъ Венцель, а для 2-го корпуса, оберъ-квартирмейстеръ онаго корпуса и потому заблаговременно отправляются впередъ.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 8.

В. У. А. № 2904 (А).

«Г. Главнокомандующій утвердилъ».

Диспозиція на 10-е іюля. Для слѣдованія 2-го пѣхотнаго корпуса и главной квартиры арміи.

Бивакъ близъ д. Арнаутларъ на р. Фундукли-дере

9-го іюля 1829 г.

Рота пионерная имѣетъ выступить въ 2 часа пополудни и исправляетъ дорогу въ трехъ мѣстахъ, кои назначатся особою запискою для командира роты.

6-й и 5-й Черноморскіе конные полки.
Горная артиллерійская № 2 рота.
Донская конная № 1 рота.
Долотина казачій полкъ.
Главная квартира арміи.
Эскадронъ жандармовъ.
Баталіонъ Ладожскаго полка.

Выступаютъ въ 4 часа пополудни и слѣдуютъ чрезъ Айваджикъ до р. Эркечь, на хребтѣ большаго Балкана (30 верстѣ).

3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артилерією.

Одна сотня 5-го Черноморскаго полка.

Слѣдуетъ въ головѣ главной квартиры передоваго эшелона, также въ Эркечь (30 верстѣ) и выступаетъ ранѣе часомъ, т. е. въ 3 ч. утра.

1-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артилерією.

6-я пѣхотная дивизія съ ея артилерією.

Двѣ роты Кегорновыхъ мортиръ.

Корпусная квартира 2-го пѣхотнаго корпуса.

Выступаютъ въ 5 часовъ пополудни и слѣдуютъ до Айваджика (15 верстѣ), гдѣ и располагается на ночь.

1-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ ея артилерію.

Выступаютъ въ 4 часа пополудни и слѣдуетъ на соединеніе съ корпусомъ въ Айваджикъ (26 верстъ).

Примѣчаніе. Мѣста для расположенія главной квартиры и имѣющихъ слѣдовать при ней войскъ назначаетъ Рокасовскій и штабсъ-капитанъ Венцель, а для войскъ 2-го пѣхотнаго корпуса полковникъ Ризенкампфъ, почему господа офицеры сіи и отправляются съ 3-ю бригадою 5-й пѣхотной дивизіи.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 9.

В. У. А. № 2904 (А).

№ 41.

Диспозиція на 11-е число іюля 1829 года.

Лагерь при Эрекче-Балканскомъ. 10-го іюля, 1829 г.

Если генераль Ротъ неуспѣлъ сегодня (т. е. 10-го числа), завладѣть городомъ Миземврию, то имѣеть завтра (т. е. 11-го числа) при содѣйствіи флота, стараться овладѣть онымъ, гдѣ оставляетъ 1 баталіонъ пѣхоты, 2 орудія и 25 казаковъ въ гарнизонѣ. Послѣ сего продолжаетъ маршъ свой къ г. Ахиоло и старается завладѣть такимъ же образомъ и симъ мѣстомъ, гдѣ равномерно оставляетъ 1 баталіонъ пѣхоты и 25 казаковъ. При семъ содѣйствуетъ также флотъ.

Съ разсвѣтомъ дня, генераль Ротъ посылаетъ 4-ю уланскую дивизію прямо изъ Монастыркой по дорогѣ въ Бургасъ, съ тѣмъ, чтобы одна бригада остановилась при Алакаріи (Акарликъ тожь); а другая бригада съ генераломъ Крейцемъ, продолжала бы маршъ свой къ Бургасу до озера Анастасія.

Корпусъ генерала Ридигера выступаетъ въ 3 часа утра и идетъ чрезъ Инжіакію Турецкій на д. Алакарія (Акарликъ тожь), выдвигая авангардъ свой по дорогѣ къ Румиликію, что на Айдосской дорогѣ, имѣя въ подкрѣпленіе къ нему бригаду 4-й уланской дивизіи, съ 4-мя орудіями конной № 28-го роты, находящуюся при Алакаріи и которая идетъ вслѣдъ за авангардомъ.

Между тѣмъ генераль Ридигеръ оставляетъ баталіонъ 35-го егерскаго полка при Келлерерѣ съ 2-мя орудіями артилеріи. Казаки къ сему баталіону командируются изъ 6-го Черноморскаго коннаго полка изъ главной квартиры. Казаки сіи дѣлають разъѣзды на Айдосской дорогѣ до Барать-дере.

3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи идетъ вслѣдъ за генераломъ Ридигеромъ. Прочіе полки 5-й дивизіи съ 1-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи и ихъ артилерію, идутъ до деревни Инжіакію Турецкій, а 6-я пѣхотная дивизія останавливается при д. Келлерерѣ. Генерал-маіору князю Любомирскому поставляется въ особенную обязанность охранять комму-

никацію нашу на Айваджикъ, и для того посылаетъ разѣзды изъ 6-го Черноморскаго полка при баталіонѣ 35-го егерскаго полка, находящагося по дорогѣ чрезъ Татаркюй къ Байрамъ-дере.

Баталіонъ Софійскаго полка продолжаетъ прикрывать обозъ 2-го пѣхотнаго корпуса.

Главная квартира арміи имѣетъ быть 11-го числа въ Инжіакюй Турецкомъ; къ ней присоединяется 5 Черноморскій полкъ съ графомъ Тиманомъ.

Г-ну главнокомандующему угодно, чтобы не только давать всевозможное покровительство мирнымъ жителямъ, но и стараться, сколь возможно, сберечь ихъ поля при занятіи лагерныхъ мѣстъ. Домовъ же ихъ отнюдь не касаться и не разбирать на дрова.

Г. А. графъ Толь.

Приложеніе № 10.

В. У. А. № 2904 (А).

Диспозиція на 12-е іюля 1829 года.

Лагерь Инжіакюй Турецкій. 11-го іюля 1829 года.

Завтра (т. е. 12 числа) имѣетъ быть слѣдующее перемѣщеніе корпусамъ. Корпусъ генерала Рота, оставя 1 баталіонъ Муромскаго полка въ гарнизонѣ въ Миземвріи, одинъ баталіонъ Нижегородскаго полка при плѣнныхъ изъ гарнизона крѣпости Миземвріи и въ сраженіи при Даутли ваятыхъ и одинъ баталіонъ Нижегородскаго съ полковымъ онаго командиромъ въ Ахиоло, выступаетъ съ прочими войсками своего корпуса по дорогѣ въ Бургасъ до Алкарія (Акарлыкъ тожъ), гдѣ останавливается только въ такомъ случаѣ, если получить извѣстіе о занятіи кавалерійскою 1-ю бригадою 4-й уланской дивизіи Бургаса. Въ какомъ случаѣ надобно будетъ уланскую бригаду присоединить къ себѣ, а въ гарнизонѣ въ Бургасѣ оставить полкъ пѣхоты съ двумя орудіями артилеріи. Если же непріятель въ Бургасѣ еще держится, то идетъ со всемъ своимъ корпусомъ (исключая 2-й бригады уланы, которую посылаетъ въ Ескибаши на подкрѣпленіе корпуса генерала Ридигера) къ сему мѣсту и старается завладѣть симъ городомъ при содѣйствіи флота.

Корпусъ генералъ-лейтенанта Ридигера изъ Акарлыка выступаетъ въ 6 часовъ пополудни и идетъ въ Эскибаши, посылаетъ авангардъ свой въ Румиликюй и имѣетъ, какъ выше сказано, одну бригаду 4-й уланской дивизіи у себя въ резервѣ.

3-я бригада 5-й пѣхотной дивизіи остается въ позиціи при Алкаріи (Алкарія тожъ), а равно и 1-я бригада той же дивизіи съ 1-ю бригадою 2 гусарской и корпусною квартирою 2 корпуса остаются при Инжекюй.

6-я дивизія выступаетъ въ 6 часовъ пополудни и присоединяется въ лагерь къ 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи при Инжекюй.

5-й Черноморскій казачій полкъ занимаетъ дер. Суджудукъ, лежащую по дорогѣ отъ Инжакюй въ Кюприкюй и посылая разѣзды во всѣ стороны прикрываетъ обозъ арміи, идущій отъ Айваджика чрезъ Ернечь въ Инжакюй.

Главная квартира остается въ Инжакюй.

Г. А. графъ Толь.

Приложение № 11.

В. У. А. № 2904 (А).
Главная квартира въ г. Айдоѣ.
14-го Іюля 1829 г.

№ 44.

Диспозиція на 15-е число іюля 1829 года.

7-й пѣхотный корпусъ посылаетъ съ разсвѣтомъ генераль-маіора Жирова (15-го числа)—къ Карнабату и если тамъ непріятеля нѣтъ, то занимаетъ оный. Для всякой предосторожности въ подкрѣпленіе казакамъ идетъ 2-я бригада 4-й Уланской дивизіи съ 4 конными орудіями № 28, принявъ напередъ здѣсь 4-хъ дневный фуражъ.

Самъ же генераль-лейтенантъ Редигеръ съ другою бригадою уланъ и пѣхотою 7-го корпуса выступаетъ въ 5 часовъ пополудни и отойдя верстъ 10 или 12 по дорогѣ въ Карнабатъ, останавливается въ удобномъ по усмотрѣнію его мѣстѣ. Если непріятель въ силахъ въ Карнабатъ, то генераль-маіоръ Жировъ сближается къ генераль-лейтенанту Редигеру, который немедленно доноситъ о положеніи непріятеля г-ну главнокомандующему армію.

6-й корпусъ остается въ своей позиціи, исключая 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, которая въ 6 час. пополудни переходитъ на то мѣсто, гдѣ 14-го числа стоялъ 7-й корпусъ по Шумленской дорогѣ.

6-й корпусъ посылаетъ развѣзды къ Надырь - Дервенту, къ сторонѣ Шумлы и по дорогѣ къ Бенли.

2-й корпусъ къ воему присоединяется 5-й Черноморскій конный полкъ остается при Румеликой, посылая развѣзды также въ Бенли и по дорогѣ въ Руссо-Кастро съ офицеромъ генеральнаго штаба для снятія дорогъ.

Главная квартира арміи остается въ Айдоѣ.

Генераль графъ Толь.

Приложение № 12

В. У. А. № 2904 (А).
«Г. главнокомандующій утвердить изволилъ».
г. Айдоѣ.
15-го іюля 1829 г.

№ 45.

Диспозиція на 16-е число іюля 1829 года.

7-й корпусъ.

Выступаетъ въ 5-ть часовъ пополудни отъ Айдоса и идетъ къ Карнабату. По прибытіи на мѣсто, избираетъ позицію, такъ чтобы сдѣлать фронтъ и по дорогѣ къ Шумлѣ и по дорогѣ къ Ямболу. Лагерь занимаетъ сколь можно обширный, чтобы выказать много силъ. И какъ въ семь пунктовъ съ двухъ сторонъ можно ожидать приближеніе непріятеля. то и учреждаетъ твердые посты по Шумлинской дорогѣ и Андрианопольской; и посылаетъ развѣзды какъ по симъ, такъ и по дорогамъ въ Казань и Карабунаръ.

6-й корпусъ.

Остается въ позиціи своей при Айдосѣ, исключая Егерской бригады 7-й пѣхотной дивизіи, которая переходитъ съ выступленіемъ 7-го пѣхотнаго корпуса на то мѣсто по Шумлинской дорогѣ, гдѣ занималъ сей корпусъ свой лагерь.

2-й корпусъ.

Остается при Румиликіой и набираетъ себѣ выгоднѣйшій лагерь при семъ мѣстѣ.

Генераль-маіору Монтрезору поручается отрядъ изъ Черноморскаго казачьяго и Эрцъ-герцога Фердинанда полковъ при двухъ орудіяхъ конной артилеріи. Сей отрядъ располагается при Руссо-Кастро и отъ него содержатся посты вправо въ Тараклы и прямо въ Карабунарѣ; разъѣздами же своими связывается онъ отъ Тараклы вправо къ генералу Редигеру, а влѣво во вдоль рѣчки Карабунаръ съ постомъ, при Карабунарѣ расположеннымъ, а отъ мѣстечка Карабунара внизъ по рѣкѣ сего имени съ казаками Бакланова, къ Бургаскому отряду принадлежащими. Генераль-маіоръ Монтрезоръ состоитъ въ командѣ графа Палена и ежедневно доноситъ ему о всемъ происходящимъ, для чего имѣетъ летучую почту между Руссо-Кастро и Румилпкіой. Въ экстренныхъ случаяхъ посылаетъ рапорты два и три раза въ день. Всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба 6-го, 7-го и 2-го корпусовъ подъ наблюденіемъ оберъ-квартирмейстеровъ, снятъ въ подробности мѣсто положеніе, заключающееся какъ въ цѣли передовыхъ нашихъ постовъ, такъ и внѣ оныхъ при посылаемыхъ разъѣздахъ.

Господину генераль-квартирмейстеру арміи поставляется въ обязанность уволить число офицеровъ на сію съемку и дать надлежащее направление успѣшному ходу сихъ работъ.

Г. А. графъ Толь.

Приложеніе № 13.

В. У. А. № 2904 (А).

Утверждаю.

г. Айдосъ.

23-го іюля 1829 г.

№ 46.

Диспозиція для занятія Чалыкавана.

Занятіе Чалыкавана возлагается на генераль-маіора Набеля.

Войска на сей предметъ въ его начальство назначаются нижеприсланные:

3-я бригада 7-й пѣхотной дивизіи съ 6-ю горными орудіями и казаками Ежова полка.

3-я бригада 19-ой пѣхотной дивизіи съ ея Артилерією и казаками отряда генераль-маіора Роговскаго.

Генераль-маіоръ Завадскій по соединеніи его отряда съ отрядомъ генераль-маіора Набеля поступаетъ временно въ начальство съ сему послѣднему.

Коль скоро Чалыкавакъ занятъ, генераль-маіоръ Набель тотчасъ посылаетъ сильную партію чрезъ Балканы къ д. Драгокіой, вмѣстѣ съ

приложеніе.

1/4

казаками Борисова и 4-го Уральского полковъ, для открытія сообщенія съ войсками корпуса генераль-лейтенанта Красовскаго, которому предписано, 25-го іюля, частію войскъ, двинуться къ Эскистамбулу и немедленно доносить господину главнокомандующему арміею и генераль-лейтенанту Редигеру, о своихъ дѣйствіяхъ. Донесеніе сіе ожидается въ главномъ штабѣ арміи 26-го іюля до полудня.

Всѣ вышеозначенныя войска, имѣющія прописанное назначеніе, должны быть снабжены съ 24-го іюля на 8-мь дней провіантомъ, а кавалерія и фуражемъ (зерновымъ), почему вмѣняется въ обязанность генералу Роту по сношеніи съ г. сенаторомъ Абакумовымъ распорядиться снабженіемъ войскъ, принадлежащихъ къ вѣренному ему корпусу, провіантомъ и фуражемъ на вышеозначенное время; а г. сенатору Абакумову распорядиться о высылкѣ провіанта на тотъ-же срокъ къ д. Доброль для отряда генераль-маіора Роговскаго, принадлежащаго къ корпусу генераль-лейтенанта Редигера.

Вся сія экспедиція подъ главнымъ начальствомъ г. генераль-лейтенанта Редигера, который и поддѣрживаетъ ее въ случаѣ надобности.

Генераль квартирмейстеръ 2-й арміи Г. М. Бергъ.

Приложеніе № 14.

В. У. А. № 2904 (А).

Утверждаю.

г. Айдося

27-го іюля 1829 г.

Диспозиція на 28 и 29 іюля 1829 года.

Завтра, то есть 28-го іюля, главная квартира арміи (первое отдѣленіе оной) съ 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи и артилеріею оной, выступаетъ изъ Айдоса въ Карнабатъ слѣдующимъ порядкомъ:

2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ колонною № 4 ротой.

Донская конно-артилерійская № 1 рота.

Долотина казачій полкъ.

Вьюки и обозъ главной квартиры.

Дивизія жандармовъ.

При главной квартирѣ слѣдуетъ корпусный госпиталь.

Украинскій пѣхотный полкъ, съ коимъ слѣдуетъ и генераль-маіоръ Свободскій.

Войска 6-го пѣхотнаго корпуса выступаютъ въ 3 часа утра по особому распоряженію корпуснаго командира въ Карнабатъ. Въ 12-ти верстахъ отъ Айдоса, у фонтана и рѣчки, пересѣкающей дорогу, они имѣютъ привалъ и варятъ кашу.—Съ привала продолжаютъ маршъ въ 4 часа пополудни.

Баталіонъ Ладожскаго пѣхотнаго полка слѣдуетъ при 6-мъ пѣхотномъ корпусѣ.

Санктпетербургскій Уланскій полкъ съ двумя конными орудіями и командою казаковъ Борисова 1-го и 4-го Уральского полковъ.

Исполненіе сей Экспедиціи имѣетъ быть проведено слѣдующимъ образомъ.

23-го июля.

Генераль-маіоръ Набель съ Санктпетербургскимъ Уланскимъ полкомъ, двумя конными орудіями и казаками полковъ Борисова 1-го и 4-го Уральскаго выступаетъ изъ лагеря при Айдоѣ чрезъ Кавакъ-Макалы до Шихиларъ.

Баталіонъ 13-го Егерскаго полка, находящійся въ Эресовѣ, выступаетъ изъ сего селенія и слѣдуетъ чрезъ д. Буазъ-Дере вдоль по рѣчкѣ, мимо д. Скотна до брода на р. Дели-Камчикъ.

Другой баталіонъ того же полка съ двумя горными орудіями выступаетъ изъ Айдоса и слѣдуетъ къ Наданыръ-Дирвенту. По распоряженію генераль отъ инфантеріи Рота одинъ изъ полковъ 16-й пѣхотной дивизіи переходитъ на позицію 3-й бригады VII пѣхотной дивизіи при Айдоѣ.

24-го июля.

Генераль-маіоръ Набель слѣдуетъ отъ д. Шихиларъ до д. Доброль, гдѣ имѣетъ къ нему явиться генераль-маіоръ Роговскій, котораго съ 3-ею бригадою 19-й пѣхотной дивизіи, ея артилерією и казаками, при семь отрядѣ находящимися, генераль-маіоръ Набель въ тотъ-же день, т. е. 24-го іюля, выдвигаетъ отъ Доброля по дорогѣ къ Чалыкаваку, на половинное разстояніе до онаго.

Генераль-маіоръ Завадскій съ 14-мъ Егерскимъ полкомъ находящимися при немъ четырма горными орудіями и Ежова полкомъ, исключая казаковъ, находящихся на отдѣльныхъ постахъ, для летучей почты, и оставя партію казаковъ въ Ченгѣ, слѣдуетъ отъ сего селенія чрезъ д. Брежа до д. Сарыкаваклькъ.

Баталіонъ 13-го Егерскаго полка отъ брода на Дели-Камчикѣ слѣдуетъ до р. Брежа.

Другой баталіонъ того же полка отъ Надыръ-Дервента до Ченги, гдѣ и располагается постомъ.

25-го июля.

Генераль-маіоръ Набель, —выступя съ разсвѣтомъ съ Уланами и присоединяясь на маршѣ къ Егерской бригадѣ генераль-маіора Роговскаго, со стороны Доброля, а генераль-маіоръ Завадскій, съ 14-мъ Егерскимъ полкомъ и находящимися при немъ горными орудіями и казаками Ежова полка, со стороны Ченги, идутъ на Чалыкавакъ, и буде пунеть сей занятъ неприятелемъ, то соображаютъ оба свой маршъ такъ, чтобы подойти къ оному въ шесть часовъ пополудни, дабы такимъ образомъ атаковать непріятеля въ одно и тоже время съ двухъ сторонъ, общими силами. Буде генераль Набель усмотрѣлъ бы какое либо препятствіе къ атакѣ, то заранѣе даетъ знать генераль-маіору Завадскому.

Баталіонъ 13-го Егерскаго полка отъ д. Брежа съ разсвѣтомъ дня продолжаетъ маршъ вслѣдъ за генераль-маіоромъ Завадскимъ и служа оному резервомъ присоединяется уже къ нему по возможности.

Другой баталіонъ того-же полка остается въ Ченгѣ и оставленными тамъ казаками Ежова полка дѣлаетъ развѣзды до Еникіюй.

Обозъ корпуса долженъ состоять:

Изъ патронныхъ ящичковъ.

Запасныхъ лафетовъ.

Кузницъ, при каждой артилерійской ротѣ по одной.

Изъ лазаретныхъ фуръ.

Повозокъ дивизионныхъ подвижныхъ госпиталей.

Аптекъ, на каждую дивизию по одной.

Бочекъ со спиртомъ и уксусомъ.

Изъ одного экипажа корпуснаго командира.

За корпусомъ имѣють слѣдовать провіантскія фуры, какъ всѣхъ войскъ 6-го пѣхотнаго корпуса (не исключая и 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи и Санктпетербургскаго Уланскаго полка), такъ и 2-й бригады 2-й Гусарской дивизіи и войскъ, состоящихъ при главной квартирѣ арміи.

Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные полки остаются въ лагерѣ при Айдошѣ подъ начальствомъ генераль-маіора Монтрезора.

29-го іюля.

Въ 3¹/₂ час. по полуночи 7-й пѣхотный корпусъ выступаетъ изъ Карнабата и слѣдуетъ по особому распоряженію корпуснаго командира чрезъ Касаплы по направленію къ Сливно.

Главная квартира арміи со 2-ю бригадою 2-й гусарской дивизіи, съ довскою № 1 ротой, Доловина полкомъ, жандармами и баталіономъ Ладожскаго полка, выступаютъ изъ Карнабата въ 4 часа утра и идутъ вслѣдъ за 7-мъ корпусомъ. 6-й корпусъ, прежнимъ порядкомъ выступивъ изъ Карнабата, слѣдуетъ за главной квартирою арміи.

Генераль-маіоръ Слободской съ Украинскимъ пѣхотнымъ полкомъ и нѣкоторымъ числомъ казаковъ, по усмотрѣнію генераль-лейтенанта Ридигера, остается въ Карнабатѣ.

Генераль-маіоръ Набель съ командуемымъ имъ отрядомъ, исключая 13-го Егерскаго, Ежова казачьяго полковъ и 4-хъ горныхъ орудій, имѣетъ 29-го числа присоединиться къ войскамъ, по особому распоряженію, уже предписанному генераль-лейтенанту Ридигеру.

Отрядъ генераль-маіора Шереметева 29-го числа вечеромъ выступаетъ изъ Ямболя и фланговымъ движеніемъ вправо слѣдуетъ въ Касаплы, такъ чтобы прибыть туда съ разсвѣтомъ дня 30-го числа.

Корпусъ генерала графа Палена остается въ продолженіи обоихъ сихъ дней въ прежнемъ положеніи. Донесенія отъ него посылаются ежедневно въ главную квартиру арміи чрезъ Карнабатъ.

Главноуправляющему продовольственной частью поручается сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ войска, выступающія съ мѣстъ и имѣющія соединиться при Касаплахъ, были снабжены провіантомъ отъ 29-го числа на 15-ть дней.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 15.

Диспозиція на 29 іюля 1829 года.

Бивакъ при Карнабатѣ 28-го іюля 1829 г.

В. У. А. № 2904 (А).

«Г. главнокомандующій изволилъ утвердить».

Завтра, т. е. 29-го іюля, главная квартира арміи съ 6-мъ и 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ выступаютъ изъ Карнабата и слѣдуютъ чрезъ Касаплы, по направленію къ Сливно, слѣдующимъ порядкомъ:

Въ авангардъ казаки 7-го пѣхотнаго корпуса и Харьковскій Уланскій полкъ съ двумя конными орудіями № 28 роты. } Выступаютъ въ 3¹/₂ часа утра.

2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною ротою № 4 (поступаютъ подъ начальство генераль отъ инфантеріи Рота) и 6-й пѣхотный корпусъ по особому распоряженію генерала Рота.

Выступаютъ въ 4^{1/2} часа утра.

Главная квартира арміи въ слѣдующемъ порядкѣ:

Долотина казачій полкъ.

Донская конная № 1 рота.

Вьюки главной квартиры и экипажи главнокомандующаго., начальника главного штаба арміи, начальника артилеріи, генерала-квартирмейстера и дежурнаго генерала.

Выступаютъ въ 5^{1/2} час. утра.

Эскадронъ жандармовъ и

Двѣ роты Ладожскаго пѣхотнаго полка.

Обозы, кои корпуса имѣютъ взять съ собою, состоятъ въ слѣдующемъ.

При каждомъ баталіонѣ, по одному патронному ящику слѣдуютъ съ своими баталіонами.

Запасные лафеты.

Кузницы при каждой артилерійской ротѣ по одной.

Повозки дивизионныхъ подвижныхъ госпиталей,

Аптеки на каждую дивизию по одной.

Бочки съ спиртомъ и уксусомъ.

По одному экипажу cadaго изъ господъ корпусныхъ командировъ.

Слѣдуютъ отъ обонхъ корпусовъ за главной квартирою, выступая въ 6 час. утра.

Господа корпусные командиры дѣлаютъ распоряженіе, чтобы взять съ войсками столько провіантскихъ фуръ, чтобы при корпусахъ было на 8 дней продовольствія, какъ для пѣхоты, такъ и для кавалеріи съ конною артилеріею, включая въ сіе количество и тотъ провіантъ, который имѣтъ уже пѣхота въ рывцахъ. Въ сей расчетъ должны входить и тѣ войскакоп состоятъ въ отрядѣ генераль-маіора Набеля и генераль-маіора Шереметева. Для 2-й бригады 2-й гусарской дивизіи, провіантъ берется по распоряженію сенатора Абакумова. Фуры провіантскія выступаютъ въ 6 часовъ утра и слѣдуютъ за обозами, имѣя въ головѣ фуры 7-го корпуса, потомъ 2-й бригады 2-й гусарской дивизіи и наконецъ 6-го корпуса.

Отъ корпуснаго госпиталя, состоящаго при главной квартирѣ арміи, слѣдуютъ только 50 фуръ, съ соразмѣрнымъ количествомъ аптекъ и лекарей. Сія фуры выступаютъ вслѣдъ за провіантскими.

Въ арьергардѣ находятся 35 казаковъ Долотина полка.

Вся сія колонна дѣлаетъ привалъ при д. Касапы на мѣстѣ, которое будетъ назначено корпусными оберъ-квартирмейстерами, а для главной квартиры штабсъ-капитаномъ Венцелемъ авангардъ выдвигается на нѣсколько верстъ впередъ.

Войска варятъ на привалѣ кашп.

Послѣ привала войска выступаютъ по особому приказанію Главнокомандующаго въ прежнемъ порядкѣ.

Ночлегъ для авангарда д. Глушники.

Ночлегъ для 7-го корпуса при фонтанѣ не доходя д. Глушники.

Ночлегъ для главной квартиры и 6-го пѣхотнаго корпуса при фонтанѣ за д. Трокапуло.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1/5

Ночлеги для обозовъ при д. Трокапулло.

Отрядъ генераль-маіора Набеля присоединяется къ войскамъ при Касапльи, и слѣдуетъ за 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Отрядъ генераль-маіора Шереметьева остается 29-го Ямболъ, и по лучаетъ на 30-е число особенное наставленіе отъ генераль-лейтенанта Редигера.

Весь обозъ главной квартиры и обоихъ корпусовъ не поименованный въ сей диспозиціи остается въ Карнабатѣ: подъ начальствомъ генераль-полицмейстера арміи, полковника Добровольскаго, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ладожскаго пѣхотнаго полка и 4-хъ орудій изъ 7-го корпуса по назначеніи генераль-лейтенанта Редигера.

Полковнику Добровольскому вмѣняется въ обязанность устройство Вагенбурга.

Г.-м. Бергъ.

Утверждаю.

Диспозиція на 19-е іюля 1829 года.

Войска 7-го пѣхотнаго корпуса со 2-ю бригадою 2-й Гусарской дивизіи, донскою № 1-ю ротой и авангардомъ генераль-маіора Набеля, по особому приказанію, лично отданному генераль-лейтенанту Редигеру, имѣютъ выступить 30-го числа іюля въ 8 часовъ вечера изъ лагеря при Драгодановѣ и отойдя отъ онаго на 8 верстъ расположиться для ночлега, не раскладывая огней; а 31-го іюля, въ 3 часа пополудни, быть въ совершенной готовности къ выступленію. При семъ вмѣняется въ обязанность г. корпусному командиру, чтобы отнюдь не начинать съ неприятелемъ никакого дѣла, ниже малѣйшей перестрѣлки, безъ особеннаго на то приказанія.

Войска 6-го пѣхотнаго корпуса со 2-ю бригадою Бугской Уланской дивизіи должны быть въ совершенной готовности къ выступленію изъ лагеря при Драгодановѣ 31-го іюля къ 3 часамъ пополудни и выступаютъ въ 3½ часа. Съ сими корпусомъ слѣдуютъ 50 фуръ корпуснаго госпиталя, при главной квартирѣ арміи состоящаго.

Обозъ 6-го пѣхотнаго корпуса и главной квартиры арміи имѣетъ выступить изъ лагеря при Драгодановѣ 31-го іюля въ 7 часовъ пополудни и подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Ладожскаго полка и эскадрона жандармовъ слѣдовать за войсками по дорогѣ къ Сливно. Въ 11-ти верстахъ отъ Драгоданова при рѣчкѣ обозъ сей останавливается и ожидаетъ дальнѣйшаго повелѣнія.

Приложеніе № 17.

№ 50.

В. У. А. № 2904 (А).

«Г. главнокомандующій утвердить изволилъ».

Диспозиція на 2-е число августа 1829 года.

Г. Сливно 1-го августа 1829 г.

Полковникъ Лидерсъ съ 37-мъ Егерскимъ полкомъ и двумя орудіями легкой № 3-го роты 18-й артилерійской бригады занимаетъ г. Сливно.— 6-й черноморскій конный полкъ, оставивъ при г. Казани, буде оный за-

нять, сильный наблюдательный постъ, возвращается въ г. Сливно, и подчиняется полковнику Лидерсу—полкъ сей дѣлаетъ частые разъѣзды къ г. Казани, и по всѣмъ направленіямъ, по коимъ бѣжалъ вчерашняго числа неприятель. Съ прибытіемъ въ Сливно Украинскаго пѣхотнаго полка при двухъ орудіяхъ, полковникъ Лидерсъ сдаетъ оному городъ и 6-й Черноморскій полкъ, а самъ съ 37-мъ егерскимъ и 2-мя орудіями, слѣдуетъ за армію чрезъ Ямболъ.

Войска завтрашняго числа (т. е. 2-го августа) выступаютъ изъ настоящаго ихъ лагернаго расположенія въ г. Ямболъ, слѣдующимъ порядкомъ.

2-й корпусъ, къ коему присоединяется 2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конными № 4-го и Донскою № 1-го ротами, составляетъ авангардъ, и слѣдуетъ по особому распоряженію генерала графа Палена. По прибытіи въ Ямболъ, корпусъ располагается на лѣвомъ берегу р. Тунжи.

Выступаетъ въ 3 часа утра и дѣлаетъ привалъ, перейдя рѣку Тунжу.

Главная квартира арміи обыкновеннымъ своимъ порядкомъ.

Выступаетъ въ 4 часа и дѣлаетъ привалъ со 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, перейдя рѣку Тунжу.

6-й корпусъ, въ составъ коего возвращаются 4-я уланская дивизія съ ея артилерією, слѣдуетъ также по особому распоряженію своего г. корпуснаго командира. По прибытіи въ Ямболъ, корпусъ располагается на правомъ берегу рѣки Тунжи.

Выступаетъ въ 5 часовъ и дѣлаетъ привалъ при рѣкѣ Тунжѣ, переходя оную.

7-й пѣхотный корпусъ, къ коему присоединяется 2-я бригада Бугской уланской дивизіи, въ полномъ ея составѣ съ артилерією, слѣдуетъ по особому распоряженію генераль-лейтенанта Ридигера. По прибытіи въ Ямболъ располагается корпусъ на правомъ берегу р. Тунжи.

Выступаютъ въ 6 часовъ и дѣлаютъ привалъ по усмотрѣнію г. корпуснаго командира.

За всею колонною, слѣдуетъ обозъ 6-го и 7-го корпусовъ (за исключеніемъ того, который долженъ находиться при своихъ частяхъ). Сухарныя фуры, оныхъ и повозки корпуснаго подвижнаго госпиталя, находящагося при главной квартирѣ арміи.

Въ арьергардъ назначается одинъ баталіонъ пѣхоты съ нужнымъ числомъ казаковъ, по усмотрѣнію генераль-лейтенанта Ридигера.

Полковникъ Рокасовскій, съ офицерами генеральнаго штаба отъ всѣхъ корпусовъ, отправляется въ Ямболъ сего числа, дабы согласно съ диспозицією назначить лагерныя мѣста: для главной квартиры и войскъ.

Коль скоро всѣ войска и обозы пройдутъ, то понтоны снимаются съ р. Тунжи и слѣдуютъ зади оныхъ; на ночлегъ уже возвращаются по-прежнему въ 6-й корпусъ.

Примѣчаніе. 1) Всѣ войска, имѣющія поступить изъ одного корпуса въ другой, дѣлаютъ перемѣщеніе сіе завтрашній день, вмѣстѣ съ выстуленіемъ—исключая г.г. Начальниковъ, кои сего числа являются къ своимъ корпуснымъ командирамъ.

Примѣчаніе 2) 14-й Егерскій полкъ имѣеть присоединиться къ 6-му корпусу сего, т. е. 1-го числа августа вечеромъ въ распоряженіе г. корпуснаго командира.

Генераль-маіоръ Бергъ.

Приложеніе № 18
№ 51.

В. У. А. № 2904 (А).
«Утверждаю».

Диспозиція на 4-е августа 1829 года.

Лагерь при Ямболѣ. 3-го августа 1829 года.

Завтра 4-го числа августа войска, при городѣ Ямболѣ расположенныя, имѣють выступить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Войска 2-го пѣхотнаго корпуса слѣдуютъ по особенному распоряженію корпуснаго командира чрезъ селенія Кукурова, Чафлыкъ и Бейкюй до Папаскюй. } Выступаютъ въ 4 часа пополудни. Имѣють привалъ, перейдя рѣчку при Бейкюй.

Главная квартира арміи идетъ вслѣдъ за 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ въ Папаскюй. } Выступаютъ въ 4½ ч. пополудни. Имѣють привалъ со 2-мъ корпусомъ.

Войска 6-го пѣхотнаго корпуса имѣють слѣдовать за главной квартирою арміи по особенному распоряженію корпуснаго командира. Понтонныя, при семъ корпусѣ состоящія, поступаютъ на время къ 7-му пѣхотному корпусу. } Выступаютъ въ 5 час. пополудни. Имѣють привалъ при д. Бейкюй по сію сторону рѣчки.

Войска 7-го пѣхотнаго корпуса имѣють слѣдовать правымъ берегомъ рѣки Тунжи чрезъ деревню Фендекли до деревни Гассанъ-бейли. Понтонныя, отъ 6-го корпуса присоединяются на время къ 7-му корпусу. Порядокъ слѣдованія по распоряженію корпуснаго командира. } Выступаютъ въ 5 час. пополудни. Имѣють привалъ по усмотрѣнію корпуснаго командира.

Стрелковой обозъ слѣдуетъ при войскахъ; тяжелый обозъ за колопнами отъ 7-го корпуса за войсками, а отъ 2-го и 6-го корпусовъ и главной квартиры арміи за войсками 6-го корпуса.

Въ обязанность командира 7-го пѣхотнаго корпуса вмѣняется тотчасъ по прибытіи въ Гассанъ-бейли сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ переправы на рѣкѣ Туджъ, для открытія свободнаго сообщенія съ деревнею Енеджели, сюда имѣють прибыть завтрашняго числа резервы сего корпуса, съ войсками 2-го и 6-го корпусовъ, имѣющими расположиться для ночлега въ селеніи Папаскюй.

Отъ 2-го и 6-го корпусовъ имѣють быть посланы офицеры генеральнаго штаба, кои должны явиться къ полковнику Рокасовскому, который находится будетъ впереди 2-го корпуса, дабы заблаговременно назначить мѣста для расположенія войскъ.

Генераль-маіоръ Бергъ.

В. У. А. № 2904 (А).
«Утверждаю».

№ 52.

Диспозиція на 5-е августа 1829 года.

Завтра, т. е. 5 августа, войска продолжаютъ маршъ слѣдующимъ порядкомъ:

Въ часъ пополудни имѣетъ выступить казачій Бакианова полкъ и слѣдуетъ въ Буюкъ-Дервентъ. Съ симъ полкомъ слѣдуетъ офицеръ Генеральнаго штаба, который, осмотрѣвъ какъ мѣсто для привала, такъ и для ночлега, встрѣчаетъ войска въ обоихъ случаяхъ:

2-я бригада 2-й Гусарской дивизіи съ кон- ною № 4-ю и Донскою № 1-ю ротами.	}	Выступаютъ въ 3 ч. утра.
5-я пѣхотная дивизіа въ слѣдующемъ порядкѣ: Шлиссельбургскій полкъ. Бѣлозерскій полкъ. Олонецкій полкъ. 9-й Егерскій полкъ. 10-й Егерскій полкъ.		
Войска 16-й пѣхотной дивизіи, порядокъ слѣдованія оной по назначенію корпуснаго ко- мандира.	}	Выступаютъ въ 5 час. утра.
Главная квартира арміи въ обыкновенномъ порядкѣ.		
4-я Уланская дивизіа съ конною № 28-ю ротою.	}	Выступаютъ въ 6 час. утра.
	}	Выступаютъ въ 8 час. утра.

Всѣ сіи войска, кромѣ храброй и неутомимой 4-й Уланской дивизіи, имѣютъ привалъ при Кучукъ-Дервентѣ на мѣстахъ, кои назначены будутъ офицеромъ генеральнаго штаба, который встрѣтитъ ихъ.

2-я бригада 2-й Гусарской дивизіи съ артилеріею, при ней слѣдующею, по часовомъ отдыхѣ продолжаетъ маршъ до Буюкъ-Дервента.

Главная квартира арміи и съ оною 4-я Уланская дивизіа съ ея Артилерію, также по часовомъ отдыхѣ обходятъ пѣхоту и продолжаютъ маршъ до Буюкъ-Дервента.

Потомъ продолжаетъ маршъ пѣхота въ прежнемъ порядкѣ.

Всѣ сіи войска располагаются для ночлега при Буюкъ-Дервентѣ на мѣстахъ, кои показаны будутъ офицерами генеральнаго штаба.

Войска 7-го пѣхотнаго корпуса, оставя 100 казаковъ на переправѣ чрезъ Тунжу близъ Гассанъ-бейли, выступаютъ изъ сего пункта по особому распоряженію корпуснаго командира въ 5 часовъ утра, и, переправясь чрезъ Тунжу, слѣдуютъ по дорогѣ на Буюкъ-Дервентъ до рѣчки, пересѣкающей дорогу, идущую отъ Кучукъ-Дервента въ Тунжу, гдѣ имѣютъ привалъ, послѣ коего слѣдуютъ на ночлегъ до Буюкъ-Дервента.

Порядокъ слѣдованія обозовъ остается тотъ же, какой былъ 4-го августа.

Командующій 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ имѣетъ дать предписаніе генераль-маіору Жирову выступить тотчасъ по полученіи диспозиціи съ казачьими Ильина и Чернушкина полками (исключая 100 человекъ) и слѣдовать, обходя другія войска, чрезъ Буюкъ-Дервентъ до Ганли-Энеджи, гдѣ, присоединивъ къ себѣ Бакланова полкъ, составляетъ авангардъ. (Ганли-Энеджи находится по дорогѣ къ Андрианополю изъ Буюкъ-Дервента) въ 9-ти верстахъ отъ Буюкъ-Дервента.

Казачій Бакланова полкъ, по часовомъ привалѣ въ Буюкъ-Дервентѣ, выдвигается до Ганли-Энеджи, гдѣ ожидаетъ прибытія генераль-маіора Жирова, къ коему и поступаетъ въ команду.

Сто казаковъ, остающіеся при переправѣ на Тунжѣ между Гассанъ-бейли и Энеджи, имѣютъ быть на лѣвомъ берегу рѣки и наблюдать по теченію оной.

Отъ 2-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, и отъ главной квартиры арміи имѣютъ быть посланы къ полковнику Рокасовскому по два офицера генеральнаго штаба для занятія мѣстъ на привалѣ и на ночлегѣ для расположенія войскъ. Офицеры сіи имѣютъ явиться къ полковнику Рокасовскому въ половинѣ перваго часа ночи и въ часъ слѣдовать съ Бакланова казачьимъ полкомъ.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 20.

В. У. А. № 2904 (А).
«Утверждаю».

№ 53.

Диспозиція на 7-е августа 1829 года.

Завтра, т. е. 7-го августа, войска продолжаютъ маршъ къ Адриано-полю.

Генераль-маіоръ Жировъ остается на мѣстѣ Ганли-Энеджи до 5-го часа утра и потомъ съ 2-мя полками слѣдуетъ нагорною прямою дорогою предъ 2-мъ корпусомъ; а третій полкъ командируетъ по дорогѣ на Акбуваръ предъ 6-мъ корпусомъ.

Войска 2-го пѣхотнаго корпуса изъ Буюкъ-Дервента слѣдуютъ чрезъ Ганли-Энеджи (оставя дорогу, отдѣляющуюся вправо на Акбуваръ) прямою нагорною дорогою. } Выступаютъ въ 3 часа утра.

Войска 6-го пѣхотнаго корпуса, выступивъ изъ Буюкъ-Дервента, и прошедъ Ганли-Энеджи, оставляютъ влѣво нагорную дорогу: (которою пойдутъ войска 2-го пѣхотнаго корпуса) и имѣютъ слѣдовать на Акбуваръ, правѣ Мурадъ-Чалы и на Еникіюй. } Выступаютъ въ 4 часа утра.

Главная квартира арміи идетъ за 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. } Выступаетъ въ 4½ часа утра.

Войска 7-го пѣхотнаго корпуса изъ лагеря, нынѣ оными занимаемаго, слѣдуютъ черезъ Бужкъ-Дервентъ и Ганли-Энеджи до того пункта, гдѣ расходятся вышепроеписанныя дороги, нагорная и на Акбунаръ и ожидаютъ тамъ дальнѣйшаго повелѣнія.

Выступаютъ въ 3 часа пополудни съ 6-го на 7-е число.

Войска 2-го и 6-го корпусовъ имѣютъ привалъ при раздѣленіи дорогъ, и какъ воды на томъ мѣстѣ нѣтъ, то взять войскамъ оную съ собою.

Войска 7-го корпуса останавливаются для привала при Бужкъ-Дервентѣ.

Порядокъ, въ коемъ части корпусовъ идутъ одна за другою, зависятъ отъ особеннаго распоряженія гг. корпусныхъ командировъ.

По раздѣленіи дорогъ нагорной и на Акбунаръ, Его сіятельство г-нъ Главнокомандующій арміею будетъ находиться при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ, имѣющемъ слѣдовать нагорною дорогою, а въѣжи главной квартиры должны идти на Акбунаръ за 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

Гг. офицеры генеральнаго штаба, кои будутъ назначены для опредѣленія мѣстъ для привала войскъ 2-го и 6-го корпусовъ имѣютъ явиться къ полковнику Рокасовскому, который будетъ въ головѣ всей колонны.

Весь Вагенбургъ остается въ Бужкъ-Дервентѣ подъ прикрытіемъ жандармовъ и двухъ ротъ Ладожскаго полка въ командѣ командира Ладожскаго пѣхотнаго полка.

Понтоны отъ 7-го корпуса присоединяются къ 6-му пѣхотному корпусу и слѣдуютъ въ хвостъ колонны онаго.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе № 21.

№ 54.

В. У. А. № 2904 (А).

«Г. Главнокомандующій изволилъ утвердить».

Диспозиція на 8-е августа 1829 года.

Завтра, т. е. 8-го числа, къ 5-ти часамъ утра, всѣмъ войскамъ быть готовымъ къ сраженію.

Войска выступаютъ двумя колоннами слѣва.

Правая или передняя колонна идетъ лѣвымъ флангомъ и состоитъ изъ 5-й пѣхотной дивизіи съ ея артилеріею; за нею слѣдуютъ 16-я пѣхотная дивизія съ ея артилеріею,

При сей колоннѣ будетъ самъ г. Главнокомандующій.

Артилерія всей колонны размѣщается по-ротно между полками бригадъ.

Лѣвая или задняя колонна состоитъ изъ одной кавалеріи съ принадлежащею къ ней конной артилеріею и донской конной ротой № 1-го и состоитъ подъ непосредственнымъ начальствомъ г. начальника главнаго штаба арміи.

Колонна сія идетъ флангомъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

2-я бригада 2-й гусарской дивизіи съ конною ротою № 4-го и съ 4-мя орудіями конной роты № 3-го, донской и конной роты № 1-го, потомъ 1-я бригада 4-й уланской дивизіи, конною ротою № 28-го и наконецъ 2-я бригада 4-й уланской дивизіи.

За каждою колонною для каждаго полка, слѣдуетъ по одной Лазаретной фурѣ.

Всѣмъ войскамъ снабдить себя водою въ манеркахъ, и не отягощать артилерію сѣномъ, которое оставить въ лагерномъ расположеніи.

Правую колонну поведетъ генераль-квартирмейстеръ арміи, а лѣвой колоннѣ, слѣдующей чрезъ деревню Арнаутъ-Кіюй, покажетъ дорогу капитанъ надъ волатыми.

Генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Фонтонъ и когда сія колонна пройдетъ деревню Арнаутъ-Кіюй, тогда г. Главнокомандующій дастъ ей дальнѣйшее направленіе, и потому остается она во все время сраженія въ его распоряженіи.

Казаки генераль-маіора Жирова получаютъ назначеніе отъ г. Главнокомандующаго.

7-й пѣхотный корпусъ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Редигера составляетъ резервъ арміи и первоначально занимаетъ позицію на правомъ флангѣ арміи, которую покажетъ штабсъ-капитанъ Венцель. Отъ сего мѣста, 7-й корпусъ получить дальнѣйшее направленіе отъ г. Главнокомандующаго арміею.

Бакланова полкъ остается при 7-мъ корпусѣ.

Всѣ войска выступаютъ въ 5 часовъ, исключая 7-го пѣхотнаго корпуса, который къ 6-ти часамъ занимаетъ свою позицію.

Генераль-маіоръ Коленъ съ полками Симбирскимъ и Муромскимъ присоединяются къ 6-му пѣхотному корпусу, давъ нужнаго отдыха войскамъ на рѣкѣ Тунжѣ.

Главная квартира остается на своемъ мѣстѣ при Чифликѣ впредь до приказанія.

Г.-м. Бергъ.

Приложеніе 22.

В. У. А. $\frac{\text{№ 2885.}}{\text{№ 2889.}}$

ВѢДОМОСТИ

показывающія, какія именно войска и въ какомъ наличномъ строевомъ числѣ находились въ значительнѣйшихъ дѣлахъ и движеніяхъ въ продолженіи кампаніи противъ турокъ въ 1829 году.

За подписью генералъ-квартирмейстера 2-й арміи
Г. М. Берга.

Адріанополь, 6 сентября 1829 г.

6. Переправа чрезъ рѣку Камчикъ правой колонны при Кюприкой

Правая колонна подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Ридигера.					
Какое именно дѣло.	Когда произошло.	Названіе войскъ въ ономъ находившихся.	Наличное строевое число оныхъ.	Откуда взяты свѣдѣнія.	
				О составѣ войскъ.	О наличномъ числѣ оныхъ.
Противъ Кюприкой. 1) У генераль-маіора Жирова, дѣйствовавшаго по прямой дорогѣ изъ Кадыкой на Кюприкой. 2) У генераль-лейтенанта Ридигера, атаковавшаго Кюприкой со стороны Чальмала.	5 юля.	Вятскій пѣхотный полкъ Казачій Ильина полкъ <hr/> Итого баталіоновъ 2 Казачій полкъ 1 <hr/> Всего	924 343 <hr/> 924 343 <hr/> 1267	По рапорту г-ла Ридигера и реляціи сихъ дѣлъ, представленной полковникомъ Рихтеромъ.	По строевому рапорту отъ 3-го и 7-го юля.
	6 юля.	3-я бригада 18 пѣх. дивизіи 3-я бригада 19 " " Батареи № 1-го и 6 орудій легкой № 3-го роты 18 артилерійской бригады По 4 орудія батареи № 1 и легкой № 2 и легкой № 3 роты 19-й артилерійской бригады Пермскій пѣхотный полкъ въ резервъ ¹⁾ Казачій Чернушкина полкъ <hr/> Итого баталіоновъ 10 орудій 30 Казачій п. 1 <hr/> Всего	1692 1873 234 227 798 218 <hr/> 4364 461 218 <hr/> 5042		
		Итого противъ пункта Кюприкой находилось: баталіоновъ 12 орудій 30 Казач. полковъ 2 <hr/> Всего	5287 461 561 <hr/> 6309		

¹⁾ Уфимскій полкъ съ 2 орудіями легкой роты № 3 18-й артилерійской бригады оставался съ боевымъ обозомъ при Чальмала для прикрытія переправы.

Лѣвой колонны при Дервишъ-Ованѣ 5-го, 6-го и 7-го числѣ іюля.

Лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Рота.					
Какое именно дѣло.	Когда произошло дѣло.	Названіе войскъ въ ономъ находившихся.	Наличное строевое число оныхъ.	Откуда взяты свѣдѣнія.	
				О составѣ войскъ.	О наличномъ числѣ оныхъ.
Противъ Дервишъ-Ована. 1) У генерала отъ инфантеріи Рота при Дюльгеръ-Орду.	6 іюля	4 полка 16 пѣх. дивизіи ¹⁾	2955	Изъ историческаго журнала 6 пѣхотнаго корпуса.	Изъ строевыхъ записокъ за 14 и 18 іюля и частію за 12 августа.
		2 роты пионеръ 6 баталіон.	190		
Батарея № 1 и легкая № 2 рота 16 артилерійск. бригады	261				
Полурота горной артил.	72				
Казачій Ежова полкъ	366				
Ночью приближъ устроенной уже переправѣ Муромскій и Симбирскій полки и 3 бриг. 7 пѣхотной дивизіи	2600				
4 Уланская дивизія	2051				
3 ор. бат. № 1 роты 7 бриг.	69				
Конная рота № 28-го	155				
Итого при Дюльгеръ-Орду.					
Баталіоновъ — 15 1/2			5745		
Эскадрововъ — 16			2051		
Орудій 27 и 6 горн.			557		
Казачій полкъ — 1			366		
Всего			8719		
2) У генералъ-маіора Фролова противъ Дервишъ-Ована.	6 іюля	3-я бригада 5-й пѣх дивизіи	2244		
		Нижегородскій пѣх полкъ	799		
Рота пионеръ 6 батал.			116		
Легкая № 3 рота 5 арт. бр.			151		
4 орудія батар. № 1 рота 7 артиллерійской бригады ²⁾			92		
6 орудій горной артил.			72		
Казачій Бакланова полкъ			134		
Итого при Дервишъ-Ованѣ находилось баталіоновъ 6 1/4			3159		
Орудій 12 и 6 горн.			315		
Казачій полкъ — 1			134		
Всего			3608		
При атакѣ укрѣпленной высоты въ Дервишъ-Ованѣ участвовали.		Батал. Муромскаго полка	466		
		32 Егерскій полкъ	700		
		Харьковскій и Курляндскій уланскій полки	982		
		Легкая № 2 рота 16 арт. бр.	106		
		Конная рота № 28	155		
		Казачій Ежова полкъ	366		
Всего			2775		

¹⁾ Камчатскій п. находится въ Сизополь, а 31-й Егерскій оставленъ въ Беаджалѣ съ обозомъ.
²⁾ Одинъ единорогъ сей роты поврежденъ сего числа такъ, что болѣе негоденъ къ употребленію.
 Переправясь 7-го числа при Дюльгеръ-Орду, генералъ Ротъ двинулся къ Дервишъ-Овану. Авангардъ, подъ начальствомъ ген.-маіора Набеля, состоялъ изъ казачьяго Ежова полка, Муромскаго и 32 Егерскаго съ 4 орудіями легкими 16 бригады и Харьковскаго Уланскаго полка. Остальные уланы съ К. Рот. № 28-го, опередивъ пѣхоту, присоединились вскорѣ къ авангарду. Прочія войска слѣдовали за оными.

7. Дѣло при Айдосѣ

Какое именно дѣло.	Когда оно происходило.	Названіе войскъ, въ ономъ находившихся.
Въ дѣлѣ при занятіи города Айдоса.	13-го іюля.	<p>5 ротъ Уфимскаго пѣхотнаго полка¹⁾ Пермскій пѣхотный полкъ 36 Егерскій полкъ 37 Егерскій полкъ 3 роты 7-го піонернаго баталіона . . . 2-я бригада 4-й уланской дивизіи . . Батар. № 1-го и легкая № 3 роты 18 артиллерійской бригады 4 орудія батареи № 1, роты 19 артиллерійской бригады 4 орудія конной роты № 28 Казачьи полки: Ильина Чернушкина</p> <hr/> <p>Итого баталіоновъ 8 эскадроновъ 8 Орудій 24 Казачьихъ полковъ 2</p> <hr/> <p>Всего</p>

3-го іюня.

Наличное строевое число войскъ.	Откуда взяты свѣдѣнія.		П Р И М ъ Ч А Н І Я.
	О составѣ войскъ.	О наличномъ числѣ оныхъ.	
—	По рапорту	съ описа-	1) Остальныя три роты прикрывали ва- генбургъ, за колонною слѣдовавшій.
—	ніемъ сего	дѣла гене-	
—	ралья-лейте	нанта	
—	Риди гера.		
—			
—			
—			
—			
—			
—			
—			
3288			
1157			
—			
583			
5028			

Гор. Андріанополь 6 сентября 1829 г.

8. Дѣло при Сливнѣ

Какое именно дѣло.	Когда оно происходило.	Названіе войскъ, въ ономъ находившихся.
Въ дѣлѣ при г. Сливно.	31-го іюля.	<p style="text-align: center;"><i>7-й корпусъ.</i></p> <p>4 полка 18-й пѣхотной дивизіи ¹⁾ 3-я бригада 19 пѣхотной дивизіи 2 бригада 2-й гусарской дивизіи Дивизионъ С.-Петербургскаго Уланскаго полка Харьковскій Уланскій полкъ Батарея № 1 и легк. № 3 роты 18-й артиллерійской бригады Легкая рота № 3, 19 артиллерійской бригады. 4 орудія конной роты № 28 Конная рота № 4 Донская конная рота № 1 Казачьи полки: Ильина Чернушкина</p> <p style="text-align: center;"><i>6-й корпусъ.</i></p> <p>14-й Егерскій полкъ ²⁾ 16-я пѣхотная дивизія Рота 6-го пионернаго баталіона 2-я бригада Бугской Уланской дивизіи Батарея рота № 1, 7-й артиллерійской бригады 16-я артиллерійская бригада 4 орудія конной роты № 27 Горная рота 6-й Черноморскій полкъ Сверхъ того генераль-маіоръ Шереметьевъ прибылъ изъ Ямболя со 2-ю бригадою 4-й уланской дивизіи и 4 орудіями конной роты № 28-го</p> <hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> <p style="text-align: right;">Итого баталіоновъ 26½ Эскадроновъ 34 Орудій полевыхъ 86 и Горныхъ . 12 Казачьихъ полковъ 8</p> <hr style="width: 20%; margin-left: auto; margin-right: 0;"/> <p style="text-align: right;">Всего</p>

1-го Юля.

Наличное строевое сло войскъ.	Откуда взяты свѣдѣнія.		П Р И М ъ Ч А Н І Я.
	О составѣ войскъ.	О наличномъ числѣ оныхъ.	
4374 2019 871 232 457 234 47 78 141 213 343 218	По реляціи сего дѣла, представ- ленной пол- ковникомъ Рихтеромъ.	По строе- вымъ запис- камъ за 9 и 11-е чи- сло авгу- ста.	1) Вятскій, Уфимскій, Пермскій и 36-й Егерскій 2) 13-й Егерскій полкъ и дивизія Буг- скихъ уданъ были оставлены по дорогѣ въ Казань на перекресткѣ дороги отъ Кар- набата ведущей и по которой пришла ар- мія. 2-й пѣхотный корпусъ въ составѣ слѣ- дующемъ: Бѣлозерскій и Шлиссельбургскій полки. 3-я бригада 5 пѣхотной дивизіи. Три роты 5-й артиллерійской бригады. Павлоградскій гусарскій полкъ и 4 ору- дія конной № 3 роты. Прибылъ 30 числа ночью въ Драгада- ново, слѣдовалъ за прочими войсками въ видѣ резерва къ Сливно и потомъ распо- ложился въ 4½ верстахъ не доходя сего города.
763 3360 48 1531 131 359 74 120 224	По истори- ческому журналу 6-го кор- пуса.	По строе- вой запис- кѣ за 9 чи- сло авгу- ста.	
1087			Адрианополь, 6 сентября 1829 года.
10564 4101 1467 785			
16917			

9. Движеніе къ г. Адриано

Какое именно дѣло.	Когда оно происходило.	Названіе войскъ, въ ономъ находившихся.
Движеніе къ г. Адрианополю.	8-го августа.	<p style="text-align: center;"><i>Правая колонна.</i></p> <p>5-я пѣхотная дивизія</p> <p>16-я пѣхотная дивизія</p> <p>5-я артилерійская бригада</p> <p>16-я артилерійская бригада</p> <p style="text-align: center;"><i>Левая колонна.</i></p> <p>2-я бригада 2 гусарской дивизіи</p> <p>4-я уланская дивизія</p> <p>4 орудія конной роты № 3-го</p> <p>Конная рота № 4-го</p> <p>Конная рота № 28-го</p> <p>Донская рота № 1</p> <p style="text-align: center;"><i>7-й корпусъ (въ резервѣ).</i></p> <p>Бакланова казачій полкъ</p> <p>4 полка 18 пѣхотной дивизіи ¹⁾</p> <p>3 бригада 19-й пѣхотной дивизіи</p> <p>2 бригада Бугской уланской дивизіи</p> <p>Бат. № 1 и легкая № 3 роты 18-й артилерійской бригады</p> <p>4 оруд. бат. № 1 и 6 оруд. легкой № 2 роты 19 артилерійской бригады</p> <p>4 орудія конной роты № 27-го</p> <p>У генераль-маіора Жирова казачьи полки:</p> <p>Ильина</p> <p>Чернушкина</p> <hr/> <p style="text-align: right;">Итого баталіоновъ 35 . . .</p> <p style="text-align: right;">эскадроновъ 36 . . .</p> <p style="text-align: right;">орудій 110 . . .</p> <p style="text-align: right;">казачьихъ п. 3 . . .</p> <hr/> <p style="text-align: right;">Всего . . .</p>

Олю и занятіе онаго.

Наличное строевое исло войскъ.	Откуда взяты свѣдѣнія.		П Р И М Ъ Ч А Н І Я.			
	О составѣ войскъ.	О наличномъ числѣ оныхъ.				
4482	По диспозиціи на сіе число за № 54 отданной.	Войска 2-го корпуса по суточной строевой запискѣ за 8-е число. 6-го корпуса за 12-е августа.	Полки: Муромскій и Симбирскій присоединились къ 6 корпусу (см. диспозицію № 54).			
3360						
382						
352						
871						
1930						
68						
141						
155						
213						
159						1) Вятскій, Уфимскій, Пермскій и 36 Егерскій.
4374						
2019						
1531						
234						
135						
74						
284						
371						
14235						
4332						
1754						
814						
21135			Адріанополь 8 сентября 1829 г.			

Адріанопольскій трактатъ.

Во имя Бога Всемогущаго.

Его Императорское Величество, Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и Его Величество Всепресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Императоръ Оттоманскій, движимые равнымъ желаніемъ положить конецъ бѣдствіямъ войны и возстановить на прочномъ и неизблемомъ основаніи миръ, дружбу и доброе согласіе между своими Державами, единодушно положили довѣрить сіе спасительное дѣло смотрѣнію и руководству обоюдныхъ уполномоченныхъ, а именно: Его Величество Императоръ Всероссійскій Сіятельныйшаго и Высокопревосходительнаго графа Ивана Ивановича Дибича Забалканскаго и Его Величества Генераль-Адъютанта, генерала отъ инфантеріи Главнокомандующаго 2-ю арміею, шефа пѣхотнаго имени своего полка и члена государственнаго совѣта, кавалера орденовъ всѣхъ Россійскихъ, Императорско-австрійскихъ: Маріи Терези меньшаго креста, Леопольда большого креста и королевско-прусскихъ: Чернаго Орла, Краснаго Орла 1-го класса и военнаго достоинства, имѣющаго золотую шпагу съ надписью за храбрость, алмазами украшенную, медали: за кампанію 1812 года, за взятіе Парижа 1814 года и за персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ, который по силѣ Высочайше дарованнаго ему полномочія, назначилъ и наименовалъ полномочными отъ Императорскаго Россійскаго Двора сіятельныхъ и высокопочтенныхъ господъ графа Алексѣя Орлова, Его Императорскаго Величества генераль-адъютанта, генераль лейтенанта, командующаго 1-ю кирасирскою дивизіею, кавалера орденовъ: Россійскихъ св. Анны 1-й степени, алмазами украшенной, св. Равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени, св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени и золотой шпаги за храбрость, алмазами украшенной; Императорско-австрійскаго Леопольда 3-го класса; Королевско-прусскихъ, Краснаго Орла 1-го класса, за достоинство и желѣзнаго креста; Королевско-баварскаго Максимилиана 3-го класса и имѣющаго медали: серебряную и бронзовую, за кампанію 1812 года, и другую серебряную, за взятіе Парижа 1814 года, и графа Теодора Палена, тайнаго совѣтника и кавалера орденовъ Россійскихъ: святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, св. Анны 1-й степени, и св. Іоанна Іерусалимскаго; а Его Величество Императоръ Оттоманскій, превосходительныхъ и высокопочтенныхъ господъ: Мермедь-Садинъ-Ефендія, дѣйствительнаго великаго дефтердаря блистательной Порты Оттоманской и Абдуль-Надиръ-Бея, Кази-Аскера Анатолійскаго. Оные полномочные, собравшись въ городъ Андрианополь, по разсѣннѣ своихъ уполномочій, постановили нижеслѣдующія статьи:

Статья 1. Всякая вражда и несогласіе, существовавшія доселѣ между обѣими имперіями, отнынѣ прекращаются на сушѣ и на моряхъ; и да будетъ на вѣки миръ, дружба и доброе согласіе между Его Величествомъ Императоромъ и Падишахомъ Османскимъ и Его Величествомъ Императоромъ и Падишахомъ Османскимъ ихъ наслѣдниками и преемниками, а также и между ихъ имперіями. Обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ особенно пещись о предупрежденіи всего, что могло бы возродить неприязнь между обоюдными подданными. Онѣ исполнять въ точности всѣ условія настоящаго мирнаго договора и будутъ равномерно наблюдать, чтобы оный не былъ отнюдь нарушаемъ ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ.

Статья 2. Его Императорское Величество Императоръ и Падишахъ Османскій, желая удостовѣрить Его Величество Императора и Падишаха Османскаго въ искренности своего дружественнаго расположенія, возвращаетъ блистательной Портѣ княжество Молдавію въ тѣхъ границахъ, какія оно имѣло до начатія войны, настоящимъ мирнымъ договоромъ прекращенной. Его Императорское Величество также возвращаетъ княжество Валахію и Краіовскій банатъ безъ всякаго изыятія, Булгарію и земли Добридже отъ Дуная до моря и купно съ тѣмъ Силистрію, Гирсово, Мачинъ, Исакчу, Тульчу, Бабадагъ, Баларджикъ, Варну, Праводы и другіе города, мѣстечки и селенія, въ той землѣ состоящія, все пространство хребта Балканскаго отъ Емвие-Бурну до Казана и всѣ земли отъ Балкана до моря, а также Седимно, Ямболи, Айдосъ, Карнабатъ, Мисимврю, Анхіали, Бургасъ, Сизополь, Кирплисси, городъ Адрианополь, Люге-Бургасъ, наконецъ всѣ города, мѣстечки и селенія и вообще всѣ мѣста, занятія въ Румелии русскіими войсками.

Статья 3. Границею между обѣими имперіями по прежнему будетъ рѣка Прутъ отъ самаго ея впаденія въ Молдавію до соединенія съ Дунаемъ. Оттогда черта граничная долженствуетъ слѣдовать теченію Дуная до впаденія Георгіевскаго гирла въ морѣ, такъ, что всѣ острова, образуемые различными рукавами сей рѣки, будутъ принадлежать Россіи: правый же ея берегъ по прежнему останется во владѣніи Порты Османской. Между тѣмъ постановляется, что оный правый берегъ, начинающійся съ точки, гдѣ гирло Георгіевское отдѣляется отъ Сулинскаго, пребудетъ, незаселеннымъ на разстояніи двухъ часовъ пути отъ рѣки и что на немъ не будетъ никакихъ заведеній, а также и на островахъ, переходящихъ во владѣніе двора Россійскаго, не будетъ дозволено устривать никакихъ заведеній или укрѣпленій, кромѣ карантинныхъ. Купеческимъ судамъ обѣихъ державъ предоставляется свободное плаваніе по всему теченію Дуная, разумѣя, что таковыя суда, подъ флагомъ Османскимъ, могутъ невозбранно входить въ гирла Кидійское и Сулинское, и что гирло Георгіевское остается общимъ для военнаго и купеческаго флаговъ обѣихъ имперій. Однако же, русскіе военные корабли не должны ходить вверхъ по Дунаю далѣе его соединенія съ Прутомъ.

Статья 4. Грузія, Имеретія, Мингрелія, Гурия и многія другія области Закавказскія съ давнихъ уже лѣтъ присоединены на вѣчныя времена къ Россійской Имперіи; сей державѣ уступлены также трактатомъ, заключеннымъ съ Персіею въ Туркменчаѣ 10-го февраля 1828 года ханства Ериванское и Няхпчеванское. А потому обѣ высокія договаривающіяся стороны признали необходимыми учредить между обоюдными владѣніями, по всей помянутой чертѣ, границу опредѣлительную и способную

отвратить всякое недоразумѣніе на будущее время. Равнымъ образомъ приняты опѣ въ соображеніе средства, могущія положить неодолимую преграду набѣгамъ и грабежамъ сопредѣльныхъ племенъ, доселѣ столь часто нарушавшихъ связи дружбы и добраго сосѣдства между обѣими имперіями. Вслѣдствіе сего, положено признавать отнынѣ границею между владѣніями въ Азіи Императорскаго Россійскаго двора и блистательной Порты Оттоманской черту, которая, слѣдуя по нынѣшнему рубежу Гуріи отъ Чернаго моря, выходитъ до границы Имперіи и оттуда въ прямѣйшемъ направленіи до точки, гдѣ граница Ахалцыхскаго и Карскаго пашалыковъ соединяется съ грузинскою, такимъ образомъ, чтооы городъ Ахалцыхъ и крѣпость Ахалкалаки остались на сѣверѣ отъ помянутой черты и въ разстояніи не ближе двухъ часовъ пути отъ оной.

Всѣ земли, лежація на югъ и на западъ отъ вышеказанной граничной черты къ сторонѣ Карскаго и Трапезундскаго пашалыковъ съ большею частію Ахалцыхскаго пашалыка останутся въ вѣчномъ владѣніи блистательной Порты; земли же, лежація на сѣверѣ и на востокъ отъ оной черты къ сторонѣ Грузіи, Имеретіи и Гуріи, а равно и весь берегъ Чернаго моря отъ устья Кубани до пристани Св. Николая включительно пребудутъ въ вѣчномъ владѣніи Россійской имперіи.

Вслѣдствіе того Императорскій Россійскій дворъ отдаетъ и возвращаетъ блистательной Портѣ остальную часть пашалыка Ахалцыхскаго, городъ Карсъ съ его пашалыкомъ, городъ Баязидъ съ его пашалыкомъ, городъ Арзерумъ съ его пашалыкомъ, а также и всѣ мѣста, занятія російскими войсками и находящіеся внѣ вышепоказанной черты.

Статья 5. Поелику княжества Молдавское и Валахское подчинили себя особыми капитуляціями верховной власти блистательной Порты, и поелику Россія приняла на себя ручательство въ ихъ благоденствіи, то нынѣ сохраняются имъ всѣ права, преимущества и выгоды, дарованныя въ тѣхъ капитуляціяхъ, или же въ договорахъ, между особыми Императорскими дворами заключенныхъ, или наконецъ въ хатти-шерифахъ, въ разныя времена изданныхъ. Посему онымъ княжествамъ предоставляется свобода богослуженія, совершенная безопасность, народное независимое управленіе и право безпрепятственной торговли. Дополнительныя къ предшедшимъ договорамъ статьи, признанныя необходимыми для того, чтобы сіи области непремѣнно воспользовались правами своими изложены въ отдѣльномъ актѣ, который есть и будетъ почитаемъ равносильнымъ съ прочими частями настоящаго договора.

Статья 6. Обстоятельства, послѣдовавшія за аккерманскою конвенціею, не дозволили блистательной Портѣ заняться немедленно приведеніемъ въ дѣйство постановленій отдѣльнаго акта о Сербіи, приложеннаго къ 5 статьѣ той конвенціи, а потому Порты торжественнѣйшимъ образомъ обязуется исполнить оныя безъ малѣйшаго отлагательства и со всею возможною точностію, а именно возвратить немедленно Сербіи шесть округовъ, отъ сей области отторгнутыхъ, и, такимъ образомъ, навсегда обезпечить спокойствіе и благосостояніе вѣрнаго и покорнаго народа сербскаго. Утвержденный хатти-шерифомъ фирманъ о приведеніи въ дѣйство вышеказанныхъ постановленій будетъ издавъ и оффиціально сообщенъ Императорскому Россійскому двору въ теченіи одного мѣсяца со дня подписанія настоящаго мирнаго договора.

Статья 7. Россійскіе подданные будутъ пользоваться во всей Оттоманской Имперіи, на сушѣ и на моряхъ, полною и совершенною свободою торговли, предоставленною имъ въ трактатахъ, донынѣ между обѣими

высокими договаривающимися державами заключенных. Ся свобода торговли отнюдь не будет нарушаема или стѣсняема ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ, ни посредствомъ какихъ либо учреждений и мѣръ, вводимыхъ по части внутренняго управленія или законодательства. Россійскіе подданные, ихъ суда и товары будутъ ограждены отъ всякаго насилія и притязанія: первые исключительно будутъ состоять подъ судебнымъ и полицейскимъ завѣдываніемъ министра и п консуловъ россійскихъ: а суда россійскія не будутъ подлежать ни какому внутреннему досмотру со стороны Оттоманскихъ властей, ни въ открытомъ морѣ, ни въ гаваняхъ, пристаняхъ или на рейдахъ Турецкой имперіи; товары же всякаго рода или припасы, россійскимъ подданнымъ принадлежащіе, по оцпеніи установленною тарифамитоможенною пошлиною, безпрепятственно могутъ быть проданы, сложены на берегу въ магазейны хозяевъ или ихъ повѣренныхъ, или перегружены на другое судно какой бы то державы ни было, такъ что о семъ россійскіе подданные не обязаны извѣщать мѣстныхъ начальства, а еще менѣе испрашивать на то ихъ дозволенія. При томъ постановляется, что сіи преимущества простираются и на торговлю хлѣбомъ, вывозимымъ изъ Россіи, и къ свободному провозу онаго никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ дѣлаемо затрудненій или помѣшательствъ.

Сверхъ того, блистательная Порта обязуется наблюдать тщательно, чтобы торговля и особенно плаваніе по Черному морю не подвергалось ни какимъ либо препятствіямъ. На сей конецъ она признаетъ и объявляетъ, что ходъ чрезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ совершенно свободенъ и открытъ для россійскихъ судовъ подъ купеческимъ флагомъ, съ грузомъ или съ балластомъ, имѣющихъ проходить изъ Чернаго моря въ Средиземное или изъ Средиземнаго въ Черное. Сія суда, если токмо будутъ купеческія, не взирая ни на величину ихъ, ни на количество ихъ груза, не будутъ подвергаться ни остановкѣ, ни притѣсенію, согласно съ тѣмъ, какъ выше постановлено. Оба Императорскіе двора войдутъ между собою въ соглашеніе объ удобнѣйшихъ средствахъ отвратить всякую медленность въ снабженіи судовъ надлежащими видами при ихъ отправленіи.

На семъ же основаніе и при соблюденіи тѣхъ же условій, какія постановлены для судовъ подъ россійскимъ флагомъ, ходъ чрезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ объявляется свободнымъ и открытымъ для купеческихъ судовъ и всѣхъ державъ, состоящихъ въ дружбѣ съ Высокою Портою, будутъ ли оныя суда плыть въ Россійскія гавани, на Черномъ морѣ лежащія, или возвращаться оттуда съ грузомъ или балластомъ.

Наконецъ, блистательная Порта, предоставляя Императорскому Россійскому Двору право пользоваться таковою совершенною свободою торговли и плаванія по Черному морю, торжественно объявляетъ, что съ своей стороны никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не будетъ тому противопоставлять ни малѣйшей преповы. Порта особенно обѣщаетъ впредь никогда не задерживать или останавливать суда съ грузомъ или балластомъ, принадлежащія, какъ Россіи, такъ и другимъ державамъ, съ коими Оттоманская имперія не состоитъ въ объявленной войнѣ, когда оныя проходятъ будутъ чрезъ Константинопольскій каналъ, или Дарданельскій проливъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, или же изъ Средиземнаго въ Россійскія черноморскія гавани. И если (отъ чего Боже сохрани) которое либо изъ содержащихся въ сей статьѣ постановленій

будеть нарушено и на представленіе о семъ Россійскаго министра не послѣдуетъ совершеннаго и скорого удовлетворенія, то блистательная Порта предварительно признаетъ, что Императорскій Россійскій Дворъ имѣетъ право принять таковое нарушеніе за неприязненное дѣйствіе и немедленно поступить въ отношеніи къ имперіи Оттоманской по праву возмездія.

Статья 8. Постановленія, учиненныя предъ симъ въ VI ст. аккерманской конвенціи, касательно опредѣленія и удовлетворенія требованій взаимныхъ подданныхъ о вознагражденіи за потери, въ разныя времена понесенныя съ войны 1806 года, доселѣ не были приведены въ исполненіе, и руссійское купечество, по заключеніи вышеописанной конвенціи, претерпѣло еще новыя значительныя убытки, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ относительно плаванія по Босфору. Почему нынѣ признано и положено, что Порта Оттоманская, въ вознагражденіе за означенныя убытки и потери, заплатитъ Императорскому Россійскому Двору въ теченіи 18-ти мѣсяцевъ и въ сроки, кои вслѣдъ за симъ имѣютъ быть опредѣлены, одинъ милліонъ пятьсотъ тысячъ голландскихъ червонцевъ, съ тѣмъ, что уплата сей суммы положить конецъ всѣмъ взаимнымъ обѣихъ договаривающихся сторонъ требованіямъ и домогательствамъ по поводу помннутыхъ выше обстоятельство.

Статья 9. Поелику продолженіе войны, которой настоящимъ мирнымъ договоромъ полагается благополучный конецъ, причинило Императорскому Россійскому Двору значительныя издержки, то блистательная Порта признаетъ необходимымъ доставить сему Двору приличное за то вознагражденіе. А потому, сверхъ сказанной въ 4 статьѣ уступки небольшого участка земли въ Азіи, которую Дворъ Россійскій соглашается принять въ счетъ упомянутаго вознагражденія, блистательная Порта обязуется еще заплатить оному сумму денегъ, какая опредѣлена будетъ съ общаго согласія.

Статья 10. Блистательная Порта, объявляя, что она совершенно согласна на постановленія договора, заключеннаго въ Лондонѣ 24 іюня (6 іюля) въ 1827 года между Россією, Великобританією и Францією, приступаетъ равнооубно и къ тому акту, который по взаимному согласію оныхъ державъ состоялся 10 (22) марта 1829 года, на основаніи упомянутаго договора, и содержитъ въ себѣ подробное изложеніе мѣръ, относящихся до окончательнаго приведенія онаго въ дѣйствіе. Немедленно по развѣнѣ ратификацій настоящаго мирнаго договора, блистательная Порта назначитъ уполномоченныхъ для соглашенія съ полномочными Дворомъ Императорскаго Россійскаго, а также англійскаго и французскаго, о приведеніи въ исполненіе помннутыхъ мѣръ и постановленій.

Статья 11. Вслѣдъ за подписаніемъ настоящаго мирнаго договора между обѣими имперіями и по развѣнѣ ратификацій обоихъ государей, блистательная Порта немедленно приступитъ къ скорому и точному исполненію содержащихся въ ономъ постановленій, а именно статей 3 и 4, относительно границъ, долженствующихъ раздѣлять обѣ имперіи въ Европѣ и Азіи, статей 5 и 6 касательно княжествъ Молдавіи и Валахіи, равно какъ и Сербіи, и коль скоро сіи различныя статьи признаны будутъ исполненными, то Императорскій Россійскій дворъ приступитъ къ выводу войскъ своихъ изъ владѣній Имперіи Оттоманской, согласно съ начертанными въ отдѣльномъ актѣ основаніямъ, составляющими равносильную съ прочими часть настоящаго мирнаго договора. До совершеннаго же очищенія занятыхъ земель управленіе и порядокъ, кои тамъ нынѣ введе-

ны, подъ вліяніемъ Императорскаго Россійскаго Двора, останутся въ своей силѣ, и блистательная Порты Оттоманская отнюдь не будетъ въ то вмѣшиваться.

Статья 12. Немедленно послѣ подписанія настоящаго мирнаго договора, дано будетъ начальникамъ обоюдныхъ войскъ повеленіе прекратить на сушѣ и на моряхъ военныя дѣйствія. Тѣ же дѣйствія ихъ, кои послѣдуютъ по подписаніи настоящаго договора, будутъ почтены какъ бы не случившимися и не причинять никакой перемѣны въ постановленіяхъ, содержащихся въ ономъ. Равнымъ образомъ все, что въ сей промежутокъ времени будетъ завоевано войсками той или другой изъ Высокихъ договаривающихся державъ, будетъ возвращено безъ малѣйшаго отлагательства.

Статья 13. Высокія договаривающіяся державы, возобновляя между собою союзъ искренняго дружества, даруютъ общее прощеніе и совершенную амнистію всѣмъ своимъ, какого бы званія они ни были, подданнымъ, которые въ продолженіе войны, нынѣ благополучно прекращенной, принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ или обнаруживали поведеніемъ или мнѣніями своими приверженность къ которой либо изъ двухъ договаривающихся державъ. А потому, никто изъ таковыхъ лицъ, за прежніе поступки свои, не подвергнется безпокойству или преслѣдованіямъ въ отношеніи ни къ личности, ни къ имуществу; но каждому изъ нихъ предоставляется право, снова вступивъ во владѣніе прежнею своею собственностію, спокойно, подъ покровительствомъ законовъ, пользоваться оною, или, не опасаясь никакихъ притязаній и притѣсненій, продать оную въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, если пожелаетъ переселиться съ своимъ семействомъ и движимымъ имуществомъ въ другую сторону по его избранію. Сверхъ того, обоюднымъ подданнымъ, жительствовавшимъ въ областяхъ, возвращаемыхъ Императорскому Россійскому Двору, дается также восемнадцатимѣсячный срокъ, считая отъ разнѣн ратификацій настоящаго мирнаго договора, дабы они, если признаютъ нужнымъ, могли сдѣлать распоряженія касательно собственности, ими приобретенной до войны или послѣ оной, и перейти съ своими капиталами и движимымъ имуществомъ во владѣнія той или другой изъ договаривающихся державъ.

Статья 14. Всѣ находящіеся въ обѣихъ Имперіяхъ военно-плѣнные какого бы они ни были народа, званія или пола, немедленно по разнѣн ратификацій настоящаго договора, должны быть выданы и возвращены безъ малѣйшаго выкупа или платы. Изъ сего исключаются христіане, добровольно принявшіе въ областяхъ блистательной Порты магометанское исповѣданіе, и магометане, также добровольно принявшіе вѣру христіанскую въ предѣлахъ Россійской Имперіи.

Такимъ же образомъ будетъ поступлено и съ тѣми россійскими подданными, кои, по подписаніи настоящаго мирнаго договора, по какому-либо случаю, попали въ плѣнъ и находятся въ областяхъ блистательной Порты. Императорскій Россійскій Дворъ тоже самое обѣщаетъ исполнить въ отношеніи къ подданнымъ блистательной Порты.

За суммы, кои употреблены на содержаніе плѣнныхъ обѣими договаривающимися сторонами, не будетъ требовано никакого платежа. Отъ каждой державы они будутъ снабжены всѣмъ нужнымъ на путевыя издержки до границы, гдѣ и будутъ размѣнены обоюдными комиссарами.

Статья 15. Всѣ договоры, конвенціи и постановленія, состоявшіяся и

заключенныя въ разныя времена между Императорскимъ Россійскимъ дворомъ и блистательною Портою Оттоманскою, за исключеніемъ статей, отмѣненныхъ настоящимъ мирнымъ договоромъ, подтверждаются во всей своей силѣ и пространствѣ и обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются хранить оныя свято и ненарушимо.

Статья 16. Настоящій мирный договоръ будетъ ратификованъ обоими Высокими договаривающимися Дворами, и размѣвъ ратификацій между ихъ полномочными послѣдуетъ чрезъ шесть недѣль или, буде возможно, и прежде.

Настоящій мирный актъ, который содержитъ въ себѣ шестнадцать статей и который будетъ окончательно утвержденъ размѣномъ обоюдныхъ ратификацій въ постановленный срокъ, мы, по силѣ нашихъ полномочій, подписали вышеупомянутые полномочные блистательной Порты Оттоманской и приложили къ оному свои печати. Въ Адрианополѣ; сентября 2-го дня 1829 года.

Подписали:

Графъ Алексій Орловъ (м. п.).

Графъ Ѳ. Паленъ (м. п.).

Того ради Наше Императорское Величество, по довольномъ разсмотрѣніи вышеописаннаго договора вѣчнаго мира, подтвердили и ратификовали оный, яко же сямъ за благо приѣмлемъ, подтверждаемъ и ратификуемъ во всемъ его соержаніи, общаая Императорскимъ Нашимъ словомъ, за Насъ и Наслѣдниковъ нашихъ, что все въ ономъ договорѣ постановленное наблюдаемо и исполняемо Нами будетъ ненарушимо. Во увѣреніе чего Мы сію ратификацію подписавъ, своеручно повелѣли утвердить Государственною Нашею печатью. Дана въ Санктпетербургѣ, сентября 29-го дня 1829 года, Государствованія же нашего въ четвертое лѣто.

Подлинная подписана собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Контрасигнировалъ: Вице-канцлеръ графъ Нессельроде.

В. У. А. № 2872.
Истор. журналъ
войскъ г. Красовскаго.

**Числительность войскъ ген.-лейт. Красовскаго
16-го августа 1829 года подъ Шумлой.**

Сентябрь.

Въ какомъ числѣ въ началѣ сего мѣсяца находился корпусъ, въѣренный генералъ-лейтенанту Красовскому, видно изъ прилагаемой вѣдомости.

Званіе войскъ.	Число.			На лица въсѣхъ чиновъ.						Лошадей.	
	Баталіоновъ.	Скадроновъ.	Орудій.	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыкантовъ.	Рядовыхъ.		Итого.
<i>3-й Гусарской дивизіи.</i>											
Ахтырскій	—	4	—	—	2	24	58	16	616	716	725
Александрійскій	—	4	—	—	—	27	65	15	614	721	654
Графа Витгенштейна	—	4	—	—	2	28	70	14	580	694	648
Принца Оранскаго	—	4	—	—	3	29	75	18	700	826	720
Итого	—	16	—	3	7	108	268	63	2510	2956	2747
<i>Бугской Уланской дивизіи.</i>											
1-й Бугскій	—	4	—	—	3	25	62	14	517	621	697
2-й Бугскій	—	4	—	—	2	14	69	16	550	641	625
Итого	—	8	—	—	5	39	121	30	1067	1262	1318
<i>Кавалчы полки.</i>											
4-й Уральскій	—	—	—	—	1	8	7	—	75	91	91
9-й Оренбургскій	—	—	—	—	—	12	16	—	304	332	332
Борисова 1-го	—	—	—	—	2	6	8	—	326	342	375
Итого	—	—	—	—	3	26	31	—	705	765	796
Жандармовъ	—	—	—	—	—	1	2	1	25	29	26
Всего въ конницѣ	—	—	—	4	15	174	422	94	4307	5012	4887

9-й тис. дивізії.

Черниговській	2	—	—	—	3	19	13	64	1221	1420	—	—
Полтавській	2	—	—	—	3	17	112	62	987	1181	—	—
Александропольській	2	—	—	—	4	17	100	58	1022	1271	—	—
Кременчугській	2	—	—	—	3	25	99	49	952	1128	—	—
17-й Егерській	2	—	—	—	3	21	98	61	1180	1363	—	—
Ітого	10	—	—	4	16	99	522	294	5432	6363	—	—
Всього в піхоті												
<i>Артилерійські роти.</i>												
Конна № 6-го	—	—	—	—	—	8	12	2	114	136	118	85
Конно-батареяна № 19	—	—	—	—	—	7	14	2	173	196	134	134
Конної № 27	—	—	—	—	—	2	3	1	62	67	44	44
<i>8-а бригада.</i>												
Батареяна № 1-го	—	—	—	—	—	6	10	10	141	168	—	160
Легкої № 2-го	—	—	—	—	—	8	11	1	93	103	—	100
Ітого	—	—	—	—	2	8	21	11	234	276	—	—
<i>9-й бригади.</i>												
Батареяна № 1-го	—	—	—	—	—	10	10	10	137	168	—	—
Легкі № 2-го	—	—	—	—	—	5	4	2	94	110	—	—
Легкі № 3-го	—	—	—	—	—	4	13	1	94	113	—	—
Парочна батареяна № 4	—	—	—	—	—	2	21	1	158	182	—	—
4-е відділеніє осадного артл. парка	—	—	—	—	—	30	31	2	450	489	—	—
Всього в артилерії	—	—	—	1	5	59	153	34	1731	1982	296	1904
3-й піонерної баталіонъ	—	—	—	—	—	10	35	18	321	385	—	36
А всего	—	—	—	11	46	457	1544	625	15262	17954	5037	1940

Ітого в піхоті всѣхъ чиновъ состояло на лицо 10.544, в кавалеріі 5023, в артилеріі 1982, а всего 17934 челов. Лошадей строевыхъ 5037 и нестроевыхъ 1940.

Приложение 25.

В. У. А. № 2872
Истор. журналъ
войскъ г. Красовскаго.

**Числительность войскъ ген.-лейт. Красовскаго
1-го сентября 1829 г. подъ Шумлой.**

Звание войскъ.	Число.			Налицо въ хъчиновъ.						Лошадей.		
	Баталіоновъ.	Скадроновъ.	Орудій.	Генераловъ.	Штабъ-офицеровъ.	Оберъ-офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ.	Музыккантовъ.	Рядовыхъ.	Итого.	Строевыхъ.	Артилерійскія.
3-ей Гусарской дивизіи.												
Ахтырскій	—	—	—	—	2	39	67	19	677	804	774	—
Александрійскій	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Графа Витгенштейна	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Принца Оранскаго	—	4	—	—	3	31	80	18	733	865	764	—
Итого	—	16	—	3	7	134	292	67	2634	3134	2883	—
Бугской Уланской дивизіи.												
1-й Бугскій	—	2	—	—	2	19	42	10	386	459	488	—
2-й Бугскій	—	4	—	—	3	23	67	16	589	698	672	—
Итого	—	6	—	—	5	42	109	26	975	1157	1100	—
Кавалеры полки.												
9-й Оренбургскій 5 сот.	—	—	—	—	—	12	11	—	327	350	350	—
Борисова 5 сот.	—	—	—	—	2	6	9	—	365	362	372	—
Итого	—	—	—	—	2	18	20	—	662	702	772	—
Жандармовъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего въ конницѣ												
	—	22	—	4	14	195	423	94	4297	5023	4741	—
8-й пех. дивизіи.												
Троицкій	2	—	—	—	1	25	121	52	960	1159	—	—
Пензенскій	2	—	—	—	3	19	96	44	995	1157	—	—
Тамбовскій	2	—	—	—	3	26	96	46	757	928	—	—
Саратовскій	2	—	—	—	3	24	98	48	769	937	—	—

№ 3.

**Имандуемому резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ господину генераль-
адъютанту и кавалеру Ниселеву.**

Съ отбытіемъ командира 2 пѣхотнаго корпуса, генерала-отъ-кавалеріи и генераль-адъютанта графа Палена, на соединеніе съ главною арміею, поручается Вашему Превосходительству общее командованіе войскъ на лѣвомъ берегу Дуная, въ составѣ коихъ находятся: въ Малой Валахіи: отрядъ генераль-адъютанта Гейсмара, состоящій изъ 17 пѣхотной и 1-й драгунской дивизій, съ принадлежащею къ нимъ артилеріею и фурштатомъ, конно-піонернаго эскадрона, казачьихъ полковъ Попова 11-го, Бегидова и Золоторева 4-го и павдуровъ въ числѣ 2,640 чел. пѣхоты и 264 конницы. Непосредственно подъ собственною Вашою командою между Журжею и Бухарестомъ состоятъ будутъ 4-я пѣхотная и 1-я конноегерская дивизіи, равномерно съ ихъ артилеріею и фурштатомъ и казачьи полки: Рыковского и Платова 2-го, съ Донскою конно-артилерійскою ротой № 2-ю, первая бригада 11-й пѣхотной дивизіи, Бухарестской гарнизонъ составляющая, первый баталіонъ 18-го Егерскаго полка, оставляемый впредь до повелѣнія въ Фокшанахъ, по случаю заразы тамъ еще продолжающейся, и резервные баталіоны 16 пѣхотной дивизіи подъ командою полковника Штетера въ Яссахъ расположенные. Всѣ прочія войска, находящіяся на лѣвомъ берегу Дуная въ Каларашѣ и въ Галацѣ, зависятъ, непосредственно, прямо отъ главнаго начальника арміи впредь до повелѣнія. Въ слѣдствіе чего предписываю Вашему Превосходительству къ исполненію слѣдующее: наблюденіе по Дунаю отъ австрійской границы до крѣпости Турно (сей пунктъ включительно) возлагается на отрядъ генераль-адъютанта Гейсмара, отъ Турно, продолжая внизъ по Дунаю до впаденія рѣки Аржиса, отряду, прямому вашему командованію ввѣряемому, съ тѣмъ, чтобы одинъ баталіонъ Архангелогородскаго полка находился на лѣвомъ берегу Аржиса, при Фунденяхъ, а другой потому же берегу при устьѣ сей рѣки. Сіе положеніе Ваше можетъ памѣниться смотри по движеніямъ непріятели и потому предоставляется совершенно распоряженію Вашего Превосходительства; вслѣдствіе чего, соображаясь съ обстоятельствами, вы можете усилить отрядъ въ Валахіи расположенный, войсками отъ генераль-адъютанта Гейсмара, и въ обратномъ положеніи дѣль, послать къ нему часть войскъ на подкрѣпленія, или даже, въ случаѣ сильнаго наступленія весьма превосходнаго непріятели, соединивъ большую часть обихъ отрядовъ, идти рѣшительно на встрѣчу и пораженіе онаго, не открывая однако непріятели возможности сдѣлать поискъ на Бухарестъ. Въ отношеніи крѣпости Журжи, нѣтъ надобности облагать оную, но занять по-

зицію такъ, чтобы всякій поискъ непріятеля изъ сей крѣпости былъ бы немедленно уничтожаемъ быстрымъ и рѣшительнымъ на него нападеніемъ. Относительно продовольствія ввѣряемыхъ командовавію вашему по лѣвому берегу Дуная войскъ, долженъ я васъ упредить, что продовольствіе отряда генераль-адъютанта Гейсмара совершенно предоставлено его собственному попеченію; о всѣхъ же прочихъ имѣете вы заботиться, сносясь прямо съ главнокомандующимъ продовольственною частью арміи г. сенаторомъ Абакумовымъ и полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ генераль-лейтенантомъ Желтухинымъ, которому подчинена мѣстная провіантская комісія въ Букарестѣ учрежденная и распоряджающаяся продовольствіемъ войскъ по лѣвому берегу Дуная расположенныхъ. Общій надзоръ за исправнымъ состояніемъ временныхъ военныхъ госпиталей на лѣвомъ берегу Дуная находящихся, поручаю также ближайшей заботливости Вашего Превосходительства, почему вы, удостовѣрясь какъ наивозможно чаще, посредствомъ адъютантовъ и другихъ довѣренныхъ лицъ о настоящемъ состояніи тѣхъ госпиталей, о находящихся въ оныхъ недостаткахъ относительно продовольствія, хорошаго помѣщенія, снабженія госпитальными вещами, прислугою и медицинскимъ чиновниками имѣете сноситься съ главноуправляющимъ продовольственною частью въ арміи, съ полномочнымъ предсѣдателемъ дивановъ, исправляющимъ должность директора госпиталей и генераль штабъ-докторомъ арміи; но ежели требованія ваши сими лицами по предметамъ до нихъ относящимся не будутъ исполнены своевременно, то доносить мнѣ.

Всѣ вышеупомянутыя войска, поступающія подъ начальство ваше, посылаютъ какъ срочные, такъ и прочія донесенія на имя ваше, а отнюдь не въ главный штабъ арміи, а Ваше Превосходительство, составивъ изъ первыхъ общій рапортъ, доставляете оный ко мнѣ, къ 10-му и 25 числу каждаго мѣсяца; прочіе же донесенія по важности содержанія оныхъ, или разрѣшенію вашему не подлежащія, представляете также ко мнѣ.

Въ заключеніе присовокуплю еще Вашему Превосходительству, что воля Государя Императора есть, чтобы резервные баталіоны 16-й пѣхотной дивизіи отнюдь не употребляемы были противу непріятеля, и потому постоянное свое квартированіе должны имѣть въ городѣ Яссахъ.

При семъ также пужнымъ нахожу васъ увѣдомить, что гг. сенаторамъ Абакумову, генераль-лейтенанту Левенштерну и генераль-маіору Лехнеру предписано доставить вамъ надлежащія свѣдѣнія о способахъ продовольствія и транспортировкѣ онаго, и о способахъ удовлетворенія инженерныхъ и артилерійскихъ потребностей. Подлинное подписалъ: Главнокомандующій 2-ю армію, генераль-отъ-инфантеріи, генераль-адъютантъ графъ Дибичъ.

РОСПИСАНІЕ

войскъ, имѣющихъ быть расположенными
на лѣвомъ берегу Дуная, подъ командою
генераль-адъютанта Киселева.

В О Й С К А.	И Х Ъ Н А Ч А Л Ь Н И К И.
Отрядъ между Журжею и Букаре- стомъ.	
<i>4-я пѣхотная дивизія съ артилеріею .</i>	Ген.-маіоръ Штерманъ (команд.).
1-я бригада	Ген.-маіоръ Ефимовичъ.
Архангелогородскій	Полковникъ князь Волконскій.
Вологодскій	Полковникъ Маске.
2-я бригада	Ген.-маіоръ Тришатный (подасть объ увольненіи, находитъ въ Яссахъ).
Костромскій	Полковникъ баронъ Болленъ 2.
Галицкій	Полковникъ баронъ Болленъ 2.
3-я бригада	Ген.-маіоръ Шалашниковъ.
7-й егерскій	Подполковникъ Апасовъ.
8 й "	Полковникъ Булгаковъ.
<i>4-я артилерійская бригада</i>	Полковникъ Филиповъ.
Батарейная рота № 1-го	Полковникъ Филиповъ.
Легкая рота № 2	Подполковникъ Пожидаевъ.
" " № 3	Подполковникъ фонъ-Реренъ.
<i>1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи .</i>	Ген.-маіоръ Андржейковичъ (за бо- лѣзнію—въ Кіевѣ).
Елецкій	Подполковникъ Мичуринъ (команд. бригадою).
Сѣвскій	Подполковникъ Набоковъ 3-й.
1-й баталіонъ 18-го егерскаго полка	
<i>1-я конно-егерская дивизія съ арти- леріей</i>	Ген.-маіоръ Лашкаревъ 2-й (команд.).
1-я бригада	Ген.-маіоръ Лобко.
Сѣверскій	Полковникъ Катаржи 2-й.
Черниговскій	Полковникъ Измайлъвъ.
2 я бригада	Ген.-маіоръ Заборинскій.
Нѣжинскій	Полковникъ Гордѣвъ.
Дерптскій	Полковникъ Рекельговетъ.
Конная рота № 22-го	Подполковникъ Штрикъ.
<i>Казачьи полки:</i>	
Полковника Рыковского.	
Подполковника Платова 2-го.	
Конно-піонерный эскадронъ.	Полковникъ Бартоломей (за болѣз- нію капитанъ Газенкампфъ).

В О Й С К А,	И Х Ъ Н А Ч А Л Ь Н И К И.
<p>Отрядъ въ Малой Валахи, подъ командою ген.-адъют. барона Гейсмара.</p>	
<p><i>17-я пѣхотная дивизія съ артилеріей</i></p>	<p>Ген.-маіоръ Пригора (команд.).</p>
<p>1-я бригада Екатеринбургскій Тобольскій</p>	<p>Ген.-маіоръ Ширманъ. Полковникъ Говоровъ. Подполковникъ Леманъ.</p>
<p>2-я бригада Томскій Колыванскій</p>	<p>Ген.-маіоръ Эйсмонъ. Полковникъ Живогладовъ. Подполковникъ Кочубей (команд.).</p>
<p>3-я бригада 33-й егерскій 34-й "</p>	<p>Ген.-маіоръ Малиновскій. Полковникъ Старовъ. Полковникъ Гавриленковъ.</p>
<p><i>17-я артиллерійская бригада.</i></p>	
<p>Батарейная рота № 2-го Легкая № 2 " № 3</p>	<p>Подполковникъ Вальцъ. Капитанъ Андреевъ. Подполковникъ Быковъ.</p>
<p><i>1-я драгунская дивизія съ артилеріей</i></p>	<p>Ген.-адъютантъ баронъ Гейсмаръ.</p>
<p>1-я бригада Московской Каргопольскій</p>	<p>Ген.-маіоръ Плохово. Полковникъ Даненбергъ. Полковникъ Глазенапъ.</p>
<p>2-я бригада Кинбурнскій Новороссійскій Конная рота № 20</p>	<p>Ген.-маіоръ Квитяцкій за болѣзнію (Полковникъ Кельнеръ). Полковникъ Борграфъ. Полковникъ Кельнеръ. Подполковникъ фонъ-Бризенъ.</p>
<p><i>Казачьи полки.</i></p>	
<p>Генераль-маіора Бѣгидова. Подполковника Попова 11-го. Полковника Золотарева 4-го. Донская конно-артиллерійская рота № 2-го</p>	<p>Полковникъ Кирпичевъ.</p>

Сверхъ сего резервные баталіоны 16-й пѣхотной дивизіи, расположенные въ Яссахъ (состоятъ на особомъ основаніи).

